

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

Северо-Кавказского
федерального
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2014 № 1(40)

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 6 раз в год

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор
Парахина В. Н. – доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

Левитская А. А. – канд. филол. наук, доцент, ректор СКФУ (председатель); **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя); **Евдокимов И. А.** – д-р техн. наук, профессор, проректор по научной работе СКФУ (зам. председателя); **Шипулин В. И.** – д-р техн. наук, профессор, проректор по учебной работе СКФУ; **Ерохин А. М.** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **Лиховид А. А.** – д-р геогр. наук, профессор; **Чипига А. Ф.** – канд. техн. наук, профессор; **Парахина В. Н.** – д-р экон. наук, профессор; **Гридин В. А.** – д-р геол.-минерал. наук, профессор; **Брацихин А. А.** – д-р техн. наук, доцент, профессор; **Ушвицкий Л. И.** – д-р экон. наук, профессор; **Кононов Ю. Г.** – д-р техн. наук, профессор; **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шаповалов В. К.** – д-р пед. наук, профессор; **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия

Парахина В. Н. – д-р экон. наук, профессор (председатель); **Аксенов А. В.** – д-р хим. наук, профессор; **Басов Е. Д.** – д-р техн. наук, профессор; **Белозеров В. С.** – д-р геогр. наук, профессор; **Брацихин А. А.** – д-р техн. наук, доцент, профессор; **Валюхов Д. П.** – д-р хим. наук, профессор; **Галай Б. Ф.** – д-р геол.-мин. наук, профессор; **Гапич А. Э.** – канд. соц. наук, доцент; **Горлов С. М.** – д-р экон. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Гридин В. А.** – д-р геол.-минерал. наук, профессор; **Ерохин А. М.** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **Ерин К. В.** – д-р физ.-мат. наук, доцент; **Калмыков И. А.** – д-р техн. наук, профессор; **Кононов Ю. Г.** – д-р техн. наук, профессор; **Копченков В. Г.** – д-р техн. наук, профессор; **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Куницына Н. Н.** – д-р экон. наук, профессор; **Лиховид А. А.** – д-р геогр. наук, профессор; **Лодыгин А. Д.** – д-р техн. наук, профессор; **Овчаров С. Н.** – д-р техн. наук, профессор; **Пашинцев В. П.** – д-р техн. наук, профессор; **Пуля Ю. А.** – канд. техн. наук, доцент; **Серов А. В.** – д-р техн. наук, доцент; **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Стоянов Н. И.** – д-р техн. наук, доцент, профессор; **Трофимов М. С.** – канд. юрид. наук, доцент; **Ушвицкий Л. И.** – д-р экон. наук, профессор; **Червяков Н. И.** – д-р техн. наук, профессор; **Чипига А. Ф.** – канд. техн. наук, профессор; **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шаповалов В. К.** – д-р пед. наук, профессор

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51716 от 02 ноября 2012 г.

Подписной индекс в «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»: **94012**

Журнал «Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета» перерегистрирован в «Вестник Северо-Кавказского федерального университета» в связи с переименованием учредителя.

**Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук**

Адрес: 355028, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 2
Телефон: (8652) 95-69-47, (8652) 26-06-55 (доб. 4003)
Сайт: www.ncfu.ru
E-mail: vestnik_ncfu@mail.ru

© Коллектив авторов, 2014
© ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2014
ISSN 2307-907X

СОДЕРЖАНИЕ

Физика и математика

- Адамчук А. С., Амироков С. Р., Притула Т. К.* Исследование поведения двух фирм с помощью вольтерровской модели взаимодействия сообществ..... 9
- Новикова О. В.* Автомодельные решения комплекснозначного нелинейного дифференциального уравнения в частных производных..... 13

Информационные технологии и телекоммуникации

- Мочалов В. П., Ямбулатов Э. И.* Модель управления вызовами системы управления телекоммуникациями на основе технологии CORBA..... 21
- Науменко В. В., Копытов В. В.* Применение теории массового обслуживания для моделирования совместно выполняемых административных регламентов..... 26

Науки о Земле

- Акопов С. А., Овчаров С. Н., Акопов А. С.* Определение долговечности деталей нефтяного и газового оборудования..... 32
- Афонин Л. А., Васильев В. А., Гунькина Т. А., Николайченко А. С.* Обоснование входного дебита скважины..... 35
- Белая Е. В., Керимов А.-Г. Г., Копченков В. Г., Турская О. Ю.* Концепция разработки приборно-методических комплексов для исследования технического состояния колонн эксплуатационных скважин..... 38
- Гридин В. А., Еремина Н. В., Стерленко З. В., Кузнецова А. А., Галай Б. Ф.* Закономерности техногенных изменений фильтрационных свойств коллекторов в процессе эксплуатации ПХГ (на примере резервуара в отложениях зеленой свиты)..... 43
- Лиховид А. А., Голованов М. П., Туманова Е. Ю., Дементеев М. В.* Особенности нефтегазо-геологического районирования территории Ставропольского края..... 50
- Мишвелов Е. Г., Самотоев А. С.* Правовое сопровождение гидрографических и гидрологических исследований в советской России с 1945 г. до середины 1980-х годов..... 55
- Шестерикова Р. Е.* Критерии мониторинга работы газовых скважин в период падающей добычи..... 62

Биология, биотехнологии и медицина

- Беляев Н. Г.* Эндокринные детерминанты проявления материнского инстинкта у самок-крыс, принуждавшихся к выполнению интенсивных мышечных нагрузок..... 68
- Бондарь Т. П., Губарева Л. И., Ермолова Л. С.* Корреляционный анализ показателей липидного обмена, индекса массы тела, склонности к риску и стрессоустойчивости у студентов.... 71
- Джандарова Т. И., Титаренко Ю. В., Батулин В. А.* Суточная динамика катехоламинов в различных отделах головного мозга в период первой зрелости под влиянием пива.... 75
- Ильях М. П.* Ландшафтно-биотопическая изменчивость яиц хохотуньи в Ставропольском крае..... 80
- Кубанов С. И., Суздальцев И. В., Бондаренко А. Г., Демьянова В. Н., Пыхтин Ю. Ю.* Эффективность применения монооксид азота – содержащего газового потока при миниинвазивном лечении интраабдоминальных абсцессов 83
- Маремшаев А. Б., Евдокимов И. А., Шрамко М. И., Никульникова Н. Н., Лепилкина О. В.* Микробиологические аспекты производства и хранения плавленых сыров..... 85
- Маслова Е. Ю., Салаткова Н. П., Каледина М. В., Лупандина Н. Д.* Разработка технологии йодсодержащих мясных полуфабрикатов..... 89
- Цатурян Л. Д., Никольский В. С., Шевякова А. А.* Оценка мотивационной готовности и степени риска у студентов с учетом этнических различий..... 93

История и философия

<i>Абдрашитов Э. Г.</i> Восприятие плена татарами Казанской губернии в годы Первой мировой войны.....	96
<i>Акопян В. З.</i> Формирование и деятельность национальных структур в органах народного образования на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг.....	101
<i>Арутюнян В. В.</i> Эволюция моделей социальных изменений в модернизационной парадигме.....	105
<i>Берберова Е. Г.</i> Особенности климатогеографической и социокультурной адаптации казачества в условиях заселения и освоения Северного Кавказа.....	109
<i>Бокачев И. А., Незнамова И. И.</i> Обеспечение безопасности духовной культуры как необходимое условие стабильного развития российского общества.....	112
<i>Буряшева Л. А.</i> Виртуализация духовного пространства как условие трансформации духовного мира.....	117
<i>Газзиреева Л. Х.</i> Гуманизм как экзистенциально-ценностный императив в контексте информационной безопасности: социально-философский анализ.....	121
<i>Горбунов П. А.</i> Актуальные проблемы изучения феномена рыцарства на современном этапе.....	126
<i>Гриценко Н. В.</i> Паломничество флорентийских горожан в Святую Землю: религиозно-духовный аспект.....	129
<i>Ерохин А. М., Каширина О. В.</i> Доминирование креативности как ключевая характеристика антикризисной деятельности.....	133
<i>Зверева Л. А.</i> Управленцы как социальный слой советского общества: формирование и характеристика (на примере Ставрополя).....	136
<i>Золотарева Т. А.</i> Формирование творческого потенциала будущих специалистов.....	140
<i>Краснова И. А.</i> Основное социальное противоречие коммунального общества Флоренции XIII–XIV вв.: историографические версии.....	144
<i>Пикалов Д. В.</i> Мифы о противостоянии земледельца и пастуха в древневосточных культурах.....	148
<i>Полосин Н. Н.</i> Современные концептуальные приоритеты культурной антропологии.....	148
<i>Тельменко Е. П.</i> «Пожелал слуга Божий превратить день распутств в день благоразумия, святости и пользы для души».....	154

Социология и политология

<i>Лукьянцев Е. В.</i> Экстремизация молодежной среды: возможность или реальность?.....	161
<i>Ничеговская М. А.</i> Социальное самочувствие ставропольчан как показатель адаптации к современным условиям России.....	164
<i>Текеева Л. Д.</i> Особенности становления и развития местного самоуправления как социального института в Карачаево-Черкесской Республике.....	168

Филология, культурология, журналистика

<i>Атрощенко Е. О.</i> Парадигматические и эпидигматические семантические отношения имени концепта «мать» в русском языке.....	173
<i>Беленькая Ю. П.</i> Специфика формирования медиаповестки в электоральный период.....	178
<i>Бредихин С. Н.</i> Элементы смысла и когниция – на пути к значению.....	182
<i>Головкин В. М.</i> «Умственное созерцание» И. С. Тургенева, мыслителя и художника.....	187
<i>Каменский М. В.</i> Когнитивный потенциал дискурсных маркеров в свете теории неполнозначности.....	192
<i>Милостивая А. И.</i> Роль принципов синергетики в современном переводоведении.....	196
<i>Погребная Я. В.</i> Оппозиция север-юг в лирике В.В. Набокова: аспекты утверждения и снятия.....	199
<i>Протасова Н. В.</i> Динамика развития жанра послания в русской поэзии первой трети XIX века.....	204

Педагогика и психология

<i>Артамошина Ю. В.</i> Самооценка профессиональных целей и их реализации женщинами, выполняющими традиционные и нетрадиционные профессиональные роли.....	209
<i>Белая О. П.</i> Психологические особенности информационного поля личности	213
<i>Ворожбитова А. Л.</i> Двигательная рекреация как проблема современной практики физической культуры.....	218
<i>Костанова Л. Ю., Белых Т. В.</i> Личностные факторы адаптивности старших школьников к условиям инфокоммуникации.....	221
<i>Кудря А. Д., Белова Л. В.</i> Современный аспект модернизации профессиональной подготовки специалистов физической культуры в контексте реализации здоровьесберегающих технологий.....	225
<i>Тенищева В. Ф., Цыганко Е. Н., Кузнецова Ю. С.</i> Формирование эмоционально-волевой устойчивости морского специалиста в условиях межкультурной коммуникации.....	228

Право

<i>Лысов Н. Н.</i> О законодательном обеспечении борьбы с терроризмом.....	233
<i>Навасардова Э. С., Шевчук С. С.</i> Конституционно-правовое регулирование молодежной политики в субъектах Российской Федерации: проблемы и перспективы на примере Ставропольского края.....	236
<i>Некрасов Е. Е., Белявский Д. С.</i> Некоторые аспекты конституционно-правового положения прокуратуры Российской Федерации.....	240
<i>Смирнов Д. А., Струсь К. А.</i> Реализация идеи гражданского общества в конституционном измерении.....	243
<i>Сумской Д. А.</i> К разработке концепции социального права России.....	249
<i>Тарасов М. В.</i> Юридическое лицо как субъект гражданско-правовых отношений в сети Интернет (начало).....	253

Экономика

<i>Бахолдина И. В.</i> Бухгалтерский учет добавочного капитала в коммерческих организациях.....	257
<i>Борис О. А., Горбенко Л. И., Боброва Е. Ф.</i> Идентификация модели социально-ориентированного инновационного предприятия: теория и практика.....	260
<i>Горлов С. М., Джавадова О. М.</i> Проблемы и перспективы развития обрабатывающей отрасли АПК в современных условиях модернизации экономики страны (на примере Ставропольского края).....	265
<i>Загайный В. В.</i> Оценка инновационного потенциала предприятия в аспекте концепции устойчивого развития.....	270
<i>Колесниченко А. Е.</i> Оценка состояния экономической эффективности сельскохозяйственного производства Ставропольского края.....	277
<i>Лазарева Н. В., Фурсов В. А., Лавринцев И. Н.</i> Анализ современного состояния и перспектив развития мирового рынка сжиженного природного газа.....	282
<i>Овчинников Г. А., Акинин П. В.</i> Сравнительный анализ национальных счетов Российской Федерации и Японии.....	287
<i>Соцкая А. А., Белоусов А. И.</i> Особенности механизма оперативного контроллинга в развитых экономических странах и возможности его применения в России.....	292
<i>Чемоданова Е. В.</i> Экономическая оценка состояния и использования оборотных средств сельского хозяйства Ставропольского края	295
Об авторах	299
К сведению авторов	307

CONTENTS

Physics Sciences and Mathematics Sciences

- Adamchuk A. S., Amirokov S. R., Pritula T. K.* Research of behavior of two firms by means of volterra model of interaction of communities..... 9
- Novikova O. V.* The automodel solutions of complex valued nonlinear differential equation in partial derivatives..... 13

Computer Sciences and Telecommunication

- Mochalov V. P., Yambulatov E. I.* Call management model in telecommunications control system based on corba technology..... 21
- Naumenko V. V., Kopytov V. V.* The use of queuing theory for modeling jointly Satisfiable administrative regulations..... 26

Earth Sciences

- Akopov S. A., Ovcharov S. N., Akopov A. S.* Definition of life part of oil and gas equipment..... 32
- Afonin L. A., Vasiliev V. A., Gunkina T. A., Nikolaychenko A. S.* Rationale input rate of flow of the well..... 35
- Belaya E. V., Kerimov A.-G. G., Kopchenkov V. G., Turskaya O. Y.* Concept development of instrumentation and methodical complexes for research technical states column exploitation wells..... 38
- Gridin V. A., Eremina N. V., Sterlenko Z. V., Kuznetsova A. A., Galay B. F.* Regularity of technological changes of fluid flow reservoir properties along ugs exploitation (green suite deposits case study)..... 43
- Likhovid A. A., Golovanov M. P., Tumanova E. Y., Dementeev M. V.* Features of oil-gas-geological zoning of Stavropol region territory..... 50
- Mishvelov E. G., Samotoev A. S.* Legal support of hydrographic and hydrological studies in soviet Russia from 1945 to the mid 1980-s..... 55
- Shesterikova R. E.* Criteria for monitoring of gas wells in the period of declining production..... 62

Biology Sciences, Biotechnology and Medicine Sciences

- Belyaev N. G.* Endocrine display determinants of female rats maternal instincts, forced to perform intense muscular loads..... 68
- Bondar T. P., Gubareva L. I., Ermolova L. S.* Correlation analysis of parameters of lipid metabolism, body mass index, inclination to risk, and stress tolerance in students..... 71
- Dzhandarova T. I., Titarenko Y., Baturin V. A.* Daily performance in various catecholamines brain during first maturity under the influence of beer 75
- Ilyukh M. P.* Landscape-biotopical variability of eggs of yellow-legged gull in Stavropol region... 80
- Kubanov S. I., Suzdaltsev I. V., Bondarenko A. G., Demjanova V. N., Pykhtin Yu. Yu.* Efficiency of gas stream, containing nitrogen monoxide, in minimally invasive treatment of intra-abdominal abscesses..... 83
- Maremshaov A. B., Evdokimov I. A., Shramko M. I. Nikulnikova N. N., Lepilkina O. V.* Microbiological aspects of the production and storage of processed cheese..... 85
- Maslova E. Yu., Salatkova N. P., Kaledina M. V., Lupandina N. D.* Development of technology for iodine meat products..... 89
- Tsaturyan L. D., Nikolsky V. S., Shevyakova A. A.* Evaluation motivational readiness and risks students with regard of ethnic differences..... 93

History Sciences and Philosophy Sciences

Abdrashitov E. E. Perception of captivity by Tatars of Kazan Province during the First World War.	96
Akopyan V. Z. Formation and activity of the national Structures in the organs of public education in the North Caucasus in 1920–1930-s.....	101
Arutyunyan V. V. Evolution of models of social change in the modernization paradigm.....	105
Berberova E. G. Features and climatogeographic sociocultural adaptation kazachestva under settlement and development of the North Caucasus.....	109
Bokachev I. A., Neznamova I. I. Safety of the spiritual culture as an important condition for the steady growth of the Russian society.....	112
Burnyasheva L. A. Virtualization spiritual space as a condition of transformation of the spiritual world	117
Gazgireeva L. K. Humanism as an existential and valuable imperative in the context of information security: social-philosophical analysis.....	121
Gorbunov P. A. Actual problems of studying the phenomenon of chivalry at the present stage.....	126
Gritsenko N. V. The Pilgrimage of the Florence citizens into the Holy Land: religious and spiritual aspect.....	129
Erokhin A. M., Kashirina O. V. Creativity domination as a key characteristic of the anti-crisis activity.....	133
Zvereva L. A. Managers as a social group of the soviet society: formation and the characteristic (on the example of the Stavropol region).....	136
Zolotareva T. A. Formation of creative potential future specialists.....	140
Krasnova I. A. The main social contradiction of communal society of Florence in XIII–XIV centuries. Historiographical versions.....	144
Pikalov D. V. Myths about opposition of the farmer and the shepherd in Ancient East cultures.....	148
Polosin N.N. Modern conceptual priorities of cultural anthropology.....	154
Telmenko E. P. «The Servant of God wished to turn the dissolute day into the day of prudence, holiness and good for the soul».....	156

Sociology Sciences and Political Science

Lukyantsev E. V. Extremalization among youth: opportunity or reality?	161
Nichegovskaya M. A. Social well-being of the Stavropol inhabitants as an indicator of adaptation to modern conditions of Russia.....	164
Tekeeva L. D. Peculiarities of formation and development of local self-government as a social institution in Karachai-Cirkassian Republic.....	168

Philology Sciences, Cultural Science, Journalism

Atroshhenko E. O. Paradigmatic and epigrammatic semantic relations behalf of the concept «mother» in Russian language.....	173
Belenkaya U. P. Specifics of agenda setting in the electoral period.....	178
Bredikhin S.N. Sense constituent and cognition: on the way toward meaning.....	182
Golovko V. M. «Mental contemplation» of I. S. Tourgenev, thinker and artist.....	187
Kamensky M. V. Cognitive potential of discourse markers from the point of view of the theory of incomplete semantics	192
Milostivaya A. I. The role of synergetic principles in modern translology.....	196
Pogrebnaya Y. V. Opposition to north-south in lyrics V. Nabokov aspects of approval and removal.....	199
Protasova N. V. The dynamics of the Russian epistle genre development in the first third of the XIX century.....	204

Pedagogics Sciences and Psychology Sciences

Artamoshina Ju. V. Self-rating of the professional purposes and their realization of the women performing traditional and non-traditional professional roles.....	209
Belaya O. P. Psychological characteristics of the personality's information field.....	213
Vorozhbitova A. L. Motional recreation as the issue of modern physical education practice.....	218
Kostanova L. Y., Belyh T. V. Personal factors of adaptability to the conditions infocommunication older schoolchildren	221
Kudrya A. D., Belova L. V. Contemporary aspect of the modernization of professional training of physical culture specialists in the context of health-saving technologies.....	225
Tenishcheva V. F., Tsyganko E. N., Kuznetsova Y. S. Development of the emotional and volitional stability of a marine specialist in multicultural environment.....	228

Law

Lysov N. N. On legislature's ensuring of struggle against terrorism.....	233
Navasardova E. S., Shevchuk S. S. Constitutional legal regulation of the youth policy in subjects of the Russian Federation: problems and prospects on the example of the Stavropol territory.	236
Nekrasov E. E., Belyvsky D. S. Some aspects of constitutional and legal position of the Russian prosecution.....	240
Smirnov D. A., Strus K. A. Realization of idea of civil society in the constitutional measurement..	243
Sumskoy D. A. Development of the concept of social rights in Russia.....	249
Tarasov M. V. Legal person as the subject of civil and legal relations on the Internet (the beginning)	253

Economics Sciences

Bakholdina I. V. Accounting additional capital in commercial organizations.....	257
Boris O. A., Gorbenko L. I., Bobrova E. F. Identification of the model of socially-oriented innovative enterprise: theory and practice.....	260
Gorlov S. M., Dgavadova O. M. Issues and Perspectives of the agroindustrial complex manufacture development in the current context of the country's economy modernization (Evidence from Stavropol region)	265
Zagayny V. V. Evaluation of innovative building companies in the context of the concept of sustainable development.....	270
Kolesnichenko A. E. Assessment of economic efficiency of agricultural production of the Stavropol region.....	277
Lazareva N. V., Fursov V. A., Lavrinets I. N. Current state and prospects of development of the world market of the liquefied natural gas.....	282
Ovchinnikov G. A., Akinin P. V. Comparative analysis of the national accounts of the Russian Federation and Japan.....	287
Sotskaya A. A., Belousov A. I. Features of the operative controlling mechanism in developed countries and opportunities of its application in Russia.....	292
Shemodanova E. V. Economic assessment of the status and use of Agriculture of Stavropol Kray.	295
Data on Authors	299
Information for Authors	307

ФИЗИКА И МАТЕМАТИКА

УДК 517.2

Адамчук Анна Станиславовна, Амироков Станислав Рауфович,
Притула Татьяна Константиновна

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ДВУХ ФИРМ С ПОМОЩЬЮ ВОЛЬТЕРРОВСКОЙ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СООБЩЕСТВ

Найдены координаты устойчивого стационарного состояния модели взаимодействия двух фирм в экономике путем сравнения с двухвидовой вольтерровской моделью с произвольными коэффициентами.

Ключевые слова: устойчивость, дифференциальные уравнения, рыночная экономика, модель, параметр.

Adamchuk Anna S., Amirokov Stanislav R., Pritula Tatyana K.
**RESEARCH OF BEHAVIOR OF TWO FIRMS BY MEANS OF VOLTERRA MODEL
OF INTERACTION OF COMMUNITIES**

Coordinates of a steady steady state of model interaction of two firms are found in economy by comparison with two-specific Volterra model with any coefficients.

Key words: stability, differential equations, market economy, model, parameter.

В рыночной экономике очень важным считается наличие конкуренции. Однако вопросы о методах конкуренции до сих пор представляют особый интерес, как и вопрос о возможности сосуществования многих фирм на рынке для демонаполизации товаров и услуг.

При взаимодействии нескольких сообществ динамика изменения их численности во многих случаях описывается системой нелинейных дифференциальных уравнений вольтерровского типа. Известно, что устойчивость этих систем к малым отклонениям не является общим свойством. В нелинейных системах и в параметрическом, и в фазовом пространстве есть области, где система становится чрезвычайно чувствительной к флуктуациям и малым внешним воздействиям [1]. В параметрическом пространстве – это бифуркационные границы, по разные стороны которых система имеет качественно различный характер поведения. В фазовом пространстве – это сепаратрисы, отделяющие области влияния аттракторов.

Такие системы были выведены для моделирования взаимодействий популяций в экологии, однако к настоящему времени нашли широкое применение и при описании конкурентной борьбы в экономике. Поскольку особый интерес представляют условия «сосуществования» сообществ (фирм), необходимо исследовать вопросы устойчивости соответствующих систем нелинейных дифференциальных уравнений.

Рассмотрим вопросы устойчивости модели взаимодействия двух фирм в экономике. В соответствии с работой [2], будем считать, что рассматривается взаимодействие фирм, производящих однотипные товары, то есть сходных по цене и качеству.

Примем обозначения, введенные в работе [2], то есть N – число потребителей производимого продукта, S – доходы потребителей данного продукта (в первом приближении считается, что доходы всех потребителей одинаковы), M – оборотные средства предприятия, τ – длительность производственного цикла, p – рыночная цена товара, $\tilde{p}$ – себестоимость продукта, δ – доля оборотных средств, идущих на покрытие переменных издержек, k – постоянные издержки, которые не зависят от количества выпускаемой продукции, $Q(S/p)$ – функция спроса, зависящая от отношения дохода к цене и равная количеству продукта, потребляемому потребителем в единицу времени.

При взаимодействии двух фирм, производящих взаимозаменяемые товары одинакового качества и находящихся в одной рыночной нише, на рынке устанавливается единая цена, которая определяется балансом суммарного предложения и спроса. Иначе говоря, когда конкурентная борьба ведется только рыночными методами, то согласно [2], конкуренты в рамках этой модели не могут «назначать» цену или влиять на потребителей иначе, чем путем изменения параметров своего производства.

В симметричном случае, когда параметры фирм одинаковы и учтены постоянные затраты, модель можно представить в виде системы двух нелинейных уравнений [2]:

$$\begin{aligned}\frac{dM_1}{dt} &= M_1 - bM_1M_2 - bM_1^2 - k'_1, \\ \frac{dM_2}{dt} &= M_2 - bM_1M_2 - bM_2^2 - k'_2.\end{aligned}\quad (1)$$

Эту систему можно сравнить с простейшей вольтерровской моделью

$$\begin{aligned}\frac{dU_1}{dt} &= a_1U_1 + a_{12}U_1U_2 + a_{11}U_1^2, \\ \frac{dU_2}{dt} &= a_2U_2 + a_{21}U_1U_2 + a_{22}U_2^2\end{aligned}\quad (2)$$

взаимодействия 2 разных объектов, описываемой уравнениями (2).

Система (2) представляет собой модель Лотки-Вольтерра взаимодействия двух разных популяций. В зависимости от выбора коэффициентов a_i , a_{ij} модель (2) может принадлежать одному из следующих типов: симбиоз ($a_{12}, a_{21} > 0$), комменсализм ($a_{12} > 0, a_{21} = 0$), хищник-жертва ($a_{12} > 0, a_{21} < 0$), аменсализм ($a_{12} = 0, a_{21} < 0$), конкуренция ($a_{12}, a_{21} < 0$), нейтраллизм ($a_{12}, a_{21} = 0$) [1].

Перепишем систему (2) в виде

$$\frac{dU_1}{dt} = U_1(a_1 + a_{12}U_2 + a_{11} * U_1), \quad \frac{dU_2}{dt} = U_2(a_2 + a_{21}U_1 + a_{22} * U_2).$$

Эта система имеет 4 стационарные точки:

$$\begin{aligned}1. & U_1 = U_2 = 0; \\ 2. & U_1 = -\frac{a_1}{a_{11}}, U_2 = 0; \\ 3. & U_1 = 0, U_2 = -\frac{a_2}{a_{22}}; \\ 4. & U_1 = \frac{a_2a_{12} - a_1a_{22}}{a_{11}a_{22} - a_{12}a_{21}}, U_2 = -\frac{a_2a_{11} - a_1a_{21}}{a_{11}a_{22} - a_{12}a_{21}}.\end{aligned}$$

Исследуем эти точки на устойчивость.

1. Рассмотрим нулевое решение $U_1 = U_2 = 0$. Характеристическое уравнение этой системы $\lambda^2 + \lambda(-a_1 - a_2) + a_1a_2 = 0$ имеет корни $\lambda_1 = a_1$, $\lambda_2 = a_2$.

Так как коэффициенты a_1 и a_2 – действительные числа, то при $a_1, a_2 < 0$ данная особая точка – устойчивый узел. Если $a_1, a_2 > 0$, то эта особая точка – неустойчивый узел. Если a_1, a_2 разных знаков, то данная особая точка – седло (неустойчива).

На бифуркационной диаграмме с осью абсцисс a_1 и осью ординат a_2 ситуация такова: в квадранте I наблюдается неустойчивый узел, во II и IV седло, в III – устойчивый узел.

2. Стационарные решения $U_1 = -\frac{a_1}{a_{11}}$, $U_2 = 0$ и $U_1 = 0$, $U_2 = -\frac{a_2}{a_{22}}$ исследуем на примере точки

$$U_1 = -\frac{a_1}{a_{11}}, U_2 = 0.$$

Устойчивость этого стационарного состояния исследуем методом Ляпунова [3]. Введем новую переменную ξ , характеризующую отклонение переменной U_1 от нулевого состояния:

$$U_1(t) = \xi(t) - \frac{a_1}{a_{11}}. \text{ Линеаризованная система в новых переменных имеет вид}$$

$$\begin{aligned}\frac{d\xi}{dt} &= -a_1\xi - \frac{a_{12}a_1}{a_{11}}U_2, \\ \frac{dU_2}{dt} &= \left(a_2 - \frac{a_{21}a_1}{a_{11}}\right)U_2.\end{aligned}$$

Ее характеристическое уравнение имеет корни:

$$\lambda_1 = -a_1; \quad \lambda_2 = \frac{a_2 a_{11} - a_1 a_{21}}{a_{11}}.$$

Характер этой особой точки зависит от выбора параметров a_i и a_{ij} . Условием устойчивости данного состояния равновесия является наличие отрицательной действительной части корней λ_1 и λ_2 . Так как в модели все параметры a_i и a_{ij} – действительные числа, то λ_1 и λ_2 тоже будут действительными. Значит, состояние будет устойчиво в том случае, если: $a_1 > 0$ и $\frac{a_2 a_{11} - a_1 a_{21}}{a_{11}} < 0$.

Если ввести обозначение $\sigma(a_1) = \frac{a_2 a_{11} - a_1 a_{21}}{a_{11}}$, то на бифуркационной диаграмме с осью абсцисс a_1 и осью ординат σ ситуация такова: в квадрантах I и III наблюдается седло, во II – неустойчивый узел, в IV – устойчивый узел.

$$3. \text{ Рассмотрим особую точку } U_1 = \frac{a_2 a_{12} - a_1 a_{22}}{a_{11} a_{22} - a_{12} a_{21}}, \quad U_2 = -\frac{a_2 a_{11} - a_1 a_{21}}{a_{11} a_{22} - a_{12} a_{21}}.$$

Исследуем также устойчивость этого стационарного состояния методом Ляпунова с помощью новых переменных ξ, η , характеризующих отклонения U_1 и U_2 от нулевого состояния. Линеаризованная система в новых переменных примет вид

$$\frac{d\xi}{dt} = (a_1 + a_{12}n + 2a_{11}m)\xi + a_{12}m\eta, \quad \frac{d\eta}{dt} = a_{21}n\xi + (a_2 + a_{21}m + 2a_{22}n)\eta.$$

Ее характеристическое уравнение имеет вид

$$\begin{vmatrix} a_1 + a_{12}n + 2a_{11}m - \lambda & a_{12}m \\ a_{21}n & a_2 + a_{21}m + 2a_{22}n - \lambda \end{vmatrix} = 0.$$

Для поиска корней этого уравнения воспользуемся пакетом Mathcad, получим

$$\lambda_{1,2} = \frac{a_2 a_{11} a_{12} - a_1 a_{11} a_{22} - a_2 a_{11} a_{22} + a_1 a_{21} a_{22}}{2(a_{11} a_{22} - a_{12} a_{21})} \pm \frac{\sqrt{r}}{2(a_{11} a_{22} - a_{12} a_{21})},$$

где

$$r = a_1^2 a_{11}^2 a_{22}^2 + 2a_1^2 a_{11} a_{21} a_{22}^2 - 4a_1^2 a_{12} a_{21}^2 a_{22} + a_1^2 a_{21}^2 a_{22}^2 - 2a_1 a_2 a_{11}^2 a_{12} a_{22} - 2a_1 a_2 a_{11}^2 a_{22}^2 +$$

$$+ 2a_1 a_2 a_{11} a_{12} a_{21} a_{22} - 2a_1 a_2 a_{11} a_{21} a_{22}^2 + 4a_1 a_2 a_{12}^2 a_{21}^2 + a_2^2 a_{11}^2 a_{12}^2 + 2a_2^2 a_{11}^2 a_{12} a_{22} + a_2^2 a_{11}^2 a_{22}^2 - 4a_2^2 a_{11} a_{12}^2 a_{21}.$$

Если $r < 0$, корни λ_1 и λ_2 комплексно-сопряженные. В этом случае точка $U_1 = \frac{a_2 a_{12} - a_1 a_{22}}{a_{11} a_{22} - a_{12} a_{21}}$,

$U_2 = -\frac{a_2 a_{11} - a_1 a_{21}}{a_{11} a_{22} - a_{12} a_{21}}$ является фокусом (устойчивым или неустойчивым). Условием устойчивости этой особой точки будет отрицательность действительной части корней λ_1 и λ_2 , т. е.

$$\frac{a_2 a_{11} a_{12} - a_1 a_{11} a_{22} - a_2 a_{11} a_{22} + a_1 a_{21} a_{22}}{2(a_{11} a_{22} - a_{12} a_{21})} < 0. \quad (3)$$

Если $r > 0$, корни λ_1 и λ_2 действительные. Условием устойчивости будет отрицательность обеих корней.

Для достижения устойчивости модели (2) необходимо подобрать такие коэффициенты a_i и a_{ij} , при которых вышеуказанные условия (3) будут выполняться.

Алгоритм исследования модели (2) с любыми коэффициентами реализован в среде DELPHI в комбинации с пакетом Mathcad. Программа анализирует λ_1 и λ_2 и выдает результат в диалоговом окне:

Поиск стационарных точек

Введите начальные условия: $U_1(0)$: $U_2(0)$:

Введите параметры:

a_1 : a_2 :

a_{11} : a_{12} : a_{21} : a_{22} :

$$\frac{dU_1}{dt} = a_1 U_1 + a_{12} U_1 U_2 + a_{11} * U_1^2$$

$$\frac{dU_2}{dt} = a_2 U_2 + a_{21} U_1 U_2 + a_{22} * U_2^2$$

Точки:

1.	U_1 : 0	U_2 : 0	Неустойчивый узел
2.	U_1 : -1	U_2 : 0	Устойчивый узел
3.	U_1 : 0	U_2 : 0,6	Седло
4.	U_1 : 0,266666666666667	U_2 : -1,266666666666667	Устойчивый узел

Кроме того, при нажатии на кнопку Graphics строятся графики зависимостей $U_1(t)$ и $U_2(t)$, а также фазовые траектории.

В одном из частных случаев модели (2) взаимодействия 2 разных объектов, получаем систему:

$$\begin{aligned} \frac{dU_1}{dt} &= U_1 - U_1 U_2 - a U_1^2, \\ \frac{dU_2}{dt} &= U_2 - U_1 U_2 - a U_2^2, \end{aligned} \quad (4)$$

которая при $N = 2$ получается из модели выбора единого генетического кода [4]

$$\frac{dU_i}{dt} = U_i - \sum_{j \neq i}^N U_i U_j - a U_i^2. \quad (5)$$

В ней $U_i (U_j)$ – концентрация объектов i -го (j -го) типа, t – время, a – коэффициент внутривидового антагонизма; первый член описывает репродукцию, второй – антагонистическое взаимодействие разных объектов, третий – эффект «тесноты», т. е. конкуренцию одинаковых объектов. Система (5) соответствует модели репродукции ДНК в генетике.

Система (4) для случая взаимодействия двух объектов имеет ненулевую стационарную точку, ее координаты:

$$U_1 = \frac{1}{a+1}, \quad U_2 = \frac{1}{a+1}. \quad (6)$$

Характер устойчивости этой особой точки зависит от выбора параметра a , в частности, при $a > 1$ эта особая точка является устойчивым узлом. При решении системы (4) смысл имеют только неотрицательные решения, кроме того, известно [3], что эти модели плохо описывают динамику сообщества, если его численность близка к нулю, поскольку в этом случае вид может исчезнуть в результате действий случайных факторов, которые не отражены в соответствующем уравнении системы.

Таким образом, когда внутривидовой антагонизм меньше межвидового ($a < 1$), в модели (4) происходит ситуация, когда остаётся одно из взаимодействующих сообществ, а другое пропадает. Состояние, где обе U_i одинаковы, неустойчиво; какая из популяций победит, зависит от начальной концентрации и случайных флуктуаций.

Однако вышеприведенные расчеты показывают, что даже для двухвидовой системы существует ненулевое стационарное состояние при $a > 1$, т. е. при более активном внутривидовом взаимодействии объектов существует возможность «сосуществования».

Рассматривая аналогичным образом модель (1), находим, что она имеет неустойчивое стационарное состояние типа «седло» [2], через него проходит сепаратриса, разделяющая фазовое пространство на две области притяжения. В каждой из них один из конкурентов полностью вытесняет другого.

Но если в модели (1) несколько изменить систему, добавив постоянные затраты и эффект рекламы, ситуация может измениться. Из предпринимательской практики известно, что расходы на рекламу R_1 и R_2 зависят от доходов: $\delta_1 M_1$ и $\delta_2 M_2$, причем не линейно, а в более высокой степени.

Примем, что расходы растут квадратично [2], то есть $S_1 = \delta_1 M_1 - \alpha (\delta_1 M_1)^2$, $S_2 = \delta_2 M_2 - \alpha (\delta_2 M_2)^2$, где α – феноменологический коэффициент. В оптимальном режиме работы предприятия [2] сумма этих расходов должна быть максимальна. Это имеет место при $\delta_1 M_1 = \frac{1}{2}\alpha$, и тогда обе суммы равны $S_1 = S_2 = S = \frac{1}{4}\alpha$. Тогда система (1) приведет к виду

$$\begin{aligned}\frac{dM_1}{dt} &= M_1 - bM_1M_2 - bM_1^2 - k'_1 + S, \\ \frac{dM_2}{dt} &= M_2 - bM_1M_2 - bM_2^2 - k'_2 + S.\end{aligned}\quad (7)$$

В случае $S < k_1$ и $S < k_2$ качественные свойства модели (7) остаются такими же, как и для системы (1). Однако, при $S > k_1$ и $S > k_2$ ситуация меняется, возникает устойчивое стационарное состояние [2]:

$$M_1 = \frac{S - k_1}{b(2S - k_1 - k_2)}, \quad M_2 = \frac{S - k_2}{b(2S - k_1 - k_2)},$$

что и следовало ожидать, сравнивая модель (7) с моделью (4), рассмотренной выше.

Таким образом, в этом случае возможно сосуществование конкурентов. Смысл этого в том, что благодаря рекламе каждая из фирм создаёт свою нишу, в которой потребители предпочитают приобретать товар именно этой фирмы. Фактически конкуренты сосуществуют независимо.

Литература

1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: УРСС, 2003. 312 с.
2. Чернавский Д. С., Щербаков А. В., Зульпукаров М. М. Модель конкуренции. М.: Препринт ИПМ. 2006. № 64.
3. Романов М. Ф., Федоров М. П. Математические модели в экологии. СПб.: Иван Федоров, 2003. 240 с.
4. Свирижев Ю. М., Пасеков В. П. Основы математической генетики. М.: Наука, 1978. 272 с.

УДК 517.95

Новикова Ольга Викторовна

АВТОМОДЕЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ КОМПЛЕКСНОЗНАЧНОГО НЕЛИНЕЙНОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОГО УРАВНЕНИЯ В ЧАСТНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ

В статье ставится задача поиска автомодельных решений нелинейного уравнения в частных производных на комплекснозначную функцию. Вначале рассмотрена система уравнений, эквивалентная исследуемой модели, продемонстрировано её преобразование к виду, допускающему получение решений такого типа. Автор подробно описывает каждый этап анализа и в результате приходит к решению поставленной задачи.

Ключевые слова: автомодельные решения, нелинейное уравнение, система уравнений, производная функции, произвольная степень, параметр.

Novikova Olga V.

THE AUTOMODEL SOLUTIONS OF COMPLEX VALUED NONLINEAR DIFFERENTIAL EQUATION IN PARTIAL DERIVATIVES

The aim of this article is to find the automodel solutions of nonlinear equation in partial derivatives with the complex valued function. The system of equations, which equivalent to the observable model, is examined at the beginning of the article. The modification of the system to the type, which allows to get the automodel solutions, is shown. The author describes every step of the analysis in detail. As a result, he achieves his aim.

Key words: automodel solutions, nonlinear equation, system of equations, derivative of function, coefficient, any degree, parameter.

Дадим определение автомодельных решений [1]. Автомодельными называются решения уравнения $F(x, t, \omega, \omega_x, \omega_t, \omega_{xx}, \omega_{xt}, \omega_{tt} \dots) = 0$ вида $w(x, t) = t^\alpha U(\zeta)$, $\zeta = xt^\beta$, α, β – параметры.

Исследуемое в данной статье комплекснозначное нелинейное уравнение в частных производных имеет вид:

$$\bar{p}_t - ip_{xx} + 2ip(p^2 + \bar{p}^2) = 0. \quad (1)$$

Для нахождения автомодельных решений воспользуемся системой дифференциальных уравнений на две действительные функции, эквивалентной исходному уравнению [2]:

$$\begin{aligned} u_t + v_{xx} - 4v(u^2 - v^2) &= 0, \\ v_t + u_{xx} - 4u(u^2 - v^2) &= 0, \end{aligned} \quad (2)$$

где $u(x, t) = \operatorname{Re} p(x, t)$, $v(x, t) = \operatorname{Im} p(x, t)$.

ЛЕММА 1. Система уравнений в частных производных (2) в результате некоторых замен и преобразований примет следующий вид:

$$q = \frac{w_t + w_{xx}}{4w^2}, \quad \left(\frac{w_t + w_{xx}}{w} \right)_t - \left(\left(\frac{w_t + w_{xx}}{w} \right)_x - \frac{w_t + w_{xx}}{w} \frac{2w_x}{w} \right)_x = 0,$$

где $u(x, t) = \frac{1}{2}(w(x, t) + q(x, t))$, $v(x, t) = \frac{1}{2}(w(x, t) - q(x, t))$.

Доказательство. Умножим первое уравнение системы (2) на u , второе – на $-v$ и сложим

$$\begin{aligned} u_t + v_{xx} - 4v(u^2 - v^2) &= 0, \\ uu_t - vv_t + uv_{xx} - vu_{xx} &= 0. \end{aligned}$$

Если во втором уравнении полученной системы добавить и вычесть $u_x v_x$ и сгруппировать слагаемые, то его можно записать следующим образом:

$$\frac{1}{2}(u^2 - v^2)_t + (uv_x - vu_x)_x = 0. \quad (3)$$

Сумма двух уравнений системы (2) даст равенство

$$(u + v)_t + (u + v)_{xx} - 4(u + v)(u^2 - v^2) = 0. \quad (4)$$

Объединив уравнения (3) и (4) и расписав в них разность квадратов, получим систему, эквивалентную (2)

$$\begin{aligned} (u + v)_t + (u + v)_{xx} - 4(u + v)^2(u - v) &= 0, \\ \frac{1}{2}((u - v)(u + v))_t + (uv_x - vu_x)_x &= 0, \end{aligned} \quad (5)$$

Пусть $u + v = w$, $u - v = q$, тогда $u = \frac{1}{2}(w + q)$, $v = \frac{1}{2}(w - q)$, $uv_x - vu_x = \frac{1}{2}(qw_x - wq_x)$. С учетом введенных обозначений запишем систему (5):

$$\begin{aligned} w_t + w_{xx} - 4w^2q &= 0, \\ (wq)_t - \left(\left(\frac{q}{w} \right)_x w^2 \right)_x &= 0. \end{aligned} \quad (6)$$

Выразив из первого уравнения этой системы q и подставив во второе уравнение системы, а затем, выполнив в нем некоторые преобразования, приходим к следующему:

$$q = \frac{w_t + w_{xx}}{4w^2}, \quad \left(\frac{w_t + w_{xx}}{w} \right)_t - \left(\left(\frac{w_t + w_{xx}}{w} \right)_x - \frac{w_t + w_{xx}}{w} \frac{2w_x}{w} \right)_x = 0. \quad (7)$$

Что и требовалось доказать.

ЛЕММА 2. Второе уравнение системы (7) с помощью замены $w(x, t) = e^{f(x, t)}$ можно записать в виде системы уравнений:

$$\begin{aligned} f_t + f_{xx} + f_x^2 &= F, \\ F_t - F_{xx} + 2(f_x F)_x &= 0. \end{aligned}$$

Доказательство. Пусть $w = e^f$, тогда $w_t = f_t e^f$, $w_x = f_x e^f$, $w_{xx} = f_{xx} e^f + f_x^2 e^f$ и второе уравнение системы (7) примет вид:

$$\left(f_t + f_{xx} + f_x^2\right)_t - \left(\left(f_t + f_{xx} + f_x^2\right)_x - 2f_x \left(f_t + f_{xx} + f_x^2\right)\right)_x = 0$$

Перепишем уравнение в виде системы двух уравнений, переобозначив трехчлен в скобках

$$\begin{aligned} f_t + f_{xx} + f_x^2 &= F, \\ F_t - F_{xx} + 2(f_x F)_x &= 0. \end{aligned} \quad (8)$$

Что и требовалось доказать.

Исследуем трехчлен $f_t + f_{xx} + f_x^2$ на возможность преобразований координат для получения автомодельного решения. Пусть $\xi = x^\alpha t^\beta$ и $f = x^\gamma f_1(\xi)$, α, β, γ – произвольные постоянные, определение которых будет дано в ходе построения решения, тогда частные производные определяются по формулам:

$$\begin{aligned} f_x &= \gamma x^{\gamma-1} f_1(\xi) + \alpha x^{\alpha+\gamma-1} t^\beta f_1'(\xi), \\ f_{xx} &= \gamma(\gamma-1) x^{\gamma-2} f_1(\xi) + \alpha(\alpha+2\gamma-1) t^\beta x^{\alpha+\gamma-2} f_1'(\xi) + \alpha^2 t^{2\beta} x^{2\alpha+\gamma-2} f_1''(\xi), \\ f_t &= \beta x^{\alpha+\gamma} t^{\beta-1} f_1'(\xi). \end{aligned}$$

Выполнив подстановку значений частных производных в исследуемый трехчлен, имеем

$$\begin{aligned} &\beta x^{\alpha+\gamma} t^{\beta-1} f_1'(\xi) + \gamma(\gamma-1) x^{\gamma-2} f_1(\xi) + \alpha(\alpha+2\gamma-1) t^\beta x^{\alpha+\gamma-2} f_1'(\xi) + \alpha^2 t^{2\beta} x^{2\alpha+\gamma-2} f_1''(\xi) + \\ &+ \gamma^2 x^{2\gamma-2} f_1^2(\xi) + 2\alpha\gamma t^\beta x^{\alpha+2\gamma-2} f_1(\xi) f_1'(\xi) + \alpha^2 x^{2\alpha+2\gamma-2} t^{2\beta} \left(f_1'(\xi)\right)^2. \end{aligned}$$

Вынесем общий множитель $x^{\alpha+\gamma} t^{\beta-1}$ и временно не будем его учитывать:

$$\begin{aligned} &\beta f_1'(\xi) + \gamma(\gamma-1) t^{1-\beta} x^{-\alpha-2} f_1(\xi) + \alpha(\alpha+2\gamma-1) t x^{-2} f_1'(\xi) + \alpha^2 t^{\beta+1} x^{-\alpha-2} f_1''(\xi) + \\ &+ \gamma^2 t^{1-\beta} x^{\gamma-\alpha-2} f_1^2(\xi) + 2\alpha\gamma t x^{\gamma-2} f_1(\xi) f_1'(\xi) + \alpha^2 x^{\alpha+\gamma-2} t^{\beta+1} \left(f_1'(\xi)\right)^2. \end{aligned} \quad (9)$$

Замена на новую переменную $\xi = x^\alpha t^\beta$ возможна, если выполняется система

$$\begin{aligned} t^{1-\beta} x^{-\alpha-2} &= \xi^k, & t x^{-2} &= \xi^m, \\ t^{\beta+1} x^{\alpha-2} &= \xi^n, & t^{1-\beta} x^{\gamma-\alpha-2} &= \xi^z, \\ t x^{\gamma-2} &= \xi^p, & t^{\beta+1} x^{\alpha+\gamma-2} &= \xi^s, \end{aligned}$$

что равносильно

$$\begin{aligned} t^{1-\beta} x^{-\alpha-2} &= x^{\alpha k} t^{\beta k}, & t x^{-2} &= x^{\alpha m} t^{\beta m}, \\ t^{\beta+1} x^{\alpha-2} &= x^{\alpha n} t^{\beta n}, & t^{1-\beta} x^{\gamma-\alpha-2} &= x^{\alpha z} t^{\beta z}, \\ t x^{\gamma-2} &= x^{\alpha p} t^{\beta p}, & t^{\beta+1} x^{\alpha+\gamma-2} &= x^{\alpha s} t^{\beta s}. \end{aligned}$$

где k, m, n, z, p, s – постоянные, которые определяются из полученной системы. Решив систему уравнений, найдем $\alpha = -\frac{2}{k+1}$, $\beta = \frac{1}{k+1}$, $\gamma = 0$, $k \neq -1$ – свободное. Следовательно, ξ и f находятся по формулам:

$$\xi = (x^{-2} t)^{\frac{1}{k+1}}, \quad f = f_1(\xi). \quad (10)$$

Подставив найденные значения α , β и γ в многочлен (9), выполнив элементарные преобразования и умножив на $(k+1)^2$, запишем его в виде

$$f_1'(\xi) \left(k+1 + (6+2k) t x^{-2}\right) + 4 t^{\frac{k+2}{k+1}} x^{-\frac{2k+2}{k+1}} \left(f_1''(\xi) + \left(f_1'(\xi)\right)^2\right). \quad (11)$$

Обозначим многочлен (11) как $F_1(\xi)$, $f_1'(\xi) = g$ и с учетом (10) запишем его в виде

$$g(k+1+(6+2k)\xi^{k+1})+4\xi^{k+2}(g'+g^2)=F_1(\xi). \quad (12)$$

Возвращаясь к первому уравнению системы (8) и учитывая вынесенный общий множитель $x^{\alpha+\gamma}t^{\beta-1}$ и полученные значения α , β , γ имеем

$$F = x^{\alpha+\gamma}t^{\beta-1}F_1(\xi) = x^{-\frac{2}{k+1}}t^{-\frac{k}{k+1}}F_1(\xi). \quad (13)$$

Найдем частные производные от F и f для их подстановки во второе уравнение системы (8)

$$F_t = \frac{1}{k+1} \left(F_1'(\xi) x^{-\frac{4}{k+1}} t^{-\frac{2k}{k+1}} - k F_1(\xi) x^{-\frac{2}{k+1}} t^{-\frac{2k+1}{k+1}} \right); \quad F_x = -\frac{2}{k+1} \left(F_1(\xi) x^{-\frac{k+3}{k+1}} t^{-\frac{k}{k+1}} + F_1'(\xi) x^{-\frac{k+5}{k+1}} t^{-\frac{k-1}{k+1}} \right);$$

$$F_{xx} = \frac{2}{(k+1)^2} \left((k+7) F_1'(\xi) x^{-\frac{2(k+3)}{k+1}} t^{-\frac{k-1}{k+1}} + 2 F_1''(\xi) x^{-\frac{2(k+4)}{k+1}} t^{-\frac{k-2}{k+1}} + (k+3) F_1(\xi) x^{-\frac{2(k+2)}{k+1}} t^{-\frac{k}{k+1}} \right);$$

$$f_x = -\frac{2}{k+1} g t^{\frac{1}{k+1}} x^{-\frac{k+3}{k+1}}; \quad f_{xx} = \frac{2}{(k+1)^2} \left(2 g' x^{-\frac{2(k+3)}{k+1}} t^{\frac{2}{k+1}} + (k+3) g x^{-\frac{2(k+2)}{k+1}} t^{\frac{1}{k+1}} \right).$$

Подставив их во второе уравнение системы (8), разделив полученное равенство на $x^{-\frac{2}{k+1}}t^{-\frac{2k+1}{k+1}}$ и выполнив замену на переменную $\xi = (x^{-2}t)^{\frac{1}{k+1}}$, получим

$$(k+1)F_1'(\xi)\xi - k(k+1)F_1(\xi) + 4\xi^{k+3} \left(2(g'F_1(\xi) + gF_1'(\xi)) - F_1''(\xi) \right) +$$

$$+ 2\xi^{k+2} \left(2(k+5)gF_1(\xi) - (k+7)F_1'(\xi) \right) - 2(k+3)F_1(\xi)\xi^{k+1} = 0. \quad (14)$$

Перейдем от системы, состоящей из преобразованных равенств (12) и (14) к одному уравнению. Для этого найдем $F_1'(\xi)$ и $F_1''(\xi)$ и подставим в уравнение (14)

$$F_1'(\xi) = g'(k+1) + 2g(k+1)(k+3)\xi^k + 2(2(k+2)(g'+g^2) + g'(k+3))\xi^{k+1} + 4(g'' + 2gg')\xi^{k+2};$$

$$F_1''(\xi) = (k+1)g'' + 4(k+1)((k+3)g' + (k+2)(g'+g^2))\xi^k + 2k(k+1)(k+3)g\xi^{k-1} +$$

$$+ 2((k+3)g'' + 4(k+2)(g'' + 2gg'))\xi^{k+1} + 4(g''' + 2((g')^2 + gg''))\xi^{k+2}.$$

В итоге уравнение (14) после вышеописанной подстановки и приведения подобных слагаемых приобретет следующий вид:

$$-k(k+1)^2g + (k+1)^2g'\xi + 4(k+1)(k+7)g^2\xi^{k+2} + 24(k+1)gg'\xi^{k+3} -$$

$$-4(k+3)(k+3+(k+1)(3k+7))g\xi^{2k+2} - 4(k+3)(11k+25)g'\xi^{2k+3}$$

$$+ 48(k+3)(g^3 - g'')\xi^{2k+4} + 16(6g^2g' - g''')\xi^{2k+5} = 0. \quad (15)$$

Что и требовалось доказать.

ЛЕММА 3. Система уравнений (8) с помощью автомодельных преобразований $\xi = (x^{-2}t)^{\frac{1}{k+1}}$, $f = f_1(\xi)$ сводится к уравнению (15).

Будем искать решения уравнения (15) в виде рядов, для этого представим g в виде

$$g = \sum_n a_n \xi^n, \quad a_n - \text{const}, \quad (16)$$

Найдем, для какого значения N ряд (16) может удовлетворять уравнению (15). Оценим степени ряда (16), для этого положим

$$g \approx a_N \xi^N, \quad g^2 \approx a_N^2 \xi^{2N}, \quad g^3 \approx a_N^3 \xi^{3N}.$$

$$g' \approx a_N N \xi^{N-1}, \quad g'' \approx a_N N(N-1) \xi^{N-2}, \quad g''' \approx a_N N(N-1)(N-2) \xi^{N-3}$$

и подставим в уравнение (15). Тогда уравнение после подстановки и преобразований примет вид

$$48a_N^2 (2N+k+3) \xi^{3N+2k+4} - 4(2N+k+3)((k+3)+(N+k+1)(2N+3k+7)) \xi^{N+2k+2} +$$

$$+ 4a_N (k+1)(6N+k+7) \xi^{2N+k+2} + (k+1)^2 (N-k) \xi^N = 0. \quad (17)$$

Старшие степени совпадут в четырех случаях, два из которых совпадают:

$$1) \quad 3N+2k+4 = N+2k+2;$$

данное равенство верно при $N = -1$. В этом случае слагаемые уравнения (23) содержат ξ^{2k+1} , ξ^k и ξ^{-1} . Для того чтобы ряд (21) удовлетворял уравнению (20), необходимо, чтобы $2k+1 < -1$, то есть когда $k < -1$.

$$2) \quad 3N+2k+4 = 2N+k+2;$$

данное равенство верно при $N = -(k+2)$. В этом случае слагаемые уравнения (17) содержат $\xi^{-(k+2)}$ и ξ^k . Аналогично, чтобы ряд (16) удовлетворял уравнению (15), необходимо, чтобы $-(k+2) < k$, то есть когда $k > -1$.

В данной статье рассмотрим первый случай. Тогда многочлен g (16) примет вид

$$g = \frac{a_{-1}}{\xi} + \sum_{n=0}^{\infty} a_n \xi^n. \quad (18)$$

Возведем его в степень, определим производные и подставим в уравнение (17):

$$g^2 = \frac{a_{-1}^2}{\xi^2} + 2 \frac{a_{-1}}{\xi} \sum_{n=0}^{\infty} a_n \xi^n + \left(\sum_{n=0}^{\infty} a_n \xi^n \right)^2, \quad g^3 = \frac{a_{-1}^3}{\xi^3} + 3 \frac{a_{-1}^2}{\xi^2} \sum_{n=0}^{\infty} a_n \xi^n + 3 \frac{a_{-1}}{\xi} \left(\sum_{n=0}^{\infty} a_n \xi^n \right)^2 + \left(\sum_{n=0}^{\infty} a_n \xi^n \right)^3,$$

$$g' = -\frac{a_{-1}}{\xi^2} + \sum_{n=0}^{\infty} n a_n \xi^{n-1}, \quad g'' = \frac{2a_{-1}}{\xi^3} + \sum_{n=0}^{\infty} n(n-1) a_n \xi^{n-2}, \quad g''' = -\frac{6a_{-1}}{\xi^4} + \sum_{n=0}^{\infty} n(n-1)(n-2) a_n \xi^{n-3}.$$

Получим равенство, распределив члены для удобства в порядке убывания степеней. Будем называть их соответственно первым, вторым, ... n - слагаемым.

$$-12a_{-1}(k+1)((k+1)^2 - 4a_{-1}^2) \xi^{2k+1} +$$

$$+ 4\xi^{2k+2} \sum_{n=0}^{\infty} \left[12a_{-1}^2 (2n+3k+5) - (k+3)(n(11k+12n+13) + 3k^2 + 11k + 10) - 4n(n-1)(n-2) \right] a_n \xi^n +$$

$$+ 48a_{-1} \xi^{2k+3} \sum_{n=0}^{\infty} a_n \xi^n \sum_{n=0}^{\infty} (3k+4n+7) a_n \xi^n + 48\xi^{2k+4} \left(\sum_{n=0}^{\infty} a_n \xi^n \right)^2 \sum_{n=0}^{\infty} (k+2n+3) a_n \xi^n +$$

$$+ 4(k+1)^2 a_{-1}^2 \xi^k + 8(k+1) a_{-1} \xi^{k+1} \sum_{n=0}^{\infty} (k+3n+4) a_n \xi^n +$$

$$+ 4(k+1) \xi^{k+2} \sum_{n=0}^{\infty} a_n \xi^n \sum_{n=0}^{\infty} (k+6n+7) a_n \xi^n - (k+1)^3 \frac{a_{-1}}{\xi} + (k+1)^2 \sum_{n=0}^{\infty} (n-k) a_n \xi^n = 0; \quad (19)$$

Рассмотрим, как для любого целого $k < -1$ меняется рост старших степеней уравнения (19) и запишем это во вспомогательной таблице 1.

Таблица 1

Рост старших степеней уравнения (19) для любого целого $k < -1$

	$k = -2$	$k = -3$	$k = -4$	$k = -5$	$k = -6$	$k = -7$	$k = -8$	$k = -9$	Вхождение
$2k+1$	-3	-5	-7	-9	-11	-13	-15	...	Единств.
$2k+2$	-2	-4	-6	-8	-10	-12	-14	...	Имеют все последующие степени
$2k+3$	-1	-3	-5	-7	-9	-11	-13	...	
$2k+4$	0	-2	-4	-6	-8	-10	-12	...	
k	-2	-3	-4	-5	-6	-7	-8	...	
$k+1$	-1	-2	-3	-4	-5	-6	-7	...	
$k+2$	0	-1	-2	-3	-4	-5	-6	...	

Теперь найдем, при каких степенях возникнут произвольные постоянные. Для этого положим $g \sim a_{-1}\xi^{-1} + a_{r-1}\xi^{r-1}$, r – целое число, тогда

$$g^2 \sim a_{-1}^2 \xi^{-2} + 2a_{-1}a_{r-1}\xi^{r-2} + a_{r-1}^2 \xi^{2r-2}, \quad g^3 \sim a_{-1}^3 \xi^{-3} + 3a_{-1}^2 a_{r-1} \xi^{r-3} + 3a_{-1} a_{r-1}^2 \xi^{2r-3} + a_{r-1}^3 \xi^{3r-3},$$

производные соответственно примут следующий вид

$$g' \sim -a_{-1}\xi^{-2} + a_{r-1}(r-1)\xi^{r-2}, \quad g'' \sim 2a_{-1}\xi^{-3} + a_{r-1}(r-1)(r-2)\xi^{r-3},$$

$$g''' \sim -6a_{-1}\xi^{-4} + a_{r-1}(r-1)(r-2)(r-3)\xi^{r-4}.$$

Подстановка этих значений в уравнение (15) даст равенство

$$\begin{aligned} & -(k+1)^3 a_{-1} \xi^{-1} + 4(k+1)^2 a_{-1}^2 \xi^k + 12(k+1)(4a_{-1}^2 - (k+1)^2) a_{-1} \xi^{2k+1} + \\ & + (k+1)^2 (r-k-1) a_{r-1} \xi^{r-1} + 8(k+1)(3r+k+1) a_{-1} a_{r-1} \xi^{r+k} + 4(k+1)(6r+k+1) a_{r-1}^2 \xi^{2r+k} - \\ & - 4((k+3)(3k^2 + 12r^2 + 11r(k-1) + 9) + 4(r^3 - 6r^2 + 11r - 6) - 12(2r+3k+3) a_{-1}^2) a_{r-1} \xi^{2k+r+1} + \\ & + 48(4r+3k+3) a_{-1} a_{r-1}^2 \xi^{2k+2r+1} + 48(2r+k+1) a_{r-1}^3 \xi^{2k+3r+1} = 0. \end{aligned}$$

Отсюда видно, что в данном уравнении старшей отрицательной степенью является $2k+1$ (первая строка таблицы 1). С такой степенью имеется только одно слагаемое $12(k+1)((k+1)^2 - 4a_{-1}^2) a_{-1} \xi^{2k+1}$, поэтому коэффициент a_{-1} определяется следующим образом: $a_{-1} = \pm \frac{1}{2}(k+1)$ или $a_{-1} = 0$. В статье рассмотрим ненулевое значение a_{-1} .

Коэффициенты при ξ^{2k+r+1} с учетом найденного значения a_{-1} представляют собой алгебраическое уравнение для r :

$$4r^3 + 12(k+1)r^2 + 5(k+1)^2 r - 6(k+1)^3 = 0,$$

корни которого укажут порядок, при котором могут возникнуть произвольные коэффициенты.

Данное уравнение имеет три корня: $r_1 = -2(k+1)$, $r_2 = -\frac{3}{2}(k+1)$, $r_3 = \frac{1}{2}(k+1)$. С учетом поправки

на наивысшую степень получим степени $n_1 = 2k - 2(k+1) + 1 = -1$, $n_2 = 2k - \frac{3}{2}(k+1) + 1 = \frac{k-1}{2}$,

при которых возникают произвольные коэффициенты (корень уравнения $r_3 = \frac{1}{2}(k+1)$ дает степень

$n_3 = 2k + \frac{1}{2}(k+1) + 1 = \frac{5k+3}{2}$, которая отсутствует в рассматриваемом уравнении). Так как степень n должна быть целым числом, то в случае n_2 она становится таковой при нечетных $k \leq -3$.

Таким образом, получается, что при четных $k \leq -2$ возникает один свободный коэффициент при ξ^{-1} , а при нечетных $k \leq -3$ – два свободных коэффициента при ξ^{-1} и $\xi^{\frac{k-1}{2}}$.

Подставив значение a_{-1} в уравнение (19), получим равенство, с которым будем работать для определения остальных коэффициентов:

$$\begin{aligned} & \xi^{2k+2} \sum_{n=0}^{\infty} \left[3(k+1)^2 (2n+3k+5) - (k+3)(n(11k+12n+13) + 3k^2 + 11k + 10) - 4n(n-1)(n-2) \right] a_n \xi^n \pm \\ & \pm 6(k+1) \xi^{2k+3} \sum_{n=0}^{\infty} a_n \xi^n \sum_{n=0}^{\infty} (3k+4n+7) a_n \xi^n + 12 \xi^{2k+4} \left(\sum_{n=0}^{\infty} a_n \xi^n \right)^2 \sum_{n=0}^{\infty} (k+2n+3) a_n \xi^n + \frac{(k+1)^4}{4} \xi^k \pm \\ & \pm (k+1)^2 \xi^{k+1} \sum_{n=0}^{\infty} (k+3n+4) a_n \xi^n + (k+1) \xi^{k+2} \sum_{n=0}^{\infty} a_n \xi^n \sum_{n=0}^{\infty} (k+6n+7) a_n \xi^n \mp \\ & \mp \frac{(k+1)^4}{8} \xi^{-1} + \frac{(k+1)^2}{4} \sum_{n=0}^{\infty} (n-k) a_n \xi^n = 0. \end{aligned} \quad (20)$$

Проанализируем следующее слагаемое со степенью $2k+2$. Следующая строка таблицы 1 показывает, что начиная с $k \leq -3$ старший член этого слагаемого уравнения (19) не имеет пары (кроме при $k = -2$), поэтому либо коэффициент, стоящий при a_0 , либо a_0 должны обнулиться (при этом $n = 0$). Рассмотрим первое условие, когда $a_0 \neq 0$. Тогда коэффициент, стоящий при a_0 , обнуляется при условии, когда $k = 1; -\frac{3}{2}; -\frac{5}{3}$. Корень $k = 1$ не входит в область $k < -1$, при $k = -\frac{3}{2}$ и $k = -\frac{5}{3}$ четвертое слагаемое уравнения (20) не будет иметь пары, поэтому в данной ситуации уравнение (15) решений иметь не будет. Следовательно, начиная с $k \leq -3$ будет выполняться второе условие, когда $a_0 = 0$. При $k = -2$ коэффициенты при ξ^{2k+2} и ξ^k являются парными, поэтому a_0 находится из равенства, состоящего из суммы первого члена первого слагаемого уравнения (20) при ξ^{2k+2} и четвертого слагаемого при ξ^k : $-3a_0 + \frac{1}{4} = 0$, откуда $a_0 = \frac{1}{12}$.

Следующие коэффициенты определяются аналогично, выписывая слагаемые при одинаковых степенях ξ . Отразим полученные результаты в таблице 2.

Коэффициенты находятся до a_{-2k-3} . Все последующие определяются по рекуррентной формуле

$$\begin{aligned} a_{m-2k-2} = & -\frac{1}{m(k(12m-5k+14) + 7 - 4m^2) + k(2-5k) + 3} \left(\pm 6(k+1) \sum_{n=0}^{m-2k-3} (3k+4n+7) a_n a_{m-2k-3-n} \pm \right. \\ & \pm (k+1)^2 (3m-2k+1) a_{m-k-1} + 12 \sum_{i=0}^{m-2k-4} a_i \sum_{n=0}^{m-2k-4-i} (k+2n+3) a_n a_{m-2k-4-i-n} + \\ & \left. + (k+1) \sum_{n=0}^{m-k-2} (k+6n+7) a_n a_{m-k-2-n} + \frac{(k+1)^2 (m-k)}{4} a_m \right); \end{aligned}$$

Что и требовалось доказать.

ТЕОРЕМА. Комплекснозначное нелинейное уравнение (1) имеет автомодельные решения, определенные следующим образом: $p(x, t) = u(x, t) + iv(x, t)$, $u = \frac{1}{2}(w + q)$, $v = \frac{1}{2}(w - q)$,

$q = \frac{w_t + w_{xx}}{4w^2}$, $w = e^f$, $f = f_1(\xi)$, $f_1'(\xi) = g$, $\xi = (x^{-2}t)^{\frac{1}{k+1}}$, $g = \frac{a_{-1}}{\xi} + \sum_{n=0}^{\infty} a_n \xi^n$, где коэффициенты ряда g принимают значение из таблицы 2.

Таблица 2

Значение коэффициентов в разложении ряда g (18) при определённых степенях ξ
и любом $k \leq -2$

$k \backslash \xi^l$	ξ^{2k+1}	...	ξ^k	...	$\xi^{\frac{k-1}{2}}$	...	ξ^{-1}	...
Не-чет	$a_{-1} = \pm \frac{1}{2}(k+1)$	коэффициенты, имеющиеся между a_{-1} и a_{-k-2} равны нулю; их количество равно $-k-2$	$a_{-k-2} = -\frac{(k+1)}{12}$	коэффициенты, имеющиеся между a_{-k-2} и $a_{-\frac{3k+5}{2}}$ равны нулю; их количество $-\frac{k+3}{2}$	$a_{-\frac{3k+5}{2}}$ — своб.	коэффициенты, имеющиеся между $a_{-\frac{3k+5}{2}}$ и a_{-2k-3} равны нулю; их количество $-\frac{k+3}{2}$	a_{-2k-3} — своб.	ре-кур. форм
Чет	$a_{-1} = \pm \frac{1}{2}(k+1)$		$a_{-k-2} = -\frac{(k+1)}{12}$	коэффициенты, имеющиеся между a_{-k-2} и a_{-2k-3} равны нулю; их количество равно $-k-2$			a_{-2k-3} — своб.	ре-кур. форм

Литература

1. Полянин А. Д., Зайцев В. Ф., Журов А. И. Методы решения нелинейных уравнений математической физики и механики. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 256 с.
2. Новикова О. В. Исследование комплекснозначного нелинейного уравнения в частных производных // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ. Вып. 4. Физико-математические науки. 2012. С. 160–166.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИИ

УДК: 681.513

Мочалов Валерий Петрович, Ямбулатов Эдуард Искандарович

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ВЫЗОВАМИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЯМИ НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИИ CORBA

В статье приводится аналитическая модель для определения численных значений параметров системы управления вызовами удаленных методов и получения их оптимальных значений.

Ключевые слова: телекоммуникации, CORBA, программный компонент, процессорный модуль, объектный брокер, интеграция.

Mochalov Valerii P., Yambulatov Eduard I.

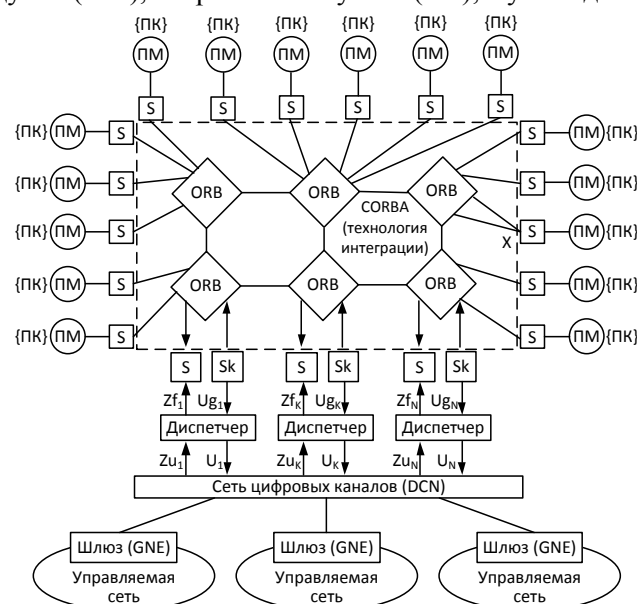
CALL MANAGEMENT MODEL IN TELECOMMUNICATIONS CONTROL SYSTEM BASED ON CORBA TECHNOLOGY

In this article we consider one of the elements of the decomposition process of integrating software components call management. We present a model to determine the numerical values of the call system management parameters of remote method and obtain their optimal values.

Key words: telecommunications, CORBA, a software component, a processor module, the object broker integration.

Существующие системы управления телекоммуникационными сетями и услугами (TMN, OSS/BSS и др.) имеют существенные недостатки в вопросе формирования новых телекоммуникационных услуг [1]. Устранить данные недостатки возможно путем построения распределенных систем управления (PCY) на базе технологии CORBA.

Постановка задачи. Функциональная модель PCY, представленная на рис. 1, состоит из N узлов процессорных модулей (ПМ), m транзитных узлов (ТУ), k узлов диспетчеров.

ПМ - процессорный модуль;
 ORB - брокер объектных запросов;
 Ск - скелетон;
 S - клиентская заглушка;
 Zf - запрос CORBA на формирование задания;
 Ug - сформированное задание по ПК;
 Zu - запрос на выполнение задания от пользователя;
 U - выполнение задания;
 {ПК} - множество программных компонент (ПК);
 GNE - шлюз сетевого оборудования;
 X - конфликт при обращении к одному и тому же ПМ при использовании одного и того же ПК различных заданий.

Рис. 1. Модель распределенной системы управления на основе CORBA

С сетевых элементов поступает поток входных сигналов, реакцией РСУ является множество выходных сигналов.

Качество функционирования РСУ оценивается набором значений параметров реализации всех процессов интеграции, представленных на рис. 2.

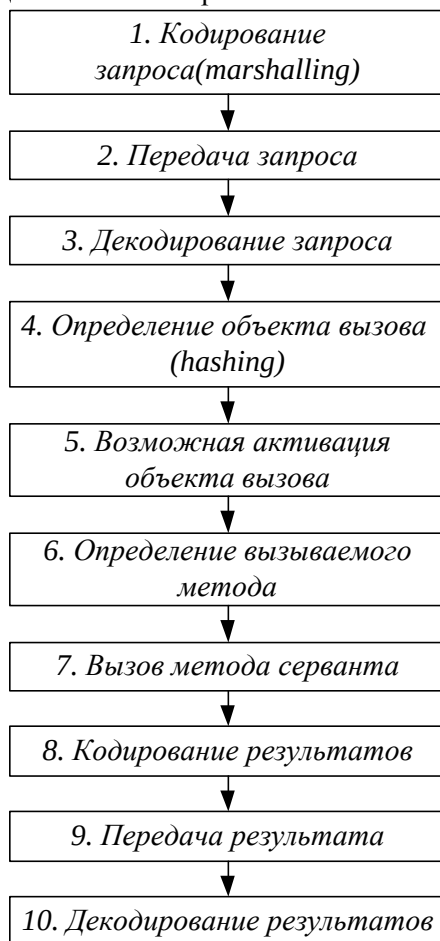

Рис. 2. Процессы выполнения запроса на интеграцию ПК

1. Кодирование (marshalling) запроса. Осуществляется упаковка и преобразование выходных данных для передачи по сети.

2. Передача запроса. Сформированный пакет передается адресату с помощью низлежащих сетевых сервисов.

3. Декодирование запроса. Получив пакет, данные декодируются параметры, имя метода и ключ объекта, необходимые для вызова метода.

4. Определение объекта вызова (hashing). Используя ключ объекта, сервер обращается к необходимому серванту.

5. Возможная активация объекта вызова. В случае отсутствия необходимого серванта его можно активировать при помощи запрограммированных правил.

6. Определение вызываемого метода. Машинный адрес необходимого метода определяется при помощи имени объекта.

7. Вызов метода серванта. Брокер осуществляет вызов необходимого метода серванта с обозначенными параметрами.

8. Кодирование результатов. Затем результат выполнения метода серванта вновь упаковывается для передачи в сеть и отправляется обратно с ответом.

9. Передача результата. Обратное сообщение использует то же соединение, которое было образовано для передачи запроса вызова метода.

10. Декодирование результатов. После получения пакета данные декодируются и передаются для дальнейшего использования.

Организационно-функциональная структура системы управления представлена на рис. 3.

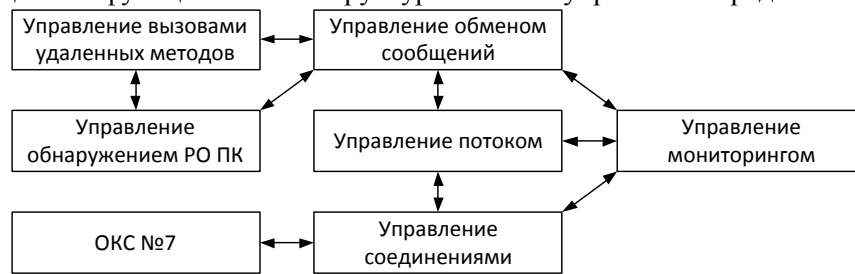

Рис. 3. Организационно-функциональная структура системы интеграции ПК

Исходя из логики работы, система интеграции ПК может быть разбита на следующие подсистемы:

- управление обменом сообщениями;
- управление соединениями;
- ОКС №7;
- управление потоком;
- управление вызовами удалённых методов;
- управление мониторингом;
- управление обнаружением распределенных объектов ПК.

Процесс управления вызовами включает реализацию следующих процедур:

- 1) определяется физическое местонахождение в системе сервера, для которого предназначен данный вызов. Это шаг называется привязкой (binding) к серверу. Его результатом является адрес машины, на которую нужно передать вызов;
- 2) вызов процедуры и ее аргументы упаковываются в сообщение в формате, понятном серверной загрузке. Этот шаг называется маршалингом (marshaling);
- 3) полученное сообщение преобразуется в поток байтов (это сериализация, serialization) и отсылается с помощью какого-либо протокола, транспортного или более высокого уровня, на машину, на которой помещен серверный компонент;
- 4) после получения от сервера ответа, он распаковывается из сетевого сообщения и возвращается клиенту в качестве результата работы процедуры.

Для определения численных значений параметров системы управления вызовами удаленных методов и получения их оптимальных значений необходима разработка соответствующей модели.

Решение задачи. Функционально процесс управления вызовами можно представить в виде двухфазной СМО (рис. 4):

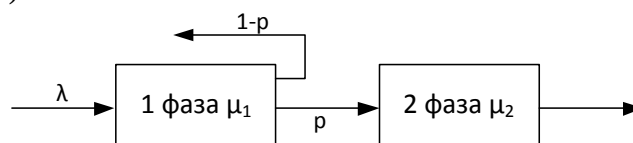

Рис. 4. Модель управления вызовами

- в первой фазе от m ЦУ имитируется поток запросов ПК $\{Z_{ПК}\}$ в систему интеграции РСУ;
- во второй фазе поступившие в систему интеграции запросы направляются в очередь для последующего обслуживания. В случае перегрузки очереди запрос отклоняется и отправляется уведомление серверу о необходимости повторного запроса через время, требуемое для обслуживания запроса, стоящего в очереди первым.

Запросы ПК на предварительной обработке проходят отбор при выполнении двух условий:

- 1) $\{Z_{ПК}\} \subset I$ (I – множество ПК реализуемых одним ПМ);
- 2) $\{Z_{ПК}\} \cap \{Z_{ПК}\} = \{Z_{ПК}\}$.

Первое условие позволяет разбить запросы, адресуемые ПК, отобрать поля параметров, маркировать значений полей параметров в соответствии с ЦУ, получать объектные ссылки взаимодействия РО. При это создается запрос $Z_{ПК[M \cup]}$, содержащий множество различных параметров.

Состояние данной системы опишем вектором $\{i, j\}$, где i, j – количество вызовов на первой и второй фазах соответственно. Данный процесс является марковским $P(i, j, t) = P(i(t) = i, j(t) = j)$ и удовлетворяет равенствам [2]

$$P(i, j, t + \Delta t) = P(i, j, t)(1 - \lambda\Delta t - i\mu_1\Delta t - j\mu_2\Delta t) + P(i+1, j-1, t)(i+1)\mu_1r\Delta t + \\ + P(i+1, j, t)(i+1)\mu_1(1-r)\Delta t + P(i-1, j, t)\lambda\Delta t + P(i, j+1, t)(j+1)\mu_2\Delta t + o(\Delta t),$$

при условии $P(i, j, t_0) = P_0(i, j)$.

Очевидно, что уравнение для определения $P(i, j, t)$ будет иметь вид

$$\frac{\partial P(i, j, t)}{\partial t} + (\lambda + i\mu_1 + j\mu_2)P(i, j, t) = \lambda P(i-1, j, t) + (i+1)\mu_1(1-r) \cdot \\ \cdot P(i+1, j, t) + (i+1)\mu_1rP(i+1, j-1, t) + (j+1)\mu_2P(i, j+1, t). \quad (1)$$

Решение уравнения (1) можно получить методом производящих функций ПФ

$$G(x, y, t) = \sum_{i, j=0}^{\infty} x^i y^j P(i, j, t). \quad (2)$$

С помощью дифференцирования ПФ можно вычислить моменты случайных величин i и j любого порядка, т. к. распределение любой случайной величины однозначно определяется ее ПФ.

Используя уравнение (1) и суммируя полученные равенства по всем i и j , находим

$$\sum_{i, j=0}^{\infty} x^i y^j \frac{\partial P(i, j, t)}{\partial t} + \lambda \sum_{i, j=0}^{\infty} x^i y^j P(i, j, t) + \mu_1 \sum_{i, j=0}^{\infty} ix^i y^j P(i, j, t) + \\ + \mu_2 \sum_{i, j=0}^{\infty} jx^i y^j P(i, j, t) = \lambda \sum_{i, j=0}^{\infty} x^i y^j P(i-1, j, t) + \mu_1(1-r) \sum_{i, j=0}^{\infty} (i+1)x^i y^j P(i+1, j, t) + \\ + \mu_1r \sum_{i, j=0}^{\infty} (i+1)x^i y^j P(i+1, j-1, t) + \mu_2 \sum_{i, j=0}^{\infty} (j+1)x^i y^j P(i, j+1, t). \quad (3)$$

Полученное дифференциальное уравнение в частных производных решаем методом представленном в [3]

$$G(x, y, t) = \phi(c_1, c_2) \exp \left\{ \frac{\lambda}{\mu_1} c_1 (e^{\mu_1(t-t_0)} - 1) - \right. \\ \left. - c_2 \frac{\lambda \mu_1 r}{\mu_2 - \mu_1} \left(\frac{e^{\mu_2(t-t_0)} - 1}{\mu_2} - \frac{e^{\mu_1(t-t_0)} - 1}{\mu_1} \right) \right\}, \quad (4)$$

$$\text{где } c_1 = (x-1)e^{-\mu_1(t-t_0)} + (y-1)\frac{\mu_1 r}{\mu_2 - \mu_1}(e^{-\mu_1(t-t_0)} - e^{-\mu_2(t-t_0)}), \quad c_2 = (y-1)e^{-\mu_2(t-t_0)},$$

$\phi(c_1, c_2)$ – произвольная дифференцируемая функция, определяемая из начальных условий.

Исходную производящую функцию обозначим

$$g(x, y) = \sum_{i, j=0}^{\infty} x^i y^j P(i, j, t), \quad G(x, y, t_0) = g(x, y).$$

Из (4) получаем

$$G(x, y, t_0) = g(x, y) = \phi(x-1, y-1). \quad (5)$$

$$G(x, y, t) = g(1+c_1, 1+c_2) \times \\ \times \exp \left\{ \frac{\lambda}{\mu_1} c_1 (e^{\mu_1(t-t_0)} - 1) - c_2 \frac{\lambda \mu_1 r}{\mu_2 - \mu_1} \left(\frac{e^{\mu_2(t-t_0)} - 1}{\mu_2} - \frac{e^{\mu_1(t-t_0)} - 1}{\mu_1} \right) \right\}. \quad (6)$$

После преобразований имеем

$$G(x, y, t) = g \left\{ 1 + (x-1)e^{-\mu_1(t-t_0)} + (y-1) \frac{\mu_1 r}{\mu_2 - \mu_1} (e^{-\mu_1(t-t_0)} - e^{-\mu_2(t-t_0)}), 1 + \right. \\ \left. + (y-1)e^{-\mu_1(t-t_0)} \right\} \times \\ \times \exp \left\{ (x-1) \frac{\lambda}{\mu_1} (1 - e^{-\mu_1(t-t_0)}) \right\} \times \quad (7) \\ \times \exp \left\{ (y-1) \frac{\lambda \mu_1 r}{\mu_2 - \mu_1} (1 - e^{-\mu_1(t-t_0)}) - \frac{\mu_1}{\mu_2} (1 - e^{-\mu_2(t-t_0)}) \right\}$$

При $t \rightarrow \infty$ производящая функция будет иметь вид

$$G(x, y) = g(1, 1) \times \exp \left\{ (x-1) \frac{\lambda}{\mu_1} \right\} \times \exp \left\{ (y-1) \frac{\lambda r}{\mu_2 - \mu_1} \left(1 - \frac{\mu_1}{\mu_2} \right) \right\} = \quad (8) \\ = \exp \left\{ (x-1) \frac{\lambda}{\mu_1} \right\} \times \exp \left\{ (y-1) \frac{\lambda r}{\mu_2} \right\},$$

из которого следует, что

$$P(i, j) = P_1(i)P_2(j),$$

где

$$P_1(i) = \left(\frac{\lambda}{\mu_1} \right)' \frac{1}{i!} e^{-\frac{\lambda}{\mu_1}}, \quad P_2(j) = \left(\frac{\lambda r}{\mu_2 - \mu_1} \right)' \frac{1}{j!} e^{-\frac{\lambda r}{\mu_2 - \mu_1}}. \quad (9)$$

Равенства (9) позволяют определить число запросов на 1-й и 2-й фазах системы управления вызовами, учитывая, что

$$G(x, y, t) = \exp \left\{ (x-1) \frac{\lambda}{\mu_1} (1 - e^{-\mu_1(t-t_0)}) \right\} \times \quad (10) \\ \times \exp \left\{ (y-1) \frac{\lambda r}{\mu_2 - \mu_1} (1 - e^{-\mu_1(t-t_0)}) - \frac{\mu_1}{\mu_2} (1 - e^{-\mu_2(t-t_0)}) \right\}$$

$$P(i, j, t) = \left\{ \frac{(\lambda a_1(t))'}{i!} e^{-\lambda a_1(t)} \right\} \left\{ \frac{(\lambda a_2(t))'}{j!} e^{-\lambda a_2(t)} \right\} \quad (11)$$

$$\text{где } a_1(t) = -\frac{1}{\mu_1} (1 - e^{-\mu_1(t-t_0)}),$$

$$a_2(t) = -\frac{r}{\mu_2 - \mu_1} (1 - e^{-\mu_1(t-t_0)}) - \frac{\mu_1}{\mu_2} (1 - e^{-\mu_2(t-t_0)}), \quad (12)$$

можно получить математическое ожидание и дисперсию данных случайных величин

$$M[i(t)] = D[i(t)] = \lambda a_i(t), \quad (13) \\ M[j(t)] = D[j(t)] = \lambda a_j(t).$$

Таким образом, используя полученные выражения, можно определять численные значения параметров системы управления вызовами удаленных методов, получать их оптимальные значения.

Литература

1. Мочалов В. П. Разработка распределенных систем управления телекоммуникационными сетями и услугами: дис. ... д-ра техн. наук. Ставрополь, СевКавГТУ, 2006. 395 с.
2. Эльсгольц Л. Э. Дифференциальные уравнения и вариационное исчисление. М.: Наука, 1969. 424 с.
3. Саати Т. Элементы теории массового обслуживания. М.: Сов. Радио 1971. 570 с.

УДК 156.6

Науменко Владимир Викторович, Копытов Владимир Вячеславович

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ МАССОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОВМЕСТНО ВЫПОЛНЯЕМЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕГЛАМЕНТОВ

В статье рассматривается задача моделирования совместно выполняемых административных регламентов с использованием методов теории массового обслуживания, решение которой позволит выполнить проверку показателей предоставляемых государственных и муниципальных услуг на их соответствие нормативным срокам исполнения.

Ключевые слова: административный регламент, теория массового обслуживания, функциональная безопасность.

Naumenko Vladimir V, Kopytov Vladimir V.

THE USE OF QUEUING THEORY FOR MODELING JOINTLY SATISFIABLE ADMINISTRATIVE REGULATIONS

The article gives the description of problem to modeling jointly satisfiable administrative regulations with methods queuing theory. It will check the parameters of administrative regulations to meet regulatory deadlines.

Key words: administrative regulations, queuing theory, functional safety.

Современная нормативно-правовая база [1, 2] требует от органов власти исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг строго в соответствии с требованиями административных регламентов (АР), делая тем самым АР ключевым элементом системы государственного управления, от эффективности выполнения которого зависит эффективность всей системы государственного управления. В настоящее время информационная система государственного управления является критической социотехнической системой, неэффективная работа которой ухудшает социально-экономическое развитие и связана с невозможностью выполнения функций, закрепленных нормативно-правовыми актами и законами, что ухудшает социально-экономическое развитие. На функциональную безопасность информационной подсистемы системы государственного и муниципального управления напрямую влияет выполнимость АР, которая в свою очередь выражается в невыполнении требований АР. Следовательно существует актуальная научная задача по оценке выполнимости АР, которая связана с определением временных показателей предоставляемых государственных и муниципальных услуг.

Если рассматривать АР как алгоритмический процесс, реализующий государственную услугу, то его основу будут составлять процессы и операции, закрепленные в нормативно-правовом акте АР. Типовая структура АР R_m предполагает наличие описания административных процедур, каждая из которых достигается путем выполнения определенной последовательности задач z_n :

$$\forall R_m \rightarrow \exists (z_n)_{n=1}^k.$$

При этом каждая из задач связана с субъектом, который ее исполняет $\forall s_m \rightarrow \exists z_n$, и который может быть задействован в выполнении других задач (в том числе других АР) $\forall s_m \rightarrow \exists (z_k, \dots, z_{k+p})$, образуя тем самым систему совместно выполняемых АР (см. рис. 1).

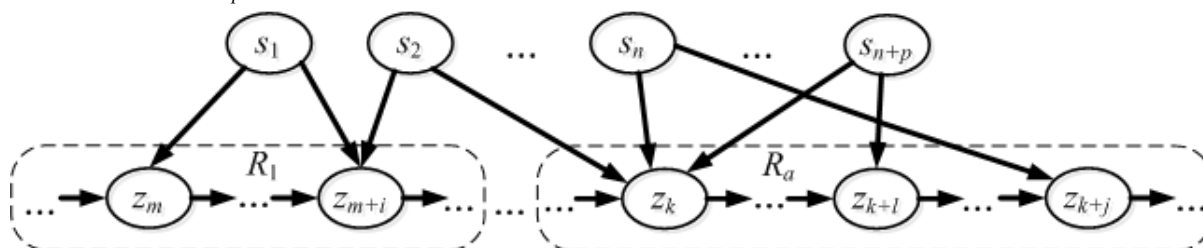

Рис. 1. Система совместно выполняемых административных регламентов

Процесс выполнения АР можно рассматривать как поток выполнения требований, встречающий ограниченные средства для их удовлетворения, поэтому множество совместно выполняемых АР можно рассматривать как систему массового обслуживания (СМО).

Согласно теории массового обслуживания (ТМО) АР представляет собой сеть узлов массового обслуживания. Учитывая, что интервал между заявками и длительность выполнения задач распределены по законам $A(\tau)$ и $B(\tau)$, которые необходимо определять отдельно для каждого случая (отдельно для каждого исполнителя и АР в целом) и которые также могут изменяться во времени, то следует воспользоваться общим решением для одноканальных систем массового обслуживания $G/G/1$, которое характеризует выполнение некоторого потока задачи z_k (или задач $z_k, \dots, z_{k+p}$) исполнителем s_n .

На основании решений для системы $G/G/1$ можно определить, сколько времени будет выполняться задача при заданных параметрах системы (λ_k и t_{zk}). Подсчитав для каждой задачи среднее время пребывания заявки в системе T_k (среднее время начиная от поступления заявки в очередь и заканчивая выполнением задачи), можно сравнить его с максимальным временем, указанным в АР $T_{\max}$, и таким образом определить, присутствует ли в системе нарушение временных нормативов, оценив таким образом выполнимость АР.

Основными параметрами, влияющими на выполнимость задачи АР (для системы $G/G/1$), являются:

- среднее фактическое время выполнения задачи t_{zk} ;
- средняя интенсивность поступающих заявок λ_k ;
- среднеквадратическое отклонение значения интервала между поступающими заявками σ_A ;
- среднеквадратическое отклонение значения длительности выполнения задач σ_B .

Анализ многочисленных результатов (например результатов работ [3–5]) показывает, что наиболее удачное приближение для расчета среднего времени пребывания заявки для системы $G/G/1$ дает формула

$$T_s \approx \frac{\rho t_s (v_{As}^2 + v_{Bs}^2)}{2(1 - \rho)} f(v_{As}) + t_s, \quad (1)$$

$$\text{где } \rho = \lambda_s t_s, \quad f(v_{As}) = \begin{cases} \exp \left[-\frac{2(1-\rho)(1-v_{As}^2)^2}{3\rho(v_{As}^2 + v_{Bs}^2)} \right], & v_{As} < 1 \\ \exp \left[-(1-\rho) \frac{v_{As}^2 - 1}{v_{As}^2 + 4v_{Bs}^2} \right], & v_{As} \geq 1 \end{cases}.$$

Величины λ_s и t_s определяются следующим образом:

λ_s – суммарный поток заявок для исполнителя s , который равен $\lambda_s = \lambda_k + \dots + \lambda_{k+p}$, где

$\lambda_k, \dots, \lambda_{k+p}$ – интенсивности поступления заявок на выполнение всех задач, выполняемых субъектом s_n ;

t_s – среднее время выполнения задач субъектом s_n , которое определяется как

$$t_s = p_k t_k + \dots + p_{k+p} t_{k+p}, \quad (2)$$

$$\text{где } p_i = \frac{\lambda_i}{\sum_{i=k}^{k+p} \lambda_i}.$$

Для определения коэффициента вариации интервала между поступающими заявками v_{As} воспользуемся уравнением средней дисперсии для мультиплексированного входящего потока системы $G/G/1$, приведенным в работе [6]:

$$\sigma_{As}^2 = \left(\frac{\lambda_k}{\sum_{i=k}^{k+p} \lambda_i} \right)^3 \sigma_{Az k}^2 + \dots + \left(\frac{\lambda_{k+p}}{\sum_{i=k}^{k+p} \lambda_i} \right)^3 \sigma_{Az k+p}^2. \quad (3)$$

Коэффициент вариации интервала между поступающими заявками в свою очередь будет равен

$$v_{As} = \sigma_{As} (\lambda_k + \dots + \lambda_{k+p}). \quad (4)$$

Для определения коэффициента вариации длительности выполнения задач v_{Bs} необходимо учитывать, что субъект s_n выполняет задачи последовательно, поэтому нужно рассматривать множество значений длительности выполнения задач как совокупность с математическим ожиданием t_s , состоящей из групп с параметрами $t_k, \dots, t_{k+p}$ и $\sigma_{Bk}, \dots, \sigma_{Bk+p}$. Учитывая независимость потоков заявок воспользуемся правилом сложения дисперсий для получения общей дисперсии длительности выполнения для s_n

$$\sigma_{Bs}^2 = \left(\frac{\lambda_k}{\sum_{i=k}^{k+p} \lambda_i} \sigma_{Bzk}^2 + \dots + \frac{\lambda_{k+p}}{\sum_{i=k}^{k+p} \lambda_i} \sigma_{Bzk+p}^2 \right) + \left(\frac{\lambda_k}{\sum_{i=k}^{k+p} \lambda_i} (t_k - t_s)^2 + \dots + \frac{\lambda_{k+p}}{\sum_{i=k}^{k+p} \lambda_i} (t_{k+p} - t_s)^2 \right). \quad (5)$$

Отсюда коэффициент вариации по определению равен

$$v_{Bs} = \frac{\sigma_{Bs}}{t_s}.$$

В случае если одну задачу (один поток) выполняет несколько субъектов, то необходимо воспользоваться решением для параллельных каналов с различным временем обслуживания [7], то есть поступающее требование направляется на один из каналов (к одному из исполнителей) с вероятностью:

$$p_{ki} = 1 / (t_{iZk} \sum_{i=n}^{n+p} \frac{1}{t_{iZk}}). \quad (6)$$

Поэтому поток заявок для каждого из исполнителей задачи z_k будет равен

$$\lambda_{ki} = p_{ki} \lambda_k. \quad (7)$$

Таким образом, выражение (4) позволяет оценить среднее время пребывания заявки у исполнителя s_n . Однако использовать данное значение для оценки выполнимости АР не возможно, так оно является общим для всех задач, выполняемых исполнителем s_n . Поэтому необходимо определить среднее время обслуживания для каждой задачи $z_k, \dots, z_{k+p}$, выполняемой $s_n - T_k, \dots, T_{k+p}$. Для этого рассмотрим следующую модель (рис. 2).

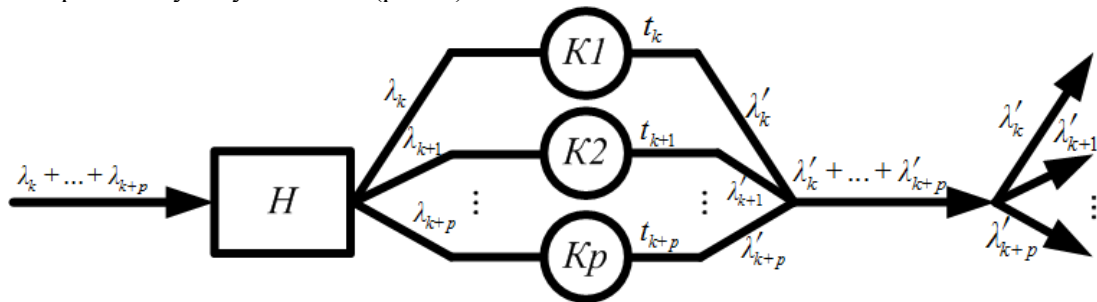

Рис. 2. Модель системы обслуживания потока различных задач АР

Рассмотрим узел СМО (отдельного исполнителя) как многоканальную систему (см. рис. 1), где каждая заявка перед обслуживанием попадает в бесконечный накопитель H , а каждый канал K_N связан с выполнением определенной задачи из множества $z_k, \dots, z_{k+p}$.

Учитывая, что накопитель H является общим для всех потоков $\lambda_k, \dots, \lambda_{k+p}$, то среднее время ожидания в очереди будет одинаковым для всех заявок $z_k, \dots, z_{k+p}$. Поэтому с учетом выражения 1 время пребывания заявки в системе для каждой из задач, выполняемых исполнителем s_n будет определяться по формуле

$$T_i \approx \frac{\rho t_s (v_{As}^2 + v_{Bs}^2)}{2(1 - \rho)} f(v_{As}) + t_{Zi}. \quad (8)$$

Просчитав для каждой задачи среднее время выполнения T_i и сравнив их с максимальным временем $T_{i \max}$, определенным нормативными регуляторами АР, можно сказать, что если $T_i > T_{i \max}$, то задача не выполняется с заданными условиями, то есть существует нарушение требований АР.

В том случае, если задачу z_i выполняет несколько исполнителей $s_n, \dots, s_{n+l}$, то для сравнения выбирается максимальное значение времени пребывания заявки в системе:

$$T_i = \max(T_{i_n}, \dots, T_{i_{n+l}}). \quad (9)$$

Необходимо отметить, что законы распределении интервала времени между заявками и длительности выполнения задач $A(\tau)$ и $B(\tau)$ трудно выявить в процессе исполнения государственных и муниципальных услуг. При этом с течением времени могут изменяться основные параметры (λ_k , σ_A , t_{zk} , σ_B), используемые для расчета среднего времени выполнения, а также в связи с нестабильностью процессов в социотехнической системе могут поменяться и законы распределения данных величин. Следовательно, необходимо разработать подход, позволяющий оперативно определять основные параметры, влияющие на выполнимость АР.

Для отслеживания изменения законов распределения $A(\tau)$ и $B(\tau)$ авторами предлагается использовать понятие однородности двух независимых выборок, которое указывает на одинаковый закон их распределения. Для этого временной ряд интервалов времени между заявками или длительности выполнения задач аппроксимируется интервалы, включающие равное количество N значений (см. рис. 3).

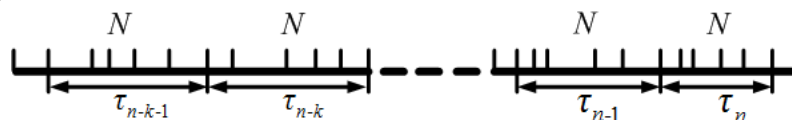

Рис. 3. Временной ряд интервалов времени между заявками или длительности выполнения задач

Затем проверяется гипотеза равенства распределения τ на последнем интервале τ_n (включающего N значений) и интервале $\tau' = \tau_{n-1} + \dots + \tau_{n-k}$ (причем каждая из выборок на любом из интервалов $\tau_{n-1}, \dots, \tau_{n-k}$ однородна по отношению к соседним), который включает в себя M значений $H_0: A(\tau) = A(\tau')$ (или $B(\tau) = B(\tau')$), причем $M \gg N$. В том случае если гипотеза H_0 верна, то значения λ_k , σ_A (t_{zk} , σ_B) определяются на интервале $\tau_n + \tau'$, в противном случае значения определяются на интервале τ_n .

В качестве метода определения однородности двух выборок в настоящей работе применен критерий Вилкоксона [8] (для независимых выборок). Выбор данного метода обусловлен тем, что он подходит для проверки однородности любых независимых выборок с единственным требованием непрерывности случайной величин. Также необходимо отметить простоту вычислений для проверки гипотезы равенства законов распределения, а также оптимальную эффективность при использовании выборок малых объемов, что является наиболее важным для решения поставленной задачи.

Данный метод сводится к объединению выборок в один вариационный ряд в возрастающем порядке и нахождению критерия $W_{\text{набл}}$ – суммы порядковых номеров значений первой выборки

$$W_n = i_{N1} + i_{N2} + \dots + i_{Nk}.$$

Далее на основе табличных значений критических точек критерия Вилкоксона определяется нижняя критическая точка $\omega_{\text{нижн.кр}}$ и на основе нее определяется верхняя критическая точка по формуле:

$$\omega_{\text{нижн.кр}} = (N + M + 1) - \omega_{\text{нижн.кр}}.$$

В случае если $W_{\text{набл.}} < \omega_{\text{нижн.кр.}}$ или $W_{\text{набл.}} > \omega_{\text{верхн.кр.}}$, гипотеза H_0 об однородности выборок отвергается, а если $\omega_{\text{нижн.кр.}} < W_{\text{набл.}} < \omega_{\text{верхн.кр.}}$, то выборки N и M однородны.

Для решения данной задачи критерий Вилкоксона был применен со значениями $N = 6$ и $M = 24$ для первой и второй выборок соответственно. Размер выборок обусловлен примерным диапазоном значений промежутков времени между поступающими заявками и длительности выполнения задач, которые колеблются в пределах от нескольких минут до нескольких дней.

Предлагаемый способ расчета основных параметров, влияющих на выполнимость АР реализована в виде циклического алгоритма (см. рис. 4), определяющего значения λ_k , σ_A (t_{zk} , σ_B) через каждые N интервалов.

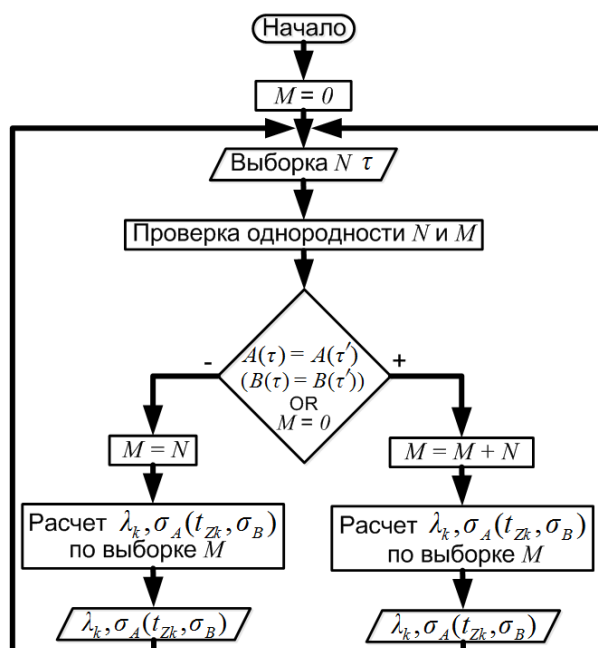

Рис. 4. Алгоритм расчета основных параметров, влияющих на выполнимость административных регламентов

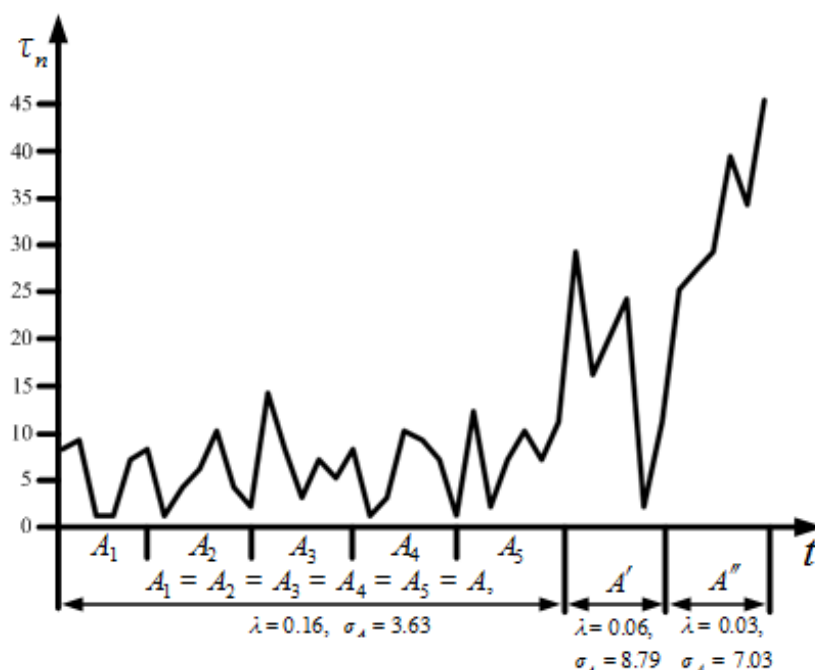

Рис. 5. Пример расчета интенсивности потока заявок

Пример расчета интенсивности потока заявок на промежутке времени, составляющем семь интервалов между соседними заявками приведен на рис. 5.

Таким образом, последовательно рассчитав для каждой из задач АР, входящих в СМО, значения интенсивности поступающих заявок, времени их выполнения, а также значения среднеквадратичных отклонений данных величин, можно выявить нарушение нормативных сроков как для отдельной задачи (сравнив T_i с $T_{i \max}$), так и для АР в целом, сравнив сумму значений среднего времени выполнения всех задач АР с максимальным временем исполнения АР, и полностью решить поставленную задачу по оценке выполнимости совместно выполняемых АР.

Литература

1. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» № 210-ФЗ от 27 июля 2010 года. URL: <http://www.rg.ru/2010/07/30/gosusl-dok.html> (дата обращения: 01.03.2013).
2. Постановление Правительства РФ от 16.05.2011 № 373 «О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг». URL: <http://www.rg.ru/2011/05/31/gosuslugi-site-dok.html> (дата обращения: 01.03.2013).
3. Шнепс М. А. Системы распределения информации. Методы расчета. М.: Связь, 1979. 344 с.
4. Алиев Т. И. Основы моделирования дискретных систем. СПб: СПбГУ ИТМО, 2009. 363 с.
5. Нгуен Дык Тай. Методы и средства исследования распределенных сетей передачи данных с неоднородным трафиком на основе неэкспоненциальных моделей: дис. ... канд. техн. наук: 05.13.13. М., 2009. 145 с.
6. Бахарева Н. Ф. Аппроксимативные методы и модели массового обслуживания для исследования компьютерных сетей: дис. ... д-ра техн. наук: 05.13.15. Пенза, 2011. 335 с.
7. Саати Т. Л. Элементы теории массового обслуживания и её приложения. М.: Советское радио, 1971. 520 с.
8. Гмурман В. Е. Теория вероятностей и математическая статистика. М.: ВШ, 2003. 478 с.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 622.276.5

**Акопов Сергей Аршавинович, Овчаров Сергей Николаевич,
Акопов Арсен Сергеевич**

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДОЛГОВЕЧНОСТИ ДЕТАЛЕЙ
НЕФТЯНОГО И ГАЗОВОГО ОБОРУДОВАНИЯ**

В статье рассмотрены вопросы определения долговечности деталей нефтегазового оборудования. Приведены расчетные формулы для определения числа циклов нагружения до момента образования трещин. В качестве примера приведен расчет долговечности корпусной детали гидравлического разъединителя гибких труб диаметром 60,3 мм.

Ключевые слова: долговечность элемента, коэффициент запаса прочности по долговечности.

**Akopov Sergei A., Ovcharov Sergey N., Akopov Arsen S.
DEFINITION OF LIFE PART OF OIL AND GAS EQUIPMENT**

There are considered questions of identify of the durability of details of oil and gas equipment. It is shown formulas for determining the number of loading cycles until cracking. As an example, the calculation of the base detail durability of hydraulic disconnecter for flexible pipes of ID 60,3 mm.

Key words: Durability element, a safety factor of durability.

Известно, что долговечность любого оборудования характеризует его работоспособность в течение определенного срока службы, сохраняя при этом предварительно заданные технические характеристики. В свою очередь, долговечность оборудования зависит от долговечности отдельных элементов его конструкции [1, 2, 3].

При растяжении гладкого образца предельная (разрушающая) деформация определяется выражением:

$$l_k = l_n \frac{1}{1 - \psi}, \quad (1)$$

где ψ – относительное поперечное сужение образца.

При сложном напряженном состоянии, когда главные напряжения $\sigma_1 \geq \sigma_2 \geq \sigma_3$, для зоны концентрации значение предельной (разрушающей) деформации l_f зависит от объемности напряженного состояния и значения l_k .

$$l_f = \left[\frac{\sigma_{ik}^2}{\sigma_{1k}(\sigma_{1k} + \sigma_{2k} + \sigma_{3k})} \right] \cdot l_k. \quad (2)$$

Стоящая в квадратных скобках величина характеризует объемность напряженного состояния и обозначается V_k . В объем случае V_k всегда меньше единицы.

В качестве примера рассмотрим напряженное состояние в окрестностях кончика трещины, которая могла образоваться в корпусной детали гидравлического разъединителя для гибких труб $\varnothing 60,3$ мм, изготовленной из стали 40Х при проведении технологических операций термообработки. Расчеты показывают [3], что при плоском напряженном состоянии $\sigma_{1k} = 0,9165$, $V_k = 0,467$. При плоской деформации $\sigma_{ik} = 0,3467$, $V_k = 0,05$.

Отсюда следует, что при наличии трещин предельная (разрушающая) деформация уменьшается в 20 раз по сравнению с исходной пластичностью материала.

Вместо $l_k = 0,43$ (при $\psi = 0,4$) получаем $l_f = 0,0215$, т. е. 2,15 %.

Данные расчетов говорят о том, что при разработке методики расчета элементов конструкции нефтегазового оборудования на долговечность следует учитывать влияние концентраторов напряжений, образующихся в результате сложных конструктивных форм, технологических операций термообработки, наличия агрессивных сред (например, наличие сероводорода) и т. д.

Основными параметрами, определяющими долговечность конструктивных элементов нефтяного и газового оборудования, являются:

- предел прочности материала σ_B ;
- модуль упругости E ;
- предел выносливости σ_{-1} ;
- пластичность материала l_k ;
- объемность напряженного состояния B_k ;
- характеристика асимметрии циклов напряжений r и деформаций r_* ;
- упругопластичная деформация в зоне концентрации напряжений $l_{\max}$ (относительная величина $l_{\max} = l_{\max} / l_T$);
- упругая деформация l_T .

Долговечность элемента конструкции удобно определять, используя следующие относительные величины:

l_k – относительная пластичность ($l_k = l_k / l_T$);

σ_B – относительный предел прочности ($\sigma_B = \sigma_B / \sigma_T$);

σ_{-1} – относительный предел выносливости ($\sigma_{-1} = \sigma_{-1} / \sigma_T$).

Основное уравнение, с помощью которого определяется число циклов до образования трещин, имеет вид:

$$\bar{l}_{\max} = \frac{B_k \cdot \bar{l}_k}{(4N_0)^{m_0} + \frac{1}{2} \cdot \frac{1+r_*}{1-r_*}} + \frac{2\bar{\sigma}_B}{(4N_0)^{m_e} + \frac{1+r}{1-r}}, \quad (3)$$

где:

$$B_k = \frac{\sigma_{ik}^2}{\sigma_{ik} (\sigma_{1k} + \sigma_{2k} + \sigma_{3k})}, \quad (4)$$

N_0 – число циклов до образования трещин.

Величины, стоящие в правой части для расчетов элементов конструкций нефтяного и газового оборудования определяются в соответствии с [3,4].

Комплексы $\left(\frac{1}{2} \cdot \frac{1+r}{1-r}\right)$, $\left(\frac{1+r}{1-r}\right)$ значительно меньше по сравнению с $(4N_0)^{m_0}$ и $(4N_0)^{m_e}$ соответственно, поэтому ими пренебрегают, поскольку при развитии пластических деформаций в зоне концентратора значение $r = -1,0$.

Таким образом, уравнение (1) можно представить в упрощенном виде:

$$\bar{l}_{\max k} = \frac{B_k \cdot \bar{l}_k}{(4N_0)^{m_0}} + \frac{2\bar{\sigma}_B}{(4N_0)^{m_e}}. \quad (5)$$

Показатели степеней m_0 , m_e определяются следующими зависимостями:

$$m_0 = 0,36 + 0,002\sigma_B,$$

$$m_e = 0,132 \cdot \lg(\sigma_B / \sigma_{-1}),$$

причем $\sigma_{-1} = (0,54 - 0,002\sigma_B) \cdot \sigma_B$

Из уравнения (2) можно получить удобное выражение для расчетов при помощи последовательных приближений [3]:

$$N_0 = \frac{1}{4} \cdot \left[\frac{B_k \cdot \bar{l}_k}{\bar{l}_{\max k} - 2 \cdot \bar{\sigma}_B / (4N_0)^{m_e}} \right]^{1/m_0}. \quad (6)$$

Комплекс $\left[2 \cdot \bar{\sigma}_B / (4N_0)^{m_e} \right]$ мало отличается от 2,0, поэтому значение N_0 можно определить по формуле:

$$N_0 = \frac{1}{4} \cdot \left(\frac{B_k \cdot \bar{l}_k}{\bar{l}_{\max k} - 2} \right)^{1/m_0}. \quad (7)$$

После определения числа циклов до образования трещин N_0 можно приблизительно уточнить число циклов до разрушения:

$$N_e = 1,9 N_0^{0,9615}. \quad (8)$$

Более точное значение N_e можно определить методом механики разрушения, однако для этого нужны такие постоянные параметры материала как вязкость разрушения K_{IC} и скорость докритического роста трещин d_i / dN .

Приближенное значение d_i / dN может быть определено по формуле:

$$\frac{d_i}{dN} = A \cdot \frac{K_i^2}{K_{IC}^2 \cdot \sigma_T^2}. \quad (9)$$

где $A \cong 2,5 \cdot 10^{-3}$.

Поскольку коэффициент интенсивности напряжения

$$K_i \cong \alpha \cdot \sigma \sqrt{\pi \cdot l},$$

где α – геометрический параметр, l – длина трещины, интегрирование (6) даст

$$N_e = \frac{K_{IC}^2 \cdot \sigma_T^2}{A \cdot \alpha^4 \cdot \pi^2 \cdot \sigma^4} \cdot \left(\frac{1}{l_0} - \frac{1}{l_{кр}} \right). \quad (10)$$

Здесь l_0 – начальная длина трещины, $l_{кр} = \frac{K_{IC}^2}{\alpha^2 \cdot \pi \cdot \sigma^2}$ – критическая длина трещины.

Обычно принимают значение коэффициента запаса прочности по долговечности $n_N = N_0 / N_e$ равным $\cong 4$, где N_e число циклов нагружения при эксплуатации. При этом следует иметь в виду, что в уравнениях (3,4) для определения N_0 следует использовать минимальные значения механических характеристик материалов по ТУ, ГОСТ и другим документам.

В качестве примера приведем расчет долговечности корпусной детали гидравлического разъединителя гибких труб диаметром 60,3 мм, имеющего в соответствии с [3] $\alpha_\sigma = 2,5 \cdot \sigma_i = 30$ кгс/мм²:

$$l_{max} = 3,29; m_0 = 0,5;$$

$$m_e = 0,0525;$$

$$l_f = B_k \cdot l_k = 113,1;$$

$$\sigma_B = 1,579.$$

Получаем согласно зависимостям (3) $N_0 = 1860$ циклов, и по (4) $N_0 = 1920$, т. е. достаточно близкие. Значение $N_C = 2640$. Полученный результат соответствует стабильным конструкционным материалам, для которых $\sigma_{0,2} / \sigma_B \leq 0,6$. В случае $\sigma_{0,2} / \sigma_B \geq 0,6$ в рассмотрение вводится параметр разупрочнения материала:

$$C = 1,5 \cdot 10^{-3} \left(\frac{1}{1 - \sigma_{0,2} / \sigma_B} - 2,5 \right). \quad (11)$$

Расчет числа циклов до разрушения с учетом разупрочнения материала приближенно проводится по соотношению:

$$N_C^* = \frac{1,04 \cdot m_0}{2 \cdot (\bar{l}_{max k} - 2) \cdot C} \cdot \ln \left[1 + \frac{2 \cdot (\bar{l}_{max k} - 2) \cdot C}{1,04 \cdot m_0} \cdot N_C \right], \quad (12)$$

где N_C – находится по формуле (5).

Для условий предыдущего примера находим $C \cong 0,00125$. В этом случае $N_C^* \cong 460$.

Таким образом, разупрочнение материала существенно снижает долговечность конструкции и это должно учитываться при проектировании элементов конструкций. Желательно допускать упругопластические деформации, незначительно превышающие $l_{max k} \cong 2,0$.

Литература

1. Кагаев В. П., Махутов Н. А., Гусенков А. П. Расчет деталей машин и конструкций на прочность и долговечность. Справочник. М., Машиностроение, 1985. 265 с.
2. Махутов Н. А. Деформационные критерии разрушения и расчет элементов конструкций на прочность. М., Машиностроение, 1981. 180 с.

3. Результаты исследований по проблемам прочности и долговечности элементов конструкций нефтяного оборудования. Научно-технический отчет № 106-9-97 / под ред. А. В. Бондарь. Воронеж, 1997. 43 с.

4. Технические условия оборудования устья скважин и фонтанного оборудования. Американский нефтяной институт. Спецификация 6А, 17 редакция, 1996.

УДК 622.276.5.001.5

**Афонин Леонид Алексеевич, Васильев Владимир Андреевич,
Гуныкина Татьяна Александровна, Николайченко Александр Сергеевич**

ОБОСНОВАНИЕ ВХОДНОГО ДЕБИТА СКВАЖИНЫ

В статье проанализированы результаты гидродинамических исследований скважин. Выявлена определенная закономерность по технологическому режиму – диаметр штуцера обычно больше, чем максимальный диаметр штуцера при ГДИ. Приведены примеры расчета коэффициента сопротивления штуцера по данным исследования скважин на месторождении Белый Тигр.

Ключевые слова: дебит, скважина, штуцер, давление, разгазирование, обводненность, насосная установка, газовый фактор.

**Afonin Leonid A., Vasilev Vladimir A., Gunkina Tatyana A., Nikolaychenko Aleksandr S.
RATIONALE INPUT RATE OF FLOW OF THE WELL**

The article analyzes results of hydrodynamic research the well and of technological mode of their work. The analysis revealed a certain regularity technological mode - fitting diameter is usually more than the maximum diameter of the fitting at the hydrodynamic research. The Provides examples of calculation the coefficient of resistance connecting according to data studies wells at the field White Tiger.

Key words: rate of flow, well, fitting, pressure, liberation of gas, water cut, pumping plant, gas-oil ratio.

При прогнозировании добычи нефти по отдельным скважинам на последующий год эксплуатации необходимо обосновать входной дебит по нефти на начало года и предполагаемый коэффициент снижения дебита в течение года.

Обычно дебит скважины устанавливается с учетом факторов, ограничивающих отбор жидкости, которые выявляются при исследовании скважины в процессе ее эксплуатации. По результатам исследований строятся регулировочные кривые, т. е. зависимость параметров работы скважины от диаметра штуцера: дебит нефти, дебит жидкости, газовый фактор, содержание воды и механических примесей (песка), давление на забое и на устье скважины, депрессия на пласт.

Существенное увеличение газового фактора может быть обусловлено прорывом газа из газовой «шапки» (при ее наличии), разгазированием нефти в призабойной зоне пласта (давление на забое скважины снижается ниже давления насыщения).

Существенное увеличение содержания воды может быть обусловлено поступлением подошвенной воды (при наличии водяного конуса) или прорывом воды по напластованию (в условиях заводнения залежи или расположения скважины вблизи контура нефтеносности).

Существенное увеличение содержания механических примесей (песка) может быть связано с интенсивным выносом несвязных (пелитовых или алевролитовых) частиц горной породы или разрушением призабойной зоны пласта. При исследованиях следят за изменением отметки забоя скважины в условиях накопления песчаной пробки.

Ограничения по дебиту могут быть обусловлены давлением в системе нефтегазосбора.

Определенную роль играют технические и организационные причины (аварийные ситуации в системе сбора и подготовки нефти и газа, при хранении и реализации товарной продукции, утилизации пластовых вод и т. д.).

Все эти факторы, в конечном итоге, приводят к постоянному изменению режима работы скважины: при фонтанном способе эксплуатации меняется диаметр штуцера, при газлифтном способе – расход рабочего агента (газа), при насосном способе – параметры работы насосной установки.

Существующее состояние разработки нефтяного месторождения Белый Тигр характеризуется интенсивной закачкой воды в залежь с целью поддержания пластового давления, обеспечивающего фонтанный способ добычи нефти. Однако в отдельных скважинах забойное давление приближено к давлению насыщения, отмечено образование локальной газовой шапки, разгазирование нефти в призабойной зоне пласта.

Как результат, идет перемещение искусственно созданного водонефтяного контакта, изменяется обводненность скважинной продукции, изменяется давление на устье скважины.

Истощение запасов нефти, изменение режима разработки с естественного упругого на искусственный водонапорный создают определенные трудности при прогнозировании показателей разработки залежи в целом и режима работы отдельно взятых скважин.

Анализ результатов гидродинамических исследований скважин и технологического режима их работы выявил определенную закономерность по технологическому режиму – диаметр штуцера обычно больше, чем максимальный диаметр штуцера при ГДИ. Это, очевидно, обусловлено техническими возможностями замерной установки. Следовательно, необходимо иметь методику пересчета данных ГДИ на фактический режим работы скважины, используя регистрируемые параметры, например, давление на устье скважины (до штуцера) и давление в выкидной линии (после штуцера). При этом принимается постоянство газового фактора.

Такая методика позволит также привести фактический режим работы скважины на различных штуцерах к одному, реперному диаметру и, таким образом, оценить темп снижения дебита скважины во времени. Можно также сопоставить скважины по продуктивности.

Будем рассматривать штуцер как местное сопротивление и используем соответствующую формулу:

$$\Delta p_{шт} = \xi \frac{\rho_{см} v_{см}^2}{2}, \quad (1)$$

где $\Delta p_{шт}$ – перепад давления на штуцере,

$$\Delta p_{шт} = P_{уст} - P_{лин}; \quad (2)$$

$P_{уст}$, $P_{лин}$ – давление на устье скважины (до штуцера) и в выкидной линии (после штуцера); ξ – коэффициент сопротивления штуцера; $\rho_{см}$ – расходная плотность газожидкостной смеси; $v_{см}$ – скорость движения газожидкостной смеси в штуцере.

Из уравнения материального баланса имеем:

$$\rho_{см} v_{см} = \frac{G_{см}}{F}, \quad (3)$$

где $G_{см}$ – массовый расход газожидкостной смеси,

$$G_{см} = Q_{нд} \rho_{нд} + Q_g \rho_g + Q_o \rho_o; \quad (4)$$

$Q_{нд}$, $\rho_{нд}$ – объемный расход и плотность дегазированной нефти; Q_g , ρ_g – объемный расход и плотность воды,

$$Q_g = Q_{нд} \frac{n_g}{1 - n_g}; \quad (5)$$

n_g – объемная обводненность скважинной продукции; Q_o , ρ_o – объемный расход и плотность газа однократного разгазирования при нормальных условиях ($P_o = 0,1$ МПа; $T_o = 273$ К),

$$Q_o = Q_{нд} \Gamma_\phi; \quad (6)$$

Γ_ϕ – газовый фактор; F – площадь сечения штуцера, $F = 0,785 d_{шт}^2$, $d_{шт}$ – диаметр штуцера.

Для скорости движения газожидкостной смеси в штуцере имеем:

$$v_{см} = \frac{1}{F} (Q_{нд} \epsilon_n + Q_g \epsilon_g + Q_o), \quad (7)$$

где ϵ_n , ϵ_g – объемные коэффициенты нефти и воды; Q_o – объемный расход свободного газа.

Приводя расходные параметры к среднему давлению в штуцере:

$$P_{cp} = \frac{P_{уст} + P_{лин}}{2}, \quad (8)$$

имеем

$$Q_o = Q_{нд} (\Gamma_\phi - \alpha P_{cp}) \frac{P_o T_{cp} Z_{cp}}{P_{cp} T_o}; \quad (9)$$

$$\epsilon_n = 1 + \alpha P_{cp} \frac{\rho_{op}}{\rho_{гжс}}, \quad (10)$$

где α – коэффициент растворимости газа в нефти при P_{cp} и T_{cp} ; ρ_{op} – плотность растворенного в нефти газа при P_{cp} и T_{cp} ; $\rho_{гж}$ – плотность растворенного в нефти газа в жидком состоянии; Z_{cp} – коэффициент сжимаемости свободного газа при P_{cp} и T_{cp} ; T_{cp} – средняя температура в штуцере.

Введем обозначения:

$$a_p = \rho_{нд} + \frac{n_g}{1-n_g} \rho_g + \Gamma_\phi \rho_o; \quad (11)$$

$$\epsilon_p = 1 + \alpha P_{cp} \frac{\rho_{op}}{\rho_{гж}} + \frac{n_g}{1-n_g} \epsilon_g + (\Gamma_\phi - \alpha P_{cp}) \frac{P_o T_{cp} Z_{cp}}{P_{cp} T_o}. \quad (12)$$

Тогда имеем

$$\Delta p_{шт} = \xi \frac{Q_{нд}^2}{2F^2} a_p \epsilon_p, \quad (13)$$

откуда получаем формулы для расчета дебита нефти и диаметра штуцера:

$$Q_{нд} = F \sqrt{\frac{\Delta p_{шт}}{\xi a_p \epsilon_p}}, \quad (14)$$

$$d_{шт} = \sqrt{\frac{4}{\pi} Q_{нд}^4 \frac{\xi \cdot a_p \cdot \epsilon_p}{\Delta p_{шт}}}. \quad (15)$$

Коэффициент сопротивления штуцера определяется по данным гидродинамических исследований.

Ниже приводится пример расчета коэффициента сопротивления штуцера по данным исследования скважины 420 месторождения Белый Тигр.

Исходные данные приведены в табл. 1.

Таблица 1

Данные исследования скважины 420

$d_{шт}, \text{мм}$	$Q_{нд}, \text{м}^3/\text{сут}$	$P_{уст}, \text{МПа}$	$\Gamma_\phi, \text{м}^3/\text{м}^3$	$n_g, \%$ объемн.
10	414,2	13,1	142,4	-
14	604,2	12	165,0	-
16	746,7	11	166,0	-
20	980,2	9	169,4	-
22	1073,9	8	167,4	-

При расчете коэффициента сопротивления штуцера принято:

$$\rho_{нд} = 835 \text{ кг/м}^3; \rho_o = 1 \text{ кг/м}^3; \rho_{op} = 2 \text{ кг/м}^3; \rho_v = 1030 \text{ кг/м}^3; \rho_{гж} = 500 \text{ кг/м}^3; \\ \alpha = 5 \text{ нм}^3/(\text{м}^3 \cdot \text{МПа}); T_{cp} = 363 \text{ К}; Z_{cp} = 0,9; P_{лин} = 1,5 \text{ МПа}.$$

Результаты расчета приведены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты расчета коэффициента сопротивления штуцера

$d_{шт}, \text{мм}$	$\Delta p_{шт}, \text{МПа}$	$P_{cp}, \text{МПа}$	a_p	ϵ_p	ξ	$Q_{нд}$ при $\xi_{cp} = 2,74, \text{м}^3/\text{сут}$	$Q_{нд}$ по замеру, $\text{м}^3/\text{сут}$	$\Delta, \%$
10	11,6	7,3	977	2,89	2,22	454	414,2	+ 9,6
14	10,5	6,75	1000	3,47	3,00	565	604,2	- 6,9
16	9,5	6,25	1001	3,70	2,82	730	746,7	- 2,3
20	7,5	5,25	1004	4,36	2,67	984	980,2	+ 0,4
22	6,5	4,75	1002	4,73	2,74	1064	1073,9	0,9

Среднее значение коэффициента сопротивления штуцера по трем последним режимам составляет $\xi_{cp} = 2,74$.

Максимальное отклонение расчетного дебита нефти от фактического по этим режимам составляет 2,3 %.

При диаметре штуцера 10 мм имеем заниженное значение коэффициента ξ . По газовому фактору, который занижен на 17 % от среднего значения, результат не корректируется. Можно предположить неточность изготовления штуцера, который должен быть 10,59 мм. При диаметре штуцера

14 мм имеем несколько завышенное значение коэффициента ξ . Корректировка по диаметру штуцера дает $d_{шт} = 13,8$ мм. Для этих двух режимов отклонения по диаметру штуцера составляет 0,2 – 0,6 мм, что вполне возможно.

Аналогичные значения коэффициента $\xi = 2,74 \pm 0,1$ получены по скважинам 428, 403 (дважды) и другим фонтанным скважинам месторождения Белый Тигр.

Литература

1. Бикбулатов В. А., Еличев В. А., Михайлов В. Г. Оптимизация режима работы фонтанных скважин в ОАО «НК «Роснефть» // Нефтяное хозяйство. № 9. 2006.
2. Ковалев А. Ф., Шакиров Р. А., Лиховол Г. Д. Анализ кривых давления, получаемых в процессе вторичного вскрытия пласта перфорацией // Нефтяное хозяйство. № 2. 2008.

УДК 622.245.42

**Белая Елена Викторовна, Керимов Абдул-Гапур Гусейнович,
Копченков Вячеслав Григорьевич, Турская Ольга Юрьевна**

КОНЦЕПЦИЯ РАЗРАБОТКИ ПРИБОРНО-МЕТОДИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ КОЛОНН ЭКСПЛУАТАЦИОННЫХ СКВАЖИН

В статье рассматривается скважинный прибор по диагностике технического состояния обсадной колонны (трехмерная модель).

Ключевые слова: разработка, прибор, обсадная колонна, электромагнит, скважина, конструкция, катушка.

**Belaya Elena V., Kerimov Abdul- Gapur G., Kopchenkov Vyacheslav G., Turskaya Olga Y.
CONCEPT DEVELOPMENT OF INSTRUMENTATION AND METHODOLOGICAL COMPLEXES
FOR RESEARCH TECHNICAL STATES COLUMN EXPLOITATION WELLS**

In article are considered welling the device on diagnostics of a technical condition casing string (three-dimensional model).

Key words: deposit, development, casing string, electromagnet, well, design, spool.

В течение последних десяти лет в мировой практике наиболее широкое развитие получили энергосберегающие экологические разработки, выполненные на базе современных компьютерных и микропроцессорных технологий. Данное направление деятельности является самым молодым, и его развитие имеет большое будущее, о чем свидетельствуют медали, в том числе и золотого достоинства (41-й Международный салон «Изобретения Женева 2013»), полученные на отечественных и зарубежных выставках.

В зарубежной практике после перехода на цифровую форму регистрации геофизических параметров широкое распространение получили приборы, принцип действия которых основан на изучении стационарных электромагнитных полей, и механические трубные многорычажные профилемеры. Разработки выполняются такими ведущими зарубежными фирмами как «Schlumberger» (приборы серии ЕТТ-А и ЕТТ-Д, Multi-Finger Caliper), «Western Atlas» (прибор Magnelog), «Computalog» (Multi-arm multi-sensor casing caliper) и «Halliburton» (Electromagnetic-phase shift devices), и в настоящее время являются наиболее перспективными в области контроля технического состояния [1]. Однако и эти приборы обладают некоторыми недоработками, основной из которых является низкая разрешающая способность в локализации мелких повреждений, из-за существенного ослабления магнитного потока индуктируемого генераторными катушками, удаленными от внутренней стенки колонны, т. к. наличие небольшого зазора резко увеличивает электрическое сопротивление магнитной цепи.

При разработке конструкции скважинного прибора по диагностике технического состояния обсадной колонны были учтены конструктивные недоработки известных скважинных приборов и выполнено трехмерное, детальное моделирование механической части.

С учетом недостатков приборов контроля технического состояния обсадных колонн было разработано новое устройство для измерения внутреннего профиля и толщины колонны, в котором используются электромагнитные датчики различных конструкций с учетом принципа разноточности.

Изучение особенностей распространения электромагнитной волны в проводящих средах позволили авторам использовать зависимость, описывающую толщину скин-слоя и отражающую глубину проникновения плоской волны в проводящую среду, для расчета оптимальной (резонансной) частоты питания переменного тока генераторной катушки первичных преобразователей профилемера-толщиномера.

Задаваясь необходимой точностью измерения внутреннего профиля колонны и принимая глубину проникновения электромагнитного поля в металл равной 0,1 мм, рассчитали частоту питания переменного тока генераторной катушки проектируемого профилемера-толщиномера. Данную частоту можно считать резонансной для измерения внутреннего диаметра колонны. Для магнитной проницаемости стали, которая колеблется в пределах от 100 до 1000 условных единиц, значение резонансной частоты колеблется в диапазоне от 2 500 до 10 000 Гц.

Используя принцип аналогии между электрической и магнитной цепями, разработали оптимальную конструкцию первичных преобразователей, в которой расположение относительно друг друга генераторной и измерительной катушек обосновано исходя из оптимальной пространственной ориентации линий магнитного потока.

Электромагнитная катушка в магнитной цепи играет роль генератора. Магнитный поток, который как бы выходит из одного полюса и входит в другой, аналогичен току в электрической цепи. Роль магнитного сопротивления играет окружающая среда вокруг катушки, и как сопротивление электрической цепи, где протекает ток, оказывает влияние на величину тока, так и магнитное сопротивление среды оказывает влияние на величину магнитного потока. Магнитный поток пропорционален магнитодвижущей силе, которая определяется ампер-витками катушки: чем больше ампер-витков, тем сильнее общий магнитный поток.

Таким образом, величина магнитного потока обратно пропорциональна магнитному сопротивлению, соответственно, если полюсы катушки, находящиеся в воздухе, замыкать и размыкать стальными пластинами (имитируя различного рода повреждения), то из-за значительной разницы относительной проницаемости стали и воздуха резко изменится магнитное сопротивление цепи и ослабится общий поток, как, например, участок с большим сопротивлением, последовательно включенный в электрическую цепь, резко уменьшает ток в ней.

Конструктивные особенности электромагнитных датчиков влияют на электромагнитные характеристики индукционных катушек (потокосцепление, взаимную индуктивность, магнитную индукцию и др.). В свою очередь, геометрические размеры электромагнитных датчиков определяют точность выполняемых измерений и потребляемую мощность, что необходимо учитывать при проектировании скважинных геофизических приборов.

Если форма магнитопровода генераторной катушки представляет собой цилиндр, ось которого параллельна оси исследуемой колонны (магнитоимпульсные дефектомеры-толщиномеры серии МИД), а измерительные катушки распределены вокруг нее по периметру, то магнитный поток, распространяясь внутри колонны, замыкается через ее внутреннюю поверхность. Для этого случая магнитное сопротивление магнитной цепи определяется следующим выражением:

$$R_M = \frac{l_M}{\mu S_M}, \quad (1)$$

где R_M – магнитное сопротивление; μ – магнитная проницаемость; l_M – длина линий магнитного потока; S_M – площадь поперечного сечения магнитного потока.

Существующая значительная разница магнитных проницаемостей стали и воздуха – более чем в тысячу раз – приводит к тому, что любые изменения в целостности колонны (трещины, порывы, отверстия, выпуклости и т. д.) будут сказываться на магнитном сопротивлении. Например, наличие порыва в колонне приводит к резкому увеличению магнитного сопротивления окружающей среды, и, как следствие этого, магнитный поток генераторной катушки резко снижается. Следует отметить, что чем большее количество изъянов в колонне или чем изъян в колонне больше, тем сильнее увеличивается магнитное сопротивление цепи.

Вышеописанная закономерность была использована для разработки оптимальных конструкций электромагнитных датчиков, в частности были определены основные причины возможного снижения разрешающей способности проектируемого прибора.

При этом нельзя допускать использования в конструкции электромагнитного датчика одной генераторной катушки и нескольких измерительных, так как в этом случае скважинный прибор не сможет дифференцированно определять изъёмы колонны; данное положение справедливо только для приборов, работающих в режиме генерации стационарных (не импульсных) электромагнитных полей. Принимаются во внимание сведения о размерах перфорационных каналов, образующихся в результате действия основных типов перфораторов серии ПКС, ПК, ПР, ПКО, чтобы габариты генераторных катушек электромагнитных датчиков были соразмерны перфорационным отверстиям.

Нужно учитывать, что зависимость измеряемой ЭДС от расстояния электромагнитного датчика до исследуемого объекта изменяется по экспоненциальному закону, причем при расстоянии более 5 мм от датчиков до внутренней стенки трубы значение ЭДС снижается в два раза. При этом почти в два раза будет уменьшена разрешающая способность прибора к возможным изъёмам на внутренней поверхности колонны. Отсюда следует, что для повышения точности измерения технического состояния колонны следует применять индивидуальные зондовые устройства под соответствующие типы размеров обсадных колонн. Для безопасности выполнения ГИС и в целях исключения прихвата скважинного прибора минимальный зазор между скважинным прибором и обсадной колонной не должен быть менее 8–10 мм. В то же время чтобы не допустить резкого уменьшения чувствительности прибора зазор между электромагнитными датчиками зондового устройства скважинного прибора и внутренней стенкой колонны должен изменяться в диапазоне 5–10 мм.

Степень связи катушек электромагнитных датчиков зависит от взаимной индуктивности M , индуктивности катушек L_1 и L_2 , причем коэффициент связи K , определяемый из нижеприводимой зависимости 2, всегда меньше единицы, а параметры M , L_1 , L_2 определяются формой, размерами, числом витков катушек, а также окружающей средой:

$$K = \frac{M}{\sqrt{L_1 L_2}}, \quad (2)$$

где M – взаимная индуктивность; L_1 , L_2 – индуктивности генераторной и измерительной катушек.

Из вышеприведенной зависимости следует, что катушки с многослойными намотками будут обладать большими значениями индуктивности по сравнению с катушками с однослойной намоткой. Кроме того, взаимная индуктивность зависит от взаимного расположения катушек. При одном и том же расстоянии между катушками максимальная взаимная индуктивность будет наблюдаться при параллельном расположении катушек, в этом случае $M = \sqrt{L_1 L_2}$, соответственно $K = 1$.

Таким образом, конструкция датчика толщины должна состоять из двух катушек цилиндрической формы, укрепленных одна внутри другой, радиус которой не должен превосходить 20 мм. Намотку катушки следует производить бифилярно. Первый ряд витков наматывается по часовой стрелке, причем намотка должна идти слева направо. Второй ряд витков наматывается против часовой стрелки, причем намотка должна идти справа налево. Практически бифилярные катушки наматываются проводом, сложенным вдвое. Магнитный поток генераторной катушки для указанных габаритов может быть недостаточным, если изучаемая поверхность располагается вне ее распространения. Для решения этой задачи использовался координационный стол. Разработка различных конструкций генераторных и измерительных катушек выполнялась исходя из вышеописанных законов электричества и магнетизма. Различные вариации материалов, из которых изготавливались магнитопроводы, оптимальные значения толщины обмоточных проводов и толщины намотки на цилиндрический каркас подбирались экспериментальным путем с помощью координационного стола. Следует отметить тот факт, что существенным отличием электромагнитных датчиков для измерения профиля колонны являются их габариты – размер датчиков в проектируемом приборе должен быть значительно меньше.

Для датчика толщины, принцип действия которого заключается в измерении разности фаз между генераторными катушками и измерительной катушкой, габариты датчика определяются главным образом конструктивными элементами зондового устройства, т. е. расстоянием от датчика до исследуемой поверхности.

Таким образом, на основании теоретических предпосылок было разработано новое устройство для измерения внутреннего профиля и толщины колонны, сконструированное в виде выдвижных секций для размещения на них электромагнитных датчиков (рис. 1).

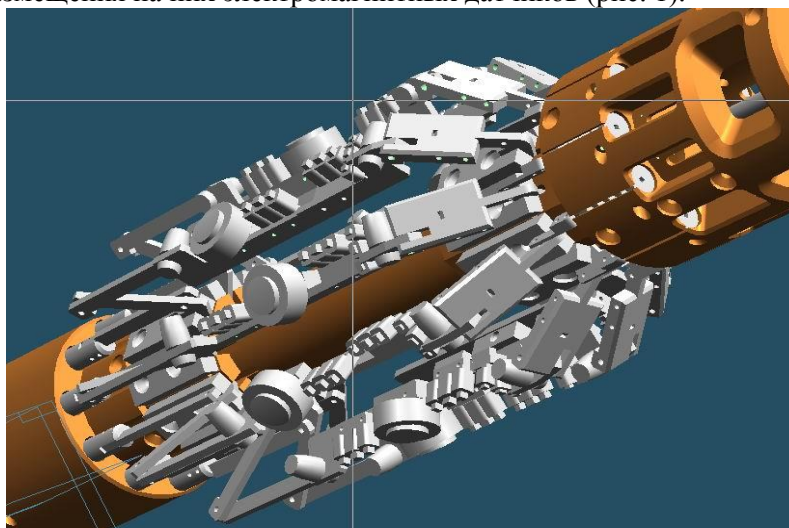

Рис. 1. Выдвижные секции блока электромагнитных датчиков нового устройства для измерения внутреннего профиля и толщины колонны

Генераторная и измерительная катушки помещены в отдельный электромагнитный датчик, располагающийся на отдельной стойке таким образом, чтобы зона покрытия одним датчиком составляла не более 12 мм. В этом случае количество электромагнитных датчиков составляет 60 или 80 штук, равномерно размещенных по периметру прибора (различное количество датчиков определяется диаметром колонны). Выполнить такое положение, при котором практически вся внутренняя поверхность колонны будет исследоваться без пропусков, представляется возможным благодаря использованию двух отдельных секций, в каждой из которой располагаются десять электромагнитных стоек по три или четыре датчика в каждой секции соответственно. Электромагнитные стойки в секциях смещены относительно друг друга на середину расстояния между стойками для большего охвата внутренней части колонны. Прижатие электромагнитных стоек к стенке колонны контролируется, для этого каждой стойке придан индивидуальный измерительный дроссель.

Механические датчики располагаются также в двух секциях таким образом, чтобы измерительные рычаги могли покрывать исследуемую зону внутренней поверхности колонны шириной не более 10 мм. В этом случае количество механических рычагов составляет 50 штук, равномерно размещенных по периметру прибора (рис. 2).

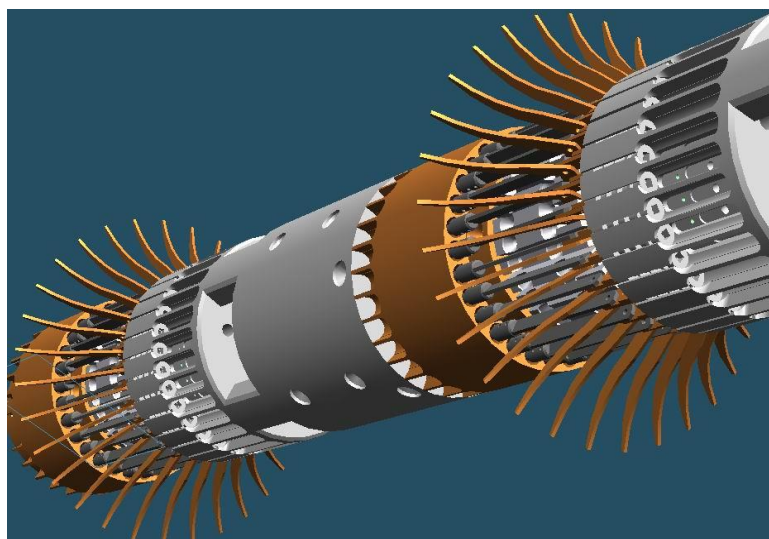

Рис. 2. Блок механических датчиков разработанного устройства

Главным элементом скважинного прибора является контрольно-управляемая стойка с электромагнитными датчиками (рис. 3).

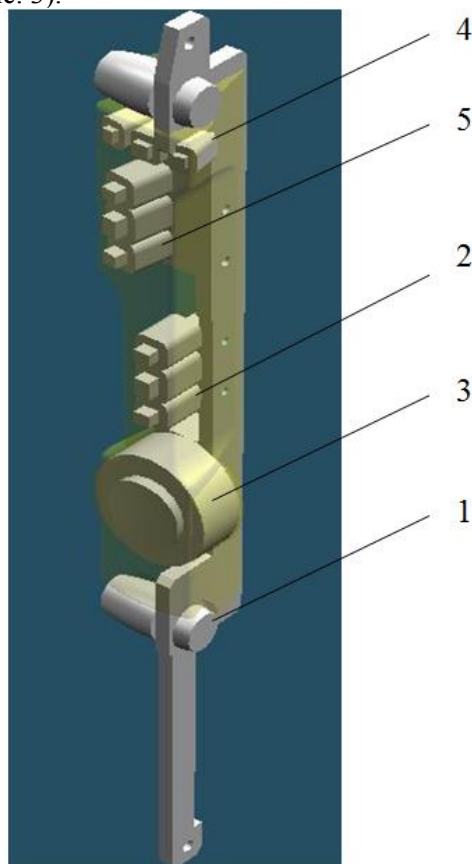

Рис. 3. Контрольно-управляемая стойка с электромагнитными датчиками

На немагнитной подложке стойки 1 укреплены четыре электромагнитных датчика: высокочастотный датчик для измерения расстояния между стойкой и внутренней поверхностью колонны 2, низкочастотный датчик для измерения толщины колонны 3, датчики для индикации дефектов в обсадной колонне в поперечном 4 и осевом 5 направлениях.

Таким образом, разработанное новое устройство для измерения внутреннего профиля и толщины колонны снабжено 80 электромагнитными и 50 механическими датчиками, расположенными в четырех секциях, установленных последовательно друг за другом вдоль оси прибора так, чтобы обеспечивать полный контроль в пределах 360° внутренней поверхности колонны (рис. 4).

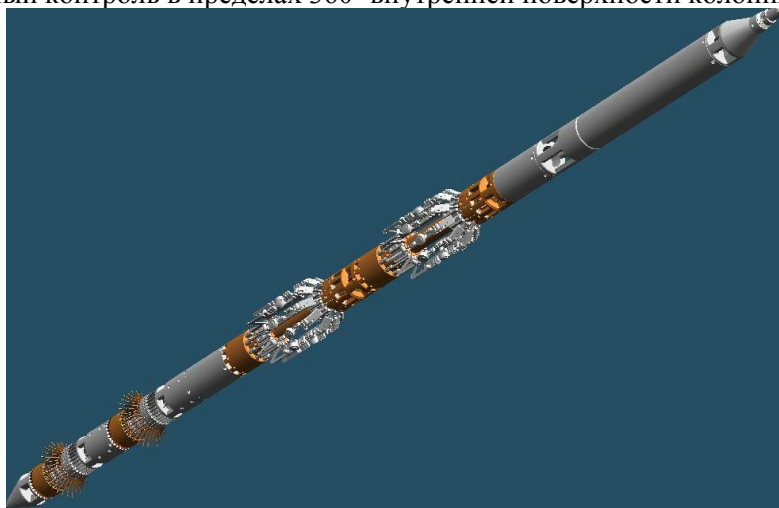

Рис. 4. Общий вид разработанного устройства для контроля технического состояния обсадных колонн

На разработанное «Устройство для определения технического состояния обсадной колонны» в 2010 г в соавторстве получен патент РФ [2].

Литература

1. Будников В. Ф., Макаренко П. П., Юрьев В. А., Диагностика и капитальный ремонт обсадных колонн в нефтяных и газовых скважинах. М.: Недра, 1997. 226 с.
2. Патент № 93880 RU, МПК E21B 47/00. Устройство для определения технического состояния обсадной колонны / А-Г. Г. Керимов, А. А. Иванов, А. Ф. Керимов. Заявл. 25.12. 2009; опубл. 10.05.2010, Бюл. № 13.

УДК 672.9:553.98

**Гридин Владимир Алексеевич, Еремина Наталья Владимировна,
Стерленко Зинаида Васильевна, Кузнецова Александра Анатольевна,
Галай Борис Федорович**

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТЕХНОГЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ФИЛЬТРАЦИОННЫХ СВОЙСТВ КОЛЛЕКТОРОВ В ПРОЦЕССЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ ПХГ (НА ПРИМЕРЕ РЕЗЕРВУАРА В ОТЛОЖЕНИЯХ ЗЕЛЕННОЙ СВИТЫ)

Изменения коллекторских свойств в процессе эксплуатации ПХГ на примере резервуара в отложениях зеленой свиты были изучены и приняты во внимание при анализе результатов исследования. При разделении скважин на группы был применен современный метод анализа данных, а именно кластерный анализ, используемый в статистических исследованиях для классификации объектов; он был реализован в программном обеспечении Statistica.

Ключевые слова: подземное хранилище газа, фильтрационные свойства, проницаемость, резервуар, кластерный анализ, Statistica.

**Gridin Vladimir A., Eremina Natalia V., Sterlenko Zinaida V.,
Kuznetsova Alexandra A., Galai Boris Ph.**

REGULARITY OF TECHNOLOGICAL CHANGES OF FLUID FLOW RESERVOIR PROPERTIES ALONG UGS EXPLOITATION (GREEN SUITE DEPOSITS CASE STUDY)

Effects of several technological factors on reservoir properties of the Green Suite deposits were studied and were taken into consideration based on the UGS wells long-term research result analysis. To divide wells into groups according to boreholes work uniformity was applied modern method of data analysis, namely Cluster analysis used in statistic studies for the objects classification; it was implemented in Statistica software.

Key words: Underground Gas Storage (UGS), fluid flow properties, permeability, nature reservoir, boreholes work uniformity, Cluster analysis, Statistica.

Одним из основных критериев создания подземных хранилищ газа в терригенных коллекторах являются удовлетворительные емкостно-фильтрационные свойства резервуара [1, 2]. Вместе с тем при проектировании долгосрочного хранения зачастую не принимаются во внимание динамические напряжения, возникающие в матрице пород под действием циклических нагрузок. Многолетняя практика эксплуатации подземных хранилищ (Северо-Ставропольское, Касимовское и др.) показывает, что принимаемая на момент создания петрофизическая модель уже через два-три года требует серьезных коррективов [3, 4]. Другими словами, необходимо создание не статических, а динамических моделей резервуара. С этой целью нами была предпринята попытка изучить и в какой-то степени учесть воздействие некоторых техногенных факторов на коллекторские свойства резервуара зеленой свиты.

То, что коллекторские свойства изменяются в процессе эксплуатации ПХГ, факт многократно доказанный. При этом может происходить как увеличение порового пространства и фильтрационной способности пород во времени (в основном за счет выноса мелкозернистого межзернового материала и разрушения каркаса породы), так и уменьшение указанных характеристик (за счет кольматации призабойных зон материалом техногенного происхождения, который поступает в скважины вместе с закачиваемым газом).

Для решения вопроса о характере изменения проницаемости во времени (и по площади) нами был произведен расчет проницаемости по данным работы скважин в течение XII, XVIII, XXII циклов отбора газа.

Были рассчитаны коэффициенты проницаемости по данным работы всей газонасыщенной толщины скважин в XII, XVIII, XXII циклах. По полученным значениям проницаемости построены гистограммы распределения коэффициентов проницаемости. Анализ показывает, что во всех циклах преобладали коэффициенты проницаемости $1,5\text{--}5\text{ мкм}^2$, их содержание изменялось от 44 % в XII цикле до 56,7 % в XVIII цикле.

Если говорить о распределении других интервалов проницаемости, то можно отметить, что последовательно от XII к XXII циклу уменьшалось количество скважин, в которых проницаемость была $< 1,5\text{ мкм}^2$ примерно от 10 % (XII цикл) до 6 % (XXII цикл). Количество скважин, проницаемость в которых составила $> 15\text{ мкм}^2$ увеличилось от 1,5 % (XII цикл) до 6,5 % (XXII цикл). То есть, можно сказать, что в этот период шло непрерывное улучшение проводимости дренажной сети.

По этим же данным были построены схемы изменения проницаемости по трем указанным циклам отбора. Не останавливаясь на детальном описании каждой карты (рисунки 1А, Б, В), можно отметить характерные особенности.

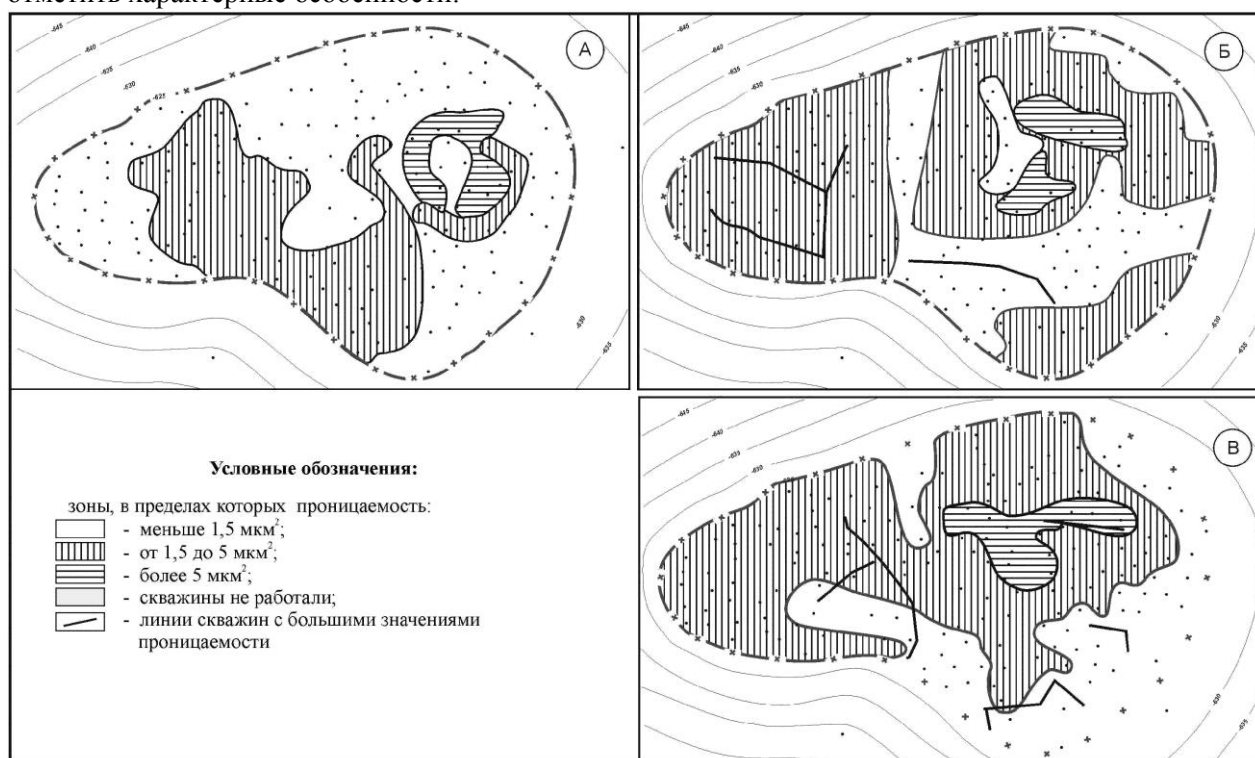

Рис. 1. Северо-Ставропольское ПХГ. Схема изменения проницаемости (дренируется вся газонасыщенная толщина), рассчитанной по результатам работы скважин в циклах отбора: А – XII, Б – XVIII, В – XXII

Если распределение зон с разной проницаемостью в XII цикле имело мозаичный характер и совершенно не совпадало с зонированием резервуара, то распределение зон в XXII цикле приближается по своим контурам к границам зонирования, что позволило по этим данным сделать некоторое уточнение ранее проведенных границ:

- на всех картах наибольшей площадью распространения пользуются зоны с проницаемостью $1,5\text{--}5\text{ мкм}^2$;
- на всех картах зоны с проницаемостью $> 5\text{ мкм}^2$ тяготеют примерно к одним и тем же участкам резервуара, в основном, это его центральная часть;
- зоны с проницаемостью меньше $1,5\text{ мкм}^2$ также тяготеют к определенным участкам (южному и северо-западному); кроме того, на картах по XVIII и XXII циклам появляется зона пониженных значений проницаемости, имеющая субмеридиональное направление, причем на карте по

XVIII циклу она делит резервуар на две примерно равные части, а по XXII прерывается в районе скважин № 273, 285, 297;

– в пределах зон, имеющих более низкую проницаемость, отмечаются скважины с более высокой проницаемостью, которые располагаются обычно по линейным профилям (характеристика профилей приведена в работе [3]).

Как это уже подчеркивалось, толща пород зеленой свиты неоднородна по литологическому составу (в частности глинистости), пористости и проницаемости. В вертикальном разрезе резервуар представлен чередованием слоев и прослоев с разной степенью глинистостью, а, следовательно, и коллекторскими свойствами. Точно оценить количество слабо и хорошо проницаемых про-слоев, которые к тому же выклиниваются по простиранию, очень сложно. По крайней мере, в нашем распоряжении таких данных нет. Но, учитывая, что такой факт имеет место, мы решили произвести теоретический расчет коэффициентов проницаемости, предположив, что удельный объем притока (оттока (dq)) по скважине, рассчитанным нами ранее остается тот же, но фильтруется он через поверхность дренируемого объема пласта, который имеет толщину, отличающуюся от толщины всего пласта. Мы произвели расчет проницаемости, предположив, что суммарная толщина проницаемых пропластков равна: 1 – половине общей газонасыщенности толщины пласта; 2 – газонасыщенной толщине 1 пласта.

По этим данным построены гистограммы распределения проницаемости. Несомненно, уменьшение толщины зоны фильтрации ведет к уменьшению фильтрующей поверхности, следовательно, к увеличению скорости фильтрации газа и проницаемости пород.

Иными словами, отобрать фактический объем газа при условии уменьшения поверхности зоны фильтрации каждой скважины можно только при соответствующем увеличении проницаемости пласта на контакте зон, дренируемых скважинами.

Мы предположили, что при любом варианте меняется (при различных условиях, принимаемых в расчетах) не только проницаемость, но и дренируемая толщина. С позиции понимания физических процессов, происходящих в скважине, можно предположить, что после каждого цикла закачки в отдельно взятой скважине в цикле отбора начинает работать только определенный набор проницаемых пропластков, причем вероятнее всего существенно отличающийся (по значению проницаемости, количеству пропластков и др.) от заключительных этапов предыдущего цикла отборов. Скорее всего, это обусловлено тем, что во время закачки газа мы в какой-то степени (может быть, и в значительной) изменяем часть дренажной системы в ПЗП. Механические примеси и вода способствуют частичному засорению фильтрационных каналов, разбуханию глинистых материалов и другим процессам, влияющим на ЕФС продуктивной зоны пласта. В результате изменяется величина проницаемости, а, следовательно, и работающие интервалы эффективной толщины. С увеличением интервала снижается скорость фильтрации в ПЗП и наоборот. С уменьшением интервала при данной депрессии скорость фильтрации в ПЗП возрастает, активизируются процессы разрушения каркаса породы и выноса глинистых и мелкоалевритовых частиц.

Анализ имеющихся данных по проницаемости по различным циклам и с разной фильтрующей толщиной показал, что действительно проницаемость в разных циклах для одной и той же скважины может оказаться очень близкой, но при условии дренирования фильтрующих пропластков различной толщины.

По полученным данным были составлены схемы для XII и XXII циклов с выделенными зонами, в пределах которых работала та или иная толщина пласта (рис. 2 А, В).

Анализ схем показывает, что на самом деле в различных циклах отбора к работе подключалось различное количество проницаемых пропластков. Причем контуры этих полей проницаемости менялось во времени. К примеру, если в XII цикле значительное поле, вытянутое в субмеридиональном направлении и тяготеющее к восточной границе резервуара, работало таким образом, что фильтрующая толщина соответствовала всей газонасыщенной толщине, то в XXII цикле отбора примерно в пределах этого же поля фильтрующая толщина соответствовала толщине I пласта. Имеющиеся материалы свидетельствуют, что полученные нами данные по средним значениям проницаемости являются наиболее объективными. Проницаемость менялась практически в течение трех изученных циклов отбора, менялась толщина проницаемых пропластков, подключаемых к работе скважины. В пределах резервуара выделены зоны с проницаемостью меньше 5 мкм^2 (преобладает) и от $5\text{--}15 \text{ мкм}^2$. Проницаемость более 15 мкм^2 имеют единичные скважины, которые разбро-

саны не беспорядочно, а закономерно располагаются на трех профилях. Причем на каждом профиле средние значения проницаемости различаются, а в пределах профиля по скважинам близки. Так по профилю скважин № 340–309 проницаемость составляет от 9,3 до 12,9 мкм², за исключением скважины № 335, в которой во всех циклах (даже при условии работы всей газонасыщенной толщины) была отмечена высокая проницаемость (более 25 мкм²). Среднее значение по этому профилю – 15 мкм².

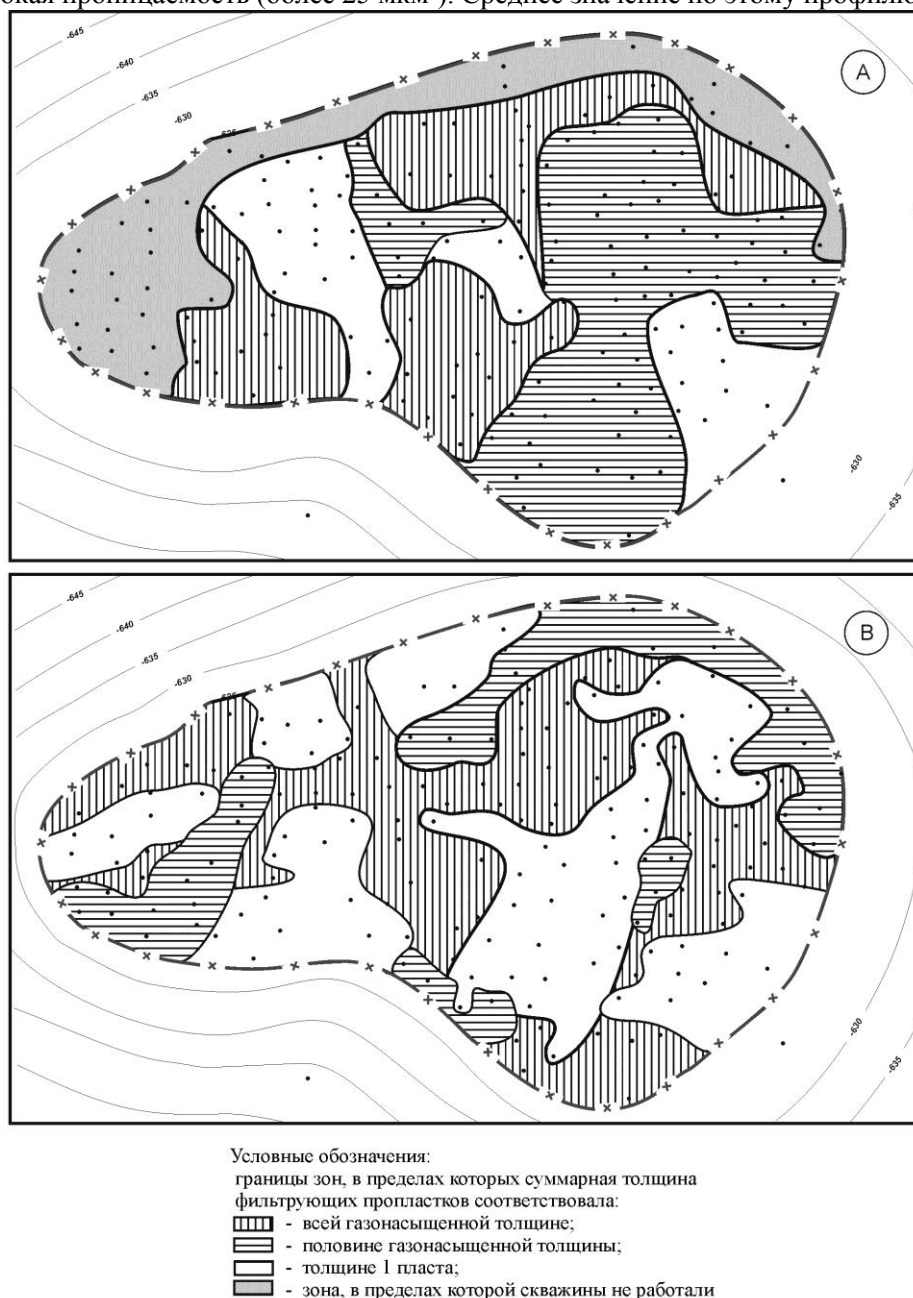

Рис. 2. Северо-Ставропольское ПХГ. Модельная схема зонирования резервуара в горизонте зеленая свита по значениям дренируемых толщин в: А – XII цикле; В – XXII цикле отбора

В качестве осуществляемого метода, основанного на системном подходе, применялось группирование скважин по их потенциальным возможностям, отражающим величину отобранных и закачанных объемов газа за цикл в резервуар зелёной свиты Северо-Ставропольского ПХГ.

Для решения задачи выделения групп скважин по принципу однородности работы были использованы современные методы анализа данных, а именно кластерный анализ, применяемый в статистических исследованиях при классификации объектов, и реализованный в компьютерной программе Statistica. Диагностическим признаком являлось отношение величины закачанного газа

в скважину за цикл к величине отобранного за соответствующий цикл. Использовались данные по 155 скважинам за 10 циклов отбора и закачки (с X по XX). Учитывая тот факт, что использовался один признак, стандартизация данных не проводилась. В работе был использован итеративный метод группировки K-MEANS CLUSTERING.

Принципиально метод K-MEANS CLUSTERING работает следующим образом:

1. Вначале задается некоторое разбиение данных на кластеры; вычисляются центры тяжести кластеров.
2. Происходит перемещение точек: каждая точка помещается в ближайший к ней кластер.
3. Вычисляются центры тяжести новых кластеров.
4. Шаги 2 и 3 повторяются, пока не будет найдена стабильная конфигурация, то есть кластеры не будут изменяться.

Оценка количества кластеров, на которые будет выполняться разбиение, проводится исходя из следующих принципов:

- Групп не должно быть слишком много, что может существенно увеличить трудозатраты на обработку результатов кластеризации.
- Слишком малое количество групп приведет к объединению разнородных данных, тем самым, снизив возможности дифференциации и геолого-технологического обоснования типов режима скважин.

В результате применения анализа геолого-промысловых данных все скважины были сгруппированы в 5 классов. Каждый кластер характеризуется определенной величиной средних значений исследуемого признака (рис. 3).

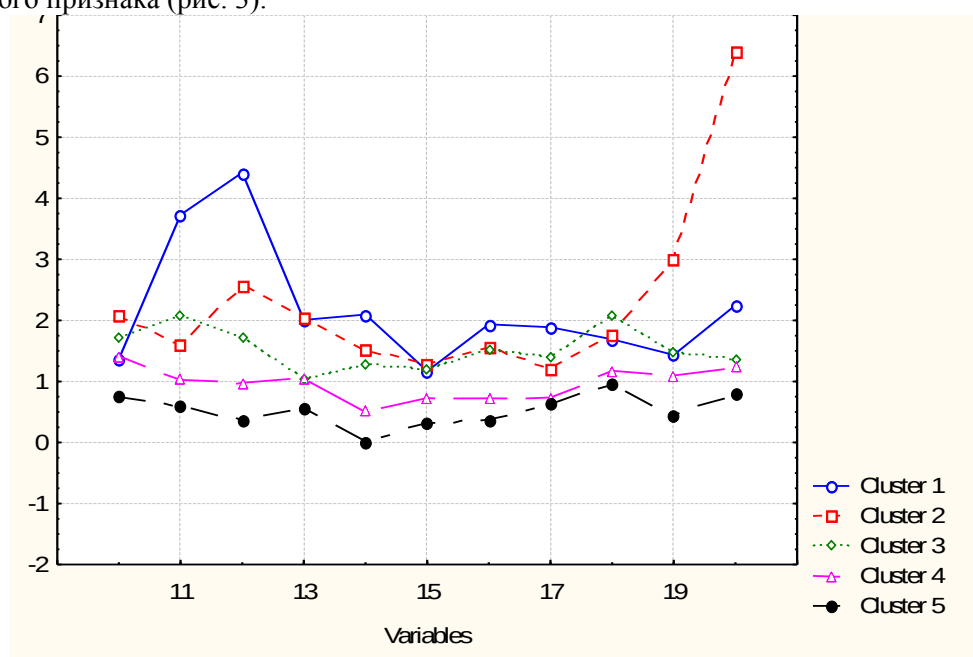

Рис. 3. График средних значений исследуемого признака для выделенных кластеров

Проведенный анализ статистических характеристик диагностического признака кластеров показывает, что в среднем каждая группа характеризуется определенной приуроченностью к участкам резервуара горизонта зеленая свита.

Таблица 1

Статистические характеристики диагностического признака по кластерам

№ класса	Среднее	Среднеквадратическое стандартное отклонение	Минимум / максимум	Коэффициент вариации	Количество скважин
1	2,18	1,00	1,17 ÷ 4,4	0,46	6
2	2,27	1,47	1,2 ÷ 6,4	0,65	5
3	1,53	0,33	1,06 ÷ 2,08	0,22	23
4	0,97	0,26	0,52 ÷ 1,41	0,27	25
5	0,53	0,27	0 ÷ 0,97	0,51	23

По результатам кластерного анализа выделяются 2 крупные группы скважин [4] .

Первая, на долю которой приходится 48 % скважин, характеризуется тем, что в скважинах на протяжении исследуемых циклов объем отобранного газа превышает объем закачанного (четвертый и пятый кластеры). Величина среднего значения диагностического признака 0,97 и 0,53 соответственно. Территориально скважины пятого кластера оконтуривают залежь с севера-востока и юга-востока непрерывной узкой дугой, повторяя конфигурацию контура ГВК в этой части залежи (рис. 4). Скважины четвертого кластера в виде двух вытянутых полос преимущественно субширотного простирания примыкают к зоне распространения скважин пятого кластера на севере и на юге. В центре залежи выделяется небольшой участок четвертого кластера, окруженный скважинами первого и третьего кластеров.

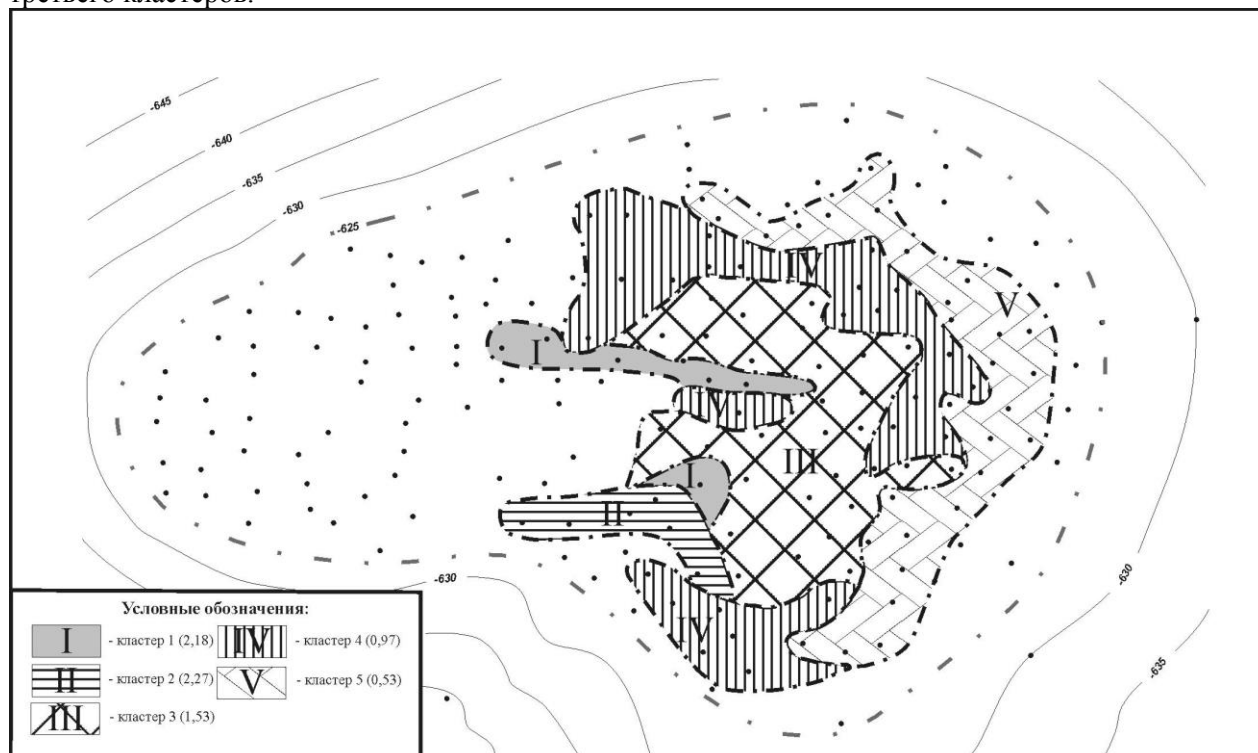

Рис. 4. Северо-Ставропольское ПХГ. Схема зонирования резервуара зеленой свиты по однородности режима работы скважин в циклах отбора и закачки газа за период с X по XX циклы на 19.04.00

Вторая группа представлена первым, вторым и третьим кластерами. Во всех скважинах этой группы объем отобранного газа меньше, чем объем закаченного во всех изученных циклах.

Наибольшее количество скважин приходится на третий кластер – 28 %. Величина среднего значения исследуемого признака (1,53) показывает превышение количества закаченного газа над отобраным в 1,5 раза. Территориально скважины занимают центральную область резервуара подземного хранилища газа (ПХГ).

Величины средних значений исследуемого признака для первого и второго кластеров 2,18 и 2,27 соответственно, что свидетельствует о превышении количества закаченного газа над отобраным более чем в 2 раза.

По графику для двух кластеров, выделенных по результатам исследования наименьшего количества скважин, прослеживаются следующие тенденции:

- снижение величины диагностического признака для первого кластера с 4,5 до 1,5 за период с 10 по 20 циклы эксплуатации ПХГ;
- увеличение величины исследуемого признака для второго кластера за этот же период с 2 до 6,5.

Территориально скважины второго кластера локализуются в виде субширотно вытянутой полосы на юге резервуара, а скважины первого кластера в северной части центральной зоны.

Сравнивая схемы по проницаемости и схемы с выделенными кластерами можно констатировать, что скважины 4 и 5 кластеров (где объем отобранного газа превышает объем закачанного) для северных участков тяготеет к зоне с повышенными значениями проницаемости (рис. 5), а для южных и восточных районов - к зонам с более низкими значениями проницаемости.

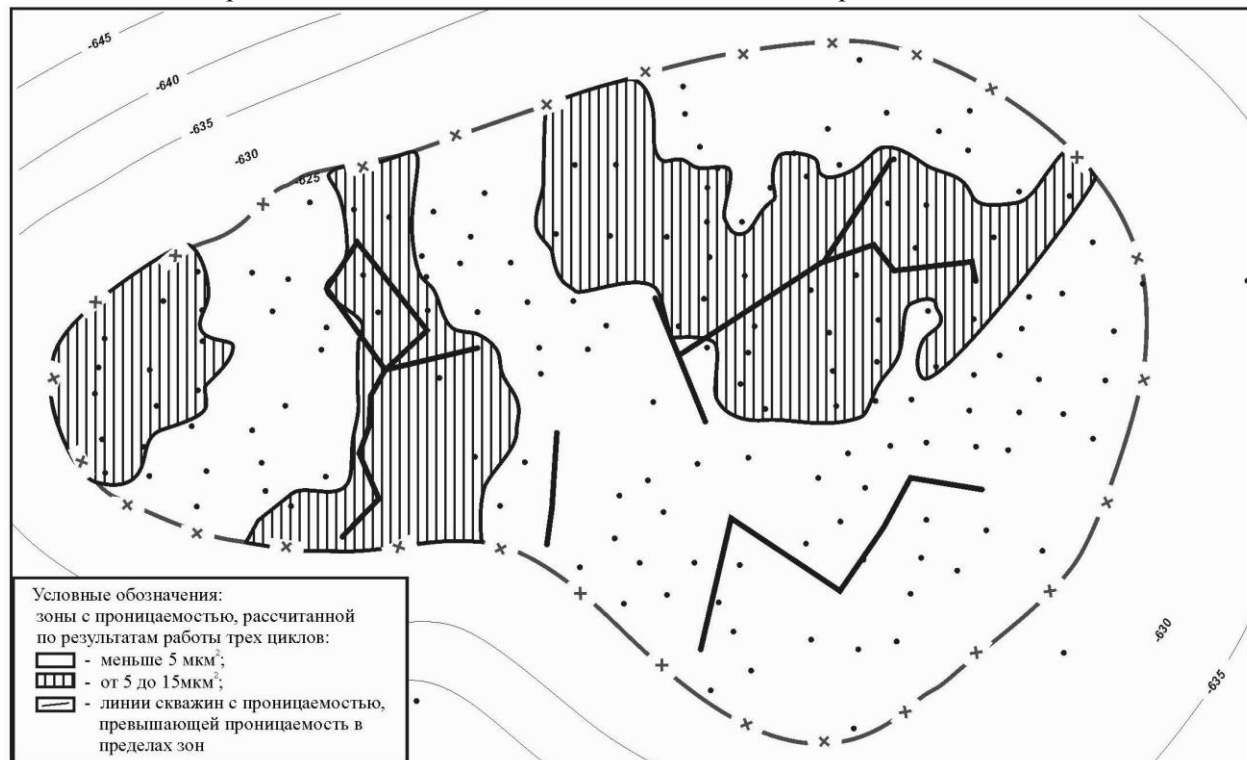

Рис. 5. Северо-Ставропольское ПХГ. Схема изменения проницаемости (по результатам работы трех циклов)

Можно предположить, что приуроченность к периферии ПХГ кластеров 4 и 5 связано с остаточными запасами газа на начало создания ПХГ и созданием тоннельных путей миграции газа после оттеснения пластовой воды. Этим можно объяснить приуроченность кластера скважин с превышением объемов отборов над объемами закачки в среднем в два раза (пятый кластер) к периферии ПХГ на востоке резервуара.

Полученные данные позволили значительно уточнить схему распределения полей проницаемости, зонирование резервуара по степени однородности и составить более обоснованную динамическую модель резервуара ПХГ в горизонте зеленая свита.

Литература

1. Яремийчук Р. С., Ефремов И. Ф., Иванов В. Н. Воздействие на призабойную зону скважин многократными депрессиями-репрессиями // Нефтяное хозяйство. – 1987. – № 11.
2. Тагиров К. М., Гноевых А. Н., Лобкин А. Н. Вскрытие продуктивных нефтегазовых пластов с аномальными давлениями. – М.: Недра, 1996. – 183 с.
3. Гридин В. А., Стерленко З. В., Ерёмин Н. В. Определение фильтрационных характеристик резервуара хадумского горизонта по комплексу геолого-промысловых данных в процессе эксплуатации Северо-Ставропольского ПХГ // Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону: тезисы докладов 15-й научно-технической конференции. Т. 1. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2010. – С. 116 – 117.
4. Гридин В. А., Еремина Н. В., Стерленко З. В., Кузнецова А. А. Применение кластерного метода при анализе геолого-промысловых данных горизонта зеленая свита Северо-Ставропольского ПХГ в компьютерной программе Statistica // IX международная научно-практическая конференция «Наука в информационном пространстве» в 8 томах. Том 7. Сучасні проблеми та їх вирішення - Днепропетровск, 2013. – С. 19–25.

УДК 553.98

**Лиховид Андрей Александрович, Голованов Михаил Петрович,
Туманова Елена Юрьевна, Дементеев Максим Владимирович**

ОСОБЕННОСТИ НЕФТЕГАЗОГЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

На основе анализа результатов геологоразведочных работ на нефть и газ, проведенных на Ставрополье за последние 25 лет представлена новая схема нефтегазогеологического районирования с уточнением границ известных и выделением новых нефтегазоносных районов и зон нефтегазонакопления.

Ключевые слова: нефтегазоносный район, зона нефтегазонакопления, месторождения нефти и газа, продуктивные отложения, продуктивный пласт.

**Likhovid Andrey A., Golovanov Mikhail P., Tumanova Elena Y., Dementeev Maxim V.
FEATURES OF OIL-GAS-GEOLOGICAL ZONING OF STAVROPOL REGION TERRITORY**

On the basis of analysis of results of exploration for oil and gas, conducted in the Stavropol region for the last 25 years, described a new scheme of oil-gas-geological zoning with specification of known borders and the release of new oil and gas regions and gas accumulation zones.

Key words: oil and gas region, oil and gas accumulation zone, oil and gas fields, productive deposits, reservoir.

Изучение пространственных закономерностей размещения скоплений углеводородов (УВ) в осадочных комплексах земной коры позволило многочисленным исследователям сделать вполне закономерные заключения о приуроченности месторождений нефти и газа, в зависимости от конкретной территории, к определенному типу геологических (тектонических) структур. Этот вывод позволил, по сути, обосновать набор геологических критериев, определяющих условия нефтегазообразования и пространственного размещения скоплений УВ [1]. Такой комплекс геологических критериев прежде всего включает в себя информацию о тектонической приуроченности и современном структурном плане районированной территории и об истории ее геологического развития.

Руководствуясь этими соображениями, в целом можно согласиться с общепринятой схемой нефтегазогеологического районирования А. И. Летавина [2] и признать, что Скифская (Предкавказская) плита представляет собой единую нефтегазоносную провинцию, в пределах которой выделено несколько нефтегазоносных областей, включающих нефтегазоносные районы и зоны нефтегазонакопления [3].

В то же время в принятой схеме отмечается некоторое несоответствие критериев ранжирования объектов нефтегазогеологического районирования. С точки зрения геотектонической иерархии тектонические элементы: Ставропольский свод, соответствующий газонефтеносной области, Прикумская система поднятий, Зона Манычских прогибов, Восточно-Ставропольская впадина, соответствующие нефтегазоносным районам, – являются объектами одного тектонического порядка. Следовательно, и в нефтегазогеологической иерархии они должны быть равны по рангу. Поэтому Ставропольский свод логичнее рассматривать как газоносный район в составе Восточно-Предкавказской нефтегазоносной области.

Как и в большинстве схем нефтегазогеологического районирования различных провинций, А. И. Летавиным за основу была принята разработанная им же схема тектонического районирования Северного Кавказа. В пределах Ставропольского края «тектонические» и «нефтегазогеологические» границы совпадают на большей части территории, за исключением зон сочленения Ставропольского свода с Зона Манычских прогибов и Прикумской системой поднятий. В первом случае на «спорной» малоперспективной территории, в структурно-тектоническом отношении выраженной моноклиналию, резко погружающейся в сторону Зоны Манычских прогибов, залежей УВ не выявлено, и поэтому вопрос не имеет принципиального значения, хотя она очевидно относится к Восточно-Манычскому нефтегазоносному району. Во втором случае суть противоречия заключается в следующем: восточная граница Ставропольского свода проведена через Мирненскую зону газонакопления, входящую в состав Прикумского нефтегазоносного района. Учитывая, что тектоническая граница между сводом и системой поднятий на данном участке проведена в существенной

степени условно (по домезозойской поверхности, здесь не фиксируется ни разрывных нарушений, ни изменений вещественного состава пород), совмещение здесь «тектонической» и «нефтегазогеологической» является вполне обоснованным как геологически, так и логически.

В результате геологоразведочных работ, проведенных после опубликования схемы А. И. Левитина, на Ставрополье выявлены залежи УВ в районах, нефтегазоносность которых установлена впервые. Это позволило выделить новые зоны нефтегазонакопления.

Таким образом, общепринятая схема нефтегазогеологического районирования была в существенной степени уточнена и представлена в следующем виде. На территории Ставропольского края выделяются три нефтегазоносные области, включающие районы и зоны нефтегазонакопления.

Западно-Предкавказская газонефтеносная область восточной своей частью распространяется на территорию Ставропольского края. Здесь область связана с Западно-Ставропольской впадиной, которая в свою очередь осложнена Расшеватским поднятием, представляющим собой крупный структурный выступ, погружающийся с востока на запад. Амплитуда выступа 200–250 м по нижнемеловым отложениям. С этим поднятием связана одноименная зона газонакопления и газоконденсатное месторождение. Залежи УВ приурочены к отложениям альбского яруса нижнего мела и хадумского горизонта олигоцена. В 2006 г. в зоне сочленения Западно-Ставропольской впадины и Ставропольского свода на Кармалиновской площади в трещиноватых породах каменноугольных отложений было открыто одноименное газоконденсатное месторождение.

В юго-западной части края небольшая по площади территория соответствует северному борту Беломечетского прогиба Восточно-Кубанской впадины, в пределах которого месторождений УВ не выявлено. Но на ряде площадей зафиксированы нефтегазопоявления из юрских и меловых отложений (Трехсельская, Черкесская, Фроловская и др.).

В **Восточно-Предкавказскую нефтегазоносную область** входят Ставропольский, Восточно-Манычский, Прикумский и Восточно-Ставропольский нефтегазоносные районы, а также перспективный район Ногайской ступени.

Ставропольский газонефтеносный район генетически связан с внутриплатформенной структурой II порядка – Ставропольским сводом. В северной части района выделяются Тахта-Кугультинско-Сенгилеевская и Грачевско-Кучерлинская зоны газонакопления.

В пределах Тахта-Кугультинско-Сенгилеевской зоны газонакопления основным газоносным объектом является хадумский горизонт, с которым связаны газовые месторождения. Горизонт в стратиграфическом разрезе расположен в нижней части мощной глинистой толщи майкопской серии. Последняя выполняет роль покрывки. Максимальные толщины песчано-алевролитовых пород (40–80 м) приурочены к Северо-Ставропольско-Пелагиадинской структуре. Эти породы прослеживаются полосой, ширина которой составляет 30–40 км в западном и северо-восточном направлениях. К северо-западу и юго-востоку от этой полосы песчанистость хадумского горизонта резко сокращается. Хадумский горизонт в зоне развития коллекторов при наличии ловушек повсеместно газоносен (Тахта-Кугультинское, Сенгилеевское, Безопасненское и Южно-Радыковское месторождения). Этой особенностью он отличается от подстилающих отложений палеоцена и черкесской (зеленой) свиты, с которой связана газовая залежь на Северо-Ставропольской площади.

Продуктивные горизонты Грачевско-Кучерлинской зоны газонакопления связаны с отложениями нижнего (верхний майкоп) и среднего (караган-чокрак) миоцена. Основная часть залежей выявлена в верхнемайкопских отложениях, в разрезе которых выделяются до семи маломощных песчано-алевролитовых пластов, распространенных в восточной части Ставропольского свода. В связи с открытием газовых залежей в верхнемайкопских отложениях на Маячной площади и в чокракских отложениях на Дербетовской площади, территория Грачевско-Кучерлинской зоны газонакопления была нами существенно увеличена в северном направлении.

Убеженско-Николаевская зона нефтегазонакопления в тектоническом отношении соответствует Южно-Ставропольскому валу. Большая часть зоны расположена в пределах Краснодарского края. Зона объединяет Александровское, Убеженское, Николаевское и Северо-Николаевское месторождения, приуроченные к палеоцен-эоценовым отложениям. Залежи Убеженского и Николаевского месторождений газонефтяные, Александровского – газовые, Северо-Николаевского – нефтяные.

В **Восточно-Манычском нефтегазоносном районе**, который в тектоническом отношении соответствует Арзгирскому и Восточно-Манычскому прогибам, Зунда-Талинской седловине, Величаевско-Максимокумскому и Дадынскому валообразным поднятиям, выделяются Камышевская, Ве-

личаевско-Максимокумская и Совхозно-Урожайненская зоны нефтегазонакопления. Диапазон нефтегазоносности Восточно-Манычского нефтегазоносного района велик и охватывает пермо-триасовый, юрский, нижнемеловой, верхнемеловой и неогеновый комплексы, в которых выделяется до 18 продуктивных горизонтов и пластов. Распределение залежей нефти и газа отличается неравномерностью, как по разрезу, так и по площади. Основные по запасам залежи нефти связаны с отложениями неокомского, аптского, альбского ярусов нижнего мела. Наиболее крупными по запасам являются месторождения Величаевско-Колодезное, Зимне-Ставкинско-Правобережное, Восточно-Безводненское и Русский Хутор Северный.

Промышленная нефтеносность пермо-триасовых отложений доказана на 13 месторождениях и связана преимущественно с отложениями нефтекумской свиты. Карбонатная толща пород, слагающих свиту, особенно ее верхняя часть, представлена трещиноватым и трещиновато-кавернозным известняками и обладает, как правило, хорошими фильтрационно-емкостными свойствами. В структурно-тектоническом плане основная часть залежей приурочена к погребенному Величаевско-Максимокумскому валу.

Промышленная нефтеносность нижнеюрских отложений приурочена к VII песчано-алевролитовой пачке тоарского яруса. Залежи нефти в VII пачке установлены на Величаевско-Колодезном, Зимне-Ставкинском, Восточно-Безводненском и других месторождениях, залежи газа и нефти на Урожайненском месторождении.

В отложениях средней юры основные по запасам и продуктивности залежи приурочены к VI песчано-алевролитовой пачке ааленского яруса и V гравелитово-песчаной пачке байосс-батского яруса. Мощность коллекторов в разрезе V пачки достигает 80–100 м. Залежи нефти в V пачке средней юры установлены на Восточно-Безводненском, Камышовом, Русском Хуторе Северном и других месторождениях.

Верхнеюрские отложения характеризуются ограниченным распространением. Залежи нефти известны на площадях: Старобакресской, Камышовой, Восточно-Безводненской, газоконденсата – Русский Хутор Северный. Залежи приурочены к I пачке кимериджа и, в основном, к III пачке нерасчлененной толщи келловей-оксфорда. Литологически III пачка представлена песчаниками с тонкими прослоями алевролитов и аргиллитов, реже – кавернозными доломитами.

Размещение залежей УВ в юрских отложениях контролируется структурными и литологическими условиями. По типу залежи юрских отложений относятся в основном к пластовым сводовым или пластовым сводовым с частичным литологическим экранированием.

Залежи нефти и газа нижнемеловых отложений приурочены к пластам песчаников и алевролитов, объединенных по промысловой номенклатуре в ряд пачек. К отложениям неокома относятся XIII–IX, апта – VIII–V, альба – IV–I пачки. Продуктивные пласты нижнемеловых отложений, в отличие от юрских, характеризуются относительной выдержанностью и отсутствием резких колебаний мощностей. Распределение залежей нефти и газа по площади и разрезу неравномерное и обусловлено особенностями геологического строения и условиями их формирования.

Нефтегазоносность XIII, XII, XI пластов весьма ограничена. Залежи нефти с небольшими запасами установлены на Камышовом, Старобакресском, Восточно-Безводненском и других месторождениях.

Залежи нефти VIII и IX пачек нижнего мела характеризуются высокой продуктивностью. Начальные дебиты по скважинам составляли 70–180 т/сут. Литологически IX пачка относительно выдержана, мощность составляет до 25–35 м. Залежи VIII пачки по сравнению с IX пачкой характеризуются большей площадью и величиной запасов.

Залежи нефти в VI и V пачках апта установлены на Величаевско-Колодезном месторождении. Продуктивные пласты разделяются 50-метровой глинистой толщей. На этой же площади залежи выявлены в IV и I пачках альбских отложений, последняя пачка продуктивна и на Ново-Молодежной площади.

В Восточно-Манычском нефтегазоносном районе выявлены залежи нефти в карбонатных отложениях верхнего мела с небольшими запасами установлены на Восточно-Безводненском, Зимне-Ставкинском, Величаевско-Колодезном, Эбелекском и других месторождениях.

Со среднемайкопскими отложениями связаны небольшие залежи газа на Величаевской, Восточно-Безводненской, Максимокумской и других площадях, приуроченных к Величаевско-Максимокумской зоне нефтегазонакопления, а также в западной части района – на Восточно-

Арзгирской и Гороховской площадях. Залежи приурочены к песчано-алевролитовым пластам майкопской толщи. С отложениями верхнего майкопа связаны газовые залежи Каменно-Балковского месторождения. Таким образом, в восточной части района открыто три газовых месторождения, не принадлежащих ни к одной зоне нефтегазонакопления. На этом же участке на Бойчаровской площади получены притоки газа и конденсата. Поэтому здесь целесообразно выделить Арзгирско-Гороховскую зону газонакопления.

Прикумский нефтегазоносный район тектонически связан с одноименной зоной поднятий, включающей Мирненскую, Петропавловскую, Озек-Суатскую зоны поднятий, Ачикулакский вал, Довсунский и Кумский прогибы. Размещение залежей нефти и газа этого района контролируется структурными, литологическими, гидрогеологическими и геохимическими условиями. Основными продуктивными горизонтами являются юрские и нижнемеловые отложения. Здесь большое значение имеет региональное стратиграфическое и угловое несогласие нижнемеловых и юрских отложений. При таком залегании создаются условия для контакта коллекторов этих отложений с образованием «стратиграфических окон», через которые осуществляется гидродинамическая связь разновозрастных природных резервуаров. Наличие таких «стратиграфических окон» зафиксировано также между верхне- и среднеюрскими отложениями.

Юрские отложения в Прикумском нефтегазоносном районе распространены только в восточной части. Нижний отдел в объеме VII пачки нефтепромысловой номенклатуры продуктивен на площадях: Подсолнечная, Долинная, Южный Озек-Суат, Катериновская. Среднеюрский байосский гравелитово-песчаный пласт нефтеносен на месторождениях: Озек-Суат, Емельяновское, Полевое, Белозерское, Северо-Уларское, Сухановское. Залежи нефти относятся к пластовым сводовым или пластовым сводовым с частичным литологическим экранированием.

Терригенные коллекторы IV пачки батского яруса характеризуются невысокими фильтрационно-емкостными свойствами, что обусловлено значительной глинизацией. Здесь установлена залежь на месторождении Озек-Суат.

Верхнеюрские отложения, как и в Восточно-Манычском нефтегазоносном районе, выделяются в объеме III и II терригенных и I терригенно-карбонатной пачек. III пачка продуктивна на месторождениях Озек-Суат, Уларское, Восточно-Дьяченковское. II пачка продуктивна на Озек-Суатском месторождении, I пачка на Сухановском.

В разрезе нижнемеловых отложений выделяются две региональные глинистые покрывки, играющие большую роль в формировании и размещении залежей УВ. Глинистая покрывка в нижней части аптского яруса (VII пачка) мощностью 20–60 м контролирует залежи VIII–XIII пачек. Покрывка в верхней части альбского яруса контролирует формирование залежей в I пачке, а там, где она размыта, роль покрывки выполняют слабопроницаемые карбонатные породы верхнего мела. Основными нефтеносными являются VIII, IX и I пачки. С VIII и IX пачками нижнего мела связаны залежи на Озек-Суатском, Подсолнечном, Белозерском, Южном, Сухановском и других месторождениях. Залежи XIII пачки выявлены на месторождениях Озек-Суат, Курган-Амур и других. Залежи I пласта пластовые сводовые, VIII и IX пластов – структурно-литологического типа.

В западной части района к I пачке приурочены газоконденсатные месторождения: Мирненское, Северо-Мирненское, Сельское, Крутоярское, Южно-Серафимовское. На крупном Мирненском месторождении разведаны три газоконденсатных залежи газа в I пачке альбских отложений и столько же в верхнемайкопском комплексе. По нижнемеловым отложениям общий этаж газоносности составляет более 150 м. Продуктивные пласты имеют мощность 20–10 м и разобщаются 10–20-метровыми глинистыми покрывками.

Нефтеносность I пачки связана преимущественно с месторождениями Ачикулакской зоны нефтенакопления (Лесное, Белозерское, Ачикулакское и другие). Мощность I пласта изменяется от 140 м до 80 м, уменьшаясь в восточном направлении. Слагающие его породы характеризуются высокими коллекторскими свойствами. Отложения верхнего мела являются региональной покрывкой, контролирующей нефтегазонакопление в природном резервуаре I пласта.

С верхнемеловыми отложениями связано 12 месторождений (Подсолнечное, Нефтекумское, Озек-Суатское и др.). Основным продуктивным горизонтом являются трещиноватые известняки маастрихтского яруса. Геологическое строение резервуара и залежей в карбонатных породах маастрихтского яруса отличается сложностью и своеобразием. По характеру нефтенасыщения все залежи являются водонефтяными. Содержание воды колеблется от 3 до 75 %.

В пределах Прасковейского месторождения залежи нефти открыты в черкесской и кумско-керестинской свитах. На Ачикулакском месторождении залежи связаны с карбонатными породами кумской и белоглинской свит, на Лесном месторождении залежи открыты в кумско-керестинской и белоглинской свитах.

В хадумских отложениях выявлены залежи нефти структурно-литологического типа, связанные с зонами повышенной трещиноватости, на месторождениях Озек-Суат, Прасковейское, Ачикулакское, Лесное. Коллекторами являются тонколистоватые глины «нарушенной» структуры, которая выражается в разуплотнении (раздвинутости) листоватых фрагментов пород.

В *Восточно-Ставропольском нефтегазоносном районе* основной продуктивной толщей являются нижнемайкопские отложения (хадумский горизонт и баталпашинская свита), представленные трещиноватыми глинами. Здесь открыты Журавское и Воробьевское месторождения. Залежи нефти контролируются литологическими (развитием листовато-трещинной пористости отложений), палеоструктурными и гидрогеологическими факторами.

Сочетание в майкопской нефтегенерирующей толще одновременно роли покрывки и коллектора определяет сложность механизма формирования залежей углеводородов. Залежи неантиклинального типа, имеют сложное мозаичное строение, площадь и положение в разрезе залежей контролируются зонами распространения коллекторов.

Газопроявления из отложений черкесской свиты, получены на Журавской, Северо-Нагутской и Александровской площадях. На ряде площадей были получены нефтегазопроявления из отложений хадумского горизонта и баталпашинской свиты (Искринская, Южно-Спасская, Георгиевская, Северо-Нагутская и другие).

Вышесказанное указывает на региональную нефтегазоносность палеогеновых отложений, в первую очередь олигоценых, не только в пределах Восточно-Ставропольской впадины, но и на территории Ногайской ступени, Терско-Каспийского прогиба и Прикумской системы поднятий.

В зоне фациального замещения песчано-алевролитовых пород черкесской свиты глинисто-карбонатными породами установлена газовая залежь с небольшими запасами на Веселовской площади. Еще одна залежь на этой площади связана с отложениями нижнего мела.

Перспективный нефтегазоносный район Ногайский ступени в тектоническом отношении соответствует одноименному тектоническому элементу. Здесь выявлено только одно Архангельское месторождение, залежи нефти которого связаны с отложениями хадумской и кумско-керестинской свит. В перспективных нижнемеловом и юрском комплексах залежей УВ не открыто, но нефтепроявления из известняков верхней юры были получены на Сухопадинской площади, а из отложений берриаса – на Курганной.

В *Терско-Каспийской нефтегазоносной области* в пределах края нефтегазоносность нижнемеловых отложений установлена на Курском месторождении. На площадях Советской, Уваровской, Галюгаевской в отдельных скважинах были получены притоки нефти, свидетельствующие о региональной нефтегазоносности нижнемеловых отложений. В верхнемеловых отложениях известна залежь на Советском месторождении. На этом же месторождении была выявлена залежь нефти в отложениях баталпашинской свиты.

Промышленная нефтегазоносность юрских отложений не установлена. Но на ряде площадей (Марьинская, Лысогорская, Зольская и другие) при опробовании юрских отложений получены нефтегазопроявления различной интенсивности. Условия нефтегазоносности и закономерности размещения залежей по разрезу не выяснены.

Таким образом, в ходе анализа результатов геологоразведочных работ на нефть и газ, проведенных в Ставропольском крае в период с 90-х гг. прошлого века по настоящее время, было существенно уточнено нефтегазогеологическое районирование территории, в пределах которой выделены новые нефтегазоносные районы и зоны нефтегазонакопления. Использование полученных результатов позволит повысить уровень и достоверность регионального прогноза нефтегазоносности и обоснования новых направлений геологоразведочных работ на нефть и газ.

Литература

1. Баженова О. К., Бурлин Ю. К., Соколов Б. А., Хаин В. Е. Геология и геохимия нефти и газа. М.: Изд-во МГУ, 2000. 384 с.
2. Тектоника и нефтегазоносность Северного Кавказа / А. И. Летавин, В. Е. Орел, С. М. Чернышев и др. / отв. ред. Н. А. Крылов. М.: Наука, 1987. 93 с.
3. Геология и нефтегазоносность Предкавказья / В. Е. Орел, Ю. В. Распопов, А. П. Скрипкин и др. М.: ГЕОС, 2001. 299 с.

УДК: 556.5.01

Мишвелов Евгений Георгиевич, Самотоев Александр Сергеевич

ПРАВОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ГИДРОГРАФИЧЕСКИХ И ГИДРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ С 1945 г. ДО СЕРЕДИНЫ 80-х ГОДОВ

В настоящей статье впервые рассмотрены вопросы роли и значения правового сопровождения в сфере гидрологических и гидрографических исследований. Предложено выделение двух периодов: послевоенного становления правового сопровождения гидрологических исследований (1945–1970) направленным на интенсификацию освоения поверхностных вод и период введения системного подхода в правовом сопровождении (1974–1990), инициирующее активную разработку и регулирование научной деятельности в направлении охраны и рационального водопользования.

Ключевые слова: гидрологические исследования, гидрографические исследования, государственный менеджмент, правовое сопровождения гидрологических исследований, послевоенное восстановление народного хозяйства, поверхностные воды, постановление, закон, методические указания, рациональное водопользование, экология.

Mishvelov Evgeniy G., Samotoev Alexander S.

LEGAL SUPPORT of HYDROGRAPHIC AND HYDROLOGICAL STUDIES IN SOVIET RUSSIA FROM 1945 TO the MID 80-ies

In the paper we first considered the issues of the role and importance of legal support in the field of hydrological and hydrographical research. Proposed allocation of two periods: the post-war establishment of the legal support hydrological studies (1945–1970) aimed at intensification of development of surface water and the period of introduction of the system approach in legal support (1974–1990), triggering an active development and regulation of the scientific activity in the direction of protection and rational water use.

Key words: hydrological research, hydrographic surveying, state management, legal support hydrological studies, post-war restoration of national economy, surface water, decree, law, guidelines, water management, ecology.

Вопросы гидрологических и гидрографических исследований получили особую форму развития во второй половине XX века, при этом повышенную значимость приобретает государственный менеджмент, направленный на инициирование тех или иных направлений специализированной научной деятельности. Изучению правового сопровождения гидрологических исследований в научной литературе уделено недостаточно внимания, можно отметить труды, в которых фрагментарно рассматриваются вопросы государственного управления изучения поверхностных вод, в том числе их правового сопровождения. Между тем с позиции развития истории науки для совершенствования аппарата и инструментария государственного управления научно-исследовательской деятельности, вопросы правового регулирования гидрологических и гидрографических исследований приобретают особую значимость и на современном этапе. В этой связи целью нашей работы являлось создание обобщающего историографического труда по развитию правового сопровождения исследований поверхностных вод с послевоенного восстановления народного хозяйства СССР (1945) до начала перестройки середины 80-х годов XX века. При этом решались следующие задачи:

– выявить, изучить и обобщить опубликованные научные материалы и правовые акты, касающиеся темы исследования. Дать целостную картину развития правового сопровождения исследований поверхностных вод с послевоенного восстановления народного хозяйства СССР (1945) до начала перестройки середины 80-х годов XX века;

- предложить обоснованную историографическую периодизацию по теме исследования;
- провести анализ тематической направленности исследований в свете правового сопровождения;

- на основании изученных материалов оценить роль правового регулирования как части государственного менеджмента в сфере гидрографических и гидрологических исследований.

Научная новизна в соответствии с целью заключается в создании историографической обобщающей работы по развитию правового сопровождения исследований поверхностных вод с послевоенного восстановления народного хозяйства СССР (1945) до начала перестройки середины 80-х годов XX века.

Начиная с 1945 г. до конца 80-х годов, в соответствии с ведущей политической идеологией в стране, на территории бывшего СССР реализовалось огромное количество проектов по преобразованию природы в целях роста сельского хозяйства, промышленности, судоходства и энергетики. Наиболее крупным преобразованиям подверглась естественная гидрографическая сеть Европейской части страны. Ведущим может быть отмечено гидротехническое и мелиоративное строительство, ставившее своей целью решение проблем засушливых и заболоченных почв для использования их в сельском хозяйстве, повышения плодородия уже существующих пахотных земель путем орошения, направленное в том числе на обеспечение электроэнергией регионов страны и увеличение протяженности водной транспортной сети. Эта деятельность, прежде всего, связана с такими регионами, как Средняя Азия, Предкавказье, Поволжье, Урал, Западная и Восточная Сибирь. Такая трансформация народно-хозяйственного комплекса повлияла на активацию и акцентуацию направлений научной деятельности гидрологов в сторону прикладных исследований. Появляются новые научно-исследовательские, проектные институты и лаборатории, целью которых было получение необходимых знаний для реализации масштабных проектов гидротехнического и гидрографического строительства. Такой объем новых учреждений усложняющейся структуры взаимодействия научных и правительственных учреждений требовал коренных изменений в сфере менеджмента, в частности перестройки правового сопровождения гидрографических и гидрологических исследований.

Проведенный анализ источников информации по теме исследования позволил выделить два периода изменения правового сопровождения в сфере получения знаний в области гидрологии, гидрографии и мелиорации с послевоенного времени до начала перестройки.

1. Период послевоенного развития нормативно-правового сопровождения гидрологических исследований (1945–1970):

- а) этап становления нормативно-правового сопровождения гидрологических исследований, обусловленных интенсификацией строительства искусственных гидрографических систем 1945–1955 гг.;

- б) этап модернизации нормативно-правового сопровождения гидрологических исследований в направлении рационального водопользования в связи акцентуацией экологической проблематики 1956–1970 гг.

2. Становление комплексного подхода в нормативно-правовом сопровождении гидрологических исследований (1974–1990).

Первый период. 18 марта 1946 г. было положено начало восстановлению народного хозяйства принятым Верховным Советом СССР законом «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» [16]. В числе первых задач Плана были задачи по восстановлению и развитию тяжелой промышленности, подъему сельского хозяйства и обеспечению технического прогресса в отраслях народного хозяйства.

Успешное послевоенное восстановление народного хозяйства предопределило интенсификацию строительства искусственных гидрографических систем, потребовавшее специализированных прикладных гидрологических исследований. В связи с этим XIX съездом КПСС, состоявшимся в 1952 г., был принят новый пятилетний план на 1951–1955 гг. Документ предусматривал увеличение объема финансирования в ирригационное строительство в 4 раза больше, чем в предыдущей пятилетке. Основной путь решения данных задач связывался с созданием «мощных проектных строительных организаций». В связи с директивой XIX съезда КПСС был принят ряд постановлений, предусматривающих выделение земель для строительства новых сооружений [15; 17; 18; 22].

Высокие темпы хозяйственного освоения водных объектов страны предопределили формирование качественно нового *этапа становления нормативно-правового сопровождения гидрологиче-*

ских исследований. XXI съезд КПСС, поставив задачи интенсификации строительства гидротехнических сооружений в новой пятилетке, предполагал модернизацию политики природопользования в сфере научного сопровождения. Поставленные планы интенсивного развития народного хозяйства, стимулирования технического процесса и внедрения новых типов производства, обозначили новые векторы и в сфере использования водных ресурсов, не имеющих должного научно-методического сопровождения. Планировалось резкое увеличение потребления воды в промышленности, расширение орошаемых земель в хлопкосеющих районах Средней Азии в целях обеспечения хлопковой независимости СССР. Государственные приоритеты в сфере научной деятельности приобретают статус официальной политики, в материалах съезда КПСС прямо отмечается: «Первостепенное значение в развитие науки имеет координация работы ученых, направление их творческих поисков на решение важнейших практических вопросов, которые определяются перспективами развития промышленности».

Интенсивное освоение поверхностных вод 1945–1960 гг. помимо положительных результатов в народном хозяйстве, выявило проблему нерационального использования природных водных ресурсов, в том числе их истощение и загрязнение. По оценкам Совета Министров СССР, за время 40-х – 50-х гг. был нанесен огромный ущерб рыбному хозяйству, использование воды происходило без учета интересов отдельных потребителей, имел место спуск неочищенных производственных отходов, сброс со сточными водами дефицитного сырья и ценных отходов, существовали пробелы в законодательстве, неудовлетворительно исполнялись соответствующие решения Правительства СССР. Все перечисленные проблемы не могли быть решены без внедрения нового промышленно-экономического вектора рационального водопользования, требующего актуализированного нормативно-правового сопровождения.

В связи с наращиванием экологической проблематики водных ресурсов Украинским институтом коммунальной гигиены, Сталинской областной санэпидстанцией, Кемеровской областной санэпидстанцией, ГСИ Министерства здравоохранения СССР были разработаны методические указания по «Санитарной охране водоемов от загрязнения сточными водами предприятий угольной промышленности» [7], в которых приводятся инженерно-технические мероприятия по снижению загрязнений водоемов. Подобные документы принимаются и для целлюлозно-бумажной, и сахарной промышленности, и черной металлургии [5; 6; 8]. Они основаны на трудах таких ученых как И. В. Баранов, А. В. Буевский, В. Е. Галахова, М. Б. Белая, Р. Д. Габович, Г. С. Бенин, Г. С. Ган, П. В. Головин, С. О. Гребинский, В. Н. Ленков, И. Е. Душинский, Ю. М. Жвирблянский, А. И. Жуков, Д. И. Зайцев, М. Д. Зуев, А. М. Издебский, В. В. Ключков, И. Н. Кузьминых, П. С. Крайзман, Л. А. Мазинг, С. С. Немировский, С. А. Несмеянов, П. И. Силин, А. Ф. Чекурда, А. И. Шерстнев и др.

Важным документом, внедряющим новый промышленно-экономический вектор рационального водопользования и усиления научно-исследовательской деятельности, является постановление Совета Министров СССР от 22 апреля 1960 г. «О мерах по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов СССР» [10]. Документ возлагал важные функции на многие государственные органы и учреждения. В частности, на Совет Министров союзных республик возлагалась обязанность создать в составе академий наук союзных республик специальные научные учреждения с соответствующим укреплением научно-исследовательской базы. Специально организованным органам по использованию и охране водных ресурсов ставились задачи по проведению планового учета водных ресурсов, разработку водохозяйственных балансов и перспективных съем водопользования. Академии наук СССР были переданы функции координатора научной деятельности в области рационального водопользования и борьбе с негативным воздействием вод. Научная деятельность послевоенного периода АН СССР связана с именами таких ученых, как Д. Л. Соколовский, К. П. Воскресенский, Л. К. Давыдов, А. И. Чеботарев, М. И. Львович, Л. Л. Россолимо, Б. Б. Богословский, А. В. Шнитников, С. Д. Муравейский, Б. Д. Зайков и другие.

Данный период характеризуется значительным ростом и масштабом гидрологических и гидрографических исследований. Особо можно выделить исследования следующих ученых: М. Г. Хубларян, установивший закономерности формирования режима вод, взаимодействия поверхностных и подземных вод, тепло-массопереноса в водной среде; В. Н. Кунин, разработавший программу преобразования пустынь, использованную в Туркмении, ученый предложил научные основы управления режимом Каспия в условиях комплексного использования водных ресурсов его бассейна; Г. В. Воропаев, которым была предложена единая водохозяйственная система страны как важ-

нейший компонент стратегии рационального природопользования (ученый предложил подход к управлению поверхностными водами с учетом экономико-географических аспектов водохозяйственного районирования страны и прогнозов развития водного режима крупного географического региона на отдаленную перспективу [23]). Существенный вклад в развитие гидрологических исследований внес С. Н. Крицкий – Лауреат Государственной премии, основоположник теории рационального управления и комплексного использования водных ресурсов.

Под руководством А.Н. Вознесенского 24 ноября 1967 г. распоряжением Совета Министров СССР и постановлением Президиума АН СССР учрежден Институт Водных проблем. Деятельность института связана с именами таких ученых как: А. Б. Авакян, Ю. А. Александровский, А. И. Будаговский, С. Л. Вендров, Л. В. Дунина-Барковский, В. К. Завойский, В. С. Залетаев, Г. П. Калинин, В. С. Каминский, В. С. Ковалевский, Д. В. Коренистов, С. Н. Крицког, Б. И. Куделин, Г. М. Матлин, Ю. Ю. Марти, М. Ф. Менкель, С. Л. Миркин, С. С. Обрезков, Н. Л. Огильви, Д. Я. Раткович, К. И. Россинский, М. Ф. Срибный, Б. А. Фидман, И. Я. Шимельмиц, Л. О. Эйнора и др. Коллектив ученых под руководством А. Н. Вознесенского составил схемы использования рек Волги, Камы, Ангары, Енисея, Оби, Сырдарьи, Немана и Западной Двины, рек Кавказа и Кольского полуострова.

Особо следует отметить деятельность ученых ВНИИГиМ. В середине XX века он включал в себя 19 опытно-мелиоративных станций и 15 опорных пунктов, охватывавших большую часть территорию СССР. В 60-х г. ВНИИГиМ передан Министерству мелиорации и водного хозяйства СССР в качестве головного института и координационного центра по научно-исследовательским работам в области мелиорации и водохозяйственного строительства. Деятельность института связана с такими именами ученых, как А. Н. Костяков, А. Д. Брудастов, Б. Б. Шумаков, С. Я. Безднин, В. В. Бородычев, В. Г. Головатог, К. В. Губер, Ю. П. Добрачев, С. Д. Исаев, Л. В. Кирейчев, Н. И. Парфенов, В. Е. Райнина И. Ф. Юрченко, А. М. Царевский, Д. Л. Меламут, Е. Д. Томин и другие [3].

Анализируемый период связан так же с активной деятельностью ВАСХНИЛ в сфере гидрологических исследований. ВАСХНИЛ в 1968 г. входили: 1 почётный академик, 85 академиков, 67 членов-корреспондентов, 21 иностранный член. В том числе Б. А. Шумаков, Герой Социалистического Труда, под руководством которого организован Южный научно-исследовательский институт гидротехники и мелиорации (ЮжНИИГиМ), разработана схема мелиорации низовий р. Кубань, введена практическая основа рисосеяния на Северном Кавказе. Следует отметить деятельность И. А. Шарова, известного базовыми научными трудами в области эксплуатации гидромелиоративных систем, С. Ф. Аверьянова, давшего теоретическое обоснование методам расчета режима грунтовых вод на орошаемых землях с предложением метода расчета необходимого дренажа.

В этот период значительных успехов достигают научные подразделения ГГИ под руководством В. А. Урываева, представленные двенадцатью отделами и четырьмя лабораториями. Их деятельность связана с именами таких ученых, как Д. Л. Соколовский, Т. Н. Макаревич, С. И. Харченко, Е. М. Селюк, К. Е. Иванов, О. В. Попов, Н. Е. Кондратьев, А. К. Проскуряков, К. Д. Завьялов, Г. И. Шамов, А. В. Караушев, О. А. Алекин, П. П. Воронков и др.

Московским научно-исследовательским институтом гигиены им. Ф. Ф. Эрисмана разработаны санитарные правила проектирования, строительства и эксплуатации оросительно-обводнительных систем (ООС), используемых для хозяйственно-питьевого водоснабжения [24]. Документ подробно расписывает все необходимые требования, которые необходимо учитывать при проектировании искусственных гидросистем, и вводит два пояса санитарной охраны.

Логическим завершением, кульминацией правового сопровождения государственного менеджмента, в том числе в сфере гидрологических и гидрографических исследований явились Основы водного законодательства Союза ССР 1970 г. [20]. Закон являлся своего рода обобщающим документом принятых ранее нормативно-правовых актов. Документ прописывал компетенции органов, ответственных за регулирование водных отношений, как СССР, так и республик, возможность участия общественных организаций и граждан в мероприятиях по рациональному водопользованию с возможностью взаимодействовать с органами государственной власти, а так же ответственность за нарушение водного законодательства.

Период становления комплексного подхода в нормативно-правовом сопровождении гидрологических исследований проходил под знаком становления системных преобразований в научной деятельности гидрологов по получению знаний для осуществления проектов по охране и рациональному использованию природных ресурсов.

В 1972 г. был принят Водный Кодекс РСФСР [19]. Он развивал и дополнял положения, прописанные в основах водного законодательства. Но, по мнению Д. О. Сивакова, это документ не смог решить поставленной задачи комплексного решения проблем рационального водопользования, по причине отсутствия необходимой детальности выдвигаемых требований и невыполнением на практике закрепленных решений [25].

Освоение поверхностных вод, а именно строительство обводнительно-оросительных систем набирает новые обороты. Принимаются постановления увеличивающие интенсивность мелиоративных мероприятий и ставящих масштабные мелиорации земель в ранг важнейшей задачей советских, сельскохозяйственных и водохозяйственных органов [11; 12; 13].

Требования комплексного подхода к водопользованию юридически закрепляется в постановлении 1976 г. «О порядке разработки и утверждения схем комплексного использования и охраны вод» [14].

Европейский юг СССР, Казахстан и Средняя Азия требовали решения проблемы водообеспечения территорий. Стало очевидно наступление Аральского кризиса. По прогнозам темпов роста народного хозяйства и расчетов водопотребления требовалось пополнять к 1990–1995 гг. водные ресурсы таких рек, как Волга, Дон, Терек, Кубань, Днепр, Сырдарья, Амударья. Самой популярной идеей решения поставленной задачи был проект переброски части стока вод рек Севера Европейской территории страны и Сибири. Эта идея требовала комплексных научных исследований, что и было утверждено на XXV съезде КПСС [1] в программе «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы». В результате в 1977 г. Государственным комитетом министров СССР утверждается соответствующая научная программа, которая должна была рассчитать изменения природных условий, осветить медико-биологические аспекты проблемы и разработать необходимые предложения для уменьшения отрицательных воздействий от переброски стока.

Главным санитарно-эпидемиологическим управлением Министерства здравоохранения СССР, Московским ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательским институтом гигиены им. Ф. Ф. Эрисмана Министерства здравоохранения РСФСР, Центральным научно-исследовательским институтом эпидемиологии Министерства здравоохранения СССР, ордена Трудового Красного Знамени институтом медицинской паразитологии и тропической медицины им. Е. И. Марциновского Министерства здравоохранения СССР совместно с главным по данной проблеме Институтом водных проблем АН СССР в 1978 г. разработаны «Методические рекомендации к изучению санитарных условий водопользования и жизни населения при территориальном перераспределении стока рек» [2]. Документ освещал основные проблемы проекта по переброске стока Сибирских рек и предлагал методику для решения поставленных санитарно-эпидемиологических задач.

12 марта 1980 были приняты изменения в Водный Кодекс РСФСР [9]. Изменяется отношение к водопользованию, теперь оно не просто должно быть рационально, а *научно-обоснованно*, а также должно осуществляться в интересах настоящего и будущих поколений. Государственные органы обязались учитывать пожелания общественных организаций и граждан в вопросах рационального использования и охраны вод. В новом документе охрана здоровья населения выходит на первый план, оставив позади иные государственные интересы.

Разработка и составление краткосрочных прогнозов погоды, водности и радиационной обстановки положением «о государственном комитете СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды» [21] становится одной из главных задач, стоящих перед ГК СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды.

На основании научных исследований, были разработаны и утверждены «Методические указания по гигиенической оценке малых рек и санитарному контролю за мероприятиями по их охране в местах водопользования» [4]. Документ устанавливал комплексную методику определения санитарного состояния малых рек.

Таким образом, проведенный анализ источников информации позволил выделить два периода развития правового сопровождения в сфере получения знаний в области гидрологии, гидрографии и мелиорации с послевоенного времени до начала перестройки СССР.

Для *периода послевоенного развития нормативно-правового сопровождения гидрологических исследований* характерно развитие правового регулирования с учетом необходимого инструментария для реализации проектов обводнительно-оросительных систем, курортных баз и других гидротехнических сооружений. Это время интенсивной трансформации гидротехнических сетей.

Ставились задачи повышения эффективности использования вод и снижения их загрязнения в процессе использования в народном хозяйстве и промышленности. Развитие законодательства было направлено в сторону эффективного использования уже построенных гидротехнических сооружений и на основе полученного опыта внедрения новых подходов, направленных на исключение предыдущих ошибок в проектировании и строительстве новых. Повышалась в целом роль науки в хозяйственной деятельности страны. Законодатели получили «государственный заказ», направленный на развитие научной деятельности в области гидрологии. Научные институты, а в частности Академия наук СССР, приобрела правовую возможность управления и контроля водоохраной деятельности. Научные исследования в сфере охраны и использования поверхностных вод были установлены законодательством как один из важных элементов долгосрочного планирования. Распределение и интенсивность водопользования производилось на основе фактических гидрологических данных, что стало возможным благодаря деятельности ГУГМС по становлению гидрологической сети постов наблюдения, что свидетельствовало о зарождении нового способа взаимодействия права и науки. Но так как это сотрудничество только зарождалось, то его влияние было незначительным, поэтому государственные органы, в чьи компетенции входило регулирование водопользования, не справлялись с поставленными задачами охраны водных объектов при резко возрастающих темпах развития страны и освоения водных ресурсов. В результате нависла проблема истощения и загрязнения поверхностных вод по причине их нерационального использования вопреки стоящим задачам из-за отсутствия необходимой детальности и научной обоснованности выдвигаемых требований и невыполнением на практике закрепленных решений.

Период *становления комплексного подхода в нормативно-правовом сопровождении гидрологических исследований* был обусловлен влиянием социально-экономических факторов и научно обоснованных данных, которые сформировали понимание необходимости внедрения эффективных подходов и систем водопользования для удовлетворения резко увеличивающегося спроса на воду с одновременным снижением ее загрязнения и удельного потребления водопользователями. Это понимание поставило новые задачи перед наукой и государственным менеджментом, а в частности – правом. Происходит трансформация системы научных рекомендаций по результатам исследований в последующие рекомендательные документы и нормативно правовые акты как по инициативе ученых, так и по запросу органов государственного управления. Это создало новое направление практической реализации научных исследований, в частности разработку научных обоснований тех или иных нормативно правовых актов или государственных решений. Однако при возрастании роли научных исследований в сфере государственного менеджмента, в случае, если научные данные противоречили политическим и экономическим планам в стране, а в частности требованиям усиленной интенсификации ввода в эксплуатацию орошаемых земель, выращиванию высоко потребляющих воду культур в засушливых районах, эти научные данные не использовались или оставались не услышанными. Примером служит конфликт научных представлений о проекте переброски стока сибирских рек.

Литература

1. XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1976. Т. 5. С. 599.
2. Временные методические рекомендации к изучению санитарных условий водопользования и жизни населения при территориальном перераспределении стока рек: утв. Минздравом СССР 01.09.1978. № 1902-78/121-дт/193-4 / Правовой сервер «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.
3. Всероссийский научно-исследовательский институт гидротехники и мелиорации. URL: www.vniigim.ru.
4. Методические указания по гигиенической оценке малых рек и санитарному контролю за мероприятиями по их охране в местах водопользования: утв. Минздравом СССР 28.12.1984 N 3180-84) 4 / Правовой сервер «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.
5. Методические указания по санитарной охране водоемов от загрязнения сточными водами заводов черной металлургии: утв. Минздравом СССР 20.06.1963 N 441-4 / Правовой сервер «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.

6. Методические указания по санитарной охране водоемов от загрязнения сточными водами предприятий сахарной промышленности: утв. Минздравом СССР 22.12.1959 N 310-59 4 / Правовой сервер «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.
7. Методические указания по санитарной охране водоемов от загрязнения сточными водами предприятий угольной промышленности: утв. Минздравом СССР 22.12.1959 N 308-594 / Правовой сервер «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.
8. Методические указания по санитарной охране водоемов от загрязнения сточными водами целлюлозно-бумажной промышленности: утв. Минздравом СССР 22.12.1959 N 309-594 Правовой сервер «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.
9. О внесении изменений и дополнений в Водный кодекс РСФСР: Указ Президиума ВС РСФСР от 12.03.1980 // Ведомости ВС РСФСР. 1980. № 12. Ст. 304.
10. О мерах по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов СССР: постановление Совмина СССР от 22.04.1960. № 425 // СП СССР. 1960.
11. О плане мелиорации земель на 1976–1980 годы и мерах по улучшению использования мелиорированных земель в РСФСР: постановление Совмина РСФСР от 08.09.1976 N 504 // Свод законов РСФСР. 1988 г. Т. 6.
12. О плане мелиорации земель на 1976–1980 годы и мерах по улучшению использования мелиорированных земель: постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 15.07.1976. № 570 // Свод законов СССР. 1990 г. Т. 7.
13. О плане развития мелиорации земель на 1974 год и мерах по его материально-техническому обеспечению: постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 06.12.1973. № 898 // Свод законов СССР. 1990 г. Т. 7. С. 415.
14. О порядке разработки и утверждения схем комплексного использования и охраны вод: постановление Совмина СССР от 02.06.1976 № 408 / Правовой сервер «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.
15. О проектных заданиях со сводными сметно-финансовыми расчетами на строительство водохранилища на р. Курты, обводнительных и оросительных систем в Алма-Атинской области Казахской ССР, Генераловской и Ново-Аксайской оросительно-обводнительных систем в Сталинградской области и оросительных и обводнительных систем на землях Багаевского массива в Ростовской области: распоряжение от 20 декабря 1952 г. N 33115-р / Правовой сервер «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.
16. О пятилетнем плане восстановления народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.: Закон СССР // Ведомости ВС СССР. № 11. 1946 г.
17. Об отводе земель под строительство Белоярской ГРЭС: распоряжение от 16 июля 1955 г. N 2622-р / Правовой сервер «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.
18. Об отводе земельных участков под строительство Право-Егорлыкского оросительного канала: распоряжение от 22 апреля 1951 г. № 5884-р / Правовой сервер «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.
19. Об утверждении Водного кодекса РСФСР: Закон РСФСР от 30.06.1972 // Ведомости ВС РСФСР. 1972 г.
20. Об утверждении Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 10.12.1970 // Ведомости ВС СССР. 1970 г.
21. Об утверждении Положения о Государственном комитете СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды: постановление Совмина СССР от 27.03.1980 N // Свод законов СССР. 1980 г. Т. 4.
22. Об утверждении технических условий по подготовке зон водохранилищ Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций под затопление: распоряжение от 11 июля 1952 г. N 17518р / Правовой сервер «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.
23. Российская академия наук Институт водных проблем. URL www.iwr.ru.
24. Санитарные правила проектирования, строительства и эксплуатации оросительно-обводнительных систем (ООС), используемых для хозяйственно-питьевого водоснабжения: утв. Минздравом РСФСР 27.06.1964) / Правовой сервер «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.
25. Сиваков Д. О. Водное право России и зарубежных государств. М.: Юстицинформ. 2010.

Шестерикова Раиса Егоровна

КРИТЕРИИ МОНИТОРИНГА РАБОТЫ ГАЗОВЫХ СКВАЖИН В ПЕРИОД ПАДАЮЩЕЙ ДОБЫЧИ

В статье представлен мониторинг работы скважин в период падающей добычи с использованием энергетического критерия, позволяющий обеспечить условия надежной работы малодебитных скважин и планируемый уровень добычи газа.

Ключевые слова: энергетический критерий, мониторинг, продуктивный пласт, газовый лифт.

Shesterikova Raisa E.

CRITERIA FOR MONITORING OF GAS WELLS IN THE PERIOD OF DECLINING PRODUCTION

The article presents the monitoring of the wells in the period of falling production, using the energy criterion will ensure reliable operation conditions marginal wells and the planned level of gas.

Keywords: energetichesky criteria, monitoring, productive plastic, gas lift.

Анализ состояния эксплуатации скважин на месторождениях ОАО «Газпром» позволил выявить характерные факторы, осложняющие эксплуатацию скважин в период падающей добычи [1]. Для газодобывающих объектов ОАО «Газпром», эксплуатирующихся в режиме падающей добычи, существенным фактором, осложняющим эксплуатацию скважин, является отсутствие непрерывного контроля режима и анализа их работы с целью обеспечения надежной эксплуатации скважин и планируемого уровня добычи углеводородов. В условиях падающей добычи при кустовом расположении скважин определение их дебитов по результатам ГДИ (гидродинамические исследования) и измеренных отборов газа с УКПП (установка комплексной подготовки газа) не позволяет в полной мере использовать добывные возможности скважин, т. к. разница расчетных дебитов по фильтрационным коэффициентам и дебитов по фактическим замерам может составлять от 7 до 156 % [1].

Объективным критерием оценки эффективности любого технологического процесса являются энергетические затраты на его осуществление. Технологический процесс добычи газа сопровождается затратами энергии на движение газа по продуктивному пласту и стволу скважины.

$$E_o = E_{нл} + E_{нкт} \quad (1)$$

где $E_o, E_{нл}, E_{нкт}$ – затраты энергии на добычу газа, на движение по пласту, по НКТ (насосно-компрессорные трубы) соответственно, ккал/мол.

Единственным источником энергии, за счет которой происходит движение газа по продуктивному пласту и скважине, является работа расширения добываемого газа. Потерями энергии газа при его движении в пласте и НКТ можно оценить состояние призабойной зоны пласта и лифта скважины.

Затраты энергии на движение газа в продуктивном пласте определяются уравнением изотермы (2)

$$E_{нл} = R \cdot T_{нл} \cdot \ln \left(\frac{P_{нл}}{P_{заб}} \right) \quad (2)$$

где $E_{нл}$ – затраты энергии при изотермическом расширении газа, ккал/м³; R – газовая постоянная, $\frac{\text{ккал}}{\text{м}^3 \cdot \text{К}}$; $T_{нл}$ – пластовая температура, К; $P_{нл}, P_{заб}$ – пластовое давление и давление на забое скважины, МПа.

Затраты энергии при движении газа по насосно-компрессорным трубам (НКТ) определяются уравнением политропы:

$$E_{\text{нкт}} = \frac{\kappa}{\kappa - 1} \cdot RT \cdot \left[\left(\frac{P_{\text{заб}}}{P_{\text{уст}}} \right)^{\frac{\kappa - 1}{\kappa}} - 1 \right], \quad (3)$$

где κ – показатель политропы; $P_{\text{уст}}$ – давление на устье скважины, МПа; T – температура газа в НКТ, К.

Уравнения (2) и (3) позволяют объективно оценить работу скважины, т. к. не включают такие субъективные показатели как дебит скважины по газу и жидкости, плотность добываемого флюида, конструктивные параметры лифта, глубина скважины. Используя минимальное количество показателей, таких, как давление в пласте, на забое и на устье и температура в пласте и на устье, можно обеспечить объективный систематический мониторинг работы скважины. Такой мониторинг позволяет оперативно принимать решения на проведение необходимых технических мероприятий по повышению продуктивности скважин.

На завершающей стадии разработки месторождений скважина может работать в условиях, когда затраты энергии на движение газа в пласте больше, чем в НКТ ($E_{\text{пл}} \gg E_{\text{нкт}}$) или наоборот ($E_{\text{нкт}} \gg E_{\text{пл}}$). Оценка потерь энергии при добыче газа позволяет повысить эффективность геолого-технических мероприятий за счет выявления первоочередных приоритетных работ на скважине. Например, когда потери энергии на движение газа в пласте выше, чем в НКТ, это указывает на снижение коэффициентов фильтрации за счет колюматации пласта. В этом случае следует проводить геолого-технические мероприятия, включающие очистку забоя, кислотные обработки, гидро-разрыв пласта и др. Уменьшение дебита скважины в случае, когда основные потери энергии газа происходят в НКТ, что приводит к снижению депрессии на пласт, требует в первую очередь заниматься газовым лифтом. Набор работ при этом включает удаление скапливающейся жидкости на забое скважины, уменьшение диаметра НКТ, изоляцию водопритока и др.

Изменение величины потерь энергии в пласте во времени характеризует состояние пласта, его коллекторские свойства и позволяет оценить приток газа в скважину. Чем выше потери энергии в пласте, тем меньше приток газа.

Изменение дебита и затрат энергии на движение газа в пласте и в НКТ можно, например, проследить по результатам работы одной из скважин Азовского месторождения, приведенным на рис. 1. Представленные зависимости отражает ежеквартальные изменения рассматриваемых параметров.

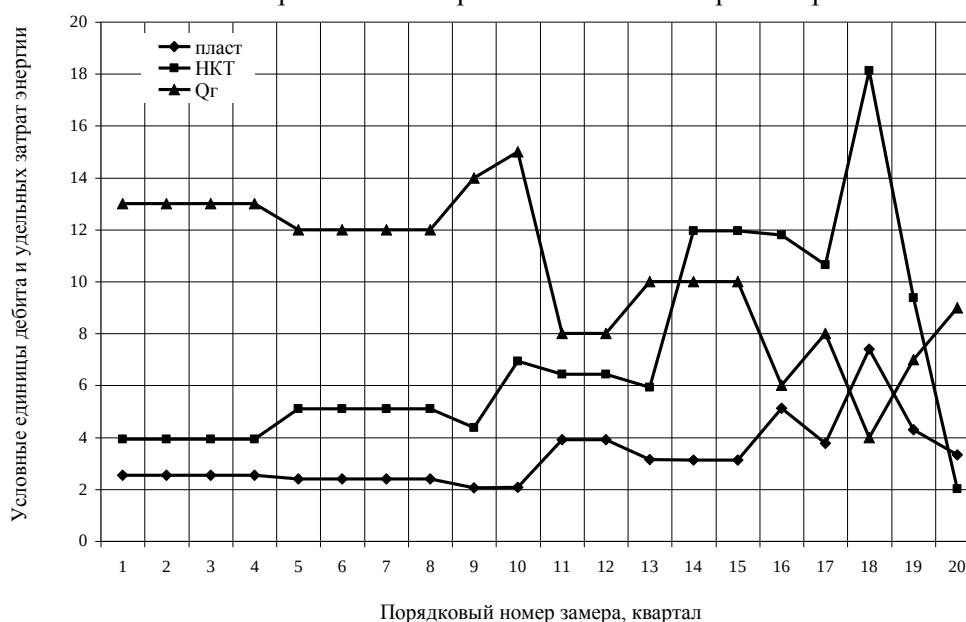

Рис. 1. Изменение дебита и удельных затрат энергии на движение газа в пласте и газовом лифте

Из анализа данных рис. 1 следует, что удельные затраты энергии при движении газа к забою данной скважины практически постоянны, меньше затрат энергии в НКТ и не оказывают существенного влияния на дебит. Влияние же потерь давления в НКТ отчётливо показывает, что при увеличении потерь давления в НКТ происходит уменьшение дебита и при уменьшении потерь пластовой энергии наблюдается увеличение дебита. Участки роста потерь давления в НКТ на кривой, указывают на то, что жидкость с забоя скважины не выносится и в НКТ происходит накопление жидкой фазы.

Участки на кривой, показывающие уменьшение потерь давления в НКТ, свидетельствуют о том, что в этот период на скважине проводились работы по интенсификации притока.

Анализ данных, представленных на рис. 1, позволяет оценить эффективность работы скважины и эффективность проводимых геолого-технических мероприятий. Представленная на рис. 1 информация позволяет заключить, что простые продувки скважины с целью снижения потерь энергии газа при его движении по НКТ не исключают саму причину высоких потерь энергии и дают только кратковременный эффект. Более того, если не принимать радикальных мер, позволяющих обеспечить непрерывное удаление жидкости из ствола скважины по мере ее накопления, то ухудшаются коллекторские свойства продуктивного пласта. В результате потери энергии в пласте возрастают, что приводит к существенному уменьшению притока газа к забою.

Увеличение притока газа в скважину достигается снижением потерь пластовой энергии в призабойной зоне скважины, если они обусловлены техногенными причинами, а не природными свойствами коллектора.

Абсолютное значение энергии расширения газа при движении к забою не может оценить изменения фильтрационных характеристик коллектора, т.к. этот показатель изменяется во времени. Увеличение затрат энергии на движение газа из пласта к забою скважины также не позволяет оценить изменение фильтрационных характеристик коллектора, т.к. это увеличение может быть вызвано не только увеличением сопротивления в призабойной зоне, но и увеличением потерь энергии газа в НКТ.

Для оценки изменения фильтрационных характеристик коллектора в процессе эксплуатации скважины удобнее пользоваться отношением потерь энергии в НКТ к потерям энергии газа при его движении по пласту. Уменьшение этого отношения во времени свидетельствует о возрастании сопротивления пласта, т. е. происходит либо разрушение пласта, либо его поровое пространство насыщается жидкостью. Рост этого отношения указывает на проблемы в газовом лифте.

На рис. 2 приведены результаты анализа работы скважины Азовского месторождения с использованием энергетического критерия, определяемого как отношение потерь энергии газа в НКТ к потерям энергии газа в пласте.

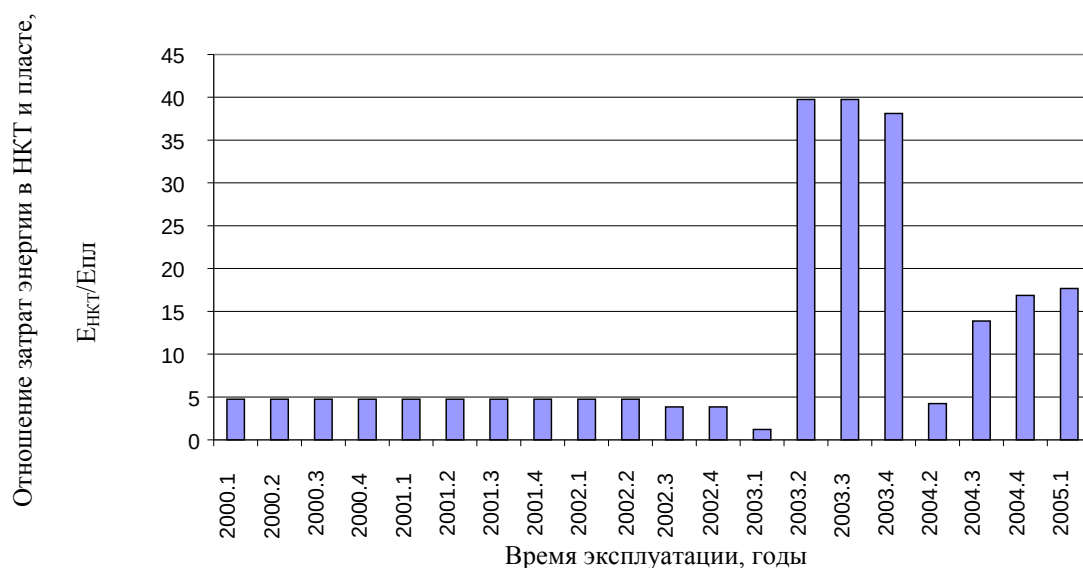

Рис. 2. Изменение затрат энергии на движение газа в системе «пласт-скважина»

Из данных рис. 2 следует, что уже во 2 квартале 2003 г. на скважине, в первую очередь, необходимы были мероприятия по снижению потерь давления в НКТ, т. к. мероприятия по улучшению фильтрационных характеристик призабойной зоны продуктивного пласта не могут дать заметного эффекта.

Использование такого критерия, как отношение потерь энергии газа в НКТ к потерям энергии газа в пласте, позволяет оценить эффективность проводимых мероприятий по снижению потерь давления в НКТ.

На рис. 3 приведены данные, свидетельствующие о влиянии степени загрязнения системы «пласт – скважина» на дебит скважины.

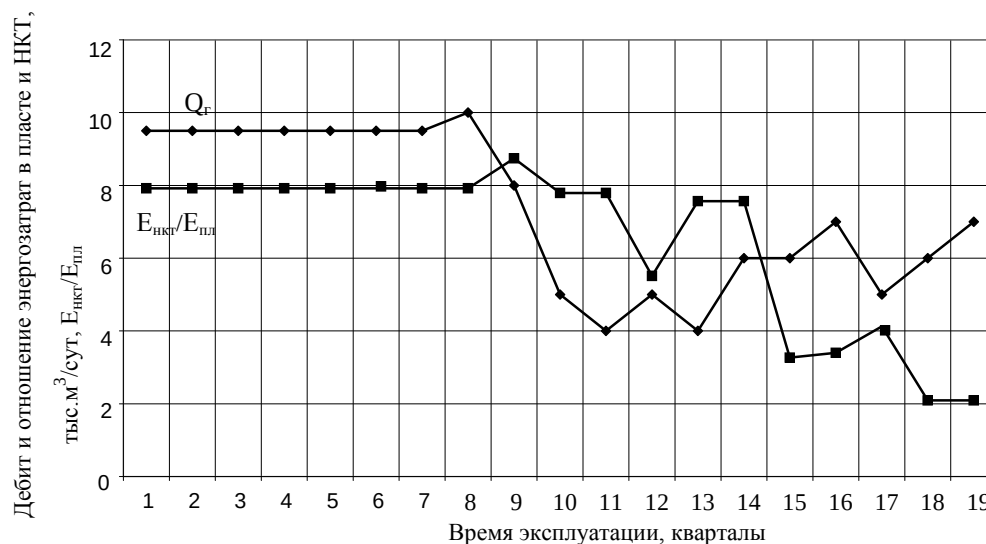

Рис. 3. Изменение дебита и затрат энергии в системе «пласт-скважина»

Из данных рис. 3 следует, что использование энергетического критерия – отношения работы расширения газа в НКТ и пласте – позволяет обеспечить мониторинг режима работы скважин и оперативно принимать управленческие решения и исключать технологические риски.

Надежность эксплуатации скважин в период падающей добычи зависит от способности скважины непрерывно выносить жидкость с забоя. На эту способность оказывают влияние геолого-эксплуатационные характеристики, например, глубина спуска НКТ и конструктивные параметры лифта.

Опыт строительства скважин свидетельствует о том, что НКТ спускаются как до нижних или верхних отверстий перфорации, так и до середины продуктивного пласта (рис. 4).

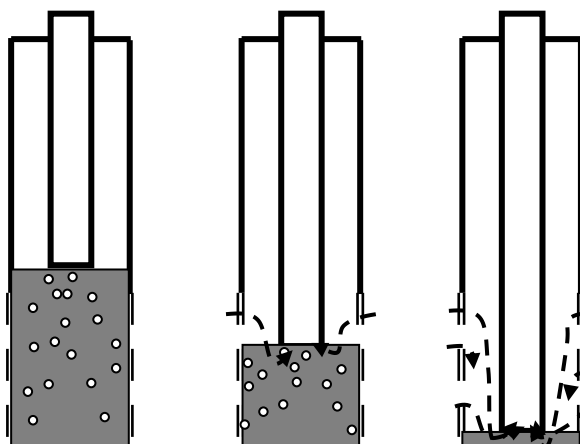

Рис. 4. Варианты спуска колонны лифтовых труб

При высоких дебитах газа бывают оправданы все три варианта, но в условиях падающей добычи при значительном снижении дебитов спуск НКТ должен осуществляться только до нижних

перфорационных отверстий, поскольку только в этом случае исключается образование столба жидкости в интервале перфорации.

В условиях, когда скорость газа в свободном сечении низа колонны лифтовых труб меньше минимально необходимой, а глубина ее спуска выше верхних отверстий перфорации, весь вскрытый интервал продуктивного пласта будет заполнен жидкостью. При спуске НКТ до середины вскрытого интервала продуктивного пласта, условия фильтрации газа выше башмака НКТ будут лучше, чем в зоне, заполненной жидкостью и расположенной ниже башмака НКТ.

Столб жидкости в затрубном пространстве газовой скважины приводит не только к уменьшению депрессии на пласт, но и ухудшает фазовую проницаемость призабойной зоны, что уменьшает приток газа к забою.

Удаление жидкости из НКТ вызывает увеличение дебита скважины. Поэтому необходимым условием подготовки газовой скважины к работе в период падающей добычи должны быть работы по спуску колонны лифтовых труб до нижних перфорационных отверстий продуктивного пласта.

Технологическим параметром, определяющим способность скважины непрерывно выносить жидкость, является ее минимально необходимый дебит. Изменение дебита скважины удобно оценивать отношением величины минимально необходимой скорости газа в НКТ к фактической по уравнению (4)

$$\frac{W_{\min}}{W_{\phi}} = \frac{1434 \cdot d_{\text{нкт}}^2 \cdot P_{\text{заб}}^{0,5}}{Q_z} \quad (4)$$

При $\frac{W_{\min}}{W_{\phi}} > 1$ жидкость не будет выноситься газом, что неизбежно приведет к снижению де-

бита. В этом случае требуется проведение специальных технических и технологических мероприятий по удалению жидкости из НКТ.

Отношение $\frac{W_{\min}}{W_{\phi}} < 1$ указывает на то, что энергии газа достаточно для выноса жидкости на

дневную поверхность.

Контроль этого параметра не требует проведения каких-то специальных операций и его удобно использовать при мониторинге работы скважины.

Результаты анализа работы одной из скважин Азовского месторождения по данному критерию приведены на рис. 5, из которого следует, что рост отношения минимально необходимой скорости газа к фактической сопровождается снижением дебита скважины.

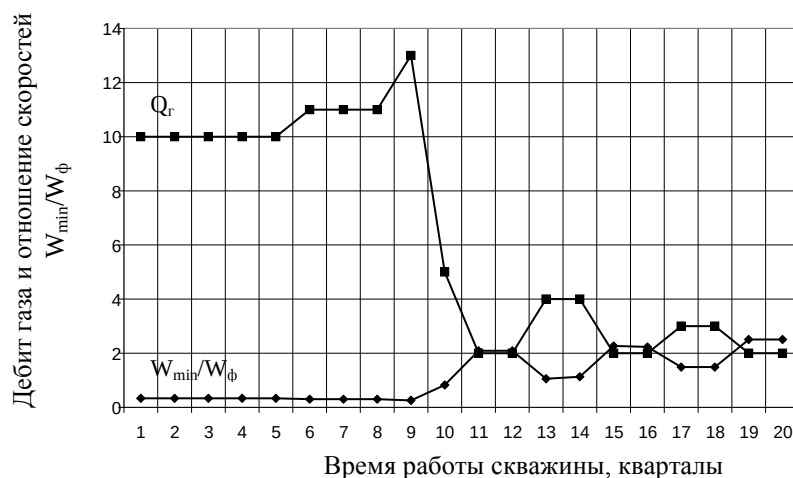

Рис. 5. Изменение дебита и скорости газа в НКТ

Исходя из сказанного, подведем итоги.

1. Очевидно, что проблеме снижения продуктивности скважин из-за изменения фильтрационных параметров коллектора следует уделять особое внимание путем постоянного контроля за состоянием продуктивного пласта, т.к. этот фактор оказывает наиболее значительное влияние на изменение продуктивности скважины. В качестве критериев мониторинга целесообразно использовать следующие показатели:

- отношение потерь энергии газа в НКТ и пласте;
- отношение минимально необходимой скорости газа в НКТ к фактической.

2. Постоянный мониторинг работы скважин позволит максимально использовать добывные возможности скважин и оптимизировать режимы эксплуатации месторождений в период падающей добычи.

Литература

1. Нифантов В. И., Харитонов А. Н., Смирнов В. С., Шулятиков В. И., Бережная Л. Н. Технические и технологические решения для обеспечения надежной эксплуатации скважин на завершающей стадии разработки месторождений. Проблемы эксплуатации и капитального ремонта скважин на месторождениях и ПХГ // Сб. докл. междунар. науч.-практ. конф., г. Кисловодск, 22–26 сентября 2003 г. Ставрополь: РИЦ ОАО «Сев-КавНИПИгаз», 2003. 376 с.
2. Руководство по исследованию скважин / А. И. Гриценко, З. С. Алиев, О. М. Ермилов, В. В. Ремизов, Г. А. Зотов. М.: Наука, 1995. 523 с.

БИОЛОГИЯ, БИОТЕХНОЛОГИИ И МЕДИЦИНА

УДК 612,745: 615,357

Беляев Николай Георгиевич**ЭНДОКРИННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ
МАТЕРИНСКОГО ИНСТИНКТА У САМОК КРЫС,
ПРИНУЖДАВШИХСЯ К ВЫПОЛНЕНИЮ ИНТЕНСИВНЫХ
МЫШЕЧНЫХ НАГРУЗОК**

В статье рассматриваются эндокринные детерминанты проявления материнского инстинкта у самок крыс, адаптированных к выполнению интенсивных мышечных нагрузок, у которых зарегистрировано увеличение концентрации тестостерона и пролактина, при отсутствии достоверных отличий в уровне эстрадиола. При этом отмечено снижение способности к воспроизводству и гипогалактия. Выраженность родительского инстинкта оценивается как хорошая.

Ключевые слова: самки крыс, мышечная нагрузка, воспроизводство, потомство, гипогалактия.

Belyaev Nikolay G.**ENDOCRINE DISPLAY DETERMINANTS OF FEMALE RATS MATERNAL
INSTINCTS, FORCED TO PERFORM INTENSE MUSCULAR LOADS**

In female rats adapted to perform intense muscular loads, an increase in the concentration of testosterone and prolactin while the absence of significant differences in the estradiol level was recorded. At the same time decrease of the ability to reproduce and agalactia were noticed. Intensity of parental instinct is estimated as good.

Key words: female rats, muscular load, reproduction, offspring, hypogalactitia.

В литературе имеется огромное количество данных, указывающих на то, что у женщин спортсменов гораздо чаще, чем в популяции, встречаются нарушения в репродуктивной системе [1–4], в основном связанные с гиперандрогенией, механизмы развития которой до конца не исследованы.

В проведенных ранее исследованиях [1; 2] на лабораторных животных было установлено, что у самок крыс, выполнявших интенсивные мышечные нагрузки, регистрируется гипертрофия надпочечников и увеличение количества атрезирующих вторичных и третичных фолликулов, в которых сохраняется возможность секретировать тестостерон, что, возможно, и является основными факторами гиперандрогении женского организма.

Соответственно, возникает вопрос, как скажется гиперандрогения на репродуктивной функции женского организма, а в последующем на психосоматическом состоянии потомства.

С целью получения ответа на поставленный вопрос в экспериментальной модели на животных – самках крыс, адаптированных к выполнению интенсивных мышечных нагрузок, – исследовались способность к воспроизводству, последующая забота о потомстве, особенности физического развития потомства.

Экспериментальным материалом служили самки крыс линии Вистар. Животные с 2-месячного возраста в течение 9 недель выполняли мышечные нагрузки. Для моделирования мышечных нагрузок использовался тредбан – беговая дорожка. Устройство тредбана позволяло регулировать интенсивность мышечной нагрузки путем изменения скорости движения и угла наклона ленты.

По окончании тренировочных циклов в крови самок определяли массу сердца и надпочечников, количество эритроцитов и соотношение объема плазмы и форменных элементов по общепринятым методикам. В крови животных определяли также концентрацию половых гормонов (тестостерон, эстрадиол) и пролактина. Определение гормонов проводили методом твердофазного иммуноферментного анализа. Через неделю после окончания тренировочных циклов к самкам подсаживали самцов с целью последующего определения способности их к воспроизводству. При этом определялось количество крысят в помете и соотношение полов. У самок осуществлялось определение количества секретируемого молока по модифицированной методике, предложенной сотрудниками лаборатории физиологии и биохимии лактации НИИ им. А. И. Караева Академии наук

Азербайджана. В соответствии с данной методикой потомство в возрасте 4 дней отсаживалось от матерей. Через 6 часов голодания проводилось первое взвешивание крысят. На весы помещалось все гнездо. После взвешивания крысят подсаживали к матери, и они вскармливались в течение 30 минут. После чего производилось повторное определение массы тела крысят. Разница в показателях массы гнезда между первым и вторым взвешиванием, деленная на число крысят в помет, являлось количеством секретируемого молока.

Оценка физического развития потомства осуществлялась по данным определения массы тела, срокам открытия глаз, времени отлипания ушных раковин, развитию шерстяного покрова, длине хвоста новорожденных. Всего в эксперименте было использовано 96 животных.

В доступной нам литературе мы не нашли разработанной методики определения родительского инстинкта у таких лабораторных животных, как крысы. Поэтому мы предприняли попытку составления собственной шкалы оценки в баллах выраженности родительского инстинкта с использованием ряда критериев.

1. Постройка гнезда:
 - а) гнездо построено и выстлано мягкими предметами – 5
 - б) гнездо построено без выстилки – 3
 - в) нет предварительно построенного гнезда – 1
2. Формирование гнезд:
 - а) все крысята находятся в гнезде – 5
 - б) крысята находятся в гнезде, но не плотной массой – 3
 - в) крысята разбросаны по клетке – 1
3. Продолжительность нахождения самки в гнезде первые 6 суток после родов:
 - а) 70 – 80 % времени – 5
 - б) 60 – 69 % времени – 3
 - в) менее 60 % – 1
4. Уход за потомством:
 - а) систематическое вылизывание и удаление испражнений – 5
 - б) эпизодическое вылизывание и удаление испражнений – 3
 - в) безразличие к потомству – 1
5. Защита потомства:
 - а) проявление агрессии при попытке взять крысят – 5
 - б) проявление беспокойства при попытке взять крысят – 3
 - в) безразличие – 1

Инстинкт материнства считался ярко выраженным в том случае, если по разработанной шкале набиралось более 22 баллов; хорошо выраженным – от 15 до 21 балла; слабо выраженным – 14 и менее баллов. В том случае, если самка поедала потомство, ставилось 14 баллов.

Результаты исследования подвергнуты математико-статистической обработке с использованием t-критерия Стьюдента на ПК Pentium 4 в Excel.

В результате исследования было выявлено: уровень двигательной активности оказывает существенное влияние на физическое развитие, формирование физиологических функций и адаптивные реакции организма на разных этапах постнатального онтогенеза. Так, систематическое выполнение животными мышечных нагрузок с 2-месячного возраста и до периода половой зрелости сопровождалось рядом изменений в их организме. Показателем возникших адаптивных изменений в организме самок крыс, выполнявших тренировочные нагрузки, является повышение физической работоспособности. Если для животных контрольной группы максимальная продолжительность бега к моменту окончания эксперимента соответствовала $3,04 \pm 0,28$ часа, то для самок экспериментальной группы – $4,2 \pm 0,21$ часа, т. е. работоспособность животных в процессе тренировок возросла на 55 %.

Повышение работоспособности животных обусловлено определенными адаптивными изменениями в системах организма. Регистрируемые изменения связаны с активацией генетического аппарата: увеличение скорости транскрипции, трансляции биосинтеза белков, что обеспечивает гипертрофию и гиперплазию системы. В частности, у самок крыс отмечены гипертрофия надпочеч-

ников, увеличение массы сердца, объема крови и количества эритроцитов при незначительных изменениях соотношения плазмы и форменных элементов.

Наряду с морфологическими и функциональными изменениями в вегетативных системах организма, процесс адаптации связан и с изменением нейроэндокринного статуса организма самок крыс, принуждавшихся к выполнению мышечных нагрузок.

При исследовании гормонального статуса животных, начиная с возраста 90 дней, кровь для исследования брали в фазу Dioestrus. При этом необходимо отметить, что у самок экспериментальной группы в течение всего эксперимента не регистрировалось четкой ритмики овариально-менструального цикла.

В ходе проведенных исследований было установлено, что к моменту окончания эксперимента в крови самок, адаптированных к выполнению интенсивных мышечных нагрузок, регистрировались достоверно более высокие концентрации тестостерона по сравнению с самками контрольной группы ($7,42 \pm 0,15$ нмоль/л и $3,76 \pm 0,34$ нмоль/л соответственно). Гиперандрогению самок экспериментальной группы, как уже отмечалось, мы связываем с увеличением массы надпочечников. В наших исследованиях масса надпочечников самок крыс в течение 9 недель эксперимента повысилась с $7,9 \pm 0,42$ мг/100 г до $13,0 \pm 0,50$ мг/100 г массы тела при $8,0 \pm 0,39$ мг/100 г массы тела в контрольной группе.

Достоверно высоким оказался и уровень пролактина в крови самок экспериментальной группы. Пролактин находится под ингибиторным контролем допамина, секреция которого снижается в условиях действия на организм стресс-фактора. Между андрогенной гиперфункцией коры надпочечников и увеличением уровня секреции пролактина имеется положительная функциональная связь. Соответственно можно предположить, что увеличение содержания тестостерона у самок крыс обусловлено стимулирующей ролью пролактина в секреции андрогенов в надпочечниках. Подтверждением этому может служить выявленная положительная достоверная корреляция между уровнями секреции тестостерона и пролактина у спортсменок [4]. В концентрации эстрадиола достоверных отличий между группами не зарегистрировано.

Подобные гормональные перестройки в организме связаны не только с гипертрофией надпочечников, но и с изменениями в яичниках самок крыс. У самок экспериментальной группы отмечен высокий процент атрезирующих вторичных и третичных фолликулов. Но подобные нарушения в органах женской репродуктивной системы носят и адаптивный характер. В частности, высокий процент атрезирующих фолликулов обеспечивает удовлетворение возросшей потребности организма в анаболических стероидах. Прежде всего это связано с тем, что тестостерон яичников, так же как и тестостерон надпочечников, способствует маскулинизации организма самок и соответственно лучшей адаптации к мышечным нагрузкам. В итоге, можно сделать вывод, что в основе гиперандрогении при мышечных нагрузках, с одной стороны, лежит повышение массы надпочечников и, как следствие, их секреторных возможностей, с другой – высокий процент атрезирующих фолликулов.

Андрогены, являясь антагонистами эстрогенов, опосредованно подавляют функцию гипофиза и напрямую воздействуют на женскую репродуктивную систему.

Возможно, этим можно объяснить отмеченное нами снижение способности самок крыс экспериментальной группы к воспроизводству. Так, в контрольной группе получить потомство удалось у восьми самок из 10, соотношение полов потомства – 47,4 % самцы и 52,6 % самки. В экспериментальной группе потомство получено от 4 самок из 10 с высоким процентом самцов в помете (70 %).

При сравнительном анализе выраженности родительского инстинкта достоверных различий между группами не отмечено. В контрольной группе степень выраженность родительского инстинкта оценивалась в $20,2 \pm 1,4$ балла, в экспериментальной $19,1 \pm 1,7$ баллов, что можно трактовать как хорошо выраженный родительский инстинкт.

Важным моментом в развитии потомства является грудное вскармливание, и особенно в ранний период лактации. Количество секретируемого молока у самок крыс определяли на шестой день после родов. Установлено, что среднее количество молока у самок контрольной группы составило $2,1 \pm 0,27$ мкг, в экспериментальной группе – $1,6 \pm 0,14$ мкг.

Недостаточное поступление молока при лактации, по всей видимости, явилось одной из основных причин отставания в физическом развитии потомства, полученного от самок экспериментальной группы. Так, дефицит массы тела животных экспериментальной группы к 10 дню жизни составил 19,6 %. Отставания регистрировались и по другим показателям физического развития.

В частности, отлипание ушных раковин у крысят происходило на 13 день, тогда как у крысят матерей контрольной группы на 10 день, покрытие шерстью у животных экспериментальной группы происходило на 14 день, у контрольных – на 12 день.

В том случае, если крысят, полученных от самок экспериментальной группы, на второй день после рождения подсаживали самкам контрольной группы, подобных отставаний в показателях физического развития не регистрировалось.

Эксперимент показал, что:

1) увеличение секреции пролактина в условиях адаптации к интенсивным мышечным нагрузкам, наряду с увеличением атрезирующих фолликул и гипертрофией надпочечников, является дополнительным фактором повышения концентрации тестостерона в организме самок крыс;

2) гиперандрогения снижает способность самок крыс к воспроизводству и провоцирует гипогалактию, но существенно не влияет на проявление родительского инстинкта.

Литература

1. Беляев Н. Г., Писков С. И., Самойленко В. Ю. Влияние интенсивных мышечных нагрузок на репродуктивную систему женщин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Медицина». 2007. № 6. С. 464–468.
2. Беляев Н. Г., Самойленко В. Ю., Суслов К. Ю. Возможные механизмы спортивной гиперандрогении // Вестник СГУ. 2011. Вып. 74. С. 75–81.
3. Зырянова Е. А., Марова Е. И., Смоленский А. В. Влияние интенсивных физических нагрузок на функцию репродуктивной системы у спортсменок // Акушерство и гинекология. 2008. № 1. С. 6–8.
4. Писков С. И., Беляев Н. Г. Нарушения репродуктивной системы у спортсменок, занимающихся вольной борьбой // Проблемы и перспективы современной науки: сборник научных трудов. Т. 2. № 1. Томск, 2009. С. 30–31.

УДК: 612.821+616

**Бондарь Татьяна Петровна, Губарева Любовь Ивановна,
Ермолова Любовь Степановна**

КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЛИПИДНОГО ОБМЕНА, ИНДЕКСА МАССЫ ТЕЛА, СКЛОННОСТИ К РИСКУ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У СТУДЕНТОВ

В статье установлены половые различия липидного обмена, зависящие от индекса массы тела (ИМТ). Стрессоустойчивость и склонность к риску повышается с повышением ИМТ. Корреляционный анализ показателей липидного обмена и психологических показателей выявил, что уровень стресса у юношей и девушек снижается при повышении концентрации триглицеридов в крови, стрессоустойчивость повышается с падением концентраций общего холестерина и липопротеинов низкой плотности.

Ключевые слова: индекс массы тела, стрессоустойчивость, склонность к риску, триглицериды, холестерин, студенты.

Bondar Tatiana P., Gubareva Lubov I., Ermolova Lubov S.

CORRELATION ANALYSIS OF PARAMETERS OF LIPID METABOLISM, BODY MASS INDEX, INCLINATION TO RISK, AND STRESS TOLERANCE IN STUDENTS

Sex differences of lipid metabolism and body mass index (BMI) were installed. Tolerance to stress and inclination to risk increased with increasing of BMI. Correlation analysis of lipid metabolism and psychological indicators revealed interrelation between decrease stress level of young men and girls and increase of triglycerides blood concentration, increase of tolerance to stress and decline of general cholesterol and LDL-C concentrations.

Key words: body mass index, tolerance to stress, inclination to risk, triglycerides, cholesterol, students.

Проблема взаимосвязи психологических и биологических характеристик людей существует давно и развивалась многими исследователями, использовавшими самые разнообразные подходы для ее разрешения. С самого начала своего существования человек пытался понять себя, своё место в мире, своё отличие от других живых существ и других людей. Среди древнейших следов челове-

ческой деятельности существуют свидетельства того, что люди знали об индивидуальных различиях и учитывали их. На каком бы уровне развития ни находилась культура, она не может существовать без разделения труда, а, следовательно, предполагает признание различий между людьми [1]. Некоторыми исследователями установлено, что при различном телосложении, косвенную оценку которого может дать индекс массы тела (ИМТ), наблюдаются некоторые отличия психологических характеристик личности [1; 2].

В современном мире актуален поиск биохимических маркеров стрессоустойчивости и адаптации к агрессивным факторам среды разной природы, которые являются причиной всевозможных расстройств и патологий [5; 7]. Адаптация студентов к особенностям студенческого образа жизни, к постоянным нервно-эмоциональным перегрузкам требует выраженного напряжения адаптационных механизмов, что может приводить к ухудшению здоровья за время обучения в вузе. Итоговой характеристикой адаптации является социально-психологическая адаптированность студентов, которая определяется условиями конкретной среды, адаптационными ресурсами личности и отражается в успешности учебной деятельности [4].

Целью исследования являлось изучение взаимосвязи показателей липидного обмена, индекса массы тела и показателей склонности к риску и стрессоустойчивости у здоровых студентов университета вне сессии.

В настоящем исследовании приняли добровольное участие 69 студентов университета (35 юношей и 34 девушки) в возрасте от 18 до 23 лет без проблем со здоровьем. Контингент студентов был дифференцирован в соответствии с половым диморфизмом. По результатам вычислений индекс массы тела были выделены 3 группы:

- 1 группа: девушки и юноши с ИМТ < 18 кг/м²;
- 2 группа: девушки и юноши с ИМТ 18÷25 кг/м²;
- 3 группа: девушки и юноши с ИМТ > 25 кг/м².

Для выявления личностных характеристик и стрессоустойчивости было проведено психологическое тестирование по бланковым методикам Шуберта (диагностика уровня личностной готовности к риску), теста на стресс (оценка выносливости испытуемых к уровню стресса) и теста на стрессоустойчивость (оценка степени раздражительности, нервозности, вспыльчивости и способности контролировать эти качества). Биохимические исследования были проведены утром, натощак. Перед взятием венозной крови были измерены рост, вес, частота сердечных сокращений и артериальное давление испытуемых. Взятие венозной крови проводилось в соответствии с ГОСТом и общими правилами сбора материала. В крови определяли липопротеины высокой (ЛПВП – HDL-холестерин) и низкой (ЛПНП – LDL-холестерин) плотности, триглицериды (ТГ), общий холестерин (ОХ). Исследование маркеров проводилось с помощью наборов реактивов фирмы «Vital diagnostics» (Россия), на фотоэлектроколориметре «Stat Fax 1904+», США. Статистическую обработку проводили с использованием методов параметрического анализа в Microsoft Excel. Корреляционный анализ проводили по критериям Пирсона.

Биохимические показатели, характеризующие липидный обмен, являются значимыми маркерами состояния здоровья. Известно, что при различном телосложении, косвенную оценку которого может дать индекс массы тела, различается активность обменных процессов организма.

Статистический анализ данных обследования студентов университета показал, что большинство биохимических показателей не выходят за рамки референтных значений (табл. 1). Как видно из данных таблицы 1, достоверно выраженные различия показателей липидного обмена при сниженной массе тела (ИМТ < 18 кг/м²) выявлены только у юношей: повышена концентрация ХС ЛПВП, снижена концентрация ТГ и индекса атерогенности (ИА). При этом у юношей концентрации ТГ значимо ниже, чем у девушек. Отмечается тенденция к снижению индекса атерогенности в крови у юношей по сравнению с девушками.

Полученные факты допустимо расценивать как показатель более низкой стрессоустойчивости юношеского организма к факторам вузовской среды.

Статистический анализ данных обследования студентов университета с ИМТ > 25 кг/м², что соответствует несколько избыточной массе тела, выявил достоверно значимое повышение концентраций ОХ и ХС ЛПНП, а также атерогенности только у юношей (табл. 1). При этом показатели ОХ и ХС ЛПНП, ИА у юношей были значимо выше, чем у девушек, что говорит о перенапряжении механизмов адаптации и возможности раннего развития атеросклероза сосудов.

Таблица 1

Различия ИМТ и показателей липидного обмена ($X \pm m$, T, p)

Показатель	Группа с ИМТ < 18		T	P ₂
	М (n = 12)	Ж (n = 9)		
1. ИМТ, ед.	18,51 ± 0,08	18,30 ± 0,23	1,9	> 0,05
P	< 0,05	< 0,05		
2. ИА, ед.	0,92 ± 0,16	1,49 ± 0,25	1,9	> 0,05
P	< 0,05	> 0,1		
3. ТГ, ммоль/л	0,70 ± 0,02	0,84 ± 0,05	2,3	< 0,05
P	≤ 0,05	> 0,05		
4. ОХ, ммоль/л	4,34 ± 0,17	4,82 ± 0,39	1,1	> 0,1
P	> 0,5	> 0,5		
5. ХС ЛПВП, ммоль/л	2,01 ± 0,04	1,95 ± 0,11	0,5	> 0,1
P	< 0,05	> 0,5		
6. ХС ЛПНП, ммоль/л	2,33 ± 0,11	2,87 ± 0,40	1,3	> 0,1
P	> 0,5	> 0,5		
Показатель	Группа с ИМТ от 18 до 25		T	P ₂
	М (n = 15)	Ж (n = 14)		
1. ИМТ, ед.	21,39 ± 0,62	20,79 ± 0,39	0,81	> 0,1
2. ИА, ед.	1,66 ± 0,31	2,05 ± 0,56	0,63	> 0,1
3. ТГ ммоль/л	1,45 ± 0,38	1,08 ± 0,12	0,92	> 0,1
4. ОХ ммоль/л	4,45 ± 0,53	5,0 ± 0,49	0,77	> 0,1
5. ХС ЛПВП ммоль/л	1,68 ± 0,09	1,87 ± 0,20	0,83	> 0,1
6. ХС ЛПНП ммоль/л	2,76 ± 0,51	3,13 ± 0,57	0,47	> 0,1
Показатель	Группа с ИМТ > 25		T	P ₂
	М (n = 8)	Ж (n = 11)		
1. ИМТ, ед.	25,02 ± 0,42	26,95 ± 0,93	1,88	> 0,1
P	< 0,01	< 0,01		
2. ИА, ед.	4,05 ± 0,88	1,51 ± 0,23	2,763	≤ 0,05
P	< 0,001	> 0,1		
3. ТГ, ммоль/л	1,15 ± 0,28	1,17 ± 0,20	0,03	> 0,1
P	> 0,5	> 0,5		
4. ОХ, ммоль/л	7,05 ± 0,98	4,32 ± 0,47	2,50	≤ 0,05
P	< 0,05	> 0,1		
5. ХС ЛПВП, ммоль/л	1,44 ± 0,09	1,75 ± 0,15	1,03	> 0,1
P	> 0,05	> 0,5		
6. ХС ЛПНП, ммоль/л	5,61 ± 1,05	2,56 ± 0,43	2,67	≤ 0,05
P	< 0,05	> 0,5		

Примечания: P – достоверность различий средних величин по сравнению с нормальной массой тела; P₂ – достоверность межполовых различий.

Таким образом, оценка изменений показателей липидного обмена у студентов университета, без проблем со здоровьем, в зависимости от индекса массы тела и пола, выявила, что в группах испытуемых девушки имеют более стабильный липидный обмен, чем юноши. Можно предположить, что такое повышение адаптивных возможностей девушек связано с особенностями системы синтеза женских половых гормонов, предшественником которых, как известно, является холестерин [3; 6].

Сопоставление показателей ИМТ, липидного обмена и психологических показателей выявило, что с повышением ИМТ повышается стрессоустойчивость, и это приводит к возрастанию склонности к риску. По видимому, этот механизм детерминирует пищевое поведение в условиях хронического стресса и способствует избыточному накоплению массы тела [5].

Для выявления взаимосвязи между психологическими и биохимическими свойствами обследуемых был выполнен корреляционный анализ, результаты которого приведены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа психологических, антропометрических и биохимических показателей

Корреляционная связь		R, $p \leq 0,05$
психологические показатели	антропометрические и биохимические показатели	
Склонность к риску	ИМТ	0,407
Уровень стресса	ТГ	-0,394
Стрессоустойчивость	ИМТ	0,349
	ИА	-0,334
	ОХ	-0,354
	ЛПНП	-0,361

Корреляционный анализ биохимических и психологических данных обследованных выявил следующие закономерности:

- между склонностью к риску и индексом массы тела – умеренная прямая зависимость, то есть с повышением индекса массы тела у молодых людей повышается склонность к риску;
- между уровнем стресса и концентрацией триглицеридов – умеренная обратная связь, то есть у людей с высоким уровнем концентрации ТГ имеется склонность к понижению уровня стресса при действии стресс-факторов вузовской среды;
- между стрессоустойчивостью и индексом массы тела – умеренная прямая зависимость, а индексом атерогенности, концентрациями ОХ, ХС ЛПНП – умеренная обратная зависимость. Это значит, что с повышением индекса массы тела наблюдается повышение стрессоустойчивости, а с увеличением ИА, концентраций ОХ и ХС ЛПНП – падение стрессоустойчивости.

Таким образом, адаптивные возможности нервной системы повышаются с увеличением индекса массы тела и концентрацией триглицеридов в крови.

Итак, можно сделать определенные выводы.

Установлены половые различия липидного обмена в зависимости от ИМТ. У девушек – студенток университета без проблем со здоровьем, не зависимо от индекса массы тела не наблюдается достоверно выраженного повышения показателей липидного обмена. У юношей – студентов университета понижение ИМТ приводит к достоверно выраженному повышению концентрации ХС ЛПВП, снижению концентрации ТГ и индекса атерогенности; при повышении ИМТ отмечали иные изменения, а именно: повышение концентраций ОХ, ХС ЛПНП и индекса атерогенности.

Корреляционный анализ показателей липидного обмена и психологических показателей выявил, что уровень стресса у юношей и девушек без проблем со здоровьем снижается при повышении концентрации ТГ в крови, стрессоустойчивость повышается с падением концентраций ОХ и ХС ЛПНП.

В группах с ИМТ $> 25 \text{ кг/м}^2$ наблюдается снижение уровня стресса не зависимо от пола. Стрессоустойчивость и склонность к риску повышается с повышением ИМТ.

Литература

1. Анастаси А. Дифференциальная психология. Индивидуальные и групповые различия в поведении / пер с англ. М.: Апрель Пресс, 2001. С. 206–207, 219–220.
2. Кречмер Э. Строение тела и характер. М.: НО Научный фонд «Первая исследовательская лаборатория им. Акад. В. А. Мельникова», 2000. С. 3, 11–22.
3. Мари Р. Биохимия человека / Р. Марри, Д. Греннер, П. Мейес, В. Родуэлл. М.: Мир; Бином. Лаборатория знаний, 2009. С. 151.
4. Нагибина Н. Л. Психологические и психоаналитические исследования. М.: Институт психоанализа, 2011. С. 11, 16–17, 21.
5. Посохина В. В., Губарева Л. И. Ожирение как реакция на стресс // Физиологические проблемы адаптации: сб. научных статей. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. С. 198–201.
6. Элиот В., Элиот Д. Биохимия и молекулярная биология. М.: МАИК «Наука / Интерпериодика», 2002. С. 94.
7. Gubareva L. I., Buhantsova E. V., Achverdova O. A. Endocrine determinants of the formation of character traits in men with a criminal stereotype // International Journal of Psychophysiology. Amsterdam – Boston – New York ect: ELSEVIER, 2012. Vol. 85. I. 3. P. 376.

УДК 612.4+612.6+612.392.63

Джандарова Тамара Исмаиловна, Титаренко Юлия Вячеславна,
Батурин Владимир Александрович,

СУТОЧНАЯ ДИНАМИКА КАТЕХОЛАМИНОВ В РАЗЛИЧНЫХ ОТДЕЛАХ ГОЛОВНОГО МОЗГА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ЗРЕЛОСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПИВА

В статье рассказывается об установленных нарушениях количества и суточной динамики катехоламинов в головном мозге под влиянием как безалкогольного, так и спиртосодержащего пива, что, несомненно, связано с отрицательным действием присутствующих в пиве компонентов неалкогольной природы.

Ключевые слова: пиво, суточная динамика, катехоламины в мозге.

Dzhandarova Tamara. I., Titarenko Julia V., Baturin Vladimir A.

DAILY PERFORMANCE IN VARIOUS CATECHOLAMINES BRAIN DURING FIRST MATURITY UNDER THE INFLUENCE OF BEER

The number and found violations of the daily dynamics of catecholamines in the brain under the influence of alcohol-free, alcohol-containing beer and that is undoubtedly due to the negative influence of the components present in beer non-alcoholic nature.

Key words: beer, daily dynamics, catecholamines in the brain.

Несмотря на важность проблемы пивной алкоголизации населения, особенно подростков, и достаточное количество опубликованных работ, подробных и комплексных исследований о влиянии пива на начальных этапах употребления этого напитка на функциональное состояние нервной системы практически нет. В больших количествах пиво оказывается клеточным ядом, поэтому при злоупотреблении им тяжело выражены соматические последствия: миокардиодистрофия, цирроз печени, гепатит. При пивной алкоголизации тяжелее, чем при водочной, поражаются клетки головного мозга, поэтому быстрее нарушается интеллект [1].

Целью исследования стало изучение влияния слабоалкогольных напитков на суточную динамику содержания норадреналина и дофамина в различных участках головного мозга в период первой зрелости.

Исследования выполнены на 72 взрослых белых лабораторных крысах линии Вистар в возрасте 6 месяцев. При работе с крысами полностью соблюдали международные принципы Хельсинской декларации о гуманном отношении к животным. В соответствии с целью исследования крысы были разделены на 3 группы: 1 – контрольная группа – крысы, получающие только воду; 2 – крысы, получающие безалкогольное пиво; 3 – крысы, получающие спиртосодержащее пиво. Для определения катехоламинов в ткани головного мозга фронтальную кору, лимбическую часть коры, гиппокамп и гипоталамус выделяли и немедленно замораживали. Уровень норадреналина и дофамина в ткани мозга определяли флюориметрическим методом [3]. Полученные данные подвергались вариационно-статистической обработке [5] с помощью компьютерной программы Excel пакета Microsoft Office 2003.

Как показывают результаты исследований, у контрольных животных в условиях обычного светового режима наиболее высокие значения норадреналина в гипоталамусе наблюдались в темное время суток в 22 ч, что соответствует ночному образу жизни этих животных (рис. 1). У крыс, получавших как безалкогольное, так и спиртосодержащее пиво, содержание норадреналина в гипоталамусе на протяжении суток было достоверно ниже по сравнению с аналогичными данными контрольных животных (рис. 1). При этом в суточной динамике уровня норадреналина в гипоталамусе у крыс, получавших безалкогольное пиво, наблюдались наиболее высокие значения в 10 и 18 ч, а у крыс, получавших спиртосодержащее пиво, – в 18 ч (рис. 1).

Как показало выполненное исследование, у контрольных животных содержание дофамина в гипоталамусе изменялось в течение суток от $2,41 \pm 0,165$ до $7,536 \pm 0,072$ мкг/г ткани, а его максимум приходился на 10 ч (рис. 2).

У крыс, получавших как безалкогольное, так и спиртосодержащее пиво, содержание дофамина в гипоталамусе на протяжении суток было достоверно выше по сравнению с аналогичными данными контрольных животных (рис. 2). При этом в суточной динамике уровня норадреналина в гипоталамусе у крыс, получавших безалкогольное пиво, наиболее высокие значения приходились

на 14 ч ($170,46 \pm 0,153$ мкг/г ткани), после чего происходило постепенное снижение до $24,03 \pm 0,094$ мкг/г ткани в 14 ч, а к 6 ч снова начинала увеличиваться. На фоне получения спиртосодержащего пива наиболее высокие значения уровня дофамина в гипоталамусе наблюдались в 18 и 22 ч (рис.2).

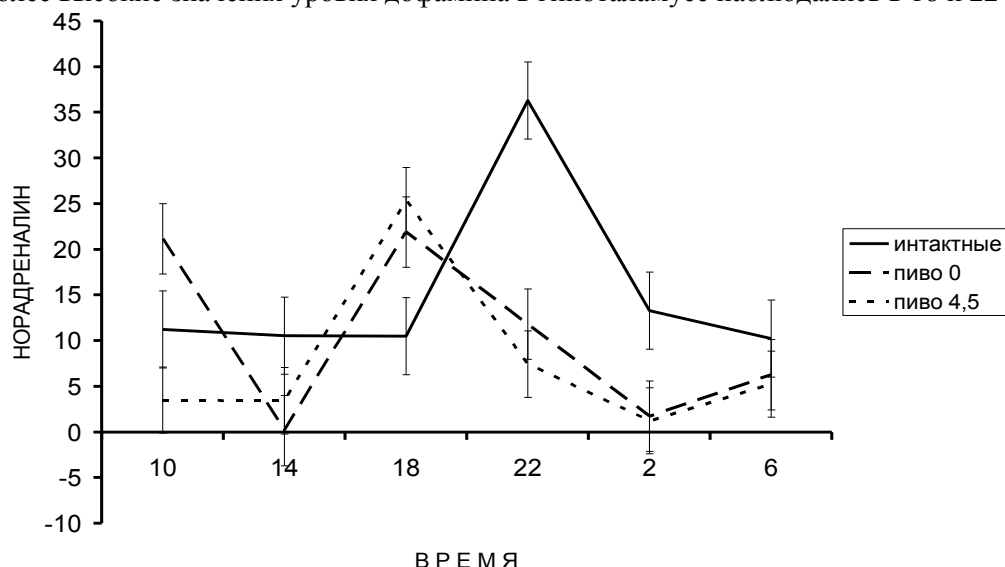

Рис. 1. Влияние безалкогольного и спиртосодержащего пива на суточную динамику содержания норадреналина в гипоталамусе (мкг/г ткани)

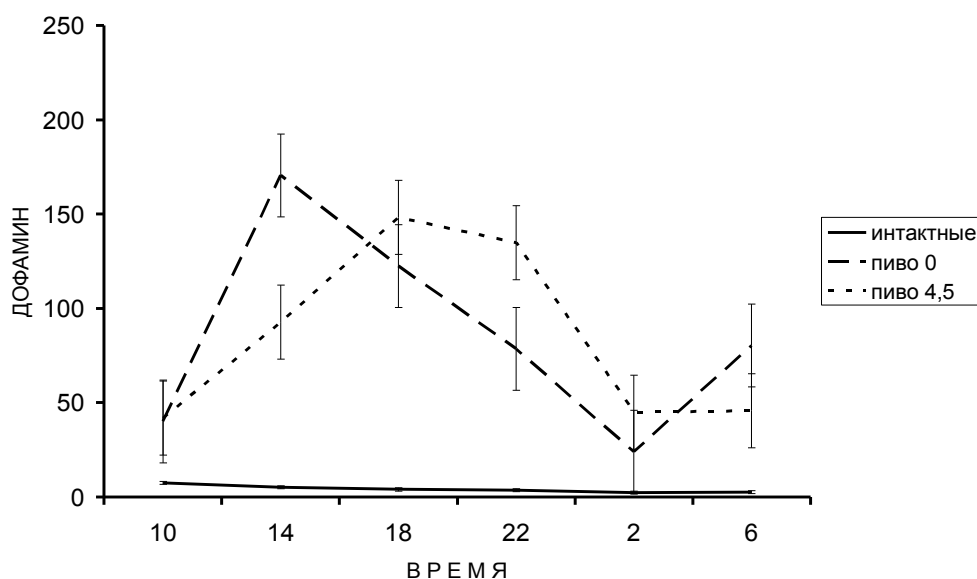

Рис. 2. Влияние безалкогольного и спиртосодержащего пива на суточную динамику содержания дофамина в гипоталамусе (мкг/г ткани)

Результаты исследования уровня норадреналина и дофамина во фронтальной коре представлены на рисунках 3 и 4. Как следует из полученных данных, у животных контрольной группы содержание норадреналина во фронтальной коре изменялось в течение суток в пределах от $0,5417 \pm 0,0685$ до $3,872 \pm 0,1341$ мкг/г ткани с максимумом в темное время суток (рис. 3). У крыс, получавших как безалкогольное, так и спиртосодержащее пиво, в течение суток наблюдались резкие скачки уровня норадреналина во фронтальной коре. При этом наиболее высокие значения уровня норадреналина во фронтальной коре у животных, получавших безалкогольное пиво, приходились на 18 ч (светлое время суток), а у крыс, получавших спиртосодержащее пиво, содержание норадреналина в данной области мозга резко повышалась к 6 ч, что соответствует концу темного периода суток (рис. 3).

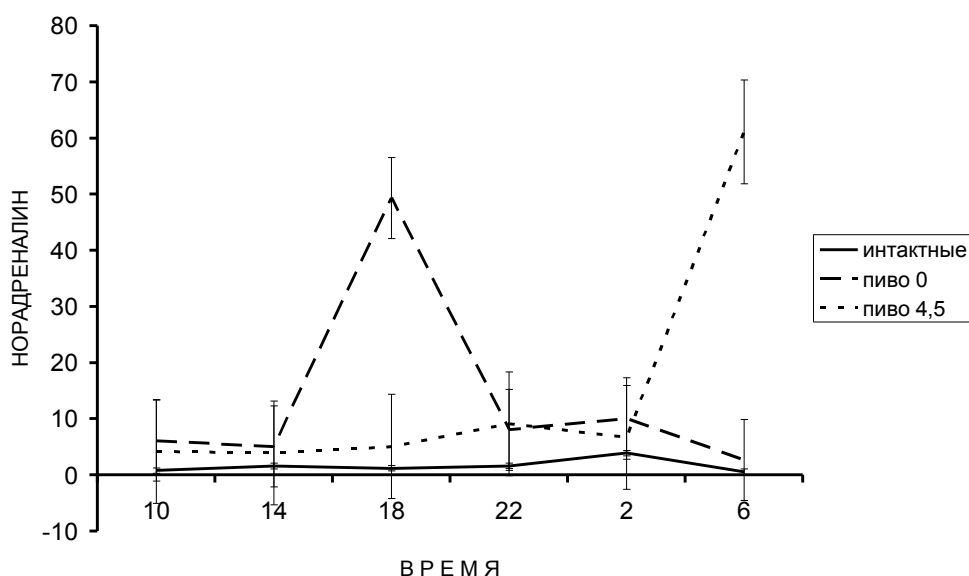

Рис. 3. Влияние безалкогольного и спиртосодержащего пива на суточную динамику содержания норадреналина во фронтальной коре (мкг/г ткани)

Как показывают результаты исследований, у контрольных животных самый низкий уровень дофамина был выявлен в 14 часов. Затем содержание дофамина в ткани фронтальной коры постепенно увеличилось и достигало пика в темное время суток – в 2 ч, что соответствует ночному образу жизни этих животных (рис. 4).

У крыс, получавших как безалкогольное, так и спиртосодержащее пиво, в течение суток наблюдалось достоверно высокие значения уровня дофамина во фронтальной коре. Так, у животных, получавших безалкогольное пиво, содержание дофамина во фронтальной коре находилось в пределах от $15,39 \pm 0,17$ до $147,43 \pm 0,15$ мкг/г ткани, а у крыс, получавших спиртосодержащее пиво, – от $28,2 \pm 0,097$ до $154,0 \pm 0,16$ мкг/г ткани.

При этом максимум уровня дофамина во фронтальной коре у животных, получавших безалкогольное пиво, приходился на 18 ч (светлое время суток), а у крыс, получавших спиртосодержащее пиво, содержание норадреналина в данной области мозга резко повышалась к 6 ч, что соответствует концу темного периода суток (рис. 4).

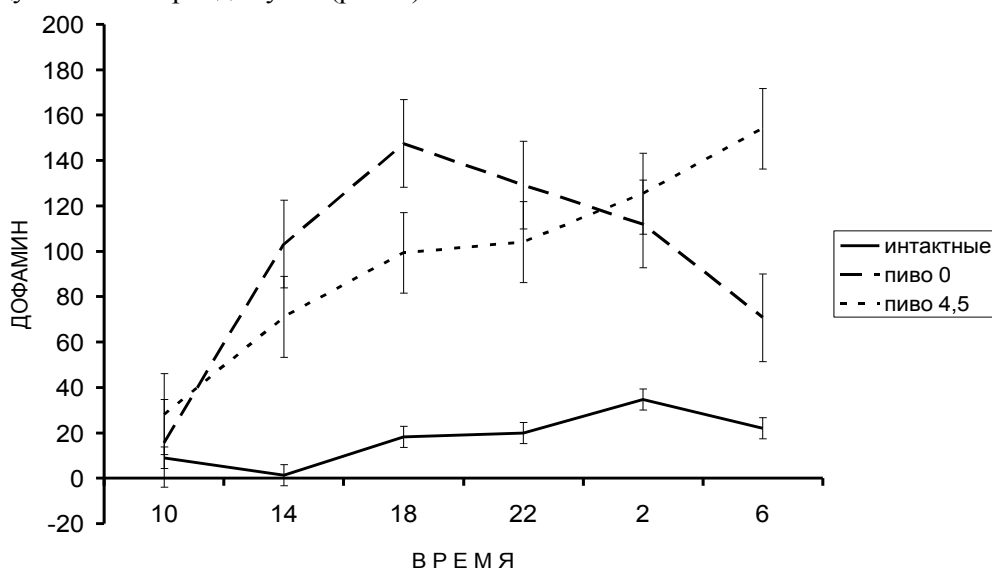

Рис. 4. Влияние безалкогольного и спиртосодержащего пива на суточную динамику содержания дофамина во фронтальной коре (мкг/г ткани)

Как следует из полученных данных, у животных контрольной группы хронограмма суточной динамики норадреналина в гиппокампе сглажена, а максимум его содержания был выявлен к концу темного времени суток в 6 часов (рис. 5), что соответствует ночному образу жизни крыс.

У крыс, получавших как безалкогольное, так и спиртосодержащее пиво, уровень норадреналина в гиппокампе был достоверно выше по сравнению с показателями контрольных животных. Содержание норадреналина в гиппокампе у крыс, получавших безалкогольное пиво, в течение суток находилось в пределах от $2,54 \pm 0,089$ до $29,35 \pm 0,135$ мкг/г ткани, а у животных, получавших спиртосодержащее пиво, – в пределах от $1,51 \pm 0,138$ до $26,01 \pm 0,089$ мкг/г ткани. При этом у животных обеих экспериментальных групп на хронограмме суточной динамики наблюдались резкие скачки уровня норадреналина в гиппокампе. Наиболее высокие значения уровня норадреналина в гиппокампе у животных, получавших безалкогольное пиво, приходились на 18 ч (светлое время суток), а у крыс, получавших спиртосодержащее пиво, содержание норадреналина в данной области мозга резко повышалась к 22 ч, что соответствует темному периоду суток (рис. 5).

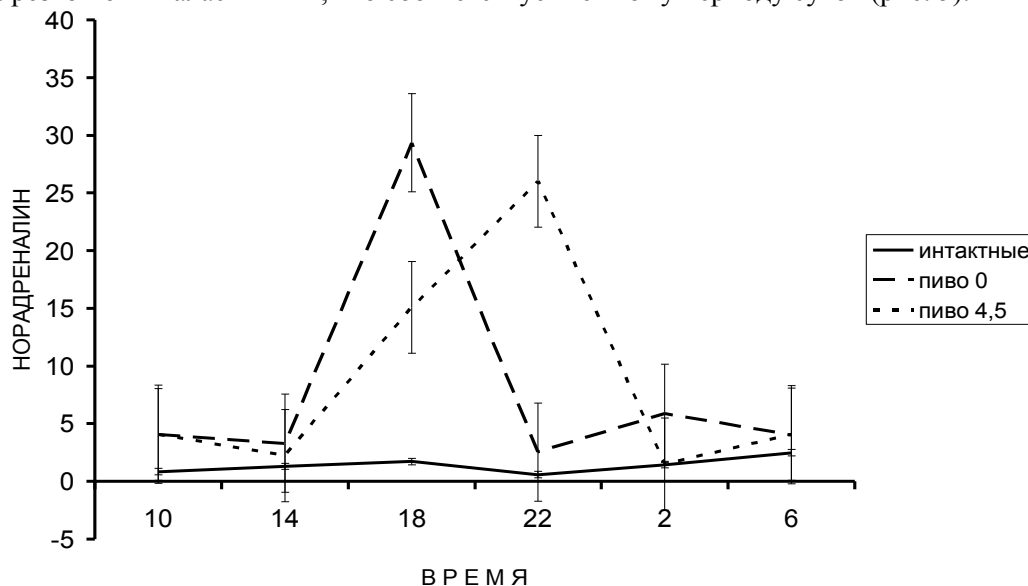

Рис. 5. Влияние безалкогольного и спиртосодержащего пива на суточную динамику содержания норадреналина в гиппокампе (мкг/г ткани)

Исследование содержания дофамина в гиппокампе показало, что у животных контрольной группы его уровень в течение суток изменялся в пределах от $0,609 \pm 0,205$ до $2,565 \pm 0,13$ мкг/г ткани. При этом на хронограмме суточной динамики содержания дофамина в гиппокампе наблюдались два максимума в светлое и темное время суток в 14 и 2 ч соответственно (рис. 6).

У крыс, получавших как безалкогольное, так и спиртосодержащее пиво в течение суток наблюдалось достоверно высокие значения уровня дофамина гиппокампе. Так, у животных получавших безалкогольное пиво, содержание дофамина в гиппокампе находилось в пределах от $61,85 \pm 0,06$ до $116,92 \pm 0,139$ мкг/г ткани, а у крыс, получавших спиртосодержащее пиво – от $13,57 \pm 0,06$ до $93,55 \pm 0,127$ мкг/г ткани. При этом максимум уровня дофамина в гиппокампе у животных, получавших безалкогольное пиво, приходился на 14 ч (светлое время суток), а у крыс, получавших спиртосодержащее пиво, содержание дофамина в данной области мозга резко повышалось к 18 ч, что соответствует светлому периоду суток (рис. 6).

Исходя из вышесказанного можно предположить существенное изменение функциональной активности различных отделов головного мозга под влиянием как безалкогольного, так и спиртосодержащего пива, что, несомненно, отразится не только на адаптивных возможностях, но и на многих поведенческих реакциях организма.

Функционируя как единый интегративный комплекс, фронтальная кора, гиппокамп и гипоталамус обеспечивают организацию поведения в системе координат «потребность – вероятность ее удовлетворения». Фронтальная кора имеет взаимные связи с различными подкорковыми образованиями, но с традиционно лимбическими структурами она связана слабо [8]. Медиальная стенка фронтальной коры крыс имеет обширные связи как с другими корковыми областями, так и с подкорковыми структурами – таламическими ядрами, гипоталамусом, гиппокампом, продолгова-

тым мозгом [4]. Лимбическая система мозга, и в частности гиппокамп, играет важную роль в регуляции процессов внимания и памяти, в отборе новой информации и ее фиксации в памяти [7]. К функциям гиппокампа относят определение степени новизны поступающей информации и поддержания внимания к ней [6]. Гиппокамп, по общепринятому мнению, имеет ключевое значение в когнитивной деятельности мозга. Важную роль в осуществлении функций гиппокампа играет медиальная септальная область, включающая медиальное септальное ядро и ядро диагонального пучка Брока, составляющие единый комплекс [2]. Функции гипоталамуса и структурно, и функционально с ним связанных гиппокампа и амигдалы ограничиваются в основном лишь регуляцией эмоционально-мотивационных реакций и интеграций вегетативных процессов организма.

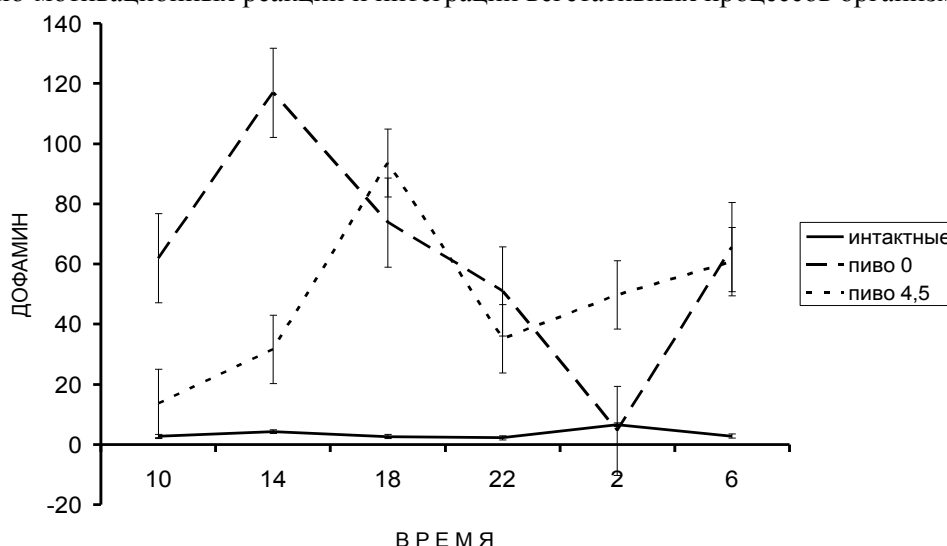

Рис. 6. Влияние безалкогольного и спиртосодержащего пива на суточную динамику содержания дофамина в гиппокампе (мкг/г ткани)

Изменение баланса норадреналина и дофамина в структурах головного мозга, нарушение их суточной динамики и среднесуточных колебаний под влиянием слабоалкогольных напитков (пива как безалкогольного, так и спиртосодержащего) можно заключить, что возможно эмоциональное напряжение организма в целом, снижение его адаптивных возможностей. Поскольку катехоламины являются активными участниками нервных процессов, выявленные изменения их обмена в мозге могут играть большую роль в развитии нервных и психических нарушений при употреблении слабоалкогольных напитков. Следует отметить, что выявленные нарушения количества и суточной динамики катехоламинов в обеих экспериментальных группах имеют однонаправленный характер, которые, несомненно, связаны с отрицательным действием присутствующих в пиве компонентов неалкогольной природы.

Литература

1. Иванец Н. Н. Симптомы и синдромы при алкоголизме // Лекции по наркологии. М.: Медпрактика, 2001. С. 76–90.
2. Кичигина В. Ф. Дофаминергическая регуляция тета-активности септо-гиппокампальных нейронов у бодрствующих кроликов // Журнал высшей нервной деятельности. 2004. Т. 54 (2). С. 210–215.
3. Коган Б. М., Нечаев Н. В. Чувствительный и быстрый метод одновременного определения дофамина, норадреналина, серотонина и 5-оксииндолуксусной кислоты в одной пробе // Лабораторное дело. 1979. № 5. С. 301–303.
4. Курзина Н. П. Нейронная активность медиальной стенки фронтальной коры мозга крыс на разных стадиях обучения // Журнал высшей нервной деятельности. 1989. № 6. С. 1105–1111.
5. Лакин Г. Ф. Биометрия. М., 1990. 352 с.
6. Лоскутова Л. В., Лукьяненко Ф. Я., Ильченко Р. Ю. Взаимодействие серотонин- и дофаминергической систем мозга в механизмах латентного торможения у крыс // Журнал высшей нервной деятельности. 1989. № 4. С. 714–720.
7. Семенова Т. П. Особенности моноаминергической регуляции высшей нервной деятельности гипернормирующих животных // Журнал высшей нервной деятельности. 2004. Т. 54 (2). С. 174–182.
8. Хамилтон Л. У. Основы анатомии лимбической системы крысы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 184 с.

УДК 598.422:591.5 (470.63)

Ильюх Михаил Павлович

ЛАНДШАФТНО-БИОТОПИЧЕСКАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЯИЦ ХОХОТУНЬИ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

*В статье описано, как анализ ландшафтно-биотопической изменчивости яиц самой многочисленной и распространенной чайки Ставрополя – хохотуньи *Larus cachinnans* – выявил достоверные различия ее ооморфометрических параметров в разных географических условиях края, что свидетельствуют о пространственной гетерогенности и разобщенности популяции данного вида чайки в регионе.*

Ключевые слова: хохотунья, яйца, изменчивость, ландшафт, Ставропольский край.

Ilyukh Mikhail P.

LANDSCAPE-BIOTOPICAL VARIABILITY OF EGGS OF YELLOW-LEGGED GULL IN STAVROPOL REGION

*The article describes the analysis of landscape-biotopical variability of eggs of the very numerous and distributions gull in Stavropol region – yellow-legged gull *Larus cachinnans* – reveal reliable difference oomorphometrical parameters in diverse geographical conditions, that evidence on territorial heterogeneous and separate of population given species gull in region.*

Key words: yellow-legged gull, eggs, variability, landscape, Stavropol region.

Хохотунья *Larus cachinnans* является самой многочисленной гнездящейся чайкой Ставропольского края, где ее численность составляет около 2,5 тыс. пар [1, 2]. Здесь она селится колониями до 800 пар на островах озер и водохранилищ по Кумо-Манычской впадине (в Апанасенковском, Арзгирском и Левокумском р-нах), в Петровском р-не и в некоторых рыбхозах. Яйца откладывает с начала апреля. В полной кладке 1–4 яйца, в среднем ($n=1004$) $2,65 \pm 0,02$ яйца [3].

С учетом широкого распространения этой чайки в регионе на примере данного вида представляется весьма удобным проследить ландшафтно-биотопические изменения в популяциях, в частности таких подходящих индикаторных параметров, как ооморфологические показатели: длина, ширина, объем и форма яиц. Это связано с тем, что птичье яйцо является одним из самых удачных модельных объектов для исследования закономерностей морфологической изменчивости популяций птиц, поскольку внешние структуры яйца остаются неизменными в течение всего периода инкубации, яйца птиц представляют собой сравнительно просто математически описываемую геометрическую фигуру, диапазон изменчивости оологических параметров значительно уже по сравнению с изменчивостью других морфологических показателей птиц, работа с оологическим материалом в полевых условиях отличается своей простотой. По сути, морфологические особенности яиц являются результатом взаимоотношений и взаимодействий птиц с окружающей средой в период размножения, объективно свидетельствующим о процессах, происходящих в их популяциях.

Материал по ландшафтно-биотопической изменчивости яиц хохотуньи собирали преимущественно в 1996–2005 гг. в различных районах Ставропольского края. Стационарные ооморфологические исследования осуществляли в самых крупных и наиболее постоянных гнездовых колониях хохотуньи: 1) оз. Маныч в районе устья р. Дунды, Апанасенковский р-н ($46^{\circ}12'$ с.ш., $42^{\circ}57'$ в.д.); 2) оз. Лысый Лиман, Апанасенковский р-н ($45^{\circ}49'$ с.ш., $44^{\circ}03'$ в.д.); 3) оз. Соленое, Арзгирский р-н ($45^{\circ}25'$ с.ш., $44^{\circ}38'$ в.д.); 4) Дадыньские озера, Левокумский р-н ($45^{\circ}16'$ с.ш., $45^{\circ}04'$ в.д.); 5) оз. Соленое, Петровский р-н ($45^{\circ}10'$ с.ш., $42^{\circ}50'$ в.д.); 6) рыбхоз у с. Птичь, Изобильненский р-н ($45^{\circ}30'$ с.ш., $41^{\circ}44'$ в.д.). Эти поселения хохотуньи удалены друг от друга на 40–120 км, достаточно изолированы и привязаны к определенной группе водоемов, как естественных (озера), так и искусственных (водохранилища и пруды рыбхозов). При этом Дадыньские озера (с солоноватой водой) находятся в полупустынной ландшафтной зоне, оз. Маныч (с горько-соленой водой), оз. Лысый Лиман (с пресной водой) и оз. Соленое Арзгирского р-на (с солоноватой водой) – в сухостепной зоне, а оз. Соленое Петровского р-на (с горько-соленой водой) и рыбхоз у с. Птичь (с пресной водой) – в степной зоне Ставропольского края (см. рисунок).

Линейные размеры яиц (длину и ширину) определяли штангенциркулем с точностью до 0,1 мм. Объем яиц вычисляли по общепринятой формуле: $V = 0,51 \times L \times B^2$, где V – объем (см^3), L – длина (см), B – ширина (см) яйца. Форму (индекс формы) яиц определяли из отношения ширины яйца к его длине, выраженного в процентах. Статистическую обработку цифрового материала

проводили по Г. Ф. Лакину [4] с помощью компьютерных программ. При этом рассчитывали среднюю статистическую величину (M), ошибку средней (m), стандартное отклонение (σ) и коэффициент вариации (CV). Различия средних вычисляли по критерию Стьюдента (t) и считали достоверными при уровне значимости $P < 0,05$.

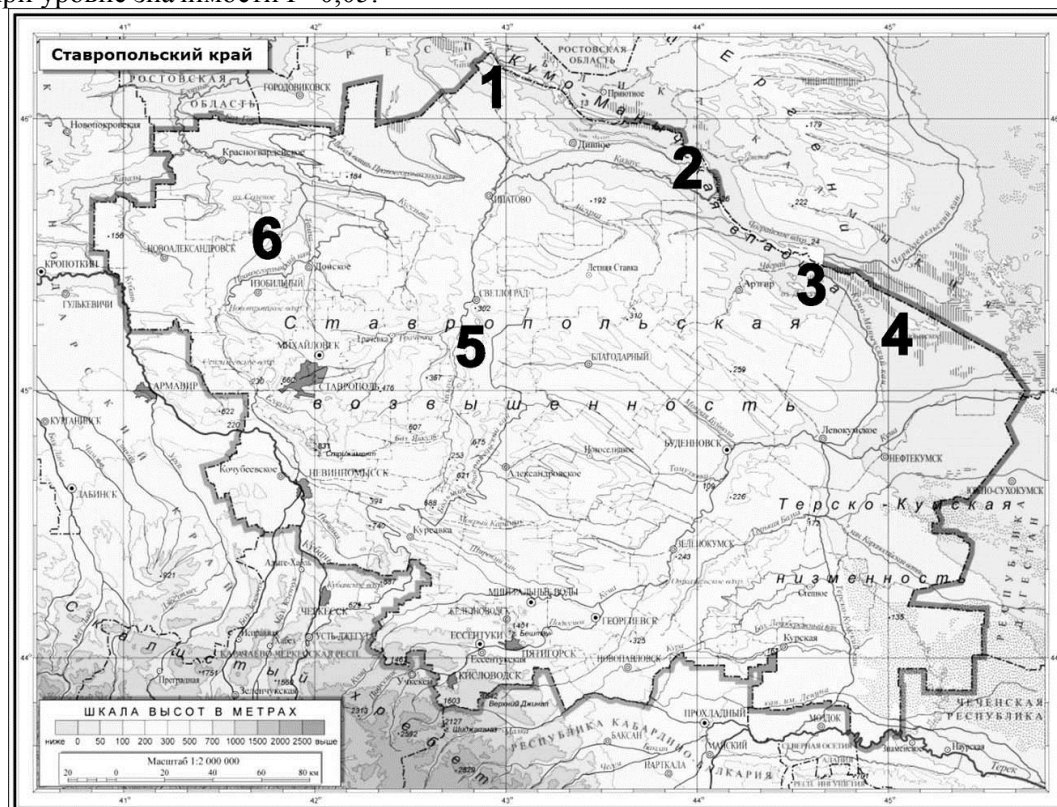

Рис. Размещение гнездовых поселений хохотуны в Ставропольском крае, в которых собран ооморфологический материал: 1 – оз. Маныч в районе устья р. Дунды, Апанасенковский р-н, 2 – оз. Лысый Лиман, Апанасенковский р-н; 3 – оз. Соленое, Арзгирский р-н; 4 – Дадынские озера, Левокумский р-н; 5 – оз. Соленое, Петровский р-н; 6 – Рыбхоз у с. Птичье, Изобильненский р-н

Всего на Ставрополье ооморфологическому анализу было подвергнуто 1 087 яиц хохотуны, общие размеры и форма которых представлены в таблице 1. В целом здесь наиболее вариабельным параметром (по коэффициенту вариации) является объем яиц, а наименее изменчивым – их ширина, что весьма характерно для многих птиц.

Таблица 1

Характеристика яиц хохотуны в Ставропольском крае

Показатели	n	Lim	$M \pm m$	σ	CV (%)
Длина, мм	1087	59,2–80,0	$70,13 \pm 0,10$	3,14	4,48
Ширина, мм	1087	41,9–54,5	$49,61 \pm 0,05$	1,57	3,16
Объем, см ³	1087	57,9–112,5	$88,19 \pm 0,24$	7,83	8,87
Индекс формы, %	1087	61,3–84,0	$70,84 \pm 0,10$	3,21	4,53

Как показали наши исследования, размеры и форма яиц хохотуны существенно различаются в разных местах гнездования Ставрополья (табл. 2).

Таблица 2

Ландшафтно-биотопическая изменчивость яиц хохотуны в Ставропольском крае

Места гнездования	n	Lim	$M \pm m$	σ	CV (%)
Длина (мм)					
Апанасенковский р-н, оз. Маныч, устье р. Дунды	186	62,2–77,9	$70,46 \pm 0,22$	3,05	4,33
Апанасенковский р-н, оз. Лысый Лиман	9	64,3–76,1	$69,83 \pm 1,47$	4,41	6,32
Арзгирский р-н, оз. Соленое	176	63,7–79,4	$70,51 \pm 0,22$	2,93	4,15
Левокумский р-н, Дадынские озера	203	62,8–80,0	$70,14 \pm 0,22$	3,08	4,40

Продолжение табл. 2

Петровский р-н, оз. Соленое	447	59,2–78,8	69,61±0,15	3,13	4,50
Изобильненский р-н, рыбхоз у с. Птичье	66	61,1–79,4	71,77±0,41	3,37	4,69
Ширина (мм)					
Апанасенковский р-н, оз. Маныч, устье р. Дунды	186	45,5–52,9	49,87±0,11	1,47	2,95
Апанасенковский р-н, оз. Лысый Лиман	9	44,8–50,4	48,24±0,54	1,61	3,34
Арзгирский р-н, оз. Соленое	176	41,9–53,2	49,40±0,11	1,50	3,03
Левокумский р-н, Дадыньские озера	203	42,9–54,4	49,77±0,12	1,68	3,37
Петровский р-н, оз. Соленое	447	44,5–54,5	49,48±0,07	1,51	3,05
Изобильненский р-н, рыбхоз у с. Птичье	66	46,1–54,4	49,99±0,22	1,82	3,63
Объем (см ³)					
Апанасенковский р-н, оз. Маныч, устье р. Дунды	186	68,4–109,9	89,53±0,57	7,83	8,74
Апанасенковский р-н, оз. Лысый Лиман	9	65,8–96,8	83,21±3,34	10,01	12,03
Арзгирский р-н, оз. Соленое	176	57,9–105,0	87,87±0,52	6,88	7,83
Левокумский р-н, Дадыньские озера	203	61,5–112,3	88,82±0,58	8,23	9,26
Петровский р-н, оз. Соленое	447	68,9–112,5	87,06±0,35	7,47	8,58
Изобильненский р-н, рыбхоз у с. Птичье	66	75,1–110,5	91,69±1,13	9,18	10,01
Индекс формы (%)					
Апанасенковский р-н, оз. Маныч, устье р. Дунды	186	62,8–79,5	70,86±0,20	2,79	3,93
Апанасенковский р-н, оз. Лысый Лиман	9	65,0–74,4	69,23±1,02	3,06	4,42
Арзгирский р-н, оз. Соленое	176	62,1–78,5	70,15±0,24	3,23	4,60
Левокумский р-н, Дадыньские озера	203	62,2–79,1	71,06±0,22	3,11	4,37
Петровский р-н, оз. Соленое	447	61,3–84,0	71,20±0,16	3,32	4,66
Изобильненский р-н, рыбхоз у с. Птичье	66	62,0–80,4	69,76±0,42	3,39	4,86

Так, максимальная длина яиц хохотуньи отмечается в рыбхозе у с. Птичье, где данный показатель достоверно больше, чем на оз. Соленом Петровского р-на ($P<0,001$; $t=4,95$), Дадыньских озерах ($P<0,001$; $t=3,50$), оз. Соленом Арзгирского р-на ($P<0,01$; $t=2,71$) и на оз. Маныч ($P<0,01$; $t=2,82$). Минимальная длина яиц оказалась на оз. Соленом Петровского р-на и была достоверно меньше, чем на оз. Соленом Арзгирского р-на ($P<0,001$; $t=3,38$), оз. Маныч ($P<0,01$; $t=3,19$) и Дадыньских озерах ($P<0,05$; $t=2,00$).

Наиболее широкие яйца хохотуньи также откладывает в рыбхозе у с. Птичье, где этот параметр достоверно больше, чем на оз. Лысый Лиман ($P<0,01$; $t=3,00$), оз. Соленом Петровского р-на ($P<0,05$; $t=2,21$) и оз. Соленом Арзгирского р-на ($P<0,05$; $t=2,40$). Самые узкие яйца отмечаются на оз. Лысый Лиман, где их ширина достоверно меньше, чем на оз. Маныч ($P<0,01$; $t=2,96$), оз. Соленом Арзгирского р-на ($P<0,05$; $t=2,10$), Дадыньских озерах ($P<0,01$; $t=2,77$) и оз. Соленом Петровского р-на ($P<0,05$; $t=2,28$).

Совокупным выражением длины и ширины яиц является их объем, максимальные значения которого наблюдаются в рыбхозе у с. Птичье. Здесь данная величина за счет наибольшего диаметра яиц достоверно больше, чем на оз. Лысый Лиман ($P<0,05$; $t=2,40$), оз. Соленом Петровского р-на ($P<0,001$; $t=3,91$), оз. Соленом Арзгирского р-на ($P<0,01$; $t=3,07$) и Дадыньских озерах ($P<0,05$; $t=2,26$). Также этот показатель на оз. Маныч оказался достоверно больше, нежели на оз. Соленом Петровского р-на ($P<0,001$; $t=3,69$) и оз. Соленом Арзгирского р-на ($P<0,05$; $t=2,15$). А на Дадыньских озерах объем яиц достоверно больше, чем на оз. Соленом Петровского р-на ($P<0,01$; $t=2,60$).

Наконец, определенные ландшафтно-биотопические изменения прослеживаются и в форме яиц хохотуньи. Так, наиболее округлые ее яйца отмечаются на оз. Соленом Петровского р-на, а самые удлинённые – на оз. Лысый Лиман. При этом в рыбхозе у с. Птичье яйца оказались достоверно более удлинённые, нежели на оз. Соленом Петровского р-на ($P<0,01$; $t=3,20$), Дадыньских озерах ($P<0,01$; $t=2,74$) и оз. Маныч ($P<0,05$; $t=2,36$). Кроме того, яйца хохотуньи в поселении на оз. Соленом Арзгирского р-на также были достоверно более продолговатые, чем на оз. Соленом Петровского р-на ($P<0,001$; $t=3,64$), Дадыньских озерах ($P<0,01$; $t=2,80$) и оз. Маныч ($P<0,05$; $t=2,27$).

Вариабельность всех ооморфологических параметров хохотуньи в разных поселениях проявляется по-разному. Так, наибольший коэффициент вариации длины и объема яиц наблюдается на оз. Лысый Лиман, а наименьший – на оз. Соленом Арзгирского р-на. Ширина и форма яиц максимально варьируют в рыбхозе у с. Птичье, а минимально – на оз. Маныч. Высокие показатели степени изменчивости яиц на оз. Лысый Лиман связаны, видимо, с небольшой выборкой исследованных

яиц, а в рыбхозе у с. Птичье – вероятно, с более разнообразными природными условиями гнездования и питания хохотуны в данном поселении.

Таким образом, наиболее крупные (по объему) яйца хохотуны откладывает в богатом кормовой базой рыбхозе у с. Птичье в пределах степных ландшафтов Ставрополя, где, видимо, для данного вида сложились весьма оптимальные трофические и гнездовые условия в регионе. Самые мелкие и удлинённые яйца наблюдаются на оз. Лысый Лиман, где, очевидно, условия обитания вида не очень подходящие из-за отсутствия пригодных для гнездования островов и сильно заросшей тростником береговой зоны водоема. Наиболее округлые яйца хохотуны откладывает на оз. Соленом Петровского р-на – водоеме с максимально высокой концентрацией солей и минералов в воде.

В целом же, достоверные различия морфометрических параметров яиц хохотуны в разных ландшафтно-биотопических условиях Ставропольского края свидетельствуют о пространственной гетерогенности и разобщенности популяции данного вида чайки в регионе.

Литература

1. Климашкин О. В. Сравнительная экология гнездования фоновых видов чайковых птиц Центрального Предкавказья: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Ставрополь, 1998. 23 с.
2. Климашкин О. В., Хохлов А. Н., Ильях М. П. Гнездовая экология чайковых птиц Центрального Предкавказья. Ставрополь, 2003. 90 с.
3. Ильях М. П., Хохлов А. Н. Кладки и размеры яиц птиц Центрального Предкавказья. Ставрополь, 2006. 220 с.
4. Лакин Г. Ф. Биометрия. М., 1990. 352 с.

УДК 617.553.-002.3:546.17:615.837.3

**Кубанов Сергей Исмаилович, Суздальцев Игорь Владимирович,
Бондаренко Александр Георгиевич, Демьянова Валерия Николаевна,
Пыхтин Юрий Юрьевич**

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МОНООКСИДА АЗОТ-СОДЕРЖАЩЕГО ГАЗОВОГО ПОТОКА ПРИ МИНИИНВАЗИВНОМ ЛЕЧЕНИИ ИНТРААБДОМИНАЛЬНЫХ АБСЦЕССОВ

В статье проведен сравнительный анализ эффективности лечения внутрибрюшных абсцессов методом чрезкожного дренирования в сочетании с санацией полости монооксидом азота, содержащимся в газовом потоке, и 0,05 % водным раствором хлоргексидина. Показано положительное влияние монооксида азота на микробный состав раневого отделяемого и размеры полости.

Ключевые слова: внутрибрюшные абсцессы, чрезкожное дренирование, ультразвук, монооксид азота.

**Kubanov Sergey I., Suzdaltsev Igor V., Bondarenko Alexander G.,
Demjanova Valeriya N., Pykhtin Yury Y.**

EFFICIENCY OF GAS STREAM CONTAINING NITROGEN MONOXIDE IN MINIMALLY INVASIVE TREATMENT OF INTRA-ABDOMINAL ABSCESES

The article demonstrates comparative analysis of intra-abdominal abscesses percutaneous drainage treatment in a combination with cavity sanitation by gas stream, containing nitrogen monoxide, and 0,05 % waterbased chlorhexidine. Positive influence of nitrogen monoxide was shown on wound microbic composition and cavity size.

Key words: intra-abdominal abscesses, percutaneous drainage, ultrasound, nitrogen monoxide.

Лечение больных с внутрибрюшными абсцессами (ВБА), осложняющими любые интраабдоминальные вмешательства, остается актуальной проблемой в хирургии. Среди различных форм перитонита именно ВБА представляют сложности в плане их топической диагностики и хирургической тактики. Неоднозначны сведения о летальности среди больных с ВБА, они колеблются от 5,5–11 % до 38–80 % [1; 3], что можно объяснить многообразием причин, локализацией и применяемой лечебной тактикой. Вопросы диагностики, особенно ранней, еще далеки от своего разрешения, хотя использование современных методов значительно упрощает этот процесс. Ведущее место занимает УЗИ как неинвазивный, доступный и информативный метод, которому также принадле-

жит перспектива совершенствования лечебной тактики. Эффективность чрезожных вмешательств при гнойниках брюшной полости под эхографическим контролем заслуживает пристального внимания многих хирургов и подтверждается результатами его применения [1; 2; 3]. К сожалению, стандартные схемы лечения, сочетающие миниинвазивное вмешательство с применением антимикробных препаратов, теряют свою эффективность на фоне возрастающей к ним резистентности микроорганизмов. С учетом данного обстоятельства необходимы разработка и внедрение в клиническую практику методов физического воздействия на раневую поверхность абсцесса. На наш взгляд, среди существующих методов санации гнойных очагов одним из перспективных является использование экзогенного монооксида азота. Открытие в середине 80-х годов XX века эндогенного газобразного монооксида азота (NO) явилось крупнейшим событием в биологии и медицине из-за его свойств: нормализация микроциркуляции, бактерицидное воздействие, индукция фагоцитоза, активация антиоксидантной защиты, регуляция иммунных нарушений, характерных для воспалительной и раневой патологии [4; 5; 6]. Влияние монооксида азот-содержащего газового потока (NO-СГП) на фазы раневого процесса при локализации его в брюшной полости, фармакокинетику и динамику качественного и количественного состава микрофлоры требует изучения, что и побудило нас провести данное исследование с целью миниинвазивного лечения интраабдоминальных абсцессов в сочетании с санацией NO-СГП.

Здесь мы представляем результаты лечения 82 больных с ВБА, которые находились в хирургических отделениях ГБУЗ «Городская клиническая больница № 3 г. Ставрополя» и ГБУЗ «Городская клиническая больница скорой медицинской помощи г. Ставрополя» в 2012–2014 гг. Было обследовано 35 мужчин и 47 женщин, средний возраст больных – 50 лет.

Больные разделены на 2 группы (основная и контрольная), сопоставимые по полу, возрасту, характеру основной и сопутствующей патологии. Основная группа включала 39 больных, контрольная – 43. Первым этапом в обеих группах выполнялось дренирование полости ВБА при помощи устройства для дренирования полостных образований (УДПО) под УЗ-контролем. На втором этапе выполнялись санации полости абсцесса. В основной группе с этой целью осуществляли инсuffляцию в полость NO-СГП в течение 2 минут с помощью коаксиального (трубка в трубке) варианта ввода после обработки полости 0,9 % раствором NaCl. В контрольной использовался 0,05 % водный раствор хлоргексидина.

Всем больным проводилось микробиологическое исследование отделяемого из полости абсцесса на I, III и VII сутки, для оценки размеров полости абсцесса выполнялась фистулография и УЗИ.

Для получения NO-СГП использовали аппарат «Глазон», разработанный сотрудниками института МГТУ им. Н. Э. Баумана совместно с МГМУ им. И. М. Сеченова (премия правительства РФ за 2003 год).

В основной группе больных по результатам бактериологического исследования наблюдалась следующая картина: сплошной рост *E. coli* у 70 % (27 больных), сплошной рост *P. aeruginosa* у 15 % (6 больных), сплошной рост *Enterobacter spp.* у 10 % (4 больных), в 5 % (2 больных) рост микроорганизмов отсутствовал. На 3-и сутки проводимого лечения с использованием NO-СГП отмечено прекращение роста микроорганизмов у 88 % больных, а к 7-м суткам – у 100 % больных, к этому же времени отделяемое приобретало серозный характер и количество его значительно сокращалось. По данным фистулографии и УЗИ к 7-м суткам у 70 % больных этой группы размеры полости ограничивались диаметром дренажной трубки.

В контрольной группе больных отмечена практически идентичная бактериологическая картина в первый день при дренировании полости абсцесса: в 76 % случаев (33 человека) – сплошной рост *E. coli*, у 14 % (6 больных) – сплошной рост *P. aeruginosa*, у 8 % (3 больных) – сплошной рост *Enterobacter spp.*, у 2 % (1 больной) рост микроорганизмов отсутствовал. После проведенного лечения с использованием раствора хлоргексидина отрицательного результата посевов к 3 суткам удалось достигнуть у 60 % больных, к 7-м суткам – лишь у 86 % больных. По данным фистулографии и УЗИ на 7-е сутки только у 56 % больных размеры полости ограничивались диаметром дренажа.

Таким образом, динамика качественного микробного состава отделяемого и размеров полости внутрибрюшных абсцессов при миниинвазивном лечении свидетельствует о высокой эффективности применения в санации воздушно-плазменного потока монооксида азота по сравнению с 0,05 % водным раствором хлоргексидина.

Литература

1. Бебуришвили А. Г. Малоинвазивные технологии в диагностике и лечении послеоперационных абсцессов брюшной полости // Эндоскопическая хирургия. 2004. № 1. С. 25.
2. Лечение больных с внутрибрюшными абсцессами посредством пункционно дренирующих вмешательств под УЗ-контролем / А. Г. Бондаренко, К. С. Выродов, О. И. Архипов, В. Н. Демьянова // материалы Всерос. научно-практ. конф., посвященной 65-летию научного хирургического общества и 20-летию Ассоциации врачей хирургического профиля на КМВ. Пятигорск, 2011. С. 254.
3. Характер осложнений при пункционно-дренирующих миниинвазивных вмешательствах / А. Г. Бондаренко, К. С. Выродов, О. И. Архипов, В. Н. Демьянова // материалы Всерос. научно-практ. конф., посвященной 65-летию научного хирургического общества и 20-летию Ассоциации врачей хирургического профиля на КМВ. Пятигорск, 2011. С. 255.
4. Марахонич Л. А., Москаленко В. И., Пекшев А. В. Использование воздушно-плазменных и NO-содержащих газовых потоков в военно-полевой хирургии // Материалы 3-й Всеармейской конференции с международным участием. М., 2002. С. 20–21.
5. Экспериментальное обоснование применения экзогенного монооксида азота в хирургическом лечении острого холецистита / И. В. Суздальцев, В. С. Боташева, П. Н. Мойсеев, В. Н. Демьянова // Фундаментальные исследования. 2013. № 3. С. 372–376.
6. Изучение влияния экзогенного оксида азота, генерируемого аппаратом «Плазон» на рост микроорганизмов in vitro / А. М. Шулуто, И. В. Ряпис, Ю. А. Крюгер, А. Н. Кузнецов // NO-терапия: теоретические аспекты, клинический опыт и проблемы применения экзогенного оксида азота в медицине. Москва, 2001. С. 43–45.

УДК 637.358

**Маремшаов Асланбек Борисович, Евдокимов Иван Алексеевич,
Шрамко Мария Ивановна, Никульникова Наталия Николаевна,
Лепилкина Ольга Валентиновна**

МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА И ХРАНЕНИЯ ПЛАВЛЕННЫХ СЫРОВ

В данной статье отражен анализ бактериального состояния различных видов плавленых сыров. Показана необходимость учета компонентного состава для пастообразных, ломтевых, сладких сыров, плавленых сыров с наполнителями. Установлены закономерности влияния состава плавленых сыров на общее количество микроорганизмов (КМАФАнМ) в них в процессе изготовления и хранения.

Ключевые слова: плавленые сыры, бактериальное качество плавленых сыров, общее количество микроорганизмов, особенности компонентного состава.

**Maremshaov Aslanbek B., Evdokimov Ivan A., Shramko Maria I.,
Nikulnikova Natalia N., Lepilkina Olga V.**

MICROBIOLOGICAL ASPECTS OF THE PRODUCTION AND STORAGE OF PROCESSED CHEESE

This article contains an analysis of bacterial condition of the different types of processed cheese. Shows the necessity of the account of the component composition for pasty, ломтевых, sweet cheese, processed cheese with fillers. The regularities of influence of the composition of processed cheese on the total number of microorganisms (QMA) are in process manufacturing and storage.

Key words: processed cheese, bacterial quality of processed cheese, the total number of microorganisms, particularly the component composition.

Плавленые сыры являются относительно благополучными продуктами питания в микробиологическом отношении, т. к. технология производства предусматривает высокотемпературное воздействие на сырье при плавлении. При этом погибает большинство вегетативных форм бактерий, но остаются споры, а также некоторые виды термофильных микроорганизмов [1, 2].

Помимо микроорганизмов, перешедших в плавленые сыры из сырья, в процессе производства с оборудования, рук и одежды рабочих, из воздуха и воды в продукт могут попасть плесени, дрожжи, бактерии группы кишечной палочки (БГКП).

Общее количество микроорганизмов в продукте характеризует показатель КМАФАнМ – количество мезофильных аэробных и факультативно анаэробных микроорганизмов.

В настоящее время для плавленых сыров установлены предельно допустимые нормативы КМАФАнМ [3], которые различны для плавленых сыров с наполнителями (не более $1 \cdot 10^4$ КОЕ/г) и

для плавленных сыров без наполнителей (не более $5 \cdot 10^3$ КОЕ/г). Для сыров с наполнителями они больше, что обусловлено большей вероятностью обсеменения микрофлорой вследствие внесения в смесь для плавления компонентов немолочного происхождения, в том числе сахара-песка.

Вместе с тем действующие на настоящий момент предельно допустимые нормативы по КМАФАнМ не учитывают количественного соотношения других компонентов: белка, жира, воды, которые формируют среду для развития микроорганизмов. Эти соотношения различны для ломтевых и пастообразных плавленных сыров: состав первых характеризуется более высоким содержанием белка, а состав вторых – более высоким содержанием жира и влаги. Особую группу составляют сладкие плавленные сыры, для которых характерно наличие в составе большого количества сахарозы и пониженное содержание жира и белка.

Белковая часть плавленных сыров формируется такими сырьевыми компонентами, как сычужные сыры и творог. Именно эти компоненты [1] содержат наиболее высокий, по сравнению с другими сырьевыми компонентами, уровень жизнеспособных клеток и им принадлежит главная роль в формировании КМАФАнМ микрофлоры смеси для плавления.

Из вышеизложенного следует, что особенности компонентного состава плавленных сыров является фактором, влияющим на их бактериальные характеристики. И, по-видимому, к определению предельно-допустимых нормативов по КМАФАнМ нужно подходить дифференцированно для каждой видовой группы. В настоящее время такой подход отсутствует.

Очевидно, что различное содержание КМАФАнМ в сырьевой смеси должно повлиять на уровень этого показателя при последующих технологических воздействиях в процессе изготовления и хранения плавленных сыров. Проблема усугубляется еще и тем, что торговые организации и рядовые потребители хранят плавленные сыры при более высоких, зачастую нерегулируемых температурах, более благоприятных для развития микроорганизмов, в том числе опасных для здоровья. Очевидно, что допустимые сроки хранения в этих условиях должны быть иными.

Для того чтобы ориентироваться в сложившейся ситуации и научно обоснованно подходить к решению обозначенных проблем, необходимо иметь набор экспериментальных данных по исследованию бактериального качества плавленных сыров различного состава, исследовать динамику изменения микрофлоры в процессе производства и хранения при различных температурных условиях.

В связи с этим целью исследований было установление закономерностей влияния состава плавленных сыров на общее количество микроорганизмов (КМАФАнМ) в них в процессе изготовления и хранения.

В качестве объектов исследования были выбраны плавленные сыры, принадлежащие к различным видовым группам: ломтевые (плавленный сыр «Городской»), пастообразные (плавленный сыр «Неженка»), сладкие (плавленный сыр «Золушка»).

На стадии производства плавленных сыров точками контроля КМАФАнМ были расплавленная масса после завершения процесса плавления, плавленный сыр в потребительской таре после фасования и плавленный сыр в потребительской таре (стаканчики из полистирола) после охлаждения.

Таблица

Общее количество микроорганизмов (lg КОЕ/г) в плавленных сырах на стадиях производства до хранения

Наименование плавленого сыра (видовая группа)	КМАФАнМ (lg КОЕ/г) в плавленом сыре		
	после плавления	после фасования	после охлаждения
«Городской» (ломтевой)	3,90±0,32	4,02±0,25	4,08±0,30
«Неженка» (пастообразный)	2,96±0,28	3,11±0,31	3,13±0,39
«Золушка» (сладкий)	3,74±0,42	3,86±0,45	4,02±0,48

Как следует из представленных данных, КМАФАнМ в плавленных сырах разного состава сразу после завершения процесса плавления незначительно отличаются друг от друга, но можно отметить явную тенденцию к более низким значениям КМАФАнМ в образцах пастообразного плавленного сыра «Неженка» по сравнению с ломтевым плавленным сыром «Городской».

Прежде всего это связано с тем, что в рецептурном наборе сырья для пастообразных сыров присутствует в два раза больше (34 %) жировых компонентов (масло сливочное, сливки), чем в рецептуре ломтевых сыров (15 %), а в ломтевых плавленных сырах около 70 % состава рецептуры приходится на сыры (жирные и нежирные) и творог. Повышенное содержание КМАФАнМ в ломтевых плавленных сырах по сравнению с пастообразными, по-видимому, обусловлено тем, что в составе их сырьевой смеси содержится больше сычужных сыров и творога, в которых уровень жизнеспособ-

ной мезофильной аэробной и факультативно-анаэробной микрофлоры в тысячи раз больше, чем в других компонентах (масло, сухое молоко) [1].

Вместе с тем, в пастообразных плавленых сырах, содержащих большее количество жира, инаktivация микроорганизмов под воздействием высокой температуры, по-видимому, происходит не так интенсивно, как в ломтевых. Как известно, жир оказывает значительное влияние на устойчивость микроорганизмов к высоким температурам [4]. Это объясняется тем, что жир обладает меньшей теплопроводностью, чем белок и вода [5, 6]. Являясь плохим проводником тепла, он ухудшает в целом теплопроводность продукта, что способствует выживанию микроорганизмов при плавлении смеси компонентов. Кроме того, на поверхности микробных клеток может формироваться гидрофобная пленка из жира, которая препятствует проникновению воды в клетку и тем самым защищает белки цитоплазмы от коагуляции. В результате указанных причин для уничтожения микроорганизмов требуется более продолжительное время.

Так как смесь, содержащая большее количество жира и меньшее количество белка, плавится лучше, чем высокобелковая, то, естественно, продолжительность теплового воздействия на микроорганизмы в смеси для пастообразных сыров будет меньше. Это предполагает более щадящее тепловое воздействие на микроорганизмы, которое в совокупности с «защитными» свойствами жира способствует их лучшему выживанию во время плавления.

В сладких плавленых сырах после завершения процесса плавления КМАФАнМ находится на том же уровне, что и в образцах ломтевых плавленых сыров. По содержанию жировых компонентов образцы сладких плавленых сыров близки к ломтевым, по содержанию белка – на 10 % меньше. Особенностью их состава является то, что около 40 % сухого вещества представлено сахарозой, которая растворена в свободной воде и, по-видимому, оказывает влияние на термоустойчивость микроорганизмов. Это влияние может выражаться в обезвоживании микробных клеток в результате осмоса. Потеря микробными клетками части свободной воды должно повышать их термоустойчивость.

Анализ изменения КМАФАнМ по ходу технологической цепочки «плавление-фасование-охлаждение» показал, что достоверного увеличения этого показателя во всех образцах плавленых сыров не произошло. Это говорит о достаточно хорошем санитарно-гигиеническом состоянии производства на участке фасования.

После охлаждения расфасованные плавленые сыры были отправлены на хранение в две холодильные камеры с температурой 0–4 °С и 8–12 °С. Первый диапазон температур рекомендуется для хранения плавленых сыров [7], второй выбран, исходя из технических возможностей торговых организаций и потребителей.

Результаты исследований представлены ниже.

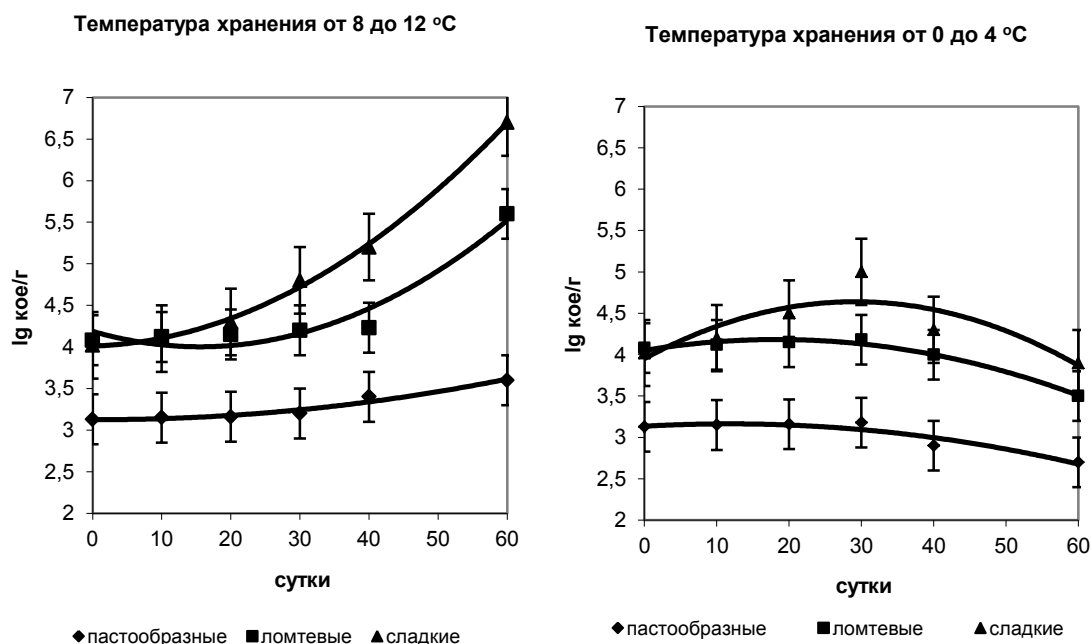

Рис. Изменение КМАФАнМ в процессе хранения плавленых сыров различных видовых групп при различных температурных режимах

Как следует из представленных данных, при температуре хранения от 0 до 4 °С в плавленых сырах всех исследованных видовых групп происходили незначительные изменения КМАФАнМ.

В образцах пастообразного сыра «Неженка» в течение 40 дней хранения КМАФАнМ практически не изменялось. Такая же тенденция наблюдалась и в образцах ломтевых плавленых сыров. В образцах сладких плавленых сыров через 30 дней хранения КМАФАнМ незначительно повышалась, а затем понижалось до первоначальной величины.

При температуре хранения от 8 до 12 °С во всех плавленых сырах наблюдался рост КМАФАнМ. Наиболее интенсивное размножение наблюдалось в сладких плавленых сырах «Золушка». К 30 суткам хранения количество МАФАнМ в них составило около $6 \cdot 10^4$ КОЕ/г, а к концу исследованного срока хранения – $5 \cdot 10^6$ КОЕ/г. Очевидно, что интенсивный рост микроорганизмов в сладких плавленых сырах связан с присутствием в их составе большого количества углеводов (20 % сахаразы), которые являются питательным субстратом для всех микроорганизмов.

В ломтевых плавленых сырах к концу хранения КМАФАнМ увеличилось почти в 30 раз и составило около $4 \cdot 10^5$ КОЕ/г. В пастообразных плавленых сырах увеличение КМАФАнМ проходило менее интенсивно. К концу 60-суточного срока хранения оно увеличилось и составило около $(3,5-4) \cdot 10^3$ КОЕ/г при начальном содержании около $(1-1,5) \cdot 10^3$ КОЕ/г.

Таким образом, из сказанного выше следует:

- микробиологические показатели плавленых сыров различных видовых групп на стадиях «плавление – фасование – охлаждение» имеют незначительные отличия;
- для предотвращения интенсивного размножения микрофлоры необходимо соблюдать рекомендуемые температурные режимы хранения (0–4 °С);
- температуры хранения (8–12) °С в торговых сетях или бытовых холодильниках потребителей становятся причиной интенсивного размножения микроорганизмов, особенно в сладких плавленых сырах;
- при изготовлении сладких плавленых сыров необходимо стремиться к получению данного вида продукта с более низкой начальной обсемененностью.

Литература

1. Перфильев Г. Д., Захарова Н. П., Шатрова О. А. Производство плавленых сыров: микробиологическое состояние сырьевых компонентов // Сыроделие и маслоделие. 2004. № 6. С. 24–27.
2. Перфильев Г. Д., Захарова Н. П., Роздова В. Ф., Воинская О. А. Микробиологические аспекты производства плавленых сыров // Материалы научно-практической конференции «Проблемы глубокой переработки с/х сырья и экологической безопасности в производстве продуктов питания XXI века». Углич. 2001. С. 363–365.
3. СанПиН 2.3.2.1078-01. Продовольственное сырье и пищевые продукты. Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы. М., 2001. 32 с.
4. Горбатова К. К. Химия и физика молока. СПб.: ГИОРД, 2003. 183 с.
5. Горина О. М. Теплофизические особенности охлаждения плавленых сыров // Тезисы докладов всесоюзной научно-практической конференции «Интенсификация производства и применение искусственного холода». Л., 1989. С. 15–16.
6. Захарова Н. П., Лепилкина О. В., Калабушкин В. В. Охлаждение расплавов плавленых сыров. // Сыроделие и маслоделие. 2003. № 3. С. 19–21.
7. ГОСТ Р 52685-2006 Сыры плавленые. Общие технические условия. М.: Стандартинформ. 2007. 18 с.

УДК 637.52.049

**Маслова Елена Юрьевна, Салаткова Надежда Павловна,
Каледина Марина Васильевна, Лупандина Наталья Дмитриевна**

РАЗРАБОТКА ТЕХНОЛОГИИ ЙОДСОДЕРЖАЩИХ МЯСНЫХ ПОЛУФАБРИКАТОВ

В статье приводятся данные исследований о применении морской капусты в производстве мясных полуфабрикатов в оболочке функционального назначения. Установлены оптимальные технологические приемы по обогащению мясного продукта органическим йодом. Разработаны рецептуры производства йодсодержащих мясных продуктов.

Ключевые слова: йод, мясной полуфабрикат, морская капуста, ламинария, купаты.

**Maslova Elena Y., Salatkova Nadeжда P., Kaledina Marina V., Lupandina Natalia D.
DEVELOPMENT OF TECHNOLOGY FOR IODINE MEAT PRODUCTS**

The data of studies on the use of seaweed in the production of meat products in the shell functionality. The optimal processing methods for the enrichment of the meat product with an organic iodine. Recipe developed production of meat products containing iodine.

Key words: iodine, semi-finished meat, seaweed, kelp, kupaty.

Исключительно важное значение для жизни и для здоровья человека имеет йод. Его дефицит в питании являются одной из актуальных проблем нутрициологии. В большинстве регионов мира йодная недостаточность относится к широко распространенным неинфекционным заболеваниям. По данным ВОЗ, более чем 1,5 млрд жителей Земли испытывают дефицит йода.

Для России проблема йододефицита чрезвычайно актуальна, так как более 70 % густонаселенных территорий страны имеют недостаток йода в воде, почве и продуктах питания местного происхождения [2].

В России дефицит йода в природе является одной из главных экологических проблем, так как практически вся ее территория эндемична по зобу. Заболевание встречается в среднем у 10–15 процентов городского населения РФ. При этом наша промышленность обеспечивает потребности в йодированной соли не более чем на 30 процентов, а рекомендации Всемирной организации здравоохранения по всеобщему йодированию пищевой поваренной соли для ликвидации дефицита внедряются с большим трудом.

Поэтому в настоящее время целесообразно внедрение в состав мясopодуKтов сыpья, содержащего йод, так как это позволит решить одну из главных проблем современного человека – дефицит йода в организме человека [3].

Поскольку использование минеральных соединений йода характеризуется низкой эффективностью, предпочтительнее использовать йод в биологических или органических формах, потому что:

- биологический йод утилизируется в организме легче;
- органические соединения йода нормализуют функции щитовидной железы быстрее, чем эквивалентное количество йодистого натрия;
- биологические соединения йода, содержащиеся в продуктах, не вызывают в организме передозировки, в отличие от неорганических соединений йода.

Пищевые продукты из водорослей по содержанию и качественному составу белков и углеводов значительно уступают пищевым продуктам, приготовленным из наземных растений, однако они обладают ценными свойствами, которыми не обладает растительное пищевое сырье наземного происхождения. К таким свойствам следует отнести:

- способность поглощать большое количество воды и увеличиваться при этом в объеме;
- содержание специфических для морской растительности коллоидных полимеров (агар, альгиновые кислоты, и другие) и маннита;
- более высокое, чем в наземных растениях, содержание разнообразных макроэлементов и микроэлементов.

Водоросли в большей степени, чем другие живые существа подводного царства, обладают способностью извлекать из морской воды и аккумулировать многочисленные элементы. Так, кон-

центрация магния в морской капусте превышает таковую в морской воде в 9–10 раз, серы – в 17 раз, брома – в 13 раз. В одном килограмме ламинарий содержится столько йода, сколько его растворено в 100 000 литрах морской воды. По содержанию многих химических элементов водоросли значительно превосходят наземные растения. Так, бора в водорослях в 90 раз больше, чем в овсе, в 4–5 раз больше, чем в картофеле и свекле. Количество йода в ламинариях в несколько тысяч раз больше, чем в наземной флоре [3].

Такое обилие микроэлементов благотворно для организма в целом, а особенно для высокоактивных систем кроветворения.

Ламинария – великолепное витаминное и общеукрепляющее средство. По содержанию и разнообразию витаминов она соперничает с самыми популярными витаминными наземными растениями.

Ни один из созданных витаминных и минералосодержащих препаратов, не может заменить природные витамины и минералы, которые мы получаем с пищей. Только сбалансированное и разнообразное питание обеспечивает наш организм идеально подобранным комплексом микронутриентов.

Испытательной лабораторией БелГСХА имени В. Я. Горина проведены исследования химического состава слоевищ ламинарии (*Laminariae thalli*), минеральных веществ и витаминов [1]. Данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Химический состав, содержание минеральных веществ и витаминов в ламинарии

Анализируемый показатель	Результат испытаний	Суточная потребность в витаминах и минералах
Влага	10,84 %	-
Зола	17,25 %	-
Жир	0,76 %	-
Протеин	12,22 %	-
Клетчатка	8,42 %	-
БЭВ	50,51 %	-
Витамин «А»	8,21 мкг/г	0,75–1,5 мг
Витамин «С»	25,52 мкг/г	50–70 мг
Витамин «Е»	11,19 мг	8–10 мг
Кальций	1,505 %	800–1000 мг
Фосфор	0,415 %	1600 мг
Калий	4,48 %	1–1,2 г
Натрий	0,786 %	500–1200 мг
Сера	15,07 г/кг	1,5 г
Магний	6,37 г/кг	0,5 г
Железо	123,93 мг/кг	15 мг
Цинк	27,40 мг/кг	10–15 мг
Медь	9,34 мг/кг	2 мг
Марганец	2,10 мг/кг	10 мг
Йод	327,79 мг/кг	150–200 мкг
Кобальт	0,253 мг/кг	0,1–0,5 мг
Мышьяк	0,701 мг/кг	0,1 мг
Кадмий	0,37 мг/кг	0,07 мг
Свинец	2,85 мг/кг	0,5 мг
Ртуть	Не обнаружено	0,03 мг

Сравнительный анализ данных, полученных в лаборатории, и норм, разрешенных СанПиН 42.123.4089-86 «Предельно допустимые концентрации тяжелых металлов и мышьяка в продовольственном сырье и пищевых продуктах», показывают, что в ламинарии содержатся тяжелые металлы, но в количествах меньше допустимой нормы. Этим доказывается безопасность употребления ламинарии.

Суточная потребность йода для человека составляет 150–200 мкг. При наличии 30–50 % йода продукт считается функциональным. Благодаря большому количеству содержания йода в ламинарии 328 мг/кг, для восполнения суточной потребности, необходимо внести количество ламинарии, которое в готовом продукте будет удовлетворять хотя бы половине суточной потребности йода.

При анализе минеральных веществ и суточной нормы потребления (см. табл. 1) следует обратить внимание на достаточно высокое содержание железа, превышает суточную норму в 75 раз, в том числе обнаруженная сера превышает в 10 раз, магний – в 13 раз, медь практически в 5 раз, цинк – в 2 раза.

Минеральные вещества необходимы для нормального развития организма человека. Железо является незаменимым металлом, необходимым для жизнедеятельности организма. Оно входит в состав гемоглобина, миоглобина, а также различных ферментов; обратимо связывает кислород и участвует в ряде окислительно-восстановительных реакций; играет важнейшую роль в процессах кроветворения.

Сера необходима для здоровой кожи, волос и ногтей, помогает поддерживать кислородный баланс, необходимый для нормальной работы мозга. Магний, укрепляет кости и зубы, служит профилактикой остеопороза, улучшает пищеварение, препятствует образованию камней в почках, регулирует функционирование щитовидной железы, расширяет сосуды дыхательных путей, защищает организм от воздействия токсичных элементов, например таких как, свинец, кадмий, ртуть, эти вредные вещества в большом количестве содержатся в овощах и фруктах. Магний регулирует мышечное напряжение, помогает вылечить травмы.

Медь принимает активное участие в построении многих необходимых нам белков и ферментов, а также в процессах роста и развития клеток и тканей. Медь необходима для нормального процесса кроветворения и работы иммунной системы. Без меди организму трудно и даже невозможно превращать железо в гемоглобин; аминокислота тирозин, являющаяся одним из основных факторов, отвечающих за цвет кожи и волос, тоже без меди не может в полной мере использоваться организмом. Медь, являясь частью ферментов, синтезирующих эритроциты и лейкоциты, для организма действительно необходима.

Таким образом, следует отметить, что наличие некоторых минеральных веществ в ламинарии в норме превышает суточную, позволяет использовать ее как добавку функционального назначения в мясных продуктах, с целью количественного недостатка потребности некоторых особо важных элементов в организме человека.

Ламинарию в пищевом рационе можно рассматривать не только как источник для покрытия потребности йода в организме, но и как ингредиент водопоглощающий. Способность ламинарии поглощать значительные количества влаги обуславливает ее эффективное применение в качестве стабилизатора фаршевой структуры при изготовлении продуктов, содержащих гидратированные животные и растительные белки и эмульсии на их основе.

При обогащении мясных продуктов йодом необходимо учитывать норму его суточного потребления. Важно добавлять то количество, которое удовлетворит суточную норму и не перенасытит продукт. При этом учитывается его содержание в исходном продукте, т.е. ламинарии, а также возможные потери йода в процессе производства продукта и его последующем хранении. Поэтому правильность расчетов проверяется при выпуске опытных партий продукта путем определения показателей содержания йода в готовом продукте. При получении результатов в случае необходимости вносят поправки, на основании которых норма закладки окончательно уточняется [2].

Поскольку потери в процессе хранения могут быть значительными, норма закладки рассчитывается так, чтобы к моменту потребления содержание йода было не ниже регламентируемого показателя.

При исследовании ламинарии в испытательной лаборатории БелГСХА имени В. Я. Горина, установили, что в сухой ламинарии содержится йода 328 мг/кг. Переводя это значение в граммы, получаем содержание йода в 1 кг ламинарии 328 мг/кг, а суточная норма потребления йода составляет 150–200 мг. Следовательно, чтобы удовлетворить эту норму необходимо употребить 0,0006 кг сухой ламинарии.

С целью определения оптимального уровня введения ламинарии в мясные продукты из мяса птицы провели предварительный эксперимент по определению дозировки ламинарии в охлажденные мясные полуфабрикаты в оболочке и возможности трансформации йода в готовом продукте при исследовании различных способов термической обработки.

За контроль была взята рецептура купат «Традиционные», на основании которой был выработан опытный образец с 30 % (1:9) введением ламинарии вместо свинины.

Охлажденные и термически обработанные образцы были отправлены на исследование остаточного содержания йода в испытательную лабораторию БелГСХА имени В. Я. Горина. Результаты исследования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Остаточное содержание йода в продукте после термической обработки

Анализируемый образец	Содержание йода, мг/кг	Концентрирования йода относительно охлажденного продукта, %	Содержание влаги, %
Купаты охлажденные	12,98	-	74,56
Купаты вареные	18,49	18	73,38
Купаты вареные и обжаренные	18,96	18	72,54
Купаты обжаренные	22,29	20	69,11
Купаты, вареные на пару	17,74	15	74,60
Купаты запеченные	15,47	12	69,94

В связи с уменьшением влаги в продукте (см. табл. 1) содержание йода относительно сырого охлажденного продукта больше. Данный факт объясняет увеличение концентрации йода в среднем на 30 % относительно охлажденного продукта потерей влаги при термической обработке, что подтверждается данными табл. 2, а также исследуемыми показателями потерь, при термической обработке, представленными на рисунке.

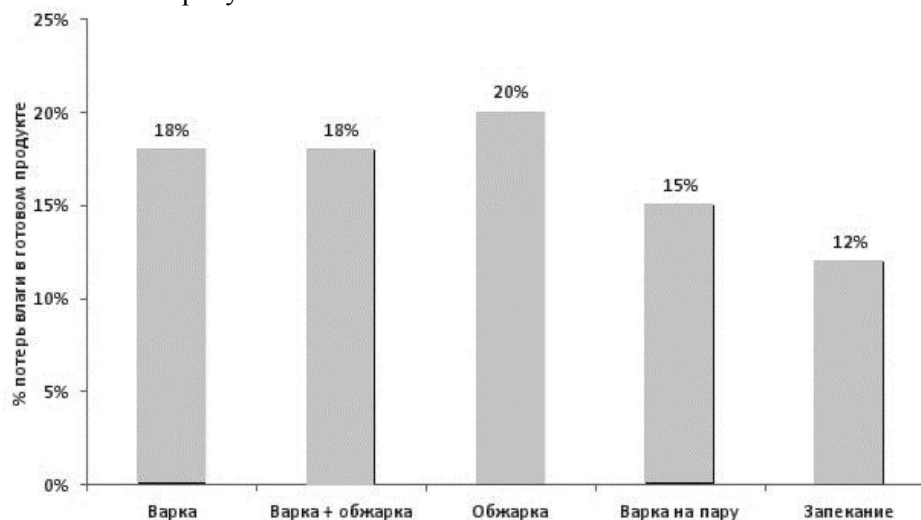

Рис. Потеря влаги при различных способах термической обработки

Отмечены наибольшие потери при жарении в жиру, а наименьшие при варке на пару. Однако в домашних условиях рекомендуем обжаривать купаты (на основании данных дегустационной комиссии).

На основании проведенных экспериментов с учетом уровня распределения йода в охлажденном продукте из мяса птицы произвели перерасчет компонентов рецептурного состава купат «Традиционные», что позволило разработать новый вид функциональных мясных полуфабрикатов в оболочке купат «Морские» (ТУ 9214-001-04717947-2012).

С целью уточнения обогащения мясopодуkтов минеральными веществами, концентрация которых в исходном сырье ламинарии больше суточной дозы в несколько раз, определили содержание йода и железа в готовом продукте, а так же в связи с модернизацией контрольной рецептуры исследовали химический состав контроля и опытного образцов [1].

Анализ полученных данных свидетельствует о положительном влиянии на конечное содержание йода в охлажденных купатах «Морские», где уровень введения ламинарии вводился в количестве 250 г на 100 кг несоленого сырья. По сравнению с купатами «Традиционные» уровень содержания йода превышает в 2,2 раза, что свидетельствует о целесообразности производства нового вида продукта и его функциональном назначении.

В результате эксперимента установлена тенденция уменьшения количества железа в купатах «Традиционные» после термической обработки, в отличие от купат «Морские», где железо находится в связанной форме и способно концентрироваться после термической обработки. В результа-

те эксперимента выявлена особенность йода увеличивать свою концентрацию после термической обработки в зависимости от потерь. Однако рассчитанным методом установлено, что наличие в рецептуре купат «Традиционные» железа в готовом продукте компенсирует суточную норму потребления железа (15 мг) на 27 %, а в рецептуре купат «Морские» – на 23 %.

Остаточный йод в готовом продукте увеличивает свою массовую долю практически в 2 раза в купатах «Традиционные» (что возможно связано с ошибкой в испытании, т. к. йодсодержащее сырье в рецептуру не вводилось), в то время как в разработанном новом виде продукта его массовую долю увеличили на 10 %, и она составила 240 мг/кг в охлажденном продукте и 265 мг/кг в готовом продукте.

Полученные данные свидетельствуют о возможности потребления в сутки различными группами населения с целью профилактики, в том числе взрослым и подросткам и особенно беременным и кормящим женщинам, купат «Морские» в количестве 100 г в сутки (1 батончик), что обеспечивает суточную норму потребления йода для данных групп населения [3].

Анализируя показатели охлажденных и мясных полуфабрикатов в оболочке, не смотря на отсутствие свинины в рецептуре и компенсацию мясного сырья мясом птицы механической обвалки и ламинарии, количество белка существенно не снизилось и осталось на почти одном уровне 17,2 %. Однако содержание жира при этом снижается, что позволяет нам рекомендовать купаты «Морские» как диетические.

Литература

1. Антипова Л. В. Методы исследования мяса и мясных продуктов // Методы исследования мяса и мясных продуктов. М.: Колос, 2001. 376 с.
2. Лузан В. Н. Использование йодида калия при производстве фаршевых мясных продуктов // Мясная индустрия. 2003. № 10.
3. Цыб А. Ф. Новые подходы к решению проблемы ликвидации йоддефицитных состояний // Пищевая промышленность. 2004. № 12.

УДК 612.821.2 612.821.3

**Цатурян Людмила Дмитриевна, Никольский Всеволод Сергеевич,
Шевякова Анна Анатольевна**

ОЦЕНКА МОТИВАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ И СТЕПЕНИ РИСКА У СТУДЕНТОВ С УЧЕТОМ ЭТНИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ

В статье отражены уровни мотивационной активности и готовности к риску у студентов различных национальностей. Корреляционный анализ позволяет утверждать, что повышение степени риска среди юношей разных национальностей снижает стремление к достижению успеха.

Ключевые слова: мотивация к успеху, готовность к риску, профессиональная деятельность, этнические различия.

**Tsaturyan Lyudmila D., Nikolsky Vsevolod S., Shevyakova Anna A.
EVALUATION MOTIVATIONAL READINESS AND RISKS STUDENTS
WITH REGARD OF ETHNIC DIFFERENCES**

The levels of activity and motivational readiness for risk among students of different nationalities. Correlation analysis suggests that the increase in risk among youths of different nationalities reduces the desire to achieve success.

Key words: motivation to succeed, willingness to take risks, ethnic differences.

Общеизвестно, что студенческий возраст, является сенситивным периодом для развития основных социогенных потенций человека. Процесс обучения оказывает большое влияние на психику человека, в том числе и на мотивацию к учебной деятельности студентов. В качестве показателей мотивационной готовности студентов к профессиональной деятельности следует рассматривать сформированные внутренние мотивы (мотивация к успеху, готовность к риску, стремление к самореализации в деятельности) и внешние проявления готовности к деятельности (желание работать по выбранной профессии, успешное овладение профессиональными знаниями, стремление владеть профессией, хорошая успеваемость) систем [3; 4].

Результаты фундаментальных исследований свидетельствуют о существовании этнических различий важнейших физиологических констант организма [2; 8], а также реакций нейро-иммунно-

эндокринной, сердечно-сосудистой и других систем организма на воздействие внешних и внутренних факторов [6; 7]. В последние годы активно изучаются фармакогенетические и фармакогеномные особенности действия лекарственных препаратов у этнических групп [5]. Кроме того, исследование особенностей адаптации представителей различного этноса является приоритетным медико-биологическим направлением [1].

В контексте вышеуказанного, целью нашего исследования явилось изучение мотивационной готовности и уровня риска у студентов с учетом этнических различий.

В комплексном экспедиционном исследовании приняли участие 246 студентов (17–21 год): I группу (n = 129) составили русские юноши (Ставропольский государственный университет), II группу (n = 117) – юноши армянской национальности, студенты Пятигорского медицинского училища на Кавказских Минеральных Водах. Критерием отбора послужила национальная принадлежность, в исследование включались юноши, имеющие в двух поколениях родителей одной национальности, проживающих на одной территории. Для изучения личностно-типологических характеристик использовали тестовые диагностические методики. Первым этапом проводили опрос «Мотивация к избеганию неудач», с учетом полученных баллов: (от 2 до 10 баллов – низкая мотивация к защите; от 11 до 16 баллов – средний уровень мотивации; от 17 до 20 баллов – высокий уровень мотивации; более 20 баллов – слишком высокий уровень мотивации к избеганию неудач) оценивали уровень мотивации к избеганию неудач, а также использовали опросник «Готовность к риску» (Шуберт (PSK) (–30 баллов – слишком осторожны; от –10 до +10 баллов – средние значения риска; свыше +20 баллов – склонность к риску).

Вторым этапом нами проведен корреляционный анализ для установления взаимосвязи между изучаемыми показателями. Весь полученный цифровой материал обработан с помощью программы MS Excel.

Одним из наиболее важных аспектов образования является развитая мотивация к обучению, личностная потребность в овладении знаниями, навыками, умениями, готовность к труду. Среди студентов разных национальностей нами проведено психологическое тестирование с использованием тестовых опросников. Изучение мотивационной готовности у студентов с учетом этнических различий представлено на рисунке 1.

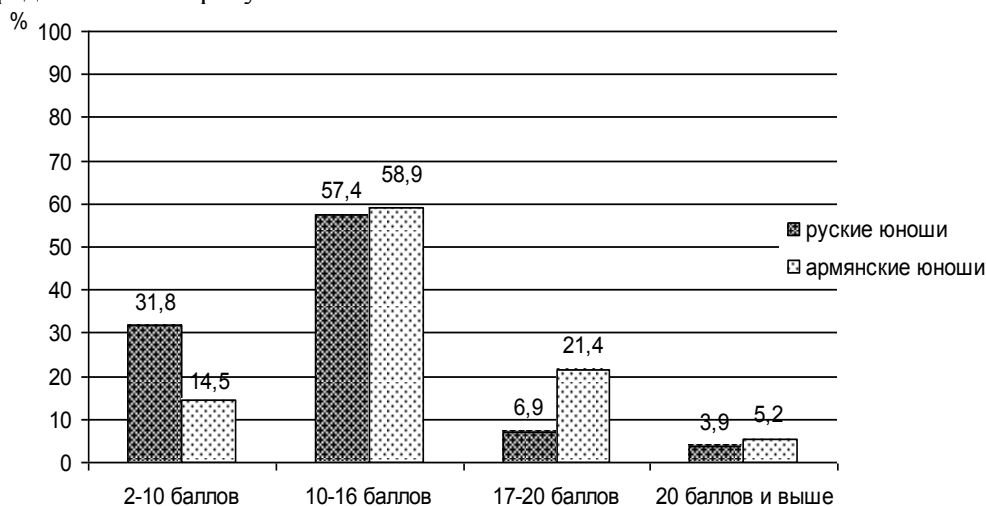

Рис. 1. Распределение уровней мотивации к избеганию неудач у юношей разных национальностей

Примечание: 2–10 баллов – низкая мотивация к защите, 11–16 баллов – средний уровень мотивации, 17–20 баллов – высокий уровень мотивации, более 20 баллов – слишком высокий уровень мотивации к избеганию неудач

Среди 57,4 % респондентов I группы преобладал средний уровень мотивационной готовности, у 31,8 % респондентов установлена низкая мотивационная готовность и лишь у 3,9 % респондентов выявлен слишком высокий уровень к избеганию неудач. Юноши II группы существенно не отличались распределением уровней мотивационной готовности, за исключением снижения процента респондентов с низкой мотивационной активностью и увеличением высокого уровня мотивации.

Тест «Готовность к риску» позволяет оценить степень готовности к риску. Под риском понимается действие наудачу в надежде на счастливый исход или как возможная опасность, как действие, совершаемое в условиях неопределенности. Отмечают, что с возрастом готовность к риску падает: у более опытных работников готовность к риску ниже, чем у опытных. У женщин готовность к риску

реализуется при более определенных условиях, чем у мужчин, у военных командиров и руководителей предприятий готовность к риску выше, чем у студентов, с ростом отверженности личности в ситуации внутреннего конфликта растет готовность к риску, в условиях группы готовность к риску проявляется сильнее, чем при действиях в одиночку, и зависит от групповых ожиданий.

С учетом тестового опросника «Готовность к риску» подавляющее большинство юношей I и II групп имели показатели склонности к высокому риску (рис. 2).

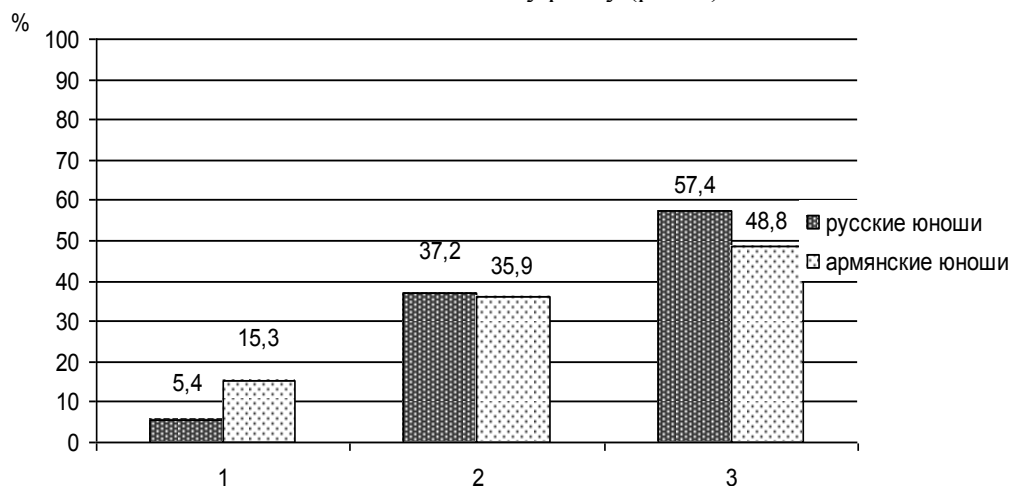

Рис. 2. Распределение степени готовности к риску у юношей разных национальностей

Примечание: 1 – слишком осторожны, 2 – средний уровень риска, 3 – высокий уровень риска

Средняя степень риска установлена у 37,2 % респондентов I группы и у 35,9 % респондентов II группы. Обращает на себя внимание увеличение практически в три раза встречаемости слишком осторожных респондентов во II группе.

На втором этапе нашего комплексного исследования полученные результаты были подвергнуты корреляционному анализу. В ходе проведенного анализа была установлена выраженная отрицательная корреляционная взаимосвязь ($R = -0,58$; $p < 0,01$) между изучаемыми психологическими показателями.

Таким образом, проведенное исследование иллюстрирует вариации мотивационной готовности и степени риска у студентов разных национальностей. В группе русских юношей отмечается низкий процент высокой мотивации к защите, кроме того низкая мотивация в большей мере характерна для студентов этой группы. У юношей армянской национальности установлено снижение низкого уровня мотивации. Высокая степень риска более выражена у русских студентов и в меньшей степени – у армянских. Проведенный корреляционный анализ позволяет утверждать, что повышение степени риска среди юношей разных национальностей снижает стремление к достижению успеха. С одной стороны, процесс обучения воздействует на степень готовности к риску и мотивированность студентов, с другой стороны, можно предположить, что имеются этнические различия, связанные с особенностями психической деятельности, которые влияют на мотивы формирования у студентов будущих профессиональных качеств.

Литература

1. Агаджанян Н. А. Этнические проблемы адаптационной физиологии. М.: Изд-во РУДН, 2007. 57 с.
2. Агаджанян Н. А., Цатурян Л. Д. Гематологические показатели и метаболизм липидов у девушек Северного Кавказа // Экология человека. 2008. № 12. С. 3–7.
3. Диев В. С. Философская парадигма риска. ЭКО // Всероссийский экономический журнал. 2008. № 12. С. 38.
4. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб., 2001. 275 с.
5. Кукес В. Г., Сычев Д. А., Гасанов Н. А. Проблемы клинической фармакогенетики на современном этапе // Клиническая медицина. 2007. № 2. С. 58–63.
6. Миррахимов Э. М., Норузбаева А. М., Лунегова О. С. и др. Этнические особенности в уровне апо-липопротеина В при гиперлипидемиях у русских и киргизов // Терапевтический архив. 2004. № 6. С. 35–39.
7. Цатурян Л. Д., Бондарь Т. П., Шевякова А. А. Маркеры нарушения липидного обмена у юношей разных этнических групп // Клиническая и лабораторная диагностика. 2011. № 9. С. 14.
8. Цатурян Л. Д. Изучение количества эритроцитов и их размеров: этнический аспект Абасова Т. В., Шевякова А. А. // Вестник уральской медицинской академической науки. 2008. № 3 (21). С. 55–57.

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

УДК 974.084. «19»

Абдрашитов Элик Евгеньевич**ВОСПРИЯТИЕ ПЛЕНА ТАТАРАМИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В статье показано отношение к положению военнопленных в России, Германии и Австро-Венгрии татарской частью населения Казанской губернии. Татары пассивно относились к сбору средств для военнопленных россиян. Татарская пресса не уделяла значительного внимания положению пленных в Германии и Австро-Венгрии.

Ключевые слова: татары, военнопленные, газеты, Турция, жандармерия, Казань.

Abdrashitov Elic E.**PERCEPTION OF CAPTIVITY BY TATARS OF KAZAN PROVINCE
DURING THE FIRST WORLD WAR**

The attitudes of Tatars of Kazan Province towards the position of the prisoners of war in Russia, Germany and Austria-Hungary are shown in the article. Tatars were passive in fundraising for Russian prisoners of war. Tatar press didn't pay much attention to the position of prisoners of war in Germany and Austria-Hungary.

Key words: Tatars, prisoners of war, newspapers, Turkey, gendarmerie, Kazan.

Длительное совместное проживание на определенной территории во все времена приводило к формированию общности взглядов, культуры и традиций на основе не культуроцида одного народа другим, а культурного взаимодействия и перемешивания. В этом плане выделение отдельной строкой общественно-политического дискурса татарского народа (или мусульман – что для того времени считалось синонимичным) позволяет высветить особенности восприятия феномена плена этой культурно-этнической группой в рамках общего понимания.

Не вызывает сомнения наличие противостояния между представителями татарской национальной интеллигенции и верховной властью Российской империи к началу первой мировой войны. С другой стороны, имело место противостояние и внутри татарской элиты. Именно в ситуации неразрешенного конфликта с центральной властью застала мусульман Поволжья начавшаяся первая мировая война.

Новость эта стала неожиданностью как для политической элиты, так и для народных масс. Татары, жаждавшие самоопределения, попали в очень непростую ситуацию. С одной стороны, определенная часть татарского населения Поволжья, сознающая себя представителями общероссийского социума, полагала, что имеется возможность налаживания конструктивного диалога с властью. Поэтому в первые дни войны значительная часть мусульман Поволжья открыто демонстрировала антигерманские настроения. К этой же части населения можно отнести татар из числа сельских обывателей. В местах компактного их проживания был отмечен подъем патриотических настроений. Чтобы подхлестнуть указанные настроения, были выпущены в большом количестве статьи о зверствах немцев; появились даже сборники германофобских стихов. Так, по данным Казанского отделения губернского жандармского управления, практически во всех мечетях сразу после начала войны прошли религиозные обряды во имя дарования победы России. Однако осведомители жандармерии подмечали, что молебны по поводу русских побед совершаются без омовения рук, поэтому недействительны [6, л. 37].

Следует отметить, что на территории Казанской губернии в первые месяцы войны татарское население демонстрировало единство с настроениями русских; так же радовалось победам русского оружия. Однако управление жандармерии отмечало, что отдельных манифестаций в поддержку войны или против ее ведения не было замечено ни в одном уезде Казанской губернии [6, л. 12]. Одновременно акцентировалось внимание, что агрессивность всех слоев населения в среднем поднялась не высоко. Впрочем, мнение жандармов расходилось с фактами. В ходе первой всеобщей мобилизации 1914 г. общее количество татар, которые отправились на фронт, достигло 960 тыс. чел. [2, л. 18]. Многие из этих плохо обученных новобранцев погибли в ходе первых столкновений с противником на Западном фронте. Огромное число татар попало в плен. Только в лагере Сосена и Вюнсдорф их насчитывалось до 57 тыс. чел. [2, л. 18].

Из общего ряда выбивалась Казань, население которой восприняло войну несколько индифферентно даже в первые дни войны. В основном подобные настроения концентрировались в Казани в среде либерально настроенной интеллигенции. Именно эта часть татарского населения города относилась скорее к туркам, поэтому не спешила демонстрировать поддержку российским властям; весть о начале войны была воспринята весьма холодно и сдержанно. Впрочем, после первых локальных побед России на Западном фронте татарская печать была заполнена рассказами о подвигах солдат на фронте; а газета «Юлдуз» даже упоминала о патриотической манифестации 21 августа 1914 г., в которой участвовало более 500 чел. [13].

При этом перепечаток статей о страданиях российских солдат, попавших в плен, практически не имелось. Татарская периодика старательно обходила данную тему стороной. Сотрудники жандармерии связывали подобное поведение татарских публицистов с нежеланием участвовать в разжигании германофобских настроений и молчаливой поддержке противника.

Сдержанность татарской прессы можно объяснить не только и не столько стараниями цензуры, сколько растерянностью, которая царил в умах татарской элиты. Впрочем, уже в сентябре 1914 г. в татарской прессе проявляются критические статьи, направленные на снижение великодержавного настроения среди татар. Политические лидеры и духовенство со страниц газет критиковали тех своих земляков, которые бросили свои семьи на произвол судьбы и пошли на фронт. Практически в этом же обвинялись и мусульмане, попавшие в плен. Понятно, что открыто выступать с критикой политики высшего руководства страны публицисты не могли, поэтому прибегали к подобной стратегии.

Таким образом, изначально складывается весьма мозаичная картина отношения татарского населения к войне, к военнопленным подданным стран-противников на территории Казанской губернии, а так же российским пленным за рубежом.

С другой стороны определенная часть татар осознавала себя частью иного мира, по национальной принадлежности ближе к туркам, по вероисповеданию – к мусульманскому миру. В Казанском губернском жандармском управлении отмечали, что татары воспринимают русских и царя, в том числе, как неверных. В письмах с фронта цензоры отмечали часто встречающиеся клише: «мы томящиеся под властью царской» или «мы имевшие несчастье попасть в руки гяура» [6]. При этом в письмах с фронта фигурировало два упрека: первый касался того, что мусульманами в войне руководят неверные, а второй, что руководство не доверяет мусульманским солдатам, честно исполняющим свой долг перед родиной. Это демонстрирует четкую поляризацию татарского социума. С одной стороны, симпатии татарского населения Поволжья были на стороне России, что было связано с непосредственным участием татарских солдат в составе действующей армии. Те татары, которые относились к социалистам, акцентировали внимание на возможных негативных последствиях проигрыша Россией войны для трудящихся вообще и рабочего класса, в частности, связанных с отторжением части территорий от России, выплатой контрибуции и введением более жестких германских порядков в стране. Татары из буржуазии указывали на серьезные негативные последствия, связанные с вторжением германского капитала в случае победы Тройственного союза.

У другой части мусульманского населения Поволжья, по большей части духовенства, учителей и интеллигенции, было иное мнение по поводу войны. На взгляд ряда татарских лидеров, поражение России в этой войне сулило серьезные преимущества национальным и религиозным меньшинствам. Расшатанный царский престол будет нуждаться, по их мнению, в лояльных окраинах, поэтому будут серьезные послабления. Кроме того, в противостоянии мусульманской и христианской культур, по мнению, ряда лидеров татарского народа, надо находиться на стороне первой. Поэтому неудачное наступление английских и французских экспедиционных корпусов на Дарданеллах было воспринято татарами с радостью [10, л. 28].

Как бы там ни было, мусульманское население в целом демонстрировало выжидательную позицию, боясь открыто вставать на чью-либо сторону [6]. Этим можно объяснить практически полное отсутствие в прессе проблемы военнопленных. Кроме сухих статистических данных о поступлении их количества в губернию, практически не представляется возможным найти статьи, передающие в красках страдания пленных или наоборот гуманное отношение к ним со стороны местного населения. Впрочем, тема для татарского социума была весьма неинтересной. Опыт личного взаимодействия с пленными армией противника был весьма незначительным, татары присутствовали в толпе на вокзале, когда встречали пленных, но в контакт с ними не вступали.

Еще более восприятие первой мировой войны усложнилось после вступления Османской империи в войну против России. Отношения Российской империи с Турцией носили весьма напряженный характер, а в октябре 1914 г. Османская империя напала на Россию.

На территории Поволжья распространялось обращение Османского правителя «Священная война объявлена», содержащее в себе воззвание к мусульманам всего мира с требованием принять участие в войне против неверных. Данное обращение, однако, не оказало существенного влияния на умы обывателей. Не оказала большого влияния и немецкая пропагандистская машина, которая склоняла магометан к коллаборационизму, акцентировала внимание на персональной роли российского царя и его окружения в эскалации войны против Турции и направленности ее против правительства, а не братьев-мусульман [8, л. 452].

Однако радость от вступления Турции в войну против России у определенной части татар была омрачена тем варварским действием, к которому прибегло турецкое командование. Нападение турок на беззащитный русский городок в праздник ошеломляюще подействовало на татар, чувство радости смешалось со страхом [6, л. 43]. Поэтому даже татарские лидеры находились в растерянности и не знали что делать. В своем обращении к мусульманам Поволжья Оренбургский муфтий отметил, что Турция начала эту войну, попав под влияние Германии. Особо отмечалось, что Россия – родина татар, и их долг и обязанность – защищать ее [7, л. 140].

Следует отметить, что власть имущие отслеживали все изменения в настроениях местного населения. И естественно, руководство губернии было в курсе того, как именно татары относятся к войне с Турцией вообще, и какое отторжение вызвал акт агрессии против России Османской империи, в частности. Председатель казанского временного комитета по печати так описывает состояние масс: 1/3 населения продолжает быть инертной [6, л. 89].

Так, чиновники жандармского управления отмечали, что хотя формально мусульмане Казанской губернии ведут себя подобающим образом, ...вовсе не замечается искренний подъем патриотических чувств и желания исполнять свой долг шире, чем обязанности, как преданного сына России. Губернатор отмечал, что мусульманское население очень сдержано во всякого рода пожертвованиях на нужды войны [9, л. 175], но стоит заметить, что татары на нужды войны денег не давали, а на журнал «Ак Юл» собрали 1 700 руб. [6, л. 26]. Следует заметить, что именно в этом журнале в довоенные годы пропагандировалась пантюркистская идея.

В то же самое время на пожертвования казанских обывателей было построено несколько госпиталей, татары начали решать вопрос о создании лазарета на 50 койко-мест только после публичного обращения Саид-Гирей Алкина, который со страниц газеты «Казанский телеграф» упрекал татар за неотзывчивость [1]. Таким же образом решался вопрос помощи мусульманам, попавшим в плен. Обыватели не стремились оказывать активную помощь своим собратьям, попавшим в данную ситуацию. Материальную помощь, как правило, оказывали те, чьи родственники непосредственно попали в плен. Однако следует отметить один немаловажный факт: материальную помощь собирали со всего рода, поэтому размер ее был немалым, качественно отличаясь от других пожертвований.

Впрочем, открытая демонстрация лояльности, судя по всему, устраивала власть. Несмотря на все опасения руководства Казанской губернии, симпатия к Турции не прогрессировала, а местное население открыто демонстрировало свою лояльность. Горький привкус от событий в начале войны сохранился на долгое время.

Однако руководство губернии предпочитало «перестраховаться», предпринимая все возможные меры для пресечения даже возможности коллаборационизма. Как уже отмечалось выше, огромное значение имела и неправильная оценка настроения татарского населения, которым приписывался пантюркизм. Именно поэтому главный начальник Казанской губернии направил письмо директору МВД г-ну Брюну с рекомендацией не направлять турецких военнообязанных на территорию Заволжья, несмотря на то, что согласно телеграмме № 475 от 4 августа 1914 г. Заволжская часть Казанской губернии, кроме мест, прилегающих к р. Волге и р. Каме, вошла в перечень земель, разрешенных для содержания интернированных и военнопленных [8, л. 62].

К началу 1915 г. татары Поволжья стали активизироваться в вопросе помощи жертвам войны, и пленным в том числе. Авторитетные мусульмане неоднократно поднимали вопрос о судьбе своих единоверцев и братьев. Так, по данным жандармерии, член правления газеты «Кояш» собирал деньги для военнообязанных турок, находящихся в Паратском затоне, ввиду их тяжелого экономического положения. Интернированными там числилось 16 «турок», на самом деле – греков по национальности, 8 из которых на работу к себе взял кондитер Станица. Увидев это, мешанин Кашаев стал

упрекать мусульман, уверяя, что эти люди бедствуют. Их взял к себе Ибрагим Биккулов и направил на фабрику братьев Каримовых [7, л. 188].

Данный эпизод позволяет сделать несколько выводов. Первый – представители национальной элиты действовали в рамках религиозного тренда, суть которого в необходимости оказывать помощь братьям-мусульманам, попавшим в беду. Второй вывод заключается в том, что обыватели были весьма пассивны в вопросах оказания помощи пленным и требовалось вмешательство авторитетов.

Правительственные структуры весьма щепетильно подходили к вопросу содержания турецких военнопленных. Только единицы из них были расквартированы на территории Поволжья, подавляющее большинство проезжало через Казанскую губернию только транзитом. Те пленные, которые все же были размещены в Поволжье, как правило, расселялись в небольших городках или селах преимущественно с русским населением, не имели возможности посещать Казань и находились под особым присмотром. Военные власти опасались (и надо заметить – не безосновательно), что местное татарское население быстро войдет в контакт с турецкими пленными и станет им сочувствовать, что могло спровоцировать вербовку агентов или утечку информации, а этого допустить было нельзя.

Во многом опасения руководства губернии понятны. Турки-магометане обладали общими культурными корнями с татарами Поволжья. Более того, особо опасным было то, что татарский язык, относясь к группе тюркских языков, является родственным турецкому, что открывало прямую дорогу к агитации. Поэтому Главный начальник Казанской губернии стоял на твердой позиции пресечения общения татарского населения с любым турецкоподданным лицом, способным выступать к роли агитатора. Об этом говорит тот факт, что два интернированных турецких подданных мусульманского вероисповедания обратились к Казанскому губернатору с просьбой направить их в г. Казань, обосновывая свою просьбу наличием возможности нахождения здесь работы. По роду деятельности один был муллой, второй – учителем. Губернатор в удовлетворении просьбы отказал, но рекомендовал направить их в г. Ярославль.

К середине 1915 г. сформировался некий опыт общения с иностранными пленными, что в первую очередь было связано с экономической их интеграцией. Ради справедливости следует отметить, что труд иностранных подданных, ставших впоследствии интернированными, активно применялся на предприятиях казанской буржуазии еще до войны. Поэтому к ним относились положительно, высоко оценивая их трудовые качества. В целом положительно оценивался и труд военнопленных.

Впрочем, существовало несколько важных факторов. Начнем с того, что русскоязычная пресса не имела существенного влияния на татарское население, которое выстраивало свое отношение к представителям иностранных армий только через лично пережитый опыт или татарскую периодику. Выше мы отмечали тот факт, что татарская пресса вела себя очень осторожно, ее публикации носили скорее нейтральный характер; в публичной риторике редко встречались вызывающие обращения и заголовки, прямо оскорбительных высказываний не наблюдалось вообще. Поэтому основным источником информации был именно личный опыт общения.

Существенным препятствием в налаживании контакта с пленными было наличие непреодолимого языкового барьера. В силу этого общаться с ними могли только люди, знающие иностранный язык. Следует отметить, что при достаточно высоком уровне грамотности большинство татар, особенно с периферии, не знали даже русского языка. Поэтому немецких военнопленных в татарские деревни на работы направляли в исключительных случаях. Только единицы военнопленных австрийских и германских подданных могли общаться с инородцами, к которым относились и татарские обыватели. Если с русскими пленными могли хоть как-то изъясняться, с татарским населением пленные общались исключительно жестами. Естественно, это сильно усложняло рабочий процесс. В силу чего труд военнопленных в основном применялся на предприятиях в Казани.

В деревнях сельские жители иностранцев воспринимали уважительно, хотя и относились к ним с недоверием. Их жизненный уклад не соответствовал европейским традициям, присутствовал некий культурный антагонизм, что, впрочем, не переходило в конфликт. Мусульмане с уважением относились к гостям, хотя не понимали и не принимали их верований и убеждений.

Вторая особенность заключалась в особом отношении правительства Российской империи к пленным австрийцам славянского происхождения. В этой связи хотелось бы отметить, что татары Поволжья воспринимали австрийцев хуже, чем немцев; прорусская пропагандистская машина создала в массовом сознании представление, что большинство австрийцев славянской национальности находятся на стороне русского народа и государства и воюют только по принуждению. Татарское население было не особо сведущим в перипетиях национальных взаимоотношений внутри Ду-

наикой империи, поэтому воспринимали практически всех австрийских подданных одинаково негативно, через призму «союзнических» отношений с Россией, однако фактов некорректного отношения к военнопленным австрийцам сотрудники жандармерии и военного ведомства не отмечали. Взаимоотношения были прохладными, но не выходили за рамки предписанных.

Поэтому австрийские пленные всех национальностей не пользовались существенной поддержкой среди татарского населения. Мусульманское население оценивало производительность труда австрийских пленных невысоко, указывая, что те не знают языка и не знакомы с сельскохозяйственной техникой. Руководители уездов также отмечали непонимание пленными татарских обывателей и инородцев вообще. В плане сельскохозяйственной техники, австрийские крестьяне ушли далеко в деле механизации и с большим неудовольствием относились к отсталым технологиям. Татарское население, воспроизводившее во многом традиционный уклад, не желало скоротечных изменений, поэтому относилось к нововведениям подозрительно. Это стало основной причиной того, что пленных австрийцев практически не направляли на сельскохозяйственные работы в нерусские деревни.

В татарской прессе устойчиво сохранялось прохладное, но при этом достаточно корректное отношение к австрийским пленным. Их характеризовали терминами «слабые» [14], «гяуры» (неверные), «болтливые» [3], то есть особо отмечались некоторые стороны их бытия, однако без попыток навесить обидные ярлыки. Например, слово «кяфир» (безбожник) не фигурировало в средствах массовой информации.

Другое отношение было к немецким пленным. Оно складывалось из нескольких факторов. Во-первых, часть татарского социума воспринимала немцев как подданных страны, подтолкнувшей Турцию к войне, то есть не как союзников, а как зачинщиков войны. Другая часть относилась к пленным как к союзникам Турции, то есть положительно. Сами немцы также отмечали более теплое отношение со стороны мусульман. Так, например, председатель военно-цензурной комиссии отмечал, что были обнаружены два письма военнообязанных немцев (Мамадышский уезд и Уфимский уезд). Авторы обоих в коротких словах пишут о простоте деревенских татар из тех местностей, где они живут, и прямо заявляют, что татары хорошо относятся к ним, так как сочувствуют германцам, воюющим рука об руку с турками против русских. Таким образом, было бы полезно поселять немцев для дальнейшего жительства в тех местностях, где нет татар [5, л. 21].

Интересно отметить, что татарская пресса после активизации военной цензуры вела себя крайне осторожно. Вопросы, связанные с национальным самоопределением, на страницах татарских газет практически не поднимались. Чиновники Казанского губернского жандармского управления в отчетах на имя губернатора особо отмечали, что в татарских газетах все очень сдержанно. Нет агитации населения ни за войну, ни против неё [6, л. 201].

Впрочем, как отмечали те же цензоры, татарские публицисты в данных условиях стали прибегать к более изощренным приемам подачи информации, по внешнему виду и форме лояльной, но по содержанию – антиправительственной направленности. Например, в ряде статей вместо «наши войска» писали «русские войска» [12, л. 23]; не употреблялись хвалебные эпитеты. Часть публикаций, конечно, была написана в таком стиле, что цензура не допускала их к печати [12, л. 46]. В статьях, посвященных описанию жизни военнопленных, текст был выдержан в нейтральных тонах, не использовались «кричащие» или эмоционально окрашенные эпитеты. В основном сухой и математически выверенный материал давал представление о жизни военнопленных россиян.

Среди либерально настроенных представителей татарской интеллигенции широкое хождение имела идея, что правительство Российской империи пойдет навстречу интересам народов, проливающим кровь за общую родину. Данные настроения базировались на ряде высказываний представителей власти. Примечательна в этом плане статья, опубликованная в газете «Кояш», под названием: «Что нам нужно сделать?» [4]. В ней автор отмечал, что в то время «как другие национальности всячески стараются сделать известными заслуги своих родичей на театре войны, татары совершенно не заботятся об этом...» [11, л. 570].

Но с лета 1915 г. меняется тональность газетных статей, которые становятся более агрессивными по отношению к мероприятиям, проводимым центральной властью, не смотря на все меры, принимаемые цензурными органами. Одновременно можно отметить появление более теплых ноток в прессе при описании условий проживания пленных подданных стран Тройственного союза.

В первую очередь это касается не содержания, оно осталось практически неизменным, а тональности. Вместо сухого описания сражения – красочное воспевание подвига татарских патриотов

на фронте, которые никак не оцениваются русскими офицерами; вместо бездушной констатации условий жизни военнопленных – нотки сочувствия к единоверцам, попавшим в сложную ситуацию, когда правительство их практически бросило на произвол судьбы; появляются слова поддержки. Весьма часто применялся прием сравнения с условиями жизни военнопленных французов и англичан.

Таким образом, в вопросе восприятия татарами военнопленных четко прослеживается взаимосвязь с восприятием ими самой войны и взаимоотношений с центральными властями. До лета 1915 г. позиция татарских средств массовой информации была выжидательной, умеренной. Характеризуя военнопленных, они избегали применения ярких или негативных образов, заменяя их терминами бытийного свойства, не способных оскорбить, либо которые можно использовать как в создании положительного, так и отрицательного образа. С лета 1915 г. в прессе достаточно часто использовался сюжет, связанный с военнопленными, как маркер неспособности властей проводить обдуманную политику. Военнопленные стран Тройственного союза в Казанской губернии, как правило, характеризовались с положительной стороны.

Литература

1. Алкин С. Стыд и позор // Казанский телеграф. 1915. 29 марта.
2. Исхаки Г. Татарская военная организация во время войны // Wostok – Orient. Варшава, 1932. №1–2 (5–6).
3. Кояш. 1915. 7 января.
4. Кояш. 1915. 18 октября.
5. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф.1154. Оп.1. Д.259.
6. НА РТ. Ф.1 Оп.6. Д.862.
7. НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д. 913.
8. НА РТ. Ф.1. Оп. 6. Д. 917.
9. НА РТ. Ф.1. Оп. 6. Д. 942.
10. НА РТ. Ф.1. Оп. 6. Д. 943.
11. НА РТ. Ф.1 Оп.6. Д.1073.
12. НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.1106.
13. Юлдуз. 1914. 22 августа.
14. Юлдыз. 1914. 27 октября.

УДК 94(47)084

Акопян Виктор Завенович

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР В ОРГАНАХ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920–30-е гг.

В статье рассматривается политика центральных и региональных властей в области развития народного образования на родных языках дисперсных этносов Северного Кавказа. По мнению автора, позитивный опыт 1920–30-х годов в известной степени может быть использован на современном этапе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, народное образование, дисперсные этносы, национальные меньшинства, национальные секции, национальные школы.

Akopyan Victor Z.

FORMATION AND ACTIVITY OF THE NATIONAL STRUCTURES IN THE ORGANS OF PUBLIC EDUCATION IN THE NORTH CAUCASUS IN 1920-1930s

The article considers the policy of Central and regional authorities in the field of development of public education in the native languages of dispersed ethnic groups of the Northern Caucasus. According to the author, the positive experience of the 1920s-1930s to a certain extent can be used at the present stage positive experience of the 20-ies, in view of the new political model established in the country, can be used on the modern stage.

Keywords: North Caucasus, popular education, dispersed ethnic groups, national minorities, national section, national schools.

Важность рассмотрения деятельности структур Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпроса) по делам национальных меньшинств на Северном Кавказе в 1920–30-е годы обусловлена слабой освещенностью этой проблемы в исторической науке (Т. Ю. Красовицкая, С. И. Штамм, Р. Г. Абдулатипов, Л. Ф. Болтенкова, Ю. Ф. Яров, В. З. Акопян). Актуальность темы также связана с современным состоянием межнациональных отношений в Российской Федерации,

в частности, в южнороссийском регионе, и необходимостью учета исторического опыта функционирования государственных структур, занимавшихся национальными проблемами. В связи с поиском новых организационно-правовых форм осуществления национальной политики в РФ на современном этапе рассматриваемая тема вновь приобрела особую значимость.

Сразу же после установления советской власти для работы среди национальных меньшинств (этнических групп, проживавших, как правило, дисперсно за пределами своих национально-государственных образований, автономий или не имевших их) при партийных и советских органах создавались специальные структуры: национальные партийные секции и подотделы, нацменкомиссии, институт уполномоченных по делам нацмен и др. В этой иерархии органов по делам национальных меньшинств высшую строчку занимали партийные органы, решения которых носили определяющий характер и подлежали исполнению всеми советскими органами государственной власти и управления. Тем не менее, это не значило, что государственные органы, в частности, структуры по делам национальных меньшинств при органах Наркомпроса, играли незначительную практическую роль в той или иной сфере национальной политики.

После установления советской власти при партийных и советских органах создавались национальные структуры для работы среди национальных меньшинств (этнических групп, проживавших за пределами своих национально-государственных образований или не имевших их). С конца 1917 г. вся просветительная работа среди нерусских народов была сосредоточена в Народном комиссариате национальностей (Наркомнаце). Однако 30 мая 1918 г. был принят декрет СНК РСФСР «О передаче в ведение Наркомпроса учебных и общеобразовательных учреждений и заведений всех ведомств» [1, с. 184].

31 октября 1918 г. Коллегия Наркомпроса приняла постановление «О школах национальных меньшинств», в соответствии с которым создавался «Отдел просвещения национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР». На отдел (руководитель П. Н. Макинцян) возлагались функции формирования всех национальных культурно-просветительных организаций и учреждений в РСФСР, руководства и управления ими [2, с. 85].

В соответствии с инструкцией Наркомнаца и Наркомпроса «Об организации и деятельности подотделов национальных меньшинств на местах» (февраль 1919 г.), «при всех отделах народного образования [ОНО]: областных, губернских и уездных Советов, – в тех местах, где существуют национальные меньшинства, организуются подотделы просвещения нацменьшинств». Национальные подотделы при ОНО имели право создавать просветительные и учебные заведения для дисперсных этносов, включать их в государственную сеть, подбирать для них руководителей и других работников [1, с. 244].

На Юге России первыми были организованы национальные секции и подотделы ОНО не только для многочисленных национальных групп, проживавших на данной территории, но и для тех из них, которые имели в прошлом развитую культурную жизнь и подготовленных работников.

На Дону были созданы и активно работали армянская, еврейская, польская и латышская секции, на Кубани – украинская, армянская, горская и греческая. Так, например, сразу же после установления советской власти на Кубани подотдел просвещения нацменьшинств (Нацмен) Кубано-Черноморского облОНО в качестве главных определил задачи борьбы с неграмотностью и создание сети школ с обучением на родном языке.

В апреле 1920 г. вышло постановление Кубано-Черноморского облревкома о создании школ нацменьшинств, подписанное его председателем Я. В. Полуяном. В соответствии с ним, граждане всех национальностей, проживавшие в области, получили право организации обучения родному языку в единой трудовой школе. Все расходы на их содержание брали на себя подотделы просвещения нацменьшинств, в ведении которых к июню 1920 г. находились 313 школ. Школы открывались там, где было не менее 25 учащихся одной национальности. Вот почему члены секций в первую очередь приступили к сбору статистических данных о численности народов, населяющих регион. Согласно отчету, в 1921 г. облОНО подчинялась 291 национальная школа. В последующем их сеть продолжала расширяться. Во все населенные пункты Кубани регулярно посылали инспекторов подотдела, которые следили за уровнем подготовки учителей, материальным обеспечением учебных заведений [3].

Особую активность проявлял подотдел нацменьшинств Ставропольского губОНО. Он начал свою работу с дисперсными этносами губернии в сентябре 1920 г. В его состав входили

председатель, делопроизводитель, инструкторы по просвещению немцев, туркмен и татар. В 1921 г. подотдел приступил к обслуживанию и других этнических групп губернии (армян и греков) [4].

После создания секций нацменьшинств при новых управлениях Наркомпроса (Главпрофобр, Главполитпросвет и др.) работа Отдела просвещения нацменьшинств усложнилась. В связи с этим 31 марта 1921 г. Отдел был реорганизован в Совет по делам просвещения нацменьшинств (Совнацмен) при Коллегии Наркомпроса [3, с. 86–87]. В соответствии с «Положением о Совнацмене», его основная задача сводилась к тому, чтобы проводить через свои органы в центре и на местах мероприятия наркомата, «приспосабливая их к языковым и бытовым особенностям национальностей». Совнацмен возглавляла коллегия, состоявшая из председателя (В. Розен), его заместителя и трех членов. 13 июня 1921 г. вышло «Положение о губернских советах по просвещению национальностей нерусского языка», согласно которому нацменотделы при коллегиях губОНО реорганизовывались в совнацмены [1, с. 247–249].

Финансовый кризис и голод отрицательно повлияли на деятельность совнацменов. Улучшение экономической ситуации в стране позволило восстановить их деятельность. I Всероссийский съезд губсовнацменов (январь 1923 г.) принял «Положение о губернских советах просвещения нерусского языка», предусматривавшее введение должности уполномоченного по просвещению нацменьшинств. Последний входил в состав коллегии губОНО с правом решающего голоса по вопросам национального просвещения [5].

Важную роль в активизации деятельности совнацменов на Юге России сыграл I Северо-Кавказский краевой съезд по просвещению нацменьшинств (ноябрь 1924 г.). Его работа совпала с завершением территориальной реформы в результате которой был образован Северо-Кавказский край. Съезд открылся 11 ноября 1924 г. в актовом зале Донского университета докладом начальника КрайОНО Томашевского. Выступавшие участники съезда отмечали недооценку местными ОНО совнацменов. Подчеркивалось, что «нет строго зафиксированного процента в бюджете для нацмен, совнацмены не привлекаются к обсуждению бюджета ОНО... а районы, имеющие до 75% нацмен, не имеют инспекторов своей национальности» [6].

В конце 1924 г. КрайОНО приступил к разработке Положения о Крайсовнацмене. До его принятия краевое совещание инспекторов нацменьшинств (март 1925 г.) определило общий подход к совнацмену как подотделу, куда входят национальные инспектора и представители от партийных и советских организаций. Инспектора, заведующие соответствующим национальным бюро, участвуют во всех заседаниях и в методсовете КрайОНО. На основе такого подхода и было выработано Положение. Коллегия КрайОНО утвердила его 14 марта 1925 г. Согласно Положению, при краевом совнацмене создавалось узкое бюро, куда входили заведующие соответствующих нацбюро. 16 марта было утверждено бюро совнацмена в составе Арутюнова (зав. армянским бюро), Кирий (украинским), Саввова (греческим), Штейнгаузера (немецким). Работники совнацмена прикреплялись в качестве представителей к другим советским и общественным органам. Например, в 1925 г. представителем совнацмена в Крайкоме был Алиев, в Крайсовпрофе – Арутюнов и т. д. [7].

Упорядочение деятельности Крайсовнацмена, несмотря на то, что их штаты оставались небольшими, обусловило возрастание роли совнацменов на местах. Во второй половине 1925 г. практически во всех округах в штате ОНО имелась национальная инспектура. Причем инспекторами были, как правило, представители наиболее многочисленных национальностей данной территории. Например, инспектором по делам нацменьшинств в Таганрогском окрОНО был немец, в Кубанском – украинец и армянин [8].

С октября 1925 г. Совнацмен Наркомпроса получил новое название – Центральный совет по просвещению нацменьшинств (Центрсовнацмен). В соответствии с Положением о Центрсовнацмене он «осуществлял руководство делом просвещения нацменьшинств и приспособлял свои мероприятия к языковым, бытовым и культурным особенностям населяющих Республику национальностей» [9]. Центрсовнацмен до 1926 г. возглавлял И. А. Наговицин. После него за три года на этом посту сменилось 4 руководителя.

В июне 1926 г. проблемы совнацменов обсудило Всесоюзное совещание работников нацменьшинств. В принятых тезисах конкретизировались формы методической работы в национальных школах [10]. В декабре 1926 г. в Ростове-на-Дону собрался краевой съезд заведующих ОНО и инструкторов по работе среди нацменьшинств. По докладу заведующего Крайсовнацмена Достяна была принята резолюция, в которой уточнялся характер взаимоотношений совнацменов с

функциональными подразделениями КрайОНО и отделами образования на местах. Определялся круг обязанностей совнацменов и национальной инспектуры [11].

Летом 1928 г. Наркомпрос разработал проект, одобренный 1 февраля 1929 г. СНК РСФСР, в соответствии с которым Центросовнацмен преобразовывался в Комитет по просвещению нацменьшинств РСФСР. Его функция ограничивалась лишь «общим наблюдением за проведением мероприятий по просвещению нацменьшинств Главными Управлениями и местными ОНО» [12].

К концу 1920-х гг. усилилась тенденция к сокращению штатов Комнаца в регионах. В новых условиях осуществлялась политика социальной унификации подразумевавшая слияние дисперсных этносов с «титულными» нациями. Правящий режим теперь не нуждался в «лишних» звеньях управления. В январе 1930 г. вслед за ЦК ВКП(б) были ликвидированы национальные секции Северо-Кавказского крайкома [13]. Национальные партийные структуры для совнацменов являлись «охранителями» от тех чиновников, которые считали излишней работу с дисперсными этносами. Вот почему после ликвидации партийных секций комнацы Наркомпроса потеряли свою значимость. Завершающим аккордом в этом процессе стало решение о ликвидации Комнаца в 1934 г. и переходе его функций к общим отделам Наркомпроса.

В заключение отметим, что деятельность национальных структурных подразделений системы Наркомпроса на Юге России в 1920–30-е гг. была ориентирована не на обеспечение коренных интересов национальностей, а исключительно на потребности утвердившегося в стране политического режима. В то же время само их существование, представительство во властных структурах побуждало краевые и местные органы власти учитывать национальные запросы, в частности в области образования на родном языке, что вопреки желанию режима не могло не способствовать сохранению национального самосознания, пусть даже формируемого в общем русле определяемой компартией парадигмы.

Разумеется, в настоящее время не стоит вопрос о безусловном копировании деятельности национальных структурных подразделений системы народного образования рассматриваемого времени. Тогда была другая эпоха, другая социально-политическая и экономическая система, другие цели, и даже другое государство, по меньшей мере, по названию. Но эти обстоятельства не исключают возможности использования тех форм, которые способны обеспечить реализацию, например, «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [14], разработанной Советом при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. Как отмечается в документе, государственная национальная политика страны нуждается в новых концептуальных подходах с учетом необходимости решения вновь возникающих проблем, реального состояния и перспектив развития национальных отношений. Это обуславливает обращение пристального внимания на позитивный опыт осуществления национальной политики в прошлом.

Литература

1. Красовицкая Т. Ю. Национальная политика в области просвещения народов РСФСР (1917–1922) // Великий Октябрь и национальный вопрос. Ереван, 1977.
2. Штамм С. И. Управление народным образованием в СССР (1917–1936 гг.). Историко-правовое исследование. М., 1985. С. 85.
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 365. Оп. 1. Д. 812. Л. 12.
4. Отчет Ставропольского губисполкома V созыва VI Губ. Съезду Советов Раб., Крест. и Красноарм. Деп. Ставропольской губернии. Ставрополь, 1922.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 993.
6. Советский Юг. 1924. 15 ноября.
7. Государственный архив Ростовской области. Ф. 1485. Оп. 1. Ед. хр. 164.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 1042.
9. РГАСПИ. Ф. 1-М. Оп. 23. Д. 712.
10. Центральный государственный архив Чечни. Ф.Р. 264. Оп. 1.
11. Еженедельник Северо-Кавказского Краевого отдела народного образования. № 3–4. 1927.
12. Деннингхаус В. В тени «Большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР. 1917–1938 гг. (РОССПЭН, 2011).
13. Малейко Л. А. Партийный аппарат (1917–1941). Изд. РГУ, 1981. С. 52–60.
14. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.minnation.senat.org/Strategiya-2025.html>.

УДК 130.2:316.422

Арутюнян Вадим Владимирович

ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЕ

В статье рассматривается влияние модернизации на изменение моделей человеческого существования. Обращается внимание на исследовании причин и факторов модернизации как качественной социально-исторической трансформации.

Ключевые слова: социальное действие, модернизация, эволюция, парадигма, анализ, исследование.

Arutyunyan Vadim V.

THEORY OF SOCIAL ACTION IN THE MODERNIZATION PARADIGM EVOLUTION OF MODELS OF SOCIAL CHANGE IN THE MODERNIZATION PARADIGM

The article examines the impact of modernization on the changing patterns of human existence. The author's attention is focused on the study of the causes and factors in both qualitative modernization of socio-historical transformation.

Key words: social action, modernization, evolution, paradigm, analysis, research.

Вопрос о том, как и почему меняется общество, уже длительное время вызывает бурную реакцию, и в споре о нем консенсус пока еще не достигнут. Проблематика социальной динамики весьма значима, так как являет собой изменение характера и содержания отношений между людьми – участниками общественных отношений и взаимодействия. Понятие «социальное изменение» весьма многогранно. Оно способно передать сущность трансформаций социальных структур, а также состояние транзисии социальных практик. Его потенциала достаточно, чтобы объяснить возникновение новых или обеспечение функционирования прежних групп, форм взаимодействия и поведения.

История доказала, что ни один из уровней социальной среды не остается неизменным. Многочисленные изменения происходят на самых разных ее уровнях: могут изменяться экосистемы, демографическая структура, экономика, политические институты. Эти изменения происходят с разной скоростью и направленностью, но с определенной ритмичностью и систематически.

Совокупность факторов, вызывающих преобразования и способствующих динамике социальных процессов, достаточно широка. Она охватывает как структурные, среди которых – интересы и ценности социальных групп, так и нормативные (системы норм и обычаев). В целом причины, вызывающие перемены, иерархичны, их трудно выявлять и реконструировать. Кроме того, между ними могут возникать весьма причудливая зависимость, трудно объяснимая, на первый взгляд, и даже не определяемая по результату. Конфигурация социальных изменений тоже весьма причудлива.

Согласимся с О. Э. Бессоновой, что «общественная эволюция – это поступательный процесс, в рамках которого цивилизационные матрицы переходят с одного уровня развития на другой. На каждом следующем уровне решаются проблемы предыдущего этапа, но при этом возникают новые проблемы как составная часть усовершенствованных форм развития» [1].

Итак, в силу многозначности и многовекторности социального изменения, его изучение возможно только в рамках интегративной парадигмы. Только в условиях различных теоретико-методологических проекций возможно выявить и определить характер и направленность изменений. Одной из наиболее оптимальных проекций следует признать модернизационную парадигму. Анализ изменений на ее основе дает возможность раскрыть реальные процессы развития, показать динамику и направленность этих процессов. Эта парадигма – одна из наиболее зрелых, оформленных, так как прошла наиболее длительный путь совершенствования, испытав влияние эволюционизма и функционализма. Модернизационная теория являет собой пример эффективного развития в постоянном взаимодействии с реальностью, которая вносила коррективы в ее содержание.

Как настаивает В. Г. Федотова, «эпоха модернити (современности) – не следствие проекта. Развитие капитализма стало одной из инноваций, которая может рассматриваться как слом прежних тенденций развития традиционных обществ в точках бифуркации и переход социальных систем на новый уровень» [3].

Школа модернизационных исследований развивалась на протяжении полувека, преодолев несколько этапов, каждому из которых были свойственны свои достижения, взлеты и падения. Начиная со второй половины 1950-х годов, школы модернизации быстро развивались вплоть до середи-

ны 1960-х. Затем с конца 1960-х и на протяжении 1970-х гг. это направление пережило период очень жесткой критики, когда казалось, что модернизационная перспектива стерта и не может существовать из-за своей отсталости, уступив миросистемному анализу И. Валлерстайна (вторая половина 1970-х гг.) и неомарксизму.

Но оказалось, что все это временные трудности, которые пошли на пользу данной парадигме, и с началом 1980-х годов, научный мир наблюдал возрождение модернизационных исследований. Это был период, когда оформились новые тенденции, вошедшие в историю науки под названием «новых модернизационных штудий». Именно тогда появились такие теории, как конвергенции, зависимости и миросистемного анализа. На конец 1980-х и на все 90-е годы пришелся этап становления неомодернизационных и постмодернизационных теорий. Причиной тому стали социальные трансформации на постсоветском пространстве. Это, пожалуй, наиболее благоприятный период, в рамках которого было разработано множество теоретико-методологических и дисциплинарных подходов.

Как отмечает Е. А. Сергодеева, «одной из первых общепринятых характеристик современного общества было его обозначение в качестве рационального. Процесс рационализации, сопровождающий становление индустриального западноевропейского общества, описан в классической социальной теории еще М. Вебером. В данной парадигме рационализация рассматривается как вытеснение целерациональным действием всех остальных видов рационального действия. При таком подходе модерн предстает в качестве «посттрадиционного» социального порядка, отличительными особенностями которого становятся рациональность, инновации и прогресс» [2]. Это свидетельствует о тесной взаимосвязи модернизационной парадигмы с теорией социального действия.

Наибольшую известность эта теория получила благодаря работам Э. Гидденса. Этот ученый предпринял попытку совместить структуралистский и деятельностный подходы. Но Гидденс не остался одиноким представителем теории действия, его поддержали Уолтер Бакли со своей концепцией морфогенеза, а также А. Этциони, разработавший теорию «активного общества». Затем появились А. Турен с теорией «самопроизводящегося общества», Т. Бернс и группа из Уппсалы с теорией систем правил, П. Штомпка с теорией социального становления.

Именно П. Штомпка высказал мнение об онтологических характеристиках общества. Он представил общество в состоянии непреходящей трансизции, таким образом, подчеркнув перманентность изменений. По мнению П. Штомпки, эти общественные изменения носят эндогенный характер, что могло бы означать только одно – все социальные изменения есть ничто иное как самотрансформации. Кроме того, Штомпка отдал роль вечных двигателей социальных трансформаций индивидам и социальным коллективам, не выделив ни кого из них, считая, что только действующий субъект может двигать общество. Направление, цели и темпы изменений, в соответствии с аргументами Штомпки есть результирующая конкуренции между различными акторами. А так как каждый из них занимает свою нишу или претендует на нишу другого, то конфликтов и противоборства не избежать в процессе социальных изменений. Также Штомпка заявлял, что любое действие всегда осуществляется в контексте определенных структур и оно обязательно влияет на эти структуры, вызывая их трансформацию. В целом же, взаимодействие между деятельностью, т. е. актором и структурами, происходит благодаря смене фаз творчества деятелей и структурной детерминации.

Общество, пережившее модерни и достигшее в своем развитии так называемой «Третьей современности, где инновация преобладает над традицией, имеется светское объяснение оправдание жизни, появляется автономный индивид, затем индустриальное производство, целерациональность и т. д.» [4], решения лидеров уже не могут опираться исключительно на принуждение.

Линейная модель была самой первой теоретико-методологической конструкцией для изучения модернизации. Она появилась благодаря тому, что ряд положений, как эволюционистского, так и структурно-функционалистского толка были восприняты в качестве теоретико-методологических предположений. Их в свое время разделяли те, кто стоял у истоков линейной модели, а именно, У. Ростоу, Ш. Эйзенштадт, А. Органский, М. Леви, Н. Смелзер, и др. Структурно-функциональная дифференциация меняла многое. Под ее воздействием прошла институционализация многих институтов. Причем все изменения протекали по принципу имманентного встраивания в социальную систему, независимо от того, какие это были изменения. Интегрирование всех факторов и атрибутов в связанное целое происходило благодаря тому, что проявление каждого из них было своеобразным импульсом, под воздействием которого и шла реакция, иными словами, как только изменения вносятся в одну из сфер деятельности, это неизбежно вызывает адекватные реакции в других сферах.

Конечно же, нет сомнений в том, что модернизация – глобальный процесс, так как она способна в прямом смысле менять мир. Положение о том, что модернизация вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, вполне адекватно. Модернизация – процесс, в рамках которого происходили радикальные и всеобъемлющие трансформации моделей человеческого существования. У нее революционный характер, ей присущи комплексность и многомерность. Она обеспечена как посредством распространения современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ.

Любое общество обязательно проходит в своем развитии этап традиционности и то, что некоторые из них или дольше других остаются на этой стадии или позже других приходят к этому состоянию, обусловило последовательность или некую ось вдоль которой расположились разное удаленные от стадии модернизации уже трансформирующиеся или еще пребывающие в стадии традиционализма сообщества. т. е., выстраивается некая цепочка, идущая от традиционности к современности. Особенность этой цепочки заключена в том, что все попавшие в неё движутся с разной скоростью.

Будучи протяженным процессом, модернизация не может «перепрыгивать» через отдельные стадии. Она проходит каждую из них. Блэк представил их в виде фаз, насчитав четыре и подробно описав каждую из них. По его мнению, в самой первой фазе модернизации, проявляется так называемый вызов *modernity*, т. е. в силу того, что в обществе появились те, кто усмотрел несовершенство существующего порядка и увидел в нем угрозу сохранения общности в целом, возникает конфронтация. Общество не принимает тех, кто настоятельно требует обратить внимание на возникшую угрозу и приступить к переформлению и переустройству важнейших институтов, особенно института власти.

Затем, по разумению Блэка, сторонникам скорейших преобразований удастся консолидироваться и появляется консолидированная элита. Она модернизаторская по своим настроениям и личностным качествам. А так как есть те, кто готов отнять власть ради того, чтобы осуществить задуманное, то до открытого противостояния уже рукой подать. Поэтому в обществе неизбежна борьба, причем ожесточенная, так как одним есть, что терять, другим – получать. Хотя следует отметить, что борьба за власть может быть весьма длительной, растянувшись на несколько поколений.

Параллельно с этим процессом передачи власти идут экономическая и социальная трансформации. На этом этапе общество из аграрного, традиционного эволюционирует в урбанизированное, промышленное. А затем на следующей фазе происходит институционализация новых отношений, новых социальных институтов. Здесь в четвертой фазе трансформация продуцирует фундаментальную реорганизацию социальной структуры общества.

Линейная модель представляла модернизацию как прогрессивный процесс, в рамках которого происходит необратимая унификация. Общество неизбежно предстанет в виде конвергентных сообществ. Предстояло лишь убедиться в корректности подобранных стандартных критериев модернизации. Чтобы не допустить ошибки, их надо было разрабатывать на основе сопоставления идеал-типических образов традиционности и современности. Например, Эйзенштадт, акцентируя внимание на социо-демографических аспектах, для их осмысления в качестве методологического инструмента выбрал понятие «социальной мобилизации».

В трактовке К. Дэйча это понятие передавало сущность «процесса, в ходе которого основные кластеры старых социальных, экономических и психологических обязательств подвергаются эрозии и разрушению, и появляются новые модели социализации и поведения» [5]. Эйзенштадт предложил закрепить за социально-структурными сдвигами «высокую дифференциацию и специализацию применительно к деятельности индивида и институциональным структурам», «разделение между различными ролями, выполняемыми индивидами, – особенно между профессиональными и политическими ролями, а также между перечисленными и ролями в области семейных и родственных отношений» [6].

Несомненно, что Ш. Эйзенштадт отдавал отчет в том, насколько сложен механизм так называемого рекрутирования на различные роли. Подобная сложность была продиктована тем, что получение новой роли и закрепление в ней могло быть следствием механической прописки (аскрипции), все намного сложнее, так как новая роль может быть получена исключительно посредством механизмов достижения.

Несомненно, что осмысление процессов модернизации в каждой из общественных сфер сопровождалось трудностями и требовало своеобразного, адекватного происходящим процессам подхода. Например, анализируя процессы модернизации в экономической сфере, Ш. Эйзенштадт предлагал исходить из того, что здесь, в первую очередь, надо отследить технологический рост. Такое пристальное внимание именно к технологиям объяснялось тем, что внедрение новых технологий

стимулировалось постоянным обновлением научных знаний. Так как разработка новых научных знаний в это время является прерогативой деятельности специализированных научных учреждений, то наблюдается специфическое сращивание производственных и научных подразделений общественного производства – НИОКР, что повлекло за собой развитие самых различных опосредованно связанных с непосредственным производственным процессом структур. Таким образом, все происходящее вполне уместно представить как оформление целой системы – индустриальной. Она могла существовать только за счет внедрения высоких технологий и углубления специализации в каждом из экономических секторов. Следует заметить, что такие изменения в самом производстве не могли не сказаться на рынке в целом. Конечно же, в масштабах всего рынка наблюдается рост – становится масштабнее рынок товаров, рабочей силы и финансов.

Состоявшиеся изменения, равно как и только обозначившиеся, в сфере экономической, тут же проявились в политической сфере. Как не вспомнить Сократа с его пониманием общества в идее каменного свода, в котором движение любого из элементов вызывает подвижки и смещение во всем своде. Эйзенштадт подметил, что политическая сфера начинает меняться параллельно изменениям в экономической. Он акцентировал внимание на том, что политическая модернизация охватывает значительную территорию. Все присутствующие политические институты тут же начинают выявлять стремление к своеобразной экспансии, торопясь закрепиться именно в этих масштабах, понимая насколько опасно промедление: проще без дополнительных факторов сопротивления в виде конкуренции других политических сил, бороться с протестами населения. Включение в консенсусный моральный порядок и смена традиционных моделей легитимации верховной власти требуют немало сил, но их расход увеличиться, если не будет своевременного закрепления на территории.

Параллельные процессы в сфере культуры равнозначно могут, как способствовать закреплению результатов модернизации, так и сдерживать и даже разрушать таковые. Все культурные и ценностные системы проходят через этап деформации, транзисии и дифференциации своих основных элементов. Причем эта трансформация охватывает, не оставляет неизменными ни религию, ни философию, ни науку в целом. В таком состоянии духовного и методологического «движения» крайне сложно адаптироваться к происходящим переменам.

В этой сфере в рамках модернизации сильнее всего ощущается страх и неуверенность человека в себя и в будущем. Потому как именно трансформации в этой сфере подвергают испытанию и разрушают частично идентичность человека, заставляя выстраивать новые ее черты. Но по мере того, как модернизируются средства коммуникации, влияющие на массовое сознание и совершенствующие его дифференциацию, становится возможным установить и закрепить новую культурологическую парадигму.

В целом модернизация в сфере культуры являет наиболее существенные и значимые результаты. Именно здесь формируется «новый» человек, который сориентирован на естественное выражение своих возможностей и чувств. Но в то же время, осознав свой индивидуализм как особую ценность, человек вбирает иное измерение не только времени, но и в целом своего существования. Теперь, благодаря расширению сфер интересов, растущей вере в науку и технологию, осознанию ценности карьеры и мобильности человек меняет свое отношение к настоящему. Появление новых индивидуальных ориентаций, привычек, характеристик, закрепляет новые ментальные установки, тем самым превращая их в залог прогресса и успеха не только индивида, но и общества в целом.

Литература

1. Бессонова О. Э. Общая теория институциональных трансформаций как новая картина мира // *Общественные науки и современность*. 2006. № 2. С. 133.
2. Сергодеева Е. А. Подозрение как феномен современной культуры // *Философские науки*. 2013. № 6. С. 41.
3. Федотова В. Г. Социальные инновации: макро- и микротенденции // *Вопросы философии*. 2010. № 10. С. 6.
4. Федотова В. Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // *Вопросы философии*. 2010. № 10. С. 4.
5. Deutsch K. W. Social Mobilization and Political Development // *Political Development and Social Change*. P. 205.
6. Eisenstadt S. N. Modernization: Protest and Change. New York, 1966. P. 2–5.

УДК 94

Берберова Елена Георгиевна

ОСОБЕННОСТИ КЛИМАТОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ КАЗАЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Статья исследует специфику адаптации казаков в процессе их движения на юг, где претерпев исключительные по сложности и тяготам испытания, они путем приспособления к миру Кавказа наполнили пространство «фронтира» новыми смыслами, при этом сами приобрели ярко выраженные черты ориентальности.

Ключевые слова: фронтир, казак, переселенцы, колонизация, пограничье.

Berberova Elena G.

FEATURES AND CLIMATO GEOGRAPHIC SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF COSSACKS UNDER SETTLEMENT AND DEVELOPMENT OF THE NORTH CAUCASUS

The paper investigates the specifics of the Cossacks in the process of adapting their movements to the south, where undergone exceptional complexity and burdens test, by adapting them to a world filled space Caucasus "frontier" new meanings, while they themselves have acquired pronounced oriental features.

Keywords: frontier, Cossack settlers, colonization, border.

В современной российской историографии, посвященной имперским исследованиям, понятие фронтир выступает одной из основных категорий, позволяющих внести в познавательный процесс социально-культурных феноменов новый подход и увидеть привычное и устоявшееся в новом свете.

Термин «фронтир» в значении «пограничье» (англ. *frontier*) ввел в научный оборот американский историк Ф. Дж. Тёрнер в 1893 г. в своем докладе «Значение фронта в американской истории» [1, с. 10]. Он использовался ученым для обозначения приграничной полосы либо области так называемых «свободных земель» во внутренних районах североамериканского континента, которые на протяжении всей истории США вплоть до конца XIX века осваивались белыми поселенцами и постепенно перемещались в ходе поступательного их продвижения на Запад, до побережья Тихого океана [1, с. 12].

При обращении к исследованию истории северокавказской окраины Российской империи, данное понятие используется для обозначения не только пограничной линии или территории между сопредельными государствами, но и для выявления характера взаимодействия на этой территории, при котором население, социально-политические и иные институты, представляют собой своеобразную среду «фронтира». Это также место особенного коммуникативного знакомства культур и цивилизаций, где происходила реализация (в многоуровневом формате) климатических, военных, политических, этнических, религиозных и иных аспектов в ситуации пограничной неопределённости. Поэтому присоединение Северного Кавказа к России не следует сводить к банальному приобретению новых территорий и подданных.

Процесс колонизации данной части империи был многомерным, поскольку северокавказский «фронтир», раскинувшийся от моря до моря, был не просто линией соприкосновения двух цивилизаций или культур разного уровня и направленности развития, он был пространством коммуникативного взаимодействия, находившегося долгое время в состоянии неопределённого проявления и не выявленного доминирования.

Первоначальным приближением российского мира к Северному Кавказу было самостоятельное движение частных лиц, пускавшихся на свой страх и риск на поиски лучшей доли, которой они не могли получить в рамках существовавшей государственности. Этими людьми были те, кто впоследствии получил название вольных казаков, выступивших в роли пионеров-колонизаторов, расселявшихся по левому берегу Терека.

Без государства и вне государства казакам пришлось испытать немало превратностей на первоначальном этапе их контактов с кавказским миром. Кроме того, окружавшая новопоселенцев климатогеографическая и социальная среда северокавказского «фронтира», где они пытались строить своё новое сообщество, оказались настолько враждебными и незнакомыми, что поставили перед казаками вопрос об их адаптационных возможностях.

Экологическая обстановка в пространстве Северного Кавказа обладала столь большим и неожиданным для пионеров-поселенцев разнообразием, преподносила столько сюрпризов, что новопоселенческая масса пережила своеобразный шок привыкания.

Как и в своё время в Америке (об этом говорил Ф. Тёрнер), вся обстановка фронта на первых порах оказывала слишком сильное воздействие на колониста: он должен был либо принять все предъявляемые условия, либо погибнуть [2, с. 337–338].

В северокавказских реальностях вольная казачья масса, предоставленная самой себе, вырабатывала самостоятельно жизненные практики, черпая многое из механизмов быта горских народов. Некоторые из тех, кто поселился в непролазной глуши низового течения Терека, не достигаемой ни для какой погони, «нашли себе стоянки, с обильными угодьями для рыбного и охотничьего промысла» [2, с. 341].

Специфические условия существования нижнетерских казаков привели к выработке в их среде специфических адаптационных инструментов. Необходимость вынудила их вступать в постоянные контакты с местным кавказским населением, что привело к зарождению особого типа отношений – куначеству.

Ещё одной адаптационной специфичностью терских казаков, которые представляли собой преимущественно мужское население, стало «умыкание невест» у горских племен. С другой стороны, заселение казачьих городков представителями и представительницами горских этносов способствовало сближению казаков с горским миром, «переимчивости» у горцев полезных навыков в укладе жизни.

Длительный исторический период сосуществования, частые контакты и метисация оказали заметное воздействие на формирование культурной идентичности и уклада жизни терско-гребенского населения. В. А. Потто по этому поводу отмечал, что «казаки постарались усвоить себе горские наречия и многие черты их характера и домашнего быта» [3, с. 155–156].

Пространства Северо-Западного Кавказа, особенно Черноморское побережье и территории вдоль течения реки Кубань, дикая, с точки зрения казаков-пионеров, местность вносила коррективы не только в систему их бытования. В непривычной и жестокой для них обстановке казаки-колонисты сделались жертвами множества болезней, поджидавших их в своеобразных условиях кавказской среды.

Особенности освоения новых территорий требовали от казаков новых поселенческих практик, которых не было в их арсенале, поскольку не все из них предполагали встретить в пространстве северокавказского «фронта» столь жестокого инобытия. Кроме того, их культурный код не предполагал механизмов настройки к существованию в средах, выходивших за рамки их исторически обозримого существования. В связи с этим экологическое своеобразие кавказского пространства можно зачислить в ряд тех причин, которые воспрепятствовали быстрому освоению русским населением Черноморского побережья Кавказа. Данная территория сопротивлялась не только прежним, принесенным из иной, некавказской, среды способам взаимодействия с землей, но и наносила бедственные удары по иммунной системе казачьего населения.

Казачьи поселения в Черномории располагались вопреки традиционным горским, экологически выверенным схемам. Новопоселенцы, в подавляющей массе своей – степняки, оказались лицом к лицу перед незнакомыми картинами и свойствами ландшафта: кругом были горы и дремучий лес. Они стали ставить свои хаты и балаганы по низменностям вдоль рек, где никогда не селились черкесы, занимавшие своими жилищами возвышенности над болотистыми низинами, зараженными малярийными лихорадками. Казаки, напротив, поставили свои хаты и курени в самых низких местах, в некоторых местностях – даже ниже уровня моря и, разумеется, в массе своей стали болеть лихорадкой, от которой за недолгое время погибали. По замечанию С. И. Васюкова, от лихорадок страдали главным образом первые поселенцы, усадьбы которых находились в ямах, между возвышенностями, среди густой, непроходимой чащи фруктовых деревьев и непременно около речки. Он приводит статистику, когда из 888 человек, населявших одну из станиц, в течение двух лет умерли 200 человек – взрослые и дети [4].

Казаки, кроме низин и впадин, располагали свои поселения на открытых местах вдоль морского побережья, часто попадавших в объятия густых туманов, пагубно влиявших на людей, домашних животных и на садовые культуры [5].

Но новоселы мало стремились приспособливаться к местным условиям существования, предпочитая сетовать на природу, обзывать её «казнью египетской» [6, с. 199–200]. Переселенцы-степняки не любили ни моря, ни гор. В горном побережье продолжали вести степное хозяйство, а расчищенные в горах места под посевы зерновых называли «степью». Поселяне были совершенно глухи к естественным требованиям природы края, не занимались ни плодовыми, ни многолетними культурами, сосредоточив все свои интересы «в степи», где находилась их пшеница и их баштаны [7, с. 335].

Приверженность к своим культурным координатам и традиционным способам жизнедеятельности не позволяла новопоселенцам первого поколения не столько понять экологических особенностей северокавказского края – они их не могли не видеть, сколько выйти за рамки привычного опыта, который был бесполезен в новой среде обитания. Они предпочитали раз от разу терпеть фиаско в попытках навязать свои способы и методы природопользования совершенно чуждому им климатогеографическому пространству, чем отказаться от традиции, вне которой они не чувствовали твёрдой почвы естественного для них мира в чужеродном пространстве «фронтира».

Эта «странная» глухота к импульсам осваиваемой среды имела большую временную протяженность, прежде чем новопоселенцы научились подчиняться требованиям элементарной адаптивности и самосохранению. Глухота данного рода тиражировалась в крепостях Черноморской кордонной линии, устроенной военными властями с 1830 по 1842 гг. Из-за лихорадок и других, уже ранее перечисленных неблагоприятных обстоятельств только экологического происхождения, в крепостях наблюдалась огромная по своим размерам смертность людей.

Российское правительство, активно подключившись со второй половины XVIII века к колонизационным процессам, стремилось придать ему организованный характер и усилить оборону Терской линии, с которой оно намеревалось впоследствии продвигаться дальше на юг. Казачья колонизация Кавказского края становится важнейшим и наиболее часто употребляемым средством военно-политической активности имперских властей в данном регионе.

Этот путь заселения края диктовался, прежде всего, военно-стратегическими задачами, а потому и способствовал определяющей роли в первоначальном освоении данной территории военно-казачьим первопроходцам, на плечи которых было возложено решение не только военных задач, но им предстояло решать также задачи хозяйственно-экономические и культурные, имевшие тесную связь с назначенной целью – сделать Кавказ частью российского мира.

С 70-х годов XVIII в. российские власти стали создавать Кавказскую кордонную линию, стремясь протянуть ее «от моря до моря и тем самым прочно закрепиться в регионе» [9, с. 509]. Это повлекло за собой большие финансовые и материальные затраты, необходимые для обустройства кордонной линии [9, с. 509]. Основная роль в обслуживании и укреплении была отведена казакам. В этой связи можно сказать, что линию соприкосновения русского мира с миром горцев Северного Кавказа с конца XVIII в. стали превращать в своеобразный казачий край. Силами армии и казачества «первоначально захватывались низменности, а затем туда переводились станицы кавказских линейных и черноморских казаков» [8, с. 62]. Строилась Азово-Моздокская линия, растянувшая укрепления по Кубани, Тереку и в других районах [10]. Таким образом, государственной волей размечался северокавказский «фронт».

Следует, однако, подчеркнуть, что зарождавшаяся и развивавшаяся коммуникация между имперским миром и миром кавказских горцев не может сводиться только к линии, представлявшей собой череду кордонных укреплений, казачьих станиц, дозорных башен или постов, вдоль которой и на которой происходили военные столкновения.

По мнению американского исследователя Т. М. Барретта, «российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание: оно было также и процессом образования «фронтира» – приграничной, порубежной зоны, – включавшим внутреннюю и внешнюю миграцию большого числа населения, оседание на новых местах, образование новых сообществ и отказ от старых. [11, с. 36].

Таким образом, долгое время Кавказ не только не превращался в часть русского мира, но сам русский авангард, представленный казачеством сильно изменился и переменял ориентиры своего земного существования, сильно разбавив его ориенталистскими мотивами.

Литература

1. Тёрнер Фредерик Дж. Фронт в американской истории. М.: «Весь Мир», 2009. 304 с.
2. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Сборник документов. Нальчик: «Эль-Фа», 1996. Т. I. 356 с.
3. Цит. по: Кавказ: Адапты горских народов. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. IV. 384 с.
4. Российский государственный военно-исторический архив (В дальнейшем РГВИА). Ф.13454. Оп.2. Д.630. Л.22.
5. РГВИА. Ф.14257. Оп.3. Д.509. Л.1–8.

6. Епифанцев А. А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? М.: ООО «ИПЦ «Маска», 2010. 356 с.
7. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля / под ред. В. Г. Гаджиева, Н. Н. Покровского. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 510 с.
8. Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 635 с.
9. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877с.
10. Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. 1872. Вып.7. С. 29.
11. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: «Росет», 1994. 592 с.

УДК 130.2:316.42

Бокачев Иван Афанасьевич, Незнамова Ирина Ивановна

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье обосновывается актуальность обеспечения безопасности духовной культуры, в философском контексте рассмотрен целый комплекс проблем, от решения которых во многом зависит не только безопасность духовной культуры, но и судьба реформ российского общества в целом.

Ключевые слова: духовная культура, безопасность, безопасность духовной культуры, сознание, личность.

Bokachev Ivan A., Neznamova Irina I.

SAFETY OF THE SPIRITUAL CULTURE AS AN IMPORTANT CONDITION FOR THE STEADY GROWTH OF THE RUSSIAN SOCIETY

This article justifies the importance of providing safety to the spiritual culture, in philosophical context reviewed the whole range of problems on the solution of which depends not just safety of spiritual culture, but the fate of reforms in Russian society in general.

Key words: spiritual culture, safety, safety of spiritual culture, consciousness, personality.

Обеспечение безопасности духовной культуры – это не отвлечённая проблема нашей действительности, а настоятельное веление времени. Ведь ни для кого не секрет, что многие экономические, политические неудачи, торможение процессов демократизации, государственного строительства – всё это напрямую связано с кризисом духовной культуры. Разложение нации и даже гибель государства, как показывает история, практически всегда начинались с разложения духовности и основ культуры, уничтожения моральных принципов, подмены ценностей, внедрения ложных идей. Это во многом лишает возможности формировать адекватный ответ не только историческим, но и современным геополитическим вызовам, обеспечивать безопасность духовную, культурную, экономическую и даже военную.

Однако прежде чем рассмотреть обозначенную проблему, следует уточнить её наиболее общие вопросы, имеющие теоретико-методологическую основу. В первую очередь это относится к понятиям «духовная культура» и «безопасность». Например, необходимость уяснения термина «духовная культура» вызвана тем, что это понятие в интерпретации современных политиков, государственных чиновников всё чаще и чаще сужается до различных жанров искусства, организации досуга, сводится к развлечениям, в то время как «духовная культура – предтеча и духовный исток культуры материальной, всего человеческого бытия» [1, с. 44]. Духовная культура – это то, что отличает человека от животного, это качественное состояние (как выражение), это своего рода уровень достигнутого в развитии и формировании целостной личности и общества. Целостный человек, по сути, – духовный человек, он не будет ставить перед собой безнравственные цели и тем более осуществлять свои «благие намерения» безнравственными средствами.

Духовное бытийствует как индивидуализированное духовное, присущее отдельно взятому человеку (духовный мир человека) и как объективированное духовное (общественное сознание). В то же время человек вне культуры не может осуществить себя в качестве человека и реализовать свой духовный потенциал. В конечном счёте, ценность культуры есть производная от самооценки человека. Однако приобщить человека к культуре можно лишь тогда, когда личность начинает не

просто созерцать культурные символы, а оживлять их в собственной душе, в своем творчестве и повседневной деятельности. Культура, её символы, как справедливо замечает О. Шпенглер, «живут не сами по себе, а лишь через творческую активность вдохновлённого ими человека. Если же человек отворачивается от культурных символов, то они умирают, и от культуры остаётся символическое тело, из которого ушла душа» [2, с. 329].

Следовательно, культура и человек, культура и духовность немыслимы друг без друга, и рассматривать их следует в единстве и целостности. Такой подход выражает достаточно устойчивую традицию. Но при первом же рассмотрении видится определённая подмена: собственно «духовность» и «культура» не могут быть тождественными, как не могут быть тождественными производные от них понятия «сознательная культура», «идеальная культура» и т. п. Разве в данном случае мы говорим об одном и том же? А само словосочетание «духовная культура» содержит тавтологию: что-то вроде «духовная духовность». Значит, неправомерно сводить культуру к духовности и тем более говорить о разделении культур. Наиболее чётко эта мысль отражена в высказывании В.С. Библера, который, говоря о разделении культур на материальную и духовную, писал: «...нелепо говорить раздельно о «материальной» и «духовной» культурах или сводить определение культуры к чистой духовности. Существенно как раз то, что культура – это всё целостное бытие человека, понятие... как феномен самоустремлённости, т. е. в своем духовном острие» [3, с. 307].

В то же время следует чётко себе представлять, что культура – это усилие, но «моё» усилие, а не насилие по отношению к личности и её духовному миру. Образ сложноорганизованного социокультурного вакуума, уже использовавшийся в контексте психологии В. А. Лефевром, довольно точно описывает ситуацию человеческого развития. Человек действительно может находиться в культуре и оставаться вне её. Он может быть пустым местом для культуры и культура может быть чужой для него, он может смотреть на культуру ненавидящими глазами, проходить сквозь неё как сквозь пустоту, не «запачкавшись» и не оставив на ней своих следов. Хотя последнее может быть не самым худшим вариантом обращения с культурой. Это и означает быть в культуре, как в вакууме. Если так понимать культуру, то в неё не следует включать понятия агрессивности, насилия, потому что насилие и культура не совместимы. Насилие не имеет ничего общего с культурой. В этом понимании культура – движущая детерминанта, вынужденная искать для себя образцы, двигатели.

Подобный анализ показывает, что духовное обновление, совершенствование личности и общества возможны только в культуре и через культуру. В культуре человеку открываются горизонты для приобщения к новейшим достижениям современной цивилизации, к её высшим духовным ценностям. Здесь человек ощущает потребность жить и творить не столько для себя, сколько для других, для общества, в конце концов, человек в культуре может и должен стать Человеком. «...Именно культура всё решительнее заявляет о себе как самостоятельная животворящая сила, оказывающая огромное воздействие на всю атмосферу в обществе, что бы центристские силы окончательно не разнесли его в прах» [4, с. 133].

Проблема актуализируется ещё и тем, что за годы социальных, политических и экономических трансформаций было утрачено в значительной степени многое из культурного достояния России. Изменились ценностные ориентации её граждан, прежде всего подрастающих поколений, претерпели существенные изменения международные и внутренние информационно-культурные связи, национальная, традиционная культура наших народов стала испытывать жёсткий прессинг извне, со стороны масс – культуры разрушающей духовный мир человека и традиционные ценности. Идёт активный процесс индокринации и вестернизации. Некогда целостное культурное пространство стало распадаться на отдельные всё менее связанные в культурном отношении сегменты, не объединённые, как прежде, общими ценностями, нормами, а зачастую и противостоящие друг другу в культурном, духовном смысле. Духовная, информационная, культурная сферы являются сегодня театром глобального противодействия. Становится очевидным, что от культуры, и в первую очередь от её духовной составляющей, во многом зависит не только успешное реформирование российского общества, но и его будущее.

Всё это говорит о том, что в настоящее время, как никогда ранее, весьма остро ощущается проблема защиты культуры, обеспечения её безопасности. Неслучайно понятие безопасности в современной гуманитарной, в том числе философской науке, играет всё более заметную роль. По словам А. Ю. Моздакова, «... функция обеспечения безопасности неизменно остаётся одной из важнейших, а в состоянии кризиса могут оказываться лишь институты, эту функцию выполняющие» [5, с. 18].

Одним из первых философов, непосредственно обратившихся к проблеме безопасности, был Ф. Бэкон. Понятию безопасности в теории «общественного договора» Т. Гоббса отводится центральное место. По мнению Гегеля, иерархия объектов безопасности должна служить критерием степени тяжести преступления. Самыми опасными классик немецкой философии считал те преступления, которые посягают на безопасность государства, т.к. их косвенным следствием будет угроза безопасности самого человека. В современной, так называемой философии постмодерна так же имеют место представления о безопасности. Так, например, по мнению М. Фуко, в современном обществе сфера гарантий безопасности максимально расширяется, но вместе с тем расширяются и сфера контроля, и сфера возможностей власти. Недалеко от М. Фуко в своих рассуждениях о безопасности ушёл Ж. Бодрийяр. Теоретические и практические вопросы безопасности содержатся и в отечественной научной литературе, хотя и имеют они, как правило, узкопрофессиональную направленность. Здесь в основном преобладает точка зрения, согласно которой данная проблема рассматривается в зависимости от задач, решаемых представителями того или иного научного направления. Однако нас в данном случае, интересуют не столько рассуждения о безопасности вообще, сколько о безопасности духовной.

По мнению В. В. Сергеева, «сохранение и обеспечение безопасности духовной культуры – необходимое условие, позволяющее России и россиянам отстоять основополагающие принципы, нормы, традиции, уклад, национальное самосознание и культурную самобытность, культурную самоидентификацию, складывавшиеся на всём долгом пути исторического развития» [1, с. 44]. Свой взгляд на проблему имеет А. Ш. Викторов. По его мнению, «духовная безопасность любого общества непосредственно определена состоянием и условиями его устойчивой жизнедеятельности, которая обеспечивает сохранение и защиту нравственного и социокультурного потенциала того или иного народа, опирающегося на свои традиционные устои и идеалы» [6, с. 44].

Эти и другие точки зрения на безопасность общества через призму духовной культуры позволяют выявить не только различные комплексы социокультурных взаимосвязей, но и дают возможность воссоздать целостную картину общественного развития, помогают объяснить многие противоречивые процессы в современной социальной и духовной жизни России. Они подтверждают мысль о том, что кризис культуры всегда был связан с духовными основаниями, кризисом духовности. Сегодня уже ни для кого не секрет, что так называемый «культурный проект» младодемократов заключался в тотальном отрицании всего накопленного многонациональной культурой российского, а затем советского государства; в высмеивании традиций народной культуры, русской и советской классики. Они избрали тот же скользкий путь, по которому прошли так называемые «пролеткультовцы» в 20–30-х гг. прошлого столетия. А что же современные «пролеткультовцы» хотели предложить народу, и прежде всего молодёжи, взамен? Был предложен суррогат западной масс-культуры в области литературы, музыки, кино, театра. Началась культурная экспансия, в том числе экспансия масс-культуры, для которой свойственна общая характерная черта – стремление добиться осуществления определённых целей государством, путём прямого или косвенного воздействия на сознание людей, вызвать изменение взглядов, шкалы ценностей, «эрозию духовности».

Сильное тлетворное воздействие на культуру оказывает «диктатура наживы». Вот, например, что писал о своём творчестве Пикассо ещё в середине прошлого века: «Со времён кубизма и даже ещё раньше я удовлетворял всех критиков бесконечными художественными вывертами, которые приходили мне в голову и которыми они тем больше восхищались, чем меньше они были ими поняты. И слава означала для художника способность продать картину, нажать благосостояние, богатство. Я ныне не только знаменит, но и богат. Если же я остаюсь наедине с собой, я не осознаю себя художником в большом значении этого слова. Великими художниками были Джотто, Тициан, Рембрандт и Гойя. Я всего лишь художник – шутник, который понимал своё время и, как мог, угождал глупости, похотливости и тщеславию современников» [7, р. 4]. Так в обществе «золотого тельца» художник вынужден скатываться к пошлости, убивать подлинное искусство «чёрными квадратами», которые может нарисовать любой ребёнок. Но какая шумиха поднимается всякий раз в прессе вокруг этих «гениальных творений»! На аукционах они покупаются за миллионы долларов. Примером нравственной и идейной извращённости и пошлости могут служить и многие наши телеканалы, служащие частным интересам, в том числе зарубежным.

Масс-культура изначально существует и развивается в целях мифологизации действительно-сти, духовного, а значит и физического подчинения толпы, она представляет собой целую инду-

стрию иллюзорного сознания [8, с. 25–40]. Многолетний опыт показывает, что культурная экспансия осуществляется не посредством каких-то разрозненных акций, а планомерно и последовательно, в ходе её реализуется множество различных по целям и задачам компаний, объединённых одной направленностью. В наше время воздействие масс-культуры на человека стало намного более разнообразным, действенным и изощрённым в связи с созданием новых технологий управления огромными массами людей. Специфика масс-культурных манипуляций заключается в том, что они совершаются для достижения конкретных целей, скрытых от объекта воздействия. Как правило, делается это весьма искусно, а вернее сказать – изощренно. Внушаемая информация внешне незаметно вкрапляется в контекст драматического, литературного произведения, текст песни, содержание рекламы и таким образом неявно, но прочно внедряется в подсознание аудитории. Такой метод гораздо эффективнее прямой пропаганды или агитации и существенно расширяет диапазоны манипулятивных возможностей. Суть манипуляции заключается в том, что она погружает человека в некую ирреальность, в которой человек и осуществляет свой выбор целей, ценностей, путей и т. п., не осознавая несамостоятельность принятого решения и того, что он следует воле манипулятора.

Всё это позволяет в какой-то мере возразить тем учёным, которые считают, что культура, прежде всего массовая, возвела в абсолют свои рыночные свойства. «Американская массовая культура в приобретении «суперрыночного качества» обогнала культуры всех стран и стала ведущей на глобальном рынке. Американские фильмы, телепрограммы, поп-музыка «оккупировали» большинство стран мира. Глобальный культурный рынок, который создали США, «втацил» американский культурный продукт в сферу национальных культур» [9, с. 36]. Весь встревоженный мир попытался сопротивляться американской культурной экспансии. Весьма примечательной в этом плане является конвенция о культурном разнообразии, которую приняла ЮНЕСКО на своей сессии осенью 2005 г. Уже само название конвенции говорит о том, что её цель – стимулирование альтернатив глобализации культуры в американском варианте. Это действительно так.

Однако здесь мы вправе поставить ещё один вопрос. А надо ли и можно ли в экспансии американской культуры, культурных ценностей полагаться только на рынок, на финансовые коммуникации? По-видимому нет. Важно иметь в виду, что рынок имеет лишь касательное отношение к проблеме. К сожалению, в мире до сих пор есть силы, которые, прикрываясь самой сутью рыночных отношений, решают свои, нередко корыстные цели, создавая глобальный мир по-американски. В этом мире всё, в том числе и культура устанавливается и контролируется США и их единомышленниками, претендующими на глобальное господство. Сильные государства с целью увеличения своего влияния, авторитета, достижения тех или иных интересов системно, с использованием манипулятивных технологий внедряют свои культурные идеалы, образцы, принципы среди граждан других стран, что с одной стороны, ведёт к установлению духовной, культурной, моральной и нравственной зависимости, а с другой – способствует разрушению традиционных духовных, культурных нормативов, приводит к деградации национальной культуры, индивидуального и общественного сознания.

Уверенной поступью шествуя по миру, масс-культура искажает язык, обедняет его, засоряет заимствованиями, вульгаризмами, арготизмами и как следствие – искажает процесс мышления, обедняет чувства, лишая человека и общество духовной составляющей. С полным правом можно сказать: сегодня русский язык заражён американизмами, тюремной лексикой, разного рода провинциализмами. И, может быть, самое тревожное – он сдаёт завоёванные в свое время позиции. По данным Центра демографии и экологии человека ИМП РАН (ЦДЭЧ), русский – единственный из 10–12 ведущих мировых языков, который на протяжении последних 15 лет утрачивает свои позиции в мире. К 2025 г., по прогнозу ЦДЭЧ, число владеющих русским упадёт до 152 млн человек [9, с. 40]. По-видимому, неслучайно, в России была принята Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2006–2010 гг. Однако каждый здравомыслящий человек понимает, что утратить завоёванные позиции во много раз легче, чем их восстановить. Сегодня уже нужны долговременные программы, рассчитанные не на пятилетие, а на многие десятки лет вперёд.

Ещё более тяжёлые последствия могут ожидать нас в связи с разрушением традиционной морали, переоценкой ценностей. Разве можно не согласиться с В. В. Сергеевым, который пишет: «За годы реформ выросло поколение, оторванное от своих корней, – «поколение пепси» – с расщепленным сознанием, с утраченными ориентирами, бездуховными целями, путающееся в представлениях о добре и зле. Культурная «шоковая терапия» нанесла ущерб людям гораздо больший, чем экономическая, привела общество к взрыву насилия и преступности, росту числа самоубийств,

пьянства, наркомании, бродяжничества, сексуальной распущенности, девальвации института семьи и брака» [1, с. 48]. Основные угрозы в сфере культуры заключаются в размывании базовых культурных и нравственных ценностей под воздействием масс-культуры, ведущих к деформации российской ментальности и утрате традиционной национальной культурной идентичности.

Именно поэтому в современном научном знании культуре отводится решающая роль не только в социально-экономическом развитии общества, но и в формировании новой гуманитарной парадигмы XXI века, ориентированной на наукообеспечение и безопасность России [10, с. 346–347]. Определённую угрозу социокультурной реальности представляет рост криминальной субкультуры, романтизация её образа. Преступная идеология сегодня усиливается по всем направлениям социального бытия, нормы поведения криминальных сообществ становятся своеобразным придатком жизни и деятельности значительной части населения нашего государства. Из сленгов преступников слова «отморозки», «крыша», «наезд», «бабки» и другие переместились в обыденную речь некоторых политиков, депутатов, деятелей культуры, руководителей различного уровня, в публикации СМИ. С экранов телевизоров и кинотеатров по-прежнему «потоками льётся человеческая кровь», насаждается культ насилия. Героями дня и литературных произведений становятся представители преступного мира, «бригадиры», «братки» и их пособники, представительницы «самой древней профессии» стали кумирами немалой части современной молодёжи. «Таких масштабов распространения криминальной субкультуры, её архетипов на российском культурном пространстве, проникновение в социум и его культуру, усиления влияния на многие стороны жизни и деятельности страны Россия не знала на протяжении всей своей многовековой истории» [11, с. 279].

И это в то время, когда наукой доказано, что при определённых условиях субкультура, включая криминальную, может эволюционировать в контркультуру, которая, как известно, имеет свойство при благоприятной обстановке трансформироваться в доминирующую, официальную культуру, может угрожать национальной безопасности страны.

Таким образом, культура, в том числе духовная, переживает тяжёлые времена. Обеспечение безопасности духовной культуры предполагает адекватную реакцию государственных и общественных структур на реальные и потенциальные угрозы в этой области. От фиксирования и оценок процессов в сфере духовной культуры пришло время перейти к формированию государственной системы, способной регулировать процессы в этой сфере, эффективно противодействовать экспансии масс-культуры, моральному, нравственному, культурному разложению нации. Пришло время учиться видеть опасность, распознавать любые попытки манипулятивного воздействия, понимать, кто стоит за кулисами масс-культурного действа и какие цели преследует. Особое внимание следует обратить на детей, подростков, молодёжь, не обретших ни житейского, ни культурного опыта, и потому беззащитных перед орудиями масс-культуры. Каждый должен понять, что преодоление кризиса культуры возможно лишь через возврат государства и творческой интеллигенции к исконно духовным ценностям российской культуры.

Литература

1. Сергеев В. В. О безопасности духовной культуры в российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4. С. 44.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. М., 1993. С. 329.
3. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. М., 1991. С. 307.
4. Россия сегодня: реальный шанс. М., 1994. С. 133.
5. Моздаков А. Ю. Понятие безопасности в классической и современной философии // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 18.
6. Викторов А. Ш. Духовная безопасность российской цивилизации. М., 2005. С. 11.
7. The Argonaut, 9/1960\$ Der Eidgenosse, 26.09.1981, P. 4
8. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 198. С. 25–40.
9. Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И., Глобальные коммуникации и культурно-политическая экспансия // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4. С.36.
10. Кузнецов В. Н. Российская идеология. М., 2004. С. 346–347.
11. Катин В. И. Криминальная субкультура и её культурологические значения // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5. С. 279.

УДК 1:316

Бурняшева Людмила Александровна

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ДУХОВНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК УСЛОВИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ДУХОВНОГО МИРА

В статье рассматриваются проблемы влияния виртуальной реальности на духовное пространство современного социума путём замещения реальных объектов симуляциями, активно обсуждаемые в последнее время.

Ключевые слова: духовное пространство, духовный кризис, виртуальная реальность, медианпространство, симулятивное поле, ноосфера.

Burnyasheva Lyudmila A.

VIRTUALIZATION SPIRITUAL SPACE AS A CONDITION OF TRANSFORMATION OF THE SPIRITUAL WORLD

In the article the author considers the problems are actively discussed recently on the impact of virtual reality on the spiritual Pro-space of contemporary society by means of substitution of real objects simulations.

Key words: spiritual space, spiritual crisis, a virtual reality, a colorable field, a noosphere.

В настоящее время стал очевидным тот факт, что повсеместно используются новые информационные технологии и современные способы хранения и передачи знаковых систем в киберинформационном пространстве (КИП), которыми существенно изменяется духовная сфера социума.

Проблему виртуализации социума можно считать относительно новой. Наступление эры информационной цивилизации предсказывали такие исследователи, как Э. Тоффлер, Дж. К. Гэлбрейт, П. Друкер, Д. Белл и др. Новый этап в исследовании социально-философских аспектов информационного социума открывают работы М. Кастельса.

Виртуальная реальность трактуется как элемент информационного общества. Она существует в самой социальной реальности. Виртуальная реальность – это особое коммуникативное пространство, специфическая форма взаимодействия, которая осуществляется посредством глобальной сети.

Логику виртуальной реальности следует представлять в виде замещения реальных вещей и поступков образами-симуляциями. Сегодня можно выделить несколько основных характеристик виртуальной реальности:

- нематериальное воздействие (изображаемым производятся эффекты, которые характерны для материального);
- условные параметры (искусственные объекты тяготеют к изменению);
- эфемерность (свобода входа/выхода, обеспечивающая возможность прерывности и возобновления бытия).

К наиболее полному исследованию по данной теме можно отнести работу П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» [1, с. 79], которая известна выработанным феноменологическим подходом к проблеме. Основные ключевые позиции в исследовании П. Бергера и Т. Лукмана – «реальность повседневного бытия», «социальное взаимодействие в повседневном бытии», «язык и знание в повседневной бытие» и «институализация».

Современные мыслители Н. Гудмэн и Р. Рорти все миры относят к всевозможным символическим конструктам. Согласно их утверждениям, каждый мир создан из мира предыдущего, а любые процессы миротворения идут путём композиции и декомпозиции предшествующих материалов, повторений или создания новой модели, путём дополнения, организации различных аспектов данного мира. По Ф. Хемиту, идея виртуальной реальности появилась вследствие того, что эволюция знаковых систем искусства способствовала созданию кинематографа, который соединил в себе живопись, дизайн, драму, танец, музыку, фотографию и др. По Н. Носову, любое творчество является переходом в виртуальную реальность.

Виртуальная реальность как технический, компьютерный феномен рассматривали Н. Винер, Г. Маркузе, П. Биргер, Т. Лукман, Б. Гейтс, Е. Д. Павлова, А. Н. Арлычев, А. Е. Жичкина, Б. Н. Бессонова, М. К. Мамардашвили, Н. Н. Моисеев, они анализировали виртуальные феномены духовного пространства с учётом его переориентировки на формирование нового социума.

Из вышесказанного следует, что проблему виртуализации социума рассматривают многие современные мыслители.

Феномен появления Интернета является следствием виртуализации общества. Возможность получать максимально приближенные к реальности данные об объекте, которые в сумме создают его образ, являет собой качественно новый аспект информатизации социума. Понимая под виртуализацией любое замещение реальности её симуляцией с использованием логики виртуальной реальности (нематериальное воздействие, условные параметры, эфемерность), зададимся вопросом, можно ли назвать виртуализацию информационным процессом, и если да, то каковы его главные характеристики.

Принимая во внимание то факт, что любую операцию над информацией можно назвать информационным процессом, отметим, что любой информационный процесс состоит из нескольких составляющих:

- 1) входящая информация, то есть информация, которая системой воспринимается от окружающего пространства;
- 2) система;
- 3) выходящая информация.

Главной составляющей процесса виртуализации можно определить систему из нескольких компонент. К ней следует отнести не информационные технологии, а интеллект и воображение человека. Как отмечает Н. Г. Бондаренко, «современный человек находится под постоянным влиянием визуальной информации (рекламы, телепрограмм, компьютерных и иных «картинок»), что делает его мышление «блочным», или «клиповым». Принятие одного из элементов некой блочной целостности с неизбежностью приводит к принятию всего комплекса» [3, с.100]. Основной компонент системы – человек, именно он создает образы; а передовые технологии – второстепенны, они преобразуют и сам результат процесса, и его форму.

Виртуальное пространство – естественный компонент, введенный в действие жизненного пространства, то есть потенциального, ориентированного в будущее, которое предполагает в том числе и какие-либо изменения. В виртуальном пространстве совмещен процесс соединения консервативных сторон бытия с его подвижным элементом – человеком, использующим это пространство в пределах изменения реальности. Виртуальное пространство содержит в себе те или иные возможности в конкретной жизненной ситуации и служит ресурсным капиталом, созданным изначально в человеческом восприятии окружающего мира в качестве «стимулятора к симуляции» (подмены реальности или её вытеснения неким другим отражением). Виртуальные информационные технологии предоставляют образец всевозможных воплощений такой симуляции.

Теорию симуляции, проблематику иллюзорного и символического моделирования реальности разносторонне проанализировал в своих трудах французский социолог, культуролог и философ Ж. Бодрийяр. Центральным в этой теории он считал понятие симулякра, трактуемого как виртуальный дискурс, «копия копий», образ-подделка реально существующего явления и вещи. Ученый выделил четыре последовательных этапа в процессе смыслового наполнения понятия «симулякр». В самом начале симулякр воспринимается как отражение некоего философского концепта, он маскирует и искажает социальную действительность; далее симулякр маскирует уже наличие этой самой социальной действительности; и, наконец, виртуальный образ вообще перестает относиться к любой реальности и становится своим собственным «симулякром» [2, с. 220].

Такое размывание смысла приводит к потере детерминированности её компонентов, уступает место структуре, гораздо более ценностной и насыщенной по своему содержанию. Происходит элиминация данных элементов из самой реальности с вынесением их в сферу бессознательной артикуляции, и сообщение теперь уже не обусловлено единственным смыслом, детерминированным референцией знака. Таким образом, симуляция появляется в момент соединения образа реальности с собственно реальностью. Следовательно, виртуальность понимается как трансцендентная точка зрения, как своеобразная ментальная конструкция, описывающая «возможное» состояние субъективного пространства. Из искусственного мира возможного возникает поле социальной реальности, которое претендует на истинность описания и структурирования действительности и легитимирует себя с помощью власти информационного моделирования субъективной картины мира. Важно, что при информационном давлении на сознание человека почти не остается возможности «реальному» проявить себя, а значительная часть социальных занятий и обязанностей уже сегодня описывается

как категория гиперреального. Образно говоря, гиперреальное состоит из призраков реального, то есть из симулякров.

Симуляция – это новый тип абстракции. Понятию «симуляция» противопоставлено привычное понятие «репрезентация»: с точки зрения последнего, симуляция – это ложная репрезентация. Симуляцию следует понимать как порождение реального посредством моделей, минуя процесс происхождения и факт реальности. Иными словами, как синтетический продукт комбинаторных моделей реальное перестает быть реальным в прямом значении этого слова, так как его уже не «прикрывает» нечто воображаемое, а только гиперреальное.

Таким образом, симулякр в своем развитии следует сложным путем от обмана, негатива, образа без референта к сверхпозитивному, то есть к вполне реальному «кирпичику» внереферентной онтологии, которая базируется на различиях и обретает новый статус в социальном пространстве, становясь мерой социального, в результате чего становится возможным информационное моделирование, ориентированное не на редукцию целого, не на количественное наращивание используемых элементов или межэлементных связей, а на повышение сложности самих элементов когнитивных схем как инструмента познания сложного с помощью сложного. Следовательно, можно говорить о виртуальном моделировании реальности как специфическом механизме информационного воздействия на сознание.

Виртуальное пространство влияет на процесс социализации личности посредством своей вторичной способности отображать реальность и перефразировать ее в определенных символах и «формулах». Виртуализацию можно также назвать технологией выражения свойств реального, которую порождает дух времени и необходимость перемен, подводящей к переигрыванию на базе нововведений смыслов и значений терминов, понятий, текстов.

Виртуализация является одним из условий структуризации мира, необходимое условие для устойчивости реальности; она содержит в себе стадийность смены состояний, чем и предопределяется стадийность контакта внешнего мира с символами и образами «высокой» сложности.

Объективный процесс универсализации духовно-нравственного бытия как количественного умножения связей различных культур и качественного углубления их сплоченности проходит путем развития обновременно со столь же неизбежными процессами фрагментации. «Фрагментация» – наиболее ёмкое понятие, описывающее информатизационные преобразования духовно-нравственного бытия, вбирающее в себя нарастание духовной дифференциации, индивидуализацию и сегментацию. Фрагментацией обозначается наличие многообразия во всем: многообразие опыта, стилей, ценностей. Она представлена пространственно-временным дроблением духовного бытия и существует благодаря виртуализации сетевой логики структурирования духовного пространства.

Тенденция, движущая современную цивилизацию, обуславливает последующие шаги в ориентации на поиск иного, но ограниченного будущего, чем и определяется будущее техногенной цивилизации. Социальность здесь представляется в качестве совокупности подчинительных пространств. Посредством развития и распространения технопродуктов социальное пространство обедняется. Модернизация становится частичной инновацией.

Согласно проблеме виртуализации следует говорить о вопросах изменения бытия индивида, в условиях быстро растающего объёма информации, знаний, интеллектуальных технологий, новых типов коммуникаций. Быстро изменяющиеся реальное бытие способно преобразовываться сегодня в мир виртуальный, который у сознания «вырывают» общепринятые нормы рефлексии. Это обусловлено влиянием быстро меняющихся событий реального бытия, его объективной трансформации, так и под воздействием внутренней психофизиологической особенности личности, попадающей в зависимость от достижений супертехнологического прогресса. Рефлексивная природа сознания все активнее пронизывается элементами искусственного мыслительного конструирования не имеющейся в природе действительности. Средства массовой информации и конструирование виртуальной реальности дают эффект иллюзорного и недействительного нашего бытия и протекающих в нём процессов.

Сознание представлено не в виде образов объективного бытия, а образами образов, обусловленными конкретными информационными блоками, в другом же случае воображаемым, ощущением испытываемого удовольствия, преднамеренным и непреднамеренным заблуждением. С точки зрения Е.А. Павловой, «сознание беззащитно перед таковыми процессами, поскольку теряются объективные основания верификации независимых мыслительных конструкций. Сознание само

определяет границы допустимого творчества, его рефлексия заменяется саморефлексией, что и выступает основой виртуализации как самого сознания, так и его продуктивных функций» [5, с. 145].

Результатом процесса виртуализации является неустанно меняющееся киберпространство и медиапространство.

Понятие «киберпространство» обозначает всю совокупность информации, которая содержится в компьютерных сетях. Если ранее результат процесса виртуализации был представлен художественными мирами, то сейчас результат виртуальной реальности, построен новыми компьютерными методами и технологий, зависимый от их последующего развития. Сегодня Интернет представляет глобальное информационное пространство, которое выражено единым «псевдопространством», как информационная проекция реального пространства, объединяющая все имеющиеся телекоммуникации и информационные сети. Возникновение глобального информационного пространства представляет собой прямым следствием компьютерных технологий, следовательно, оно определено, таким образом, кибернетическим (компьютерным) характером. В настоящее время понятие «киберпространство» используют для определения объединения всей электронной системы, то есть для обозначения глобального информационного объёма.

Далее рассмотрим искусственное киберпространство и реальное в их соотношении.

Существуют два взгляда на это соотношение. Первый заключается в том, что киберпространство представляет полностью самостоятельное явление, то есть существует в независимости от реального пространства. В соответствии со вторым, киберпространство представляет только информационную проекцию деятельности структуры реального пространства. Вторую позицию можно считать более обоснованной, хотя киберпространство определено рядом объектов, не имеющих аналогов в реальном бытии, более того его искусственно поддерживает и развивает реальное пространство, и определять его как самостоятельное явление не уместно. По мнению Ж. Бодрийера, «человеческое, слишком человеческое и функциональное, слишком функциональное действуют в тесном сообществе: когда мир людей оказывается проникнут технической целесообразностью, то при этом и сама техника обязательно оказывается проникнута целесообразностью человеческой – на благо и во зло». Чрезмерно тесна взаимосвязь реального и киберпространства. И если киберпространство не существует без общества и человека, то общество и человек, напротив, могут пребывать вне киберпространства.

Основную проблему, возникающую в пределах рефлексии, можно представить в виде вопроса об онтологическом состоянии виртуальной реальности. Этим видом бытия синтезируются особенности многих других реальностей. Таким образом, виртуальная реальность имеет ряд признаков объективно-идеальной жизни, так как её существование возможно только посредством компьютерных систем, где законы логики занимают главное место. Так же она имеет свойства субъективно-идеальной жизни, так как её параметры можно именовать исходя из воли и желания субъекта, не указывая уже на то, что её актуализация, то есть реальное бытование, для определенного субъекта можно определить им же. Вместе со свойством идеального бытия в виртуальном мире отражаются и свойства материальной жизни, воздействующие на виртуальное бытие, на органы чувств индивида, почти полностью соответствующее влиянию реальным материальным объектам. Наука в настоящее время пока ещё не сделала окончательного вывода, но уверенно можно говорить о том, что виртуальная реальность не имеет собственного бытия, которое не зависит от других форм бытия. Её существование – результат взаимодействия материального и идеального бытия.

Так, киберпространство является иллюзией, всюду проникающей и изменяющей отношение индивида к реальности. Следовательно, ценность реального бытия для постоянных пользователей понижается до предельно пограничной отметки, когда возвращение к обыденному бытию является всё более трудным.

С позиции многогранности духовно-нравственной сферы жизни общества, самобытность должна быть обозначена не только таковой. Но общечеловеческую культуру невозможно считать единой для всех народов, так как у всех народов имеется разное прошлое, которое и формирует самобытность культуры, и именно этой мозаичностью национальных культур придается духовной сфере жизни социума фрагментарное, благодаря которому возможно достижение равновесия между сохранением культурной самобытности в системе единого бытия.

Сегодня человеку подчинены многие стороны познания реального бытия, он изучил физические законы, освоил полёты в космос. Человеческая мысль движется к познанию и освоению информационного пространства, не ограниченного территорией и не изведанного. Киберпространство

можно именовать иллюзией, всюду проникающей и изменяющей отношения индивида к реальной жизни, где ценности реального бытия для множества постоянных пользователей снижаются до пограничной грани, когда возвращение к обыденному бытию с каждым днем становится все более трудным. Проблема состоит в сохранении контраста между реальным и виртуальным миром, чтобы осталось побуждение к творчеству, развитию, жизни, чтобы сохранилось в человеке умение мечтать, ждать. Ведь виртуальная реальность предоставляет всё мгновенно. Искусственный мир может быть свободным от смерти, боли, раздражителей. Отказ от ограничений превращает реальность в ущербное состояние по сравнению с киберпространством. Эти вопросы, с одной стороны, относятся к области метафизика киберпространства, с другой, касаются будущего изменения общества.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что виртуальная реальность оказывает заметное информационное воздействие не только сознание человека, на духовное пространство, но и на уровень ноосферы – сферы разума всего социума [4, с. 123]. Следовательно, происходит искусственная трансформация ноосферы, она оказывает непредвиденное воздействие на сознание, поведение, мировоззрение человека, на нравственные нормы и ценностные ориентиры всего мирового сообщества.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: «Медиум», 1995.
2. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа. СПб.: Алетейя, 1999.
3. Бондаренко Н. Г. Философско-теоретические основания моделирования социальных процессов в современной социологии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 5.
4. Газгиреева Л. Х. Виртуализация как новационный процесс: духовно-нравственный аспект // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 8.
5. Павлова Е. Д. Сознание в информационном пространстве. Монографические исследования. М.: Академия, 2007.

УДК 1:316

Газгиреева Лариса Хасанбиевна

ГУМАНИЗМ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЙ ИМПЕРАТИВ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье на основе философской рефлексии рассматривается специфика гуманизма в контексте информационной безопасности в целях преодоления кризиса духовной жизни современного общества; впервые дается определение понятию «демонизация», что подтверждает научную новизну данной статьи и научный вклад автора в социальную философию.

Ключевые слова: духовно-нравственная жизнь современного общества, гуманизм, дегуманизация, демонизация, информация, информационная безопасность, ноосфера.

Gazgireeva Larissa Kh.

HUMANISM AS AN EXISTENTIAL AND VALUABLE IMPERATIVE IN THE CONTEXT OF INFORMATION SECURITY: SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

In this article the author on the basis of a philosophical reflection considers specifics of humanism in a context of information security for overcoming the crisis of modern society spiritual life; for the first time it is given the definition to the concept «demonizing» which confirms scientific novelty of this article and a scientific contribution of the author to the social philosophy.

Key words: spiritual-moral life of modern society, humanism, dehumanization, demonizing, information, information security, noosphere.

Жёсткая реальность современности побуждает по-новому взглянуть на традиционные проблемы человека. Одна из них – проблема гуманизма. Меняющийся, динамичный мир ставит вопрос о том, можем ли мы сохранить в нем гуманистические ориентиры, в состоянии ли мы в обозримой перспективе не утратить свою способность противостоять разного рода культурным рискам, источником которых являются новые информационные технологии.

Гуманизм, на наш взгляд, является центральным вопросом в построении структурно-преобразующих смыслов бытия в системе экзистенциально-ценностных отношений.

Основной аргумент сомневающих таков: гуманизм как мироощущение и мировосприятие, как система ценностей и идеалов утратил свою значимость, поскольку долгое время в условиях российской действительности (и не только российской) вуалировал все негативные стороны этой действительности лозунгами о необходимости жить и работать для блага человека. Неоднозначное отношение к гуманизму в определённой мере исторически обусловлено. Оно связано и с крахом той модели социализма, которая реализовывалась в нашей стране, и с преобразованиями в нашем обществе в 90-ых годах прошлого века, и, наконец, с возникновением информационного общества с его трансформациями в культуре. Однако это различие в оценках вовсе не означает, что гуманизм как система ценностей и как нравственный идеал утратил свою актуальность и даже право на существование, поскольку дезориентировал общество, привёл к отчуждению от человека созданной им же самим научно-технической реальности, потере жизненных и культурных корней. Вера в идеалы, с этой позиции, выглядит чистой утопией, опасной как всякая утопия, способствующая «укоренению» тоталитаризма (Н. А. Бердяев).

Социально-культурная сфера характеризуется продолжением разрушительных процессов в области духовно-практического освоения ценностей. Историческая преемственность культур нарушается. Дегуманизация и демонизация становятся главными ориентирами в жизни молодого поколения. Демонизация с позиций социальной философии нами понимается как состояние общества, характеризующееся «расщеплением» духовности в познавательной, нравственной, эстетической сферах бытия (Е. П. Никитин) в его историческом времени, дезинтеграцией и распадом экзистенциальных ценностей, которые позволяют гарантировать общественный порядок, конструктивно преобразуя смыслы бытия; это понятие отражает неустойчивость и противоречивость ценностных предписаний и ориентаций, когда «старая» система ценностей уничтожена, а «новая» не утвердилась в сознании человечества как общепринятая, несовпадение, с одной стороны потребностей и интересов части общества и их удовлетворения, с другой, а также отсутствие онтологических предпосылок эффективности в качестве необходимого средства регуляции поведенческой деятельности индивида и общества в целом.

Очень важно переосмыслить роль гуманистических традиций в философской мысли. Современное философское знание обращает внимание на анализ социального процесса, в котором участвуют люди, вещи и идеи. Жизнь людей в обществе подчиняется нравственным, правовым и другим регулятивным принципам. Эти отношения изучает этика как наука. По Г. В. Ф. Гегелю, например, не представляется в качестве отсутствующего элемента во взаимодействии личности и общества, так как она должна стать экзистенциально-ценностным императивом и всеобщим принципом духовной жизни общества. «Существенной добродетелью, – пишет А. Г. Спиркин, – является моральная твёрдость воли человека в соблюдении им долга. Нравственность – это исторически сложившаяся система неписаных законов, основная ценностная форма общественного сознания, в которой находят отражение общепринятые нормативы и оценки человеческих поступков» [1, с. 661–662].

Безусловно, надо достичь такого состояния *сознания*, чтобы личность могла не только культивировать своеволие, раскрывать множество присущих ей способностей, выявить разрушающие факторы в их жизнедеятельности, но и уметь проявлять силу духа, обеспечивая своему внутреннему «Я» экзистенциальное равновесие в системе ценностно-идеальных отношений. Культивирование нравственными законами позволяет говорить о человеке как о вселенском существе.

Подчёркивая немаловажную роль сознания, заметим, что на основе изучения многочисленных трудов зарубежных и отечественных физиологов (особенно нейрофизиологов), биохимиков, биофизиков, генетиков, кибернетиков, теоретиков информации можно сделать вывод, что «сознание представляет собой материально-энергетическую деятельность мозга» [2, с. 9].

О материальных истоках сознания говорили такие крупнейшие отечественные естествоиспытатели, как А. И. Герцен, В. И. Вернадский, религиозные философы В. С. Соловьёв, П. А. Флоренский и др. А. И. Герцен в «Письмах об изучении природы» писал: «... сознание вовсе не постороннее для природы, а высшая степень её развития». В. И. Вернадский, проследившая эволюцию Земли на протяжении многих миллионов лет, указывал: эволюционный процесс и «создал новую геологическую силу – научную мысль социального человечества... За последние 10–20 тысяч лет... человек, выработав в социальной среде научную мысль, создаёт в биосфере новую геологическую силу, в ней не бывшую. Биосфера перешла или, вернее, переходит в новое эволюционное состояние – в ноосферу...» [3, с. 87].

До сих пор в философии сознание относится к категории идеального, хотя ни один из философов толком не может объяснить, что такое идеальное. Материальное – это то, что обладает материальными атрибутами: телесностью, размером, весом, температурой, энергией и т. п. Идеальное с

древнейших времён (Платон) толковалось как бестелесное, безразмерное, не обладающее никакими ощущаемыми признаками. Идеальное невосприимчиво к внешнему и внутреннему миру человека. Идеальное представлялось только как умопостигаемое. Но физиологи, биологи, кибернетики и другие естествоиспытатели доказали, что умопостигаемое тоже материально.

Толкование сознания как материального укладывается в простейший силлогизм: материальным называется всё то, что поддается измерению. Сознание измеримо, следовательно, оно материально.

Этот силлогизм возник в наши дни. Но мог бы появиться и во времена Платона, поскольку знаменитый философ получил аристократическое образование, обязательной частью которого было обучение музыке. В нашем современном понимании музыка – это одна из форм абстрактного сознания, воздействующего на психику человека. Музыка способна конкретно и убедительно передавать эмоциональные состояния людей. Она выражает и связанные с чувствами идеи обобщённого плана».

Отметим, что в новейшей философской литературе на первый план снова приобретают особую актуальность вопросы гуманизма. А. Печей по этому поводу заметил: «Только тот прогресс и только такие изменения, которые соответствуют человеческим интересам и находятся в пределах его способностей к адаптации, имеют право на существование и должны поощряться» [4, с. 209]. Н. Ф. Бучило придерживается следующего мнения: «В основу этого обновлённого мировоззрения должен быть положен «новый гуманизм» как духовно-нравственная новация, в котором отразилось бы и новое содержание, и новые черты общественных отношений, не существовавшие в прежние эпохи. Новый гуманизм должен быть ориентирован на выработку глобального сознания и включить в себя как минимум три основополагающих начала: нетерпимость к насилию, чувство глобальности, и любовь к справедливости, проистекающую из признания основных прав человека» [5, с. 349].

М. Хайдеггер считал, что в переломных этапах развития духовной жизни общества важна необходимость «возвращения человека к своей сущности, к человечности» [6, с. 28].

Выбирая путь духовного развития человека, гуманного отношения к миру, окружающим, самому себе, нельзя не затронуть вопрос о ноосферном подходе развития человечества. Как считает, Э. Леруа, ноосфера – это закономерный этап в развитии мира и именно на этом этапе духовное творчество человека становится доминирующим в дальнейшей эволюции планеты Земля.

Пьер Тейяр де Шарден использовал термин «ноосфера» в несколько ином варианте. Он считал, что ноосфера – это лишь этап в стремлении эволюции к теосфере (путь к богу).

В. И. Вернадский подошёл к истории человечества с принципиально новой позиции. Он считал, что наблюдается переход биосферы в новое состояние – в ноосферу под действием *научной мысли человека*.

В. П. Попов, И. В. Крайнюченко пишут по этому поводу: «Если развитие в направлении ноосферы будет происходить самопроизвольно, без участия воли человека (как цефализация), то многое в духовной жизни общества потеряет смысл. Если человечество собирается сознательно направлять своё развитие, то теория управления будущим будет актуальна в наши дни. Надо только сформулировать реально достижимую цель, затем ограничить коридор, по которому система будет двигаться к цели. Создать команду исполнителей. Контролировать продвижение, корректируя план» [7, с. 45].

Вот почему ноосферный этап развития (эра разума и духовности) должен, по нашему мнению, стать новым типом мышления в духовно-нравственном совершенствовании индивида и мыслиться в качестве специфической формы общественного сознания, способствующего познать законы взаимодействия общества и природы и рационализировать их на основе полученных научных знаний. Ноосферное сознание, как нам видится, присуще новейшим (главным образом, будущим) цивилизациям [8, с. 68].

Опираясь на гуманизм как экзистенциально-преобразующую ценность бытия, важно, с нашей точки зрения, раскрыть его специфику в контексте информационной безопасности с целью преодоления кризиса духовной жизни современного общества. Важно утвердить гуманизм в сознании человечества как экзистенциально-ценностный императив.

Самая примечательная особенность современного общества – ведущая роль информационных технологий в различных областях его жизнедеятельности. В качестве итога современного этапа научно-технического прогресса явилось создание глобальных информационных сетей, внедрение электронных средств обработки и хранения информации, разработка технологий виртуальной реальности и других технологических инноваций. Это значительно изменило духовную жизнь человека и общества в целом, поскольку информационные технологии не принадлежат лишь миру техники, но являются также частью нашей социокультурной реальности.

Реальностью становятся также психологические проблемы, поскольку по мере роста объёма информации, столкновений с виртуальным миром возникают сложности с овладением его содержа-

нием. Актуализируется проблема избытка информации и соответственно управления этим процессом, т. е. созданием возможности ограничения социально и экономически опасной информации, преодолением информационного элитаризма, обеспечением защиты авторских прав.

Новые реалии информационного общества нашли своё выражение в постмодернизме, появление которого свидетельствует о серьёзных сдвигах в культурной парадигме конца XX века. Это нашло своё выражение в признании фрагментарности, неопределённости и неприятия всех универсальных дискурсов, в конечном счёте – отказе от «универсальной человеческой истории» (Бодрийяр Ж.). В постмодернистском мире человека господствуют *симулякры*, на смену упорядоченному миру приходит другой, в котором отдаётся предпочтение плюралистичному и фрагментарному. Постмодернистская культура – это мир образов, в котором нет места определённой последовательности, а сам «мир действительности» предстаёт как мир симулякра (Бодрийяр Ж.). Постмодернизм пытается по-новому представить современный мир как лишённый односторонности, однообразия в пользу признания гетерогенности и плюрализма форм жизни, способов ориентации в ней. Результатом этого является новый образ индивида, для которого поиски смысла жизни, истины, правды неразрывно связаны только с прагматическими целями.

Постмодернистская философия с её установкой первенства жизни над моралью («*деконструкция*» – Ж. Деррида) неизбежно приводит к выводу о необходимости сосуществования различных моральных принципов и норм поведения, и, следовательно, морального релятивизма. Происходит *деаксиологизация культуры* в целом. Постмодернистский образ индивида: децентрированный субъект, обладающий выраженными признаками невротического сознания (нигилизм, скепсис, эпатж). Феномен индивида с противоположным знаком – ярко выраженное центрированное сознание, проявляющееся в различных экстремальных ситуациях [9, с. 32]. Всё это суть проявления существования отчуждённых форм сознания, возникающего в условиях избыточного давления информационной среды в обществе, амбивалентный характер которого очевиден: с одной стороны, виртуальная реальность, способствующая возникновению раздвоенного сознания, *экзистенциальной децентрации*, а с другой – *выдающиеся прорывы в области информационных технологий*. Стержень личности – система ценностей, и если личность обладает такой системой, то её трудно манипулировать. И наоборот, личность, лишённая стержня, в сознании которой отсутствуют устойчивые ценностные представления, становится объектом манипуляции. Это обстоятельство открывает дорогу формированию массового сознания и поведения, в значительной мере снижает потенциальные возможности активно и независимо мыслить, действовать, принимать самостоятельные решения.

Гуманистическая традиция отечественной философии представляет нам богатый материал для размышлений. Центральным тезис европейского гуманизма – человек есть высшая ценность, – своими корнями восходящий к эпохам Возрождения и Просвещения, являлся важнейшим и в русской философии. В ней сосредоточено влияние всей русской культуры с характерными её особенностями: нравственным максимализмом, одухотворённостью, цельностью, гуманистической направленностью. Особенно органичной для русской философии является тема любви к человеку, со-переживания, со-страдания, со-чувствия ему. В творчестве выдающихся мыслителей России (В. С. Соловьёва, Н. А. Бердяева, Н. Ф. Фёдорова, С. Л. Франка и др.) любовь трактуется как важнейшая составляющая человеческого духа. По мнению С. Л. Франка, ненависть, пренебрежение творческим, созидательным началом в человеке приводит к перекосу в его нравственной жизни. Нравственность гибнет, если борьба становится смыслом жизни, а позитивная энергия поддержки, одобрения, сопереживания, любви отступает перед разрушительной энергией ненависти. Незащищённость базисных гуманистических ценностей, смещение акцентов в системе традиционных ценностей, их девальвация отрицательным образом сказываются на нравственном здоровье каждого человека. Современное понимание гуманизма не тождественно антропоцентризму, противопоставлению человека окружающему миру, природе. Очевидно, что утрата этих идеалов будет означать потерю человеком самого себя, выражением абсолютного отчуждения. По мнению Э. Фромма, эволюция обусловлена адаптируемостью и определёнными свойствами человеческой природы, которые невозможно разрушить, и эти свойства заставляют его никогда не прекращать поиск условий, соответствующих его внутренним потребностям.

Амбивалентность информационных процессов в российском обществе с особенной силой является в сфере образования. Тенденция к открытости образования, его интеграции в мировое образовательное сообщество (взять хотя бы, для примера, проблему конвертируемости наших вузовских дипломов за рубежом), неизбежно сталкивается с другой, не менее серьёзной, а именно, необходимостью гуманизации образования, его направленности на самообразование, воспитание, фор-

мирование через социокультурное проблемное поле гуманистически ориентированного специалиста-профессионала. В настоящее время трансформируется образ профессионала, научного эксперта, который должен быть не только специалистом, предоставляющим объективные данные, но и занимать активную жизненную позицию.

Профессионализм, несомненно, является важной составляющей жизни общества, экономических, социальных, политических и иных отношений между людьми. Но, по большому счёту, этого недостаточно. Основой, фундаментом прогресса является культура в самом широком смысле этого слова, т. е. весь тот багаж духовных ценностей, та среда, которая питает, возвращает личность. мировоззрение будущего специалиста не может не включать в себя гуманистические ценности, знания этических норм, на формирование которых у студентов нацелено преподавание гуманитарных и социальных дисциплин. Большое значение имеет расширение общего кругозора студентов. Предметы гуманитарного цикла восполняют пробелы в школьном образовании. Гуманитарные знания, не связанные напрямую со спецификой профессии, тем не менее, чрезвычайно важны в современной динамической культуре, где профессиональный успех, повышение социального статуса определяются в значительной мере способностью к инновациям. Эта способность в свою очередь предполагает обращение к пограничным областям знаний, не относящимся непосредственно к профессиональной компетентности. В этой связи абсолютно несостоятельными являются все ещё встречающиеся в технической преподавательской среде рассуждения о том, что гуманитарные дисциплины должны изучаться в гуманитарном вузе, а не в техническом. Особое место в процессе гуманизации вузовского образования занимает преподавание философии, выполняющей функции интегратора гуманитарного знания. Наряду с другими гуманитарными дисциплинами философия осуществляет одну из своих важнейших задач – воспитание человека. Но воспитание, формирование убеждений не исчерпывается лишь подачей знаний о мировоззрении, нормах поведения и т. д. Знания и нравственность могут и не совпадать. Эмоциональная, поведенческая сфера человека может конфликтовать с уровнем его знаний. И именно здесь философия в состоянии выполнить возложенную на неё задачу: способствовать развитию разных сторон человеческой личности – познавательной, эмоциональной, смыслообразующей, мотивационной, т. е. экзистенциально-ценностной базой для реализации структурно-преобразующих сторон современной российской действительности.

Общество, в котором могут быть реализованы гуманистические ценности, открывает возможность для реализации экзистенциально-ценностных смыслов, сущностных сил человека, как творца знаний, его творческого потенциала. Такое общество рассматривает принципы равенства, справедливости, человечности в качестве желаний формы взаимоотношения между людьми. Именно в таком обществе «фиксируется срез человеческого бытия, связанный со способностью человека создавать свой, специфический внутренний мир» [10, с. 56].

Таким образом, проблема обеспечения и поддержания высокого уровня информационно-психологической безопасности чрезвычайно важна и актуальна для мирового сообщества, поскольку эффективная, адекватная и своевременная защита населения страны от негативных манипуляционных воздействий со стороны деструктивных сил является необходимым условием устойчивого функционирования и развития личности, общества, государства. В контексте данной статьи под информационно-психологической безопасностью подразумевается система мер, направленных на предотвращение и нейтрализацию деструктивного влияния СМИ на массовое сознание.

Литература

1. Спиркин А. Г. Философия: учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2009.
2. Яковлев А. И. Материальность сознания. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
3. Яковлев А. И. Проблема материальности сознания // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 6. С. 87–96.
4. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1997.
5. Бучило Н. Ф., Чумаков А. Н. Философия: учебное пособие. 5-е изд. СПб.: Питер, 2009.
6. Сабиров А. Г. Социально-философская антропология: принципы конституирования и предметного определения. М.: Изд-во Московского пед. университета, 1997.
7. Попов В. П., Крайнюченко И. В. Миражи постсовременности. Пятигорск: ИнЭУ, 2010.
8. Газгиреева Л. Х. Концептуальные основы ноосферизации современного человека и общества: монография. Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2010.
9. Дубровский Д. И. Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 32–37.
10. Бурняшева Л. А., Газгиреева Л. Х. Духовный кризис ценностных оснований: социально-философский дискурс проблемы // Перспективы науки. Тамбов. 2011. № 2 (17). С. 52–56.

УДК 94(100)

Горбунов Павел Андреевич

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА РЫЦАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В данной статье подробно освещается актуальность проблемы изучения рыцарства. Особое внимание уделяется рассмотрению вопросов с позиций новых теоретико-методологических подходов, в частности, исторической антропологии.

Ключевые слова: рыцарство, историческая антропология, рыцарская этика, генезис, функциональность доспеха.

Gorbunov Pavel A.

ACTUAL PROBLEMS OF STUDYING THE PHENOMENON OF CHIVALRY AT THE PRESENT STAGE

This article details the problems of studying the relevance of chivalry. Particular attention is paid to the issues from the viewpoint of new theoretical and methodological approaches, in particular historical anthropology.

Key words: chivalry, historical anthropology, knightly ethics, genesis, the functionality of the armor.

В современном обществе отчасти сложилось мнение о бесперспективности и неактуальности исследования такой темы как рыцарство. Но, несмотря на высокую степень изученности сюжетов, связанных с историей рыцарства, о чем свидетельствует обширнейшая историография [1], охватывающая многие стороны этого явления, всё же можно выделить аспекты, остающиеся раскрытыми не полностью. По словам современного исследователя С. И. Лучицкой, и сегодня многие понятия – честь, благородство, великодушие, чувство собственного достоинства, верность долгу и самопожертвование, презрение к материальным ценностям, бескорыстность и даже праздность – прочно связаны в нашем сознании с рыцарскими ценностями и представлениями о рыцарском образе жизни [2, с. 8].

В настоящее время темы рыцарства изучаются с позиций новых теоретико-методологических подходов исторической антропологии – истории ментальности и истории повседневности, особенно, в аспекте рекреационных форм поведения, а также способов эмоциональных проявлений и поведенческих установок [3]. Начиная с трудов выдающегося представителя «Школы Анналов» Марка Блока [4], в русле исторической антропологии большой интерес представляют исследования по истории французской знати и рыцарства Ю. Л. Бессмертного [5]. По словам современного отечественного исследователя Ю. П. Малинина, «...историческое развитие лишь группируется вокруг психологии, сообщается и взаимодействует через нее» [6, с. 5]. Новые подходы ставят задачу переосмысления таких вопросов, как происхождение рыцарства, его иерархия, система символов и ритуалов рыцарской культуры.

Средневековое рыцарство, было одним из наиболее ярких и самобытных явлений в цивилизации запада. Оно никогда не смогло бы подняться выше уровня простого военного сословия, если бы не создало уникальной культуры со сводом особых морально-этических предписаний, которые соперничали с христианской моралью, и в известной мере противостоя ей, были проникнуты духом сословной гордыни. Рыцарство не являлось бы жизненным идеалом в течение многих столетий, если бы оно не было ценно для общества и необходимо ему в социальном, этическом и эстетическом смысле [7, с. 182]. По утверждению Ю. П. Малинина, рыцарская этика, играла важную общесоциальную роль, ее авторитет и влияние распространялись далеко за пределами высшего сословия. Особенно это касается истории XIV–XV вв., когда военная роль рыцарства клонилась к упадку [8, с. 195]. Уникальность рыцарства как исторического явления отмечалась другими исследователями. Как говорит П. Ю. Уваров, рыцарство «является тем немногим из средневекового наследия, о чем продолжает сохраняться добрая память в массовом историческом сознании. Кроме того, рыцарство присутствует в нашей жизни в виде метафор, эпитетов, ценностных суждений. Разговоры о рыцарстве ведутся давно, и, видимо, будут вестись всегда – слишком тесно его существование связано с важнейшими культурными нормами» [9, с. 5].

При попытке дать четкие дефиниции феномену «рыцарство», мы сталкиваемся с проблемой неоднозначности и сложности этого понятия. Если ещё в VIII–IX вв. рыцарем (miles) в Западной Европе называли лишь тяжеловооруженного всадника, то уже с конца XI в. начались процессы слияния рыцарства со знатью, его социально и идеологического возвышения, в котором немалую роль сыграла церковь. В XIII в. с рыцарством связывали уже комплекс представлений о рыцарских чести, долге и образе

жизни. Почти каждая последующая эпоха пожинала богатые плоды средневековой рыцарской культуры и так или иначе вносила свои нюансы в понимание феномена рыцарства, и теперь нам трудно отделить те черты, которые мы привносим в это понятие, от реального комплекса идей, нравов и институтов, действительно существовавших в эпоху западноевропейского средневековья [2, с. 7–8].

Проблема происхождения рыцарства остается открытой. Так называемая «исходная точка» вызывает значительные затруднения. Большая часть историков еще совсем недавно возводили возникновение профессионального рыцарства к IX веку, в первую очередь, связывая его с распространением такого новшества техники как – стремя [10, с. 38]. Данная точка зрения сейчас подвергается многочисленной критике [11, с. 17–18]. У историков уже нет такой уверенности, что именно этот переворот так быстро, как казалось ранее, привел к появлению новой военной тактики и новых приемов, в частности, к атаке с копьем наперевес. Такой метод боя, использующий быстрое движение «связки» человек – лошадь как живой таран, стал всеобщим позднее, в «классическую» эпоху рыцарства. Несомненно, всё это способствовало укреплению солидарности внутри данной воинской группы [12]. Таким образом, проблема происхождения рыцарства связана процессами, происходившими в результате долгого пути трансформации от вооруженного всадника (*milites*) раннего средневековья до рыцаря как элитарного воина и дворянина в XII–XIII вв.

Актуальной проблемой считается *генезис и ранние формы рыцарских турниров*. Ранние рыцарские турниры XII–XIII веков существенно отличались от привычного для нас образа. Основной формой турнирных схваток в то время были групповые бои «меле» (*mêlée*), а рыцарские поединки на копьях между двумя участниками, известные как «джостра» (*joute*), в то время носили произвольный характер и были ещё редкостью. На раннем этапе рыцарские турниры были очень опасны для участников, почти ничем не отличаясь от настоящего сражения. Они представляли грубые и кровавые стычки довольно часто – со смертельным исходом. Турниры ещё не имели чёткой организации и были не столь торжественными и зрелищными, как в более позднее время. Они подчинялись весьма вольным правилам, а вооружение участников не отличалось от боевого оружия [13, с. 10–11]. Приведенные данные полностью противоречат сложившемуся образу большого средневекового турнира с его рыцарями в сияющей броне, разноцветными аренами и шатрами, толпами герольдов, менестрелей и прекрасных дам.

Мировая научная литература, посвященная рыцарству, очень разнообразна и многочисленна. Но даже при таком разнообразии его история в XIV веке, по сравнению с предшествующим и последующим периодами, исследована достаточно слабо. Это позволяет выделить «проблему «рыцарства XIV века» [14]. Чаще всего XIV век входит в сферу изучения историков вместе с XV в. и рассматривается как единый период, который ещё часто называют упадком рыцарства. Рыцарская культура «осени средневековья» тоже часто трактуется как род игры, оторванной от действительности и потерявшей ценность [7, с. 182].

Упадок рыцарства в XIV в. пытаются продемонстрировать, иллюстрируя многочисленные примеры алчности и беспринципности рыцарей, показывают их грабительские рейды и насилия. Но такие обвинения предъявлялись рыцарству и гораздо более ранних периодов. Между тем, именно эта «рыцарская эпоха» оставила множество легендарных имен, таких как: Эдуард «Черный Принц», Жоффруа де Шарни, Карл де Блуа, Бертран дю Геклен, Жан де Бусико, Джон Чандос, Джон Гонт герцог Ланкастер [15]. Исходя из вышесказанного, возникает вопрос, а был ли XIV в. временем упадка рыцарства? Эти примеры требуют дальнейших детальных исследований.

Одной из самых актуальных на современном этапе считается *проблема функциональности рыцарского доспеха*. Эта тема, как никакая другая, наполнена многочисленными стереотипами, зачастую ошибочными. Самым распространенным является устоявшийся штамп о неудобстве и тяжести рыцарского доспеха. В литературе широко распространено мнение, что европейское рыцарское вооружение было излишне тяжелым и сковывающим подвижность. В произведениях романистов всадники не то чтобы сесть на коня или ходить, они и с земли подниматься сами не могли. «На самом деле ... вообще военное дело не терпит неудобств в снаряжении» [16, с. 39].

В историческом процессе рыцарский доспех претерпевал значительные изменения. К сожалению, подлинные западноевропейские доспехи XI–XII вв. до нас практически не дошли, и говорить о них приходится по изображениям на памятниках искусства. Судя по ним, а также по дошедшим образцам, подавляющее большинство рыцарей было защищено кольчугой. Позднее, под влиянием различных условий происходило усиление защитного доспеха. В течение XIV века, в Европе получает распространение доспех типа «бригандины» – панцирь, со скрепленными изнутри на мягкой тканой основе железными пластинами; полный латный доспех появился только к XV в. Итак, в массовом представлении, образ рыцаря – это воин в полном латном доспехе, но в действительности

сти, такие доспехи относятся уже к времени заката рыцарства. Дело в том, что только вооружение XV–XVII вв. более или менее хорошо представлено в музейных экспозициях и каталогах, что позволяет исследователям и широкой публике получить о нем достаточно ясное представление [17].

Именно над таким доспехом посмеивались позднейшие авторы исторических исследований и романов, проецируя его и на столетия раньше. Но в противоречие этому стереотипу выяснилось, что доспех такого типа отличался великолепными боевыми качествами, был прочен и удобен. Вес такого доспеха составлял около 20–30 кг. Но весь этот вес распределялся равномерно по всему телу. Все подвижные части доспеха набивались из узких пластин, приклепанных к ремням, так что доспех не сковывал движений. Тренированный человек спокойно двигался, ходил, ездил верхом, сам влезал в седло и поднимается [16, с. 39–40].

Убежденность в тяжести и неповоротливости рыцарского доспеха возникла следующим образом: рыцарские турниры ко второй половине XV в. все больше превращались в спорт, и потребности в безопасности участников предопределили появление специальных турнирных доспехов. От них не требовалось удобства и свободы движения, важна была только прочность и минимум подвижных частей. Для этого увеличивалась толщина кирасы и передних пластин всего доспеха, приводя к значительному возрастанию веса. Ни повернуться, ни дышать в таком доспехе было невозможно, поэтому рыцарь выдерживал только несколько минут турнирного боя или поединка. Образец такого турнирного доспеха проецировался на защитные средства рыцарей разных эпох, сформировав вышеописанный стереотип.

В заключение стоит отметить, что, несмотря на кажущуюся изученность такой темы как рыцарство, вышеозначенные проблемы требуют дальнейших детальных исследований и ждут своего часа.

Литература

1. Gautier L. La chevalerie. Paris 1884; Gustave Cohen. Histoire de la chevalerie en France Au Moen Age. Paris, 1949; Philippe Du Puy de Clinchamps. La chevalerie. Paris, 1961; Richard W. Barber. The Knight and Chivalry. London, 1970; Maurice Keen. Chivalry (Yale Universty Press, 1984); Cardini F. Alle radici della cavalleria medievale, Firenze, La Nuova Italia, Ristampato, 1987; Gasparri S. I “milites” cittadini. Studi sulla cavalleria in Italia. Roma, 1992; Flori J. La chevalerie. Paris, 1998; Flori J. Chevaliers et chevalerie au Moyen Age. Paris, 1998; Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999; Иванов К. А. Средневековой замок и его обитатели. СПб. 1894; Малинин Ю.П. Рыцарская этика в позднесредневековой Франции (XIV – XV вв.) // Средние века. Вып. 55. М., 1992; Бессмертный Ю. Л Политические традиции средневекового рыцарства в свете исторической антропологии // Политическая история на пороге XXI века. М, 1995 и др.
2. Лучицкая С. И. Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского средневековья // Одиссей. М., 2004.
3. Бессмертный Ю. Л Политические традиции средневекового рыцарства в свете исторической антропологии // Политическая история на пороге XXI века. М., 1995; Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М. 2002.
4. Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998; Блок М. Феодалное общество. М., 2003.
5. Бессмертный Ю. Л. Некоторые проблемы истории дворянства в Северной Франции конца XII – начала XIV вв. // Французский Ежегодник., 1966. М., 1967.; Бессмертный Ю. Л. Крестьянин глазами рыцаря (по материалам Франции XI–XIII вв.) // Культура и общественная мысль. М., 1988.
6. Малинин Ю. П. Общественно-политическая мысль средневековой Франции XIV–XV века. СПб. 2000.
7. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. СПб., 2011.
8. Малинин Ю. П. Рыцарская этика в позднесредневековой Франции (XIV – XV вв.) // Средние века. Вып. 55. М., 1992.
9. Уваров П. Ю. Вступительное слово // Одиссей. М., 2004.
10. White Jr. L. Medieval Technology and Social Change. Oxford, 1962.
11. Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999.
12. Contamine Ph. La guerre au Moyen Age. Paris, 1980.
13. Носов К.С. Рыцарские турниры. СПб., 2004.
14. Щепкин Е. Рыцарство // Книга для чтения по истории средних веков / под ред. П. Г.Виноградова. М., 1903. С. 322–408.
15. Бессмертный Ю. Л. Политические традиции средневекового рыцарства в свете исторической антропологии // Политическая история на пороге XXI в. М., 1995.; Бессмертный Ю. Л., Гуревич А. Я. Идеология, культура и социально-культурные представления средневековья в современной западной медиевистике // Идеология феодального общества в Западной Европе. М., 1980.
16. Горелик М. В. О Бальмунге, Дюрендале и их хозяевах (о рыцарях) // Вокруг света. 1975. № 8.
17. Жуков К. А., Коровкин Д. С. Западноевропейский доспех раннего ренессанса. СПб., 2005.

УДК 94

Гриценко Никита Владимирович

ПАЛОМНИЧЕСТВО ФЛОРЕНТИЙСКИХ ГОРОЖАН В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ: РЕЛИГИОЗНО-ДУХОВНЫЙ АСПЕКТ

В статье анализируются ментальные основы такой религиозной практики, как паломничество, на основе двух описаний, которые оставили после себя флорентийские граждане Симоне Сиголи и Лионардо Фрескобальди после своего путешествия по Египту и Святой земле. Также затрагивается вопрос о взаимодействии трех религий в пространстве Палестины и города Иерусалима.

Ключевые слова: виды паломничества, соприкосновение религиозных культур, мотивы паломничества, сакральные места, Святая Земля.

Gritsenko Nikita V.

THE PILGRIMAGE OF THE FLORENCE CITIZENS INTO THE HOLY LAND: RELIGIOUS AND SPIRITUAL ASPECT

The mental foundations of such sort of religious practice as the pilgrimage are being analyzed on a basis of two descriptions which have been left by two Florence citizens – Simone Sigoli and Lionardo Frescobaldi after their journey through Egypt and the Holy Land. Also there has been attached the cooperation between three confessions on such a bounded space of Jerusalem and the Holy Land in a whole.

Key words: types of pilgrimage, contiguity of religious cultures, motives for pilgrimages, sacred places, pilgrimage to the Holy Land.

Основными источниками, повествующими о паломничестве флорентийцев в Святую Землю, являются описания двух путешествий, которые совершили флорентийские горожане Симоне Сиголи и Лионардо Фрескобальди в 1384 году. Оба автора были довольно знатного происхождения: о благородном происхождении Лионардо Фрескобальди свидетельствуют занимаемые им должности [3, р. 11], а также приглашение его к завтраку в дом дожа Венеции [3, р. 45]. Из незнатного, хотя известного и уважаемого во Флоренции рода, происходил и Симоне Сиголи, обладавший собственным гербом, в котором на лазурном поле изображались три серебряных садовых ножа с золотыми рукоятками [3, р. 11].

Паломники проделали огромный путь до гроба Господня, проехав вначале из Флоренции в Венецию по суше, затем из Венеции на корабле добрались до Александрии в Египте, оттуда опять сухим путем до Иерусалима, где провели 11 дней [3, р. 222]. Обратный путь они проделали от Бейрута морем до Венеции. Кроме Лионардо Фрескобальди и Симоне Сиголи в этом хождении участвовали еще четыре паломника: Андреа ди мессер Франческо Ринуччини, Джорджо ди Гуччи, Бартоломео ди Кастель Фоконьяно, Антонио ди Паголо Меи, шерстяник, и Санти дель Рикко, виноторговец [3, р. 172]. Путешествие оказалось столь тяжелым, что вернулись только трое – Фрескобальди, Сиголи и Гуччи.

Паломники оставили записи своего странствия. Впервые их тексты были напечатаны в типографии Фьякки в 1829 г., вторая публикация была предпринята в 1862 году издательством Barbèra усилиями Ч. Гарджолли, но тексты были лишены примечаний и вводной части. Следующее переиздание было предпринято более чем через 80 лет [3, р. 35]: на этот раз тексту предшествовала вводная часть, сообщающая об авторах, и появились подробные примечания. Последнее переиздание было произведено в 1944 г. во Флоренции, под редакцией известного итальянского литературоведа, критика и лингвиста Чезаре Анджелини. Этот текст и послужил основой для изучения паломничества флорентийских горожан в данной статье.

Традиционно в практике городского общества Италии паломничество было принято осуществлять в двух формах: во-первых, в программу входило обязательное посещение святых мест внутри городских стен, и этот вариант паломничества предпринимался, как правило, в конце жизни купцов, банкиров и предпринимателей, когда у них освобождалось время от дел. Во-вторых, совершались хождения к святым местам в Италии, прежде всего, в Ассизи и Падую к гробнице св. Антония Падуанского [2, с. 487]. Часто осуществлялись «попутные» паломничества: находясь за пределами Италии, купцы и банкиры посещали монастыри, гробницы, святые места по случаю, ес-

ли те находились по пути маршрута их следования [2]. Но высшим актом паломнической практики являлось хождение в Святую Землю, в Иерусалим.

Итальянские хроники и источники личного происхождения свидетельствуют, что такие паломничества совершались не часто, долго хранились в коллективной памяти городского социума и обставлялись торжественными ритуалами: богослужениями, на которых присутствовала большая часть горожан, пирами, сопровождением многочисленной свиты из родственников и соседей, выходящей с паломниками за пределы городских стен. Память об этом выдающемся деянии фиксировалась в путевых заметках и описаниях путешествий.

В данном случае описание паломничеств интересует нас как соприкосновение представителей различных религиозных культур: с одной стороны, западноевропейской, католической, с другой – еврейско-иудейской и мусульманской. Иудеи в значительной мере представляли для образованных итальянских горожан образ «чужого», преимущественно нагруженный традиционными, скорее отрицательными культурно-религиозными коннотациями (евреи распяли Христа и пр.). Но паломничество в то же время являлось и выходом в особое культурное пространство – пространство Библии, наполненное безусловными духовными и религиозными ценностями для носителей как европейской католической культуры, так и иудейской.

Как определить главный мотив, двигавший этими пилигримами? Побудительные причины обычно были многообразны и не всегда открыто ими декларируемы. Большинство исследователей сходятся во мнении, что принятие решения о совершении паломничества, в меньшей степени было связано с решением материальных проблем, хотя этот мотив невозможно исключить полностью: в глазах горожан паломничество могло стать весомым аргументом, пускаемым в ход в деле борьбы за снижение налогов и прощения недоимок [1, с. 207; 2, с. 487]. Но чаще фигурировали такие предпосылки, как обретение духовного и физического здоровья для себя и для своих родственников, религиозного покаяния и очищения души от грехов, которое паломники старались получить при посещении Святых мест [1, с. 206]. Нельзя сбрасывать со счетов естественное любопытство и стремление к новым познаниям, столь присущее флорентийским купцам, широко осваивающим пространство трех материков вокруг Италии. В подтверждение этому можно привести описание путешествия Симоне Сиголи, частично проанализированное французским историком-антропологом Кристианом Беком [4, р. 317–320]. Симоне Сиголи в странствии интересовался не только священными местами, реликвиями, мощами святых, но и природным миром, животными, обычаями и культурой тех земель, где они побывали [4, р. 318]. Также Бек указывал на то, что по прибытии во Флоренцию Сиголи, как это было в обычае нотариально-купеческого мышления, подводил баланс своих доходов и расходов за время паломничества [4, р. 319].

Вступление в Святую Землю флорентийские паломники начали с горы Синай, найдя приют в монастыре св. Екатерины. Несколько дней, пока они пребывали в этом месте, посвящены фигуре пророка Моисея, к которому флорентийцы относились с великим пиететом. Мифы о чудесах, передаваемые горожанами, касались в первую очередь церквей и монастырей, основанных христианами, и были связаны с восхождением и пребыванием на вершине горы Синай, куда, согласно убеждению путников, спускались ангелы, где монахи и пилигримы обычно встречали Деву Марию, св. Екатерину и других святых (легенда о Деве Марии Поручительнице). Таким образом, место, где Господь явил скрижали Моисею, позиционировалось как универсальное сакральное пространство, что обозначено в исследуемых текстах определенными символическими признаками: чудесное произрастание плодовых деревьев, «каких никогда и нигде не было видано», необыкновенной формы камни, имеющие свойство исцелять различные болезни (путники откалывали от камней кусочки, чтобы взять их с собой), распространение удивительных ароматов [3, р. 103–104] и прочие явления, до рациональных причин которых путешественники не стремились доискиваться.

Паломники имели обыкновение, говоря о таких библейских персонажах, как Адам, Моисей, Авраам, св. Илия, указывать, что и сарацины, и иудеи, и христиане различных конфессий, в равной степени почитают их, как бы ища соприкосновения между столь различными религиями. Таким образом, речь в данном случае идет о внутренне-эгалитарных общностях. Они подчеркивали, что в Хевроне от гробниц Адама, Авраама, Исаака, Иакова исходит некое масло, очень почитаемое сарацинами, иудеями и христианами всех вер, «от которого и мы получили некую толику» [3, р. 125]. Флорентийцы не преминули упомянуть о «большом количестве сарацинов, каковые в знак почитания Нашей Донны зажигали множество лампад днем и ночью, и выдавали субсидии на

жизнь указанным братьям (монахам-христианам)» [3, р. 129], «и на ремонт церкви» [3]. В данном случае, если следовать типологии святых мест, предложенной Б. З.Кедаром, наши паломники фиксировали культы, разделенные между последователями различных религий, но имеющие «внутренне-эгалитарную общность», когда одно и тоже святое место почиталось носителями разных религиозных конфессий, по отдельности проводящих там свои обряды, на которых разрешалось полностью или ограничено присутствовать иноверцам [5, р. 59–69].

Вторым сакральным местом, почтение которому паломники оказали воскурением воска, участием в церковных обрядах и торжественных шествиях, был Вифлеем, как место рождения Христа. Путники посещали, тщательно отмечая, все святые достопримечательности, все места, связанные с историей о поклонении младенцу Христу, об избииении младенцев по приказу царя Ирода, чудесном спасении маленького Христа [3, р. 245–246].

Следующее священное место – Иерусалим, в котором паломники оставались довольно долго, целых 11 дней, проводя время в поисках таких святынь, как «школа, в которой училась Дева Мария» [3, р. 130], дом Пилата, где Христос был осужден на смерть, полуразвалившийся дворец Ирода, Гефсиманский сад. Флорентийские пилигримы не упускали ни одной развилки дорог, где отдыхала Мадонна, ни одной пещеры, в которой молился св. Иаков, ни одного камня, на котором, якобы, имелся отпечаток стопы Христа. Упоминания обо всех местах почитания и поклонения сопровождались обильными и довольно точными цитатами из библейской и евангельской истории, текст которых наверняка имелся у паломников. Следует отметить, что сведения о библейском пространстве обнаруживали высокую степень сходства, почти идентичности в записях Леонардо Фрескобальди и Симоне Сиголи, при том, что описание мест реального географического пространства у этих авторов различалось. Видимо, это объясняется явным стремлением черпать сведения из одинаковых источников: прежде всего, из текста Священного Писания, а также апокрифических сказаний и местных легенд, которые они узнавали от одних и тех же информаторов, чаще всего, венецианских консулов, находящихся в каждом из упоминаемых в их путевых заметках городов.

Интересен дискурс, в котором идет речь о посещении мест, связанных с захоронением Девы Марии в долине Иосафатской, которые традиционно почитались, как отмечает Ора Лимор, только христианами и мусульманами, но не иудеями [6, р. 220]. В повествовании Леонардо Фрескобальди и Симоне Сиголи, которые не склонны были к негативным оценкам мусульман и иудеев в том случае, когда дело касалось мест поклонения представителей трех вер, появились оценки, осуждающие иноверцев, если речь шла о святынях, почитаемых только христианами. Весьма показательна история о попытке похищения иудеями тела Девы Марии, когда у воров «чудесным образом окоченели руки, обнаруживая их дурное намерение», и «из-за этого они покаялись в вине, крестились и приняли веру христианскую, и тогда их руки стали невредимыми и здоровыми» [3, р. 139]. Рассказывая затем о христианской церкви св. Сальватора в Бейруте, находящейся в ведении ордена Францисканцев (именно эту историю пилигримам поведал венецианский консул в Бейруте), Леонардо Фрескобальди и Симоне Сиголи вновь возвращались к теме иудея, как врага христианской веры. Они передавали местный миф: однажды группа иудеев для осмеяния стала избивать распятие, «из какового чудесным образом изобильно хлынула кровь, столько, что потекла на улицу» [3, р. 165–166]. И это чудо привело к тому, что сбежавшиеся туда иудеи и мусульмане обратились и стали христианами. Именно с теми святыми местами, которые не были почитаемыми иудеями, позиционировался образ иудея, как «чужого», выражалось отрицательное к нему отношение.

Симоне Сиголи, в отличие от Фрескобальди, рассказал эту легенду с гораздо большим количеством выразительных подробностей, в частности, проводя имплицитное сопоставление иудеев с сарацинами в пользу последних. Именно сарацины, привлеченные шумом, ворвались в дом и прекратили избивание распятия, а потом оповестили по всей земле о великом чуде, а их правитель приказал злодеев-иудеев порезать на куски. Кроме того, Сиголи дал любопытное продолжение этой истории: некий европеец из Брюгге, бывший тогда в Бейруте и оказавшийся, якобы, свидетелем событий, купил эту «драгоценнейшую кровь», а затем половину ее передал своему знакомому венецианцу, который поместил реликвию в собор Св. Марка, где ее «демонстрируют дважды в год с великой торжественностью; один раз на День Вознесения, второй раз – на День Св. Пятницы». Тогда как вторая половина «драгоценнейшей крови Христовой» находится в Брюгге, что в графстве Фландрия, в соборе, «и ее показывают там каждую пятницу с великой торжественностью» [3, р. 253].

Столь же любопытно описание такого святого места, как церковь Гроба Господня, один ключ от которой держал служитель Султана, второй – один из должностных лиц Иерусалима, третьим распоряжались церковные казначеи, каждый от своей веры. Таким образом, храм Гроба Господня представлял местом, разделенным между различными религиями, и из дальнейшего рассказа следует, что религиозные обряды проводились отдельно, судя по тому, что плата за ритуалы вносилась казначею каждой веры. При этом Леонардо Фрескобальди отмечал, что христианских воинов служители Султана не допускали в храм. Что касается горы Елеонской, то в этом месте проходили совместные религиозные обряды и торжественные процессии представителей всех христианских конфессий, в которых участвовали флорентийские горожане.

Затем путешественники описывали святыни на пути от Иерусалима до Дамаска: они зашли в Вифлеем и почтили все места, связанные с культом Христа и Иоанна Крестителя. Необыкновенно живописна история о том месте на реке Иордан, где Иоанн Креститель крестил Иисуса Христа. Фрескобальди сообщал о большом количестве собравшихся там паломников многих наций, которые представляли разные христианские конфессии, но были охвачены одинаковым религиозным энтузиазмом, устроив своего рода переключку христианских гимнов и молитв, которые они громко пели, каждая группа на своем языке, по разным берегам реки Иордан. Это нельзя назвать совместным религиозным обрядом, но Фрескобальди передавал тот удивительный подъем духа, который он пережил в этом проявлении коллективного религиозного воодушевления. Далее следовали описания святых мест Самарии, Назарета, моря Галилейского. На этом пути Леонардо Фрескобальди приводил ряд легенд, по всей вероятности имеющих местное происхождение. Например, рассказывая об одной из христианских церквей, находящейся в 14 милях от Дамаска, он упоминал о находящемся там образе Девы Марии, написанном на доске, который чудесным путем возвращался на свое место, когда его теряли или похищали. На этом образе проступала чудодейственная влага, целительную силу которой Леонардо испытал на себе и излечил ею потом во Флоренции своего сына. Эта церковь дала повод поведать легенду о том наказании, которое испытали сарацины, пытающиеся её разрушить, но будучи чудесным образом «втянуты и замурованы внутри её стен» [3, р. 158]. В этом случае транслируется негативный образ мусульман, посягающих на христианские святыни.

Таким образом, повествование о пелегринаже флорентийских горожан является уникальным источником, посредством которого можно попытаться сконструировать модель восприятия европейцами, горожанами XIV в. Св. Земли от горы Синай до Бейрута. Странствие по святым местам осознавалось, как хождение по особому «библейскому пространству». Главное, что интересовало паломников, – библейские святыни, причем, на реальные объекты, которые они осматривали, явно накладывается текст Св. Писания, хорошо известный горожанам. В их описаниях реалии пространства исчезали, обозначаясь лишь контурами, уступая место библейским достопримечательностям. Внимание горожан концентрировалось на апокрифических сказаниях и локальных мифах, рождающихся в среде носителей народной религиозности. В описаниях паломничеств системообразующее значение имел принцип локуса, конкретного святого места, которое в основном определяло оценку носителей иной культуры и иной веры. Если речь шла о местах общего поклонения, то в этом случае не давалось никаких враждебных характеристик иноверцам – иудеям или мусульманам, о которых оба путешественника сообщали немало положительных сведений в ходе путешествия по реальному пространству Ближнего Востока.

Литература

1. Антонетти П. *Повседневная жизнь Флоренции* во времена Данте. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 288.
2. Краснова И. А. Деловые люди Флоренции XIV–XV вв.: занятия, образ жизни и обыденное сознание: дис. ... докт. ист. наук. М. 1997. 858 с.
3. Angelini C. (Edit.). Frescobaldi L., Sigoli S. *Viaggi in Terrasanta*. Firenze: Felice Le Monnier, 1944. P. 269.
4. Bec Ch. *Les marchands écrivains, affaires et humanisme à Florence, 1375–1434*. Paris: La Haye, Mouton & Co., 1967. P. 492.
5. Kedar B. Z. *Convergences of Oriental Christian, Muslim, and Frankish Worshippers: The Case of Saydnaya*. In: Y. Hen (Ed.), *De Sion exhibit lex et verbum domini de Hierusalem. Essays on Medieval Law, Liturgy, and Literature in Honour of Amnon Linder*. Turnhout: Brepols, 2001. P. 214.
6. Limor O. *Holy places in Jerusalem between Christianity, Judaism and Islam*. In: I. Shagrir (Ed.), *In Laudem Hierosolymitani Studies in Crusades and Medieval Culture in Honour of Benjamin Z. Kedar*. Aldershot: Burlington, 2007. P. 468.

УДК 130.2

Ерохин Алексей Михайлович, Каширина Ольга Валерьевна

ДОМИНИРОВАНИЕ КРЕАТИВНОСТИ КАК КЛЮЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНТИКРИЗИСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Антикризисные практики, как и познавательная деятельность студента и каждодневное творчество преподавателя, наполнены креативностью (со-творчеством), являются неотчужденными формами общественного бытия, а потому всегда самомотивированы и свободны.

Ключевые слова: креативность, креатосфера, полифонирование, неотчужденность, самомотивация.

Erokhin Aleksey M., Kashirina Olga V.

CREATIVITY DOMINATION AS A KEY CHARACTERISTIC OF THE ANTI-CRISIS ACTIVITY

Anti-crisis practices, as well as student cognitive activity and teacher everyday creation, are full of creativity (co-creation), and are non-alloof forms of social being, that's why they always are self-motivated and free.

Key words: creativity, creatosphere, poliphonation, non-alloofness, self-motivation.

Доминирование креативности и возникновение креативного класса. Креативность (англ. *creativity*, от лат. *creation* – творить) – это творческий потенциал личности, способность находить нестандартные решения проблем, создавать новые идеи, концепции, произведения искусства, – именно так определяется это понятие в Большой российской энциклопедии (2010). Психологи и социологи, изучающие творчество (Л. С. Выготский, Б. Г. Ананьев, Д. А. Леонтьев, Г. В. Иванченко, и другие [1]), среди важных черт творческой личности называют: открытость миру, легкую мобилизацию энергии, доступ к своему подсознанию, повышенную восприимчивость, чувствительность к проблемам и людям, склонность к фантазированию, импульсивность, интеллектуальную гибкость, оригинальность, эмпатию. Однако креативность не сводится ни к одной из этих черт, в том числе и к интеллекту. Оказывается, что творческие личности нередко хуже других решают простые, шаблонные интеллектуальные задачи (с этим связаны многие психологические затруднения одаренных детей). Такие же ограниченные результаты дает использование психологических тестов для диагностики креативности как особой черты личности или ее способности. Многочисленные программы тренинга и стимулирования креативности, также дают неоднозначные результаты. Но что же в таком случае представляют собой креативность. Можно ли ее стимулировать?

Американский психолог А. Маслоу (1908–1970), один из лидеров так называемой гуманистической психологии, выдвинул «холистически-динамическую» теорию мотивации, согласно которой существует иерархия потребностей: истинно человеческие потребности в творчестве и самоактуализации возникают лишь после удовлетворения потребностей биологического и социального характера. Потребности в творчестве и актуализации, находящиеся на вершине построенной А. Маслоу трехгранной пирамиды потребностей, рассматриваются им как системное качество креативности, как функция целостной личности [2]. Американский психолог Р. Ф. Баррон считал, что креативность личности можно рассматривать как установку на оригинальность [3]. Особый интерес ученых вызвали предложенные американским психологом Д. Гилфордом (1897–1987) методики исследования дивергентного (творческого) мышления, которое он противопоставил конвергентному (алгоритмическому) мышлению как процесс решения задач, не имеющих единство верного ответа и стандартного пути решения [4].

Таким образом, и российские, и зарубежные исследователи отмечают общие свойства креативности как системного качества целостной личности – оно является истинно человеческой потребностью и может быть стимулировано с положительным эффектом при помощи повышения мотивации и уверенности в себе, раскрепощения сознания.

Современные российские философы и социологи идут дальше в изучении креативности. Так, Л. В. Скворцов, рассматривая сущность духовного творчества, обращает внимание на его цивилизационный характер, помогающий человеку создавать цивилизации и одновременно находить собственную опору для духовного здоровья и духовной целостности. «Определение опоры, – пишет Л. В. Скворцов, – и есть начало созидания цивилизации. Завораживающая сила творчества состоит как раз в том, что в творческом акте человек находит ответ на вопрос о пути бытия, позволяющем отступить от бездны небытия, освободиться от скрытого ужаса перед этой бездной... Вне цивили-

зационного творчества человек оказывается перед бесконечностью, теряется в ней, переживает виртуально постоянное духовное состояние процесса своей деструктивности» [5, с. 13].

Анализируя диалектику «со-творчества» и выдвигая гипотезу «исторической ограниченности поля (пространства и времени) применения классической (гегелевско-марксовской) диалектики как адекватной *par excellence* для исследования эпохи отчуждения», А. В. Бузгалин обосновывает идею о необходимости и возможности развития новой логики диалога («полифонировании» – Г. Батищев), а также «перехода к исследованию принципиально новой реальности – креатосферы, мира со-творчества» [6].

Заканчивая краткий обзор современных теорий креативности, отметим концепцию креативного класса, которая возникает в контексте сложных социальных и экономических процессов, характеризующих конец XX века (У. Бек, М. Вебер, Р. Дарендорф). В российской социологии и политологии эту концепцию развивает известный ученый Ю. Г. Волков. Отмечая возникшее в обществе противоречие, он пишет: «Потребность в общественном творчестве, общественном обновлении обнаруживает противодействие в социально-имитационных практиках, направленных на замещение реальных результатов и оценок симуляцией общественной и политической активности» [7]. Волков Ю. Г. считает, что нельзя пройти мимо тенденции «псевдоизменений», ведущих к воспроизводству модели социальной стагнации, реализации формулы «изменения, ничего не изменяя», стимулирующей сохранение проблемности общественной жизни путем выдвижения на первый план личности имитационной, на индивидуальном и групповом уровнях осуществляющей стратегии «быстрого успеха», «паблисити», «присвоения власти» через актуализацию и внедрение симулякров, квазиреальностей подобий перемен. В этих случаях креативность выступает индивидуальным качеством, ориентированным на самореализацию ценой отклонения универсальных социальных норм. Это проявляется по-разному на социальном уровне, где население привыкло к имитационности в социальной и политической сферах, и на микроуровне, где в повседневности мы относимся с терпимостью к «энергичным» людям, добивающимся успеха на основе подражания или социального авантюризма. Для креативного класса на первое место выступают не экономические или иные объективные социальные связи. Важное место приобретает аксиологическое измерение, моральные ценности креативного класса: доверие, солидарность, лояльность по отношению друг к другу, невызываемые внешними влияниями. Этим и проявляется доминирование креативности и креативного класса, в противовес социальной имитации.

На наш взгляд, в изучении этого феномена доминирования в обществе креативности и формирующегося креативного класса должны найти отражение проблемы подготовки не только управленческих, но и других кадров с университетским образованием как потенциальных представителей новой креативной волны российского общества. Нам могут возразить, что теоретически сконцентрированный класс нельзя отождествлять с реально существующими, что позитивный и негативный опыт изучения среднего класса, так и не сформировавшегося полноценно в современной России, свидетельствует об этом. Наш ответ прост. В условиях «затяжного» глобального кризиса, переживаемого и Россией в той мере, в какой она вошла в глобальный капиталистический рынок, креативный класс отклоняет имитационные практики. Он откликается на требования времени, осознавая потребность России в креативном прорыве, в общественном творчестве. И такая потребность формируется у молодежи уже в студенческие годы.

Антикризисный потенциал студенчества как формирующегося креативного класса. Российская система высшего образования тоже находится в процессе серьезной трансформации. Отдельные специалисты в области изучения образования считают даже, что российское образование находится на пороге «пятикратного кризиса». Так О. Н. Смолин, заместитель председателя Комитета по образованию Государственной Думы, член-корреспондент Академии образования и Президент общества «Знание» называет пять причин такого кризиса: 1) влияние экономического кризиса на систему образования РФ (снижение платежеспособности населения, уменьшение бюджетного финансирования государственных вузов, снижение инвестиций в инновационное развитие вузов, уход молодежи в криминал и в радикальные антисоциальные группировки – скинхеды и т. п., в связи с сокращением числа студентов на фоне роста безработицы и др.); 2) образовательные последствия демографического кризиса (сокращение числа выпускников средних школ, снижение притока внебюджетных студентов, снижение занятости в сфере образования и др.); 3) новый порядок приема в вузы и ссузы как фактор кризиса (последствия ЕГЭ и др.); 4) политика Министерства образования и науки (МОН) РФ как фактор кризиса (критика деятельности российских вузов и призывы к их массовому сокращению с 1 000 до 150–200, введения подушевого финансирования к отраслевой – фактически региональной или даже, муниципальной – системы оплаты труда и др.); 5) кризис, созданный «цифровым разрывом» (в международных рейтингах по различным параметрам развития

электронного обучения и готовности к нему Россия занимает в лучшем случае 38 место, а в худшем – 71, причем отставание от развитых стран – «цифровой разрыв» с каждым годом увеличивается на 2–3 позиции за счет того, что произошел фактический запрет со стороны МОН РФ сетевых экстерриториальных структур, филиалов, представительств университетов, реализующих обучение в режиме информационно-образовательных технологий; в результате ежегодно переподготовку и переобучение проходят 2,5 % работников, тогда как развитие страны переобучают 50–60 % и ставят задачу довести этот показатель до 80 %) [8].

Как видно из приведенной выше точки зрения, почти все причины кризиса в образовании сводятся к административным мерам МОН РФ и правительства в целом. Между тем существует и противоположная точка зрения, что эффективное развитие отечественного высшего образования возможно только через создание в вузовской сфере реальной конкурентной среды. Так считает, например, генеральный секретарь Российского союза ректоров Ольга Валентиновна Каширина. Отличительные признаки конкурентной среды, утверждает она, – равные возможности для всех вузов и четкая связь государственной поддержки университетов с показателями их развития: «Общество все более настойчиво задается вопросом об адекватности отдачи от огромных вложений государства в развитие вузов, названных ведущими... Традиция корпоративной солидарности российского сообщества придает конкуренции уникальный характер: стремление добиться наивысших результатов для своего вуза сопровождается ответственностью для системы в целом. Важно сохранить единое образовательное пространство, добиваясь его современного качества. А значит, развивая свой вуз, нужно делать все для сохранения столь важного многообразия университетов» [9].

Такая постановка вопроса о преодолении кризисных явлений в образовании путем создания конкурентной среды представляется нам более реалистичной. В Министерстве образования создан специальный Совет по повышению конкурентоспособности ведущих университетов РФ. В ноябре 2013 г. здесь слушали презентации дорожных карт – подробных планов развития вузов до 2020 года, реализация которых позволяет им войти в состав первой сотни лидеров мировых рейтингов наравне с ведущими научно-образовательными центрами других стран. В этих планах отражены ответы на некоторые вопросы. Как именно будет идти формирование кадрового резерва руководящего состава вуза? Чем планируется привлекать в него молодых ученых, имеющих опыт работы в ведущих иностранных и отечественных научных организациях? Что будет сделано для усиления международной и внутрироссийской академической мобильности научно-педагогических работников? А для совершенствования деятельности аспирантуры и докторантуры? Какие образовательные программы будут реализованы совместно с ведущими зарубежными и российскими вузами? Не планируется ли вузом ребрендинг для более эффективного привлечения зарубежных студентов в свои аудитории? В итоге были отобраны 12 лучших ведущих вузов России, намечено еще три, которым рекомендовали доработать свои планы. Все 15 вузов получают уже 2013–2014 г. солидное финансирование в сумме от 1,1 до 1,5 млрд рублей [10]. Как видим, этим вузам будет оказана специальная поддержка. При составлении перспективных планов каждым подразделением СКФУ и университета в целом и нам тоже пришлось отвечать на названные и многие другие вопросы. Однако у нашего университета особая миссия в Северо-Кавказском федеральном округе. Ведь когда его создавали, предполагалось, что Ставропольский край и созданный в Ставрополе СКФУ должны стать инновационным локомотивом, который потянет за собой экономику и культуру соседних республик. Нам следует подумать о том, как в научной и педагогической работе лучше использовать возможности Северо-Кавказских республик на договорной основе. Ведь смогли же подписать Договор о сотрудничестве между Республикой Дагестан и «ФГБУ высшего профессионального образования МГУ имени М. В. Ломоносова», в котором предусматриваются совместные научные исследования в интересах республики, научно-техническая и инновационная деятельность, целевая подготовка высококвалифицированных специалистов для отраслей экономики и социальной сферы, меры по повышению престижа и создания условий для воспроизводства школ, выявлению и поддержки талантливых исследователей, содействию творческому росту молодежи [11].

Вузовская молодежь как резерв современного креативного класса не сможет выполнить этой своей роли, если не будет отвечать новым требованиям времени. В связи с вступлением России в ВТО тенденция глобализации может негативно проявиться на внутреннем рынке образовательных услуг, обострив конкурентную борьбу российских вузов с мировыми образовательными корпорациями. Повышение конкурентоспособности образовательных услуг может быть обеспечено за счет интеграции инновационного потенциала, применения новых образовательных технологий и создания корпоративных образовательных ресурсов. Особую актуальность приобретает процесс нацио-

нальной и международной стандартизации информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовании в связи с принятым Федеральным законом РФ «Об образовании в Российской Федерации». В нем предусматриваются инновации в развитии трансграничного образования, международная и национальная стандартизация ИКТ – образования, законодательная база для развития электронного обучения, автоматизация управления системой образования и образовательными организациями, образовательные кластеры, подготовка и переподготовка кадров на основе электронного обучения, гарантии качества и общественно-профессиональная аккредитация образовательных программ и организаций, психолого-педагогические и технологические аспекты создания электронных образовательных ресурсов нового поколения, защита интеллектуальной собственности в сфере информатизации образования, социальные аспекты применения ИКТ в образовании.

Все это будет усиливать доминирование креативности в образовательном и воспитательном процессе в университете, в подготовке нового резерва российского креативного класса.

Литература

1. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. 1136 с.; Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания. М.: Изд-во «Институт практической психологии». Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 384 с.; Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Изд-во «Смысл», 2003. 488 с. Иванченко Г. В. Стратегии профессионального самоопределения и репрезентации профессионализма // Психология: Журнал Высшей школы экономики. № 4. 2005. Том 2. № 2. С. 24–51.
2. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. Евразия, 1999.
3. Баррон Р. Ф., Горбачев С. П., Сидоров Е. В. Криогенные системы / ред. А. К. Городов; пер. с англ. М.: Энергоатомиздат, 1989. 406 с.
4. Гилфорд Д. П. Три стороны интеллекта // Психология мышления. М. 1965.
5. Скворцов Л. В. О сущности творчества // Человек: образ и сущность (Гуманитарные аспекты): Ежегодник / РАН ИНИОН. 2001: Философия и психология творчества. 260 с.
6. Бузгалин А. В. Диалектика: реактуализация в мире глобальных трансформаций // Вопросы философии. 2009. № 5.
7. Волков Ю. Г. Креативный класс versus имитационных практик // Гуманитарий Юга России. Научный журнал. Ростов-на-Дону. 2012. № 1.
8. Смолин О. Н. Кризис: экономика, политика и образование (анализ и хроники) / Кризис: альтернативы будущего (глобальный контекст и российская специфика). М., Культурная революция, 2010. 368 с.
9. О лучших и ведущих. РСР – за реальную конкуренцию вузов // Поиск. № 43. (2013). 25. 10. 2013.
10. В битве амбиций. Дюжине российских вузов выданы путевки в мировые лидеры // Поиск. № 44 (2013). 01.11.2013.
11. Аргументы недели. № 45 (387). 21.11.2013. С. 17.

УДК 94(470.63) "19"

Зверева Людмила Алексеевна

УПРАВЛЕНЦЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ СЛОЙ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: ФОРМИРОВАНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬЯ)

Автором рассмотрены малоизученные вопросы истории первого советского десятилетия на Ставрополье. Статья посвящена характеристике деятельности советских служащих в первое советское десятилетие.

Ключевые слова: советские служащие, советские органы власти, партийный стаж, анкетирование.

Zvereva Ludmila A.

MANAGERS AS A SOCIAL GROUP OF THE SOVIET SOCIETY: FORMATION AND THE CHARACTERISTIC (ON THE EXAMPLE OF THE STAVROPOL REGION)

The author considered the understudied questions of history of the first Soviet decade in the Stavropol region. Article is devoted to the characteristic of activity of the Soviet employees in the first Soviet decade.

Key words: Soviet employees, Soviet authorities, party experience, questioning.

В результате любой революции – буржуазной, демократической, социалистической – происходит переход власти в руки новых политических сил, прежде всего их лидеров. От их политиче-

ских, нравственных, профессиональных качеств во многом зависит воплощение в жизнь политических, экономических и социальных задач революции.

Воссоздать объективный исторический портрет советского служащего чрезвычайно сложно из-за специфики источников по данной проблеме. Основным видом источника являются материалы проверок ревизионных комиссий, протоколы заседаний исполкомов. Естественно, что эти документы выявляют в основном недостатки, и образ управленца вырисовывается негативно. Революция прервала кадровую преемственность и вытолкнула к власти людей из прежде безвластных социальных слоев. Среди пришедших к власти большевиков было немало бескорыстных, образованных, способных и талантливых людей. Но занявшие государственные посты они опыта управления не имели, в партии были известны в качестве революционных вождей, теоретиков и пропагандистов. Многие активные деятели большевиков имели большой опыт подпольной работы, направленной к разрушению буржуазного государства, но не имели опыта созидания, строительства государственности.

Среди возглавивших первые советские органы на Ставрополье были достаточно образованные люди. В автобиографии председателя Ставропольского СНК А. А. Пономарева говорилось: «Рано научился грамоте, рано подготовился для поступления в гимназию, которую окончил без особого прилежания, но и без лени, 17 лет от роду. В 1896 г. примкнул к революционному движению. В это время учился на юридическом факультете Московского университета. В годы войны занимался адвокатской практикой, вел научно – статистическую работу в Рязанской губернии. В конце 1915 г. переехал на жительство в г. Ставрополь, где стал заведующим губернской земской управы. После Февральской революции был избран членом оргбюро фракции большевиков» [1]. Н. А. Анисимов, который занимал должность товарища председателя СНК и пост комиссара по военным делам, учился на физико-математическом факультете Петербургского университета. Членом коммунистической партии являлся с 1913 г. В 1917 г. возглавил Грозненский совет, являлся делегатом VI съезда РСДРП (б) и II Всероссийского съезда Советов. С декабря 1917 по май 1918 гг. являлся председателем ВРК Ставропольского гарнизона. В годы гражданской войны находился на партийно-политической работе: являлся военным комиссаром Северо-Кавказского военного округа и членом реввоенсовета сначала 12-й, затем 9-й армии [2].

В личном деле Ставропольского губпродкомиссара З. М. Шуголя приводились следующие факты: «Учился на юридическом факультете Петербургского университета. Зарабатывал на жизнь, давая частные уроки и сотрудничая в газетах. Активно участвовал в Октябрьском перевороте. В ноябре 1917 г. был назначен на должность комиссара по снабжению и распределению в Северную область. Продовольственных курсов не проходил. С 1919 г. находился на ответственной работе в продорганах Украины. По рекомендации Л.М. Кагановича в июле 1921 г. получил назначение на должность Ставропольского губпродкомиссара. На ответственных должностях проявил себя решительным и твердым работником. За заслуги на продовольственном фронте был награжден именными серебряными часами» [3].

Советские служащие на всех уровнях государственного аппарата, естественно, отличались друг от друга – характерами, темпераментом, интеллектом. В органы власти на Ставрополье входили и люди, которые были бескорыстными приверженцами большевистской идеи. Они отстаивали эту идею, не жалея своей жизни в годы гражданской войны. Но в органах власти и управления оказалось немало и бесчестных людей. Политическая культура, навыки управления, психология новых руководителей формировались в атмосфере разрухи, голода, боевых приказов. С первых дней революции практика выдвижения кадров была подчинена созданию слоя аппаратчиков для проведения политики партии.

Особенно много беззаконий из корыстных побуждений творили чекистские органы. Но и на честных людей работа в ЧК разлагающе действовала. Это признавал даже М. И. Лацис: «Как бы честен ни был человек, и каким бы кристально чистым сердцем он не обладал, работа чрезвычайной комиссии, производящаяся при почти неограниченных правах и проистекающая в условиях, исключительно действующих на нервную систему, дает себе знать. Только редкие из сотрудников остаются вне влияния этих условий работы» [4].

Советские лидеры усвоили и свойственные прежнему чиновничеству отчуждение от низов, от них зависимых, и отношение к своим деловым обязанностям. Приведем такую деталь: нередко они, причем на всех уровнях государственного аппарата, полагали, что соблюдение трудовой дисциплины, определенных правил работы – не для них. Проявлялось это даже в таких частностях, как нерегулярное посещение заседаний их ведомств, опоздания и т. д. Это было характерно даже для служащих такого чрезвычайного органа как ревком.

Анализируя архивные документы, можно прийти к выводу о том, что служащие в первые годы советской власти относились к своим обязанностям весьма халатно, поручаемая работа выполнялась небрежно после пререканий и отговорок. Опоздания на службу, хождения по отделам с праздными разговорами, неуместные шутки были обыкновенным явлением в деятельности Ставропольского губревкома [5]. Данная негативная тенденция прослеживалась и на уездном уровне. Так, председатель ревкома Медвеженского уезда т. Ильенко в 1920 г. констатировал: «Неоднократно наблюдалось, что некоторые служащие отделов ревкома, унижая звание свободного гражданина Российской Республики, уподоблялись рабам, устраивают себе праздники в неположенные дни, в рабочие же опаздывают на службу, а на службе более всего интересуются временем ухода и уходят, даже зная, что есть спешное, незаконченное дело. Они разгуливают, смеются, ведут праздные разговоры, и, не желая ничего сами, отвлекают от работы других, не считаясь с моментами ни фронта, ни разрухи, ни обилием работы и т. д. От поручаемой же работы стараются уклониться всеми способами, ссылаясь на неразборчивость оригинала, на свой собственный почерк, на массу работы и т. д.» [6].

Во многих советских учреждениях на территории Ставропольской губернии, в результате отсутствия хороших администраторов, дисциплина первоначально отсутствовала. В информационной сводке Ставропольской губернской ЧК говорилось, что «во многих учреждениях можно встретить саботаж, преступления по должности, разгильдяйство, нежелание работать и прочие. Всего печальней это то, что товарищи партийные не имеют должной спайки и делятся на две части: верхи и низы. Первая часть из них, занимающая самые важные посты, устраивает свою жизнь в лучшие материальные рамки» [7].

Кадровые вопросы занимали значительное место в деятельности Ставропольского губкома. Он назначал, утверждал, перемещал, освобождал партийных и государственных работников на Ставрополье. Так, например, в резолюции пленума Ставропольского губкома ставились следующие задачи: «Пересмотреть весь состав работников земорганов на предмет их трудоспособности. Результат пересмотра состава предоставить на утверждение пленума губкома» [8]. Одним из средств расстановки кадров была передвигка их из одних звеньев государственного аппарата в другие, из одного района – в другой. Управленцы нередко передвигались и вследствие явной непригодности к выполнению ответственной работы, а также получивших широкую огласку злоупотреблений.

Как правило, общеобразовательный и культурный уровень деревенских коммунистов был крайне низким. Личные дела сельских коммунистов свидетельствуют о том, что типичными вехами их биографии было раннее батрачество, служба в армии, вступление в ряды ВКП (б) в годы гражданской войны, возвращение в деревню, переброски, мобилизации. Советский служащий в деревне осознавал себя, прежде всего, состоящим на службе у государства и соответственно воспринимался крестьянством как представитель центра. Невысокий образовательный и профессиональный уровень большинства деревенских работников не позволял им выполнять функции управления, и их роль сводилась чаще всего к выполнению директив, спускаемых сверху.

Например, должность председателя Благодарненского уисполкома занимал Иван Николаевич Щербаков, который, заполняя анкетный лист, в графе образование написал: «Село Благодарное, Ставропольская губерния, 4-классное городское училище. Прошел два класса в 1902 году». Он так же являлся членом партии с 1919 года. Председателем Ставропольского уездного исполкома с 1923 г. являлся Филипп Федорович Латкин, который закончил Янушевское сельское одноклассное училище, а членом РКП(б) стал с февраля 1918 г. [9].

Не удивительно, что на многие руководящие должности попадали люди случайные, назначение которых на посты зависело от канцелярских бюрократов. Таковы истоки «анкетного принципа» подбора руководящих кадров, ставшего главным в последующие десятилетия советской истории. При заполнении анкеты, предназначенной для служащих Ставропольского губревкома, наиболее значимыми были следующие вопросы: национальность, откуда родом; не служит ли кто-либо из них во враждебной Советской России армиях (кто и где); бывшее сословие; месячный оклад или доход до революции и из каких источников; владеете ли или владели недвижимым имуществом; имущественное положение ваших близких родственников (указать, кто и сколько имел до революции и что имеет теперь); имели ли землю, в каком количестве, сдавали в аренду и где; бывшая и настоящая партийная принадлежность с какого и по какое время; не подвергался ли преследованию за политические убеждения (когда и в какой степени); занимали ли выборные советские партийные или общественные должности (какие, где и когда), кто может рекомендовать и какая общественная организация; сколько

имеете дохода и из каких источников [10]. По системе анкет проходило громадное количество работников, совершенно разнородных по масштабу, деловым качествам, опыту работы.

Согласно конституции, руководящие советские работники – председатели и члены исполкомов – избирались на соответствующих съездах Советов. В большинстве случаев это соблюдалось, однако эти выборы носили формальный характер, так как кандидатуры заранее намечались партийными органами, они же обеспечивали их избрание, используя различные методы воздействия на делегатов съездов. К тому же большинство на губернских и уездных съездах были коммунистами, которые голосовали, подчиняясь партийной дисциплине. Так, например, в Ставропольской губернии в первой половине 1921 года состоялся съезд, на котором присутствовало 277 делегатов, из них 190 составляли коммунисты и 87 беспартийные. Президиум этого съезда состоял из 9 человек, 7 из них были коммунистами [11].

При выдвижении на руководящие должности преимущество отдавалось коммунистам, особенно с партийным стажем. Только коммунистам можно было доверять ответственную работу. Прежде всего, партийная принадлежность учитывалась при назначении на руководящие должности. В партийно-советском аппарате сформировался огромный массив должностных позиций, одним из обязательных признаков которых было членство в партии. Лишь второстепенные должности не были ограничены таким условием. Одним из первых председателей Ставропольского губернского исполкома являлся Никита Иванович Куликов. Он окончил сельскую школу в селе Петровском Екатеринбургской губернии, но в ряды РКП(б) вступил в 1914 году. Заведующим отделом управления губернского исполкома с 1923 г. являлся Иван Иванович Беляков, который закончил церковно-приходскую школу, а членом РКП(б) стал с марта 1917 г. Должность военного комиссара занимал Максим Петрович Магер, который так же закончил начальную школу, но в ряды партии вступил в 1915 году [12]. Приведенные данные являются типичными для служащих Ставрополя. Совмещение ответственной партийной, государственной работы вызывалось стремлением осуществлять и на местах руководство государственными и другими органами непосредственно функционерами РКП(б), что должно было обеспечить неукоснительное выполнение партийных установок. Это еще более гарантировало сосредоточение в руках РКП(б) рычагов управления всеми областями жизни страны. Совмещение должностей вызывалось и нехваткой кадров.

За год существования советской власти на территории Ставропольской губернии, отношение к коммунистам резко ухудшилось. В сводках ГЧК от 15 августа 1920 года говорилось о том, что «настроение населения удовлетворительное. Отношение к РКП(б) колеблется» [13]. К 1921 году ситуация меняется. В письме секретарю ЦК РКП(б) партии т. Ярославскому Мария Муранова 21 марта 1921 года так описывала сложившуюся в Ставропольской губернии ситуацию: «Понятие о коммунистах укоренилось как о людях, прежде всего, сытно живущих, бездельничающих, пьянствующих, не стесняющихся брать в свою собственность общественные вещи, расправляющихся с населением плетью и побоями. У власти стояли случайные люди, карьеристы, беспринципная публика. Не умея и часто не понимая советского строительства, они имели одно старое средство для поддержания своей карьеры – втягивание честных, но малоустойчивых людей, путем пьянства, снабжения продуктами и всяких личных услуг. Такое поведение коммунистов было на виду у населения и вызывало раздражение, недоверие и безнадежное настроение. И все эти люди бессменно стояли у власти в Ставропольской губернии, имея полное расположение к себе со стороны Кавбюро, а военные – со стороны Кавфронта. Сегодня мне говорил один самый обыкновенный местный крестьянин, пришлите к нам в село хоть одного честного коммуниста, ведь Ленину нельзя же быть везде» [14].

Положение Ставропольской партийной организации к весне 1921 года было крайне неблагоприятным. Крестьянство, недовольное продразверсткой, относилось враждебно как к советской власти, так и компартии. Отношение к партии рабочих, крестьян и красноармейцев в значительной степени зависело от поведения самой организации и особенно ответственных работников, которые своими безобразными действиями естественно отталкивали от себя широкие массы населения. Сама организация переживала тяжелый кризис. Крайняя распушенность членов партии, пьянство, грубое отношение к населению доходило до того, что приходилось исключать из партии ответственных работников целыми группами [15]. Во время чистки 1921 г. из партии было исключено в РСФСР более 136 тыс. человек (почти четвертая часть), численность Ставропольской губернской организации так же значительно уменьшилась. Если в августе 1921 г. губернская организация РКП(б) объединяла в своих рядах 7, 2 тыс. коммунистов, то в январе 1922 г. их числилось всего 2,1 тыс.

человек. Более 5 тыс. человек вышли или были «вычищены» из компартии. Всего на Северном Кавказе были исключены 17, 2 тыс. человек [16].

В связи с создавшимся положением, на местах руководство страны призывало проводить мероприятия направленные на искоренение негативных тенденций в партии. Например, на территории Ставрополья предпринимались шаги по созданию разветвленной сети партийной учебы. Она включала уездные партшколы, краткосрочные курсы для подготовки партийных, советских работников, инструкторов, агитаторов; для рядовых коммунистов – школы политграмоты, политкурсы, занятия в партячейках [17].

Итак, жизнь со всей очевидностью показала тщетность утверждений большевиков, что рабочие сами могут успешно управлять государством. Во всех сферах государственной жизни потребовалось создавать управленческие аппараты со штатными оплачиваемыми чиновниками, получившими, правда, несколько другое название: «советские служащие». Несмотря на то, что партийная организация находилась в стадии становления, тенденция сращивания государственного аппарата с партийным на Ставрополье уже в это время стала явственно прослеживаться.

Литература

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 37.
2. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 19987. С. 32.
3. Кругов А. И. Ставропольский край в истории России (1917–1941 гг.). ч. 2. Ставрополь, 1996. С. 78.
4. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 1917–1920. М., 1998. С. 180.
5. ГАСК. ФР. 210. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.
6. ГАСК. ФР. 210. Оп. 1. Д. 107. Л. 101.
7. ГРАСПИ. ФР. 65. Оп. 1. Д. 132. Л. 7 об.
8. Известия Ставропольского губкома РКП(б). Ставрополь, 1922. С. 8.
9. ГАСК. ФР. 299. Оп. 2. Д. 4. Л. 7.
10. ГАСК. ФР. 100. Оп. 1. Д. 68. Л. 9.
11. Владимирский В. Советы, исполкомы и съезды советов. М., 1921. С. 30.
12. ГАСК. ФР. 299. Оп. 2. Д. 4. Л. 13.
13. ГАРФ. ФР. 130. Оп. 3. Д. 414. Л. 74.
14. ГРАСПИ. ФР. 17. Оп. 13. Д. 988. Л. 22.
15. ГРАСПИ. ФР. 17. Оп. 13. Д. 992. Л. 49.
16. Кругов А. И. Ставропольский край в истории России. Ставрополь, 2001. С. 186.
17. Ивашнев Е. Е. Деятельность партийных организаций Терека по улучшению качественного состава своих рядов в 1918–1920 гг. // Великий Октябрь и дружба народов. Орджоникидзе, 1988. С. 122.

УДК 130.2:378.14

Золотарева Татьяна Алексеевна

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Статья посвящена осмыслению творческого процесса, этапам его становления. Рассматриваются качества творческой личности, проблема развития и совершенствования творческих возможностей будущего специалиста.

Ключевые слова: творчество, творческая активность, творческая потребность, профессиональная идентичность.

Tatiana Zolotareva

FORMATION OF CREATIVE POTENTIAL FUTURE SPECIALISTS

The paper considers the creative process and the stages of its formation. We consider the quality of the creative person, the problem of development and improvement of creative possibilities of the future specialist.

Key words: creativity, creative activity, creative need, professional identity.

Когда человеку нужно изменить себя, ему на помощь приходит творчество. Творческая деятельность, как обобщение всех форм жизнедеятельности человека – основа его индивидуальности. Без творчества невозможно становление внутреннего согласия человека. Н. А. Бердяева пишет:

«Личность есть не субстанция, а творческий акт» [4, с. 20]. Через творчество осуществляется связь человека с миром.

Творчество начинается с небольшого, человек постепенно втягивается в него, начинает «болеть» творческими исканиями. Достигая определенных успехов, личность загорается своими творческими делами, в конце концов, достигает новых результатов. В его творческих исканиях немалую роль играют чувства, эмоции, страсть. Неутомимое чувство заставляет мысль работать, доходить до сути дела. Недаром в народе говорят: кто ищет, тот всегда найдет. Без постоянных размышлений, сопоставлений, исканий не может быть движения вперед. Способность не просто мыслить, а творчески мыслить представляет величайшую ценность личности в его жизнедеятельности. Крупнейший испанский философ XX века Хосе Ортега-и-Гассет пишет: «Человек обречен созидать, творить самого себя. И это не так уж странно, как может показаться на первый взгляд, ибо в слове «творение» со всей очевидностью подчеркивается, что человек – это прежде всего творец, техник. Жить – значит в первую очередь прилагать максимальные усилия, чтобы возникло то, чего еще нет, чтобы возник сам человек» [5, с. 190].

Именно познание и творчество позволяет человеку совершенствовать самого себя, формировать свое настоящее и ориентировать будущее. Способность человека к познанию является неотъемлемой частью творческого процесса. Как через познание формируется творческое отношение субъекта к миру, так и в творчестве происходит непрерывный процесс познания. Без познания и творчества человек не мог бы состояться в своем универсальном смысло-жизненном созидательном призвании.

Вопросы творчества интересовали мыслителей с древних времен. В античной философии проблемы творчества у Платона были соединены с осмыслением Эроса как творческого целеполагания. Немецкий классик Иммануил Кант творчество видел в способности воображения. Представитель позитивизма Дж. Дьюи под творчеством понимал изобретательство необходимое для решения поставленных проблем, ситуаций, где важными критериями выступали успех, полезность, выгода. Экзистенциалисты В. Дильтей, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер считали, что творчество мыслимо в рамках экзистенции, а творческая личность должна уходить в трансцендентное состояние, при котором может даже испытать чувства ужаса и страха, которые и дают творческую энергию. Проблемы творчества изучали многие отечественные представители философской мысли Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, А. Г. Спиркин, В. С. Степин, Э. Г. Юдина, они рассматривали проблему творческой природы сознания, аспекты проблем творчества. Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн рассматривали психологические концепции творчества.

Творчество неразрывно связано с мышлением. Развитие творческого мышления есть динамический процесс, включающий в себя последовательные стадии. Английский психолог Грэм Уоллес (Wallas, 1926) выделил следующую последовательность этапов творческого мышления: подготовка, инкубация, озарение, проверка. Первый этап связан с постановкой задачи, подготовкой к ее решению. Второй этап – временное отвлечение, переключение на другие задачи или предмет, когда проблема погружается в подсознание. Стадия озарения является сердцевиной творческого процесса, в результате которой решение можно найти там, где и не пробовали искать, рождается новая идея возможно даже с неожиданной стороны. Заключительный этап – это испытание, осуществление решения, которое может быть и логическим, и экспериментальным.

Выдающийся российский психолог и философ, основоположником наиболее глубоко разработанной философско-психологической теории деятельности Сергей Леонидович Рубинштейн указал на такие характерные особенности изобретательского творчества, когда изобретатель должен ввести что-то новое в контекст действительности, должен создать вещь, реальный предмет, механизм или приём, который позволяет решить определенную задачу.

Российский изобретатель, автор теории решения изобретательских задач — теории развития технических систем (ТРИЗ—ТРТС), автор теории развития творческой личности (ТРТЛ) Г. С. Альтшуллер (псевдоним Генрих Альтов) выделил шесть качеств творческой личности, необходимых для формирования активной творческой позиции: существование достойной цели – новой, ещё не достигнутой, значительной, общественно полезной; наличие комплекса планов достижения цели и регулярный контроль за выполнением этих планов; высокая работоспособность в выполнении запланированных планов; умение и хорошая техника решения задач; способность защищать свои идеи – «умение держать удар»; результативность.

Творчество является основой становления гармонично развитой личности как в общем, так и в профессиональном плане. На первое место в этом процессе выходит идентификация субъектом себя в процессе приобретения профессиональных качеств в формировании профессиональной идеологии. Профессиональная идентичность предполагает функциональное и экзистенциальное объединение человека и профессии, что позволяет слиться идентичности с пониманием своей профессии и осознанием своей профессиональной значимости для других.

На современном этапе развития высшего образования происходит переосмысление роли ценности приобретаемых студентами знаний, поскольку современному обществу необходим творческий специалист, способный самостоятельно ориентироваться в стремительном потоке научно-технической информации, умеющий критически мыслить, вырабатывать и защищать свою точку зрения.

Повышающиеся потребности современного производства в высококлассных специалистах для внедрения различных инноваций ориентировали высшую школу на переход к двухуровневой системе подготовки специалистов. Современные выпускники должны быстрее приспосабливаться к изменяющимся факторам рынка труда и системы экономических отношений в целом, защищать свои права и интересы.

Высшей школе как субъекту педагогической системы общества необходимо на основе государственных стандартов стабильно улучшать педагогический процесс, ориентируясь на требования современности для подготовки нынешнего типа личности – личности, подготовленной к самостоятельному ориентированию в постоянно возникающих ситуациях жизненной неопределённости, личности с инновационным мышлением и инновационным поведением.

Возрастает потребность в специалистах, обладают организаторскими качествами, способными создавать инновационное пространство, творческой активностью, инициативностью.

Образование с каждым годом превращается во все более важную часть развития общества, и высшая школа активно перестраивает свою работу. Современные подходы к организации учебного процесса в сегодняшних вузах направлены не только на формирование нового социопространства, но и на развитие творческого мышления у будущих специалистов, соответствующего требованиям времени, условиям инновационно ориентированной экономики. Современное образование должно базироваться не только и не столько на учебных дисциплинах, сколько на инновационных способах мышления и деятельности. Подготовить современного специалиста необходимо, основываясь на методах, активизирующих учебный процесс, обеспечивающих саморазвитие, самосознание студентами вузов своих возможностей и ценностей.

Особая роль отводится научной подготовке профессиональной идентичности, которая имеет своей целью формирование специально-профессиональной подготовки высококвалифицированного специалиста; и воспитание творческого исследователя.

Итак, для получения высокого уровня профессиональной компетентности и воспитания творческого исследователя, научное знание должно быть подано студентам (химикам, историкам, юристам и программистам и другим направлениям) не только как профессиональное и практическое, но и как исследовательское, т. е. проблемное, поисковое, относительное, с описанием его теоретической базы и практических точек приложения, с указанием возможных путей его изменения (т.е. его достоинств и недостатков), с указанием отдельных ученых и коллективов (какими аспектами они занимаются, в какую сторону движутся и т. д. и т. п.).

Будущие высококвалифицированные специалисты должны воспринимать свое профессиональное знание как исследовательское, что поможет им в практической работе легче ориентироваться в нестандартных ситуациях. Важным аспектом становления профессиональной идентичности является обращение к научной литературе и работа с ней, которая необходима специалисту высокой квалификации для эффективного выполнения сложной работы, которая, будучи наукоемкой, требует постоянного обновления научных знаний специалиста. Таким образом, работа с научной литературой становится нормой для представителей многих современных профессий. К тому же, знание и умение понимать научную литературу в своей профессиональной области поможет им повышать свою профессиональную компетенцию.

В современной социокультурной ситуации инновационная направленность специалиста любой сферы есть необходимое профессиональное качество и характерная черта его компетентности.

Необходимыми для появления новых идей, изобретений, художественных произведений проявлениями личности человека являются творческая активность и творческая потребность. Они дают

возможность человеку по-новому взглянуть на окружающую его действительность, наиболее полно проявить свой вкус, наблюдательность, способность к анализу при принятии самостоятельных решений. Суть творческой активности заключается в особом отношении к решению возникающих в деятельности человека задач, в желании привносить в свою жизнь и в жизнь окружающих что-то творческое, в тяге к новым профессиональным знаниям, в развитии в себе новых качеств и способностей, в старании сделать этот мир хоть чуточку лучше. Таким образом, необходимо формирование и стимулирование творческой активности и творческих потребностей в учебном процессе и внеучебной деятельности, а также предоставление возможностей реализации творческого потенциала студентов.

Сфера образования состоит не только из получения теоретических знаний и формирования практических навыков, в стенах высшей школы идет становление экзистенциального и функционального образа Я личности.

Формирование профессиональной идентичности можно считать законченным, если специалист обладает следующими признаками: свободное выполнение профессиональных обязанностей, повышение уровня притязаний – поиск сложных профессиональных задач, мастерство и творчество, профессиональное совершенствование, ощущение своей значимости, неповторимости; ситуационное самоопределение реализуется в индивидуальном стиле профессиональной деятельности; соответствие человека и профессии устанавливается в модальности: хочу, могу, делаю, возникает самоуважение и уверенность в своих силах и возможностях, характеристика самого субъекта деятельности – творческий.

Таким образом, можно сделать вывод, что творчество – это процесс создания нового продукта, несущего как материальную, предметную ценность, так и духовную ценность, сформулированную в нормативных отображениях о благе, добре, зле, прекрасном и безобразном, справедливом и несправедливом. Результаты творчества зависят от способностей, глубины ума и переживаний, силы воображения и воли, характера личности. Поэтому продукты творчества, включающие в конечном результате аспекты личности, не могут быть одинаковы у разных авторов.

Проведенные исследования позволяют выделить следующие этапы творческого процесса:

- осознание проблемы, накопление знаний и навыков, необходимых для четкого изложения и формирования задачи;
- формулировка задачи, выдвижение гипотез и предположений;
- временное абстрагирование, переключение на другие задачи, проблема уходит в подсознание. Незаметно для человека начинает работать подсознание, происходит генерация новых идей;
- озарение, или инсайт, скачок в мышлении, идея переходит от подсознания к сознанию – возникает вдохновение;
- оценка – сознание оценивает вероятность применения полученной идеи для решения проблемы;
- проверка и доработка идеи, его воплощение, если задача не решена, то процесс начинается сначала, если задача решена, то осуществляется подготовка и переход к решению следующего вопроса.

Исследование показало, что творческая личность должна уметь не только видеть проблему, выбирать достойную цель, но и обладать высокой работоспособностью, осуществлять свою деятельность планомерно, владеть хорошей техникой решения творческих задач, защищать свои идеи при любых обстоятельствах.

Следовательно, главная задача процесса становления творческой личности будущего специалиста состоит в выявлении и совершенствовании творческих возможностей личности и превращении их в устойчивые, социально-ценностные творческие параметры.

Это должны быть специалисты новой формации – знающие, креативные, мобильные, нацеленные на успех, ведающие языками, востребованные на рынке труда, а также умеющие использовать знания и добывать их на протяжении всей жизни в любой точке мира, т.е. нацеленные на реализацию требования времени – образование на протяжении всей жизни.

Можно дать несколько советов, необходимых в образовательном процессе для развития творческого потенциала будущих специалистов.

При обучении нужно как можно чаще опираться на положительные эмоции (удивления, радости, переживания успеха и т. п.), так как отрицательные эмоции подавляют творческие способности.

Важно также понимать, что развитие творческого мышления невозможно без овладения специальными эвристическими приемами и методами ТРИЗ для решения различных типов задач.

Невозможно проявлять творчество в условиях, когда студенты не верят в то, что они справятся с поставленной задачей. Поэтому следует поощрять стремление студентов к самостоятельности при выборе средств и методов решения творческих задач.

Не следует поощрять у студентов тенденции к соглашательству, подчинению требованиям большинства, желательнее поощрять проявления фантазии студентов. В этом может помочь высокая самооценка личности. В творчестве она менее опасна, чем заниженная.

Следует добиваться того, чтобы каждый студент был самим собой, имел индивидуальный стиль в решении творческих проблем. Для этого на всех стадиях обучения преподавателю следует не просто говорить об уважении к личности студента, но и реально проявлять его, прислушиваясь к мнению студентов.

Литература

1. Альтшуллер Г. С. Найти идею. 3-е изд., доп. Петрозаводск: Скандинавия, 2003.
2. Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития. М.: Академия, 2007.
3. Лосев А. Ф. Диалектика творческого акта (краткий очерк). М.: Контекст, 1982.
4. Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики // Творчество и объективация / сост. А. Г. Шиманский, Ю. О. Шиманская. Мн.: Экономпресс, 2000.
5. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: пер с исп. / сост., предисл. И общ. ред. А. М. Руткевича. 2-е изд. М.: Издательство «Весь Мир», 2000.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2005.
7. Wallas G. The Art of Thought. N. Y., 1926; Солсо Р. Когнитивная психология. 1996.

УДК 940. 1 (450)

Краснова Ирина Александровна

ОСНОВНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ КОММУНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ФЛОРЕНЦИИ XIII-XIV ВВ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ

В данной статье отражено основное социальное противоречие города Флоренции в XIII-XIV вв. – между торгово-ремесленными слоями и урбанизированной знатью – в историографическом аспекте. Приводятся основные версии, выдвинутые в итальянской историографии в XX – начале XXI в., в поисках ответа на вопрос, что преобладало – социальная борьба или тенденции к синтезу знати и народа.

Ключевые слова: знать, народ, социальные противоречия, урбанизация, историографические версии.

Krasnova Irina A.

THE MAIN SOCIAL CONTRADICTION OF COMMUNAL SOCIETY OF FLORENCE IN XIII-XIV CENTURIES: HISTORIOGRAPHICAL VERSIONS

The object of research is the main social contradiction of Florence in XIII-XIV centuries – between trade and industrial layers and urban nobility – in historiographical perspective. Shows the basic version of the Italian historiography of XX – beginning of XXI century in search of an answer to the question: what prevailed the social struggle or trends in the synthesis of the nobility and the people.

Key words: the nobility, people, the social contradictions, urbanization, historiographical versions.

Средневековая Италия, как никакая другая европейская страна, представила в средневековой урбанистике богатейшее разнообразие экономических, социально-политических, культурных альтернатив, развивающихся в автономных городах-государствах, коммунах и синьориях. К итальянскому городскому обществу XIII–XV в. неприменим классовый подход, являющийся слишком грубым инструментом для анализа перепутанных отношений между множеством различных социально-профессиональных страт, групп и общностей, призванных функционировать как единый организм на небольшом пространстве, ограниченном стенами города. Сложная социальная структура, опыт разрешения острых антагонизмов, процессы конвергенции разных слоев городского населения уже несколько веков являются объектами пристального внимания исследователей разных стран. Особый интерес вызывает история города-республики Флоренции, в которой развивалось

противоречие между урбанизированными древними знатными фамилиями, имеющими феодальное происхождение (*grandi, nobili, magnati, gentiluomini*), и торгово-ремесленными слоями (*popolani*).

В начале XX в. проблема отношений знати и народа вызвала дискуссию, начало которой положили итальянский исследователь Гаэтано Сальвемини и русский историк-эмигрант Николай Оттокар, затронув столь кардинальные вопросы коммунальной истории Флоренции, что за многие десятилетия исследователям не удалось получить на них исчерпывающие ответы. Фундаментальной проблемой общества Флоренции, как и историографии о коммунальной Италии между XIII и XIV вв., стал «вопрос о магнатах». Современный итальянский историк П. Гвальтьери, характеризовал его, как «очень сложный узел с запутанной проблематикой, относящейся к развитию и утверждению пополанства, существенный политический успех которого, как и процесс дискриминации и относительной политической маргинализации старого правящего слоя, приобрел для Флоренции почти абсолютный характер» [7, р. 70; 9]. Труды Гаэтано Сальвемини и Николая Оттокара, разделенные по времени дистанцией около 25 лет, обозначили последующие историографические дебаты, способствуя поляризации позиций относительно проблемы противостояния между магнатами и пополанами.

Выдающийся итальянский историк рубежа XIX–XX в. Гаэтано Сальвемини, который специально занимался рассматриваемыми проблемами, утверждал наличие в обществе Флоренции острой борьбы между двумя основными сословиями и придавал исключительно большое значение Установлениям справедливости 1293 г., которые, по его мнению, стали причиной дальнейшего расцвета коммуны и не дали ей выродиться в мелкий бург под управлением земельных собственников. Г. Сальвемини, разделяя в некоторой степени марксистские позиции, видел в этом противостоянии классовую борьбу между сословием сельских рантье – магнатов (*гранды*) и сословием торгово-ремесленных производителей – пополанов [18, 19, р. 228–229]. Концепция Сальвемини имела многих последователей в первой половине – середине XX в.: ее придерживались такие известные историки, как Р. Давидсон, Н. Родолико, Ф. Каталано и другие.

Н. Оттокар, на мировоззрение которого повлияли враждебное неприятие революции 1917 г. в России и ненависть к большевистскому режиму, признавал различия между *грандами* и пополанами внутри Флоренции, но, возвышая нобилей над народом, отрицал политическую борьбу между ними – «это спорная концепция, не подтвержденная действительностью». Он считал, что пополаны выступали только против крайних проявлений насилия и агрессии со стороны *грандов*. [14, р. 90–97]. При этом Н. Оттокар рассматривал вопрос в социально-политической плоскости, интерпретируя антагонизм как противостояние правящих олигархий, социально и экономически преобладающих в городе. Отмечая, что в 1282–1293 гг. не произошло существенных изменений в составе правящей элиты, Оттокар осуждал принципы Сальвемини и следующих за ним историков, как антиисторические: «Политические упования пополанства расцениваются ими, как факт всегда актуальный и всегда идентичный. Идея, что интересы общества могли в определенных реалистических условиях воспринимать другие формы политической организации, считается антиисторической, потому что она нарушает... воображаемые отношения, неизменяемые и вечные, между «классами» флорентийского общества. Вся внутренняя история Флоренции второй половины XIII в. сводится в современной историографии к простому противостоянию между господствующим слоем магнатов и политическими движениями народа» [14, р. 49].

Н. Оттокар подвергал критике многие выводы о проявлениях борьбы *грандов* и пополанов в XIII в., полученные Р. Давидсоном на основе интерпретации ряда архивных документов, считая их ошибочными, поскольку тот исходил из предвзятой концепции классовой борьбы между нобилиями и плебсом [14, р. 50–53]. Русский историк также высказал ряд ценных и не утративших актуальность наблюдений: изначально, то есть после возвращения гвельфов во Флоренцию в 1267 г., партия гвельфов не являлась исключительно нобильским институтом, включая и пополанство; флорентийские магнаты были тесно связаны с торговлей, банковским делом и другими видами предпринимательства [14, р. 53–54], пополанские фамилии были представлены в составе правящей элиты и различных властных структурах, включая и посты гибеллинской и гвельфской партий [14, р. 59–62], что подтвердили исследователи во второй половине XIV в. [16, р. 37–39, 53; 21, р. 103–106, 110, 113, 116–117]. Критика Оттокара далеко не всегда подтверждалась документально, прежде всего, по той причине, что многие аутентичные источники, позволяющие провести верификацию, не сохранились. Они справедливо указывали на недостаточность аргументов, на основе которых Н. Оттокар строил свои хронологические гипотезы, и неточность датировок, предлагаемых русским ис-

ториком [21, р. 99]. Н. Оттокар пришел к выводу: «Предположение, что в политической жизни Флоренции доминировал в те годы контраст между двумя оппозиционными партиями – магнатами и пополами, и что пополанская партия находила свое выражение в ремесленном Приорате, противоречит реальности... Социальные контрасты между магнатами и пополами не представляли доминирующего мотива флорентийской истории этого периода» [14, р. 121].

Последователи Н. Оттокара, в частности, Д. Пампалони, были склонны утверждать преобладание симбиоза между народом и бывшими выходцами из старой феодальной знати. Д. Пампалони полагал, что «не было никаких особых различий между грандами и пополами, кроме тех, которые мы сами придумали... обе группы составляли единый комплекс, а говорить о постоянной борьбе или антагонизме между ними – явное заблуждение, далекое от истины» [15, р. 343]. Подобный подход отличал труды известного историка XX в. А. Тененти, заявлявшего о «симбиозе между буржуазным и феодальным сословиями», а также Р. Романо, Р. Мандру, Ж. Ле Гоффа, приходящих к заключению о «сцеплении торговой буржуазии с феодальной знатью», «интеграции между двумя этими группами, которая в Италии была сильнее, чем где бы то ни было» [17, р. 117–118]. Указанные исследователи склонялись к тому, что городское общество Флоренции вряд ли можно считать сословным в обычном понимании этого слова применительно к позднему средневековью. Жак Ле Гофф указывал, что к концу XIV в. во Флоренции меняется само понятие «знатность»: главным его критерием становится не происхождение из старого феодального рода и рыцарское достоинство, а скорее социально-политический статус в городе и количество предков, занимающих высшие должности [8, р. 151].

С последней трети XX в. в историографии наметилась явная тенденция отказа от полярности позиций историков XIX – первой половины XX в., как следствие попыток более глубокого изучения на основе сохранившихся архивных документов внутренней динамики социально-экономических и политических процессов внутри феодальной по своему происхождению знати, стоящей у истоков коммунальной ассоциации, или позднее переселившейся в город [5, р. 359–361; 10]. Исследование взаимодействий магнатов и пополанов в рамках городского пространства, на уровне разных форм сотрудничества и вражды, позволяет более обоснованно показать как проявления противостояния между двумя основными слоями флорентийского общества, так и пути его преодоления.

Отправным пунктом новых взглядов на проблему представляется появление коллективной монографии (1978) «Гибеллины, гвельфы и жирный народ: носители политической власти во Флоренции», в которой прослеживается тенденция не отвергать ту или иную точку зрения, но подвергнуть их взвешенному и критическому анализу на основе вновь вводимых в оборот архивных документов. Один из авторов, Даниэлла Медичи соглашается с Н. Оттокаром в том, что магнатские фамилии сохраняли свою жизнеспособность вплоть до 1293 г., опираясь на социальный престиж и такую мощную политическую структуру, как партия гвельфов. Однако она не принимает в полной мере позиций Н. Оттокара в отношении неизменности состава Приората с 1282 по 1292 гг. Нобили были представлены в Советах и занимали самые почетные должности, исполняли важнейшие дипломатические миссии, осуществляли полководческие функции, но в меньшей степени состояли в Приорате цехов, который становился все более значимым исполнительным и распорядительным органом: с 1282 по 1292 гг. всего 13 % членов Приората являлись грандами. При этом очень важным является ее наблюдение, что в Приорате нобили участвовали «не как представители фамилий знати», но как «члены старших цехов, то есть выступали не столько выразителями мнения того социального слоя, к которому принадлежали, сколько представителями торгово-ремесленных кругов» [12, р. 199–200; 2, р. 250–258, 263–264]. Согласно исследованиям Д. Медичи, с 1282 по 1293 гг. существенно уменьшилась доля фамилий древней нобильской аристократии, составивших в Приорате всего лишь около 4 % (Адимари, Торнаквинчи, Виздомини, несколько членов консортерий Росси, Пацци, Пильи, Абати) [12, р. 201–202]. Признавая многие выводы русского историка, Д. Медичи, однако, указывала на «туманность суждений о правящем классе Флоренции», «неопределенность контуров, отчего трудно понять мысль историка, но легко исказить ее», на противоречивость тезисов, из которых неясно, сводился ли правящий слой к узкой олигархической элите или был представлен широкими социальными стратами. Д. Медичи решительно не согласна с заключением о том, что с 1267 вплоть до 1293 г. правящий слой не претерпел никаких изменений: русский историк, по ее мнению, «забальзамировал правящий класс», как монополию группы фамилий, используя далеко не весь комплекс необходимых источников. Исследователь показала не только ослабле-

ние могущества слоя грандов в связи с образованием Приората и высылкой из Флоренции почти всех представителей родов гибеллинской знати (1267), но и усиление торгово-ремесленных слоев во властных структурах, особенно Приорате и Коллегии 14-и. Исследуемые документы подвели ее к несогласию с мнением Г. Сальвемини о всеопределяющей роли социальных контрастов, которые не являлись постоянно действующим фактором [12, p. 223–225].

Второй автор, Массимо Тарасси также был солидарен с Оттокарсом относительно быстрого стирания различий между новой, выдвинувшейся не ранее второй половины XIII в. из торгово-ростовщических слоев, знатью и богатыми влиятельными пополанскими домами: «Оттокар был, в сущности, прав, когда заявлял, что Фрескобальди, Спини, Моцци, Барди, Черки, фигурирующие позже в списках магнатов, не отличались ни в чем от многих других крупных домов, всегда считающихся пополанскими: Аччайуоли, Каниджани, Фальконьери»... Некоторые из этих фамилий приобретали такие качества, которые позволяли им через 15–20 лет числиться в категории магнатов» [2, p. 144]. Серджо Раведжи демонстрировал солидарность с Н. Оттокарсом и в более глобальном заключении: обозначение «классы», употребляемое в отношении грандов и пополанов, он считал «механическим», противоречащим наличию интерклассовых политических фракций и интерперсональных связей, к «которым лишь в минимальной степени можно приложить характеристики экономического характера» [16, p. 64].

На рубеже XX и XXI вв. в зарубежной историографии, особенно итальянской, повысился интерес к проблемам социальной структуры городских сообществ средневековья и, в частности, к тем трансформациям, которым подвергались слои знати внутри стен города [11]. В настоящее время историки обнаруживают тенденцию сужать фокус видения проблемы, разукрупняя ее отдельные блоки, выделяя, к примеру, сюжет о городских рыцарях [4, p. 5–25; 1; 3; 6; 20], или об институтах вендетты и фиды в городском сообществе [22]. Нельзя отрицать значимость труда Энрико Фаини (2010), который обратился к малоисследованному из-за скудности письменных источников периоду XI – начала XIII вв. Привлекая документальный материал, ему удалось воспроизвести процесс урбанизации феодальной знати в округе Флоренции и наметить его основные этапы: в частности, автор выделил промежуточный период «кочующей знати» – феодальных фамилий, временами обитающих в городе, но возвращающихся в свои замки в контадо [5]. Современные исследователи не отрицают политической дискриминации магнатов после 1293 г., но доказывают продолжение возможности идентификации их, как особой социальной группы, имеющей явные отличия от пополанства [22, p. 109; 1]. Отдельной значимой темой стал вопрос о существенном изменении «политической практики и образа действия власти правящей элиты» после принятия Установлений Справедливости [13, p. 180].

Литература

1. Artifoni E. Tensioni sociali e istituzioni nel mondo comunale // La storia. I grandi problemi dal Medioevo all'età contemporanea. Dir. da N. Tranfaglia e M. Firpo. Torino, 1986. T. I. Il Medioevo, 2 Popoli e strutture politiche.
2. Becker M. A. Study in Political Failure: The Florentine Magnates (1280–1243) // Medieval Studies, 1963.
3. Cardini F. L' acciar de' cavalieri. Studi sulla cavalleria nel mondo toscano e italico (secc. XII–XV). Firenze, 1997.
4. Cardini F. Introduzione. Cavalieri e città nella società italiana medievale // Cavalieri e città. A cura di F. Cardini, I. Gagliardi, G. Ligato. Atti del III convegno internazionale di studi. Volterra, 19–21 giugno 2008. Pisa, 2009.
5. Faini E. Firenze nell'età romanica (1000–1211). L' espansione urbana, lo sviluppo istituzionale, il rapporto con il territorio. Firenze, 2010.
6. Grillo P. Cavalieri e popoli in armi. Le istituzioni militari nell'Italia medioevale. Roma – Bari, 2008
7. Gualtieri P. Il Comune di Firenze tra due e trecento. Partecipazione politica e assetto istituzionale. Firenze, 2009.
8. Legoff J. Marchands et banquiers. P. 43–46; R. Mandrou. Introduction a la France moderne (1500–1640). Paris, 1961.
9. Maire-Vigueur J.-C. Il problema storiografico: Firenze come modello (e mito) di regime popolare // Magnati e popolani nell'Italia comunale. Atti del quindicesimo Convegno di studi, Pistoia, 15–18 maggio 1995. Pistoia, 1997.
10. Maire-Vigueur J.-C. Flussi, circuiti e profile // I podestà dell' Italia comunale. Parte I. Reclutamento e circolazione degli ufficiali forestieri (fine XII sec. – metà XIV sec.). A cura di Maire Vigueur J.-C. Nuovi Studi storici. Roma, 2000.
11. Maire Vigueur J.-C. Cavalieri e cittadini. Guerra, conflitti e società nell' Italia comunale. Bologna, 2004.
12. Medici D. I primi dieci anni del priorato // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978.

13. Najemy J. A. The Dialogue of Power in Florentine Politics // City states in classical antiquity and Medieval Italy. Athens and Rome, Florence and Venice. Ed. By A. Molho, K. Raaflaub, J. Emlen. Stuttgart, 1991.
14. Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Torino, 1962.
15. Pampaloni D. Tornaquinci, poi Tornabuoni fino ai primi de Cinquecento // Archivio storico italiano. 1963, CXXVI. P. 343.
16. Ravaggi S. Il regime ghibellino // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978.
17. Romano R., Tenenti A.. Il Rinascimento e la Riforma (1378–1598). Torino, 1972.
18. Salvemini G. La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze e altri scritti. A cura di E. Sestan. Milano, 1972.
19. Salvemini G. Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295. Torino, 1974. P. 48–49; F. Catalano. Stato e società.
20. Settia A. A. De re militari. Pratica e teoria della Guerra medievale. Roma, 2008.
21. Tarassi M. . Il regime guelfo // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978.
22. Zorzi A. Politica e giustizia a Firenze al tempo degli ordinamenti antimagnatizi // Ordinamenti di Giustizia fiorentini . Studi in occasione del VII centenario. A cura di V. Arrighi. Firenze, 1995.

УДК 291.13

Пикалов Дмитрий Владимирович

МИФЫ О ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА И ПАСТУХА В ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУРАХ

В статье рассматривается мифологический сюжет о противостоянии земледельца и пастуха, характерный для ряда культур Древнего Востока. Анализируются причины его возникновения, особенности и социальные функции.

Ключевые слова: мифологическое мышление, миф, конфликт идентичностей.

Pikalov Dmitry V.

MYTHS ABOUT OPPOSITION OF THE FARMER AND THE SHEPHERD IN ANCIENT EAST CULTURES

In article the mythological plot about opposition of the farmer and the shepherd, characteristic for a number of cultures of the Ancient East is considered. The reasons of its emergence, feature and social functions are analyzed.

Key words: mythological thinking, myth, conflict of identity.

Мифологический сюжет о противостоянии земледельца и пастуха встречается в ряде культур Древнего Востока. Само противостояние представлено в разной степени драматизации, от обычного спора и состязания женихов, до братоубийства. В последнем же случае всегда оказывается, что мирный земледelec, труд которого менее всего связан с насилием и агрессией, убивает пастуха. Хотя убийство как способ добывания пищи и организации жизни скорее присущ именно кочевнику-скотоводу. Наиболее известным сюжетом, повествующим об этом древнем конфликте, является библейский рассказ о двух братьях, один из которых согласно Ветхому Завету, был пастухом, а другой – земледельцем.

Известная всем история о двух братьях, Каине и Авеле до сегодняшнего дня является одной из самых странных и нелогичных легенд Ветхого Завета. Она оставляет больше вопросов, чем дает ответов: остается только догадываться, что это за недобрые дела совершает Каин и что за грех лежит у дверей его; зачем Каин зовет Авеля именно в поле и там его убивает, и почему Бог не знает, что случилось в этом поле; почему земля отверзла уста свои принять кровь Авеля, хотя в тексте говорится, что земля за это прокляла Каина; и что это за такое наказание изгнанием, когда изгнанник строит город, плодит потомство и живет припеваючи под защитой Бога [2]? И почему имя Авеля значит «пастух», а Каина – «кузнец» [16, с. 209]?

На все эти вопросы четкого ответа текст Библии не дает. Как не дают его древние и современные толкователи Библии, ограничиваясь утверждением, что «грех Каина» – это его зависть к брату или изначальное несовершенство, вызванное грехопадением Адама и Евы. Оно и понятно,

ведь, как пишет М. Дуглас, «...оскверняющий человек всегда неправ. Он либо сделал что-то не так, либо просто пересек какую-то черту, которую нельзя было пересекать...» [6, с. 170].

Собственно, можно было бы и ограничиться этими объяснениями, если у соседей древних иудеев – египтян не было бы аналогичного мифа, в котором также земледелец убивает скотовода. И если в случае с древними иудеями, которые изначально были кочевниками-скотоводами и только позже, поселившись в Ханаане, перешли к земледелию [15], сюжет о «плохом земледельце» и «хорошем скотоводе» еще можно как-то разумно объяснить, то вот аналогичный миф в земледельческой древнеегипетской культуре противоречит здравому смыслу. Но ведь «логика мифологического мышления отличается от логики реалистической» [5, с. 80], поэтому очень часто исследователи впадают в ошибку, пытаясь интерпретировать мифы с позиций современного здравого смысла.

Обратимся к основополагающему мифокострукту Древнего Египта – преданию об Осирисе и Изиде. Уже в додинастический период (*начало IV тысячелетия до н.э.*) фиксируются определенные религиозные традиции, связанные с культом Осириса.

Заметим, что наиболее полной версией мифа об Осирисе является та, что изложена Плутархом (II век) в его трактате «Об Осирисе и Исиде» [11, с. 231–249]. В самих египетских текстах упоминаются лишь отдельные эпизоды, что лишний раз подтверждает концепцию об отсутствии целостного повествования, характерного для мифов древности. Ведь задачей творцов Ветхого Завета и древнеегипетских мифов было не объяснение и упорядочение мира, а упорядочение мифов, доставшихся им с глубокой архаики. То, что создателей мифов менее всего волновал вопрос, а как на самом деле обстояли дела, совершенно естественно, поскольку их мышление являлось мифоцентристским.

В то же время нужно обязательно пояснить, что мифология, особенно древнейшая мифология, чужда каких-либо элементов рациональной логики, а основана на своих собственных законах. Именно поэтому этнографы, записывающие мифы, никогда не встречались с феноменом целостной мифологической системы, в которой различные фрагменты мифологической картины, различные мифологические сюжеты или отрывки сюжетов сплетались бы в сколько-нибудь законченный геометрический узор, складывались в целостную систему. Это обстоятельство привело к тому, что исследователи-этнографы и фольклористы делали эту работу сами. Даже такая полная и хорошо сохранившаяся до нашего времени мифология как греческая, была систематизирована и упорядочена не античными авторами, а европейскими учеными (Р. Грейвс, А. А. Тахо-Годи, Н. А. Кун и др.). Вместе с тем тот факт, что сами древние греки, судя по всему, не только не имели никакой целостной (целостной – в нашем понимании) мифологической картины, но и не испытывали нужды в какой бы то ни было ее систематизации, оставался без объяснения. Что тогда говорить о культурах стоящих на более низком уровне развития?

Вот как, к примеру, описывал трудности сбора мифов у папуасов маринд-аним П. Вирц: «...Лишь немногие островитяне умеют рассказывать. Некоторые знают много мифов, но изложить их не могут. Их рассказ представляет обычно какой-то фрагмент без начала и конца, и бывает иногда весьма нелегко понять, о чем идет речь, особенно вначале. Однако со временем я заметил, что во всей области, населенной маринд-аним, большинство мифов рассказывается одинаково, с незначительными отклонениями... Дело, следовательно, было лишь за тем, чтобы записать в разных местах рассказы как можно большего числа информантов. Получив, таким образом, общее представление обо всем материале, можно было дополнить фрагменты отдельных мифов другими. Это был единственно возможный путь. Каждый рассказчик, как правило, начинает свое повествование с того, что ему в данный момент пришло на ум. Чаще всего, бывает, сразу даже трудно уловить какой бы то ни было смысл, какую-то последовательность. Но некоторое время спустя удастся опять услышать фрагмент того же мифа. Так составляешь о нем все более и более полное представление и можешь уже сам выяснить недостающие частности, задавая вопросы...» [8, с. 25–26].

Любопытно: многим собирателям мифов, похоже, просто не приходило в голову, что фрагментарность мифа, его отрывочность и несвязность – это не досадное недоразумение, а, так сказать, фундаментальный факт, свидетельствующий об очень существенной черте бытования мифа в первобытном социуме. Движимые лучшими побуждениями, этнографы стыковали друг с другом различные фрагменты «одного и того же мифа», пытаясь реконструировать картину этого мифа как целостную и последовательную. П. Вирц и Г. Неверман честно признаются, что их книжные тексты не являются буквальными воспроизведениями слышанного ими. «Маринд-аним далеко не всегда рассказывали мифы в полном виде, не обязательно передавали их как цельные нарративы: нередко

какие-то мотивы и эпизоды, мифологические образы и реминисценции всплывали в разговорах, обнаруживались в составах ритуалов, вспоминались в связи с какими-либо предметами и т. д. Наблюдателям приходилось подчас самим восстанавливать рассказ как целое, объединять отдельные эпизоды и т. д.» [8, с. 17]. Но ведь реальное существование мифа в первобытном обществе не имело какого бы то ни было подобия целостности, так как мифы представляют собой особую форму бытования семантических полей предметов и явлений окружающего человека мира. Но вот с какой стати эти семантические поля должны быть каким-то образом упорядочены [7, с. 127]?

Философ А. М. Лобок обратил внимание на одну особенность, замеченную П. Вирцем: «Оказывается, можно знать много мифов, но не уметь их изложить» [7, с. 127–130]. Важное наблюдение, подчеркивающее то принципиальное обстоятельство, что мифы по своей сути не есть рассказы, не есть повествования; а есть нечто существенно другое. Иначе как можно знать миф, но не уметь его рассказать? Это, кстати, то обстоятельство, на которое обращали внимание многие этнографы: миф в первобытном обществе – не повествование, не рассказ, а прежде всего, особый способ бытования сознания человека. Но что это за бытование сознания? В своей исходной ипостаси миф – это всего лишь размытое смысловое поле предмета, которое еще только должно когда-нибудь превратиться в рассказ. Иррациональность мифа станет более понятна, «если мы вспомним, что древние не удовлетворялись простым пересказом своих мифов... Они драматизировали мифы, видя в них особую силу, эффективность которой можно было повысить декламацией» [13, с. 13].

И вот наступает такой момент в истории народа, когда возникает необходимость письменно зафиксировать многообразие этих смысловых полей, собрать множество рассказов в подобие единого текста. И создатели Ветхого Завета, и древнеегипетские и древнегреческие жрецы сталкивались с теми же проблемами, которые позже преодолевал П. Вирц и другие этнографы XIX–XX веков, т. е. с фрагментарностью, разрозненностью и несистематичностью повествования. Но так как древние авторы, были сами носителями мифологического сознания, то они не пытались, в отличие от этнографов XIX–XX века, «дополнить фрагменты отдельных мифов другими», а приводили их, как говорят, из первых рук. И их совершенно не смущала нелогичность и определенная бессвязность их повествования.

Вернемся к мифу об Осирисе и Изиде в изложении античных и древнегреческих источников. Несмотря на определенные разночтения и противоречия, которые могут быть следствием «соперничества» или синкретизации различных мифологических элементов, центральный миф, сложившийся после окончательной победы Осириса, легко поддается реконструкции. Согласно всем преданиям, Осирис был легендарным царем, чье правление в Египте славилось мощью и справедливостью. По преданиям, именно Осирис установил справедливые законы и был истинным судьей для людей. Благодаря ему на всей земле Египта установился длительный мир.

Возникает резонный вопрос, а где тут «плохой» земледелец и «хороший» скотовод? К моменту фиксации мифа Плутархом эта связь Осириса и Сета со скотоводством и земледелием уже была оттеснена другими семантическими смыслами. Но кое-что осталось. Сет – хтоническое божество (металлы считались костями Сета), изначально был лишен негативных черт, муж плодородной земли вокруг Нила, покровитель мужской сексуальной силы и, вполне вероятно, плодородия, поэтому при гиксосах (Манефон переводит слово «гиксосы», как «цари-пастухи» или «пленники-пастухи», последнее подтверждается египетским $\text{H}\Delta\text{q}$ «добыча», «пленник») он отождествлялся с Ваалом – общесемитским богом плодородия. Однако, после вторжения гиксосов, отношение египтян к иностранцам, можно охарактеризовать как ксенофобию, и, в конечном счете, Сет, как главное божество гиксосов, стал воплощать все, что египтяне не любили в иностранных правителях, и таким образом он постепенно поглощал личности всех предыдущих злых богов, особенно Апопа.

Древнеегипетский Сет, как и древнегреческий Тифон, изображались черными, что собственно и позволило Плутарху использовать имя греческого хтонического божества, в качестве замены собственно египетского. А. Голан пишет: «Вероятнее всего, черное было приписано Богу земли потому, что он обитал в подземелье, где господствует мрак, темнота, чернота... Да и сама земля черная. О том, что в архаических представлениях «черное» ассоциировалось не со злом, а с темнотой подземелья, может свидетельствовать, например хеттское выражение «черная земля», которое обозначало мифический подземный мир» [5, с. 189].

Вполне вероятно, функции плодородия Сета во времена Среднего Царства были перенесены на Осириса, который считался покровителем земледелия и царем загробного мира. Именно тогда появляются представления о том, что Осирис научил людей пахать землю, сеять зерно, собирать урожай. Так

же он научил людей молотить зерно, делать муку, культивировать фруктовые деревья, укреплять виноградную лозу, собирать фрукты. А Сет соответственно теряет свои связи с земледелием, плодородием и царской властью, и становится злым божеством кочевников гиксосов. Именно поэтому со времен Среднего царства его начинают ассоциировать с войной, различными бедствиями и кочевниками.

В то же время основные атрибуты власти Осириса – кнут (*нехех*) и жезл (*хека*), последний явно отголосок пастушеской жизни – посоха скотовода. Египетские фараоны также изображались с пастушеским посохом (*египетские тексты называют фараона «пастырем страны», «пастухом Египта»*), а само название «хека» означает «править» (*царь-пастух*). Вполне вероятно, образ Осириса-пастуха был вытеснен из сознания египтян образом Осириса-зерна. Д. Д. Фрезер отмечает: «Красноречивым и недвусмысленным свидетельством в пользу допущения такой связи являются набитые зерном статуэтки Осириса на могилах. Эти изображения являлись одновременно символом и орудием воскресения» [14, с. 358].

«Самое прямое отношение имеет к богу хлеба и предание об Осирисе, научившем людей земледелию. Рассказ же о том, что изувеченные останки бога были разбросаны по всей стране и захоронены в различных местах, можно считать аллегорией процессов сева и веяния. В пользу такого истолкования говорит предание, которое гласит, что отрезанные части тела Осириса Исида сложила в лукошко. Еще более вероятно, что это предание является отзвуком былого принесения в жертву представителя духа хлеба с последующим закапыванием частей его тела или рассеиванием его пепла в качестве полевого удобрения... В высшей степени знаменательным представляется также тот факт, что цари приносили эти варварские жертвы на могиле Осириса. Можно предположить, что жертвы эти представляли самого Осириса: в их лице бога каждый год убивали, разрывали на части и зарывали для того, чтобы быстрее поднялись посаженные в землю семена» [14, с. 354–355].

Вполне вероятно, что в эпоху Среднего царства мифоконструкт «жертвоприношение чужого (пастуха, кочевника) во благо урожая и плодородия земли», был поглощен и трансформирован мифоконструктом «возрождение через смерть».

Причина этого, как отмечают исследователи, начавшийся во времена Среднего царства процесс «демократизации» культа Осириса [16, с. 127]. Если ранее только умерший фараон становился Осирисом, то в эпоху Среднего царства утверждается идея, что «каждый скончавшийся египтянин становился богом Осирисом» [13, с. 141]. Как отмечает М. Элиаде: «наряду с фараонами, многие заявляют о своем ритуальном участии в драме и апофеозе Осириса. Тексты, которые ранее высекались на стенах тайных камер в пирамидах, воздвигаемых для фараонов, теперь стали воспроизводиться на саркофагах знати и даже рядовых, непривилегированных членов общества» [16, с. 127]. Теперь все египтяне могли наслаждаться вечностью на тех же условиях, которые в предыдущих периодах были доступны только фараонам. Естественно, такая «демократизация» культа привела к тому, что Осирис оказался в центре этических забот и религиозных надежд египтян, и естественно его роль в древнеегипетской религии сильно возрастает [16, с. 126]. Соответственно, соперник Осириса стал наделяться демоническими чертами.

Существуют и другие гипотезы. Шведский исследователь У. Лjungман полагает, что человеческие жертвоприношения во благо урожая своими корнями уходят в Египет [17, с. 101–103]. Древнейшие церемонии такого рода, по его мнению, можно найти среди доосиридовских ритуалов. В доисторические времена человека закатывали в папирус, отрубали ему голову, а тело либо бросали в воду, либо разрубали на куски. Это жертвоприношение олицетворяло ритуальную битву двух сил. В более поздней форме данного ритуала Осирис отождествлялся с обезглавленным или искалеченным человеком, упрятым в сноп, а Сет – с тем, кто наносил ему удар или бросал труп в воду. В начале ноября устраивалось ритуальное вспахивание земли и ритуальный сев. Прорастание семян говорило о том, что Осирис ожил.

По мнению Лjungмана, эти ритуалы, в той или иной степени исполнявшиеся в Сирии, Месопотамии, Анатолии и Греции, способствовали распространению земледельческой обрядности по всему миру, причем распространялась она не только в древности, но и позже, в рамках христианства и ислама [17, с. 103].

В более позднюю эпоху, возможно, сам египетский погребальный ритуал стал являться повторением мифа об Осирисе. Умершего египтянина так же расчленили, извлекая внутренние органы и помещая их в отдельные сосуды, для того, чтобы он подобно Осирису, возродился в мире мертвых [3, с. 143].

Но стоит вспомнить и тот факт, что Египет, как не парадоксально, очень поздно перешел к производящему хозяйству. Дельта Нила X–VI тыс. до н.э. представляла собой песчаную равнину с редким растительным покровом, непригодную для земледелия и скотоводства: почвообразующие илистые наносы здесь пока не откладывались, а транспортировались рекой в море, где рассеивались и смывались прибрежными волнениями и течениями. Значительную роль при этом играл низкий базис эрозии Нила, ускорявший дельтовый сток реки: около X тыс. до н.э. уровень Средиземного моря был на 70 м ниже современного. Таким образом, почвенно-ботанические условия раннеголоценовой Дельты не благоприятствовали переходу к оседлости и неолитическому производящему хозяйству. В Долине предварительно вырисовывается похожая социоестественная картина. Например, одна из редких раннеголоценовых стоянок в пойме Нижней Нубии, датируемая X тыс. до н.э., принадлежала палеолитическим охотникам и рыбакам и представляла собой «маленький сезонный лагерь на островке суши» [12, с. 81]. В ходе потепления раннего голоцена в среднем к VIII тыс. до н.э. увлажнение климата Африки создало такие естественные условия жизни в Сахаре и Сахеле (*области саванн*) к югу от нее, которые по качеству далеко превосходили все, что могла дать людям пойма Нила.

В VI тыс. до н.э. климат становится всё более сухим и жарким; саванны исчезали, превращаясь в пустыни. При этом долина Нила была в сущности единственным гигантским оазисом, куда были вынуждены переселяться многочисленные племена охотников и пастухов Сахары. Но не только изменения климата вызвали экологический кризис в Северной Африке. Существенную роль в этом сыграл и человек. Крупнейшим экологическим результатом неолитического скотоводства стало возникновение пустыни Сахара. Человек перевыпасом стад крупного рогатого скота и овец превратил саванну в пустыню [4]. Начавшееся тогда переселение «жителей пустыни» с их главной ценностью – скотом в сторону единственного оазиса, и привело к заселению долины Нила.

То есть племена, заселявшие дельту Нила, как и древние евреи, были преимущественно скотоводами. Тогда нечего удивляться, что в мифологии древних египтян появляется сюжет о «хорошем» пастухе и «плохом» земледельце.

В шумерской мифологии нет столь драматического противостояния между скотоводами и земледельцами, хотя сам сюжет о конфликте идентичностей, встречается не раз. Сыновья одного из главных богов шумеро-аккадского пантеона Энлиля – Эnten и Эмеш, один из которых пастух, а другой земледелец. Между братьями разгорелся спор, во время которого Эмеш заявил, что Эnten недостоин звания «земледельца богов», и после этого оба брата отправились со своими жалобами к Энлилю. Тот разрешает спор в пользу земледельца [6, с. 170].

«Так благополучно и мирно разрешился спор между двумя братьями, спор, который в значительно более молодой библейской притче о Каине и Авеле принял совершенно иной оборот: там вопрос о первенстве решила смерть. Как подчёркивают исследователи, общность мотивов в шумерском и древнееврейском преданиях не подлежит сомнению» [1].

Другой шумерский миф «На Горе Небес и Земли», рассказывает о споре Лахар-Овцы и Ашнан-Зерна. Боги Энлиль и Энки вмешиваются в спор и выносят окончательное решение: победила богиня зерна [9, с. 74–79]. Этот же сюжет мы видим еще в одном шумерском мифе «Сватовство Инанны», чьей руки добиваются бог пастухов Думузи и бог земледелия Энкимду [9, с. 127–131].

Такая необычная для традиционных культур «толерантность» характерная для Шумера, вполне вероятно связана с особенностями шумерского этноса, сформировавшегося из собственно шумеров и восточных семитов-скотоводов (аккадцев), в конце концов, полностью ассимилировавших первых. Если египтяне и евреи воспринимали себя единственными реальными человеческими существами, а иноземцев (чужих) – как людей неполноценных и даже животных (древние египтяне), то среди шумерского этноса, с его подобностями ассирийцев, аккадцев и «приморцев» (аккадизированных шумеров крайнего Юга Двуречья), а также смешанным земледельческо-скотоводческим типом хозяйствования, не было столь жесткого противопоставления.

Антиномия земледелец-пастух в культурах Древнего Востока так же проявляется лингвистически. Библейский райский сад – Эдем, на иврите сближается с вокабулой *e'den* – «наслаждение», и предположительно восходит к шумерскому слову *edin* – «равнина», «непаханая земля». Факт того, что для кочевника перепаханная земля ассоциируется со скверной, грехом и нарушением табу, мы подробно рассмотрели в своей монографии «Мифологемы неолитической революции» [10]. Эдем древних кочевников-иудеев, это нетронутые плугом плодородные равнины. Как верно отмечено: «...древние иудеи страстно желали навсегда обосноваться на плодородных равнинах. Но характерно, что они мечтали о землях, «текущих молоком и медом», а не о землях, изобилующих урожаями,

подобных тем, какие представляли себе в загробной жизни египтяне... Вечная забота земледельца обо всем, что связано с явлением произрастания, и его полная зависимость от этих явлений представляются кочевнику формой рабства. Более того, для него пустыня чиста, а картина жизни, которая в то же время есть картина гниения, отвратительна» [13, с. 291].

Все это лишь отчасти объясняет, откуда в мифологии народов Древнего Востока взялся сюжет об убийстве земледельцем скотовода. Но мы забываем, что в традиционных культурах миф оказывается негативной матрицей реального культурного порядка. «Строгий и изощренный ...социальный порядок, царящий в первобытном обществе, получает в мифе свое наоборотное отражение. А ...беспорядок и подчеркнутая асоциальность поведения предков словно бы имеет в виду порядок, господствующий в данном племенном сообществе. Скажем, если культурной ценностью данного племени является какой-то определенный тип брачной регуляции, то именно этот, а не какой-либо другой тип брачной регуляции будет дразняще ниспровергаться мифом. Мол, предки людей во времена сновидений жили *так*, и оттого это закончилось *этим*, и потому люди не должны жить *так*, а должны жить *иначе*. И таким образом любой, самой мелкой детальке социально организованного пространства мифологическое сознание противопоставляет своего рода хаотический, асоциальный коррелят. Любая социальная связь имеет свой наоборотный миф, в котором она, во-первых, разрушена во всевозможный хаос, и только, во-вторых, стягивается за пределами этого искусственно сконструированного мифом хаоса в некую нехаотическую единицу» [7, с. 267]. Рукотворный хаос мифа оказывается инструментом формирования социального порядка. Кочевник-скотовод, ведущий себя по отношению к земледельцам как хищник (иудеи времен Иисуса Навина, скифы, гунны, монголы), убивая и грабя их, хранит и воспроизводит в своих обрядах миф о земледельце – убийце и грешнике.

И если в своих ритуалах и обрядах кочевники воспроизводили мифологический сюжет об убийстве земледельцем скотовода, то оборотной стороной этих ритуалов становится утверждение социально-культурных норм, того самого поведения кочевников по отношению к земледельцам, которое повсеместно фиксируется в истории. И мотивы греховности и изгнания Богом земледельца – это способ дистанцирования от земледельца и самое главное, обоснования своего хищнического поведения по отношению к нему у скотовода. Через несколько тысячелетий, бывшие кочевники иудеи, столкнутся с подобным же отношением к ним в Европе, где до сегодняшнего времени существуют представления о том, что они «обладают зловещим, хотя и неопределимым, преимуществом в сфере коммерции» [6, с. 157], чем и оправдывалась их дискриминация в недалеком прошлом.

Литература

1. Белицкий М. Шумеры. Забытый мир [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/133285/52/Belickii_-_Shumery._Zabytyi_mir.html (дата обращения 11.10.2013).
2. Бытие (4, 1–24).
3. Ван Геннеп А. Обряды перехода. М., 1999.
4. Воронцов Н. Н. Экологические кризисы в истории человечества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pereplet.ru/obrazovanie/stsoros/855.html> (дата обращения 11.10.2013)
5. Голан М. Миф и символ. М., 1992.
6. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000.
7. Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997.
8. Мифы и предания папуасов маринд-аним. М., 1981.
9. От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб., 1997.
10. Пикалов Д. В. Мифологемы неолитической революции. LAP LAMBERT Academic Publishing. Издат. Дом: LLAP, 2013.
11. Плутарх. Об Исиде и Осирисе // Вестник древней истории. 1977. № 4.
12. Прусаков Д. Б. О причине «позднего» перехода к неолиту и производящему хозяйству в Египте (Материалы для ландшафтно-климатической реконструкции) // История и современность. 2005. № 2.
13. Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. СПб., 2001.
14. Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1983.
15. Щедровицкий Д. В. «Дождь ранний и поздний» (ритуал вызывания дождя в Библии и его аллегорическое осмысление на рубеже античности и средневековья) // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.
16. Элиаде М. История веры и религиозных идей: в 3 т. М., 2008.
17. Liungman W. Euphrat-Rhein. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1979.

УДК 304.5

Полосин Николай Николаевич

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Статья посвящена проблемам современного состояния и концептуальных приоритетов культурной антропологии. Данная научная дисциплина, обладающая высоким теоретическим потенциалом, охватывает широкий круг вопросов, связанных с функционированием национальных культур, развитием взаимодействия между отличающимися этническими сообществами, национальными моделями мира. В статье описываются основные прогрессивные принципы культурной антропологии, ее роль в системе гуманитарных наук.

Ключевые слова: культурная антропология, теория культуры, гносеология, культура.

Polosin Nikolay N.

MODERN CONCEPTUAL PRIORITIES OF CULTURAL ANTHROPOLOGY

The article is devoted to the problems of the contemporary status and conceptual priorities of the cultural anthropology. This scientific discipline, having a high speculative potential, covers a wide range of questions, connected with the functioning of the national cultures, the development of interaction between different ethnic communities, national models of the world. The article describes the main progressive principles of cultural anthropology, its role in the system of the Humanities.

Key words: cultural anthropology, theory of culture, gnoseology, culture.

В культурной антропологии как системе научного знания о человеке и культуре наблюдается процесс повышения уровня и качества обобщения, усиления внимания к общим и типическим признакам эволюции культур, в связи с чем можно утверждать, что данной научной дисциплиной выработан ряд принципов или тезисов, способных оказывать влияние не только на систему наук и представлений о культуре и обществе, но и на все научное знание в целом. Эти принципы проецируются в научные и социальные функции данной дисциплины, которая с момента своего возникновения акцентировала именно специфику, отличия этнических культур, и изучала народы сквозь призму их неповторимой уникальности, диктующей условия взаимодействия с «другим». Стремление к беспристрастному взгляду на комплекс характерных черт любой национальной культуры было той особенностью культурной антропологии, которая сделала её во многом «неудобной» для включения в арсенал советских гуманитарных наук, развивавшихся под знаменем абстрактно-гуманистического интернационализма, не учитывавшего реальность межкультурного взаимодействия. Именно поэтому на протяжении десятилетий культурная антропология развивалась в большей степени за рубежом, притом что некоторый оттенок исследовательских приоритетов, свойственных культурной антропологии, можно было встретить и работах отечественных исследователей. Фактически, именно эта спорадичность обращения к проблематике культурной антропологии и сделала многих отечественных ученых, работающих в области теории культуры, тяготеющими к данным вопросам, на не фиксирующими на них свое внимание. Среди классиков отечественной теории культуры, касавшихся культурно-антропологической проблематики, можно назвать Ю. М. Лотмана, Э. С. Маркаряна, Д. С. Лихачева и других, сформировавших собственные интегральные воззрения на существование и функционирование культурной феноменологии в антропологическом русле [2].

Культурная антропология, особенно в последнее время, стремилась к анализу фундаментальных проблем, к построению предельно широких систематизированных концепций, объединяющих подчас далеко не смежные области. Исходя из этого, объектом культурной антропологии можно считать целостную специфику человека как биосоциального существа, создавшего культуру, во всем многообразии его аспектов. Подобный предельно широкий подход может быть спроецирован на теорию познания в целом, уже обладающую потенциалом пересмотра принципов основания деления отраслей знания, построения интегральных сфер, объединенных целостностью социальной и гуманитарной значимостью их объекта и предмета.

В наши дни культурная антропология представляет собой показательный срез гуманитарных наук, повышающих уровень теоретического обобщения и подходящих к возможности взвешенного и практико-ориентированного исследования такой сложной проблемы, как гармонизация межкультурного взаимодействия на основе полномасштабного учета специфики и различий национальных культур. Беспристрастность учета фактического материала в соединении с высоким гносеологиче-

ским потенциалом делает, по нашему мнению, данную дисциплину наиболее адекватным концептуальным ядром прикладных исследований в гуманитарной сфере. Именно поэтому в настоящей статье мы предпринимаем опыт формулирования основных принципов или тезисов культурной антропологии, значимых для всей системы гуманитарных наук в целом.

1. Все национальные культуры человечества сформировались в уникальных природных, экономических, политических, идеологических и иных условиях, что делает их специфику закономерной и объективно необходимой. Каждая культура такова, какой она единственно может быть, и не может быть никакой иной.

2. Целенаправленное воздействие на процессы культурного развития каждого конкретного этноса извне априори деструктивно, так как созидательный потенциал культуры коренится в ней самой, не будучи связан с внешними для нее факторами. Это – не обоснование культурного сепаратизма или автаркии, но учет объективных черт каждой культуры.

3. Взаимодействие между национальными культурами может быть конструктивным только в случае полного учета всех исторически сложившихся особенностей каждой этнической культуры, а также при полном приятии его взаимоотрабатывающего влияния всеми членами этнического общества. Невозможность добиться тотального (всем обществом) приятия трансформации под воздействием иной культуры всегда будет оставаться основанием сепаратистских тенденций.

4. Уникальность этнической культуры развивается в единстве и взаимодополнительности с общими свойствами, присущими всем национальным культурам, что делает диалог между культурами возможным пропорционально доле общего во взаимодействующих культурах. Уникальные черты этнических культур в межкультурном взаимодействии могут придавать взаимодействию как комплементарный, так и конфликтный характер.

5. Взаимодействие этнических культур носит характер конвенционального процесса, то есть исторически складывающегося баланса отношений, в котором естественным образом происходит разделение ролей представителей взаимодействующих культур, а общий фон взаимодействия диалектически приобретает черты обеих культур пропорционально активности представителей каждой культуры. Таким образом, можно говорить о разделении функций взаимодействующих этносов.

6. Национальная культура – целостное образование, в котором его уникальные качества распространяются на все его составляющие, при том, что отдельные стороны национальной культуры имеют больший потенциал влияния на культуру как систему, чем другие. Наиболее значимой частью национальной культуры является этническая ментальность, в которой отражены особенности доминирующего мировоззрения, способы взаимодействия с контекстом (социальным, природным и т. д.), принципы мышления и отношения к действительности и т. д.

7. Доминирующая составляющая культуры – исторически сложившаяся этническая ментальность, придает всем производным от нее культурным феноменам (религиозным системам, политическому устройству, научной картине мира, экономическим отношениям и пр.) характерные черты, делающие эти компоненты культуры отличающимися от этноса к этносу.

8. Ментальность этноса концентрирует в себе основные константы культуры, отражая в себе нравственные, эстетические, технологические и иные приоритеты этноса, формируя, таким образом, схематическую модель путей развития данной этнической культуры, особенности ее взаимодействия с другими и ее функциональную специализацию в целом культуры человечества.

9. Взаимодействие национальных картин мира, основ мировоззрения и видения своего места в мире определяет те составляющие культуры, которые привычно считаются объективными и независимыми от субъективных особенностей человека. Национальные научные картины мира заметно различаются от этноса к этносу, что проявляется не только в социально-гуманитарной сфере, но и в точных науках. Так, в Китае до эпохи Мин не пользовались понятием нуля, что не мешало производить точные расчеты и создавать сложнейшие технические устройства.

10. Существование целостной культуры человечества как конвенционального единства различающихся этнических культур, заполняющих специфические «экологические ниши» и выполняющих свои уникальные функции позволяет экстраполировать данное представление и на все компоненты целостной культуры человечества. Таким образом, можно говорить о конвенциональной взаимодополнительности религий, национальных научных парадигм, политических и экономических систем и т. д.

11. Принцип динамической конвенциональности, характерный для культурно-антропологического видения проблем взаимодействия этнических культур, позволяет находить оптимальные способы взаимодействия различающихся и зачастую противоречивых этнических сообществ путем выявления комплементарных сфер их взаимодействия.

12. В области научного знания принцип динамической конвенциональности дает возможность считать любое данное состояние научной дисциплины частью целого, формируемого из национальных научных парадигм, в котором максимальным приближением к истине может обладать только само целое, но ни одна из его частей.

Сама культурно-антропологическая постановка вопроса о функциональной специализации этнических культур, и соответственно, их представителей, имеет многочисленные прикладные приложения. Так, рассматривая проблемы современных миграционных потоков в Россию / из России, можно прогнозировать национальный и профессиональный состав, а также количество потоков трудовых мигрантов, чьи передвижения, как хорошо известно, определяются не только экономическими и политическими факторами. Изучение этнической ментальности с позиций учета социальной активности ее носителей позволяет прогнозировать влияние диаспор на климат межнациональных отношений в стране, на перспективные тенденции развития культуры и социальных процессов многонациональных государств. Экстраполяция принципа динамической конвенциональности на развитие науки в стране позволяет выявлять точки роста и стагнации, определять тупиковые направления исследований и своевременно избегать их. Более того, данный принцип позволяет по-новому оценить возможности поиска научной истины в условиях априорной неполноты и парциальности каждой данной научной сферы. Особенно важным становится данный аспект в контексте попыток реформирования отечественного образования, гуманитарная составляющая которого уже долгие десятилетия вызывает закономерную критику и требует качественной трансформации с целью формирования у учащихся полной и достоверной научной картины мира, построенной с учетом гуманистических ценностей и требований современного мира [1].

Как можно убедиться, современная культурная антропология обладает высоким прогностическим потенциалом и может применяться в качестве методологического основания как для проектирования социальных процессов, так и развития научного знания. Наука, изучающая собственно человеческий способ бытия, должна занять свое место фундамента исследований компонентов этого бытия – общества, науки, религии, государства.

Литература

1. Оленев С. М. Современные реформы образования в России: Контекст, проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 6. С. 186–191.
2. Полосин Н. Н. Культурная антропология как теоретико-методологическое основание исследования современных межкультурных коммуникаций: гносеологический аспект // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6 (31). Ч. 2. С. 442–444.

УДК 940.1 (450)

Тельменко Елена Павловна

«ПОЖЕЛАЛ СЛУГА БОЖИЙ ПРЕВРАТИТЬ ДЕНЬ РАСПУТСТВ В ДЕНЬ БЛАГОРАЗУМИЯ, СВЯТОСТИ И ПОЛЬЗЫ ДЛЯ ДУШИ»

В статье рассматриваются практики по организации «костров суеты» во Флоренции кон. XV в. При этом особое внимание уделяется связи савонаролианских «благочестивых» праздников с карнавальной культурой.

Ключевые слова: Флоренция, Джироламо Савонарола, карнавал, реформа, «костер суеты».

Telmenko Elena P.

«THE SERVANT OF GOD WISHED TO TURN THE DISSOLUTE DAY INTO THE DAY OF PRUDENCE, HOLINESS AND GOOD FOR THE SOUL»

This article deals with practice on organization of «bonfire of vanities» in Florence in the late 15th century, at the same time special attention is paid to connection between Savonarola «pious» holidays and carnival culture.

Key words: Florence, Girolamo Savonarola, carnival, reform, «bonfire of the vanities».

В 90-е гг. XV в. Флоренция являлась одним из ведущих политических и культурных центров Италии эпохи Возрождения, становясь полем активной реформаторской деятельности доминиканского монаха Джироламо Савонаролы. При осуществлении нравственных преобразований жизни горожан Савонарола, помимо прочего, прибегнул к практике организации так называемых «костров

суеты» – актов уничтожения предметов, отвлекавших жителей избранного Богом города от простой, целомудренной и благочестивой жизни.

Тема «костров суеты», устроенных доминиканцем во время карнавалов 1497 и 1498 гг. до сих пор привлекает исследователей. При этом стоит отметить значительную эволюцию в подходах к постановке проблемы и выборе ракурса исследования. Так, историки XIX в. и отчасти XX в. рассматривали действия по уничтожению «суеты» либо как проявление вандализма, либо в качестве кульминационных моментов в духовной эволюции горожан, призванных обозначить факт обращения флорентийцев к истинной вере, очищенной от всяческих пороков [14, с. 395; 16, с. 372]. Авторы научных работ второй половины XX в., очевидно, признав, что подход с позиций «прогресс – регресс» мало что дает для объяснения сути явления, обратили внимание на то, что данные акции Савонаролы не отличались принципиальной новизной, поскольку практиковались другими проповедниками, что предоставило превосходный повод для сравнительного анализа [11, р. 149; 17, с. 124]. В кон. XX в. – нач. XXI в. ученые, работающие в русле исторической антропологии и новой культурной истории, предложили иное видение феномена «костров суеты» – с позиций длительной временной протяженности, и обратились к вопросу о связи савонаролианских «духовных празднеств» с народной карнавальная культурой [6, р. 217, 229; 1, р. 163–186]. Подобный подход предоставляет возможность по-новому осмыслить сущность карнавальной реформы Савонаролы, в том числе попытаться проанализировать и оценить характер и глубину изменений, произведенных монахом при преобразовании масленичных обычаев в праздник «благочестия».

В анонимной канцоне, исполненной во время одного из савонаролианских карнавалов, и представляющей собой диалог между флорентийцем и убегающим из реформированной Флоренции Карнавалом, горожанин язвительно вопрошает беглеца: «Где твои мальчики? Шалашики (сарапписси), шесты (stili) и камни (sassi), джостры и многочисленные развлечения?». В ответ Карнавал с печалью заявляет: мальчики – «моя погибель», а по прибытию в развращенный Рим, обращаясь к сочувствующему ему окружению, уточняет, что во Флоренции ему была уготована смерть на костре, для чего «мальчики... подготовили шалашики» [4, р. 3–4, 13]. Итак, «мальчики» – флорентийская молодежь – представлены в этом диалоге в качестве главных участников карнавальных торжеств, обычной практикой которых были «шалашики, шесты и камни».

В «Жизнеописании блаженного Иеронима Савонаролы», написанном автором, жившим на рубеже XV–XVI вв. [2, р.142], можно обнаружить объяснение сути этих карнавальных забав. Развлечения с «шестами» заключались в том, что молодые люди «брали длинное бревно и перегораживали им общественную улицу, когда шел какой-либо человек, и особенно молодая женщина, им не позволяли пройти, покуда те не давали деньги, которые они затем тратили на собственные наслаждения и на приятную тщету» [8, р.123]. Особое внимание юношей к молодым, недавно вышедшим замуж женщинам, позволило Дж. Чаппелли выдвинуть предположение о том, что по мотивам этот сбор пошлины за проход напоминает шаривари, во время которых холостая молодежь собирала плату за вновь заключенные супружеские союзы, компенсируя таким образом недостаток женщин на брачном рынке, и пуская собранное на устройство развлечений [6, р. 137].

«Шалашики», в свою очередь, представляли собой установленные на улицах «большие шесты ... к которым были приставлены фашины, хворост и бревна с тем, чтобы сжечь в вечер карнавала» [8, р. 123]. По сути, капаннуччи выполняли во время масленичных торжеств несколько функций. Вечером, в холодный месяц февраля они служили источником тепла и света. На масленицу, писал Джорджио Вазари в биографии художника Бартоломео из Сан Марко, «по городскому обычаю на площади устраивали соломенные или деревянные шалаши, а во вторник вечером по древнему обычаю сжигали их с любовными танцами, во время которых мужчины с женщинами, взявшись за руки, кружились вокруг костра, распевая разные песни» [15, с. 489].

Однако днем капаннуччи выступали центрами иного рода активности – агональной. «Неоднократно случалось так, – отмечал современник Савонаролы, – что в день означенного карнавала рядом с этими шалашиками происходило множество сражений, когда с камнями, а когда с оружием, чтобы сжечь шалашики друг друга, и одна партия сражалась с другой с такой яростью, что часто погибали люди» [8, р. 123]. Итак, сооружение шалашиков оказывается связанным с другим развлечением молодежи – игрой в камни. Сходное свидетельство, подтверждающее данную связь, оставил флорентийский горожанин Джованни Камби. Описывая возврат к прежней практике масленичных торжеств после смерти Савонаролы, он сообщает, что во время «Карнавала дьявола», в «жирный

вторник» 12 февраля 1499 г. «в городе было сооружено 15 капаннуччи», вокруг которых собрался народ; затем все эти группы были объединены в две партии, которые перешли к сражению с применением камней, а после и оружия. Поскольку драка сопровождалась смертельными исходами, должностные лица флорентийской синьории приказали «сжечь днем все эти шалашики», дабы к вечеру избежать новых беспорядков [3, р. 136–137].

Итак, игры в камни представляли собой состязания, имитирующие военные действия, шалашики – своего рода символический центр отдельной группы участников, захват и сожжение которого означал ее проигрыш. Число упомянутых Камби капаннуччи (15) близко к количеству гонфалонов (16) – территориально-административных округов Флоренции, поэтому вполне вероятно, что стычки происходили между территориальными группировками; игра шла на выбывание, и в итоге происходило финальное сражение между двумя командами, прошедшими нечто вроде «отборочно-го турнира» [6, р. 129–136].

При описании акций, устраиваемых Савонаролой во Флоренции с целью ее духовного преобразования, термин «сарапписсио» вновь появляется у авторов – современников событий: шалашики флорентийской молодежи сменяются одним большим сооружением («un gran sarappissio» [8, р.130]) – костром тщеты, организованным на площади Синьории в дни «благочестивых» карнавалов 1497 и 1498 гг. И именно здесь, как утверждал Карнавал в упомянутой выше канцоне, ему был сбережен «прекрасный уголок», чтобы сжечь во имя веры [4, р. 13].

Об устройстве костров 1497 и 1498 гг. мы можем судить на основе подробных описаний, оставленных очевидцами. Причем, сохраняя прежний термин («сарапписсио»), авторы свидетельствуют о ярко выраженной назидательной функции сооружений. Конструкция, возведенная в 1497 г. на площади Синьории, представляла собой восьмигранник, «по типу пирамиды» высотой 30 и шириной каждой стороны в 15 локтей. Каждая сторона была устроена в виде расположенных друг над другом ступеней, на которых в тематическом порядке размещались изъятые у горожан молодыми приверженцами Савонаролы суетные вещи [8, р. 130–131; 10, р. 92]. Отдельно было выставлено: все, что служило услаждению слуха – различные музыкальные инструменты и нотные записи; сладострастные сочинения поэтов и писателей; непристойные произведения живописи и скульптуры; разнообразные приспособления для азартных игр; женская суета – косметика, духи, накладные волосы, зеркала; карнавальная «чертовщина» – маски, бороды, парики. Сооружение венчала фигура Карнавала, «настолько чудовищная и безобразная, что с трудом можно вообразить такую», – как охарактеризовал ее Псевдо-Бурламакки. Костер суеты 1498 г., по словам этого же автора, представлял собой «большое сооружение, украшенное лучше прежнего», «по форме и модели напоминающее предыдущее, на вершине которого находился древний змей и на нем восседал Люцифер с семьей смертными грехами» [8, р. 132–133]. Дж. Бенивьени также указывал, что Карнавал здесь был выставлен в качестве предводителя семи смертных грехов «в виде настолько гнусного и отвратительного монстра, насколько можно вообразить», и символизировал пороки «ложных христиан» [4, р. 21–22].

Здесь следует обратить внимание на еще один термин, употребляемый в источниках для обозначения сооружений, предназначенных для уничтожения суеты. Так, в текстах эта конструкция называется также «триумфом (trionfho)» [8, р. 134; 5, р. 232]. Примечательно, что Дж. Вазари в своих Жизнеописаниях «триумфами» именует тематические колесницы, изготовлявшиеся в эпоху Лоренцо Великолепного для проведения карнавальных шествий [15, с. 702]. Как отметил в своем исследовании А. Шастель, «за отсутствием точных дат, первые такие колесницы можно отнести к 1480 г., а последние – к 1490», практика их применения была возобновлена в 1511 и затем в 1515 гг., что «было воспринято как "возвращение эры Медичи"» [18, с. 157]. Возможно, великолепие триумфальных повозок, организованных Лоренцо, произвело на горожан столь сильное впечатление, что термин, связанный с драматической (или статической) репрезентацией, вдохновленной римской историей и классической культурой, без труда был перенесен авторами сочинений на сооружения, наполненные иным смыслом. К тому же, эту легкость перенесения можно связать с тем, что Лоренцо, по сути, не был изобретателем тематических колесниц, он лишь модифицировал еще более раннюю традицию представлений на темы Св. Писания, устраиваемых религиозными братствами флорентийцев во время праздника святого покровителя города – Иоанна Крестителя. Так, П. Вентроне приводит свидетельства современников о таких инсценировках, устроенных в 1439, 1451 и 1454 гг., где речь идет о «повозках» или «сооружениях», как, по замечанию итальянской исследовательницы, их начали называть, видимо, со второй половины XV в. [12, р. 59–60]. Здесь стоит отметить, что и этот термин – «сооружение (edifizio)» также встречается при описании костров суеты.

Помимо этого, возможно, огненная феерия, связанная с уничтожением костра суеты, начиненного порохом, и потому сопровождавшаяся взрывами, могла содержать аллюзию на традиционную забаву горожан в упомянутый выше праздник Иоанна Крестителя. Конструкция костра и эффекты, связанные с его горением, напоминают устройства для фейерверков в ночь на 24 июня. Для сравнения обратимся к Вазари, подробно описавшему данную традицию: «Во Флоренции был обычаем почти что каждый год по случаю праздника святого Иоанна Крестителя на главной площади вечером под Иванову ночь сооружать жирандоль, то есть целую махину, набитую бураками, ракетами и другими искусственными огнями, и жирандоль эта имела то вид храма, то корабля, то утеса, а то и целого города или ада как вздумается изобретателю» [15, с. 827].

Итак, появившийся на площади Синьории во время карнавалов 1497 и 1498 гг. тематически оформленный «большой капаннуччо» – репрезентация, близкая по форме к традиционным праздничным представлениям горожан. Однако Савонарола, приурочив свои акции к масленичным торжествам, предпринял попытку изменить их внутреннее содержание – произвести христианизацию карнавала, превратив разгул плоти в торжество духа, что можно расценить как удар по самой сущности праздника.

Трансформация карнаваловых обычаев производилась монахом с привлечением тех же сил, с повышенной активностью которых было связано проведение прежних празднеств. Доминиканец обратился к молодежи, и, осуществляя реформу ее нравов, наполнил новым смыслом традиционные карнаваловые практики. Также как и в забаве с «шестами», дети продолжали выпрашивать деньги, однако не для себя, а в помощь «стыдливим беднякам»; склонность к жестокости и насилию, проявляемая во время игр в камни, бралась под контроль и направлялась на искоренение пороков и изъятие суетных вещей у горожан; собранная детьми в результате патрулирования Флоренции суета стала материалом для создания костра [8, р. 125; 7, р. 477; 9, р. 123, 127; 10, р. 93].

Таким образом, костер тщеты, организованный по инициативе брата, являл собой сосредоточенную в одном месте «анафему» – как пояснял своим читателям Якопо Нарди, «так называли похотливые и непристойные вещи, как преданные анафеме и проклятые Богом и канонами святой Церкви» [10, р. 92]. Суета, предназначенная к сожжению, представлялась в качестве «чертовщины», «дьявольских приспособлений», и, в свою очередь, фигура Карнавала, венчавшая сооружение костра, мыслилась как олицетворение Сатаны, Люцифера – предводителя всех грехов [8, р. 129–130]. Кажется, авторы этих сообщений смогли передать суть предпринятой монахом акции: флорентийцы, избравшие своим главой Иисуса Христа, совершают символический акт отказа от порочной жизни именно в то время, когда, согласно традиции, материально-телесное, греховное начало могло проявить себя с максимальной силой, во время карнавала. «Костер суеты», с одной стороны, выполнял функцию назидания, поучения, с другой – являлся формой пропаганды, связанной с прославлением общества, принявшего реформы городского пророка.

Однако представляется, что и в этом случае связь с языческим субстратом масленичного карнавала не была окончательно разорвана. Рассуждая о свойствах празднеств, М.М. Бахтин отмечал, что их основой является тесная связь со временем, его восприятием, что «празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека», и «именно эти моменты... создавали специфическую праздничность праздника» [13, с. 14]. Также и костры суеты, устроенные Савонаролой, – ритуальное очищение, символизировавшее смену одного периода жизни (греховного) другим (благочестивым), – по сути, воспроизводили идеи смерти и возрождения, смены и обновления, присущие календарным празднествам, где смерть является амбивалентным образом, поскольку за ней следует рождение, где хаос (разрушение) неизбежно влечет за собой восстановление порядка природного или культурного [13, с. 9–18, 31–32].

В этом контексте, очевидно, следует судить, не только в целом о сценарии преобразованного монахом карнавала, но и о действиях детских отрядов, как во время «языческих», «дьявольских», так и «благочестивых» савонаролианских праздников. «Шесты», «капаннуччи» и «камни» могут расцениваться как символическое воплощение хаоса, разрушительного начала. Савонарола же попытался использовать это свойство праздничного поведения молодежи в своих целях, придав ему новый смысл и направление. Подчинив детей религиозной дисциплине, он стремился контролировать насилие в их среде, но, одновременно, дал, пусть и не желая того, стимул к его применению в борьбе с пороками флорентийского общества. Более того, монах наделил своих мальчиков правом ритуального разрушения изъятых в ходе инспектирования города суеты. Так, в описаниях карнавала

1497 г. отмечено, что кульминацией праздника стало поджигание костра четырьмя «кустодами» картьер – юношами, возглавлявшими детские отряды в одной из частей города. Заведовавшие «деструктивной частью» ритуала «четыре кустада ... поднесли означенный огонь к описанной выше куче, – отмечает Псевдо-Бурламакки, – при такой большой радости и веселии всего народа, какой требовал пожар суеты и дьявольских силков, это доставило радость не только мужчинам, женщинам и детям, но и творениям неодушевленным, и колокола палаццо, трубы Синьории, дудки и тамбурины звонили во славу великого торжества, посвященного Богу... под множество гимнов всего народа, пламя огня восходило к небесам, во славу Господа и к посрамлению Сатаны и его приспешников, все это сооружение было сожжено» [8, р. 132; 10, р. 93].

Сценарий праздника, – утренняя месса и причастие, послеобеденная торжественная процессия, возглавляемая мальчиками в ангельских облачениях и «обходящая город согласно обычаю» с пением гимнов и канцон [8, р. 132–134], – способствовал постепенному нарастанию экзальтации его участников, духовное напряжение которых нашло свое разрешение в момент поджигания костра. Какого рода переживания испытывали при этом сторонники партии брата, можно судить на основании приведенных выше слов анонимного плаксы. Особый душевный подъем он связывает с чувством освобождения от «дьявольских сетей», переходящим в ликование, которое распространяется на весь мир, где даже «неодушевленные» предметы принимают участие в общем торжестве, связанном с триумфом веры.

Итак, савонаролианские «костры суеты» имели скорее символическое значение, выполняя ярко выраженную назидательную и пропагандистскую функцию, выражавшуюся в призыве к пастве целиком и полностью очиститься от пороков, и, обратившись к «доброй жизни», утвердиться в статусе избранного Богом города. «Благочестивые» карнавалы, безусловно, производили определенный эффект: горожане, испытав эмоциональный подъем и ощущение принадлежности к некоему духовному единству, продолжали сохранять сформированные праздником настроения в течение какого-то времени, что позволяло монаху продолжать свою миссию по реформированию Флоренции. Однако анализ материала показал, что карнавальная реформа Савонаролы смогла образовать лишь тонкий пласт над мощной архаической основой праздника, довольно быстро исчезнувший после смерти инициатора преобразований.

Литература

1. Benvenuti A. I Bruchi di Frate Gerolamo. L'eversivo anacronismo del Savonarola // Savonarola e la politica. Firenze, 1997.
2. Burlamacchi Pacifico // Enciclopedia italiana di scienza, lettere ed arti. Istituto Giovanni Treccani. Roma, MCMXXXIX. T. VIII.
3. Cambi Giovanni. Istorie / A cura Fr. Idelfonso di San Luidgi. // Delizie degli eruditi toscani. T. XXI. Vol. 2. Firenze, MDCLXXXV.
4. Canzona d'un Piagnone pel Bruciamento delle Vanità nel Carnevale del 1498. Firenze, 1864.
5. Cerretani B. Storia fiorentina / A cura di Giuliana Berti. Firenze, 1994.
6. Ciappelli Giovanni. Carnevale e Quaresima. Comportamenti sociale e cultura a Firenze nel Rinascimento. Roma, 1997.
7. Filipepi S. Cronica // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola. Firenze, 1898.
8. La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze, 1937.
9. Landucci L. Diario fiorentino dal 1450 al 1516. Firenze, 1883.
10. Nardi I. Istorie della città di Firenze / A cura di Agenore Gelli. Vol.1. Firenze, 1858.
11. Pezzella S. La Chiesa al tempo del grande scisma e della crisi conciliare (1378–1449) // Storia della Chiesa dalle origine ai nostri giorni. Torino, 1967. Vol. XIV.
12. Ventrone P. La festa di San Giovanni: costruzione di un'identità civica fra rituale e spettacolo (secoli XIV–XVI) // Annali di Storia di Firenze. Vol. 2. Firenze: Firenze University Press, 2007.
13. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
14. Буркхард Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М.: Интрада, 1996. 527 с.
15. Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М.: Альфа-книга, 2008. 1278 с.
16. Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. М.: Ладомир, 1995. Т. 929 с.
17. Ченти Т.С. Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. Джироламо Савонарола. Молитвы из темницы. М., 1998. 272 с.
18. Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 720 с.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 303.832.32

Лукиянцев Евгений Владимирович

ЭКСТРЕМИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЫ: ВОЗМОЖНОСТЬ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?*

Статья посвящена исследованию проблемы распространения экстремистских настроений в молодежной среде. В современном российском обществе молодежь стала группой социального риска, балансирующей на грани социального исключения. Это неизбежно ведет к увеличению нелегальных способов реализации молодежью своих жизненных целей. Проявления экстремизма в молодежной среде в настоящее время стали носить опасный для общества характер.

Ключевые слова: общество риска, деформация социальной интеграции, трудности самоопределения, радикализм, экстремистская направленность настроений, экстремистское поведение.

Lukyantsev Evgeniy V.

EXTREMALIZATION AMONG YOUTH: OPPORTUNITY OR REALITY?

The article investigates the problem of the spread of extremism among young people. In modern Russian society young people have become a group of social risk, teetering on the brink of social exclusion. This inevitably leads to an increase in illegal ways to implement a youth's life goals. Manifestations of extremism among young people have now become dangerous to society wearing character.

Keywords: risk society, the deformation of social integration, the difficulty of self-determination, radicalism, extremist-focus on buildings, extremist behavior.

Современное российское общество последние десятилетия определяется как общество риска. Это находит проявление, по мнению Т. А. Рассадина и Е. А. Семеновой, «в росте постоянного воспроизводства различных рисков (таких как гонка вооружений, локальные войны, межэтнические конфликты, политический и финансово-экономический кризисы, экстремизм, терроризм и мн. др.)» [1, с. 215].

Наиболее уязвимой социальной группой в условиях общества риска, согласно социологическим данным, является молодежь [2]. Социокультурная трансформация российского общества привела к социальным диспропорциям, сужающим социально-мобильный потенциал молодежи. По утверждению Е. В. Столяренко [3, с. 75], радикализация молодежной среды в отношении к общественным интересам стимулируется территориально-экономическим неравенством регионов, многообразием социально-профессиональных ниш рынка, возрастающей узостью рынка труда, поскольку именно эти факторы сужают социальное воспроизводство молодежи как креативной группы, усиливают тенденции социального отчуждения и изоляционизма, снижают интерес к межпоколенческому диалогу. Структурные преобразования в российском обществе привели к социальной поляризации, резкому социальному, имущественному и социокультурному расслоению. Молодежь стала группой социального риска, балансирующей на грани социального исключения, испытывающей трудности в самоопределении. Возрастает вероятность краха жизненных интересов молодых людей, что неизбежно ведет к увеличению нелегальных способов реализации своих жизненных целей (так называемой «девиантной карьеры»).

Известно, что повседневная жизнь человека так или иначе сопряжена с рисками. Ежедневно ему приходится делать выбор между различными возможными решениями задач, стоящих на повестке дня. Именно поэтому так важно «не свернуть с правильного пути». В наибольшей степени это относится к молодому поколению. Ему свойственно стремление к новому, неизведанному, а риск предоставляет шанс добиться успеха (или проиграть). А в условиях деформации процесса социальной интеграции молодежи объективно возрастает ее радикализм.

Сегодня большинство молодых людей, как констатируют Санкт-Петербургские социологи, испытывает чувство неудовлетворенности и неуверенности в современной действительности. Время, в котором они живут, молодые респонденты оценивают как «смутное», «агрессивное, в которое

* Статья публикуется в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Лот: поддержка научных исследований, проводимых коллективами научно-образовательных центров в области юридических и политических наук 2012-1.1-12000-3006 «Социально-политические настроения молодежи Юга России: риски радикализации»

каждый должен брать все, что может». Такой точки зрения придерживаются более 70 % участников опроса. И только около 10 % респондентов оценивают современность «как время хороших перспектив и надежд» [4, с. 219, 301].

К аналогичному выводу пришли и московские социологи. Так, по мнению абсолютного большинства представителей молодого поколения, для настоящего времени характерными чертами стали социальная несправедливость (85,6 %), межнациональные конфликты (84,8 %), бездуховность (81,8 %), бюрократизм и коррупция (65,2 %) [5, с. 143].

В условиях неопределенности и риска в молодежной среде формируется широкая палитра жизненных ориентаций, вариативность ценностных предпочтений: некоторые молодые люди ностальгируют по прошлому советскому времени, о котором они узнают из рассказов старших поколений; другая часть молодежи, разочаровавшись в социальной реальности сегодняшнего дня, уходит в виртуальный мир или «погружается» в пьянство, наркоманию, вставая тем самым на преступный путь; третьи обращают свои взоры к Божественному началу, становясь приверженцами различных религиозных объединений, в том числе и сект деструктивного характера; четвертые – все нововведения воспринимают агрессивно, что ведет к радикальной направленности сознания молодежи, а нередко и его экстремизации [5]. Именно молодежи, как отмечают криминалисты, в частности Э. С. Ахъядов, «присущи радикализм во взглядах и оценках, максимализм в неприятии несправедливостей» [6, с. 254].

В ситуации социальной нестабильности и социально-политической напряженности общества риска радикализм молодежи нередко приобретает экстремистский вектор. В силу своей идеологической, мировоззренческой незрелости молодежь оказывается «открытой» в отношении быстромениющихся форм экстремистской деятельности, что придает данному явлению особую общественную опасность.

В отличие от взрослого молодежный экстремизм, по мнению ученых, характеризуется меньшей организованностью, большей стихийностью. «Действия молодых экстремистов, – подчеркивают А. А. Карапетян и П. Е. Сулонов, – более жестоки, так как в силу возраста они не боятся смерти, тюрьмы, физических травм, плохо представляют последствия своих поступков» [7, с. 162]. Кроме того, по справедливому замечанию Э. С. Ахъядова [6, с. 255], идеологи экстремистских учений для обеспечения максимального воздействия на молодежь часто опираются на противоречивость патриотических настроений и неостребованность религиозных чувств молодежи. В условиях криминализации российского общества экстремистские проявления в молодежной среде неизбежно приобретают ту или иную девиантную форму, что не наблюдалось ни в одном из прошлых периодов существования Российского государства. Расширение социальной базы экстремизма в России за счет молодежи стало одной из острейших проблем современности. Происходит не простое увеличение числа преступлений экстремистской направленности, *возрастает профессиональный цинизм насилия, изощренность его технологий*. Такой точки зрения при оценке современного молодежного экстремизма придерживается и Б. Б. Бидова, которая выделила следующие характерные черты: рост масштабности, агрессивности, жестокости, навязывание своих принципов оппонентам, стремление к общественному резонансу путем устрашения населения [8, с. 288].

Так, по данным нашего исследования¹, «часто» испытывают агрессивные чувства по отношению к окружающим 20 % молодых респондентов, а 71 % участников опроса переживают это чувство «время от времени». Произошли в последнее время серьезные изменения в политических ориентациях молодежи. Так, каждый третий респондент предпочитает видеть «твердую руку» в управлении государством. Усиление правого и левого радикализма в молодежной среде нашло отражение в представлении об идеальном для России государственном устройстве: около 15 % участников опроса отдали предпочтение военной диктатуре; почти 10 % предпочли конституционно-монархический вариант, примерно 5 % – абсолютную монархию.

Интересным фактом является и то обстоятельство, что среди сторонников диктатуры экстремизм находит серьезную поддержку, при этом лишь некоторые из них выступают за запрет экстремистских организаций. К такому заключению пришли исследователи О. В. и О. О. Поповы. В то же время, отме-

¹ Исследование проводилось в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Лот: поддержка научных исследований, проводимых коллективами научно-образовательных центров в области юридических и политических наук 2012-1.1-12000-3006 «Социально-политические настроения молодежи Юга России: риски радикализации». Было опрошено около 500 молодых людей Ставропольского края в 2012 году. Выборка – квотная.

чают ученые, абсолютное большинство сторонников демократии европейского типа не поддерживает экстремистские организации и являются сторонниками запрета этих организаций [9, с. 112].

Результаты нашего исследования показали, что значительная часть молодежи (более 35 % участников опроса) не воспринимают демократию европейского типа, основным принципом которой выступает постулат: верховенство Закона. Они считают возможным не соблюдение и даже нарушение правовых норм, если эти нормы воспринимаются респондентами как несправедливые. Отношение молодежи к праву как форме принудительного воздействия, внешнего контроля расширяет границы восприятия экстремизма.

Кроме этого в молодежной среде понимание социальной справедливости обусловлено в немалой степени оценкой деятельности государства, которая, как свидетельствуют результаты нашего исследования, является преимущественно негативной. Такую оценку поставили государству почти 50 % респондентов. Это означает, что поступки против государства и отдельных его представителей могут быть восприняты как справедливые. В этих условиях возникает риск смыкания понятий справедливости и экстремизма. Подтверждением сказанного может служить поведение части молодежи на Болотной площади 6 мая 2012 года: некоторыми из них было применено насилие в отношении представителей органов правопорядка. При этом «активные правозащитники» оценивают случаи осуждения студентов за насильственные действия против полиции как неправомерные, как «расправу с оппозицией» [10].

Безусловно, это не означает, что российская молодежь в большинстве своем готова стать сторонниками экстремизма. Но отношение к российскому государству как неправомерному, высказанное практически половиной участников опроса, оставляет простор легитимации радикализма и отношения к критически-решительным настроениям как обусловленным несправедливостью законов. Только менее четверти респондентов убеждены, что неповиновение правоохранительным органам власти никакими причинами не может быть оправдано. Оставшаяся часть участников опроса, как можно предположить, допускает возможность оказания сопротивления полиции той или иной форме или уклонения от сотрудничества с ней.

Важно иметь в виду, что для 11,1 % молодежи, как было выявлено в ходе нашего исследования, экстремизм мыслится в стиле экшн как выход за пределы серых будней, как экстремальная форма самовыражения, как привлекательность ярких жизненных впечатлений. Это создает дополнительный ресурс мобилизации в радикальные сети молодежи. Процесс героизации экстремистской деятельности в среде молодежи формирует дополнительные сложности в противостоянии экстремизму правоохранительным органам, расширяя пласт сочувствующих и сопереживающих экстремистам граждан.

Российская молодежь достаточно активна, и в этом есть риск расширения экстремизма, поскольку если молодые люди ощущают невозможность действовать легитимными способами, то их социальная активность может характеризоваться радикализацией. По результатам исследования М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги, большинство радикальных и экстремистских молодежных групп не зарегистрированы (только 3,4 % молодежи состоят в маргинальных радикальных молодежных организациях), поскольку учесть реальный уровень экстремизма в условиях, когда экстремистски настроенные организации, как правило, функционируют по сетевому принципу, крайне сложно, если вообще возможно [11, с. 138].

Важно учесть также то обстоятельство, что экстремистские поступки могут совершаться в самоорганизованной или социально стихийной форме. В частности, действующие оппозиционные молодежные организации и движения, выступая как уличная протестная сила, пытаются вообразить себя лидерами либо будущих «оранжевых» революций, либо революционных путчей. При этом «самоотверженность» участников таких выступлений может быть квалифицирована не только как внесистемный организационный протест, но и как экстремистское поведение.

Однако многие из молодых людей являются неосознанно-стихийными радикалами, то есть готовы в зависимости от ситуации не только признать, одобрить радикальные действия, но и принять активное участие в них. В современной «модернизирующейся» России большая часть молодежи, в том числе и имеющей высшее профессиональное образование, находится в условиях «без видов на карьеру». Это свидетельствует о наличии в молодежной среде латентного эмоционально неосознаваемого социально-психологического потенциала радикализма, который при определенных условиях может перерасти в реальный радикализм. Здесь необходимо помнить, радикализм молодежи в повседневной жизни существует преимущественно в форме настроений, взглядов и эмоциональных состояний экстремистской направленности. И в условиях неопределенности и возрастающей рискогенности достаточно легко его можно перевести в экстремистское поведение: экстремизм молодежи из возможности перерастает в реальность.

Таким образом, современное состояние российского общества создает мощную основу для радикализации подрастающего поколения, содержит потенциальную возможность распространения экстремизма в молодежной среде. Изменить сложившуюся ситуацию можно, только радикально улучшив условия социализации молодежи, обеспечив ее полноценную интеграцию в общество с точки зрения профессиональной самовыражения и социального самоопределения.

Литература

1. Рассадина Т. А., Семенова Е. А. Человек в условиях «общества риска» // Регионоведение. 2010. № 4. С. 214–223.
2. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф. Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа // Социс. 2008. № 2. С. 91–96; Кухтевич Т. Н., Туманян О. В. Экстремизм в молодежной среде: опыт социологического исследования // Молодежь и инновационное развитие России: материалы научной конференции. М.: Изд-во МГУ, 2008. С. 22–32; Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2003. 231 с.
3. Столяренко Е. В. Внесистемная молодежная оппозиция: тенденции радикализма // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 73–76.
4. Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и вопросы профилактики / под ред. А. А. Козлова. СПб.: Химиздат, 2003. 560 с.
5. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
6. Ахъядов Э. С. Криминологическая характеристика личности молодежного экстремиста // Молодой ученый. 2013. № 1. С. 254–256.
7. Карапетян А. А., Суслонов П. Е. К вопросу о специфике молодежного экстремизма // Религиозный экстремизм: истоки, сущность и проблемы противодействия: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2011. С. 162–168.
8. Бидова Б. Б. Специально-криминологическое противодействие молодежному экстремизму // Молодой ученый. 2012. № 11. С. 287–289.
9. Попов О. В., Попова О. О. Причины и особенности экстремизма в молодежной среде. Меры противодействия молодежному экстремизму // Научные ведомости. 2008. № 4 (44). С. 110–117.
10. События на Болотной напомнили Путину 1917 год <http://www.nr7.ru/articles/94978/> 21 ноября 2013.
11. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М. ЦСПиМ, 2010. 592 с.; Чупров В. И., Зубок Ю. А., Певцова Е. А. Молодежь и кризис: диалектика неопределенности и определенности в социальном развитии. М.: Русское слово, 2009. 237 с.

УДК 316.7

Ничеговская Мария Александровна

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СТАВРОПОЛЬЧАН КАК ПОКАЗАТЕЛЬ АДАПТАЦИИ К СОВРЕМЕННЫМ УСЛОВИЯМ РОССИИ

В данной статье через призму социального самочувствия населения Ставропольского края выделяются наиболее острые и сложные проблемы современного общества в социально-экономической сфере, раскрываются причины усугубления адаптационного процесса.

Ключевые слова: социальное самочувствие населения, адаптация, социально-экономические условия, материальное положение, трансформации.

Nichegovskaya Maria A.

SOCIAL WELL-BEING OF THE STAVROPOL INHABITANTS AS AN INDICATOR OF ADAPTATION TO MODERN CONDITIONS OF RUSSIA

In this article the most acute and complicated problems of the modern society in the socio-economic sphere are allocated, the causes of the adaptation process are disclosed.

Keywords: social wellbeing of the population, adaptation, socio-economic conditions, economic status, transformations.

Последние два десятилетия российское общество переживает радикальные изменения всех сфер жизни, которые затронули каждую российскую семью, каждого отдельного человека. Как любые перемены, происходящие трансформации в России неизбежно сопровождаются неопределенностью, стихийностью, тревожностью и нередко кризисностью. Это, в свою очередь, обернулось для массы людей тяжелым испытанием, потребовавшим максимальной концентрации и мобилизации

физических, интеллектуальных и моральных сил, материальных, финансовых и профессиональных ресурсов. Так, макросоциальные процессы проецируются на микросоциальные механизмы взаимодействия человека и социальной среды, на восприятие основными социальными группами и слоями населения радикальных реформ, отражающего объективную картину социальной жизни, взятую во всей ее полноте и сложности со всеми ее позитивными и негативными тенденциями.

В данном контексте возникает потребность в исследовании социального самочувствия населения через призму адаптационных процессов в реформирующемся российском обществе. Это, как отмечают многие ученые, дает возможность переосмыслить накопленный опыт социальных трансформаций и преобразований, полнее и всестороннее исследовать актуальные проблемы адаптации, осознать многие привычные, обыденные явления социальной жизни под новым углом зрения, в новом аспекте [1]. Особенно это важно для ставропольского региона, характеризующегося полиэтничностью, стихийной миграцией, политической нестабильностью, социально-экономической неустойчивостью [2]. Вхождение Ставропольского края в 2010 году в Северо-Кавказский федеральный округ также не могло не отразиться на социальном самочувствии населения. С этой целью в течение семи лет исследовательским коллективом проводился социологический мониторинг, результаты которого легли в основы данной статьи¹.

В проведенном исследовании социальное самочувствие интерпретировалось как эмоционально-оценочное отношение индивидов к окружающей социальной реальности и своему месту в ней. Оно рассматривалось на двух уровнях: объективном и субъективном. Объективный уровень социального самочувствия измеряется через достаточность / недостаточность объективных условий для реализации личностных потребностей, интересов, претензий. Субъективный уровень – через удовлетворенность / неудовлетворенность личностными жизненными достижениями. В совокупности эти уровни могут свидетельствовать о той или иной степени адаптации людей к складывающейся социальной реальности.

Трансформационно-модернизационные процессы, происходящие в российском обществе, поставили перед всем обществом и каждым человеком чрезвычайно сложную систему проблем адаптации к переменам в экономической сфере, которые реализовывались в условиях глубокого системного кризиса, охватившего все общество, что, безусловно, усугубило адаптационный процесс. Из всего множества трудностей адаптации населения Ставрополья к изменяющимся экономическим условиям с точки зрения социального самочувствия на первый план выдвигается уровень жизни, отражающий именно взаимосвязь социального самочувствия и адаптации, перемены в осознании человеком своего места в новой социально-экономической реальности.

В рассматриваемом ракурсе целесообразно использовать самооценку уровня жизни. Согласно результатам социологического опроса, серьезных изменений в степени удовлетворенности своим материальным положением на протяжении последних семи лет не наблюдается (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика удовлетворенности материальным положением (%)

Удовлетворены ли Вы своим материальным положением?	2006	2010	2012
1. Вполне удовлетворен	7,0	9,0	5,0
2. Скорее удовлетворен	18,9	17,8	21,5
3. Скорее не удовлетворен	29,0	26,7	27,5
4. Не удовлетворен	41,4	45,7	41,0
5. Затрудняюсь ответить	3,2	4,8	5,0

¹ Социологическое исследование в рамках реализации проекта «Социальное самочувствие населения Юга России в условиях реформ» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», подпрограммы по Югу России «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе»; а также Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез», подпрограммы по Югу России «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона», руководители акад. М. К. Горшков, проф. Г. Д. Гриценко; при поддержке РФФИ № 10-06-06132, руководитель проф. Г. Д. Гриценко. Использовалась многоступенчатая квотная выборка.

Так, поскольку в 2012 г. по сравнению с предыдущими годами несколько снизилась доля респондентов, «вполне удовлетворенных своим материальным положением», но возросла доля тех, кто «скорее удовлетворен», то общее число участников опроса, которые в той или иной степени удовлетворены своим материальным положением, осталось неизменным соответственно: 25,9 % – 26,8 % – 26,5%. Об отсутствии серьезной динамики можно говорить и в отношении доли ставропольчан, не удовлетворенных своим экономическим положением, например: 70,4 % – 72,4 % – 68,5 %. Это означает, что ярко выраженной отрицательной динамики удовлетворенности материальным положением не наблюдается, однако сохраняется негативная оценка своего материального положения – почти две трети респондентов принадлежат к данной категории. При этом важно отметить, что наиболее удовлетворена своим материальным положением молодежь в возрасте 18–24 лет, таковых примерно 50 %, в то время как наиболее не удовлетворено старшее поколение (кому 60 лет и более): доля не удовлетворенных здесь около 80 % [4]. В этой связи значимым является и оценка респондентами динамики своего материального положения, а именно того, как оно изменилось за последние 2–3 года. В ходе исследования были выявлены две прямо противоположные тенденции: возросла доля и тех, чье материальное положение улучшилось, и тех, чье материальное положение ухудшилось, при этом уменьшилось число тех респондентов, чье материальное положение не изменилось (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика материального положения за последние 2–3 года (%)

Изменилось ли Ваше материальное положение за последние 2–3 года?	2006 г.	2010 г.	2012 г.
1. Стало лучше	21,7	20,8	28,0
2. Не изменилось	50,6	52,9	37,5
3. Стало хуже	22,8	24,5	29,0

Полученные социологические данные в определенной мере коррелируют со сведениями территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю [5]. Наиболее показательными индикаторами в этой ситуации выступают ежегодный рост среднемесячной заработной платы и инфляция на Ставрополье. Так, среднемесячная заработная плата в 2006 году возросла по сравнению с 2005 годом на 12,4 % и составила 6 732,3 руб.; в 2010 г. соответственно на 10,3 % и 13 105 руб.; в 2012 г. – на 15,7 % и 18 469 руб.; то есть наблюдается рост заработной платы, свидетельствующий об улучшении материального благосостояния населения в крае. Имеет место некоторое снижение инфляции в ставропольском регионе: в 2006 году она составила 9 %; в 2010 году – 10 %; в 2012 году – 6 %. Приведенные данные свидетельствуют об относительной стабилизации социально-экономической ситуации в Ставропольском крае.

Все вышеприведенные данные исследования и статистики позволяют говорить о том, что определенная часть населения постепенно адаптируется к новым экономическим условиям. Подтверждением данного вывода может быть и тот факт, что треть респондентов в той или иной степени уверены в своем завтрашнем дне; столько же полагает, что их материальное положение в ближайшие 2–3 года улучшится; и более 40 % думают, что скорее всего в ближайшее время они не потеряют работу и не станут безработными.

Однако, согласно полученным результатам исследования, в Ставропольском крае накоплено много проблем и нерешенных задач, которые оказывают негативное влияние как на социальное самочувствие, так и на степень адаптации значительной части населения к новым социально-экономическим условиям.

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю, за последние семь лет практически не уменьшается численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума: в 2006 году такая категория населения была равна 22,2 %, в 2010 году – 19,1%, а в 2012 году – 18,8 %. При этом величина прожиточного минимума на душу населения Ставропольского края за IV квартал 2012 года составила 6 259 рублей, для пенсионеров – 5 144 рубля [6].

Кроме того, Ставропольский край находился на 24 месте по уровню безработицы в РФ. Так, на март 2012 года не имели работы 83,7 тысяч человек, почти половина из них (45 %) молодежь

в возрасте до 30 лет, больше трети (37 %) имеют высшее образование и столько же не имеет опыта трудовой деятельности [5].

Эти и многие другие трудности и проблемы социально-экономического развития Ставропольского края (например: низкая заработная плата у большинства вакантных работ (39,2 % респондентов указали на данную проблему); бюрократизм и взяточничество чиновников (22,6 %); «кабальная» налоговая система (22,6 %) сказались на сохранении у многих людей (более 60 %) неуверенности в своем завтрашнем дне (см. табл. 3).

Таблица 3

Уверенность / неуверенность в завтрашнем дне (%)

Как Вы оцениваете свою уверенность в завтрашнем дне?	2006	2010	2012
1. Вполне уверен	16,1	9,6	6,5
2. Скорее уверен, чем неуверен	20,1	21,4	23,5
3. Скорее неуверен, чем уверен	30,0	32,2	32
4. Совсем не уверен	22,6	25,7	30
5. Не думал об этом	12,5	15,9	8

В ходе исследования также было выявлено, что многим ставропольчанам трудно спрогнозировать возможность сохранения работы: с 20,7 % в 2006 году до 45,0 % в 2012 году увеличилась доля затруднившихся ответить на вопрос «Как Вы думаете, можете ли Вы потерять работу, стать безработным в ближайшие 2–3 года?».

Возрастание доли жителей Ставрополья, которые «смотрят в завтрашний день» с неуверенностью, сомнениями, свидетельствует не только о неудовлетворительном социальном самочувствии, но и о низком уровне адаптации населения к современной экономической ситуации в крае.

На вопрос «Как Вы считаете, изменится ли Ваше материальное положение в ближайшие 2–3 года?» почти половина респондентов (45,5 %) ответила, что оно останется без изменений. И это в условиях, когда возрастает численность участников опроса, позиционирующих себя как представителей низкообеспеченного слоя населения. Если в 2006 году доля респондентов, относящих себя к низкообеспеченному слою населения, составляла 59,0 %, в 2010 году – 58,4 %, то в 2012 году – уже 67,0 %. При этом, среднеобеспеченный слой населения поредел: его численность уменьшилась на 7,5%. Следовательно, фактически семи из десяти респондентам хватает заработной платы, семейного дохода только на питание, жилье и товары первой необходимости (см. табл. 4).

Таблица 4

Дифференциация населения Ставропольского края по уровню дохода (%)

К какому социальному слою населения Вы себя относите?	2006	2010	2012
1. Высокообеспеченному: денег хватает на удовлетворение потребностей без особых ограничений	0,8 %	3,6 %	1 %
2. Среднеобеспеченному: денег хватает на питание, жилье, одежду, образование, здоровье, отдых, товары длительного пользования	32 %	31 %	23,5 %
3. Низкообеспеченному: денег хватает в основном на питание, жилье, товары первой необходимости	59 %	58,4 %	67 %
4. Необеспеченному: денег не хватает даже на питание	5,5 %	5,5 %	4 %
5. Затрудняюсь ответить	2,2 %	4,1 %	4,5 %

К низкообеспеченному слою населения себя относят в основном респонденты старше 30 лет, имеющие среднее специальное и высшее профессиональное образование, работающие, в основном имеющие семью. Оценка себя как «необеспеченного» человека характерна и для респондентов старше 50 лет, имеющих, как правило, высшее образование. Ранее, в 2006–2010 годах, данная картина выглядела по-другому: подобным образом себя позиционировали респонденты старше 60 лет, имеющие неполное среднее образование. Как видим, изменился возрастной и образовательный порог представителей низкообеспеченного слоя: возрастной снизился, а образовательный – возрос.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что жители Ставропольского края значительно дифференцированы по степени социального самочувствия через призму адаптации к трансформирующимся социально-экономическим условиям. Есть категория населения, хотя и малочисленная, материальное положение которой улучшилось и которой присуща уверенность в своем завтрашнем дне, что свидетельствует и о позитивном социальном самочувствии, и об активной практической адаптации – более или менее успешном материальном и социальном выживании. Но есть и многочисленная социальная группа, для которой характерны негативное социальное самочувствие и пассивная практическая адаптация. Безусловно, обновляющееся российское общество только нащупывает пути глубоких социальных перемен, что сопровождается объективными и субъективными трудностями, ошибками, просчетами, ведущими к образованию чрезвычайно запутанного клубка разноплановых противоречий. Изменения, ставшие современными реалиями, как показывает социальная практика, усиливают отрыв высшего слоя (адаптированного) от основной массы населения (неадаптированной) и тем самым препятствуют консолидации российского общества, без чего невозможно сформировать качественно новый уровень жизни, характерный не только для верхнего слоя общества, но и для подавляющего большинства россиян.

Литература

1. Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюции социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр человеческих ценностей, 2004. С. 3–6.
2. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В., Зинев С. Н., Майборода Э. Т. Конфликтный регион: экспертное мнение // Вестник Южного научного центра РАН. 2009. Т. 5. № 3. С. 15–21.
3. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф. Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 93. (С. 91–96).
4. Сведения территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю. URL: <http://www.stavzan.ru/Home/trud/str/uroven.aspx> (дата обращения 3 мая 2013 года).
5. Постановление Правительства Ставропольского края от 6 февраля 2013 г. № 30-п. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/stav_real/459528/ (дата обращения 12 декабря 2013 г.).

УДК 316.334::352

Текеева Лейла Дагировна

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В данной статье автор в историческом и социологическом аспектах рассматривает особенности формирования и функционирования местного самоуправления в Карачаево-Черкесии, начиная с догосударственных форм самоорганизации горских обществ, включая современный этап институционализации.

Ключевые слова: социальная общность, самоорганизация, общинное управление, местное самоуправление, муниципальное образование.

Tekeeva Leila D.

PECULIARITIES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF LOCAL SELF- GOVERNMENT AS A SOCIAL INSTITUTION IN KARACHAI-CIRKASSIAN REPUBLIC

In this article the author considers pre-statist forms of self-organization of the mountainous societies in historical and sociological aspects, including modern stage of institutionalization, peculiarities of formation and functioning of local self-government in the Karachai-Circassian Republic.

Keywords: social community, self-organization, local self-government, community based management, the municipal formation.

Проблемы становления и развития местного самоуправления необходимо рассматривать в историческом контексте, так как идеи и практика самоуправления зародились в глубокой древности, следовательно, рассмотрение данного вопроса без обращения к историческому опыту будет неполноценным и лишенным преемственности. Очевидна необходимость всесторонних исследований данного социального явления [10].

Исторически различные формы самоуправления обеспечивали существование сообществ людей на основе разных форм самоорганизации, которые с развитием общества также менялись и усложнялись. В качестве первой самоуправляющейся ячейки можно рассматривать первобытные общины, характеризовавшиеся такими важнейшими условиями и признаками самоуправления как свобода и равенство, что было возможно вследствие отсутствия на данном этапе исторического развития особого разряда управляющих [7].

На Руси в качестве предыстории местного самоуправления принято рассматривать вечевую форму управления, представлявшую собой народное собрание, в которое входило практически все взрослое население города, а иногда и жители близлежащих деревень.

Ко времени присоединения народов, проживающих на территории КЧР, к России у них существовали свои догосударственные формы общественного управления, среди которых можно выделить как демократические институты общенационального уровня, так и отдельные формы самоорганизации граждан в каждом селении.

Так, к моменту вхождения карачаевцев, самого многочисленного народа современной Карачаево-Черкесии, в состав России (1828 г.) в системе управления Карачаевского княжества существовало несколько форм и уровней власти. Низший уровень управления охватывал родовые кварталы (тийре). Процессы управления на данном уровне осуществлялись старейшинами рода (тукьум тамадала) и квартальным муллою (тийре апенди). В круг решаемых вопросов входило организация общественных работ по очистке ирригационных каналов, обустройству квартальных кладбищ, постройке квартальной мечети и так далее.

Несколько близлежащих тийре объединялись в селения (эл), на уровне которых в качестве органа самоуправления выступал сход сельских граждан – джамагъат. Характерной чертой джамагъатов было то, что в него допускались лишь лично свободные мужчины. Джамагъаты решали ряд хозяйственно-административных вопросов, таких как пользование общинными угодьями; распоряжение землями, перешедшими общине от покинувших ее семей; вопросы отгона скота на летние пастбища; определение времени запуска выгонов под сенокосы; организация общественных работ (прокладка и ремонт дорог, мостов, постройка мечети села и так далее).

Кроме того, сход избирал общинный представительный орган – совет (эл тѳре), главного муллу сельской общины и старосту селения. Сельский тѳре существовал как исполнительный орган общинного схода, который избирался, как правило, из представителей наиболее крупных и влиятельных родов. В него входило небольшое количество лиц (6–9 человек), что позволяло довольно быстро принимать решения по возникшим вопросам. Одной из главных функций сельского тѳре был надзор за исполнением решений джамагъата [6].

Известно, что и у многих других горских народов в рассматриваемый период низовой организацией управления также была сельская община, которая могла иметь разные названия, но наиболее распространенным было использование арабского слова «джамаат». Община, как правило, на кровнородственных основах делилась на группы, каждая из которых возглавлялась старшинами. Также существовал и ряд других должностей, в обязанности которых входило следить за соблюдением принятых на джамаатах решений, осуществлять функции суда, внешние сношения общины и так далее [5].

Таким образом, к моменту присоединения к России у горских народов сформировались достаточно зрелые формы общественной самоорганизации, «о степени развитости которых свидетельствует тот факт, что местная власть осуществляла все основные функции: законодательную, исполнительную и судебную, хотя и без четкого оформления системы разделения властей» [3].

В дальнейшем на Северном Кавказе была установлена царская администрация. Общинное управление в селениях постепенно заменялось государственно-административным. Однако традиционные формы организации общественной жизни, которые были сформированы задолго до XIX в., продолжали существовать, но уже на основе государственного управления и внедрения в селения царского административного права [5].

Так, в Карачае в этот период, хотя и сохранились прежние формы управления в селениях – сельские сходы и сельские старшины, должность старшин из выборной превращалась в назначаемую властями. К тому же «старшины допускались к исполнению своих обязанностей после принятия присяги в окружном управлении „о беспрекословном исполнении всех поручений и требований администрации”» [2].

Старшины были обязаны законодательно регулировать деятельность сельских сходов. При этом, сохраняя сельские сходы, царская администрации пыталась создать видимость поддержания традиционного управления и общинных прав крестьян. На самом же деле сельские сходы созывались по инициативе назначенных властями должностных лиц и служили ширмой для проводимой царской властью политики.

В целях укрепления данной системы в 1869–1870 гг. было принято «Положение об аульных обществах и горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении», с введением которого сельское управление на Северном Кавказе впервые получило единую форму и стало регулироваться единым законодательством [5].

Таким образом, сельское «общественное» управление на Северном Кавказе в царское время, сохраняя традиционные формы и названия, никакой самостоятельностью не обладало и полностью находилось в зависимости от правительственных властей.

Только под влиянием революции 1905–1907 гг. Кавказская администрация в 1906 г. вынуждена была признать «возможным ввести немедленно среди туземного населения институт старшин, избираемых самими обществами». Порядок избрания сельских старшин проходил путем тайного голосования на сельских сходах сроком на три года. Однако, хотя старшины и избирались населением, утверждал их в должности начальник области, что делала опять же невозможным независимость и самостоятельность местного самоуправления [2].

Революция 1917 года привела к необходимости построения новой системы управления в России. С этого периода организация местной власти на территории как всего Кавказа, так и Карачаево-Черкесии в частности, носит унифицированный характер и развивается по тому же сценарию, что и по всей России.

Установившаяся после свержения монархии новая власть была особенно заинтересована в реформировании местного уровня власти, о чем свидетельствует тот факт, что за довольно короткий срок существования Временным правительством было принято свыше сорока актов по проблемам местного самоуправления. Еще в марте была принята декларация, предполагающая реформу муниципального самоуправления на основе всеобщего избирательного права.

Переходными формами власти на местах до передачи ее советам были признаны Гражданские исполнительные комитеты, которые избирались прямым голосованием и осуществляли свою деятельность совместно с комиссарами Временного правительства. При этом местные общественные комитеты действующей властью представлялись как зародыши демократического самоуправления и имели целью подготовить население к будущей реформе. Комиссарам отводилась роль не контроля над создающимися органами в качестве высшей инстанции, а посредствующего звена между ними и центральной властью. Однако отношение к местному самоуправлению на практике оказалось иным: вся исполнительная власть была сосредоточена в руках губернских и областных комиссаров [11].

Данный период характеризуется высокой общественной активностью горских элит. Большинство населения Кубанской области (в состав которой входило большая часть Карачая и Черкесии) приняло новый порядок, установленный Временным правительством. В условиях смены власти процесс формирования Гражданских исполнительных комитетов носил стихийный характер и шел активно. Подобные комитеты были созданы как на уровне областей, так и на уровне уездов, а также селений. Согласно новой системе сельского самоуправления происходила замена старшин и всего аульного правления на сельские Гражданские исполнительные комитеты, которым принадлежали властные полномочия на данной территории.

Сельские комитеты избирались на сходе граждан на основе всеобщего прямого равного и тайного голосования без различия пола, национальности и вероисповедания. Несмотря на то что горские комитеты как форма самоорганизации местных сообществ обладали ограниченным кругом полномочий, им удалось за довольно короткий срок работы (до октября 1917 года) добиться значительных результатов в развитии образования и культуры, восстановления имущественных и личных прав и т. д. [1].

Новая веха в истории местного управления началась с октябрьским переворотом 1917 года, когда к власти пришли большевики. В построении новой системы управления Советская власть основывалась на принципе единства, предполагающего, что все органы государственной власти и управления, включая местные Советы, образовывали целостную, взаимосвязанную систему.

Выборы носили не всеобщий характер: ряд категорий жителей лишались права избирать и быть избранными. Кроме того, необходимо отметить, что предназначение Советов были изначально политизировано: они представлялись новой властью не как органы решения местных проблем на основе общественной деятельности, а как органы, предназначенные для реализации классовых интересов «трудящихся и эксплуатируемой массы» [4].

В дальнейшем реформирование местного управления в СССР заключалось в расширении или ограничении круга полномочий местных советов, но в рамках сложившей системы единства всех высших и местных органов государственной власти.

Современный этап процесса реформирования местного самоуправления как в целом в России, так в КЧР, характеризующийся отделением его от вертикали государственного управления и приданием самостоятельного статуса, связан с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года, хотя и ранее предпринимались попытки придания местному самоуправлению «негосударственной природы» [9].

После определения Конституционных основ возникла необходимость построения новой модели российской системы местного самоуправления. Следствием этого стало принятие Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ

Процесс перехода к новой модели местного самоуправления в Карачаево-Черкесии, впрочем, как и в других субъектах РФ, включал в себя два этапа, тесно связанных друг с другом: приведение республиканского законодательства в соответствие с федеральным, то есть принятие необходимых законов и подзаконных актов, составляющих правовую основу местного самоуправления в КЧР, и приведение статуса и форм муниципальных образований в соответствие с новым законодательством, а также формирование новых органов власти на муниципальном уровне.

Закон КЧР, определяющий правовые основы новой системы местного самоуправления в республике, был принят Народным Собранием КЧР 20 декабря 1996 года. Он устанавливал основные нормы организации системы местного самоуправления в Республике, определял ее роль и место в новой системе власти, а также устанавливал права и обязанности населения в рамках осуществления местного самоуправления.

Однако, несмотря на то что Закон КЧР «О местном самоуправлении в Карачаево-Черкесской Республике» от 20 декабря 1996 года вслед за федеральным законодательством устанавливал новую дефиницию местного самоуправления как самостоятельного уровня власти, он носил рамочный характер, так как не содержал положений, которые регулировали бы такие важнейшие вопросы, как разграничение полномочий между уровнями местного самоуправления, наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, порядок осуществления форм непосредственной демократии и т. д. [7].

Вследствие этого был разработан и принят Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ и в соответствии с новым федеральным законодательством – Закон КЧР «О местном самоуправлении в Карачаево-Черкесской республике» от 25 октября 2004 года № 30-РЗ.

Реализация новой модели местного самоуправления потребовала реструктуризации территории Республики, так как вводилась двухуровневая система местного самоуправления, а также новые формы сельских и городских муниципальных образований: сельские и городские поселения, городские округа, муниципальные районы и внутригородские территории городов федерального значения.

В настоящее время на территории Карачаево-Черкесской Республики существуют 10 муниципальных районов и два городских округа. Однако необходимо подчеркнуть, что организационные формы местного самоуправления не совсем совпадают с нормами, предусмотренными законом 131-ФЗ. Так, Карачаевский городской округ включает в себя два города, один из которых – г. Карачаевск – к тому же является еще и административным центром Карачаевского района, что не вписывается в 131-ФЗ.

Но, несмотря на некоторые несоответствия, сегодня можно утверждать, что в Карачаево-Черкесии завершен этап организации местного самоуправления как уровня публичной власти, так как во всех муниципальных образованиях сформированы и действуют предусмотренные законодательством органы муниципальной власти, хотя модели их организации весьма разнообразны.

Этого нельзя сказать о самоорганизации граждан. Формы непосредственного участия граждан в местном самоуправлении, которые считаются показателем активности и заинтересованности населения в решении вопросов местного значения, такие как различные виды территориальных общественных объединений, публичные слушания, конференции, собрания граждан и т. д. практически не развиты. Население пассивно относится к своим правам как к правам жителей муниципального образования, зачастую даже не осознают их.

В то же время эффективность осуществления местного самоуправления, наравне с установлением и функционированием органов муниципальной власти, на наш взгляд, требует активного участия в ее реализации населения, так как без этого институт местного самоуправления превращается в продолжение государственной власти, что противоречит законодательству и самой сущности местного самоуправления как института гражданского общества, основанного на самоорганизации, самоуправлении и ответственности населения при решении вопросов местного значения. Развитие гражданского общества в целом требует повышения статуса местного самоуправления [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что местное самоуправление и в целом России, и в КЧР имеет глубокие исторические корни. Однако процесс реформирования данной сферы до сих пор остается актуальным и находится в активной фазе, о чем свидетельствует и то, что в основной закон, регламентирующий организацию местного самоуправления в России «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 №131-ФЗ внесено уже более восьмидесяти изменений в виде законодательных актов. Остается надеяться, что все изменения будут оставаться в русле ранее определенного вектора – укрепления политической, экономической и социальной самостоятельности местного самоуправления, которая станет основой истинного гражданского общества в нашей стране.

Литература

1. Батчаев Ш. М. Бурный 1917-й // День Республики. 2012. № 180. С. 3
2. Батчаев Ш. М. Порядок избрания и статус сельских старшин в Карачае (1868–1917 гг.) // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития: материалы Всероссийской научной конференции. Карачаевск: КЧГУ, 2008. Часть I. С. 102–104.
3. Джемакулова Б. М. Культурное и социально-экономическое развитие народов Северо-Западного Кавказа в составе Российской Империи (на примере Абазин) // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития: материалы Всероссийской научной конференции. Карачаевск: КЧГУ, 2008. Часть I. С. 181–187.
4. Еремян В. В., Федоров М. В. История местного самоуправления в России. М., 1999. Ч. 1. 295 с.
5. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). авт. кол.: В. Г. Гаджиев, В. П. Невская, Ю. П. Серый и др.; ответ. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 659 с.
6. Карачай с древнейших времен до 1917 года: историко-этнографические очерки / под редакцией Р. Т. Хатуева. Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2009. С. 68–71.
7. Коваленко Н. Е. Местное самоуправление как форма демократии: учебное пособие. СПб.: СПбГУ-ЭФ, 2008. 296 с.
8. Лежебоков А. А. Социокультурный статус местного самоуправления в структуре гражданского общества // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. № 4. С. 110.
9. Савватеев А. И. Местное самоуправление как институт развития гражданского общества: дис. ... канд. полит. Наук. Екатеринбург, 2005. С. 117.
10. Сергодеева Е. А. Культурологический и социологический «повороты» в современных историко-научных исследованиях // Научные проблемы гуманитарных исследований: научно-теоретический журнал; Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе. Пятигорск, 2011. Вып. 10. С. 275–282.
11. Судавцов Д. Н. Разработка Временным правительством России правовых основ реформирования местного самоуправления // Социология власти. М.: Изд-во РАГС, 2009. № 8. С. 140–146

ФИЛОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 811.161.1

Атрощенко Екатерина Олеговна

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ И ЭПИДИГМАТИЧЕСКИЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИМЕНИ КОНЦЕПТА «МАТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье выявлены лексические средства выражения в русском языке концепта «мать» и представлен анализ семантических парадигматических и словообразовательных отношений, связывающих их в системе языка. Концепт рассматривается с точки зрения лингвокультурологии.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, имя концепта, лексико-семантическое поле, семантические отношения.

Atroshhenko Ekaterina O.

PARADIGMATIC AND EPIDIGMATIC SEMANTIC RELATIONS BEHALF OF THE CONCEPT «MOTHER» IN RUSSIAN LANGUAGE

The article reveals lexical means of expression in the Russian language concept "mother" and presents an analysis of the semantic and derivational paradigmatic relations, linking them in a language system. Concept presented in terms of cultural linguistics.

Key words: cultural linguistic, concept, lexical-semantic field, semantic relationships.

Антропоцентрическая лингвистическая парадигма, утвердившаяся в гуманитарном знании, в том числе лингвистике, на рубеже XX–XXI в. веков, поставила новые цели в изучении языка, потребовавшие новых методик описания и подходов при анализе его единиц, правил и категорий. Современная лингвистика среди прочих активно разрабатывает направление, рассматривающее язык как «культурный код нации, а не просто как орудие коммуникации и познания» [3, с. 3]. Язык с этой точки зрения представляет собой продукт культуры, значимую составную её часть и условие существования, а также фактор формирования культурных кодов. В качестве единицы межкультурной и внутрикультурной коммуникации в лингвокультурологии утвердился концепт. Единого общепринятого определения у данного термина на сегодняшний день в лингвистике нет. Но если обобщить теории разных авторов, то лингвокультурный концепт можно определить как содержательную единицу мышления, являющуюся результатом познания человеком окружающего мира, составляющую часть национальной концептосферы и имеющую отражение в языке.

Концепт «мать» относится к универсальным концептам, в которых наиболее полно отражаются этноментальные особенности лингвокультурного сообщества. Но русская культура, как любая национальная культура, самобытна, что обуславливает наличие в ней собственных представлений об этом феномене, а также средств его выражения и оценки. Определить содержание и структуру концепта «мать», выделив ядерную, ближайшую и дальнюю периферийную зоны его значений поможет метод построения лексико-семантического поля имени концепта «мать». Концепт, как и поле, образует множество когнитивных признаков, значений, имеющих хотя бы один общий когнитивный признак. Понятие «поле» возникло в лингвистике XX века в рамках системного подхода к изучению языка и определялось как «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания» [2, с. 99]. Основателем теории лексико-семантического поля считается германский ученый Й. Трир, считавший, что каждое «понятийное поле», соответствующее определенной сфере, соотносится с определенной группой слов, образующих «словесное» поле этой же сферы [2, с. 98]. Лексико-семантическое поле в отличие от различных лексических групп представляет собой систему, состоящую из разнородных элементов и образований, по-разному связанных между собой.

Изучение имени концепта методом исследования лексико-семантического поля позволяет выявить семантику и валентность лексем, являющихся вариантами имени концепта. При исследовании лексем в пределах одного лексико-семантического поля необходимо учитывать особенности парадигматического и синтагматического уровней языка, это позволит более детально проанализировать семантику лексем в сопоставлении с другими элементами поля при помощи выявления ин-

тегральных и дифференциальных признаков и их связей. Лексико-семантическое поле имени концепта «мать» образуют лексико-семантические варианты основной лексемы – имени концепта, а также ее дериваты и синонимы. Безусловно, описание лингвокультурных особенностей и связанных с ними национальных стереотипов в рамках мировой общечеловеческой культуры следует проводить на типологически неоднородном языковом материале, по этой причине при анализе лексико-семантического поля с основой «мать» мы обратились как к лексикографическим источникам, так и к произведениям русской литературы. В результате проведенного лингвистического исследования становится возможным составить обобщенное представление данного концепта в русском языке.

Несмотря на некоторую субъективность, дефиниции, представленные в лексикографических источниках в целом отражают понимание того или иного явления определенным языковым коллективом с точки зрения обыденного сознания. Итак, «мать» по определениям русских словарей – это в первую очередь «женщина по отношению к своим детям» или «женщина, имеющая детей», данное значение совмещает в себе три семантических признака: 1) свойственное исключительно женщинам, 2) биологический феномен, 3) социальная роль. Первые два признака также свойственны лексическому значению «самка по отношению к животным». Признак «социальная роль» реализуется в таких значениях, как: «уважительно – любая женщина» (здесь также подчеркивается, что материнство – обязательное свойство женщины) и «в монастырях – настоятельница, почетная старица», «игуменья, попадья», «жена духовного лица», иными словами «мать» может быть социально-духовным саном. В этом случае также актуализируется сакральный компонент семантики лексемы «мать». Еще одно значение лексемы, совмещающее признаки социальной и сакральной роли, связано с некровным, символическим родством, устанавливаемым в результате или для проведения какого-либо обряда – свадебного: посаженная мать, мать одного из супругов по отношению к другому супругу; крестильного – крестная мать. Также в словарях зафиксированы переносные и метафорические значения имени концепта, где перенос происходит по семе «порождение». Так мать может являться источником, тем, что дает начало: «источник чему-либо, место рождения, происхождения, корень растений». Кроме того, в переносное значение включена сема «ценность», «значимость»: мать – нечто важное, главное: «подлинник, оригинал», «главная балка в избе» и т. д. Метафорическое и сакральное значение слова «мать» как имени православной святой матери Богородицы также зафиксировано в некоторых словарях. Это единственное значение, не имеющее отношения к явлениям и предметам объективной действительности.

Итак, в русском языке концепт «мать» имеет следующие значения:

- 1) женщина, имеющая/имевшая ребенка/детей;
- 2) самка животного по отношению к своим детенышам;
- 3) монахиня, настоятельница или жена священника;
- 4) термин некровного родства;
- 5) земля, родина;
- 6) Богородица;
- 7) источник, исходная форма, нечто/некто, дающее начало, жизнь.

Таким образом, «мать» – это таксонная лексема, номинирующая различные объекты и явления действительности, а также некоторые объекты мифологии, обладающие следующими компонентами значения или их сочетаниями: 1) свойство женщины, 2) биологический феномен, 3) социальная роль, 4) сакральный термин, 5) переносное, метафорическое наименование. Ядро лексико-семантического поля составляют компоненты «женщина, нечто/некто дающее начало чему/кому-либо», ближняя периферия – биологический феномен, социальная роль, дальняя периферия – сакральная и аксиологическая единица, метафора. Сему «феминность», с одной стороны, можно считать интегральной для всех аспектов проявления концепта, но этому противоречат находящееся на периферии метафорическое значение «первоисточник, начало» и примеры текстов, воспроизводящих его, где концепт выражает неодушевленные предметы и абстрактные явления, иногда не относящиеся даже к грамматическому женскому роду:

Киев – мать городов русских.

Оный язык – всем языкам мать, о чём и говорит (Плавильщиков П. А. Сговор Кутейкина, 1789).

Следующим этапом нашего исследования является рассмотрение и анализ лексических средств объективации указанных значений концепта «мать».

Синонимический ряд лексемы «мать» включает большое количество однокорневых синонимов, отличающихся преимущественно эмоционально-оценочной характеристикой и сферой употребления (книжная, разговорная). Но, кроме них, у лексемы «мать» есть и неоднокорневые синонимы. Первый – лексема «родительница» употребляется как «почтительное обозначение матери, преимущественно в купеческой, мещанской среде» [7, с. 212].

Енарал у нас родитель-то, а родительница что ни на есть самая великатная енаральша! (Эртель А. И. Записки Степняка, 1883).

В современном языке употребляется нечасто и имеет нарочито официальный характер в разговорной речи. Синоним «родимая» используется в народно-поэтической речи и при ее имитации в текстах художественной литературы в качестве обращения [7]. Данная лексема выполняет функцию эпитета в составе многих паремий, репрезентирующих концепт «мать»:

Нет лучшего дружка, чем родимая матушка.

Некоторые из выделенных нами значений имени концепта «мать» также имеют свои лексические синонимы: например, «мать» как термин некровного родства может в зависимости от контекста иметь синонимы – «крестная», «восприемница», «теща», «свекровь». А в значении социально-духовного сана женщины может иметь синонимы «монахиня», «настоятельница», «попадья».

Лексема «мать» также включена в гиперо-гипонимическую парадигму отношений с другими лексемами. В первую очередь лексема «мать» в качестве гипонима, означающего определенный статусный и социальный маркер, относится к гиперониму «женщина». В текстах встречается совместное использование этих лексем в виде сложного семантического целого «женщина-мать»:

Нет, матушка, знаю, что ты женщина умная, воспитанная, а все-таки женщина – мать (Фет А. А. Дядюшка и двоюродный братец, 1855).

В значении «ближайший родственник», «родственник первого поколения» «мать» является гипонимом по отношению к гиперонимам «семья» и «родня» в значении «объединение людей, основанное на браке или кровном родстве».

Семья его была старинная московская дворянская; и отец и мать пользовались необыкновенным уважением всей Москвы (Мещерский В. П. Мои воспоминания, 1897).

В этом случае у лексемы «мать» имеется согипоним «отец», с которым одновременно эта лексема составляет пару квазиантонимов конверсивов – лексем, описывающих одну и ту же ситуацию и отношения (семейные отношения, процесс рождения и воспитания ребенка) с точки зрения разных участников (родителей). Противопоставлены эти лексем по семе «гендер». В текстах достаточно часто встречается употребление семантического целого «отец и мать» вместо гиперонима «родители», а также конструкции «отец-мать» как одной лексемы.

Ты выкупаешься, домой пойдешь, отлично наешься у отца-матери! (Данилевский Г. П. Воля, 1863).

Наличие такой лексемы в русских текстах подчеркивает целостность семьи, говорит об истинном понимании значения феномена «родители», актуализирует равную аксиологическую значимость отцовства и материнства.

Лексемы «дитя», «ребенок», «сын», «дочь» также являются гипонимами гиперонима «семья» и одновременно конверсивами для лексемы «мать». В данном случае противопоставление основано на том, что эти лексем выполняют разнонаправленные, но тесно связанные семантические роли – агенса и пациенса (родила, воспитала, вскормила, вырастила – был рожден, воспитан, вскормлен, выращен). Кроме того, наличие ребенка/детей – это один из основных признаков матери в любом значении этого феномена.

Хоть бы то-то помнили, сколько матери болезней от детей переносят (Островский А. Н. Гроза, 1860).

Итак, лексема «мать» с существительными «отец», «женщина», «дети», «сын», «дочь» и т. п. образует семантически цельные сочетания, основанные на гипо-гиперонимических отношениях. Это подчеркивает тесные связи между данными лексемами в семантическом и грамматическом строе языка. Очевидно также, что концепт «мать» входит в состав гипер-концепта «семья», где представляет собой универсальный термин родства, как кровного, так и устанавливаемого браком, а также родства духовного, обрядового. Иными словами, «мать» входит в два лексико-семантических

микрополя «семья» – «родственники» и «свойственники». Таким образом, у лексемы «мать» обнаруживается потенциальная сема оценки и разграничения «свой – чужой».

Дериваты исследуемого концепта «мать» многочисленны, но следует учитывать одну интересную особенность – процесс словообразования происходит фактически от двух основ – мат(ь) и мам(а). То есть, несмотря на полную семантическую, сигнификативно-денотативную тождественность и общее происхождение, лексемы «мать» и «мама», являющиеся именами одного концепта, будут образовывать два разных словообразовательных гнезда [4, с. 26]. На первый взгляд лексемы «мать» и «мама» представляют собой лексические дубликаты, так как имеют тождественную семантику. Но лексема «мама» имеет разговорный характер и употребляется преимущественно в обращении к собственной матери [6, с. 570], тогда как лексема «мать» употребляется и в книжной, и в разговорной речи, ее можно определить как стилистически нейтральную единицу. Это характеризует данную синонимическую пару как стилистические синонимы. Кроме того, отличие между данными лексемами заключается и в прагматическом компоненте значения, включающем отношение говорящего к объекту, называемому «мать» или «мама». В зависимости от эмоциональной и физической дистанции между говорящим и объектом выбирается та или иная лексема – для родной, кровной матери и особенно близкого человека – «мама», для неродной, чужой, неблизкой – «мать». Таким образом, лексема «мама» включает экспрессивно-эмоциональную оценку, коннотации индивидуально-психологического плана и выполняет как коммуникативную, так и оценочную функции.

Знаешь, мама, если он умрет, его мать и тетку в богадельню возьмут, а жена и две дочери пойдут милостыню просить (Гарин-Михайловский Н. Г. Детство Темы, 1892).

Деривационный потенциал лексемы «мама» несколько меньше, чем у лексемы «мать». От основы мам- образуются преимущественно имена существительные, стилистические модификации лексемы – номинации родной матери с помощью суффиксов с ласкательным значением: «мамочка», «маменька», «мамаша», «мамуля» и т. д. От этих модификаций в свою очередь образуются притяжательные прилагательные с помощью формантов -к-, -ин-: «мамочкин», «маменькин», «мамашкин» и «мамашин», «мамулин» и т. д.

Деривационная сеть лексемы «мать», являющейся основным именем исследуемого концепта, насчитывает 12 компонентов и включает лексемы разных частей речи. Мы рассмотрим некоторые основные из них. В первую очередь в деривационную сеть входит лексема «матушка» являющаяся производной от основы *мат'*- с выраженной дополнительно эмоционально-экспрессивной семантикой. Лексема представляет собой звательную форму, используемую в качестве обращения к родной матери и, реже, к чужой матери или любой женщине с целью подчеркнуть вежливое или близкое отношение.

Вот что, матушка Анна Аркадьевна, скажу я вам, – произнес опять по-русски Расстончин (Данилевский Г. П. Сожженная Москва, 1885).

Кроме того, именно лексема «матушка» употребляется преимущественно в значении «жена священника», «монахиня». В современном языке употребление лексемы в этом значении доминирует.

За это, матушка игуменья, достается, – сказал он, – а мы так сделаем... (Лесков Н. С. На ножах, 1870).

В значении «родина, земля, место рождения» также чаще всего именем концепта выступает лексема «матушка»:

Потом на последний покой в матушке земле сырой! (Тургенев И. С. Несчастная, 1881).

Лексема «матушка» – это также и молитвенная форма обращения к Богородице:

Все звал простым детским языком богородицу: «Благодетельница, матушка, голубушка, заступись за меня! (Лесков Н. С. Темняк, 1880–1890).

Матушкой также в русской лингвокультурной традиции было принято крестьянам именовать барыню, а со времен царствования Екатерины II Великой – императриц:

Вспомнились Екатерине при этом давние строки: «Матушка царица, прости...» (Данилевский Г. П. Княжна Тараканова, 1883).

Лексема «матушка» используется также в качестве метафоры по отношению к предметам и явлениям окружающего мира с целью подчеркнуть их особую роль в жизни человека:

Кабы мы в кабак не ходили, откуда бы казна-матушка деньгами разжилась? (Салтыков-Щедрин М. Е. Фантастическое отрезвление, 1884).

Таким образом, лексема «матушка», как и лексема «мать», обладает наибольшей лексической сочетаемостью и способностью проявлять все имеющиеся компоненты значения.

От основы лексемы «мать» также образуется притяжательное прилагательное «материнский», имеющее значение «относящийся к матери, принадлежащий ей», которое может также принимать качественное значение: материнское сердце, т. е. доброе, отзывчивое, заботливое. Таким образом, у прилагательного «материнский» появляется потенциальная сема «оценка». Именно прилагательные наиболее очевидно демонстрируют те свойства и признаки, по которым человек выделяет объект из класса подобных. От данного прилагательного образуются также наречия «матерински» и «по-матерински», означающие характеристику действия, свойственного матери, и имеющие качественное значение.

Лексема «материнство» мотивирована непосредственно относительным прилагательным «материнский» и опосредованно существительным «мать», выражает принадлежность к субъекту, названному существительным в значении «материнское состояние, материнские чувства» и «качество, общее свойство и положение матери» [6, с. 589]. «Материнство» имеет значение отвлеченного признака, «непроцессуальный признак, названный мотивирующим прилагательным» качества (геройство) или действия (ученичество) субъекта, который назван в исходном слове. Частное словообразовательное значение лексемы «материнство» по своей сути является качественно-относительным, или атрибутивным, то есть обозначает «признак, определяющий характер, поведение, способность к признаку» [1, с. 11]. Лексема «материнство» включает как сему качества (качеств), свойственных женщине-матери, так и сему действия, ведь статус матери подразумевает выполнение определенной социальной роли. Таким образом, лексема «материнство» обозначает то, что объединяет всех матерей. В современном русском языке приобретает собирательное значение, называет множество одинаковых субъектов как одно целое: охрана материнства и детства (т. е. матерей и детей). Кроме того, «материнство» – это отвлеченное существительное, называющее явление, воспринимаемое мысленно, так же как лексемы «учение», «выносливость», «радость».

В современном русском литературном языке отсутствуют глаголы с семантикой «быть матерью», «становиться матерью», «поступать как мать» и т. д. Обусловлено наличие такой языковой лакуны, на наш взгляд, тем, что феномен «быть матерью» включает в себя множество действий (в большинстве своем нефизических), которые семантика одной лексемы вместить не может. Есть только комплекс глаголов, означающих каждое отдельное действие, функцию матери: «рождать», «воспитывать» и др., некоторые из них имеют весьма широкую семантику и могут относиться не только к женщине-матери: «кормить», «любить» и др.

Таким образом, анализ лексико-семантического поля с основой «мать» показал, что концепт «мать» соотносится как с конкретными, так и абстрактными явлениями и понятиями, которые так или иначе взаимосвязаны семантически. Основная интегральная сема «феминность» – «свойство, качество женщины» – объединяет практически все значения лексемы, за редким исключением на периферии поля. Также анализ лексико-семантического поля помог выявить потенциальные семы «ценность» и «различие свой – чужой». Это доказывает, что концепт «мать» является аксиологической доминантой в русской лингвокультуре. Ядерные лексемы, составляющие лексико-семантическое поле концепта «мать» в русском языке представляют собой в основном звательные формы и синонимы основного имени концепта. Также к ядру поля относится лексема «материнство» в значении «качество, свойство, состояние, достоинство матери». На границе ядра и периферии находится притяжательное прилагательное «материнский», которое может приобретать в контексте качественное значение, выполняя оценочную функцию. К ближней периферии лексико-семантического поля относятся лексико-семантические варианты лексемы, а также их синонимы и метафорическое использование лексем. Все входящие в номинативную часть поля концепта «мать» лексемы представляют значимый фрагмент лексической системы русского языка.

Литература

1. Грязнова В. М. Личные существительные в русском литературном языке первой половины XIX века. М., 1989.
2. Кобозева Лингвистическая семантика: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие. М.: Академия, 2001.

4. Тихонов А. Н. Словообразовательное гнездо как единица словообразовательной системы русского языка // СРЯ: хрестоматия. Словообразование и морфология. Ч. 2. Минск: БГУ, 2005.
5. Национальный корпус русского языка – ruscorpora.ru

Словари

6. Большой академический толковый словарь русского языка (БАС) Т. 6. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1957.
7. Словарь синонимов русского языка (ССРЯ) / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. Л.: Наука, 1970.

УДК 316.77

Беленькая Юлия Петровна

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАПОВЕСТКИ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Данная статья посвящена особенностям формирования информационной повестки дня в электоральный период. Здесь представлены результаты различных исследований медиаповестки в период выборов, рассмотрена специфика работы журналиста. Особое внимание уделено манипуляции общественным мнением.

Ключевые слова: информационная повестка дня, электоральный период, средства массовой информации, телевизионные новости, политическая повестка дня.

Belenkaya Ulia P.

SPECIFICS OF AGENDA SETTING IN THE ELECTORAL PERIOD

This article is devoted to the peculiarities of the formation of information agenda in the electoral period. Here are the results of various studies media agenda during elections, the specificity of the work of the journalist. Special attention is given to manipulate public opinion.

Key words: media agenda, mass media, the electoral period, television news, political agenda.

Воздействие средств массовой информации заключается не только в убеждении реципиента и изменении его установок, но и в способности привлекать общественное внимание к определенному кругу вопросов. Включение или невключение тех или иных тем может говорить о том, какие образы и имиджи создает телевизионная компания, какое настроение зрителя ей выгодно в данный момент. Часто создание «псевдособытий» и включение их в новостную программу является преднамеренным актом отвлечения внимания от чего-то главного. Таким образом, выбирая из информационно-событийной картины дня определенные события, СМИ формируют медиаповестку. Информационная повестка дня всегда играет важную роль в формировании общественного мнения и общественной повестки, но в электоральный период роль СМИ зачастую становится решающей.

Ниже мы попытаемся выделить ряд факторов, которые, по нашему мнению, отличают электоральный период от неэлекторального и заставляют СМИ по-другому формировать медиаповестку.

В электоральный период меняется поведение кандидатов и избирателей, и эта перемена в свою очередь оказывает влияние на деятельность СМИ. В электоральный период партии и кандидаты более активны, чем в иное время. Они настойчивее пытаются получить свою долю внимания СМИ и, таким образом, «добиться» до избирателя. Организуя так называемые псевдо-события (например, пресс-конференции, выпуск пресс-релизов, выступления перед избирателями), партии пытаются внести в медийную повестку дня свой вопрос или проблему. В результате в новостные СМИ поступает огромный массив политической информации. В ответ СМИ вынуждены перестраивать свою работу. С одной стороны, они могут усовершенствовать процесс селекции информации, т. е. журналистам придется уделять больше времени выбору более достойных освещения историй из массы политических новостей и событий. С другой стороны, они могут просто увеличить общий объем политических новостей. В любом случае журналистам оказывается сложнее освещать события, не связанные с партиями и кандидатами, события, не имеющие политического «происхождения». Это объясняет, почему в электоральный период у СМИ значительно меньше свободы в формировании повестки дня, чем в неэлекторальный период [17, с. 88].

Кандидаты активно пытаются привлечь СМИ к своим персонам и партиям, но при этом избегают множества актуальных тем. В течение электорального периода претенденты на должность желают обойти стороной обсуждение спорных моментов и вместо этого сконцентрироваться на своих личных качествах и своей репутации. Политолог и исследователь СМИ Р. Джослин после тщательного анализа сотен медиатекстов пришел к заключению, что лишь в незначительном их числе показана позиция кандидата относительно спорных вопросов [7, с. 94]. Многие из кандидатов наряду с представителями журналистского корпуса полагают, что избиратели не настолько осведомлены и заинтересованы, чтобы беспокоиться о конкретных политических вопросах. Для кандидатов лучше использовать в своей речи простые и понятные символы, а не затрагивать сложные аспекты экономической жизни. Кандидаты скрывают свою точку зрения по дискуссионным вопросам в том числе из-за страха отпугнуть потенциальных избирателей.

Большинство кандидатов и их помощников считают, что СМИ должны использоваться для продвижения избирательной кампании, а не для информирования или образования электората. Поэтому новостные выпуски необходимо поставить под контроль. В своей работе кандидаты и члены их команды отталкиваются от трех «истин». Во-первых, в большинстве своем люди узнают о кандидатах с помощью телевизионных программ, поэтому предпочтение среди прочих СМИ отдается телевидению. Во-вторых, из-за ограниченности времени и пространства в телевизионных новостях приоритетом пользуются истории, о которых можно рассказать за 1-2 минуты, а также истории, обладающие «визуальной мощью». В-третьих, журналисты боятся «говорящих голов», т. е. тех выступающих, которые долго и монотонно говорят о сложных политических, экономических или социальных проблемах. Вместо этого они хотят коротких, содержательных заявлений, называемых профессионалами «soundbites», которые займут не более 30-45 секунд эфира. Критикуя считавшуюся мягкой точку зрения своего оппонента по оборонному вопросу, Дж. Буш-ст. заявил аудитории: «Я не удивлюсь, если М. Дукакис считал, что о военно-морских учениях можно прочесть в тетради Дж. Фонды» [цит. по: 4, с. 403]. Эта короткая и уместная ремарка могла быть вставлена в любую передачу, даже крайне ограниченную по времени.

Понимая эти «истины», претенденты на должность пытаются манипулировать в своих собственных целях новостным содержанием. Правильно определив место, время и контекст своего выступления, кандидаты могут в каком-то смысле заставить СМИ рассказать в вечерних новостях именно о том, чего они желают. Хорошим примером может служить событие, названное CBS «плавающим политическим театром» [6, с. 171]. Во время своей избирательной кампании 1988 года вице-президент Дж. Буш-ст. совершил на прогулочном судне плавание по Бостонской гавани, в районе, где его оппонент М. Дукакис имел наибольшее влияние, указывая сопровождавшим его журналистам, операторам и фотографам на мусор и грязь в воде. В ходе плавания он заявил: «Решение моего оппонента по поводу этого загрязнения – промедление, борьба, все что угодно, только не приведение в порядок гавани. Я не могу назвать это руководством, и не могу, естественно, назвать это даже компетентностью». Как и предсказывали советники Дж. Буша-ст., три крупнейшие американские телевизионные сети покорно рассказали об этом событии в своих вечерних новостных программах (лишь ABC отметила, что нельзя винить в этом только М. Дукакиса) [4, с. 404]. Псевдособытия – поставленные посещения домов по уходу за больными, загрязненных пляжей, сиротских приютов, трущоб, реабилитационных центров для наркоманов, заводских проходных и свалок токсичных отходов – являются кровью электоральной политики. Они популярны у кандидатов, поскольку, по общему мнению, позволяют полностью контролировать ситуацию, особенно, если речь идет об избирательной кампании.

Электоральные периоды меняют и поведение избирателей, причем в самых разнообразных направлениях. В условиях наблюдаемого сегодня повсеместного роста политической апатии населения [3, с. 176], большинство граждан в электоральные периоды «игнорирует» СМИ, полагая, что там будет преобладать «скучная политика». Чтобы привлечь внимание граждан, СМИ начинают освещать политические события в электоральный период с позиций спортивной журналистики. В свое время Т. Паттерсон, изучив заголовки журналов «Newsweek» и «Time» за 1988 год, когда в США избирали президента (тогда им стал Джордж Буш-ст.), пришел к выводу, что очень трудно сказать, о чем идет речь под ними – о спортивном соревновании или о президентских выборах. Главным предметом обсуждения в новостях, касающихся президентских выборов, становится по-

беда или поражение [12, с. 22]. Вместо исследования насущных проблем журналисты занимаются описанием «шумихи», сопровождающей избирательную кампанию (campaignhoorla): число собравшихся на том или ином мероприятии, организационную подготовленность кандидатов, колебания активности на избирательных участках, прогнозы и предварительные итоги и т. д. Благодаря СМИ выборы начинают напоминать скачки, в которых внимание сосредоточивается на том, кто впереди, а кто позади, кто достиг финиша, а кто выбыл из гонки. Т. Паттерсон показал, что в изученных им журналах «скачки» составляют почти половину электорального контента. Выборы описываются СМИ совершенно не так, как другие актуальные проблемы. Вскоре многие ученые, изучающие СМИ, подтвердили выводы Т. Паттерсона. Однако еще ранее политик и разработчик избирательной кампании А. ДелБелло охарактеризовал ситуацию следующим образом: «освещение политической жизни сегодня подобно спортивным шоу, проходящим до начала какого-либо крупного мероприятия, оно догнало по яркости и драматичности популярные спортивные события» [2, с. 23]. Спортивное событие привлекает своей быстротой и высоким уровнем подготовки участников, своей драматичностью и напряженностью, неожиданным ходом игры, своими непредсказуемыми результатами. Возможно, именно по этим причинам журналисты относятся к выборам как к спортивным соревнованиям. Поступая таким образом, они просто делают их более интересными и привлекательными.

Однако такой подход имеет обратную сторону. Избиратели получают огромный массив информации, которая им не нужна. Т. Паттерсон и Р. Дэвис посчитали, что в последнюю неделю перед президентскими выборами в США 1984 года престижные газеты отводили почти треть своего информационного пространства разнообразным опросам [13, с. 124]. СМИ не информируют настоящего избирателя, оставляя их в неведении относительно сложных, дискуссионных проблем. СМИ затрагивают лишь часть, порой очень незначительную, происходящего. То, что они представляют обществу, – зачастую лишь верхушка избирательной кампании. Они не раскрывают позиции кандидатов и партий по дискуссионным вопросам

Если одна часть населения в электоральные периоды «игнорирует» СМИ из-за своей политической апатии, то другая начинает активнее интересоваться происходящим в политической сфере. За несколько недель до дня выборов определенная часть граждан проявляет повышенный интерес к политике. Высокая популярность политических дебатов подтверждает этот вывод. Крупный сегмент электората оказывается открытым перед политической информацией, поскольку многие избиратели желают выяснить, какая партия или кандидат больше всего соответствует их предпочтениям. Новостные СМИ, возможно, не единственный, но, без сомнения, наиболее важный канал, посредством которого политики и партии могут «добиться» до избирателя. Поэтому в электоральные периоды СМИ в своих новостных программах уделяют значительно больше времени политике, надеясь, что насыщенная информационная среда позитивно скажется на интересе граждан к этой сфере. В своем исследовании В. Шульц, Р. Зех и О. Куиринг показали, что интерес избирателей к политике в последнее время постоянно снижается, однако этот тренд меняет направленность в электоральные периоды: в ходе избирательных кампаний безразличие к политике сменяется на некоторую заинтересованность. После дня выборов этот эффект пропадает, а последующее разочарование с каждым разом оказывается все сильнее [15, с. 76]. Можно предположить, что более заинтересованный избиратель будет более чувствительным к качеству новостей, к тому, насколько они беспристрастны. В свою очередь, внимательный электорат может заставить ньюсмейкеров быть более предусмотрительными и сбалансированными при освещении различных событий.

СМИ подвергаются не только воздействию со стороны сверхактивных кандидатов и избирателей, но и определенных правил и обычаев, направленных на сохранение справедливости и баланса. Хотя за СМИ повсеместно закреплена некоторая независимость по отношению к политическим партиям, деятельность государственных компаний довольно сильно ограничивается, особенно если она касается процесса распределения власти.

Таким образом, в течение электоральных периодов журналисты работают в других (правовых и моральных) условиях, им приходится иметь дело с более активными политическими акторами и более внимательным электоратом. Эти аспекты порождают совершенно иную новостную среду, заставляют СМИ действовать в электоральное время принципиально иначе, чем в межэлекторальные периоды. При этом необходимо сказать, что установить границы электорального периода

довольно сложно: это может быть несколько месяцев или несколько недель, границы могут охватывать не только довыборное время, но и послевыборное. Согласно теории перманентной избирательной кампании, партии и кандидаты ведут кампании постоянно, а не только за несколько недель до выборов, они ведут кампании даже тогда, когда входят в правительство. По мнению Д. Ниммо, перманентные кампании – это логичное следствие внедрения принципов маркетинга в политическую жизнь [10, с. 73]. Х. Семетко, придерживаясь этой же позиции, отмечает, что партии, в том числе и правительственные, начинают использовать СМИ за год и более до выборов, что дает им определенное преимущество в предстоящей кампании [16, с. 279].

В обычное время, в межэлекторальный период, СМИ и политические акторы оказывают друг на друга взаимное влияние, элементы повестки дня СМИ перетекают в повестку дня политических акторов, и наоборот. Возможно, что СМИ оказывают даже большее влияние. Однако когда приближается день выборов, ситуация изменяется. В течение электорального периода СМИ крайне ограничено или даже вообще не влияют на повестки дня кандидатов и партий. П. Норрис и др., например, сделали вывод, что во время британской избирательной кампании 1997 года СМИ не удалось определить партийную повестку дня, наблюдался обратный процесс [11, с. 135]. Во время президентской кампании в США 1992 года СМИ и кандидаты шли по одному и тому же пути, однако эта конвергенция повесток дня не была заслугой СМИ. Согласно М. Джасту и др., решающая роль принадлежала общественной повестке дня, в которой преобладала проблема создания новых рабочих мест. Эту общую проблему подхватили и партии и СМИ. В некоторых исследованиях подробно изучается взаимосвязь между СМИ и политикой в ходе кампании. В них подтверждается ограниченная роль СМИ. Используя, как и П. Норрис, британскую избирательную кампанию 1997 года, Х. Бранденбург сравнил день за днем повестки дня партий и СМИ. Он пришел к выводу, что политические партии влияли на медиаповестку посредством своих ежедневных сообщений, но при этом почти не реагировали на воздействие со стороны СМИ [1, с. 34]. Исследование Х. Бранденбурга ирландской избирательной кампании 2002 года подтвердило, что партии, в данном случае крупнейшая политическая партия Fianna Fail, являются главными постановщиками повестки дня, а СМИ всего лишь следуют им. К аналогичным выводам приводит и исследование голландских выборов 2003 года. Именно П. Фортейн и его популистская партия определяли (а не наоборот) повестку дня СМИ. Жесткая критика П. Фортейном должностных лиц, его кризисный взгляд на страну, акцент на проблемах иммиграции и преступности были подхвачены СМИ и стали центральными темами новостей [8, с. 26]. М. Робертс и М. Маккомбс на примере губернаторской кампании в Техасе 1990 года также доказали преобладающую роль повестки дня кандидатов [14, с. 249]. Тогда телевизионная реклама главных кандидатов оказала огромное влияние на телевизионные новости. При этом обратное влияние, т. е. телевизионных новостей на повестку дня кандидатов, практически отсутствовало.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. В электоральные периоды СМИ вынуждены действовать в условиях особых правовых и моральных, формальных и неформальных ограничений, существующих практически в любом современном обществе. В это время изменяется поведение главных политических акторов. По понятным причинам кандидаты начинают активнее «давить» на СМИ. Часть избирателей «отстраняется» от СМИ, а другая становится, наоборот, более внимательной и заинтересованной. Пытаясь реагировать на новые импульсы со стороны кандидатов и избирателей, СМИ часто утрачивают самостоятельность в деле определения повестки дня. Медиаповестка в электоральный период во многом копирует политическую повестку дня.

Литература

1. Brandenburg H. Who Follows Whom? The Impact of Parties on Media Agenda Formation in the 1997 British General Elections Campaign // Harvard Journal of Press and Politics. 2002. Vol. 7. № 3. P. 34–54.
2. DelBello A. B. Campaign Reporting (March 22, 1984). URL: <http://www.nytimes.com/1984/03/22/opinion/campaign-reporting.html> (дата обращения: 16.09.2013)
3. DeLuca T. The Two Faces of Political Apathy. Philadelphia: Temple University Press, 1995. 294 p.
4. Germond J. W., Witcover J. Whose Broad Stripes and Bright Stars: The Trivial Pursuit of the Presidency. New York: Warner Books, 1989. 478 p.
5. Graber D. Processing the News. New York: Longman, 1988. P. 78
6. Jamieson K. H. Dirty Politics: Deception, Distraction, and Democracy. New York: Oxford University Press, 1992. 352 p.

7. Joslyn R. A. The Content of Political Spot Ads // *Journalism Quarterly*. 1980. Vol. 57. № 1. P. 92–98.
8. Kleinnijenhuis J., Oegema D., de Ridder J., van Hoof A., Vliegenthart R. Depuinhoven in het nieuws. De rol van de media bij de Tweedekamerverkiezingen van 2002. Alphen aan de Rijn: Kluwe, 2003. 90 p.
9. McKinney M., Carlin D. Political Campaign Debates // *Handbook of Political Communication Research* / ed. by L. L. Kaid. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. P. 203–234.
10. Norris P., Curtice J., Sanders D., Scammell M., Semetko H. A. On Message: Communicating the Campaign. London: SAGE Publications, 1999. 224 p.
11. Patterson T. Out of Order: An Incisive and Boldly Original Critique of the News Media's Domination of America's Political Process. New York: Alfred A. Knopf, 1993. 301 p.
12. Patterson T. The Mass Media Election: How Americans Choose Their President. New York: Praeger Publishers, 1980. 208 p.
13. Roberts M., McCombs M. Agenda Setting and Political Advertising: Origins of the News Agenda // *Political Communication*. 1994. Vol. 11. № 3. P. 249–262.
14. Scheer R. Playboy Interview: Jimmy Carter // *Playboy*. 1976. Vol. 23. № 11. P. 63–86.
15. Schulz W., Zeh R., Quiring O. Voters in a Changing Media Environment: A Data-Based Retrospective on Consequences of Media Change in Germany // *European Journal of Communication*. 2005. Vol. 20. № 1. P. 55–88.
16. Semetko H. A. The Media // *Comparing Democracies: Elections and Voting in Global Perspective* / ed. by L. LeDuc, R.G. Niemi, P. Norris. London: SAGE Publications, 1996. P. 254–279.
17. Walgrave S., van Aelst P. The Contingency of the Mass Media's Political Agenda-Setting Power: Towards a Preliminary Theory // *Journal of Communication*. 2006. Vol. 56. № 1. P. 88–109.

УДК 81'37

Бредихин Сергей Николаевич

ЭЛЕМЕНТЫ СМЫСЛА И КОГНИЦИЯ НА ПУТИ К ЗНАЧЕНИЮ

В статье анализируются процессы категоризации характерологических признаков в структуре смыслового конструкта как базиса образования значения. Исследование строится на принципах выявления денотативных критериев прототипического смысла, организуя и вычлняя базовый уровень категоризации как ядерную структуру нозм-доминант.

Ключевые слова: значение, смысл, категоризация, прототип, семейное сходство, иерархическая структура.

Bredikhin Sergey N.

SENSE CONSTITUENT AND COGNITION: ON THE WAY TOWARD MEANING

The aim of this study is to analyze the categorization process of distinguish features in sense structure as the basis of meaning building. The analysis is based on the principles of prototype sense denotative criteria signification, in organizing and encoding the basis categorization level as the core structure of dominant-noems.

Key words: meaning, sense, categorization, prototype, family resemblance, hierarchical structure.

В настоящее время доказан тот факт, что язык является частью когнитивной системы, дает возможность рецепции, интерпретации, анализа, хранения, распрямечивания и опредмечивания смысловой реальности.

Способность к производству речи в когнитивном аспекте так же важна, как и восприятие, и представление, запоминание и обучение, категоризация и образование понятий, решение проблем или планирование и координация действий. Значения как особые ментальные явления непосредственно связаны с этими способностями, в том числе с категоризацией и образованием понятия.

Категоризация элементов смысла есть процесс систематизации и распределения по категориям актуализированных нозм ядра, возможность объединения характерологических признаков в некое единое множество. Смысл является лишь частным случаем значения, а некоторые его грани дают прототипические примеры, безусловно, значение в данном случае могло бы «открываться разумом путем простого исчисления, как это делается в точных науках» [1, с. 22]. Но не каждое множество является категорией; члены категории должны быть примерами одного вида – всеми возможными примерами для этого вида. Так категория *Mensch* – обобщение инстанций вида «Mensch», охватывает все настоящие, прошлые, будущие, а также мнимые Menschen.

Категория может содержать субкатегории: K_1 является субкатегорией категории K_2 , если, и только если каждый объект, член, принадлежащий категории K_1 , действительно также является членом K_2 . Процессы категоризации возможны, только если когнитивная система дает для определения категорий конкретные ментальные представления, которые являются концептуализирующими схемами, точнее, категориальными концептами. *Категориальный концепт* определяет общие признаки членов категории, ментальным представлением которых является концепт.

Допустим следующее порождение категориального концепта как набор семантизирующих характерологических признаков, образующих некий Платоновский эйдос, то общее, что дает понимание феномена при речепроизводстве каждому члену лингвокультурного сообщества.

Концепт «Mensch» – ментальное представление, которое определяет категорию «Mensch». Оно определяет общие признаки человека как феномена, то есть физические характеристики, функциональные особенности, форму существования и т. д.

В данном случае при категоризации и порождении понятия как некоей структуры устойчивых признаков, изначально наличествовавших в разных употреблениях единицы, т. е. представлявших собой нозмы различного порядка, мы наталкиваемся на ряд вопросов, решение которых необходимо для понимания процесса формирования значения: 1. Являются ли концепты самостоятельными психическими / ментальными категориями или лишь особыми нейрофизиологическими состояниями человеческого мозга? 2. Являются ли концепты результатом когнитивного освоения мира или заданными образцами когнитивной системы, с помощью которых структурируется содержание восприятия? 3. Существует ли совокупность основных и, особенно, универсальных концептов, которые закреплены в человеческом сознании и лежат в основе всех концептов? 4. Имеют ли концепты образную, символическую или геометрическую структуру, и в результате каких операций образуются новые концепты? [4]

Мы полагаем, что категориальный концепт, как *описательная структура значения*, может выступать в роли несущих смысловую нагрузку лексем или развернутых суждений. Описательное значение выражения как его денотат определяет категория. Такие особые категории обозначаются как семантические категории.

Однако, безусловно, не всякий концепт является структурной схемой значения лексемы. Многие концепты вербализируются только в сложных синтаксических выражениях или вообще не вербализируются. Это также значит, что не для каждой категории существует вербальное обозначение, иногда они понимаются имманентно на уровне нозматической рефлексии, не воспринимаясь, а как бы намекая на себя.

Очевидно, что схематизация – тот путь, по которому идет образование значения, в отличие от смыслопорождения (структуриации), является способом сокращения измерений и уменьшения вариантов хронотопического восприятия (например, *Dasein* как философская категория), как правило, гораздо более абстрактно, то есть содержит меньше признаков, чем индивидуальные авторские концепты (например, у М. Хайдеггера), и семантизирующие признаки *Бытия* и *Человеческого существа* и т. д.

Классическая модель категоризации (построения значения из некоего набора употреблений – индивидуальных смыслов) – это модель *необходимых и достаточных условий (модель НДУ)*. Она восходит к аристотелевскому учению об определениях. Категория определяется множеством необходимых условий, которые в итоге являются также достаточными для категоризации.

Например: Категория *In-der-Welt-sein* содержит именно те объекты, которые имеют признаки *наличие в, бытийность, экзистенциальность и аффицируемость*.

Необходимые условия (НУ)

Если Σ *In-der-Welt-sein*, то Σ наличествует в данном мире и не наличествует в другом.

Если Σ *In-der-Welt-sein*, то Σ имеет все характеристики бытийности.

Если Σ *In-der-Welt-sein*, то Σ является экзистенциальным объектом и к нему применимы все характеристики.

Если Σ *In-der-Welt-sein*, то Σ ведет к чувственному восприятию и опыту.

Если Σ *In-der-Welt-sein*, то Σ коррелирует с *Dasein*.

Достаточное условие (ДУ)

Если Σ наличествует в данном мире и не наличествует в другом, Σ имеет все характеристики бытийности, Σ является экзистенциальным объектом, Σ ведет к чувственному восприятию и опыту и Σ коррелирует с *Dasein*, то Σ *In-der-Welt-sein*.

Модель НДУ также составляет основное положение для бинарной семантики признаков. Бинарные признаки отвечают необходимым условиям в модели НДУ.

В основе классической модели категоризации лежат следующие положения: 1) категории основываются на постоянном множестве признаков, 2) каждый такой признак не является обязательно необходимым, 3) это признаки бинарного рода, то есть объект либо принадлежит к данной категории, либо нет, 4) категории имеют четкие границы, 5) категории однородны, то есть все члены категории имеют один и тот же статус.

Основная сложность классической модели категоризации заключается в том, что чаще всего неясно, какие признаки на самом деле необходимы для определенной категории.

Например: *In-der-Welt-sein*: => онтологический эквивалент чистого явления, обладающий опыtnостью восприятия и чувственностью, характеризующийся корреляцией с *Dasein* в его понимании в качестве *Mensch* М. Хайдеггером.

Необходимы ли признаки *аффицируемость*, *наличие в* или *экзистенциальность*, для того чтобы объект был причислен к категории *In-der-Welt-sein*, или же достаточно характеристики *бытийность*?

Однако на настоящий момент наиболее перспективной в понимании процессов категоризации является теория прототипов. Она развилась на основе экспериментов по категоризации, которые в 70-х годах предпринимали ученые, занимавшиеся когнитивной психологией и семантикой.

Разрешающим фактором были данные, полученные Брентом Берлином и Полом Кеем в отношении системы «цвет – слово». После этого категоризация цветов ориентировалась не на необходимые признаки, а на цвета, находившиеся в фокусе, в качестве постоянных точек.

1. Чем ближе находится определенный цвет к цвету в фокусе, с тем большей уверенностью его относят к соответствующей категории. Система сот в категории цвета, очевидно, является секционированной / структурирующей. Замечательно, что подобный принцип принят и в некоторых компьютерных программах.

2. Напротив, категоризация с возрастающим интервалом от цвета, данного в фокусе, становится менее достоверной. Границы цветовой категории также являются нечеткими [3].

Элеанор Х. Рош провела эксперименты для категории *Bird*: испытуемые должны были распределить различные виды птиц на шкале по принципу, какие из них являются лучшим или худшим примером для категории. Ответы дали в итоге следующую иерархию: лучший пример – малиновка; менее хороший пример в сравнении с предыдущим – голуби, воробьи, канарейки; средний уровень – совы, попугаи, фазаны, туканы; плохие примеры – утки, павлины; худшие примеры – пингвины, страусы [8, 9].

Кроме того, выяснилось, что время реакции при ответе на вопрос «Является ли *X* птицей?» сокращалось, если вид птицы *X* классифицировался как типичный. Для многих категорий существует нечто вроде денотатного образца (лучшего объекта объективной реальности или референциальной реальности для абстрактных понятий). Для этих членов категории и был введен термин *прототип*.

В дальнейших экспериментах было доказано, что наряду с категорией цвета также и многие другие категории имеют нечеткие границы.

Вильгельм Лабов поставил перед испытуемыми задачу классифицировать изображения сосудов по тому, были ли они обозначены как чашка, ваза или пиала (миска). Вдобавок испытуемые должны были представить, что сосуды заполнены кофе / туда поставлены цветы.

Важнейшие выводы таковы: 1. Существует единодушное мнение относительно того, что является прототипом чашки (для кофе, с ручкой, одинаковой ширины и высоты) и прототипом вазы (для цветов, без ручки, явно скорее высокая, чем широкая). 2. По отношению ко всем другим сосудам между ответами разных испытуемых были большие отличия. Часто при этом ответы одного и того же испытуемого также были противоречивыми [5].

Людвиг Витгенштейн при анализе категории *Spiel* установил следующее: 1. Не существует определяющего признака, который подходит всем членам категории без исключения. 2. Определенные члены разделяют некоторые признаки с другими, а те в свою очередь – другие признаки с еще одними членами. 3. Категория организуется на основе того, что между ее членами существуют

различные сходства. То, что связывает все члены категории друг с другом, Витгенштейн называет семейным сходством.

В основе модели категоризации теории прототипов лежат следующие предположения:

1) существуют прототипы, рассматриваемые как денотативные основы для данной категории. Они являются ядром категории, а элементы их структурирующие, являются ядерными нозмами при порождении смысла;

2) прототипы служат базовыми сценариями и наряду с этим критерием для категоризации; вопрос, принадлежит ли что-то к категории или нет, – это вопрос сходства с ее прототипом;

3) принадлежность к категории не связана с постоянным множеством необходимых условий. В частности, прототип может иметь семантизирующие признаки, которые разделяют не все члены категории;

4) члены категории связаны друг с другом не наличием общих признаков, а семейным сходством;

5) категории имеют иерархическую структуру, члены категории имеют неодинаковый статус, существуют лучшие и худшие примеры, а значит, есть актуализированные и неактуализированные, но имманентно действующие ряды нозм и метаединиц в ядерном и периферийном полях [2, с. 29];

6) принадлежность к категории не является вопросом, требующим либо положительного, либо отрицательного ответа, но градуальным;

7) категории имеют нечеткие границы.

Однако детальное определение прототипа вызывает некоторые затруднения, возьмем некоторые допущения:

1. Прототип – это член категории находящийся в фокусе.

Это вызывает следующее затруднение: знакомство с одним конкретным экземпляром является постоянным условием того, что прототип может служить базовым сценарием для категоризации других членов категории.

2. Прототип – это субкатегория категории.

Однако при данном допущении проблема прототипа передается на понятие субкатегории, что приводит к дилеммам следующего рода:

- если только прототипичные денотаты субкатегории рассматривать как прототипы категории, то прототип субкатегории будет являться также прототипом категории;

- если все прототипичные денотаты субкатегории рассматриваются как прототипы категориальные, то также нетипичные / дефектные субкатегориальные прототипы будут принадлежать к прототипам категории;

- для субкатегории всегда имеются также такие категориальные признаки, которые при категоризации категории не играют никакой роли.

3. Прототип категории – это абстрактная совокупность признаков, которая определяется прототипическим понятием.

Например: прототипичное понятие для *In-der-Welt-sein* закрепляет также функциональные характеристики феномена (например, аффицируемость), онтологические формы (наличие в) и определенную манеру бытования (экзистенциальность) общего *Sein*, но не его отнесенность к конкретному феномену, способ репрезентации в хронотопе или форму.

Категориальные признаки, которые составляют прототип категории, обозначаются как прототипичные признаки категории.

Среди прототипичных признаков есть такие, которые хорошо подходят для того, чтобы отличать члены категории от тех, что не являются ее членами. Очевидно, что такие признаки имеют большое значение для распознавания (cue validity). Например: Для *In-der-Welt-sein* признак *аффицируемость* имеет большое значение для распознавания – почти все члены этой категории имеют данный признак, в то время как у всех, не входящих в нее, он отсутствует. Напротив, признаки *наличие в*, *экзистенциальность* или *репрезентируется только в отношении человека* не имеют определяющего значение для распознавания, так как, например, *Dasein* во всех работах М. Хайдеггера имеет эти признаки.

Члены категории являются протипичными экземплярами, если они олицетворяют собой все признаки прототипа, но могут отличаться по имманентным признакам прототипичного понятия.

Категориальные элементы организуются в иерархические структуры. Этому соответствует то, что один и тот же объект может попасть в категорию на разные уровни данной структурной схемы. Анализ эмпирического материала показывает, что произвольно предпочитается средний уровень между намеренно специфичной (периферической) и намеренно генерализующей (доминантно-ядерной) категоризацией. Рош называет этот уровень базовым уровнем, а категории на этом уровне – базовыми категориями [9].

Базовый уровень по следующим причинам является привилегированным с когнитивной точки зрения по следующим причинам: 1. Их категории имеют высокую степень внутреннего семейного сходства и хорошо выделяются на фоне соседних категорий. 2. По нему организуется большая часть сведений о данных объектах. 3. Это высший уровень, на котором для всех членов категории существует общий схематический образ. 4. На нем категоризация осуществляется быстрее, чем на любом другом уровне.

Выражения для базовых категорий соответственно играют особую роль в языковых таксономиях: 1) они являются предпочтительными в коммуникации; как правило, это простые, часто также короткие слова; 2) они формируют наибольшую часть основного словарного фонда; они изучаются первыми; 3) они лучше всего соответствуют количественному правилу разговорной практики, согласно которому следует давать не больше и не меньше информации, чем необходимо.

На базовом уровне расположено большинство категориальных признаков с большим значением для декодирования и распрямления ядерных нозм, и поэтому он особенно значим для образования прототипов.

Таким образом, очевидно, что функциональный приоритет доминантных нозм и нозм-культурных основ в ядерной зоне смысла заставляет как продуцента, так и реципиента при категоризации того или иного понятия, релевантного для понимания смысла всего текста или же для закрепления конструкта именно в конкретном значении, прибегать к феноменологической рефлексии над компонентами смысла. Однако при актуализации периферийных нозм личностного смысла и применении трансформаций суперструктуры продуцент в угоду неузуальности и многомерности смысла может нивелировать закрепленные категориальные признаки и сосредоточивать свое внимание и внимание реципиента на релевантных в конкретной ситуации семиозиса признаках. Таков путь от смысла к значению и обратно.

Литература

1. Аликаев Р. С. Язык в философской концепции Г. В. Лейбница // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2013. Т. 15. Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, 2013. С. 18–24.
2. Бредихин С. Н. Декодирование смысла в философском дискурсе: основные типы трансформаций суперструктуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9 (27). В 2 ч. Ч. 1. Тамбов: Изд-во «Граммота», 2013. С. 28–32.
3. Berlin B. & Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkley; Los Angeles: University of California Press, 1969. 110 p.
4. Gärdenfors P. Conceptual Spaces: The Geometry of Thought. Cambridge, MA, MIT Press, 2000. 307 p.
5. Labov W. The Boundaries of words and their meanings // In C.-J. N. Bailey and R.W. Shuy (editors). New ways of analyzing variation of English. Georgetown Press, 1973. P. 340–373.
6. Osherson D. N., Smith E. E. On the adequacy of prototype theory as a theory of concepts // Cognition. Amsterdam, 1981. V. 9. P. 35–58.
7. Putnam H. The meaning of «meaning». In K. Gunderson (Ed.), Language, Mind and Knowledge. Vol. VII of Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1975. P. 131–193.
8. Rosch E. H. Natural Categories // Cognitive Psychology. Vol. 4. 1973. № 3. P. 328–350.
9. Rosch E. H. Cognitive Representations of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology: General. Vol. 104. 1975. № 3. P. 192–233.

УДК 130.2: 82 (091) "18" Тургенев

Головко Вячеслав Михайлович

«УМСТВЕННОЕ СОЗЕРЦАНИЕ» И. С. ТУРГЕНЕВА, МЫСЛИТЕЛЯ И ХУДОЖНИКА

Бытийная парадигма И. С. Тургенева рассматривается в процессе идентификации воззренческих констант, организующих эстетическое пространство философски мыслящего писателя. Сущее и бытие, действенное и созерцательное отношение к миру, природа и сущность человека, оппозиции естественного и нравственного, личного и общественного в онтологии человеческого существования освещаются в аспекте имманентной конфликтоорганизованности тургеневской картины мира, в свете идеи развития, являющейся сильной стороной мировоззрения великого писателя.

Ключевые слова: бытие, мир, натурфилософия, природа и сущность человека, личность, история, смысл жизни.

Golovko Vyacheslav M.

«MENTAL CONTEMPLATION» OF IVAN S. TOURGENEV, THINKER AND ARTIST

I. S. Tourgenev's ontological paradigm is analyzed in the process of identification of outlook constants that organize the philosophically thinking writer's aesthetic space. The existent and the being, active and contemplative attitude towards the world, nature and essence of a human, oppositions between the natural and the moral, personal and social aspects of life within the ontology of humanity's being are elucidated from the point of view of imminent conflict-related organization of I. S. Tourgenev's world picture, of the "development idea" which constitutes the stronger part of the great writer's outlook.

Keywords: being, world, natural philosophy, nature and essence of a human, personality, history, meaning of life

Исходной точкой в развитии художественной философии великого русского писателя-классика И. С. Тургенева стал «антропологический вопрос, подразумевающий человека в его специфической проблематике», который имеет давнюю философскую традицию. Он, по словам М. Бубера, возник «в ту пору, когда был расторгнут изначальный договор Вселенной и человека, и человек почувствовал, что он в этом мире пришелец и одиночка» [1, с. 169]. Писатель пребывал в философской атмосфере поворота европейского мышления к проблеме индивидуальной и исторической конкретизации человеческого существования и понимания жизни. Многие мыслители, в философии которых закреплялся этот поворот, либо относились к старшему – по отношению к тургеневскому – поколению (Г.-В.-Ф. Гегель, И.-В. Гёте, Ф.-В.-Й. Шеллинг, А. Шопенгауэр и др.), либо были сверстниками писателя (Л.-А. Фейербах, С. Кьёркегор, Т. Карлейль, Р.-Г. Лотце, А. И. Герцен, К. Маркс, Н. Г. Чернышевский и др.). Но и те и другие как современники Тургенева в своих философских системах отразили и умственные искания, и «самый образ и давление времени» [16. С. XII, с. 303]. А. И. Герцен в четвертой статье цикла «Дилетантизм в науке» («Буддизм в науке») цитировал слова Гегеля из «Philosophie des Rechts» о том, что «философия есть в мыслях схваченная эпоха» [3, т. 2, с. 75]. Маркируемое сложными переплетениями, оппозициями и перекличками метафизических и диалектических концепций человека и природы, личности и социума оно определило своеобразие мировоззрения и художественного историзма Тургенева. Человек в его произведениях осознает себя объективирующимся одновременно в двух противоположных сферах – природы и общества. Действия всеобщих законов этих сфер вызывают, порождают расколотость его бытия, препятствуют обретению им целостности сознания и мировосприятия. О неразрешимости трагических противоречий в художественном мире И. С. Тургенева писали мыслители и критики Серебряного века. Это констатируется и в новейших исследованиях философского дискурса произведений великого писателя [ср.: 4 и 14; 15]. Стремление к метафизике (строго говоря, художественный мир автора «Отцов и детей», «Довольно», «Senilia» и т. д. не изоморфен метафизическим идеям, в нём живёт именно *стремление* к метафизике, и в этом отношении Тургенев в большей мере, как нам думается, «предвещает» европейский экзистенциализм, чем метафизику XX века), бинарные оппозиции человека и природы, личности и общества, общественного и индивидуального, долга и счастья, характерные для натурфилософии и человековедения И. С. Тургенева, влекли к себе отечественную, а затем и зарубежную литературоведческую мысль [см., н-р: 2; 5; 7; 8]. И неслучайно в

эпоху формирования и расцвета русского модернизма к художественному наследию великого классика XIX века было приковано внимание символистской, интуитивистской и т. д. критики – в лице её лучших представителей – как исследователей – филологов и философов, так и поэтов, прозаиков, эссеистов (А. М. Евлахов, Е. В. Петухов, Д. С. Мережковский, Ю. И. Айхенвальд, М. О. Гершензон, К. Д. Бальмонт, И. Ф. Анненский и др.). Антология «И. С. Тургенев в русской философской критике» ещё ждет своего часа.

Сегодня особенно ощутим пробел в гуманитарном знании, обусловленный недостаточной изученностью философских взглядов писателя. Красноречивый пример: в современной энциклопедии «Русская философия» [10] мы не найдем статьи, посвящённой Тургеневу, изучавшему философию в Берлинском университете под руководством Карла Вердера и глубоко освоившему гегелевскую диалектику, несмотря на то что восприятие философской системы великого немецкого мыслителя наставником писателя отличалось эклектизмом (как, впрочем, и рецепция русских «гегелистов», как называл их в «Отцах и детях» Павел Петрович Кирсанов) [9, с. 13–14]. Как известно, Тургенев активно участвовал в философских дискуссиях мыслителей круга Н. В. Станкевича, имел учёную степень магистра философии и степень доктора гражданского права Оксфордского университета [16. П. XII, кн. 2, с. 92–93]. Впрочем, в указанной энциклопедии не нашлось места и для Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, Е. А. Баратынского, М. Ю. Лермонтова, И. А. Гончарова, Н. С. Лескова, М. И. Цветаевой, Л. М. Леонова и мн. др. писателей-мыслителей, способы бытования философских смыслов в художественных творениях которых уже давно стали предметом и целью исследований российских и зарубежных ученых-литературоведов.

«Философическое убеждение каждого есть его создание...», – писал И. С. Тургенев М. А. Бакунину и А. П. Ефремову 27–29 августа 1840 года [16. П. I, с. 196]. Это «убеждение» у самого писателя формировалось в процессе освоения культурного наследия, в результате взаимодействий с далёкими и близкими философскими контекстами. «Умственное созерцание» (*intuitus mentis*) писателя вырабатывалось и опредмечивалось в его творческих созданиях с опорой на интеллектуальный опыт философов прошлого и настоящего, рассматривавших взаимосвязи природы, духа, человеческой жизни. Когда в эпицентр познания выдвигается вопрос о «смысле жизни» как исходной ситуации «наличного бытия», эта проблематика становится в равной мере органичной как для теоретического, так и для художественного понимания мира, что и определяло интерес писателя к философии. Но парадигмы миропонимания у «философа» и «поэта» различны: для первого ведущей является проблема «человек и мир», для второго – «человек в мире». И. С. Тургенев, в полной мере осознававший значение философских систем для формирования воззренческих концепций человека, высоко ценивший «способности мыслить отвлечённо» [16. С. XIV, с. 29], отвергал попытки «систематизирования» в нетеоретическом философствовании, в художественном творчестве. «Системами дорожат только те, кому вся правда в руки не даётся...» – эта сентенция писателя из письма Л. Н. Толстому от 3 (15) января 1857 года [16. П. III, с. 75] вовсе не означала отрицания системного подхода к философскому осмыслению бытия. Тургенев вслед за Белинским, развивавшим идеи Фомы Аквинского, и Станкевичем в своей метапоэтике актуализировал вопрос о специфике «науки» и «поэзии», философии и искусства как разных форм познания. Отрицая возможность «отражения» какой-либо философской «системы на образах» в художественном творчестве, воспринимая это как проявление недопустимого в искусстве «резонерства» [16. П. VIII, с. 200; IX, с. 170], он одновременно с такой же убеждённой доказывал значимость «систем» для интеллектуально-теоретической деятельности. Рудин в одноименном романе И. С. Тургенева в спорах со скептиком Пигасовым неслучайно доказывал, что «всякая система основана на знании основных законов, начал жизни», что «стремление к отысканию общих начал в частных явлениях есть одно из коренных свойств человеческого ума, и вся наша образованность» [16. С. VI, с. 262]. Примечательно то, что тургеневский герой, стремления которого «служить мысли» [16. С. VI, с. 349] укреплялись в атмосфере философских дискуссий кружка Покорского (прототипом этого героя, как давно установлено, был Н. В. Станкевич), системность связывал со спецификой теоретической, научной деятельности: «...Все ... нападения на системы, на общие рассуждения и т. д. потому особенно огорчительны, что вместе с системами люди отрицают вообще знание, науку и веру в неё...» [16. С. VI, с. 263]. Философию в кружке Н. В. Станкевича почитали как «высочайшую из всех наук», «служащую... основанием, душой и целью» всем другим направлениям и отраслям знания, являющего

«могущество ума, одушевленного добрым чувством» [13, с. 151, 134]. Как наука (философия), так и искусство, по глубокому убеждению Н. В. Станкевича, одного из главных идейных вдохновителей философских исканий истины периода «русского теоретического развития», «могут пробудить благородное чувство, в одних – путем отвлечения, в других – путем поэзии, которою облечена философия в целостности» [13, с. 136].

И.-В. Гёте был для И. С. Тургенева хорошим примером: «...Гёте как поэт, – писал он, – вовсе не дорожил своими воззрениями и системами, он легко и свободно покидал их... Его, в сущности, занимало одно: жизнь, возведённая в идеал поэзии («die Wirklichkeit zum schönen Schein erhoben», как говорил он), жизнь во всех её проявлениях» [16. С. I, с. 227]. В то же время процесс «творения искусства» И. С. Тургенев рассматривал как форму создания художником философской картины мира, не только не разводя мыслителей и творцов прекрасного, но и сближая их. В цитированном выше письме М. А. Бакунину и А. П. Ефремову 27–29 августа (8–10 сентября) 1840 года Тургенев, говоря о том, что «выработать философское убеждение – значит создать величайшее творение искусства», неслучайно называл философов «величайшими мастерами и художниками». Вывод, к которому приходил писатель, особенно примечателен с точки зрения признания значимости как теоретических, так и эстетических форм познания: «Собственно, здесь искусство перестает быть искусством – оно растворяется в философии» [16. П. I, с. 532]. И в этом следует усматривать не влияние «системы» Гегеля (в «Феноменологии духа» искусство – религия – философия рассматриваются как стадии самопознания Абсолютной Идеи), а ту «формулу культуры», которая много позже была выражена Ф. М. Достоевским следующим образом: «...Философия есть та же поэзия, только выше градус её» [6, с. 5].

Основные философские константы – человек и природа, личность и история, – организующие художественный мир И. С. Тургенева, не явились результатом «влияния» какой бы то ни было «системы на образы» писателя: эти оппозиции надо рассматривать как эстетическое выражение внутренней конфликтоорганизованности натурфилософии и историософии писателя. Так выражаются сущностные связи и отношения времени, *эпохи* и *структуры* тургеневских произведений, оформляются в художественном слове представления Тургенева о дисгармоничности отношений природы и человека, процесс его рефлексии, связанной с ощущением метафизического одиночества, «онтологической драмы» «живого человека». Осознание трагического, неразрешимого противоречия между экзистенцией «конкретного индивида» и «бесконечной гармонией» «равнодушной природы» пришло к Тургеневу очень рано. О «грубом равнодушии природы» к человеку писал он Полине Виардо 29–30 мая (10–11 июня) 1849 года [16. П. I, с. 470]. Натурфилософия Тургенева-художника в полном смысле слова – «его создание», его «философическое убеждение» [16. П. I, с. 532].

Идентификация констант художественной философии, внутренних связей «природного» и «социального», гностического и остающегося за пределами опыта, определяющих идиостиль, творческую индивидуальность Тургенева, его эстетику трагического, предполагает анализ оппозиций универсального, всеобщего и социально-конкретного в бытийной концепции писателя, общественно-нравственного и естественного, духовного и природного в его художественной антропологии. В то же время важно учитывать, что идея *развития*, будучи сильной стороной мировоззрения Тургенева, обусловила его трактовку социального прогресса как явления естественно-исторического, и это находило выражение в творчестве писателя. Диалектика и логика социальных процессов, законы и исторические формы общественной эволюции рассматривались Тургеневым, мыслителем и художником, в связи с постулированием системы гуманистических ценностей и с определением целей и смыслов направленности такого развития. Он констатировал, что это *не* линейный процесс: «...“возвратные” обороты бегущего вперед исторического колеса известны всем наблюдателям жизни народов» [16. С. XIV, с. 40]. Такое понимание придавало философии истории Тургенева универсальный характер, определяло её отчужденность от социального пессимизма, нацеленность на освещение диалектических связей прошлого, настоящего и будущего.

Жизнь представлялась писателю процессом, подчиняющимся «Закону своего существования» [16. П. I, с. 481], а онтология человеческой жизни непосредственно связывалась с утверждением *этического*. Тургенев, говоря языком философии XX века, «открывал путь к определению этики как дифференциальной онтологии» [11, с. 85]. Актуализируя *деятельностный* подход в рассмотрении вопроса о природе и сущности человека, писатель утверждал и значимость *созерцательности*

как способа миропонимания. Красота, эстетическое созерцание, сопряжённые с поиском «истины», в концептосфере Тургенева занимают одно из основных мест, на что в своё время обратил внимание К. Д. Бальмонт («И. С. Тургенев. Мысли о творчестве»). Созерцательность, как писал С. Л. Рубинштейн, определяя уровень понимания проблемы в философии XX столетия, «есть (в соотношении с действием...) другой способ отношения человека к миру, бытию, способ чувственного эстетического отношения, познавательного отношения» [11, с. 83]. Отсюда непосредственно вытекает постановка вопроса о наличном бытии человека, ставшего предметом философской рефлексии в «Довольно», «Senilia» и других произведениях писателя. Тургенев рассматривал человеческое «я» как онтологическую категорию. «...Человеческое я... это начало... краеугольный камень всего сущего... <...> ...в этом я вы находите целый мир», – таковы дефиниции той воззренческой парадигмы, которая характеризуется качествами и свойствами антропоцентричности. В данных историко-культурных формах познания фиксируются черты философии человека, в которой в качестве аксиологической константы выступает категория индивидуальности, конкретного существования, идея «автономии человеческого разума» [16. С. I, с. 234]. Значение поэзии Гёте Тургенев видел в том, что он – «защитник всего человеческого, земного» – в понятийный арсенал («через науку») ввёл категорию «живого человека» [16. С. I, с. 235, 230, 244], отстаивая его «права» даже перед лицом «безразличной, спокойной “субстанции” Спинозы» (всеобъемлющей природы. – В. Г.) [16. С. I, с. 230]. О том, насколько Тургеневу импонировали эти установки и позиции Гёте, можно судить по его письму значительно более позднего времени, когда в 1875 году, пытаясь по просьбе М. А. Милютиной «определить... собственное мирозерцание», он, в частности, отметил: «...Я... более всего интересуюсь живою правдою людской физиономии... <...> Всё человеческое мне дорого...» [16. П. XI, с. 31]. Ещё более определённо Тургенев высказался в письме к Д. В. Григоровичу от 31 октября (12 ноября) 1882 года по поводу «Исповеди» Л. Н. Толстого: «...Построена она вся на неверных посылах – и в конце концов приводит к самому мрачному отрицанию живой, человеческой жизни... Это тоже своего рода нигилизм» [16. П. XIII, кн. 2, с. 89].

«Природа человека» Тургеневым, мыслителем и художником, трактовалась как философское понятие, сопряжённое в первую очередь с категориями «сущность человека» и «индивидуальность». «Чем всестороннее, тем индивидуальнее» [16. П. I, с. 436] – это крылатое выражение вбирает в себя не только «природные», но и личностные, социальные характеристики индивида. Писатель актуализировал десубстанциональный, процессуальный подход к человеку, в его понимании «природа человека» и «сущность человека» – категории не совпадающие, хотя и взаимосвязанные. В трактовках сущности человека как важнейшей аксиологической категории Тургенев, как и Герцен, шёл в одном направлении с Марксом, рассматривавшим «сущность человека» как «совокупность общественных отношений» («Тезисы о Фейербахе»), предвосхищал экзистенциализм, феноменолого-герменевтическую антропологию и т. д.

У Тургенева понимание «сущности человека» неотрывно от идеи «существования», жизнедеятельности, живого многообразия, целостности, гармоничности личности. Эта категория маркирует социально-эстетический идеал писателя, изнутри освещающий его художественный мир, определяющий смысловые и аксиологические доминанты, «внутреннюю форму» (Гёте) его произведений. Саморефлексия, самоактуализация, самопроектирование и реализация личностного потенциала в собственной жизнедеятельности – это, по Тургеневу, является природным (родовым) основанием человека. «Природа» и «сущность» индивида в качестве собственно человеческого бытия раскрывается в формах реализации нравственного выбора личности, осуществления главной жизненной цели – самоотверженного служения общественно-нравственному долгу. Сущность человека объективируется в стремлении к истине, к свободе, к творчеству (деятельности), концептуализируется не в идее счастья, а в категории достоинства человека [16. С. VI, с. 179; VIII, с. 241, IX, с. 117].

И. С. Тургенев утверждал, что «истина есть не что иное, как природа человека», что «всё духовное в природе соединилось в одну светлую точку, которая называется “Я”» [16. П. I, с. 436–437]. Он, подобно Шеллингу, различал *сущее* и *бытие*, только *сущее* у Тургенева – не Бог, не Абсолют (напомним строки из письма И. С. Тургенева М. А. Милютиной от 22 февраля (6 марта) 1875 года: «...Ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни в какие абсолюты и системы не верю...» [16. П. XI, с. 31]), а «неизменный закон... равновесия жизни», «бесконечная гармония» «мировой жизни», *бытие* – только предикат. *Сущее* как «таинственный смысл... жизни природы» – это,

по его словам, «одна из тех “открытых” тайн, которые мы все видим и не видим» [16. С. VII, с. 69–70; V, с. 416]. *Сущее* обладает *бытием*. Противоположность *бытия* – «пустая беспредельность», «пустота», «древняя ночь» [16. П. I, с. 460; С. IX, с. 115; П. I, с. 470]. Существование как форма бытия, возникающего из сущего, в онтологии И. С. Тургенева трактуется как реальность, обуславливающая ценность единичной, конкретной «живой жизни», уникального, конечного («мгновенного») бытия – и не только человека, но всего живого [16. С. IX, с. 120–121]. В тургеневском «Довольно» констатируется онтологический аспект «коренного противоречия» [16. С. IX, с. 121] между природой и человеком, в котором, казалось бы, проявляется внутренняя конфликтность его концепции бытия: *существование* не согласуется гармонически с *сущим*. Проясняя смысл такого противоречия, лирический герой делает важное уточнение: «Бессознательно и неуклонно покорная законам, она (Природа. – В. Г.)... не знает свободы, как не знает добра; от века движущаяся, от века преходящая, она не терпит ничего бессмертного, ничего неизменного... Человек её дитя; но человеческое – искусственное – ей враждебно, именно потому, что оно силится быть неизменным и бессмертным. Человек дитя природы; но она всеобщая мать, и у ней нет предпочтений... <...> Как устоять против этих тяжёлых, грубых, бесконечно и безустанно надвигающихся волн, как поверить, наконец, в значение и достоинство тех бранных образов, которые мы, в темноте, на краю бездны, лепим из праха и на миг?» [16. С. IX, с. 120].

«Сфера человеческой действительности» [16. С. I, с. 238] оказывается, таким образом, лишь частью «великого, стройного целого», «бесконечной гармонии» мира, моментом в вечном «созидании» и «разрушении», и она тоже «должна в своё время уступить место другому» [16. С. IX, с. 120]. «Коренные противоречия» между объективным и субъективным, между природой и человеком сохраняли свою актуальность для писателя на протяжении всей его творческой деятельности. При всей очевидности этого, нельзя не видеть, что «умственное созерцание» И. С. Тургенева проявлялось в поисках путей их философского «примирения».

«Добрые дела» оказываются именно тем, что не обесценивает человеческого существования даже перед Природой, Вселенной, Вечностью: «...Добрые дела не разлетятся дымом; они долговечнее самой сияющей красоты», – писал И. С. Тургенев в статье «Гамлет и Дон-Кихот» [16. С. VIII, с. 191]. Социально-историческое бытие – эта та сфера существования, в которой человек обретает некий смысл жизни, преодолевает «своё одиночество, свою слабость, свою случайность»: «ему легче в этом мире, им самим созданном, здесь он дома, здесь он смеет ещё верить в своё значенье и в свою силу» [16. С. VII, с. 51]. Эта философская увертюра «Поездки в Полесье», по сути, имеет универсальный характер, объясняя внутренние связи «природного» («космического») и социального [12, с. 97] в художественном мире писателя.

Социальность как «сфера человеческой действительности» была столь значимой и принципиальной для художественной философии Тургенева, что в глазах его современников (за исключением, пожалуй, А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова, учитывавших не только аспект социального, но и «идеального», «вечного» в творчестве автора «Дворянского гнезда» и «Отцов и детей») затмила органическую её связь с натурфилософской составляющей эстетического мира писателя, целостность этого мира. То, что для Тургенева оппозиция «природного» и «социального», естественного и нравственного, общественного и индивидуального всегда сохраняла свою остроту и не прикрывалась никакой «спекулятивной философией» [16. П. I, с. 481], отмечалось исследователями разного времени, обращавшимися к проблеме тургеневского историзма.

И поскольку жизнь понималась писателем «как вечное примирение и вечная борьба двух непрестанно разъединённых и непрестанно сливающихся начал» [16. С. VIII, с. 184], то поиски исследователями некой «цельности сознания» и разрешённой конфликтности, полного «примирения» оппозиций в его художественных творениях превращаются в умозрительную задачу, в апелляцию к некоей «спекулятивной философии». Смысл художественного философствования Тургенева был не в преодолении „антиномий” и „противоположений” в мировоззрении и мирообразе, а в их *отрефлексированности*, и для нас важны не «результаты» этого философствования – в плане «преодоления противоречий», и тем более формирования «системы», – а сам *процесс* опредмечивания диалогического осмысления и философско-эстетической интерпретации бытийных проблем, то есть их идентификация в процессе *диалога с Другим и с самим собою*.

Литература

1. М. Бубер Проблема человека / перев. с нем. Киев: Ника-Центр; Вист-С, 1998.
2. Woodward J. B. Metaphysical Conflict. A Study of the Major Novels of Ivan Turgenev. München, 1990. P. VI. (Slavistische Beiträge. Bd. 261).
3. Герцен А. И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1955.
4. Гершензон М. О. Мечта и мысль Тургенева. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1919.
5. Granjard H. Ivan Tourguénev, la comtesse Lambert et «Nid de seigneurs». Paris, 1960.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. XXVIII. Кн. 1. Л.: Наука, 1984.
7. Ledkovsky M. The other Turgenev: from Romanticism to Symbolism. Würzburg: Yal-Verl., 1973.
8. McLaughlin S. Schopenhauer in Russland. Zur literarischen Rezeption bei Turgenev. Wiesbaden, 1984.
9. Нойхель Р. Тургенев и философские течения XIX века // И. С. Тургенев: мировоззрение и творчество, проблемы изучения: межвуз. сб. научн. трудов. Орёл: Орловск. гос. пед. ин-т, 1991.
10. Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Алгоритм, 2007.
11. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.
12. Сакулин П. Н. На грани двух культур. И. С. Тургенев. М.: Мир, 1918.
13. Станкевич Н. В. Избранное. М.: Советск. Россия, 1982.
14. Тиме Г. А. «Заключение гётеанством» (диалектика субъективного и объективного в творческом сознании И. С. Тургенева) // Русская литература. 1992. № 1. С. 30–32.
15. Тиме Г. А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2011.
16. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР (Наука), 1960–1968.

УДК 81'42:811.111-26

Каменский Михаил Васильевич

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСКУРСНЫХ МАРКЕРОВ В СВЕТЕ ТЕОРИИ НЕПОЛНОЗНАЧНОСТИ

В статье подводятся итоги исследования когнитивных возможностей дискурсных маркеров, характеризующихся полноточностью и неполноточностью, а также выявляется их лингвистический статус. В исследовании применен авторский метод автоматизированной обработки текста.

Ключевые слова: дискурсные маркеры, когнитивный потенциал, полноточность, неполноточность, лингвистический статус, статистический анализ, автоматизированный анализ.

Kamensky Mikhail V.

COGNITIVE POTENTIAL OF DISCOURSE MARKERS FROM THE POINT OF VIEW OF THE THEORY OF INCOMPLETE SEMANTICS

The article contains the results of the research of the cognitive potential of discourse markers from the point of view of presence or absence of semantic meaning and the study of their linguistic status. The research is characterized by the use of the author's method of automated natural text analysis.

Keywords: discourse markers, cognitive potential, semantic meaning, procedural meaning, linguistic status, statistical analysis, automated analysis.

Дискурсные маркеры – это «лингвистические, паралингвистические или невербальные элементы, которые сигнализируют об отношениях между единицами речи посредством своих синтаксических и семантических свойств» [4, с. 40].

В настоящем исследовании дискурсные маркеры рассматриваются нами как знаковые заместители знания, входящие в языковую способность коммуникантов и составляющие существенный момент в ее использовании. Подобно языку, открывающему окно в разум человека, дискурсные маркеры «открывают идеальное окно в процесс вербальной интеракции» [3, с. 33]. Общим для всех дискурсных маркеров является наличие определенного когнитивного потенциала, помогающего интерпретации высказываний.

Дискурсные маркеры исследуются в русле различных теоретических парадигм. Так, в исследованиях, построенных на теории речевых актов в рамках прагматического подхода (Fraser, 1988, 1996, 1999), они выполняют коннективную функцию, и их значение проявляется в рамках речевого акта. В работах, выполненных в аспекте теории релевантности (Blakemore, 1987, Luscher, 1994,

Rouchota, 1998), функция дискурсных маркеров – помогать интерпретировать высказывания. Теория аргументации в рамках дискурсного анализа представляет дискурсные маркеры в терминах инструкций, указывающих на функции связываемых высказываний (Ducrot, 1969, 1973, 1976, 1977, 1980, 1985; Ducrot&Anscombre, 1980, 1983). С позиций дискурсного анализа (Schiffrin, 1987) дискурсные маркеры обрамляют высказывание, действуя на локальном либо глобальном уровнях текста. Ниже рассмотрим дискурсные маркеры в свете теории неполнозначности.

Дистрибутивный анализ дискурсных маркеров показывает, что они принадлежат к функциональному классу языковых единиц, и семантика каждого из них зависит от его синтаксической дистрибуции.

В проведенном нами исследовании изучено 83 языковые конструкции, представляющие собой лексемы и их устойчивые сочетания, употребляемые в современном англоязычном дискурсе в качестве когнитивно нагруженных дискурсных маркеров. В результате выявлена важная тенденция к употреблению в качестве дискурсных маркеров неполнозначных лексем с категориальным значением, а также роль десемантизации и деграмматизации в развитии когнитивных функций дискурсных маркеров.

К неполнозначным словам и устойчивым лексическим формам, вслед за Ю. И. Леденевым, мы считаем необходимым причислить предлоги, союзы, частицы, предложные и союзные сочетания, междометия, обладающие выраженным «категориальным значением» и коммуникативной ролью при сниженной «смысловой знаменательности» [2, с. 3–4; с. 17–18].

Вместе с тем считаем необходимым наряду с полнозначными и неполнозначными лексемами и их сочетаниями отдельно выделить среди дискурсных маркеров класс десемантизированных лексических единиц, обладающих полноценной смысловой наполненностью при стандартном употреблении, но утрачивающих ее при употреблении в качестве дискурсного маркера.

Грамматическая принадлежность дискурсного маркера отражает часть речи, к которой дискурсный маркер относится, а также его способность вступать в синтаксическую связь с членами предложения, в котором дискурсный маркер употреблен. В случае если частеречная принадлежность лексемы при ее употреблении в роли дискурсного маркера не может быть установлена и при этом дискурсный маркер не относится к вводным словам и выражениям, по своей грамматической принадлежности он причисляется к деграмматизированным языковым единицам.

Важно, что к деграмматизированным дискурсным маркерам причисляются только языковые единицы, имеющие четко идентифицируемую грамматическую роль в предложении при употреблении в одном из словарных значений, но утрачивающие ее при переходе в класс дискурсных маркеров. Тем самым дискурсные маркеры, изначально не вступающие в синтаксическую связь в предложении в силу своего грамматического статуса (например, вводные слова), не относятся к деграмматизированным единицам.

Проведенное исследование показало, что дискурсные маркеры представляют собой преимущественно неполнозначные языковые единицы, а также лексемы, утрачивающие исходное семантическое и грамматическое наполнение при употреблении в качестве дискурсных маркеров, т. е. подвергающиеся явлениям десемантизации и деграмматизации. Суммарно на долю неполнозначных и десемантизированных лексических единиц и их сочетаний приходится 85,4 % от общего числа исследованных дискурсных маркеров, из которых 79,78 % относятся к неполнозначным и 5,62 % – к десемантизированным. На долю полнозначных языковых единиц, употребляемых в качестве дискурсных маркеров, приходится 14,6 % от общего числа проанализированных дискурсных маркеров.

Важным представляется тот факт, что к полнозначным дискурсным маркерам относятся цельнооформленные части предложения, в основе которых лежит полнозначная лексема, представляющая собой семантическое ядро дискурсного маркера. Так, прилагательное «clear» в дискурсном маркере «everything is clear» и глагол «to mean» в дискурсном маркере «I mean», будучи употребленными в прямом значении, являются полнозначными и являются носителями семантики, на которой основывается дискурсивная функция дискурсного маркера (завершения топика и конкретизации информации соответственно).

Установлено, что большая часть дискурсных маркеров относится к неполнозначным и десемантизированным языковым элементам. Ослабление или утрата лексического значения определенной лексемы или словосочетания, т. е. ее десемантизация, либо же изначально развитое категориальное значение лексемы при отсутствии выраженной лексической семантики или ее сниженной роли выводит на первый план функциональную ориентированность языковой единицы на регулятивное воздействие в дискурсе.

Дискурсивная функция неполнозначных дискурсных маркеров связана непосредственно с их категориальным значением, а именно, со способностью определенным образом выстраивать ход дискурсивного взаимодействия: вводить дополнительную поясняющую информацию, устанавливать логические связи между предложениями и пропозициями, отмечать вводимую информацию как контрастирующую с ранее сообщенными фактами и т. д. Дискурсивные функции такого рода, в свою очередь, лежат в основе как иллокутивного потенциала, так и когнитивной нагрузки неполнозначных дискурсных маркеров. Неполнозначные дискурсные маркеры способны направлять внимание реципиента и сигнализировать о необходимости интерпретации вводимых посылов определенным, жестко заданным образом. По существу, отсутствие четко выраженной лексической семантики дискурсного маркера не только не снижает его роли в высказывании, но, напротив, актуализирует когнитивный процесс интерпретации дискурсного маркера и связанного с ним сегмента в высказывании в терминах его когнитивно-функционального потенциала.

Таким образом, дискурсные маркеры, несмотря на преимущественную неполнозначность, являются когнитивными регуляторами в дискурсе, обеспечивающими корректность интерпретации полнозначных, семантически нагруженных реципиентом элементов высказывания, а также устанавливающими корректные логические связи между данными полнозначными элементами.

Когнитивно-функциональные параметры десемантизированных дискурсных маркеров в отдельных случаях связаны с исконным лексическим значением лексем, от которых данные дискурсные маркеры произошли, как было показано ранее на примере дискурсного маркера *like* (п. 1.3). К десемантизированным дискурсным маркерам по результатам настоящего исследования причислены дискурсные маркеры *in*, *out*, *like*, *well* и *why*.

Дискурсный маркер *why*, когнитивная нагрузка которого в одной из дискурсивных функций состоит в обеспечении интерпретации реципиентом вводимого дискурсным маркером высказывания как очевидного или не требующего дополнительного пояснения, является, по существу, переосмысленным вопросительным словом «*why*» в выражении «*why are you asking [about it]?*» («почему ты [об этом] спрашиваешь?»), подвергнувшемуся языковой компрессии.

Дискурсный маркер *in*, употребляющийся как фокусный компонент устойчивых выражений «*from now on*» / «*from here on*» («с этого момента»), является переосмысленным предлогом времени, перешедшим в класс дискурсных маркеров путем языковой компрессии выражений, указывающих на длительность промежутка времени, о котором говорится в высказывании. По существу, высказывание «*from now on in, absolute silence*» эквивалентно «*from now on [in our interaction / communication], [keep] absolute silence*» («с этого момента [в нашем взаимодействии / в нашей коммуникации] соблюдайте абсолютную тишину»).

Важным представляется тот факт, что предлог «*out*», также употребляемый в качестве фокусного дискурсного маркера в составе выражения «*from here on*», не выступает в качестве предлога времени, однако имеет категориальное значение предлога места, способного ограничивать пределы действия некоторого высказывания аналогичным предлогу «*in*» образом, т. е. «*from here on out, absolute silence*», по сути, является эквивалентом «*from here on out [here / in this place], [keep] absolute silence*» («с этого момента [в данном месте] соблюдайте абсолютную тишину»). Таким образом, десемантизация предлога «*out*» и возникновение его когнитивно-функционального наполнения как дискурсного маркера во многом произошло по аналогии с предлогом «*in*».

Дискурсный маркер *well*, с точки зрения когнитивной нагрузки свидетельствующий реципиенту о необходимости дополнительного времени для обдумывания высказывания говорящим, является переосмыслением междометийного употребления лексемы «*well*», утратившей эмоционально-экспрессивную функцию междометия и, следовательно, исходное категориальное значение.

Грамматический статус дискурсных маркеров находится в тесной связи с их семантическим наполнением. Подавляющее большинство (94,38 %) исследованных дискурсных маркеров обладает однозначно идентифицируемой частеречной принадлежностью и при этом, как правило, не вступает в синтаксическую связь с членами предложения. В синтаксической связи с другими членами предложения находятся только семантически полнозначные дискурсные маркеры, способные также выступать в качестве полноценных цельнооформленных предложений (14,61 %). Данный факт тесно связан с преимущественной неполнозначностью дискурсных маркеров как класса языковых единиц, в силу чего морфологически к дискурсным маркерам причисляются предлоги, союзы, междо-

метия, вводные слова и выражения, а также лексемы и словосочетания, с точки зрения синтаксиса являющиеся обособленными компонентами предложений.

Нами выявлено, что к деграмматизированным дискурсным маркерам, т. е. языковым единицам, обладающим словарно закрепленным морфологическим и синтаксическим наполнением, но утрачивающим его при употреблении в качестве дискурсных маркеров, относятся дискурсные маркеры, также являющиеся десемантизированными; следовательно, их доля среди исследованных дискурсных маркеров соответствует доле десемантизированных дискурсных маркеров (5,62 %). Данный факт свидетельствует о том, что в ходе переосмысления лексического наполнения языковой единицы при ее переходе в класс дискурсных маркеров одновременно с лексическим и категориальным значением лексемы утрачиваются также ее морфологические и синтаксические характеристики. Вместе с тем одновременное отсутствие четко определенных семантических и грамматических характеристик не является признаком малой значимости дискурсного маркера для процесса коммуникации, поскольку дискурсный маркер приобретает ярко выраженную дискурсивную функцию, а также следующие из данной функции иллокутивный потенциал и когнитивную нагрузку.

Важным наблюдением является тот факт, что десемантизированные и деграмматизированные дискурсные маркеры преимущественно употребляются в разговорном дискурсе (89,51 % от общего количества употребления данного типа дискурсных маркеров в исследованном корпусном материале). На наш взгляд, данный факт является прямым следствием высокой подверженности данного типа дискурса языковой компрессии, т. е. стремления говорящего за короткий промежуток времени донести до реципиента большой объем информации с сохранением как содержательного, так и эмоционального наполнения высказываний [1, с. 66–67].

Доля десемантизированных и деграмматизированных дискурсных маркеров в исследованном корпусном массиве текстов институциональных типов дискурса варьируется в диапазоне от 2,55 % до 5,05 % от общего количества употребленных дискурсных маркеров в зависимости от конкретного типа дискурса. Важно отметить, что специфика контекстов употребления десемантизированных и деграмматизированных дискурсных маркеров в институциональных типах дискурса свидетельствует о том, что факты подобного употребления являются свидетельством интерференции дискурсов, т. е. взаимопроникновения элементов разговорного дискурса в институциональные типы. В частности, дискурсные маркеры такого рода встречаются в цитатах и интервью, в транскриптах научных дискуссий, содержащих редкие вкрапления элементов разговорного дискурса, в деловых беседах и переговорах. В основном же массиве текстов, принадлежащих институциональным типам дискурса, десемантизированные и деграмматизированные дискурсные маркеры практически не встречаются (на все три исследованных институциональных типа дискурса приходится 10,49 % контекстов употребления десемантизированных и деграмматизированных языковых единиц против 89,51 % контекстов в разговорном дискурсе). В целом также можно отметить, что десемантизация и деграмматизация как языковые явления не являются частотными способами образования дискурсных маркеров.

Итак, по своей лексической принадлежности дискурсные маркеры являются преимущественно неполнозначными, по грамматической принадлежности – преимущественно грамматически наполненными вспомогательными элементами предложений, в большинстве случаев не вступающими в синтаксическую связь с членами предложения. Особо выделяется группа десемантизированных и деграмматизированных дискурсных маркеров, являющихся результатом переосмысления языкового статуса лексемы по типу языковой компрессии и употребляемых преимущественно в разговорном дискурсе. К семантически полнозначным лексическим формам, имеющим тесную синтаксическую связь в предложении, относится небольшое количество дискурсных маркеров. Дискурсивный статус данных лексических форм как дискурсных маркеров, а также их когнитивно-функциональные параметры определяются семантикой полнозначных лексем, составляющих ядро дискурсного маркера.

Литература

1. Каменский М. В. Социолингвистическая парадигма дискурсных маркеров (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 179 с.
2. Леденев Ю. И. Неполнозначные слова в русском языке: учебное пособие к спецкурсу. Ставрополь: СГПИ, 1988. 87 с.
3. Правикова Л. В. Дискурсные маркеры: современное состояние проблемы // Вестник ПГЛУ. 2000. № 4. С. 22–34.
4. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.

УДК 81-11

Милостивая Александра Ивановна

РОЛЬ ПРИНЦИПОВ СИНЕРГЕТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Целью статьи является изучение эпистемологического потенциала синергетических принципов (гомеостатичность, иерархичность, нелинейность, незамкнутость, неустойчивость, динамическая иерархичность, наблюдаемость) в лингвистической теории перевода.

Ключевые слова: синергетика, переводоведение, гомеостатичность, динамическая иерархичность, нелинейность.

Milostivaya Alexandra I.

THE ROLE OF SYNERGETIC PRINCIPLES IN MODERN TRANSLATOLOGY

The aim of this article is to observe the epistemic potential of synergetic principles (homeostasis, hierarchy, nonlinearity, openness, instability, dynamic hierarchy, observability) in linguistic translatology.

Key words: synergetics, translatology, homeostasis, dynamic hierarchy, nonlinearity.

Современное языкознание находится на перепутье, если так можно выразиться, используя синергетическую метафорику, в точке бифуркации. Наряду с появлением антропоцентричных когнитивных и коммуникативно-прагматических концепций языковых явлений в последние годы возрастает интерес к речевой и текстовой деятельности как к физическому многомерному нелинейному и самоорганизующемуся феномену. Данные подходы, на наш взгляд, дополняют друг друга, отражая целостную картину языковых явлений. Лингвистическое переводоведение, будучи одной из отраслей изучения алломорфных и изоморфных свойств языковых систем, может основываться на синергетической методологии. Отдельные попытки подобного рода уже предпринимались [3; 7; 8]. Целью данной статьи является обоснование возможности использования синергетической теории и методологии в рамках лингвистической теории перевода с опорой на основные выводы и результаты, уже получившие распространение в научном сообществе.

Принципы синергетики описывают условия возможности синергетической интерпретации изучаемого феномена, в нашем случае перевода. При этом мы будем отдельно рассматривать их релевантность по отношению к переводу как процессу, деятельности переводчика по межкультурной трансляции смысла, с одной стороны; и к переводу как результату этой деятельности, фиксированному в форме текста на переводящем языке – с другой. Принципы синергетики рассматриваются в данной статье в трактовке В. Г. Буданова [2] как постулаты, которые связаны друг с другом отношениями кольцевой причинности, т. е. «могут быть определяемы друг через друга, что не является порочным логическим кругом, но герменевтическим кругом» [2, с. 80]. Согласно рассматриваемой концепции, существует «два принципа Бытия (гомеостатичность, иерархичность) и пять принципов Становления (нелинейность, незамкнутость, неустойчивость, динамическая иерархичность, наблюдаемость)» [2].

Рассмотрим специфику реализации данных принципов применительно к переводу.

Гомеостатичность – это такое качество, присущее любой самоорганизующейся системе, которое способствует ее функционированию «в некоторых рамках, позволяющих ей следовать определённой цели» [2]. Данная цель корректирует поведение системы при помощи определенных сигналов, порождающих обратное воздействие со стороны системы, возникающее как результат взаимодействия со средой. В. Г. Буданов называет такую цель, детерминирующую программу поведения системы, аттрактором [2].

При рассмотрении перевода-процесса и перевода-результата как самоорганизующихся систем релевантно, на наш взгляд, проведение делимитации системы, в рамках которой функционируют цели-аттракторы, и среды, способной модифицировать свойства системы. Традиционно в лингвистическом переводоведении в качестве единицы перевода рассматривается текстовое целое. Предпринимались попытки представить данный феномен как самоорганизующуюся систему. В частности, они отражены в работе Н. Л. Мышкиной «Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики», где он рассматривается как самоорганизующаяся система, обладающая некоей «внутренней жизнью», в процессе наблюдения которой необходимо «абстрагироваться как от человека, создающего текст, так и от человека, воспринимающего текст» [11, с. 13].

В трудах Н. Л. Мышкиной присутствует ряд положений, которые релевантны с позиции синергетически ориентированной лингвистики текста, «внутренняя жизнь» которого образует особое пространство со своей собственной энергожизнью и является комплиментарной с коммуникативным действием в диаде «автор – читатель». При этом средством обеспечения когерентности системы литературного произведения является её интенция: «В качестве того звена, которое связывает человека и язык, может послужить понятие интенции: человек – это деятель, язык – это орудие, а интенция соединяет их в речевую деятельность» [14, с. 74]. Под интенцией мы будем понимать коммуникативное намерение отправителя речи в форме: А хочет, чтобы Б вёл себя определённым образом и т. д. Интенция имеет целью повлиять на сознание партнёра по коммуникации, на его поведение или выяснить определённый вопрос. В современной литературе, посвященной проблемам когнитивной составляющей межличностной интеракции, интенция трактуется как «способ самоорганизации живого организма» [6, с. 227] и «когнитивный феномен саморегуляции живого организма» [6, с. 231]. Таким образом, интенциональность является необходимым условием коммуникативного действия, в том числе и в художественном пространстве.

Итак, в литературном произведении сосуществуют две интенции: одна – в коммуникативном взаимодействии автора и читателя, другая – в пространстве межперсонажного общения. Интенция литературного героя в какой-то мере производна от авторского намерения, однако это не приводит её к утрате в художественной системе. Переводчику следует, с нашей точки зрения, ориентироваться как на писательскую, так и на персонажную интенциональную составляющую коммуникативного действия, что релевантно прежде всего при переводе культуронимов, аллюзий и прецедентных имен. Переводчик, выполняющий посредническую функцию в диалоге «автор – читатель» при транспонировании сообщения с исходного языка на переводящий, не может перестраивать его структуру исходя из целей, не входящих в художественное коммуникативное пространство субъектов. Ему, равно как и «инициатору» перевода, не разрешается вносить в текст на переводящем языке собственные интенции, несмотря на допущение этого в рамках распространенной в европейском переводоведении скопос-теории.

Иерархичность как синергетический принцип традиционно связывается с «составной природой вышестоящих уровней по отношению к нижестоящим» [2, с. 81]. В переводоведении он определяет построение теории уровней эквивалентности, разработанной В. Н. Комиссаровым [5]. Оригинал и перевод могут быть эквивалентными на разных уровнях (цели коммуникации, описания ситуации, высказывания, синтаксических структур, слова). Должно быть достигнуто максимально возможное число уровней эквивалентности, но облигаторным является только уровень цели коммуникации.

Нелинейность самоорганизующейся системы при трансляции сообщения с исходного языка на переводящий больше связана с переводом как процессом. Ю. М. Лотман так пишет о художественном переводе: «...вместо точного соответствия тексту Т 1 в этом случае сопоставлено некоторое пространство. Любой из заполняющих его текстов Т1, Т2, Т3... Тn будет возможной интерпретацией исходного текста. Вместо точного соответствия – одна из возможных интерпретаций, вместо симметричного преобразования – асимметричное, вместо тождества элементов, составляющих Т1 и Т2, – условная их эквивалентность» [9, с. 15]. Данный пассаж свидетельствует о нелинейности и фрактальности перевода литературного произведения в попытках сохранить тождество тексту оригинала.

Незамкнутость самоорганизующейся системы обусловлена невозможностью «пренебрежения взаимодействием системы со своим окружением» [2, с. 84]. Энергия окружающего социокультурного контекста, которая аккумулируется в тексте-трансляте, варьируется в пределах культуры страны переводящего языка. Н. А. Кузьмина выделяет четыре типа текстов по их энергетической силе:

- Энергетически сильные тексты, внекультурные и вневременные (Библия).
- Тексты, общие для двух или нескольких культур (Шекспир для европейской культуры).
- Национально-специфические сильные тексты (Пушкин, Толстой для русской культуры).
- Прецедентные тексты, значимые для определенного периода развития культуры [7].

Чем больше энергии социокультурного контекста аккумулирует текст перевода, тем больше коммуникативная адекватность и социокогнитивная репрезентативность транслята.

Неустойчивость состояния системы связывается в синергетике со значимостью состояния выбора дальнейшего пути развития, точки бифуркации, которая детерминирована окружающей средой (т. к. переводимый текст является незамкнутой системой). Этим можно объяснить такое явление, как устаревание переводов энергетически сильных в рамках определённого культурного ареала текстов: известны многочисленные разновременные переводы произведений классиков миро-

вой литературы У. Шекспира, Й. В. Гёте, Дж. Джойса, адаптированные к культурно-историческим условиям эпохи своего возникновения. Приспособлением переводного текста к культуре-приёмнику можно объяснить и факт существования образов-стереотипов литературных произведений, например феномен русского Гёте или немецкого Пушкина. В этой связи справедливо замечание И. Н. Пономаренко о том, что в переводах «всегда есть нечто сохраняющееся (симметричное) и изменяющееся (асимметричное)» [13, с. 149]. В процессе смысловтранспонирования при переводе происходит «реконструкция переводчиком на базе его концептуальной системы доминантного личностного смысла (далее ДЛС. – А. М.) исходного текста на основе языковых репрезентаций ДЛС при принципиальной невозможности восстановления / образования тождественного концепта исходного текста в целом» [3, с. 47]. Подобная нетождественность личностных смыслов при переводе вызывает вариативность толкований и оценок фактуального содержания исходного текста.

Динамическая иерархичность (ее же называют эмерджентностью) предполагает «наличие у системного целого особых свойств, не присущих его подсистемам и блокам, а также сумме элементов, не объединённых системообразующими связями. Краткое античное определение: целое больше суммы его частей» [15, с. 608]. Американские исследователи П. Ватцлавик, Ж. Бивин и Д. Джексон рассматривают эмерджентность в качестве принципа, организующего человеческую коммуникативную деятельность [19, с. 121]. Коммуникативная природа переводческой деятельности позволяет использовать данный принцип в лингвистическом переводоведении.

Аксиоматично, что единица переводческого процесса – это целостный текст, который эмерджентен по своей природе свойствами, т. к. коммуникативное воздействие всего литературного произведения может превышать сумму персуазивных эффектов его конститuentов – высказываний автора, нарратора и персонажей. Поэтому возможны из-за нетождественности картин мира автора оригинала и переводчика в текст-транслят могут вплетаться аддитивные коннотативные семы оценки, которые не представлены в исходном тексте. Достаточно часто это случается при переводе поэзии и прозы с богатой метафорикой.

Наблюдаемость как принцип организации лингвосинергетической теории перевода предполагает примат наблюдения перед толкованием и относительность интерпретаций к масштабу наблюдений. Данный принцип часто используется при процессуальном подходе к деятельности переводчика. В частности, он задействован в протоколах «мышления вслух» Х. Крингса [18], в вероятностно-прогностической интерпретации устного перевода Г. В. Чернова [17], психолингвистических моделях межкультурной трансляции [4; 12; 16]. Очень четко прослеживается естественнонаучный характер этих штудий, где эксперимент, как и в науках о природе, является базовым методом познания объекта.

При изучении перевода-результата, материальным носителем которого является текст на переводящем языке, наиболее перспективным местом приложения рассматриваемого принципа является сфера критики перевода, где «пока ещё нет определенного ответа на вопрос, что такое оценка... и что является предметом оценивающей деятельности в переводе» [1, с. 7]. Возможность приложения синергетической методологии в данном аспекте определяется аксиологической природой категории оценки, которая выражает «взаимоотношение человека и окружающей его действительности, не просто действительности, а окружающей среды» [1]. Следовательно, их анализ может быть в принципе сведён к диалогу антропоцентричной системы и среды, синергетическому по своей сути.

Подобные соображения могут быть отнесены и к оценке степени адекватности перевода: «Интуитивные оценки адекватности формы целого необходимо перевести в наблюдаемые параметры» [10, с. 246]. Здесь важна разработка точных процедур фиксации адекватности / эквивалентности целого текста, его гармоничности, т. к. чисто интерпретативные процедуры не дают в данных условиях однозначных верифицируемых результатов.

Подводя итог рассмотрению роли синергетических принципов гомеостатичности, иерархичности, нелинейности, незамкнутости, неустойчивости, динамической иерархичности (эмерджентности) и наблюдаемости в лингвистическом переводоведении, следует отметить их большой эвристический потенциал в контексте лингвокультурологической и когнитивной направленности теории языка.

Литература

1. Брандес М. П. Критика перевода. М.: КДУ, 2006. 240 с.
2. Буданов В. Г. О методологии синергетики // Новое в синергетике 2. М.: Радиотехника, 2006. С. 70–87.
3. Герман И. А. Психолингвистические основания модели перевода // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 7. Красноярск: КГУ, 1998. С. 43–47.
4. Клюканов И. Э. Психолингвистические проблемы перевода. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. 75 с.

5. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 216 с.
6. Кравченко А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001. 261 с.
7. Кузьмина Н. А. Феномен художественного перевода в свете теории интертекста // Текст. Интертекст. Культура: сборник докладов Международной научной конференции 4–7 апреля 2001 г. URL: <http://www.quebec.ru/Translation/Page3.htm> (дата обращения 20.12.2013)
8. Кушнина Л. В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: дис. ... д-ра филол. наук. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2004. 424 с.
9. Лотман Ю. М. Три функции текста // Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 11–22.
10. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: Едиториал УРСС, 2003. 296 с.
11. Мышкина Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. 152 с.
12. Пищальникова В. А. Психопозитика. Барнаул: АлтГУ, 1999. 173 с.
13. Пономаренко И. Н. Симметрия / асимметрия в лингвистике текста. Краснодар: КубГУ, 2005. 231 с.
14. Почепцов О. Г. Основы прагматического описания предложения. Киев: Вища школа, 1986. 116 с.
15. Реймерс Н. Ф. Природопользование: словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с.
16. Финагентов В. И. Психолингвистический анализ трансформаций текста при переводе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: СГУ, 1982. 17 с.
17. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Комкнига, 2007. 208 с.
18. Krings H. Wege ins Labyrinth – Fragestellungen und Methoden der Übersetzungsprozessforschung im Überblick // Meta. № 5. 2005. P. 342–358.
19. Watzlawick P., Beavin J., Jackson D. Menschliche Kommunikation. Bern, Göttingen: Verlag Hans Huber, 2003. 272 s.

УДК 82.0-14 Набоков

Погребная Яна Всеволодовна

ОППОЗИЦИЯ СЕВЕР – ЮГ В ЛИРИКЕ В. В. НАБΟКОВА: АСПЕКТЫ УТВЕРЖДЕНИЯ И СНЯТИЯ

В статье анализируются принципы маркирования художественного пространства в лирике В. В. Набокова, рассмотренные в их эволюции. Выявляются атрибуты полюсов пространственной оппозиции «юг – север». Горизонтальная оппозиция «юг – север» анализируется в аспекте ее художественно-смысловой эволюции, которая ведет к трансформации пространства внешнего во внутреннее и постепенному снятию утвержденных оппозиций.

Ключевые слова: оппозиция юг – север, пространственные атрибуты время – пространство, горизонталь – вертикаль, внешнее – внутреннее.

Pogrebnaya Yana V.

OPPOSITION TO NORTH – SOUTH IN LYRICS V. Nabokov ASPECTS OF APPROVAL AND REMOVAL

This article analyzes the principles of labeling art space in the lyrics VV Nabokov considered in their evolution. Identifies the attributes of the spatial poles of opposition "south – north". Horizontal opposition "south – north" is analyzed in the aspect of her artistic sense of evolution, which leads to the transformation of the space external to the internal and the gradual withdrawal of approved oppositions

Key words: opposition, south – north, spatial attributes of space – time, horizontal – vertical, external – internal.

Лирика Набокова может быть осознана и осмыслена как целостная художественная система, входящая в состав всего ментального мира Набокова как самостоятельная, но не замкнутая, находящаяся в диалоге с целым система. Мир, создаваемый Набоковым, в том числе и онтологически, определяется современными исследователями как «космос» [1, с. 6], мир [7, с. 3], «особая семантическая Вселенная» [3, с. 238], «удаляющийся мир, вставленный в мир мастерской Ван Бока» (*это одна из авторских масок В. Набокова. – Я. П.*) [2, с. 9]. Сам Набоков в интервью Ж. Дювиньо (1959), описывая, как он создает «условность», прибегает к такому определению: «...я делаю рисунок мира, и он вписывается в некую вселенную», сравнивая при этом писателя с Богом, который

пребывает «всюду и нигде» [5, с. 90]. В более позднем интервью О. Тоффлеру (1963) Набоков развивает это положение: «Настоящий писатель должен внимательно изучать творчество соперников, включая Всевышнего. Он должен обладать врожденной способностью не только вновь перемешивать части данного мира, но и вновь создавать его» [5, с. 142].

Общность и единство, свойственные всем художественным (стихотворения и поэмы, драмы, эпические произведения, переводы) и внехудожественным (лекции, эссе, интервью, а в более глобальном масштабе – события жизни и судьба писателя) элементам мира Набокова, обеспечиваются заявлением и развитием одной центральной темы, указанной в предисловии Веры Набоковой к итоговому сборнику лирики писателя (Набоков В. Стихотворения. Ann Arbor: Ардис, 1979), который был подготовлен к изданию самим писателем, но опубликован уже после его кончины. Тема эта определена как «потусторонность» [6, с. 4]. Помимо одной центральной темы, отдельные образы, мотивы и символы, находящиеся в притяжении к центральной теме, варьируются в творчестве В. В. Набокова, в том числе в его лирике, образуя отдельную парадигму, вписанную при этом в контекст целого художественного мира. Причем указание на «потусторонность» актуализирует аспекты пространственно-временной локализации «иномира», способов и путей сообщения с ним. Именно освоение пространства-времени и дистрибуция пространственных и темпоральных ориентиров выступает предпосылкой для обретения «потусторонности» (или, по определению, данному в романе «Другие берега», – «своей» «вечности»).

Освоение пространства декларируется через его дистрибуцию, обозначение центра и периферии. Точкой отсчета в пространственном мире Набокова выступает временной момент начала жизни, самосознания, локализуемый в пространстве как дом. Причем если центром мира избирается дом, то по отношению к нему выстраивается и традиционная сетка пространственных координат, ориентирующая пространственный мир по сторонам света. Дом, очевидно, соотносим с севером, который из окраины мира трансформируется в ее центр, в то же время горизонталь север – юг выстраивается как оппозиция центра и далекой периферии. В ранней лирике, особенно крымского периода (1918), образ юга имеет достаточно точную локализацию («Крым», «Крымский полдень», «Сон на Акрополе», «Кипарис») и ряд постоянных атрибутов, не столько развивающих, сколько наполняющих образ. Образ юга в ранней лирике Набокова определяется не символически, а метафорически через постоянный эпитет «солнце юга». В стихотворении «Два корабля» (1918) эти атрибуты юга вполне отвечают традиционным: «У мирной пристани, блестя на солнце юга, // с дремотной влагой в лад снастями шевеля, // задумчивы, стояли друг близ друга // два стройных корабля».

Также через солнце определяется юг и в стихотворении «Отрывок» (1920): «Стояли мы на белых ступенях, // в полдневный час, у моря, и на юге, // сверкая, колебались корабли».

«Южное солнце» сопровождает героя и в стихотворении «Сон на Акрополе» (1919). Солнце выступает как часть пространственной оппозиции севера и юга, фактическим субституту юга. Свет – постоянный атрибут набоковского юга. Солнце сменяет луна, но море сияет и блещет по-прежнему. «Во храме ночи южной» серебристый свет луны мерцает на кустах, на мокрых сливах, а «море молится луне...» («Как было бы легко...»). Даже морская глубина полна светом: ныряльщик плывет за жемчугом «среди морских свивающихся звезд...» («Жемчуг»). Образ юга наполнен светом даже ночью, как будто аннулируя традиционную временную оппозицию дня и ночи.

В крымских стихотворениях к атрибутам юга: море, корабль, свет, блеск, солнце – добавляется как примета южной земли кипарис («Крымский полдень», «Кипарисы», «Крым», «Сторожевые кипарисы...», «Романс»): «Белы до боли облака, // ручей звездой в овраге высох, // и, как на бархате мука, // седеет пыль на кипарисах» («Крымский полдень»).

Мир юга мыслится в контексте традиционной горизонтальной оппозиции: юг – север, при этом и сами атрибуты юга противопоставляются признакам севера. Красноречивый пример – стихотворение «Береза в Воронцовском парке», в котором неназванный кипарис выступает как антипод березе, и два дерева таким образом замещают север и юг в пространственной оппозиции: «Среди цветущих, огненных деревьев // грустит береза на лугу, // как дева пленная в блистательном кругу // иноплеменных дев».

Именно кипарис как атрибут юга делает зримой и ощутимой дистанцию между югом и севером, выступает указателем, маркирующим юг как иной мир, поскольку море, гавань, корабль в равной степени выступают приметами набоковского севера – дома в Санкт-Петербурге: «паруса над

гладью вод» находим и в стихотворении «Петр в Голландии» (1919) или в стихотворении «Санкт-Петербург» (1924), написанном уже в Берлине, развернутую метафору «Бледно-зеленые ветрила // Дворцовый распускает сад». Хотя северное море скорее определяется Набоковым через метафору корабля или паруса, чем через зримый конкретно вещественный образ собственно моря. В стихотворении «Песня» (1923) море особенно очевидно утверждается как атрибут юга, когда Набоков представляет пути, которыми на родину вернутся все изгнанники, только по-разному: «с севера // лыжи неслышные, с юга // ночная фелюга...» Все же море, скорее, наряду с другими атрибутами, входит в семантический объем образа юга, особенно в таком контексте: «За кипарисами угадываешь море» («Как было бы легко...»).

Вместе с тем именно в этом стихотворении картинно статичный образ юга (даже корабли изображаются стоящими в гавани) наполняется образами движения. Море как постоянный атрибут юга заключает в себе смысловое начало движения и поиска. Стихотворение без названия, начинающееся с утверждения «Я странствую...» (1923) скитания передает через образ морского странствия: «вздмалось море отгулом органа, // стекало по заплаканным скалам...» Появление искушающего Демона, который периодически посещает лирического героя, тоже сопровождается образами, связанными с морем: «Откуда прилетел? Каким ты дышишь горем? // Скажи мне, отчего твои уста, летун, // как мертвые, бледны, а крылья пахнут морем?» В «Университетской поэме» (1927) море связано с выбором странствия как способа бытия: «Вербует равнодушно море // простых бродяг, таких, как я...» Неслучайно Набоков в 1928 году переводит «Пьяный корабль» Артюра Рембо, в котором начало путешествия передается так: «И я, – который был, зимой недавней, глуше // младенческих мозгов, – бежал на зов морской...» В раннем романе «Машенька» (1926) герой, прожив заново свою юность, пережив первую любовь, чувствует себя абсолютно свободным, эта идея внутреннего освобождения находит выражение во внешнем перемещении: Ганин уезжает из Берлина, «он выбрал поезд, уходящий через полчаса на юго-запад Германии, заплатил за билет четверть своего состояния и с приятным волненьем подумал о том, как без всяких виз проберется через границу, – а там Франция, Прованс, а дальше – море...». Море в этих контекстах предстает символическим образом земного странствия и поиска своего истинного назначения, своей судьбы и единственно предназначенного берега, но при этом выступает и символом бесконечной свободы, бесконечного множества возможностей. Для Ганина в «Машеньке» море впереди – это знак полной открытости будущего. Концептуальным, обобщающим этот смысловой компонент образа моря выступает стихотворение «Я помню только дух сосновый...» (1923):

Я помню только дух сосновый,
удары дятла, тень и свет...
Моряк косматый и суровый,
хожу по водам много лет.

Во мгле выглядываю сушу
и для кого-то берегу
татуированную душу
и бирюзовую серьгу.

Это стихотворение венчает смысловой ряд странствия, переводя его из области пространственной во временную, связывая с поиском мира, запечатленного в воспоминании. Движение трансформируется из области внешней во внутреннюю, меняя направление на регрессивное движение назад, к началу странствия. Именно эта цель и выступает истинным назначением странствия, которое описывает круг, а не знаменует линейное перемещение в линейном времени. Развитие живописно статичного образа юга, включающего море как неизменный элемент своего семантического объема, приводит к такой же замене временных понятий на пространственные.

Атрибутированный через постоянные зримые приметы (солнце, море, кипарис) образ юга в лирике Набокова приобретает зримый, картинный образ, соотносимый с открыткой или фотоснимком. Именно поэтому образы юга наделяются постоянными признаками сверкания, света, блеска: «сверкая, колебались корабли...» («Отрывок»), «и моря блеск павлиний...» («Акрополь»), «а над морем, над золотоглазым...» («Романс»). Блеск моря сопровождается постоянно обыгрываемыми цветом моря эпитетами: «грызет лазурь морская материк» («Облака»), «слева сизое море горит» («Ульдаборг»), «и точно отсвет моря синий» («Крымский полдень»), «гладь синяя мерцающего моря...» («Сон на Акрополе»). Необходимо подчеркнуть, что образы северного моря такой цветописью

не отличаются, здесь скорее указание на состояние, чем конкретный живописный образ: «...о неге роз и море мгlistом...» («Мечтал я о тебе так часто...»), «я по морям туманным плавал...» («Я помню только дух сосновый...»). Таким образом, именно зримое живописное впечатление способствует подтверждению оппозиции севера и юга. В стихотворении «Снимок» (1927) вещественно-зримая и при этом достаточно шаблонная атрибуция юга подводится не только под определение картинки, снимка, но вводится в новую систему оппозиций будничного, повседневного и праздничного, исключительного: «На пляже в полдень лиловатый, // в морском каникульном раю // снимал купальщик полосатый // свою счастливую семью». Вместе с тем сама идея снимка, запечатлевающего мгновение, передающего его остановившийся образ вечности, равно как и указание на «каникулярный рай» оппозицию севера и юга из пространственной трансформирует во временную. Причем на юге время как будто замирает: каникулярный рай неизменен, он возвращается снова на очередных каникулах, а вне времени каникул время течет, изменяя пространство и наполняющие его предметы. Юг оказывается как будто вне времени, он неизменен и постоянен, это рай, в который можно периодически возвращаться, картинный, зримо запечатленный образ которого хранится в памяти и материализуется при каждом возвращении. Картиность образа южного морского побережья, связанная в лирике с идеей запечатленного мгновения – фотоснимка, предстает попыткой обмануть время, остановить его ход, придать образам юга статус неизменности и вечности, которые можно обрести путем простого и периодически повторяемого пространственного перемещения с севера на юг.

Но перемещаясь из области пространственной во временную, сама ключевая оппозиция севера и юга утрачивает свое значение. В традиционной народной культуре, как западной, так и восточной, семиотический аспект маркировки пространства строится на утверждении оппозиций юга и севера, запада и востока. Причем юг и восток как солярно отмеченные части пространства противопоставляются западу и северу. С. Махлина, характеризуя семиотический аспект планировки жилого дома, как в традиционной европейской культуре, так и в восточной, приходит к выводу о том, что «семиотический аспект планировки жилого дома связан с маркированностью востока и юга в их противопоставлении западу и северу во всех текстах, реализующих представление о структуре вселенной, в том числе и в первую очередь, в планировке жилого дома. При этом восток – запад и юг – север на семантическом уровне легко сворачиваются в одну оппозицию юг – восток / север – запад» [4]. У Набокова, напротив, в одной точке пространства объединяются юг и север, их совмещенность приводит к снятию ключевой оппозиции, вынесенной за скобки пространства в область времени. В стихотворении «Сон на Акрополе» (1919) прошлое воскрешается в моменте настоящего:

То южное ли солнце подшутило
над северной, тоскующей душой,
иль слишком жадные глаза поэта
мучительно и чудно обманулись,
не ведаю... Но вдруг исчезли горы,
гладь синяя мерцающего моря
в цветущую равнину превратилась:
ромашек золотистые сердца,
и вдовый цвет лиловый и пушистый,
и колокольчики – я различал
в траве густой, лоснящейся на солнце...
Преобразились белые Афины.
Передо мной – знакомое село:
все – сизые, полуслепые избы...

Совмещение времен приводит к совмещению пространства юга и севера, преображается и море как неизменный атрибут юга в бескрайний северный луг. Вместе с тем условием этого преображения выступает приостановка реального времени, погружение во внутреннее время воспоминания.

В позднем стихотворении «С серого севера» (1967) объединяется признак юга как остановившегося времени, образ юга во всей полноте присущих ему атрибутов, как пространственной области, противопоставленной северу, с набоковской идеей совмещения пространственных противоположностей в одной специфической точке времени, где открывается путь из времени линейного и необратимого во время внутреннее, обратимое и эллиптическое, время вечного возвращения, а именно, время воображения и памяти:

С серого севера
вот пришли эти снимки.
Жизнь успела на все
погасить недоимки.
Знакомое дерево
вырастает из дымки.
Вот на Лугу шоссе.
Дом с колоннами. Оредежь.
Отовсюду почти
мне к себе до сих пор еще
удалось бы пройти...

Общий мотив пути и движения связывает воедино все образы стихотворения: снимки пришли с серого севера, глядя на них, погружаясь в их реальность, уже постаревший поэт находит те пути, по которым ходил в юности: «...отовсюду почти // мне к себе до сих пор еще // удалось бы пройти». Передвижение от снимка к снимку в ином времени становится перемещением в пространстве по знакомым местам, которое совершалось в отдаленном времени, это движение знаменует возвращение к себе во времени, места детства и юности соответствуют возрасту детства и юности, возвращение в детство воскрешает образы «каникульного рая» – морского берега, а находки на морском берегу становятся метафорическими субститутами последовательно рассмотренных снимков: «...бывало, купальщикам // на приморском песке // приносится мальчиком // кое-что в кулачке. // Все, от камушка этого // с каймой фиолетовой // до стеклышка матово- // зеленоватого, // он приносит торжественно. // Вот это Батово. // Это Рождествено».

Таким образом, в ранней лирике В. В. Набокова утверждается пространственная горизонтальная оппозиция севера – юга, причем оппозиция организуется не относительно некоторого срединного ориентира – центра, в качестве центра выступает север. Однако организованная таким образом пространственная оппозиция приводит к аберрации темпоральности: на периферии (юге) время неизменно, лишено протекания, это область временной константы («каникульного рая»). В стихотворении «Солнце» из цикла «Прованс» (Сольен-Пон, 1923) мир юга манифестируется не только как мир постоянства, но и как мир вечности, именно благодаря причастности к солнцу (постоянному атрибуту юга в лирике В. В. Набокова): «Слоняюсь переулками без цели, // прислушиваюсь к древним временам: // при Цезаре цикады те же пели, // и то же солнце стлалось по стенам».

Появление в «каникульном» раю юга дает возможность приобщиться не только к постоянно возобновляемым обстоятельствам южного отдыха на берегу моря, но и приобщиться к вечности, сделать свое индивидуальное присутствие в данной точке пространства частью всеобщей истории человечества, развивающейся до этого момента личного присутствия именно в этом пространственном локусе. В стихотворении «Акрополь» (1919) лирический герой благодаря своему присутствию в историческом месте приобщается к вечности (теперь атрибутами вечности выступают не только солнце, но исторический памятник – Акрополь): «Я рад всему. Струясь в Эрехтейон, // мне льстит лазурь и моря блеск павлиний; // спускаюсь вниз, и вот запечатлен // в пыли веков мой след, от солнца синий».

Так, первоначально оппозиция север – юг в аспекте темпоральном интерпретируется как оппозиция текущего времени – остановившемуся времени, лишённому протекания – вечности. Однако по мере перемещения пространственных образов из области внешнего горизонтального измеряемого пространства в область иного мира – внутреннего пространства памяти и воображения оппозиция снимается, поскольку темпоральность севера становится идентичной темпоральности юга – время севера наделяется признаками постоянства и неизменности, перемещаясь в область памяти и воображения, таким образом, в позднем стихотворении «С серого севера» южный «каникульный рай», соотносимый со временем детства («мальчиком на приморском песке»), накладывается на мир северных усадеб Набоковых и их родственников, где проходили детство и юность В. Набокова. Движение во времени вспять знаменует восстановление пространственного мира во всех деталях – «знакомое дерево вырастает из дымки», но при этом с картографической точностью – шоссе на Лугу, Оредежь, Батово, Рождествено. Однако обретаемый мир севера существует во внутреннем пространстве памяти, в моменте навсегда остановленного прошлого, поэтому находит поэтическое выражение в символических находках маленького мальчика на южном морском берегу. Юг совмещается с севером, становясь также центром создаваемого в поэзии ментального мира, который обретает статус пространственного центра как следствие темпоральной неизменности.

Литература

1. Апресян Ю. Роман «Дар» в космосе В. Набокова // Изв. АН. Сер. лит. и яз. Т. 54. 1995. № 3. С. 3–18.
2. Джонсон Д.Б. Миры и антимирсы Владимира Набокова. [Текст]. – Санкт-Петербург, «Symposium», 2011.
3. Долинин А. «Двойное время» у Набокова (от «Дара» к «Лолите») // Пути и миражи русской культуры. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 283–322.
4. Махлина С. Семиотика культуры повседневности. URL: <http://www.syntone.ru>
5. Набоков о Набокове и прочем. Интервью. Рецензии. Эссе. М.: Независимая газета. 2002.
6. Набоков В. В. Стихотворения. Ardis: Ann Arbor, 1979.
7. Носик Б. М. Мир и дар Владимира Набокова: первая русская биография. М.: Пенаты, 1995.

УДК 82.09

Протасова Наталия Владимировна

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЖАНРА ПОСЛАНИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

В статье прослеживается динамика развития жанра послания начиная с посланий И. А. Крылова и заканчивая посланиями А. С. Пушкина, в которых данный жанр окончательно оформился и обрел основные, свойственные ему характерные признаки.

Ключевые слова: жанр, послание, дружеское послание, контаминация, адресат.

Protasova Natalya V.

THE DYNAMICS OF THE RUSSIAN EPISTLE GENRE DEVELOPMENT IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY

The article investigates the dynamics of the epistle genre development, from I. A. Krylov to A. S. Pushkin, who have fully developed and defined its basic characteristics.

Key words: genre, epistle, epistle to a friend, contamination, addressee.

Возрождение жанра послания в поэзии XIX века объясняется активизацией общественного самосознания и обострением интереса к отдельной личности, к внутреннему миру человека. Послания отражали эпоху во всех ее связях и проявлениях, давали не только психологический, но и бытовой портрет современников, стремясь при этом к значительности и объемности содержания.

Как правило, послания писались «на случай», были обращены к конкретным лицам, часто собратам по перу, что давало возможность не только продемонстрировать отношение к адресату, к его литературной деятельности, но и вступить в полемику, декларировать свою эстетическую программу, высказать суждения по тем или иным вопросам современности.

Наибольшее распространение в связи с этим получает дружеское послание. «Дружеские послания поэтов друг к другу, – как отмечает В. В. Афанасьев, – в лучших своих образцах собранные вместе, позволяют взглянуть на литературную жизнь эпохи с неожиданной и очень удобной точки зрения: как много откроется читателю деталей, оттенков, нюансов, но, конечно, прежде всего, крупного, значительного! Авторы посланий обмениваются мыслями, спорят, шутят, литературные вопросы обсуждаются со страстью, враги клеймятся беспощадно! Все оттенки чувства возникают в посланиях – от гнева и презрения до меланхолии и глубокой тоски... Дружеские послания эпохи романтизма – мир цельный, особенный, законченный. Это один из самых светлых моментов золотого века русской поэзии» [1, с. 394–395].

Предтечей дружеских посланий начала XIX века вполне обоснованно можно считать стихотворения И. Крылова («К другу моему», «Послание о пользе страстей» и др.), в которых мы находим элементы сатиры, философской оды и любовной лирики. Уже в творчестве М. Муравьева, И. Дмитриева и Н. Карамзина выявились те черты дружеского послания, которые найдут яркое воплощение в творчестве В. Жуковского, К. Батюшкова и молодого А. Пушкина. Дружеское послание этого периода создавало совершенно особый тип героя – свободного человека, наделенного конкретными, реальными чертами.

Первым стихотворным посланием этого периода стало послание В. Пушкина «К В. А. Жуковскому», написанное alexandрийским стихом. Характерен тот факт, что единственную прижизнен-

ную книгу стихотворений поэт начал разделом «Послания», а самым последним его произведением стало послание к А. Пушкину, в котором он, защищая племянника от несправедливых нападок, предсказывал ему великую славу, поздравлял с предстоящей женитьбой.

Одним из тех поэтов, кто в данный период обращался к жанру послания, был В. Жуковский, который, стремясь освоить все формы и жанры поэзии, не мог пройти мимо такого жанра, как послание. Это обращение в то же время было следствием поисков им нового, дальнейшего пути развития русской поэзии. В творческом наследии В. Жуковского около 60 посланий, которые отличаются идейно-стилевым многообразием. Здесь и философские мотивы («К Делию», «К Тибуллу»), философско-этические («К Филалету», «К Блудову», «К Плещееву»), торжественный лиризм («К Гете»), торжественное послание («Вождю победителей»), откровенно дружеские письма («К Батюшкову», «К Вяземскому») и др. В этих посланиях отразилась не только личная жизнь поэта, но и отголоски его времени, споры с литературными современниками; затрагиваются темы: поэт и поэзия, общественная польза, добро, единение, счастье, возрастает интерес к внутреннему миру человека, к «самовыражению».

В посланиях В. Жуковского нередко звучит тема элитарности искусства, а поэт изображается избранником, приобщенным к тайне, недоступной толпе (например, послание «Батюшкову»). Говоря о назначении поэзии, В. Жуковский в этом же послании заявляет: «...служенье муз Должно быть их достойно: Лишь с добрым их союз» [5, т. 1, с. 164]. Послания В. Жуковского интересны также своими лирическими отступлениями, они легки, остроумны, удивительно искренни и музыкальны, в них порой много юмора.

Послания В. Жуковского 1806–1810 гг. еще не обрели жанровой определенности, они во многом еще связаны с мадригалом сентименталистов, с элегией. В лирике В. Жуковского, по мнению А. А. Смирнова, произошла «резкая актуализация значимости тем дружбы и любви, так как они наиболее близки его внутреннему миру. Эти темы он решает как типичный романтик, который в каждом объекте чувствует родственную душу, дух братства и все же остается одиноким, так как его бесконечное стремление к самовыражению не в состоянии обрести постоянную форму» [8, с. 20].

Расцвет жанра послания в творчестве В. Жуковского приходится на 1811–1816 гг. Именно в это время создаются такие шедевры, как послания к П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину, послание «Вождю победителей», послание «Императору Александру».

Среди посланий В. Жуковского прежде всего следует выделить те, в которых явственно видна связь с традициями ораторской панегирической литературы, это послания: «Вождю победителей» (1812 г.), «Императору Александру» (1814 г.), «К кн. П. А. Вяземскому» (1814 г.), «Александру Федоровне» (1818 г.) и др., посвященные проповеди важных, по мнению их автора, общечеловеческих истин. В этих посланиях, обнаруживающих самую тесную связь с ораторским и дидактическим красноречием XVIII века, В. Жуковский охотно прибегает к целому ряду традиционных риторических приемов, богатый арсенал которых способствовал убеждению читателя с помощью экспрессивной его «обработки». Большое место в посланиях отводится внутренним переживаниям, причем, как справедливо отмечает А. А. Смирнов, «эмоции настолько сосредоточены на внутренней жизни, что герой и фон теряют границы, взаимно проникают друг в друга и образуют общую эмоциональную атмосферу» [8, с. 21].

Во многих посланиях В. Жуковского с наибольшей полнотой отразились идеалистические воззрения поэта, базирующиеся на дуализме. Причем в них проявляется неприятие окружающего мира с его несовершенством, «гнусностью» и стремление к высокому миру, миру вечных истин и ценностей. Наиболее ярким примером этого может служить его послание «Тургеневу, в ответ на его письмо».

В 1807 году появляется стихотворение Д. Горчакова «Послание к князю С. Н. Долгорукову», которое С. П. Жихарев в своем дневнике называет сатирой и отмечает, что он читал эту сатиру в доме Державина в том же 1807 году в присутствии автора, хозяина дома и Шишкова. «Колкий стих» Горчакова отмечал и А. Пушкин в своем послании «Городок».

Определяющим для судеб жанра дружеского послания стали «Мои пенаты» К. Батюшкова, написанные в 1811–1812 гг., а опубликованные в 1814 году в «Пантеоне русской поэзии» и получившие восторженный отзыв А. Пушкина, назвавшего это послание «прелестным». В то же время А. Пушкин указывал на некоторые, на его взгляд, недостатки послания, считая «главным пороком» его «слишком явное смешение древних обычаев мифологии с обычаями жителей подмосковной де-

ревни», что «друг другу уже противоречит» [6, т. 12, с. 273]. Однако то, что для А. Пушкина казалось существенным недостатком в послании К. Батюшкова, на самом деле представляло собой попытку создания единого, общего поэтического «слога», способного отразить все многообразие духовной жизни человека. «Батюшков считал, – справедливо отмечает И. З. Серман, – что перед ним стоит задача синтеза разноприродных сфер поэтического языка, и поэтому сознательно шел на «смешение», которое Пушкину через двадцать лет уже казалось художественно недопустимым» [7, с. 54].

В стихотворении К. Батюшкова ярко проявились те черты послания, которые были присущи ему на данном этапе и на которые указывал в своей известной статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» В. Кюхельбекер, давая негативную оценку «Моим пенатам» К. Батюшкова: «Послание у нас или та же элегия, только в самом невыгодном для нее облачении, или сатирическая замашка, каковы сатиры остряков прозаической памяти Горация, Буало и Попа, или просто письмо в стихах» [9, с. 97].

Послание «Мои пенаты» К. Батюшкова создает иллюзию непосредственного монолога, заранее не подготовленного, а возникшего в присутствии читателя, хотя по объему оно весьма значительно и скорее приближается к поэме. В этом послании К. Батюшков рисует образ романтического поэта, который счастлив своими друзьями, ведет уединенный образ жизни, ищет смысл жизни в любви и дружбе, чтении хороших книг, а посему презирает «надутых» князей и свет. Дружеские разговоры, радость общения несовместимы для него со скукой светского суетного и бездуховного бытия. Он привлекает «калеку и слепого», спокойно принимает удары судьбы и не страшится самой смерти. Центральным в послании становится изображение адресата, обращаясь к которому, автор выражает свой философский и жизненный идеал.

«Мои пенаты» вызвали стихотворные отклики В. Жуковского и П. Вяземского. А. Пушкин, подражая «Моим пенатам», написал в 1815 году свое послание «Городок». В нем тот же стих, те же формы, тот же лирический герой, который «философом ленивым» живет «от шума вдалеке», посвящая свое время общению с «парнасскими жрецами». В то же время нельзя не заметить, что «Городок» А. Пушкина отличается от послания К. Батюшкова тем, что в нем вместо условно-поэтических изображений дается целый ряд подробных реально-бытовых деталей.

Так, уже в «Городке», осваивая опыт «легкой поэзии», А. Пушкин ищет свои пути в освоении и усовершенствовании жанра послания. Послание стало для него жанром «уже не противоречащим большим задачам и большим жанрам литературы, эпосу и драме, как то было в поэзии непосредственно предшествовавшего периода» [9, с. 209]. Именно в пушкинских посланиях друзьям все особенности жанра проявились наиболее полно. Интонация обращения, ориентация на конкретного или условного адресата, доверительно-интимный контакт с адресатом создают впечатление предельно искренней поэтической речи. Послание строится как «разговор», что сказывается и на интонационном строении его, нередко поэтому ему присуща интонация живой, временами неровной, оглядывающейся на разговорную стихию поэтической речи. Наглядным примером может служить послание А. Пушкина к И. Пущину.

Адресат в пушкинских посланиях, как и вообще в посланиях, может выступать или как единомышленник, или как оппонент, он обязательно присутствует, даже если просто назван поэтом или только угадывается в контексте высказывания. Близость к адресату нередко усиливается недоговоренностью, ассоциативностью, упоминанием того, что должно быть известно и понятно ему с полуслова.

У А. Пушкина, как и у его собратьев по перу, можно выделить два типа полемических посланий. В одном из них предмет полемики непосредственно связан с адресатом и вызывает резкое несогласие с ним автора по самым различным вопросам общественной и культурной жизни. Таково, например, «Послание к цензору», обращенное к одному из самых тупых и трусливых цензоров А. Пушкина А. И. Бирукову, деятельность которого поэт называл «самовластной расправой трусливого дурака» [6, т. 1, с. 397]. Послание приобретает характер политической сатиры, поскольку, обращаясь к конкретному государственному чиновнику, поэт создает обобщенный образ цензора.

В полемических посланиях другого типа адресат предстает как единомышленник автора, и тогда оба совместно выступают против своих литературных и идейных оппонентов. Таково, например, послание В. Л. Пушкина «К П. А. Вяземскому», а у А. С. Пушкина примером может служить его послание «К Жуковскому».

Однако в посланиях раннего А. Пушкина, так же как и в посланиях карамзинистов, еще чувствуется некоторая условность в изображении адресата. Личное, интимное, часто преподносится в них как норма, и условность вырастает именно на этой почве. «Послание, – как справедливо считает В. А. Грехнев, – спешно формирует художественную психологию, этику и эстетику литературной группы, не позволяя себе углубляться в только что открытый мир индивидуального... Послание в этих условиях – и форма художественной пропаганды новых эстетических ценностей, и форма литературного общения. Общения единомышленников. Это обстоятельство решающее» [3, с. 125]. Примером может служить послание А. С. Пушкина «К Языкову».

Индивидуальное как в самом человеке, так и в окружающей его среде становится в послании общей литературной темой, что и приводит к стилизации быта и применению к адресату одной из выработанных новой поэтической практикой литературных схем: «поэт-отшельник», «эпикурец», «философ», «ленивец» и т. п. Обращение к адресату как стилизованной личности давало возможность автору послания продемонстрировать гармоничную общность жизнеощущения, под знаком которого и формировалась поэзия лицейского братства и «арзамасского» содружества. Однако условный литературный образ в контексте послания обязательно перекликался с реальными, хотя и предельно обобщенными чертами адресата. Ярким образцом этого является «Послание к Галичу» А. Пушкина (1815 г.). Если мы сведем воедино те определения, которыми А. Пушкин характеризует Галича («верный друг бокала и жирных утренних пиров», «мудрец ленивый», «любовник наслаждений», «парнасский бродяга», «минутный домосед», «театрал», «друг мудрости прямой», «поклону ты не сроден», «философ благодарный», «мудрец»), то реальные черты адресата проступят настолько отчетливо, что перед нами возникнет конкретный герой – адъюнкт-профессор философии А. И. Галич. Образ адресата уже достаточно индивидуализирован. Название конкретного адресата послания позволяет опереться в его восприятии на контекст пушкинской биографии и творчества одновременно.

Следует отметить, что в 20–30-е годы в посланиях А. Пушкина проявляется стремление к большей индивидуализации адресата, что позволило ему показать неповторимость человеческого «Я», сложность и многогранность чужих духовных миров, однако и тогда поэт не отказался «от привычки рядить своих адресатов в знакомый лицейский маскарад» [3, с. 127–128].

Общение с адресатом в пушкинских посланиях, как правило, осуществляется с помощью монологической речи, рассчитанной на живой отклик, соучастие, что, по существу, предполагает ориентацию на диалог, хотя фактического реплицирования ответов собеседника нет.

Стихотворные послания А. Пушкина могут быть восприняты как своеобразная поэтическая летопись, в которой не только дан психологический и бытовой портрет интеллигента XIX века, но и отражена историческая эпоха. В связи с этим В. С. Баевский отмечает: «Первым посланием «К Чаадаеву» Пушкин показал, что и в этом жанре легкой поэзии он способен выразить самые радикальные идеи своего времени. Речь идет об уничтожении самодержавия революционным путем» [2, с. 97]. Это самое известное послание А. Пушкина к П. Чаадаеву было далеко не единственным стихотворным обращением к нему поэта, который чрезвычайно дорожил этой дружбой. «Твоя дружба заменила мне счастье, одного тебя может любить холодная душа моя», – записал он 18 июня 1821 года в своем дневнике [6, т. 1, с. 500]. В послании «Чаадаеву», написанном в этом же году, он признается: «Тебя недостает душе моей усталой». Характерной чертой пушкинских посланий к П. Чаадаеву явилось сочетание жанровых признаков послания, оды и элегии.

Огромный общественный резонанс имело послание А. Пушкина «В Сибирь», адресованное ссыльным декабристам, в котором поэт не только не отрекся от своих убеждений и от своих друзей-декабристов, но и старался поддержать их, заверить, что их «скорбный труд» и «дум высокое стремленье» не пропадут, что свою роль в освобождении народа они сыграют.

Эти послания А. С. Пушкина с полным основанием можно назвать политическими посланиями. Они носят характер политических манифестов, деклараций передовых взглядов декабристов. Этому подчинена вся система композиционно-стилевых средств, которые использует А. Пушкин (ораторский пафос, обращения, призывы, утверждения и т. п.). Таким политическим посланием можно назвать и стихотворение К. Рыльева «К временщику» (1820 г.).

На грани двух жанров – элегии и дружеского послания – стоит стихотворение А. Пушкина «19 октября», удивительное по своей музыкальности, богатству мыслей и разнообразию поэтически выраженных чувств.

Рассматривая послания А. С. Пушкина и поэтов его окружения, мы находим немало примеров контаминаций послания и элегии, послания и оды, послания и эпиграммы, послания и мадригала. Однако следует отметить, что при этом послание не утрачивает своей самостоятельности.

Послания А. Пушкина, став фактом литературной и общественно-политической жизни России того времени, оказали громадное воздействие на формирование эстетических взглядов и мировоззрения не только современников, но и его преемников, во многом предопределив перспективу развития жанра послания.

К концу 30-х годов XIX века послания утрачивают свои позиции, хотя на протяжении всего XIX и начала XX века были предприняты попытки возродить жанр поэтического послания.

Литература

1. Афанасьев В. В. «К другу стихотворцу». (О дружеском стихотворном послании эпохи романтизма) // Афанасьев В. В. Свободной музы приношенье. М.: Современник, 1988.
2. Баевский В. С. История русской поэзии. 1730–1980. Смоленск: Русич, 1994.
3. Грехнев В. А. Болдинская лирика Пушкина (1830 год). Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1980.
4. Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники.: в 2 т. Т. 1. М., 1984.
5. Жуковский В. А. Сочинения: в 3 т. М., 1980.
6. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.: АН СССР, 1940.
7. Серман И. З. Батюшков «Мои пенаты». Послание к Жуковскому и Вяземскому // Поэтический строй русской лирики. Л.: Наука, 1973.
8. Смирнов А. А. Романтический принцип «самовыражения» в лирике В. А. Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII – начала XIX века. М.: Наука, 1988.
9. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.663.23

Артамошина Юлия Викторовна**САМООЦЕНКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ
И ИХ РЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИНАМИ, ВЫПОЛНЯЮЩИМИ
ТРАДИЦИОННЫЕ И НЕТРАДИЦИОННЫЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РОЛИ**

Данная статья посвящена постановке профессиональных целей, занимающих одно из центральных мест в становлении личности и деятельности. Женщины, выполняющие традиционные и нетрадиционные профессиональные роли, по-разному оценивают свои профессиональные цели и ориентированы на разную их реализацию.

Ключевые слова: профессиональные цели, профессиональная сегрегация, гендерные профессиональные роли.

Artamoshina Julia V.**SELF-RATING OF THE PROFESSIONAL PURPOSES AND THEIR REALIZATION
OF THE WOMEN PERFORMING TRADITIONAL AND NON-TRADITIONAL
PROFESSIONAL ROLES**

Statement of the professional purposes is one of the most important things in the formation of personality and activity. Women who perform traditional and non-traditional professional roles differently estimate their professional purposes and are aimed at different implementation of professional purposes.

Key words: professional purposes, professional segregation, gender professional roles.

Постановка жизненных, в частности профессиональных, целей занимает одно из центральных мест в структуре и процессе становления личности и ее деятельности. Немаловажную роль в этом играет реализация поставленных целей, которые выступают в качестве жизненных и профессиональных ориентиров. На основании эффективности данной реализации осуществляется оценка самооффективности. Одним из признаков самооффективности человека является его стремление к успеху, который зависит от понимания намеченной цели, максимального сосредоточения на реализации цели собственной деятельности, использования своего потенциала, опыта достижений [3].

В настоящее время существуют довольно устойчивые представления о том, какие профессиональные занятия являются «мужскими», а какие «женскими», то есть в общественном сознании присутствуют унифицированные представления о гендерных ролях и «естественном» разделении труда по половому признаку. Более того, само наименование профессии зачастую отражает её гендерную принадлежность [1].

Понятие «профессиональная сегрегация» связано с анализом неравноценной представленности мужчин и женщин в профессиональной структуре и вызванных этим неравенств в отношении оплаты труда мужчин и женщин и в отношении других профессиональных характеристик [2].

В приводимой ниже таблице (по данным И. Козиной) отражена специфика гендерного аспекта профессиональной сегрегации.

Таким образом, в обществе существуют устойчивые социальные представления относительно гендерных профессиональных ролей. Эти представления задают специфику распределения мужчин и женщин в различных профессиональных сферах, а также разницу в их статусных положениях. Однако в настоящее время женщины все чаще стали выбирать не «женские» виды профессиональной деятельности. Поэтому, вызывает особый интерес изучение представлений об успехе и карьерных ориентаций женщин, выполняющих традиционно «женские» и традиционно «мужские» профессиональные роли. С данной целью нами было проведено эмпирическое исследование самооценки профессиональных целей и их реализации женщинами, выполняющими традиционные и нетрадиционные профессиональные роли. В нем приняли участие 210 женщин, проживающих в г. Брянске и Брянской области, в возрасте от 19 до 60 лет.

Таблица 1

Специфика гендерной профессиональной сегрегации

Мужские профессии		Женские профессии	
Названы женщинами	Названы мужчинами	Названы женщинами	Названы мужчинами
Начальник	Начальник	Учитель	Учитель
Хирург	Коммерсант	Ученый	Бухгалтер
Летчик	Военнослужащий	Бухгалтер	Экономист
Бизнесмен	Сварщик	Терапевт	Врач
Водитель	Электрик	Библиотекарь	Воспитатель д/с
Милиционер	Водитель	Воспитатель д/с	Медсестра
Водолаз	Каменщик	Швея	Парикмахер
Слесарь	Токарь	Продавец	Повар
Токарь	Слесарь	Диспетчер	Косметолог
Шахтер	Сантехник	Секретарь	Водитель трамвая
Рабочий	Сталевар	Оператор ЭВМ	Кладовщица
Прессовщик	Строитель газопровода	Кондуктор	Няня
Каменщик	Грузчик	Уборщица	Мойщица посуды
Резчик	Чернорабочий		Уборщица
Такелажник			
Экскаваторщик			
Строитель			

На основании данных эмпирического исследования И. Козиной, полученных в ходе собственного опроса результатов, а также статистических данных за 2012 год о занятости мужчин и женщин в тех или иных профессиях, все респонденты были разделены на две группы. Первая группа – женщины, выполняющие традиционные профессиональные роли (123 человека). В нее вошли респонденты со следующими профессиями: воспитатель детского сада, секретарь, медицинская сестра, бухгалтер-экономист, учитель, уборщица. Вторая группа – женщины, выполняющие нетрадиционные профессиональные функции (87 человек). В нее вошли респонденты со следующими профессиями: руководитель, оперативный работник УВД, дознаватель, инспектор УВД, сотрудник следственного изолятора, специалист вневедомственной охраны, военнослужащий, предприниматель.

Для проведения исследования нами использовалась методика «Самооценка реализации жизненных целей личности» Н. Р. Молочникова [4]. Для подтверждения статистической значимости различий использовался ϕ -критерий Фишера.

На основе проведенного исследования были получены следующие результаты.

Все респонденты в целом имеют достаточно четкое представление о своей работе, ее целях, задачах и пр. Однако лишь 64 % женщин, выполняющих традиционные профессиональные роли, утверждают, что данная работа помогает им в достижении других, значимых для них жизненных целей. При этом среди женщин, выполняющих нетрадиционные профессиональные роли, число респондентов с подобной точкой зрения достигает 80 % ($\phi=2,562$, $p \leq 0,01$). Как показали результаты исследования страха успеха у респондентов (ранние наши исследования), каждая пятая женщина, выполняющая традиционные профессиональные роли, имеет высокую степень неудовлетворенности своей профессиональной ролью. Поэтому больше трети женщин этой группы убеждены, что данная работа не дает им возможности удовлетворить свои потребности и реализовать намеченные жизненные цели.

Обозначая собственные цели развития, женщины с традиционными профессиональными ролями в большей степени ориентируются на самообразование. Для них немаловажную роль играет получение высшего образования. Его наличие является важным обстоятельством, с точки зрения женщин, выполняющих традиционные профессиональные роли, которое позволяет человеку достичь успеха ($\phi=4,589$, $p \leq 0,01$).

23 % женщин этой группы отмечают, что никаких целей развития не ставят, а также вообще стремятся сменить работу ($\phi=4,761$, $p \leq 0,01$). Подобные высказывания характерны только для тех женщин данной группы, которые считают, что их работа никаким образом не помогает достигать других жизненных целей. Таким образом, можно констатировать, что неудовлетворенность своей профессиональной деятельностью приводит к отсутствию планирования собственного профессионального роста.

В группе женщин, выполняющих нетрадиционные профессиональные роли, наибольшую ценность имеют цели, связанные с профессиональным ростом и карьерными продвижениями (43 % респондентов) ($\varphi=8,18$, $p\leq 0,01$). Данные тенденции проявляются также в представлениях об успехе (ранние наши исследования): американская модель успеха, которая в данной группе респондентов является доминирующей, предполагает карьеризм, который дает возможность реализовать свои способности и занять прочное социальное и экономическое положение. При этом половина женщин, удовлетворенных своей профессиональной ролью, отмечают наличие подобных целей, тогда как женщины, считающие, что их деятельность не помогает достичь других жизненных целей, в большей степени ориентированы на труд как собственную цель развития.

Рассматривая перспективы выполнения имеющейся профессиональной деятельности, через 10 лет треть женщин (34 %) с традиционными профессиональными ролями указали на тот вид деятельности, которым в данный момент занимаются. На наш взгляд, данная группа женщин либо воспринимает сложившиеся обстоятельства как должные, традиционные и не чувствует собственной ответственности за их изменения, либо неудовлетворенность профессиональной ролью определенным образом подавляется наличием высокого интереса к работе, возможностью делать что-то на благо обществу, помогать людям и пр. (советская модель успеха).

Треть респондентов (32 %) отмечали, что будут выполнять другой вид деятельности. При этом лишь 11 % женщин данной группы, считающие, что их профессиональная деятельность помогает в осуществлении других жизненных целей, утверждают, что будут выполнять интересную, любимую работу, в отличие от женщин, выполняющих нетрадиционные профессиональные роли ($\varphi=2,79$, $p\leq 0,01$). Ориентации на более высокооплачиваемые виды труда у женщин с традиционными профессиональными ролями не было выявлено, хотя материальная обеспеченность фигурировала как необходимый признак образа успешной женщины.

В группе женщин, выполняющих нетрадиционные профессиональные роли, 23 % испытуемых остались бы на той же работе. Сменить работу пожелали лишь 7 % женщин ($\varphi=4,761$, $p\leq 0,01$). 20 % женщин данной группы ориентированы на интересную, любимую работу. Кроме того, среди респондентов этой группы выявлена ориентация на прибыльную, высокооплачиваемую работу (17 %) ($\varphi=6,067$, $p\leq 0,01$).

На вопрос «Имеете ли вы воодушевление к работе?» приблизительно одинаковое количество женщин, выполняющих традиционные и нетрадиционные профессиональные роли, ответили утвердительно (84 % и 83 % соответственно). Однако, более половины респондентов (56 %), выполняющих традиционные профессиональные роли, считающих, что их профессиональная деятельность не помогает достигать других значимых жизненных целей, не имеют достаточной мотивации к работе. При этом среди женщин, удовлетворенных своей профессиональной деятельностью, все (100 %) чувствуют эмоциональный подъем по отношению к тому, чем занимаются ($\varphi=11,213$, $p\leq 0,01$). Среди женщин с нетрадиционными профессиональными ролями, даже удовлетворенных своей профессиональной деятельностью, 12 % испытуемых ощущения воодушевления не чувствуют. Возможно, это связано с серьезными физическими, интеллектуальными и эмоциональными нагрузками, которые испытывает женщина, выполняя традиционно «мужскую» профессиональную роль.

Анализируя факторы, побуждающие к работе, следует отметить следующее: наиболее значимым фактором оказался материальный достаток. При этом женщины, выполняющие традиционные профессиональные роли, при ответе на вопрос «Что меня побуждает к работе сейчас?» в основном использовали такие понятия, как «нужда», «материальные трудности», а женщины, выполняющие нетрадиционные профессиональные роли, использовали понятия «доход», «материальное обеспечение» ($\varphi=2,291$, $p\leq 0,01$). Это в какой-то степени показывает, что женщины с традиционными профессиональными ролями вынуждены работать, дабы обеспечить более или менее стабильное материальное положение семьи. Женщины с нетрадиционными профессиональными ролями рассматривают материальный достаток как определенного рода свободу.

«Значимость», «призвание», «любовь», «самореализация» и «творчество» рассматривают в качестве побуждений к работе только те женщины, которые удовлетворены своей профессиональной деятельностью. При этом, подобные мотиваторы проявляются как у женщин с традиционными профессиональными ролями, так и у женщин с нетрадиционными профессиональными ролями. На основе этого можно сделать вывод, что основным фактором, который приводит к возникновению неудовлетворенности профессией у женщин, выполняющих традиционные профессиональные роли, является ограниченность материальных средств, низкое материальное положение.

Женщины, выполняющие нетрадиционные профессиональные роли, указывают такие побуждения, которые совершенно не фигурируют в ответах респондентов другой группы. Это такие мотиваторы, как «общение», «общественное признание», «содержание профессиональной деятельности». Кроме этого, в данной группе испытуемых 7 % женщин отметили, что совершенно всё в их работе выступает в качестве побуждающего фактора ($\varphi=3,825$, $p\leq 0,01$).

Отвечая на вопрос «К каким мероприятиям я могу прибегнуть, чтобы убедиться, что моя работа в ближайшие годы будет отвечать моим потребностям?» 50 % женщин с традиционными профессиями ответили «не знаю» ($\varphi=10,211$, $p\leq 0,01$). Таким образом, в представлениях этих респондентов отсутствует определенность в критериях оценки перспективности их профессиональной деятельности в процессе реализации их основных потребностей. При этом данный ответ фигурирует как у женщин, удовлетворенных своей профессиональной ролью, так и считающих, что их работа не помогает в достижении других значимых целей. У женщин, выполняющих нетрадиционные профессиональные роли, подобных представлений не выявлено. Таким образом, женщины, выполняющие традиционные профессиональные роли, затрудняются в определении степени надежности той профессиональной деятельности, которую они выполняют.

Треть женщин (34 %) с традиционными профессиональными ролями для усиления уверенности в будущем считают необходимым прибегнуть к самосовершенствованию, повышая собственную самооценку ($\varphi=5,06$, $p\leq 0,01$). 2 % испытуемых данной группы убеждены, что их профессиональная деятельность никогда не будет отвечать их потребностям ($\varphi=2,02$, $p\leq 0,05$).

Представления женщин, выполняющих нетрадиционные профессиональные роли, отражают такие составляющие работы, которые способствуют реализации их потребностей: «общение с начальством» (13 %) ($\varphi=5,267$, $p\leq 0,01$), «прогнозирование, изучение различного рода документации» (10 %) ($\varphi=4,589$, $p\leq 0,01$), «осознание собственных потребностей и потребностей близких» (10 %) ($\varphi=4,589$, $p\leq 0,01$). Кроме того, 10 % испытуемых данной группы утверждают, что в дополнительных мерах проверки удовлетворенности своей профессией в будущем они совершенно не нуждаются ($\varphi=4,341$, $p\leq 0,01$). То есть, имеется достаточно высокая степень уверенности в том, что даже спустя определенное время тот род профессиональной деятельности, которым они занимаются, будет удовлетворять имеющиеся потребности.

Необходимо также отметить, что количество факторов для проверки надежности собственной профессиональной деятельности у женщин, выполняющих нетрадиционные профессиональные роли, намного больше. Возможно, это связано с тем, что женщины данной группы чувствуют себя более свободно и комфортно в исполнении своих профессиональных ролей, они находят больше средств и разрабатывают большее количество стратегий для поддержания собственной уверенности в завтрашнем дне и при необходимости имеют возможность быстро среагировать на изменившиеся обстоятельства. Кроме того, в данном случае проявляется «когнитивная сложность» женщин данной группы, которая также проявлялась при изучении представлений об успешной женщине.

В целом, обобщая представления респондентов о своих жизненных целях в рамках профессиональной деятельности, можно отметить, что женщины, выполняющие традиционные профессиональные роли, в большей степени, ориентируются на получение образования и самосовершенствование. Возможно, это связано с тем, что только 25 % из них имеют высшее образование. Они в большей степени стремятся к смене профессиональной сферы, основным мотиватором для них является избегание «нужды». Хотя в целом, их привлекает тот вид профессиональной деятельности, который они выбрали. Но при этом они не чувствуют уверенности, что их работа позволит им удовлетворять свои потребности в будущем.

Женщины, выполняющие нетрадиционные профессиональные роли в основном ориентированы на профессиональный рост и построение карьеры. Они в целом удовлетворены своей профессиональной ролью и считают, что она помогает им достигать не только целей профессиональной деятельности, но и других жизненно важных, значимых для них целей. Респонденты чувствуют воодушевление к работе, при этом основным побуждающим фактором (мотиватором) считают материальную обеспеченность, которая дает им определенную свободу. Кроме того, они могут использовать целый ряд различных средств для прогнозирования того, будет ли их профессиональная роль давать ту же стабильность, что и в настоящий момент.

Литература

1. Клецина И. С. Гендерная социализация. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 1998. 96 с.
2. Козина И. М. Профессиональная сегрегация: гендерные стереотипы на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 126–136.
3. Конюхова Т. В., Конюхова Е. Т. Социально-психологический контекст целеполагания субъекта // Известия Томского политехнического университета. 2011. № 6. С. 157–162.
4. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., Издательство Института Психотерапии, 2005. 544 с.

УДК 316.6

Белая Ольга Петровна

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ ЛИЧНОСТИ

В статье представлены результаты исследования влияния психологических особенностей личности на структуру и содержание информационного поля. Выявлены теоретические основания необходимости перехода от исследования отдельных психологических феноменов личности, обусловленных медиавоздействием, к изучению таких многомерных, целостных структур, как содержание картины мира современного человека. Исследованы особенности информационных предпочтений и их обусловленность возрастными критериями личности, потребностями, мотивацией, особенностями медиавосприятия и др.

Ключевые слова: информационное пространство, информационное поле, медиареальность, медиавосприятие, социальная позиция личности.

Belaya Olga P.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY'S INFORMATION FIELD

This article presents the results of the research on the influence of the personality's psychological characteristics on the structure and content of a person's information field. We discovered theoretical bases for the necessity of the transition from the research of separate psychological phenomena of the personality, determined by the media influence, to the research of multidimensional, integral structures such as the content of the world view of modern man. We researched specifics of the informational preferences determined by age, necessities, motivation of the personality, media perception etc.

Key words: information space, information field, media reality, media perception, social position of personality.

Влияние средств массовой информации (СМИ) на личность как научная проблема была обозначена еще в первой половине XX века. По мере развития современных видов и технологий массовой коммуникации, по мере погружения личности в информационное пространство, расширялся спектр научных исследовательских направлений. В контексте обозначенной проблематики сформировались такие исследовательские направления, как структурный функционализм (П. Лазарсфельд, Г. Лассуэлл, Р. Мертон и др.), критическое направление (Т. Адорно, А. Грамши, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер и др.), конструкционистское направление (Р. Бер, Ч. Боск, Ш. Иенгар, М. Маккомбс, Д. Шоу и др.), феноменологическое направление (Х. Молотч, М. Лестер Д. Элтейд и др.). Комплексные исследования СМИ представлены в работах отечественных ученых Т. Я. Аникеевой, Л. В. Матвеевой, Ю. В. Мочаловой, М. М. Назарова, Л. Н. Федотовой и др.

Большинство современных психологических исследований посвящено научному описанию отдельных феноменов личности, возникающих под влиянием СМИ: просоциального поведения, агрессии, эмпатии, различных по модальности эмоциональных состояний и т. д. Однако степень включенности источников информации в жизнедеятельность современного человека позволяет говорить о существовании информационного пространства и его влиянии в целом на содержание картины мира современного человека.

Методологию исследования информационного пространства личности определяют фундаментальные психологические исследования Г. М. Андреевой, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова и др., исследования массовой коммуникации Ж. Бодрийяра, К. Лоренца, Г. Маклюэна и др.

А. Н. Леонтьев [3], в концепции построения образа мира выделил пять объективных его измерений – три пространственных, одно временное и одно субъективное – смысловое поле. Если по отношению к информации о пространственных характеристиках объективной реальности человек может быть относительно свободен, то есть он может материально зафиксировать их и манипулировать с ними, то построение картины мира по оси времени затруднительно в связи с тем, что образы постоянно ускользают. Способность современных СМИ фиксировать образы, длящиеся во времени, преодолевает барьер несвободы во временной размерности картины мира.

Человек получает возможность использовать зафиксированные перцептивные впечатления, воспроизводящие некие события с опорой на межмодальные сигналы (зрительные, слуховые и тактильные) для увеличения презентативности субъективной картины мира [4, с. 125].

Теоретические положения о конструировании медиареальности в своих исследованиях предложил Г. Маклюэн. По мнению автора, в процессе потребления продуктов медиакультуры способности человека выносятся за его пределы, приобретают собственную (далекую от человеческой) логику и навязывают ему эту логику, хочет он того или нет [5].

1. Ж. Бодрийяр, опираясь на работы Г. Маклюэна, пришел к выводу, что медиареальность оперирует не образами, а знаками действительности, т. е. опирается на принцип выбора и презентации только того, что смыкается с системой определяющих ценностей общества. Такая медиареальность уничтожает событие в его объективной практической ипостаси и представляет его как конструкт, выражающий политические, культурные и иные дискурсы [1]. По словам Ж. Бодрийяра, знаковая медиареальность отодвинула реальность жизненного опыта. Для человека, живущего в потоке знаковых событий, события являются свершившимися и реальными, если они транслированы, опосредованы масс-медиа, а иначе они остаются не включенными в картину мира этого человека и просто не существуют для него.

2. М. Де Флер и С. Болл-Роукич еще в конце 70-х г. XX века, в рамках разработанной модели медиависимости утверждали, что в современном обществе зависимость индивидов от СМИ как источника новостей и информации непрерывно возрастает. Уровень зависимости индивидов от СМИ и интенсивность медиавоздействия тесно связаны со стабильностью или нестабильностью общества, степенью социальной важности, которая придается масс-медиа как источнику информации, а также с их способностью удовлетворять пять человеческих потребностей: потребность в понимании окружающего социума, потребность действовать в рамках социума осмысленно и эффективно, потребность в игре, потребность в эстетическом удовольствии, потребность на время освободиться от давления повседневных проблем. Чем больше в удовлетворении этих потребностей люди полагаются на СМИ, тем выше их зависимость от них. Соответственно, чем выше зависимость, тем сильнее средства массовой информации воздействуют на чувства, сознание и поведение аудитории [10].

В психологическом отношении информационное пространство характеризуется как субъект-субъектная реализация информации. И. М. Дзялошинский говорит о наличии субъекта, «рисующего» границы своего информационного пространства. В качестве такого субъекта могут выступать индивиды, группы индивидов, общности, классы, нации, различные социальные институты, которые имеют свои информационные потребности и информационные интересы, информационный статус, информационную позицию [2]. В контексте социального подхода информационное пространство рассматривается как поле социальных отношений.

И. А. Яременко рассматривает информационное пространство как объективную и субъективную реальность. При этом субъектом деятельности в его границах является личность. Роль смыслообразующего фактора выполняет информация, а ее регулирование, плотность, подвижность, мера доступности определяются социальной потребностью. Автор замечает так же, что информационное пространство личности определяется спецификой носителей или продуцентов информации.

Важным является вывод о том, что информационное пространство есть результат жизнедеятельности всего человечества, и в этом его объективная сторона. Субъективность заключается в том, как и каким образом человек воспринимает и осознает события в структуре информационного пространства. По мнению автора, это «модель информационного пространства, существующая в сознании конкретного индивида, индивидуальное восприятие индивидом окружающего информационного мира, отношение к этому миру [9].

С социально-психологической точки зрения, отдельные индивиды и массы в определенных ситуациях демонстрируют информационное поведение, обусловленное определенной «программой». Она содержит в себе различные информационные нормы и ценности, которые, по мнению

И. М. Дзялошинского, опираются на традиции и привычки, воспринимаемые как образцы поведения [2, с. 7]. «Программа» лежит в основе информационной позиции индивидов. В свою очередь, информационная позиция влияет на информационное поведение субъекта, при этом он может «импровизировать», следуя своей определенной цели. Таким образом, поведение субъекта, с одной стороны, определяется наличием информационной позиции, а с другой – субъект сам выбирает варианты информационного поведения в рамках этой позиции [2, с. 30].

В социально-психологических исследованиях комплексных проблем человека, литературных образов (В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев, М. М. Бахтин и др.) позиция личности рассматривается через систему отношений к собственной жизнедеятельности, к другим людям, к социальной реальности и как элемент системы ценностей. В этой связи информационная позиция личности выступает частью жизненной позиции личности – совокупностью жизненных отношений, ценностей, идеалов и т. д.

Позиция как точка зрения, мнение по какому-либо вопросу, определенная оценка события, устойчивая система отношений человека к действительности проявляется в поведении и поступках.

Информационная модель реагирования индивида на явления действительности, его восприятие и поведение в информационном пространстве зависят от его личностных характеристик и индивидуальных свойств. Картина мира, формируемая средствами массовой информации в информационном пространстве, как особый тип реальности выступает, в свою очередь, средством формирования поведенческих и ментальных реакций людей на события повседневности, способ производства и воспроизводства культуры, форму управления и самоуправления самой социальной системы.

С понятием информационного пространства как субъективной реальности связано понятие информационного поля. В исследованиях Е. А. Ракитиной, В. Ю. Лысковой категория «информационное поле» трактуется как субъективное отражение информационного пространства в сознании индивида и его деятельности [6]. Развитие информационного поля человека происходит в течение всей его жизни. В это понятие включаются мысли, планы, интуитивные догадки, чувства, желания, представления, озарения личности. Информационное поле характеризуется индивидуальными психологическими особенностями: типом восприятия, памяти, стилем мышления, быстротой реакции и т. д.

Проведенное нами исследование направлено на выявление психологических особенностей информационного поля личности через выявление своеобразия его структурных элементов.

В исследовании приняло участие 200 человек – жители Ставропольского края. В соответствии с исследовательским замыслом, среди испытуемых были выделены три возрастные группы: 21–25 лет; 31–45; 71–77 лет. По нашему мнению, в них можно отчетливо проследить различия в информационном поведении личности. Среди принявших участие в исследовании женщины составили 63 %, мужчины – 37 % от общей численности выборки.

Использовались следующие методы: методика диагностики типа эмоциональной реакции на воздействие стимулов окружающей среды В. В. Бойко, методика исследования жизненных позиций, анкетирование (авторский вариант), содержащее систему открытых вопросов для выявления информационных предпочтений, техника личного интервьюирования, контент-анализ материалов анкетирования и интервью.

В результате ранжирования СМИ по критерию «Основной источник информации» испытуемые отдали предпочтение Интернету, затем телевидению и на третьем месте – радио. Количественное соотношение представлено на рис. 1.

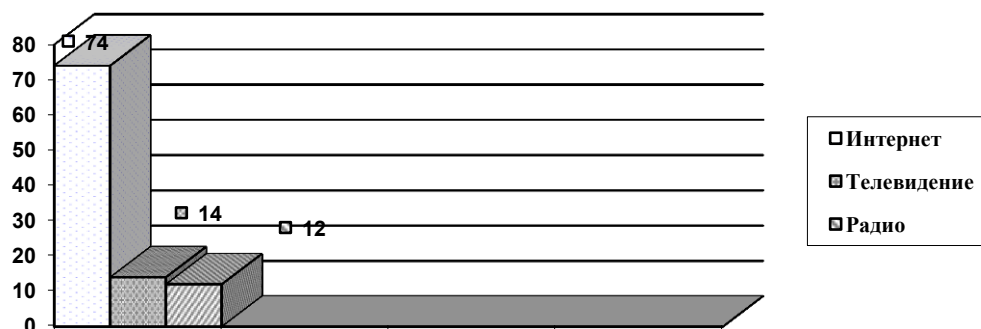

Рис. 1. Количественное соотношение предпочтений испытуемых по критерию «Основной источник информации»

Как видно из рисунка, 74 % испытуемых отметили в качестве основного источника информации Интернет, среди них 100 % испытуемых в возрасте от 21 года до 25 лет, 67 % – в возрасте 31–45 лет и 7 % респондентов возрастной группы 71–77 лет. Телевидению отдали предпочтение 14 % и радио – 12 %. Телевидение и радио названы в качестве основных источников информации преимущественно испытуемыми в возрасте от 71 года до 77 лет.

Информационные предпочтения, формирующие смысловое поле личности, представлено десятью тематическими направлениями (рис. 2).

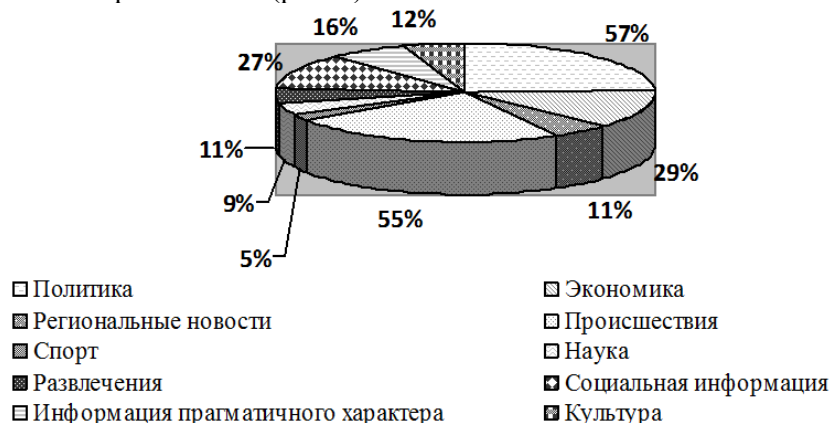

Рис. 2. Тематические предпочтения испытуемых

Как видно из рис. 2, в большей степени внимание испытуемых привлекает информация о событиях в сфере политики (57 %) По мнению участников исследования в возрасте от 21 года до 45 лет, ориентация в политических событиях оценивается в коллективах как компетентность. В этой связи желание выглядеть компетентными выступает в качестве мотива обращения к политической тематике в СМИ.

Политическая проблематика, вызвавшая интерес испытуемых, представлена местными новостями о политических событиях края и региона, а также международные отношения России и США, Европы, стран Ближнего Востока и др.

В группе участников исследования в возрасте от 71 года до 77 лет мотивами обращения к теме политических событий являются оценочные аспекты политического курса, как своей страны, так и других стран мира. В суждениях явно прослеживается сравнение с политическими событиями доперестроечного периода. На наш взгляд, такой подход в полной мере согласуется с ведущим видом деятельности в геронтологическом периоде.

Тема происшествий оказалась значимой для 55 % лиц, принявших участие в исследовании. В качестве мотива обращения к теме испытуемые указали потребность в безопасности. Типичными объяснениями повышенного внимания к информации о происшествиях служат высказывания: «Информация о происшествиях помогает выработать способы безопасного поведения», «Формирует готовность к чрезвычайным ситуациям», «Повышает бдительность» и др. Наиболее значимыми проблемами этого информационного блока для испытуемых оказались: коррупция, теракты, преступность, техногенные аварии. Основными мотивами обращения к этой проблематике в СМИ являются: страх войны, готовность к безопасному поведению, желание убедиться в справедливости, принимаемых мер, интерес.

Отражение в СМИ событий в экономике и социальной сфере интересуют 29 % и 27 % респондентов соответственно. Особый интерес представляют публикации аналитического характера, прогнозы развития этих сфер, позволяющие определить перспективы будущего для каждого испытуемого с учетом его актуального социального статуса и потребностей.

В результате исследования индивидуально-психологических особенностей испытуемых, чьи информационные предпочтения сосредоточены в этих сферах в возрасте от 21 года до 45 лет, выявлено, что 83 % из них переживают кризис нереализованности, не видят перспектив роста в профессиональной сфере, испытывают затруднения в обретении желаемого социального статуса. Анализ проблемно-тематической направленности информации внутри экономического и социального кон-

тента и способов реагирования на сообщения в СМИ показал, что у данной группы отмечается высокий уровень идентификации с героями информационных сообщений, событиями и т. д.

Информация прагматического характера интересует 16 % испытуемых, среди них преимущественно женская аудитория в возрасте 31–45 лет и от 71 года до 77 лет. Тематами культурной жизни интересуются 12% испытуемых, событиями в научной сфере – 9 %, информацией развлекательного характера и региональными новостями – по 11 % принявших участие в исследовании.

Важным аспектом исследования является определение особенностей восприятия информации, способов реагирования на события, что предопределяет способы информационного поведения испытуемых. Используя классификацию уровней медиавосприятия, предложенную А. В. Федоровым [8] были получены следующие результаты (рис. 3).

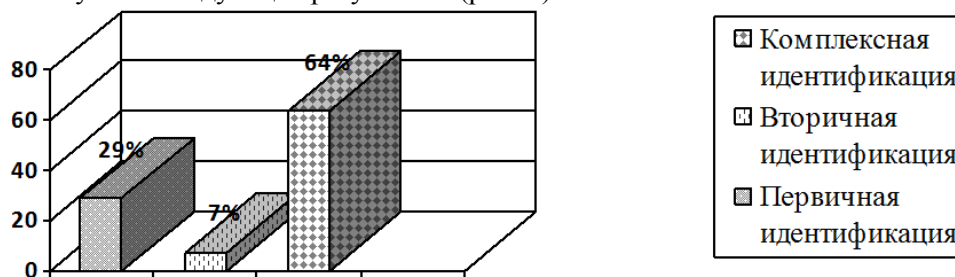

Рис. 3. Уровни медиавосприятия

Исходя из представленной диаграммы, 29 % ($m_p=3$ %) отметили, что эмоционально переживают сообщения в СМИ. Характерными эмоциональными состояниями, вызванными информационными сообщениями являются: раздражение (38 % испытуемых), страх – 27 %, удовольствие – 14 %, удивление – 12 %, гнев 6 %, отвращение – 3 %. Испытуемые отождествляют действительность с содержанием медиатекста. Эти признаки характеризует уровень первичной идентификации.

7 % ($m_p=2$ %) респондентов отождествляют себя или своих близких с персонажами медиатекста, глубоко сопереживают им, стараются понять мотивы их поступков, что характерно для уровня вторичной идентификации.

Таким образом, образование и функционирование информационного поля – это сложный, глубоко индивидуальный процесс, обусловленный многочисленными факторами различной природы. По данным нашего исследования, для каждой возрастной группы тематические предпочтения определяются особенностями социальной позиции личности, мотивацией, возрастными критериями и актуальным ситуативным психическим состоянием личности.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, 2006. 269 с.
2. Дзялошинский И. М. Информационное пространство России: состояние, структура, тенденции развития. М.: Изд-во Фонда Карнеги, 2001. 30 с.
3. Леонтьев А. Н. К психологии образа // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 1986. № 3. С. 72–76.
4. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) / пер. с нем. Г. Ф. Швейника. М.: Прогресс, 1994. 272 с.
5. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: КАНОН-пресс, 2003. 462 с.
6. Ракитина Е. А., Лыскова, В. Ю. Информационные поля в учебной деятельности // Информатика и образование. 1999. № 1. С.19–25.
7. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология человека. М.: Школа-Пресс, 1995. 384 с.
8. Федоров А. В. Медиаобразование и медиаграмотность. Таганрог: Изд-во Кучма, 2004. 340с.
9. Яременко И. А. Организационно-педагогические условия формирования социальной активности личности средствами массовой информации: дис. ... канд. пед. наук. Магнитогорск, 2000. С. 41–42.
10. Ball-Rokeach S. & De Fleur M. L. A dependency model of mass media effects. Communication Research. 1965. Vol. 3. P. 3–21.

УДК 796.012.1:37.037

Ворожбитова Александра Леонидовна

ДВИГАТЕЛЬНАЯ РЕКРЕАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье дан анализ понятия «двигательная (физическая) рекреация» и охарактеризован стоящий за ним комплекс проблем; выявляются противоречия между утвердившимся в конце XX века комплексным подходом к рекреации и необходимостью обстоятельного изучения ее физической природы. Двигательная рекреация не должна растворяться в общем потоке досуговой деятельности, а осознаваться в своем своеобразии. В статье обосновывается важность точного терминопотребления в сфере двигательной рекреации для практики физической культуры.

Ключевые слова: рекреация, физическая рекреация, двигательная рекреация, виды физической культуры, современная практика физической культуры.

Vorozhbitova Aleksandra L.

MOTIONAL RECREATION AS THE ISSUE OF MODERN PHYSICAL EDUCATION PRACTICE

In this article the analysis of motional (physical) recreation notion and complex of problems have been characterized. Contradictions between comprehensive approach which was consolidated in the end of XX century and necessity of detailed study its physical nature are revealed. Motional recreation shouldn't open in the general stream of leisure activity, but realizes in its peculiarity. In this article significance of exact term application in the sphere of motional recreation is based for the practice of physical education.

Key words: recreation, physical recreation, motional recreation, kinds of physical education, modern practice of physical education.

Как известно, формирование понятий является важнейшим фактором развития методологии науки о физической культуре. Осмысление проблемы, стоящей за понятием в тех или иных областях данной науки, является стимулом для дальнейшего их развития. К числу таких понятий, сравнительно новых для специалистов, относится понятие «двигательная (физическая) рекреация», анализ которого, как и выявление встающих за ним проблем, относится к актуальным задачам современного физкультурного образования.

Основными материалами для данной статьи послужили работы в области физической рекреации, опубликованные в отечественной научной литературе по физической культуре. Обобщение литературных источников позволило уточнить существенные признаки понятия в сравнении с имеющимися дефинициями.

Понятие «рекреация» в отечественной науке и практике стало утверждаться в конце 1980-х гг. Характерно, что только в 1986 году газета «Советский спорт» поместила информационно-разъяснительную статью «Что такое рекреация». Долгое время при точности буквального перевода латинского слова *recreation* (восстановление) в отечественных толковых словарях фиксировались явно односторонние или даже устаревшие смыслы: помещение для отдыха и игр учащихся во время перемен, или, например, название-синоним самой перемены и/или каникул. Теперь это слово получило новый смысл с пометкой «спец»: «отдых, восстановление сил после труда» и сопровождалась информацией о том, что во многих странах рекреация становится крупной отраслью экономики. Как общенаучное понятие «рекреация» стало популярным к концу XX века, причем в разных науках, в том числе в географии, где ее рекреационное направление обозначает отрасль социально-экономической географии, изучающую территорию, особенности деятельности людей, направленной на восстановление и развитие физических и духовных сил (отдых, туризм и т. п.).

В России представители разных направлений рекреации, как правило, уточняют свою позицию, о чем свидетельствуют даже названия работ: Саранча М. А. Концептуальное определение понятия «рекреация»: взгляд географа (2009); Саранча М. А. Рекреационный потенциал Удмуртской республики: географический анализ и оценка (2006); Зорин И. В. Рекреационная сущность экологического туризма (2012).

Успешно развивалась и теория физической рекреации как вида физической культуры, которая стимулировалась пониманием движения как основы жизни. Одна из первых диссертаций по про-

блеме рекреации «Физическая рекреация как часть физической культуры» была защищена Л. Пиотровски еще в 1980 г. Позже большой вклад в развитие теории двигательной рекреации внесли исследования Ю. П. Галкина «Проблемы физической рекреации и неспецифического физкультурного образования работников промышленного производства» (СПб, 1997), М. Г. Бердуса «Формирование теории физической рекреации в контексте основ ее метатеории» (М., 1999), С. Н. Реховской «Физическая рекреация как фактор самореализации личности взрослого человека» (СПб., 2007); вышла в свет монография Ю. Е. Рыжкина «Социально-психологические проблемы физической рекреации» (СПб., 2005) и др. Выводы теоретиков получили отражение и в учебной литературе. Среди учебных пособий в этом плане выделяются неоднократно переизданные пособия «Теория и методика физической культуры» (СПб, 2007), в котором концепция физической рекреации изложена В. М. Выдриным; Ж. К. Холодова, В. С. Кузнецова «Теория и методика физического воспитания и спорта» (М., 2011), где имеется специальный раздел «Теория и методика оздоровительной, рекреативной и реабилитационной физической культуры».

Необходимо учесть и критически оценить объем понятия «рекреация», которым пользуются зарубежные исследователи, которые, как правило, не выявляют дефиниции этого понятия. Обратимся к обстоятельному обзору О. Андреевой «Анализ зарубежных концепций развития рекреации» (2009). Автором приведен анализ концептуальных моделей развития досуга и рекреации во Франции, Польше, странах Азии. Системный анализ позволил провести углубленное изучение научных школ по исследованию рекреации, выявить и охарактеризовать их основные концептуальные парадигмы, рассмотреть особенности развития научных исследований в области рекреации. Но О. Андреева справедливо указывает на то, что в большинстве случаев речь идет об организации досуга в широком смысле этого слова. Она подчеркивает, что в зарубежных научных школах не используют термин «физическая рекреация» для обозначения вида двигательной деятельности в часы досуга [1, с. 87].

В широкой печати среди примеров рекреации на Западе приводятся французские костюмированные балы из эпохи Людовика XIV или Наполеона, роскошь отелей или отелей-поездов, декорированных под ту или иную историческую эпоху. Как справедливо заметил М. Г. Бердус в указанном выше исследовании, «трансформации семантической наполняемости «рекреации» в сторону экскурсионного международного туризма ... расходятся с представлениями о ее семантике и наглядном значении» [1, с. 40].

Однако, говоря о практической деятельности в области физической рекреации, мы имеем в виду не углубленное изучение ее теории, а, прежде всего, уточнение понятийного аппарата. Очевидно, что понятия «рекреация» в целом и рекреация как вид физической культуры нуждаются в дальнейшей теоретической разработке и новой интерпретации. Теоретико-методологической основой для данного исследования может служить монография В. П. Лукьяненко «Терминологическое обеспечение развития физической культуры в современном обществе» (М., 2008), призывающая к корректному *терминоупотреблению*. Нельзя не согласиться и с теми, кто считает, что неуточненное использование отдельных терминов неправомерно не только с точки зрения содержания информации, которую они несут: оно негативно сказывается на ряде аспектов оценочной деятельности [2]. В нашем контексте прежде всего необходимо соотнести понятия «физическая рекреация» и «двигательная рекреация». Первое определение вошло в научный оборот, как уже говорилось, в 1980-е годы, второе, утвердившееся в двухтысячные, не отменяет первое. Под физической рекреацией понимаются «любые формы двигательной активности, направленные на восстановление сил, затраченных в процессе профессионального труда» [4], и цитируемый автор в формулировке этого определения опирается на работы В. М. Выдрины, А. Д. Джумаева, Б. В. Евстафьева, А. А. Калинкина, В. В. Матова, А. С. Орлова и др. Из сказанного можно сделать вывод, что определения «физическая» и «двигательная» рекреация являются *синонимами*, но в последние годы определение «двигательная рекреация» стала получать большее распространение.

Необходимо также отказаться от нерасчлененности понятия «рекреация», которое можно встретить в публикуемых материалах, например, в исследовании активных видов туризма (Д. Г. Гладких, 2009), хотя автор имеет явное отношение к сфере физической культуры. В другой работе, принадлежащей коллективу петербургских авторов, посвященной адаптивной двигательной рекреации, наряду с гимнастикой, «нордической ходьбой», перечисляются такие виды совместного

досуга, как занятия литературным творчеством, музыкотерапия, пение, составление сценариев праздников, рисование, рукоделие, что, строго говоря, к двигательной рекреации отношения не имеет, но это в статье никак не оговаривается.

Двигательная рекреация не должна растворяться в общем потоке рекреационной индустрии, при характеристике которого собственно двигательная (физическая) рекреация, например, в общих энциклопедических словарных статьях, сегодня подчас никак не обозначена. Здесь уместно воспользоваться суждением А. Н. Леонтьева, которое по другому поводу недавно напомнили В. И. Столяров и С. Д. Неверкович [5, с. 34–35]: «Конечно, комплексный подход к человеку является не только возможным, но и научно оправданным, – говорил выдающийся специалист в области человековедения. – Однако никакое комплексное исследование не в состоянии заменить *собой тот или иной специальный раздел знаний, входящий в данный комплекс*» (курсив наш, А. В.). Это было сказано еще в 1974 г., но как будто в предвидении сегодняшней ситуации с двигательной рекреацией.

Отсутствие четких представлений о том, какие именно виды физкультурно-спортивной деятельности могут составить содержание двигательной рекреации, порой мешает и объективности общих выводов. Так, в исследовании баланса научного интереса к различным группам нозологических патологий отмечено, что за 30 лет рекреационным занятиям детей и подростков, страдающих умственной отсталостью, посвящено всего 3 процента проведенных диссертационных исследований. Однако в этом подсчете проявилась нечеткость классификации предметного поля диссертаций, т. к. спортивные и подвижные игры (18 %), лыжные гонки (6 %) (проценты подсчитаны тем же автором в том же контексте) могут решать и рекреационные задачи. К сожалению, в заглавиях опубликованных работ можно встретить *рядоположное* употребление *соподчиненных* понятий: «рекреация и туризм», «рекреация и подвижные игры» и т. д., тогда как двигательная рекреация как вид физической культуры включает в себя различные виды физкультурно-спортивной деятельности, которые в зависимости от сферы их применения могут преследовать различные цели: не только учебно-тренировочные, соревновательные, но и рекреационные и др. Очевидно, в каждом конкретном случае должна учитываться полисемия того или иного традиционного понятия по отношению к разным видам физической культуры, обозначающего вид физкультурно-спортивной деятельности.

Обратим внимание на тезис В.П. Лукьяненко: «По отношению к уроку физической культуры основная направленность не может быть никакой другой, кроме образовательной. Когда же речь идет о физическом воспитании в целом, то его направленность, конечно же, может и должна быть тренирующей или рекреационно-оздоровительной» [3, с. 106].

Стимулом к развитию истории и теории физической рекреации должны стать примеры положительной динамики терминопотребления. Стремление к разграничению и уточнению понятий, связанных с двигательной рекреацией, наметилось еще в конце 1990-х гг. Так, коллектив авторов А. А. Федякин, Ж. Г. Кортова, Л. К. Федякина (Сочи, 1998), занимающийся оздоровительным туризмом, очень четко разграничил понятия «туризм рекреационный», «оздоровительный туризм» и «реабилитационный туризм»; сегодня этот перечень определений пополняется понятием «адаптивный туризм». Обращаясь к такой разновидности двигательной рекреации, как адаптивная, те же авторы дают четкое определение технологии адаптивной двигательной рекреации как особой формы прикладного научного знания и уточняют, что в этом случае исследователи имеют дело уже с *компонентом* адаптивной физической культуры [6].

Наряду со смысловым наполнением понятия «туризм» в зависимости от вида физической культуры можно отметить также взаимосвязь между самими видами физической культуры, так как адаптивная двигательная рекреация, адаптивная реабилитация – понятия, утвердившиеся в связи с возрастающей популярностью адаптивной физической культуры, понимаемые как ее компоненты – как раз и являются следствием взаимодействия и взаимообогащения разных видов физической культуры.

Таким образом, в современной практике физической культуры, проблема двигательной рекреации заключается в необходимости разработки всего спектра ее дефиниций, отражающего сложные системные отношения понятий в области физической культуры в точности терминопотребления, что, несомненно, будет способствовать повышению не только теоретического уровня исследований, но и уровня двигательной рекреации как вида деятельности.

Литература

1. Андреева О. Анализ зарубежных концепций развития рекреации (на укр. яз.) // Теорія і методика фізического виховання і спорту. 2009. № 4. С. 85–88.
2. Исаев А. П., Черепов Е. А., Кабанов С. А., Потапова Т. В. Формирование понятий как фактор развития методологии науки о физическом воспитании // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2008. № 2. С. 70–72.
3. Лукьяненко В. П. Терминологическое обеспечение развития физической культуры в современном обществе. М.: Советский спорт, 2008. С. 106.
4. Рыжкин Ю. Е. К вопросу о понятии феномена «Физическая рекреация» // Теория и практика физической культуры. 2001. № 4. С. 55–57.
5. Столяров В. И., Неверкович С. Д. Претенциозная, но неудачная попытка переосмысления базовых основ теории физической культуры (критические заметки) // Теория и практика физической культуры. 2011. № 1. С. 32–36.
6. Федякин А. А., Кортова Ж. Г., Федякина Л. К. Адаптивная двигательная рекреация взрослого человека в санитарно-курортных условиях: проблемы и пути их решения // Адаптивная физическая культура. 2012. № 3. С. 24–27.

УДК 159.9.075

Костанова Любовь Юрьевна, Белых Татьяна Викторовна

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ АДАПТИВНОСТИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ К УСЛОВИЯМ ИНФОКОММУНИКАЦИИ

В статье представлены данные эмпирического исследования, направленного на изучение особенностей внутриуровневых связей в структуре интегральной индивидуальности старших школьников с разной степенью принадлежности к сетевой субкультуре, позволяющих выявить различия в способах актуализации адаптивного ресурса личности.

Ключевые слова: интегральная индивидуальность, адаптивность, инфокоммуникация, сетевая субкультура.

Kostanova Lyubov Y., Belyh Tatiana V.

PERSONAL FACTORS OF ADAPTABILITY OF THE HIGH SCHOOL STUDENTS TO THE CONDITIONS OF INFOCOMMUNICATIONS

This article presents the empirical research aimed at studying the features of inter-level connection in the structure of integral individuality older schoolchildren with varying degrees of belonging to a network subculture that identify differences in the methods of updating the adaptive resource person.

Key words: integral individuality, adaptability, infocommunication, network subculture.

Одной из отличительных черт нашего времени является глобальная компьютеризация общества, в том числе и образования, практически каждое образовательное учреждение оснащено компьютерами и компьютерными сетями, практически каждый подросток имеет доступ в сеть Internet с компьютера или мобильного телефона. Глобальная сеть предлагает подросткам множество разнообразных услуг и сервисов: социальные сети, игры online, поиск музыки, фильмов на любой вкус, виртуальное общение в чатах, на форумах, где можно найти собеседника на любую тематику.

Подросток может сам для себя устанавливать время, продолжительность, правила общения в сети Интернет, где становятся незначимыми пол, возраст, социальный статус и внешние данные. Огромное количество свободного времени, как правило, заполняется различными видами инфокоммуникации. Виртуальный мир очень привлекателен для подростка, так как далек от действительности, здесь легко исправить любые ошибки, можно за несколько часов завести огромное количество знакомых, без труда получить информацию.

Психологические механизмы воздействия информационных технологий на человека являются объектом тщательного анализа в современной науке. При этом на смену локальному анализу, предметом которого являются отдельные психические процессы, навыки, операции или конкретные действия, пришел анализ преобразований на глобальном уровне, в том числе преобразований моти-

вационно-личностной сферы пользователей информационных технологий и их личности в целом, а также психологических механизмов, отвечающих за такое преобразование [1].

Как влияет степень погруженности в процесс инфокоммуникации на особенности личности подростка, и какие адаптивные ресурсы могут быть актуализированы за счет развития субъектных свойств личности? Эта проблема позволила сформулировать цель настоящего исследования – выявить в сравнительном аспекте особенности личностных характеристик, способствующих актуализации адаптационного ресурса у подростков в зависимости от степени включенности в процесс инфокоммуникации.

Исследование было проведено в 2012 году в г. Ставрополе, в опросе приняли учащиеся старших классов в количестве 190 человек.

Для организации и проведения исследования использовались следующие методы:

- многофакторный опросник FPI;
- методик F диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда;
- методика «Восприятие интернета», разработанная Щепиловой Е.А.

При обработке эмпирических данных школьники были разделены на две группы по частоте пользования сети Интернет:

1 группа – школьники с высокой степенью принадлежности к сетевой субкультуре.

2 группа – школьники с низкой степенью принадлежности к сетевой субкультуре.

Личностные характеристики, способствующие актуализации адаптационного ресурса у старших школьников изучались в структуре интегральной индивидуальности. В табл. 1, 2 представлены данные корреляционного анализа показателей личностного уровня интегральной индивидуальности, отражающие взаимные внутриуровневые связи в структуре сформированных личностных черт.

Таблица 1

Взаимосвязь показателей личностного уровня интегральной индивидуальности у школьников с высокой степенью принадлежности к сетевой субкультуре

Показатели	Свойства личности	Депрессивность	Раздражительность	Реактивная агрессивность	Общительность	Спонтанная агрессивность	Косвенная агрессия	Открытость	Доминирование	Уход от проблем	Внутренний контроль
FPI	Общительность	-0,56									
	Невротичность	0,45	0,57		-0,48	0,55				0,53	-0,44
	Экстраверсия-интроверсия								0,54		
	Феминность				0,40		0,59				
	Маскулинность							-0,42			0,52
Адаптивность	Адаптивность				0,54			0,42		-0,55	
	Принятие себя	-0,44									0,50
	Принятие других		-0,42	-0,44				0,49			
	Эмоциональный комфорт	-0,43							0,55		
	Внутренний контроль		-0,54						0,51		
	Доминирование	-0,51									

Согласно полученным данным, в группе школьников с высокой степенью принадлежности к сетевой субкультуре выявлено 25 корреляционных связей.

Адаптивность личности с высокой степенью включенности в интернет-коммуникацию обеспечивается общительностью, открытостью и низкой выраженностью стремления уходить от проблем. У школьников данной группы невротичность увеличивается по мере увеличения раздражительности, депрессивности, спонтанной агрессивности и, напротив, уменьшается, если сформированы такие качества личности, как общительность и внутренний контроль поведения. Способность к актуализации внутреннего локуса контроля проявляется при выраженной маскулинности и принятии себя, а также низкой раздражительности и выраженной способности к доминированию, что формирует соответствующий симптомокомплекс свойств в структуре личностного уровня и отражает наличие одно- и многозначных связей на исследуемом уровне интегральной индивидуальности.

Наличие одно- и многозначных связей в структуре личностного уровня у школьников данной группы позволяет говорить о наличии адаптационного ресурса, раскрывающегося в особенностях взаимовлияния указанных личностных характеристик. Целенаправленное педагогическое воздействие при наличии снижения адаптивности личности и при наличии угрозы интернет-аддикции целесообразно осуществлять с учетом выявленных многозначных связей в структуре показателей личностного уровня интегральной индивидуальности. Для усиления адаптивных возможностей личности в старшем школьном возрасте необходимы меры по развитию способности к внутреннему самоконтролю поведения, общительности и открытости в процессе осуществления контактного взаимодействия, так как «принятие себя» положительно коррелирует с выраженным внутренним контролем, а принятие других с открытостью в общении и снижением агрессивности в условиях реальной интеракции.

Эмоциональный комфорт личности обеспечивается низкими показателями склонности к депрессии и высокими показателями доминантности, которая предполагает проявление экстраверсии в ситуациях реального общения.

В табл. 2 представлены данные корреляционного анализа личностных характеристик у школьников с низким уровнем принадлежности к сетевой субкультуре.

Таблица 2

Взаимосвязи показателей личностного уровня интегральной индивидуальности у школьников с низкой степенью принадлежности к сетевой субкультуре

Показатели	Свойства личности	Общительность	Раздражительность	Спонтанная агрессивность	Депрессивность	Уравновешенность	Маскулинность	Принятие других	Принятие себя	Реактивная агрессивность	Внутренний контроль
FPI	Общительность						0,45				
	Раздражительность			0,48							
	Невротичность		0,78	0,54							
	Спонтанная агрессивность		0,39				0				
	Депрессивность		0,63	0,46		-0,49					
	Уравновешенность				-0,49						
	Открытость		0,40								
Адаптивность	Принятие других	0,67				0,55					
	Адаптивность	0,58						0,57		-0,62	0,55
	Эмоциональный комфорт	0,58						0,48	0,55		
	Внутренний контроль								0,51		
	Доминирование			0,43					0,56		
	Уход от проблем							-0,57	-0,45		
	Принятие себя							0,52			

Согласно полученным данным, в группе школьников с низкой степенью принадлежности к сетевой субкультуре выявлено 27 корреляционных связей.

Адаптивность у старших школьников с низкой степенью принадлежности к сетевой субкультуре, как и в предыдущей выборке, связана с выраженной общительностью, при этом в отличие от школьников с высокой степенью включенности в интернет-коммуникацию обеспечивается высокой степенью принятия себя и наличием внутреннего локуса контроля. Невротичность проявляется, но только во взаимосвязи с раздражительностью и спонтанной агрессивностью. В свою очередь спонтанная агрессивность увеличивается по мере возрастания склонности к депрессивности или доминирования. В данной подгруппе «принятие себя» положительно коррелирует с «принятием других» и эмоциональным комфортом, и отрицательно, со стремлением уйти от возникающих проблем. В отличие от школьников сравняемой группы, общительность связана у школьников с низким уровнем включенности в интернет-коммуникацию с маскулинностью, а не с фемининностью личности, а доминантность – с принятием себя, при одновременно возможном проявлении спонтанной агрессивности. Более высокие значения маскулинности свойственны школьникам с низкой включенностью в интернет-общение, что соответствует данным исследования гендерных особенностей субъекта инфокоммуникации, полученных нами ранее на выборке студентов [2].

Наличие указанных связей в структуре личностного уровня интегральной индивидуальности, позволяет говорить о симптомокомплексах свойств, обеспечивающих успешную адаптацию личности в условиях социального взаимодействия и тех ресурсах, которые могут быть реализованы при организации психолого-педагогического сопровождения развития личности в условиях информатизации образования.

Так, опираясь на полученные данные можно говорить, что в независимости от уровня включенности в интернет-коммуникацию старшие школьники могут иметь одинаковый уровень адаптивности и невротичности, но реализация адаптивных возможностей и характер актуализации адаптивного ресурса личности осуществляются по разному. Школьники с высокой степенью принадлежности к сетевой субкультуре обеспечивают адаптивность за счет сохранения потребности в общении, открытости в реальной коммуникации и «ухода от проблем». Адаптационный ресурс школьников погруженных в интернет-коммуникацию может быть актуализирован, если осуществляется развитие внутреннего локуса контроля, коммуникативной компетентности, обеспечивающей отказ от агрессивных действий и возможность реализовать потребность в общении через контактное взаимодействие.

Школьники с низким уровнем включенности в интернет-коммуникацию обеспечивают адаптивность за счет общительности, «принятия других», сформированного положительного образа «Я» и наличия внутреннего локуса контроля, что говорит о более выраженной коммуникативной компетентности и более устойчивом и адекватном образе «Я». Эффективность психолого-педагогического сопровождения учебной деятельности в условиях информатизации образования зависит от учета личностных факторов, обеспечивающих условия успешной адаптации за счет развития субъектных свойств – коммуникативной компетентности, внутреннего локуса контроля, адекватного образа «Я» у школьников в зависимости от уровня погруженности в процесс инфокоммуникации.

Литература

1. Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е., Смаслова О. В. Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в интернете / под ред. А. Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 11–39.
2. Белых Т. В., Енгибарян Л. С. Специфика межуровневых связей в структуре индивидуальности субъекта инфокоммуникации в зависимости от гендерных различий // Потенциал личности: комплексная проблема: материалы XI Международной научной конференции (20 апреля 2012 г.). Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. С. 212–218.

УДК 378:796.01

Кудря Александр Дмитриевич, Белова Любовь Владимировна

СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье проведен анализ приоритетных направлений модернизации профессиональной подготовки специалистов физической культуры в контексте реализации здоровьесберегающих технологий, рассмотрены возможные направления его оптимизации с позиции компетентностного подхода.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, здоровьесберегающие технологии, образовательный процесс, специалист в сфере физической культуры.

Kudrya Aleksandr D., Belova Lyubov V.

CONTEMPORARY ASPECT OF THE MODERNIZATION OF PROFESSIONAL TRAINING OF PHYSICAL CULTURE SPECIALISTS IN THE CONTEXT OF HEALTH-SAVING TECHNOLOGIES

This article analyzes the priority directions of modernization of professional training of physical culture specialists in the context of medical health-saving technologies and possible directions of its optimization of optimization from the perspective of competence-based approach

Keywords: professional training, specialist in the sphere of physical culture, health saving technologies, organizational and practical activities, educational process, recreational functions

В учебных заведениях за период пребывания более 80 % обучаемых приобретают «школьные» болезни, связанные с нарушением дыхательной, сердечно-сосудистой, эндокринной и нервной систем, органов пищеварения, зрения, опорно-двигательного аппарата и др.

Исторический ракурс процесса здоровьесбережения в системе образования свидетельствует о том, что данная область познания в педагогике имеет довольно широкий круг исследователей и характеризуется в современном мире переходом отечественных ученых на технологический подход к его реализации [1; 3; 4; 5; 6].

В разработке здоровьесберегающих технологий ведущим считается комплексный подход, который учитывает все негативные факторы являющиеся источником возникновения угроз здоровью обучаемых. К одной из таких технологий отнесено и оптимальное использование средств физической культуры в системе физического воспитания. Однако при организации физического воспитания в структурах образования здоровьесберегающая функция специалистов физической культуры не считается приоритетным направлением в профессиональной деятельности [6].

В системе высшего профессионального образования подготовка специалистов физической культуры к реализации здоровьесберегающей и здоровьескорректирующей функций на основании исследований В. К. Бальсевича, В. М. Блинова, М. Я. Виленского, Ю. Д. Железняка, А. Г. Комкова, Б. Ф. Курдюкова, Л. И. Лубышевой, В. П. Лукьяненко, В. А. Магина, А. Я. Найн, Г. Н. Пономарева, Р. А. Пилюяна, Г. М. Соловьева, И. В. Тихоновой, О. М. Шелкова и др. свидетельствует о том, что в России созданы некоторые предпосылки к этому виду деятельности.

Однако, проанализировав научно-методическую литературу по проблемам подготовки специалистов физической культуры для практической реализации оздоровительной ее функции в системах образования, мы можем сделать вывод о том, что большинство исследователей считают существующие системы по-прежнему несовершенными [2; 6].

Специальное образование выпускников вузов физкультурного профиля в области реализации оздоровительной функции физической культуры не составляет единой системы знаний и владения технологиями в реальной практической деятельности учителя. Теоретические знания, умения и навыки в этой сфере не образуют гармоничной целостности, ведущие идеи и тенденции передового педагогического опыта в здоровьесбережении и технологиях его применения в практической деятельности специалистов недостаточно оперативно и своевременно осмысливаются в учебном процессе.

Таким образом, по мнению таких ученых в сфере физической культуры, как В. К. Бальсевич, М. Я. Виленский, В. А. Магин, Л. И. Лубышева, Г. М. Соловьев, системообразующим направлением выхода из кризисного состояния здоровья учащейся молодежи является оптимизация системы подготовки будущих специалистов физической культуры, обеспечивающая их необходимым уровнем знаний, программно-ориентировочных и операционально-содержательных умений и навыков; целенаправленная осознанная деятельность по внедрению педагогических здоровьесберегающих технологий, что компенсирует отсутствие современного комплексного представления о здоровьесберегающей деятельности специалистов физической культуры, отсутствие соответствующих программ и образовательных технологий по подготовке системой высшего профессионального образования специалистов в данной области.

Представляется, что стратегия теоретического обоснования, выбора и практического внедрения определенной здоровьесберегающей системы в структуры образования не может быть реализована без соответственно подготовленных специалистов физической культуры, готовых к правильному принятию решения и воплощению руководяще-образовательных задач, в том числе и с использованием оздоровительных средств физической культуры.

Современный переход на многовариантное и многоуровневое структурирование ВПФО открывает возможности для реализации требований, относящихся прежде всего к фундаментальной подготовке специалиста физической культуры в сфере здоровьесбережения. В этом плане квалификационные требования с определенной коррекцией и дополнениями могут рассматриваться в качестве основных для бакалаврского образовательно-профессионального уровня подготовки специалиста в области физической культуры (независимо от его будущей специализации и профилизации) [3].

С позиции теории оптимальности педагогического процесса в создании целостного представления будущего специалиста в области физической культуры о предстоящей профессиональной деятельности в сфере практической реализации здоровьесбережения и здоровьескорректирования обучаемых в системе образования, и тем самым обеспечения его профессиональной компетентности необходимо было произвести пересмотр учебного материала и рациональности методов его подачи в процессе обучения. При этом за основу были взяты модель здоровьесберегающей системы образования, а также структура и содержание курса культуры здорового образа жизни, по Г. М. Соловьеву и Н. И. Соловьевой, способствующие формированию эрудиции будущего специалиста в области физической культуры [6].

Основным требованием, выступающим нормативной основой содержательной части образовательно-профессиональной подготовки специалиста в области здоровьесбережения, является приобретение выпускником компетентности в практической реализации оздоровительной функции физической культуры.

Гарантами становления такого вида профессиональной компетентности выступают: соотношение теоретической и практической подготовки; соотношение объема, состава, содержания общепрофессиональной, общенаучной и специальной подготовки.

К основным задачам в профессиональной деятельности специалистов в области физической культуры в системе образования в контексте здоровьесбережения обучаемых необходимо отнести:

- 1) организационно-практическую деятельность по реализации диагностики и контроля медико-биологического и функционального состояния здоровья обучаемых;
- 2) анализ результатов диагностики состояния здоровья обучаемых и распределение по группам здоровья, видам и степеням заболеваний;
- 3) процесс разработки здоровьесберегающих технологий, включающий в себя выявление факторов неблагоприятно влияющих на здоровьесбережение;
- 4) практическую здоровьесберегающую деятельность;
- 5) формирование мотивационно-ценностного отношения обучаемых к индивидуальному здоровью и процессу его сохранения.

Следовательно, исходя из необходимости решать вышеобозначенные задачи, компетентность специалиста физической культуры при реализации здоровьесберегающих технологий должна включать в себя, по нашему мнению, педагогическую, специальную, личностную и социальную составляющие, которые, в свою очередь, на основании исследований таких ученых, как И. Г. Грачев, А. А. Деркач, В. Ф. Енгальчев, Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, А. В. Муханов и др., можно также разделить на ключевые компетенции.

Для обеспечения решения данных задач будущему специалисту физической культуры в контексте здоровьесбережения предлагается включить на завершающем этапе обучения в вузе (8–9-й семестры обучения) специальный курс, обеспечивающий фундаментализацию и интеграцию образования по практической реализации оздоровительной функции физической культуры в системе образования. В спецкурсе рассматриваются средства, способы и формы профессиональной деятельности на основе здоровьесберегающих технологий.

Таким образом, к одному из ведущих направлений оптимизации процесса подготовки специалистов физической культуры к реализации здоровьесберегающей деятельности можно отнести процесс переориентации оценки результатов образования с понятий «образованность», «готовность», «подготовленность», «общая культура», «воспитанность» на понятия «компетенция» и «компетентность» обучающихся.

Что, в свою очередь, требует перехода от квалификационной (характеризующей готовность специалиста к профессиональной деятельности) к компетентностной (характеризующей наличие и уровень профессиональной компетентности) модели подготовки специалиста на основании того, что компетентностная модель наименее привязана к конкретному объекту и предмету труда и обеспечивает более высокую мобильность выпускников в изменяющихся условиях рынка труда.

Соответственно применяемый в исследовании компетентностный подход ориентирует систему профессионального образования на совершенно иные результаты обучения: на определенный набор компетенций, показывающий, что именно выпускник будет знать, понимать и способен делать после завершения процесса обучения. Акцент в образовании ставится на формирование такой системы и структуры мыслительной, практической и нравственной деятельности, которая позволит будущим специалистам самостоятельно ориентироваться во все возрастающем потоке учебной и научной информации, свободно адаптироваться к быстро меняющимся социально-экономическим и технологическим условиям.

Использование моделирования, избранного как наиболее оптимальный и экономичный способ фиксации научного знания, позволило нам разработать функционально-логическую модель, представляющую собой оптимизированную систему подготовки специалиста физической культуры к реализации оздоровительного потенциала физической культуры на основе компетентностного подхода, используя который мы выбираем определенный способ (метод) их формирования.

В структуру содержательной части модели подготовки специалиста физической культуры в области здоровьесбережения мы включили: профессиональные здоровьесберегающие задачи, которые приходится решать специалисту физической культуры; профессиональные здоровьесберегающие компетенции как обобщенные характеристики основных профессиональных обязанностей специалиста; виды профессиональной здоровьесберегающей деятельности, при помощи которых специалистом решаются задачи и реализуются компетенции; средства и способы решения профессиональных здоровьесберегающих задач.

Внедрение разработанной модели в учебный процесс позволит, по нашему мнению, обеспечить более качественный образовательный уровень будущего специалиста физической культуры в контексте реализации здоровьесбережения.

Литература

1. Антропова М. В., Кузнецова Л. М., Манке Г. Г. Состояние здоровья школьников // *Magister*. 2009. № 3. С. 48–55.
2. Магин В. А. Контекст модернизации высшего профессионального физкультурного образования // *Теория и практика физического воспитания*. 2005. Ч. 4. С. 39–41.
3. Образование и здоровье: целевая комплексная программа г. Ставрополя на 2002–2006 годы. Ставрополь: Изд-во КЭБЦ, 2002. 39 с.
4. Смирнов Н. К. Здоровьесберегающие образовательные технологии и психология здоровья в школе. М.: АРКИ, 2005. 320 с.
5. Смирнов Н. К. Здоровьесберегающие образовательные технологии в работе учителя и школы. М.: АРКТИ, 2003. 272 с.
6. Соловьев Г. М., Соловьева Н. И. Здоровьесберегающая система образования в обеспечении здоровья и формирования культуры здорового образа жизни учащихся: монография. М.: Илекса, 2007.

УДК 355.13

**Тенищева Вера Федоровна, Цыганко Елена Николаевна,
Кузнецова Юлия Сергеевна**

ФОРМИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ МОРСКОГО СПЕЦИАЛИСТА В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассмотрена специфика подготовки морского специалиста с позиций интегративно-контекстного подхода. Обоснована структура взаимосвязи форм учебной деятельности, организационных форм и технических средств обучения для освоения профессиональных типовых задач в поликультурной среде.

Ключевые слова: эмоционально-волевая устойчивость, профессиональное общение, поликультурная среда, интегративно-контекстный подход, технические средства обучения, типовая задача труда.

**Tenishcheva Vera F., Tsyganko Elena N., Kuznetsova Yuliya S.
DEVELOPMENT OF THE EMOTIONAL AND VOLITIONAL STABILITY OF A MARINE
SPECIALIST IN MULTICULTURAL ENVIRONMENT**

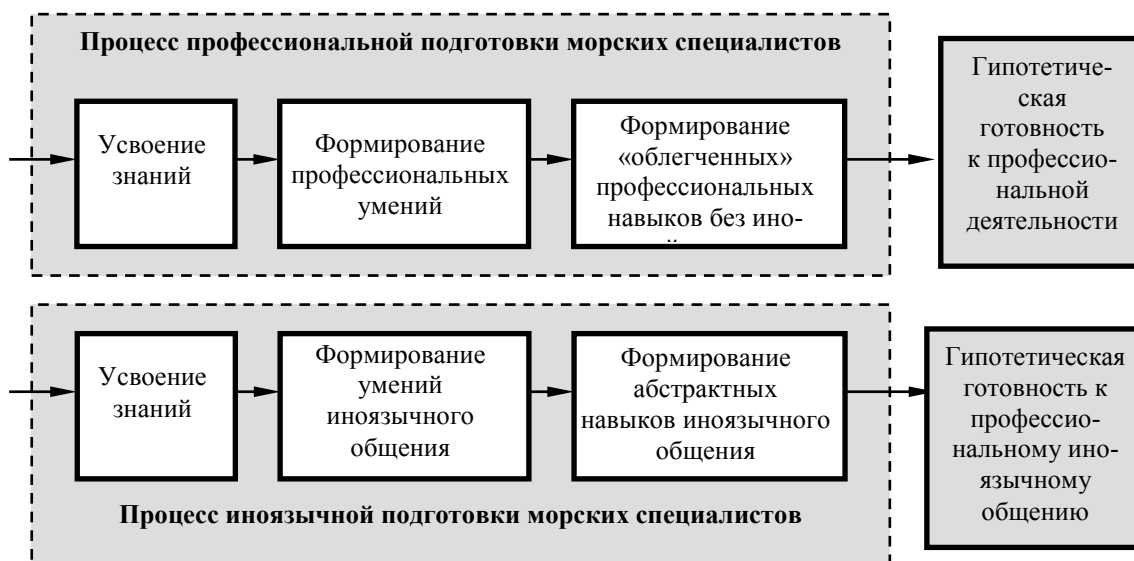
Integrative context approach to marine specialist training has been analyzed in the article. A scheme of relationship of educational models, organizational forms and technical training means for acquisition of professional typical tasks in multicultural environment has been developed.

Key words: emotional and volitional stability, professional communication, multicultural environment, integrative context, technical training means, typical professional tasks.

В современных условиях происходит процесс глобализации международных связей, расширение разного рода контактов между морскими специалистами различных государств. Команды судов мирового флота все чаще становятся многонациональными. Однако экспертная оценка членами Международной морской организации использования морского английского языка на судах мирового флота, в командный состав которых входят и российские специалисты, показала, что при выполнении служебных обязанностей в ситуациях иноязычного общения 59,4 % моряков испытывают лингвистические и культурологические затруднения, что приводит к высокому уровню стресса у членов экипажа корабля [1]. Это свидетельствует о просчетах в профессиональной подготовке морских специалистов.

Несмотря на тенденцию профессионализации преподавания иностранного языка в морском вузе, обучение ему ведется отдельно с формированием профессиональной компетенции, важнейшей характеристикой которой является эмоционально-волевая устойчивость (ЭВУ) будущего специалиста в иноязычной среде. В рамках традиционного обучения воспроизводятся субъект-субъектные взаимодействия и отношения участников образовательного процесса, а не целостное содержание предстоящей профессиональной деятельности, связанной с использованием иностранного языка. При таком подходе не представляется возможным смоделировать условия, в которых проявляется человеческий фактор как субъект-объектно-субъектная связь в цепочке «человек – техника – человек».

Очевидно, что вне психологического контекста деятельности будущего специалиста, моделируемого коммуникативными, инструментальными, технологическими, временными и пространственными компонентами, развитие в вузе его ЭВУ неэффективно. Эта задача может быть решена с позиций *интегративно-контекстного подхода* [2], суть которого состоит в необходимости воссоздания в учебном процессе не только предметного и социального, но и психологического контекстов деятельности специалиста в рамках типовых задач осваиваемого труда. Эти условия создаются в рамках совмещенной учебной деятельности по иностранному языку и спецпредметам (см. рис. 1).

а) традиционная модель

б) интегративно-контекстная модель

Рис. 1. Традиционная и интегративно-контекстная модели подготовки к профессиональной деятельности в условиях иноязычного общения (предложена авторами)

В соответствии с положениями интегративно-контекстного подхода оперативность использования специалистом иностранного языка как средства решения профессиональных задач определяется высоким уровнем развития его профессионально-мотивационной и эмоционально-волевой сфер. Это может быть достигнуто, если организационные формы, методы и технические средства иноязычной подготовки морских специалистов будут разрабатываться в рамках трех преемственно сменяющих друг друга форм учебной деятельности: академической, академической с элементами квазипрофессиональной и собственно квазипрофессиональной (см. рис. 2).

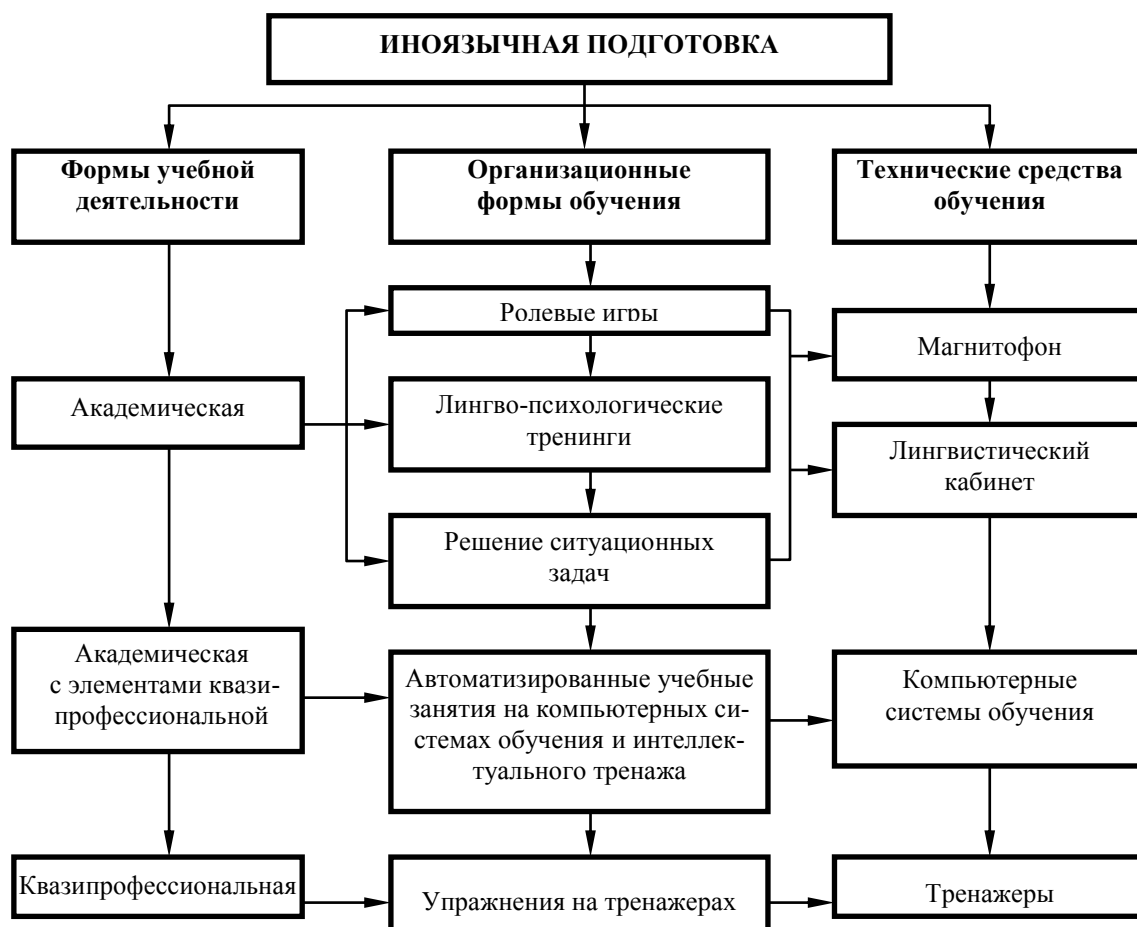

Рис. 2. Структура взаимосвязи форм учебной деятельности, организационных форм и технических средств обучения (предложена авторами)

Условием соотнесения иноязычных возможностей специалиста с предметным, социальным и психологическим контекстами его профессиональной деятельности является наличие механизма «оперативности». Специфика профессиональной деятельности специалиста требует немедленного подключения этого механизма, что не оставляет времени на адаптационный период. В то же время формирование механизма «оперативности», как правило, предполагает длительный период адаптации выпускника к профессиональной деятельности для того, чтобы «вписать» иноязычный компонент в систему производственных связей.

Важнейшей характеристикой профессионально-предметных ситуаций иноязычного общения является тот факт, что получение, передача и интерпретация информации на иностранном языке выступает основой оперативного принятия решения. Таким образом, задача подготовки специалиста к деятельности в иноязычной среде связана с необходимостью овладения им средствами и способами решения профессиональных задач, которые могут быть представлены в образовательном процессе в качестве цели обучения в виде типовых задач осваиваемого труда.

Определение типовых задач труда специалиста является важным звеном в процессе разработки содержания его обучения, поскольку профессиональная деятельность может быть представлена серией таких задач. В структуре типовой задачи можно выделить коммуникативный, предметно-технологический, психологический, социокультурный, временной и пространственный компоненты. Объективно типовая задача имеет четкие условия и способы выполнения. Субъективно, со стороны исполнителя, она представляет собой развернутую форму проблемной ситуации, с присущими ей неопределенностями.

Решение задачи представляет собой процесс «...преобразований, выполняемых на основе анализа ситуации, совершаемого в терминах усвоенной знаковой системы» [3, с. 69–76]. Сложность ее решения определяется такими факторами, как наличие жестких сроков, отведенных на ее выполнение.

ние, и опыта построения особых стратегий, которые характеризуются многовариантностью, неопределенностью, неполнотой и незавершенностью.

Использование иностранного языка в качестве средства осуществления моделируемых технологических процессов труда создает педагогические условия для формирования необходимых компетенций в ходе интеграции иноязычных речевых и профессионально-предметных компонентов профессионального труда в ситуациях межличностного, группового и коллективного взаимодействия.

Исследовав связь человеческого фактора с ЭВУ морского специалиста в процессе решения профессиональных задач в условиях иноязычного общения, было установлено, что это качество характеризуется высоким уровнем развития его мотивационной, когнитивной и эмоционально-волевой сфер. Средством решения типовых задач морского специалиста в иноязычной среде выступает профессиональная коммуникация в соответствии с требованиями речевого регламента и этикета [4].

Проектирование технологии профессиональной деятельности специалиста в рамках типовых задач его труда с учетом параметров реального оперативного времени позволяет отразить ее временную и пространственную динамику и присущие ей социокультурные процессы, моделировать условия, в которых адекватно проявляется человеческий фактор.

Формирование ЭВУ морского специалиста как его способности проектирования собственных эмоций и волевых усилий, направленных на решение социально-профессиональных задач и проблем в иноязычной среде, в соответствующих стереотипах профессиональной деятельности будет определять полнота воссоздания профессионального контекста его труда [5].

Комплекс педагогических технологий нацеливается на усвоение иностранного языка на уровне профессиональных алгоритмов в процессе освоения типовых задач его труда в иноязычной среде. Контексты будущей профессиональной деятельности студента усложняются: от преимущественно социокультурного на начальном этапе обучения – к социально-профессиональному, а на завершающем этапе – к предметно-технологическому, социокультурному и психологическому контекстам. В ходе трансформации учебной деятельности в профессиональную формируются *предметный, социокультурный и профессионально-психологический* компоненты ЭВУ специалиста.

Ряд экспериментов в группах курсантов (судоводители и судомеханики) Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова позволил установить основную закономерность профессиональной подготовки специалиста, направленной на формирование эмоционально-волевой устойчивости в решении оперативных задач и проблемных ситуаций в иноязычной среде. Умения и навыки иноязычного общения должны развиваться в условиях формирования его профессиональных стереотипов. Особая роль в этом процессе принадлежит деловым играм (на тренажере), где отрабатываются комплексные задачи спецпредметов и иностранного языка, представленные в технологических процессах операторской деятельности. Формирование качества оперативности – интегральной характеристики ЭВУ – определяет психологический контекст, задаваемый посредством моделирования ординарных, экстраординарных и экстремальных ситуаций типовой задачи труда специалиста в иноязычной среде общения.

В ходе взаимодействия и взаимовлияния различных компонентов деятельности, регулирующих обмен иноязычной информацией в контексте технологических процессов, происходит корреляция смысловых блоков информации с инструментальными компонентами деятельности, их стандартизация и упорядочивание во «внутренней» системе обучающегося, и, как результат, достигаются высокие показатели оперативности принятия решений.

В результате участия в трех деловых играх у курсантов снизился барьер напряженных психических состояний, повысилась точность раскрытия контекстуального значения отдельных слов и блоков информации на иностранном языке и оперативность их соотнесения с предметными характеристиками объекта или процесса управления, выработались умения оперативно воспринимать информацию, произносимую с различными акцентами. В условиях групповой деятельности развился навык точного и оперативного выполнения алгоритмов действий, сопряженных с иноязычным общением, сформировался опыт регуляции своей деятельности на основе проявления волевых усилий и управления эмоциями в процессе решения профессиональных задач и разрешения проблемных ситуаций.

В процессе накопления опыта деятельности в обобщенных инвариантных алгоритмах речевого поведения при оперативном решении типовых задач в иноязычной среде происходит снижение

барьера напряженных психических состояний, что и обуславливает формирование ЭВУ обучающегося и формирование профессиональных компетенций.

После завершения деловых игр на тренажере 94,29 % курсантов отметили в анкетах, что они приобрели уверенность в себе при общении на иностранном языке. Результаты анкетирования 51 судоводителя в Южном региональном Центре дополнительного профессионального образования (г. Новороссийск) свидетельствуют о быстрой адаптации выпускников к условиям деятельности: 82,4 % респондентов были готовы к работе непосредственно после окончания университета, для 7,8 % понадобилось для этого от трех до шести месяцев, а для 9,8 % – полгода и более.

Таким образом, интеграция на заключительных этапах обучения процессов иноязычной и профессиональной подготовки обеспечивает формирование ЭВУ морского специалиста как сложного системного психического образования, которое проявляется в его способности оперативного решения профессиональных задач в иноязычной среде.

Литература

1. European Commission. The Impact of Multicultural and Multilingual Crews on Maritime Communication. // MARCOM. Final Reports. V. 1–2, 2001. P. 163–120.
2. Тенищева В. Ф. Интегративно-контекстная модель формирования профессиональной компетенции: автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. М., 2008. 47 с.
3. Стрелков Ю. К. Психологическое содержание операторского труда. М.: Росс. психол. общество, 1999. 196 с.
4. Кузнецова Ю. С. Компьютерная поддержка как средство формирования коммуникативной культуры офицера военно-морского флота // Вестник Адыгейского государственного университета. № 2(44). Май-июн, 2009. С. 103–111.
5. Цыганко Е. Н. Профессиональные контексты как средство иноязычной подготовки офицеров запаса военно-морского флота: автореф. дис. ... канд. пед. наук. С.-Петербург, 2008. 24 с.

ПРАВО

УДК 343.326

Лысов Николай Николаевич**О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ БОРЬБЫ
С ТЕРРОРИЗМОМ**

В статье рассмотрен вопрос законодательного обеспечения борьбы с терроризмом в России. Изучен опыт антитеррористического законодательства ряда зарубежных стран, который может быть полезен для Российской Федерации.

Ключевые слова: терроризм, федеральное законодательство, антитеррористическое законодательство, уголовное законодательство зарубежных стран.

Lysov Nikolay N.**ON LEGISLATURE'S ENSURING OF STRUGGLE AGAINST TERRORISM**

The question of legislature's ensuring of struggle against terrorism in Russia is shown in this article. The experience of antiterrorism legislature in some foreign states which could be useful for Russian Federation has been studied.

Key words: terrorism, federal legislature, antiterrorism legislature, criminal legislature of foreign states.

Последние десятилетия практически во всех странах мира принято антитеррористическое законодательство, призванное на нормативно-правовом уровне обеспечить борьбу с этим глобальным злом.

Так, законодательное определение терроризма в США появилось в принятом в 1984 г. Всеобъемлющем законе о контроле над преступностью. Согласно указанному закону, что терроризм включает в себя, но не ограничивается преднамеренным применением силы либо угрозой насилия с целью достижения политических целей посредством устранения, шантажа либо принуждения [1, с. 381–382].

Таким образом, в США террористический акт обычно понимается как преступное деяние, направленное на управление объектом террористических посягательств при помощи воздействия на специально избранную жертву. Данный признак является ключевым при отнесении преступлений к числу террористических, за исключением тех редких случаев, когда объект воздействия и (или) устрашения и объект управления террористических посягательств совпадают, например, при посягательстве на жизнь или свободу индивида, связанном с его политической деятельностью как независимого депутата.

Известный специалист по вопросам борьбы с терроризмом Э. Арчага определяет терроризм как акты, сами по себе являющиеся традиционными формами общеуголовных преступлений, но совершаемые преднамеренно с целью вызвать панику, беспорядок и террор в организованном обществе, разрушить общественный порядок, парализовать противодействие террору со стороны общественных сил и интенсифицировать беды и страдания общества. А его коллега Р. Арон предложил акт насилия рассматривать как террористический в том случае, когда его психологический эффект обратно пропорционален его истинным физическим результатам [1, с. 382].

Интересен опыт Италии, где Закон «О срочных мерах по охране демократического порядка и общественной безопасности» объявляет акты террора государственными преступлениями, за которые предусматривается максимальный срок наказания. Положения Закона применяются совместно с нормами Уголовного кодекса. В случае доказанности совершения террористического акта срок наказания увеличивается в два раза по сравнению с общеуголовным преступлением. Если действия террористов обращены против лиц, выполняющих законодательные, судебные или иные служебные обязанности, то срок наказания увеличивается на треть. Ответственность за действия, связанные с пропагандой терроризма, участием в деятельности террористических организаций и их руководством, предусмотрена отдельной статьей Закона [2, с. 131].

Таким образом, для целей уголовного преследования преступлений терроризма национальное уголовное законодательство большинства государств не разделяет терроризм на международный и внутригосударственный.

Правовую основу борьбы с терроризмом в Российской Федерации составляют Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Федеральный закон от 1 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», другие федеральные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры России, указы и распоряжения Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, а также принимаемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти. Таким образом, спектр нормативных правовых актов, призванных регламентировать взаимоотношения государственных и местных органов, различных организаций и физических лиц в сфере борьбы и противодействия терроризму как угрозе безопасности личности, общества и государства, достаточно широк.

Базовым законом в Российской Федерации, направленным на борьбу с терроризмом, является вышеназванный Федеральный закон «О противодействии терроризму», который в ст. 2 закрепляет принципы противодействия терроризму. Это обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина; неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности, системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму. Согласно букве действующего российского антитеррористического законодательства, более эффективным в настоящий момент является не борьба с терроризмом и его проявлениями, а предупреждение совершения террористических актов и появления террористов [3, с. 61–65].

Вопросы борьбы с терроризмом приобрели в современном обществе особую актуальность. От совершенных террористических актов пострадали тысячи людей, разрушаются материальные и духовные ценности, угрозы повторения терактов постоянно держат общество в напряжении, а граждан – в страхе. Расширение географии терроризма осложняет отношения между социальными, национальными группами и народами. Естественно, подобная ситуация требует незамедлительных действий от государства, мобилизации всех средств для пресечения террористических актов.

Своевременное законодательное обеспечение борьбы с терроризмом имеет своей задачей установление плотного оперативного наблюдения за террористами, быстрый розыск и перехват террористов, обмен жизненно важной информацией до начала террористической атаки.

Современный терроризм и сопряженные с ним миграция хорошо обученных вооруженных боевиков, контрабанда оружия, незаконный оборот наркотиков, религиозный экстремизм превратились в один из основных факторов, подрывающих стабильность и мир не только в отдельных странах, но и на всей планете. Опираясь на поддержку мощных и богатых экстремистских организаций, получая от них материально-финансовую помощь и современное вооружение, терроризм способен эффективно осуществлять как отдельные диверсионно-террористические операции, так и полномасштабные боевые действия против регулярных войск и правоохранительных формирований.

Привлекает внимание тенденция увеличения количества террористических актов, ведущих к массовым жертвам, с ростом циничности и жестокости, применения изощренных методов и высокоразвитых технологий. Действующие законы нередко не соответствуют требованиям времени.

В мире сегодня насчитывается более 500 террористических организаций. По минимальным оценкам их бюджет – 20 миллиардов долларов. Доходы афгано-пакистанской наркомафии превышают 10 миллиардов долларов США, сегодня производится 4,7 тыс. тонн опиума-сырца; из которого вырабатывается 47 тонн чистого героина. Доход от наркобизнеса – один из главных источников финансовых поступлений террористических организаций [2, с. 482].

Таким образом, для борьбы с терроризмом необходимо задействовать потенциал гражданского общества с целью создания атмосферы активной гражданской нетерпимости к любым проявлениям терроризма. С этой целью, на наш взгляд, необходимо:

- а) активизировать пути мобилизации институтов гражданского общества на воспитание населения в духе сопричастности к борьбе с террористическими проявлениями;
- б) проводить разъяснительную работу среди населения с тем, чтобы лишить террористов мифического ореола борцов-мучеников и дать им солидарный отпор;
- в) использовать комплекс гласных (пропаганда, обращение к гражданам за содействием, проведение открытых судебных процессов и т. д.) и негласных (прослушивание, перлюстрация, использование агентуры и т. д.) методов борьбы;

г) осуществлять антитеррористическую деятельность во всех сферах жизнедеятельности общества и государства с использованием профилактических, правовых, политических, социально-экономических, пропагандистских мер;

д) направлять усилия на блокирование деятельности структур финансовой поддержки террористических организаций, замораживание активов и блокирование доступа на российские рынки тех юридических лиц, которые отказываются от взаимодействия с Россией в вопросах выявления и замораживания активов террористических организаций;

е) воссоздать точную картину финансовой инфраструктуры международного терроризма;

ж) предавать гласности имена всех физических, юридических лиц, в том числе благотворительных организаций, финансирующих террористов.

Таким образом, можно увидеть то, что вдохновители и организаторы терроризма нередко прикрываются религиозной мантией и лозунгами борцов за свободы и права. Их изобличение и наказание – долг всех государств. В этом мировое сообщество, кажется, близко к единству. Но остается проблема выбора путей, средств и механизмов реализации наших устремлений. Мы видим: каждый вызов требует «привязки» к истоковым корням, и в первую очередь социально-экономическим и психологическим, проникновения в эпицентр негативных тенденций. Ибо в случае неадекватности действий властей можно осложнить ситуацию и даже поставить мир, перенасыщенный средствами разрушения, на опасную грань дестабилизации. Все это актуализирует востребованность идей и принципов Нюрнберга, сумевшего найти политический и правовой консенсус разных доктринальных и государственных систем, проявить разум и выдержку при принятии судьбоносных решений [4, с. 92–93]. Ссылки на экстремальность и неординарность ситуации не могут оправдать беззакония.

Будет непростительной ошибкой искать корни терроризма в вероисповедании. Терроризм не имеет гражданства, национальной и конфессиональной принадлежности, а лишь эксплуатирует религиозные и этнические составляющие, будучи замешанным, на крови, «теневых» деньгах. Поэтому важно перекрыть каналы финансовой подпитки международного терроризма, развивать в валютно-банковской сфере сотрудничество государств, отладить законодательный и контрольный механизмы в бизнесе, скорректировать связь личных прав и свобод с общественной безопасностью.

Вхождение человечества в XXI век сопровождается невиданным развитием террора. Практически нет ни одного континента планеты, который не был бы поражен этим страшным недугом.

Террор не миновал и Россию. С началом становления в России демократии возник и террор, причем в таких масштабах и формах, которых не знала ни одна страна мира. Объектами террористических актов уже были представители государственной, политической и функциональной элит, руководители субъектов Федерации, сотрудники МВД, ФСБ, Министерства обороны, представители деловых кругов, совершенно случайные граждане России. Взрываются жилые дома, захватываются больницы и школы, взрываются поезда метрополитена и железнодорожного транспорта. Исследования, проведенные специалистами неправительственного Общенационального центра «Антитеррор», показывают, что террор в России находится на начальной стадии своего развития. Ни одно государство мира, в том числе и Россия, не оказалось в состоянии ни искоренить террор, ни эффективно противодействовать терроризму. После событий в Беслане руководство России признало, что наша страна «имеет дело с прямой интервенцией международного террора против России» [5, с. 20–24]. С учетом того, что России фактически объявлена война, перед правительством поставлена задача «создать более эффективную систему безопасности и мобилизовать широкие массы общественности на выработку мер противодействия терроризму» [6, с. 45–46].

Терроризм, превратившийся сегодня в одну из самых острых проблем, представляет серьезную угрозу национальной безопасности многих стран, в том числе и России. Законодательная борьба с этим мировым злом идет постоянно.

Литература

1. Ващенко В. Ю. Опыт борьбы с терроризмом за рубежом // Преступность и правовое регулирование борьбы с ней. М., 1996.
2. Белая книга российских спецслужб. 2-е изд. Под ред. Е.И. Алаева и др. М., 1996.
3. Белявский Д.Г. Законодательство РФ в борьбе против терроризма // Законодательство и экономика. 2006. № 12.

4. Сухарев А.Я. Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности // Журнал российского права. 2007. № 1.
5. Морозов И.А. Роль демократии в борьбе с терроризмом // Борьба с преступностью за рубежом. 2004. № 12.
6. Суровцев И.С., Литвинов Н.Д. О роли инженерных вузов в выработке системы мер противодействия терроризму // Правовые вопросы строительства. 2006. № 2.

УДК 34.342

Навасардова Элеонора Сергеевна, Шевчук Светлана Степановна

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В статье рассмотрены вопросы конституционно-правового регулирования молодежной политики в Ставропольском крае. Выявленные автором проблемы в области государственной молодежной политики в Ставропольском крае характерны для многих субъектов Российской Федерации. Автором сделаны предложения по совершенствованию законодательства Ставропольского края о молодежной политике.

Ключевые слова: молодежная политика, государственная молодежная политика.

Navasardova Eleonora Sergeevna, Shevchuk Svetlana Stepanovna CONSTITUTIONAL LEGAL REGULATION OF THE YOUTH POLICY IN SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS ON THE EXAMPLE OF THE STAVROPOL TERRITORY

The article considers the issues of constitutional legal regulation of youth policy in the Stavropol territory. Identified the author of the problems in the field of state youth policy in the Stavropol region is characteristic for many regions of the Russian Federation. The author made proposals on improvement of legislation of the Stavropol territory on youth policy.

Key words: youth policy, state youth policy.

В Российской Федерации государственная молодежная политика является деятельностью государства, направленной на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив. Государственная молодежная политика выражает в отношении к молодому поколению стратегическую линию государства на обеспечение социально-экономического, политического и культурного развития России, на формирование у молодых граждан патриотизма и уважения к истории и культуре отечества, к другим народам, на соблюдение прав человека.

Можно утверждать, что государственная молодежная политика в Российской Федерации формируется и реализуется в сложных экономических и социальных условиях. Широко признано, что в современный период государственное направление реализации молодежной политики является практически единственным. Политические партии не имеют четкой, разработанной, оформленной молодежной политики, сводя, как правило, свою роль к провозглашению позиций, которые должны получать отражение в государственных действиях по отношению к молодежи.

Недостаточную роль играют и молодежные общественные объединения, действующие в Российской Федерации. В силу организационной слабости они не могут в должной мере защищать интересы молодых граждан, организовывать эффективную работу в молодежной среде. В большинстве случаев низка роль профессиональных союзов в решении молодежных проблем, в разработке и осуществлении профессионально ориентированной молодежной политики. Существенное негативное влияние имеет тот факт, что с расширением рыночных отношений трудовые коллективы утратили прежний опыт поддержки молодых тружеников и решения проблем молодежи.

В значительной степени сложившаяся проблемная ситуация обусловлена недостаточно проработанным законодательством в области молодежной политики как на федеральном уровне, так и на уровне нашего края.

Молодежная политика регулируется нормативными правовыми актами трех уровней: федеральными, региональными и местными. Проблемы, существующие в федеральном законодательстве, проецируются на уровень субъектов Российской Федерации и муниципальные образования.

В Ставропольском крае в настоящее время действует более 90 нормативных правовых актов различного уровня, посвященных молодежной политике.

Несмотря на довольно объемное регулирование (в основном подзаконное) молодежной политики в этой области в крае существует ряд нерешенных проблем.

В первую очередь это проблемы правового характера.

Действующий Закон Ставропольского края «О молодежной политике в Ставропольском крае» от 28 июля 2005 г. № 40-кз [3] не в полной мере отвечает современным требованиям правового оформления полномочий органов государственной власти в сфере молодежной политики.

Во-первых, данный закон носит рамочный характер, определяя, скорее, не направления реализации молодежной политики в крае и конкретные действия органов государственной власти в этой области, а основы молодежной политики. Этого не достаточно.

Отсутствие в федеральных законах и законах субъектов Российской Федерации (в частности, Ставропольского края), определяющих общие принципы организации органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, их конкретных полномочий в сфере молодежной политики, привели к тому, что ни один из органов публичной власти фактически не отвечает за работу с молодежью. Работа органов власти в данной сфере не подлежит оценке, согласно действующему законодательству ответственность на неисполнение или ненадлежащее исполнение данных полномочий ни на кого не возложена.

Во-вторых, в действующем законе Ставропольского края не прописаны формы сочетания молодежной политики и политики органов государственной власти Ставропольского края в таких областях как образование, здравоохранение, культура, спорт, предпринимательство и др. В законе не хватает конкретики, четко прописанных полномочий органов государственной власти Ставропольского края в области работы с молодежью.

В-третьих, действующий Закон «О молодежной политике в Ставропольском крае» и другие нормативные акты краевого уровня, имеющие отношение к молодежной политике, не содержат механизма финансового обеспечения мероприятий молодежной политики и, соответственно, деятельность органов государственной власти и других субъектов молодежной политики в крае финансируется недостаточно.

В-четвертых, в качестве субъектов молодежной политики не определены органы местного самоуправления муниципальных образований Ставропольского края, тогда как Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] органы самоуправления поселений, муниципальных районов и городских округов наделены полномочиями по работе с детьми и молодежью.

В-пятых, отсутствует регламентация основ правового положения молодежных объединений, в том числе их правовой статус, права, обязанности, ответственность, а также информационная и кадровая поддержка молодежных общественных объединений.

В-шестых, отсутствует регламентация основ правового положения молодежных общественных консультативно-совещательных органов при органах государственной власти и органах местного самоуправления, в том числе их правовой статус, полномочия, права, обязанности, ответственность, информационная и кадровая поддержка.

В связи со сложившейся ситуацией в сфере правового регулирования молодежной политики в Ставропольском крае, и учитывая отсутствие федерального закона о молодежной политике в Российской Федерации, можно предложить некоторые пути решения указанных проблем.

1. Необходимо внесение изменений и дополнений в Закон Ставропольского края «О молодежной политике в Ставропольском крае» от 28 июля 2005 г. № 40-кз либо принятие нового закона Ставропольского края, который бы включил механизм решения всех или большинства перечисленных выше проблем.

2. Необходимо в законе о молодежной политике в Ставропольском крае подробно указывать не только полномочия органов государственной власти в этой сфере, но и полномочия органов

местного самоуправления, так как общие нормы Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и Закона Ставропольского края «О местном самоуправлении в Ставропольском крае» явно недостаточно.

3. В Ставропольском крае необходима комплексная программа в области реализации молодежной политики, основными целями которой должны являться.

Исходя из сложившейся ситуации, на сегодняшний день оптимальным является внесение изменений в действующий Закон «О молодежной политике в Ставропольском крае».

Можно предложить для рассмотрения органами государственной власти Ставропольского края и научной дискуссии следующие изменения и дополнения в Закон.

1. Дополнить Закон статьей «Основные термины и понятия» и изложить ее в следующей редакции:

«Молодежь (молодые граждане) – граждане Российской Федерации в возрасте от 14 до 30 лет.

Молодежное объединение – зарегистрированное в установленном законодательством Российской Федерации порядке некоммерческое молодежное объединение, участниками которого являются граждане Российской Федерации в возрасте от 14 до 30 лет, составляющие не менее 70 процентов участников объединения.

Детское объединение – зарегистрированное в установленном законодательством Российской Федерации порядке некоммерческое детское объединение, участниками которого являются граждане Российской Федерации в возрасте до 18 лет, составляющие не менее 60 процентов участников объединения.

Молодежная программа (программа в сфере государственной молодежной политики) – комплекс мероприятий, связанных с решением одной или нескольких молодежных проблем в рамках реализации основных направлений государственной молодежной политики в Ставропольском крае, утвержденный в установленном законом порядке.

Молодежный совещательный орган – состоящий из молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет коллегиальный орган, созданный решением органа государственной власти Ставропольского края или органами местного самоуправления муниципальных образований Ставропольского края для участия молодежи в выработке решений в области государственной молодежной политики.

Молодая семья – состоящие в зарегистрированном первые три года браке лица (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака), хотя бы один из которых является гражданином Российской Федерации в возрасте до 30 лет включительно, или неполная семья, которая состоит из одного родителя, имеющего гражданство Российской Федерации, чей возраст не превышает 30 лет, и воспитывающего одного или более детей, в том числе усыновленных».

2. Дополнить статью 2 «Задачи молодежной политики» Закона абзацами: «становление у молодых граждан положительной трудовой мотивации, высокой деловой активности, успешного владения основными принципами и навыками эффективного поведения в сфере труда и профессионального обучения; установление для молодежи гарантий в сфере труда, занятости, содействие их предпринимательской деятельности, предоставление молодым гражданам гарантированного минимума социальных услуг; обеспечение законных прав и защита интересов молодежи; поддержка молодых семей; создание необходимых условий для деятельности социальных служб по работе с молодежью».

3. Дополнить статью 5 Закона частью 2 следующего содержания:

«К компетенции органов местного самоуправления муниципальных образований Ставропольского края в области реализации молодежной политики в Ставропольском крае относятся:

- осуществление молодежной политики на территории муниципального образования;
- разработка и осуществление местных молодежных программ в пределах собственных материальных ресурсов и финансовых средств в соответствии законодательством Ставропольского края о молодежной политике, государственными программами в области молодежной политики Ставропольского края;
- создание, реорганизация и ликвидация муниципальных органов управления по делам молодежи (по реализации молодежной политики);
- утверждение расходов на молодежные программы в местном бюджете и нормативов финансирования молодежной политики;
- установление налоговых льгот по местным налогам для молодежных и детских объединений, молодежных организаций;

- принятие решений о материальной поддержке одаренных детей и молодежи в рамках собственных материальных ресурсов и финансовых средств;
- принятие решения о создании, реорганизации и ликвидации в соответствии с законодательством Российской Федерации муниципальных учреждений социального обслуживания молодежи;
- участие в предупреждении и профилактики проявлений экстремизма, в том числе, национализма, ксенофобии, расового, религиозного, социального превосходства;
- иные полномочия, предусмотренные федеральными нормативными правовыми актами, настоящим Законом и иными нормативными правовыми актами области».

4. Статью 5 Закона дополнить абзацами следующего содержания:

«В целях привлечения к работе с молодежью негосударственных организаций, в том числе молодежных организаций и отдельных граждан, органами государственной власти Ставропольского края и органами местного самоуправления муниципальных образований Ставропольского края могут образовываться специальные общественные консультативно-совещательные органы по вопросам молодежной политики, а также могут использоваться иные формы привлечения молодых граждан к участию в формировании и реализации молодежной политики.

Для повышения эффективности работы с молодежью при органах государственной власти Ставропольского края и органах местного самоуправления муниципальных образований Ставропольского края могут создаваться совещательные, консультативные и экспертные органы по работе с молодежью из числа представителей молодежных и детских общественных объединений, научных и образовательных учреждений, иных организаций и лиц, специализирующихся на изучении проблем молодежи и работе с молодежью.

В целях обеспечения взаимосвязи между депутатами Думы Ставропольского края и представителями молодежи и молодежных организаций, организаций, обеспечения гарантий молодежи на участие в политической жизни государства при Думе Ставропольского края может создаваться молодежный совещательный орган (Молодежная общественная палата). Полномочия и порядок деятельности молодежного совещательного органа определяются нормативными актами Думы Ставропольского края.

В целях обеспечения взаимосвязи между депутатами представительных органов местного самоуправления муниципальных образований Ставропольского края и представителями молодежи и молодежных организаций, обеспечения гарантий молодежи на участие в политической жизни муниципальных образований при представительных органах местного самоуправления муниципальных образований Ставропольского края могут создаваться молодежные совещательные органы (Молодежные общественные палаты). Полномочия и порядок деятельности молодежного совещательного органа определяются нормативными актами Думы Ставропольского края».

5. Дополнить Закон статьей 16.1 «Права и обязанности молодежных и детских объединений» и изложить ее в следующей редакции:

«1. Молодежные и детские объединения участвуют в реализации молодежной политики в Ставропольском крае, несут права и обязанности, установленные федеральными законами, настоящим Законом, другими законами Ставропольского края.

2. Молодежные и детские объединения вправе участвовать в конкурсе на выполнение государственного заказа на создание социальных служб для молодежи, инновационных, информационных и досуговых молодежных центров, на социальную работу по месту жительства, научные исследования и проектные разработки, а также иную деятельность в соответствии с целями молодежной политики.

3. Молодежные и детские объединения вправе привлекать для осуществления своей деятельности другие общественные организации и объединения, физических и юридических лиц, образовательные и научные учреждения.

4. Молодежные объединения имеют право:

- готовить информацию органам государственной власти Ставропольского края о положении детей и молодежи в Ставропольском крае, участвовать в обсуждении докладов органов исполнительной власти Ставропольского края по указанным вопросам, ежегодных докладов Уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае, Уполномоченного по правам ребенка при Губернаторе Ставропольского края, а также вносить предложения по реализации государственной молодежной политики в органы государственной власти Ставропольского края;
- вносить предложения субъектам права законодательной инициативы по внесению изменений в законы Ставропольского края, затрагивающие интересы детей и молодежи;

– участвовать в подготовке и обсуждении проектов краевых целевых программ в области государственной молодежной политики.

5. Порядок участия молодежных и детских общественных объединений в работе с молодежью органов местного самоуправления муниципальных образований Ставропольского края определяется нормативными правовыми актами органов местного самоуправления».

Литература

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 27.07.2010) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.10.2003, № 40. Ст. 3822.
2. Закон Ставропольского края от 02.03.2005 № 12-кз (ред. от 11.05.2010) «О местном самоуправлении в Ставропольском крае» // Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края, 30.03.2005, № 6. Ст. 4346.
3. Закон Ставропольского края от 28.07.2005 № 40-кз (ред. от 05.07.2010) «О молодежной политике в Ставропольском крае» // Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края, 2005, № 20. Ст. 4852.
4. Закон Ставропольского края от 30.12.2005 № 81-кз (ред. от 04.12.2008) «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов в Ставропольском крае отдельными государственными полномочиями Ставропольского края в области молодежной политики» // Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края, 20.02.2006, № 5. ст. 5260.

УДК 34.342

Некрасов Евгений Ефимович, Белявский Дмитрий Сергеевич

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены вопросы конституционно-правового положения прокуратуры Российской Федерации. Выявлена дискуссионность положения Прокуратуры Российской Федерации в системе разделения властей. Формулируются предложения по совершенствованию правового статуса Прокуратуры в процессе будущего конституционного развития.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус, прокуратура, принцип разделения властей.

Nekrasov Evgeny E., Belyvsky Dmitry S. SOME ASPECTS OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL POSITION OF THE RUSSIAN PROSECUTION

The article discusses the constitutional and legal position of Prosecutor of the Russian Federation. Spotted debatable position Prosecutor of the Russian Federation in the system of separation of powers. Formulate proposals to improve the legal status of the Prosecutor's Office in the future constitutional development.

Keywords: constitutional and legal status, the prosecutor's office, the principle of separation of powers.

Как известно, в соответствии с ч. 1 ст. 129 Конституции Российской Федерации, прокуратура Российской Федерации составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации.

В п. 1 ст. 1 Закона Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» уточняется, что прокуратура – это единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации [2].

По мнению Н. В. Мельникова, «с учётом предмета исследования для выявления конституционно-правового аспекта статуса прокуратуры необходимо исходить именно из общего понятия государственной власти (как одной из форм власти) в её единстве и неделимости по своему источнику и носителю» [6].

При этом традиционно дискуссионным вопросом является определение природы прокурорской власти и положения прокуратуры в системе разделения властей, поскольку Конституция России не даёт однозначного ответа на этот вопрос. Например, В. Ломовский даже использует для характеристики этой ситуации выражение «хроническое заболевание прокурорского надзора» [5].

По этому вопросу сложились следующие точки зрения.

По мнению вышеупомянутого В. Ломовского, прокуратура должна быть включена в структуру органов законодательной власти, поскольку «верховная законодательная власть после принятия зако-

нов не может, как и не должна, оставаться безучастной к их исполнению» [5] (он также подчёркивает, что исполнительная власть – «плохой помощник» прокуратуре в деле обеспечения законности).

Такая точка зрения, конечно, имеет право на существование, однако вряд ли целиком правильна. Отнесение прокуратуры к законодательной ветви власти вызывает следующие возражения. Парламент России – Федеральное Собрание имеет ряд функций, однако наиболее важными из них являются законодательная, представительная и контрольная. Важнейшей же функцией прокуратуры является функция по надзору за законностью. Очевидно принципиальное различие функционального назначения этих органов власти. Безусловно, существуют самостоятельные органы парламентского контроля – Счётная палата, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Однако это органы именно контроля, а не надзора, в отличие от прокуратуры.

Поэтому, естественно, существуют и иные мнения. А. М. Тарасов полагает, что «целесообразно установить, что Президент РФ осуществляет свои контрольные конституционные полномочия и через Генеральную прокуратуру Российской Федерации, с внесением необходимых изменений в соответствующие федеральные законы» [9].

Близкую по смыслу точку зрения высказывает А. Смирнов: «Эффективность власти, однако, заключается в ее единстве. На основании действующей Конституции РФ это единство гарантируется Президентом РФ, который является главой государства и обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти и суверенитет России. Единство власти, наряду с другими факторами, бесспорно обязано единой законности» [8]. Именно такое назначение прокуратуры определяет ее роль и место в качестве одного из элементов механизма эффективной реализации единой государственной власти, которую в России олицетворяет Президент. По мнению А. Смирнова, в этих условиях воздействие отдельных ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной) на органы прокуратуры существенно бы сократилось, а ее деятельность стала бы более эффективной.

В определённой степени такое мнение достаточно справедливо, однако проблема заключается в том, что ст. 10 Конституции России не упоминает такую ветвь власти, как президентская. К тому же перечень ветвей власти в этой статье закрытый, и выделения новых ветвей власти кроме традиционных трёх в буквальном смысле он не допускает. Глава четвёртая Конституции Российской Федерации также напрямую не включает органы прокуратуры в институт президентства.

В связи с особым характером связи исполнительной власти с институтом президентства в России, в качестве аналогичной можно рассматривать точку зрения об исполнительном, по сути, характере деятельности органов прокуратуры. Прокуратура, «осуществляя надзор за законностью, вместе с правительственно-административными органами относится к исполнительной власти» [7].

Здесь можно упомянуть и американский опыт. В США в результате сочетания английских и континентальных традиций сложилась атторнейская служба – типичный для данной страны институт государственной власти. Полномочия атторнейской службы по уголовному преследованию сходны с функциями прокуратур других государств, поэтому американскую атторнейскую службу обычно называют «прокуратурой», а самих атторнеев – «прокурорами» [3]. При этом Генеральный атторней, выполняет одновременно некоторые функции Генерального прокурора и министра юстиции, однако в США эта служба в отличие от европейских прокурорских органов не имеет функций надзора за законностью, играют особую политическую роль в американском обществе, не знает строгой иерархической соподчиненности: органы штатов не подчинены федеральным.

Однако в России – помимо того, что Генеральный прокурор не включён в состав Правительства Российской Федерации (высшего органа исполнительной власти), также сама прокуратура не наделена статусом одного из органов исполнительной власти – министерства, службы или агентства.

Определённую популярность получила и точка зрения о принадлежности прокуратуры к судебной ветви власти. Подобный подход связан с текстуальным размещением ст. 129, посвящённой прокуратуре Российской Федерации, в главе 7 «Судебная власть» Конституции России. Вроде бы, с формальной точки зрения так и должно быть.

Однако ни одна из формулировок ст. 129 однозначно такой вывод сделать не позволяет. Рассмотрение ситуации, по сути, так же приводит к выводу о невозможности включить прокуратуру в судебную ветвь власти. Основная функция суда – осуществление правосудия, в случае же прокуратуры – это надзор за законностью (хотя и не единственная).

Скорее всего, помещение статьи о прокуратуре в главы о судебной власти связано с некоторой поспешностью разработки проекта действующей Конституции. С одной стороны, её создатели

в её основу (в отличие от советского периода) положили, в том числе, принцип разделения властей, с другой стороны – последовали советскому опыту помещения норм о судах и прокуратуре в одну и ту же структурную часть конституции. Однако в советских конституциях формально-логической ошибки здесь не было. В частности, в Конституции РСФСР 1978 г. раздел IX назывался «Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор», при этом глава 21 называлась «Суд и арбитраж», а глава 22 – «Прокуратура».

Некоторая поспешность разработки конституционных норм о прокуратуре подтверждается тем вполне очевидным их пробелом, как отсутствие в тексте Конституции 1993 г. полномочия Генерального прокурора России обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации. Этот пробел был вынужден в своих правовых позициях восполнять сам Конституционный Суд.

Наконец, отдельная группа мнений – различные предложения о включении прокуратуры в другие, новые ветви власти, не упомянутые в ст. 10 Конституции России.

Например, С. А. Денисов пишет, что «мировая практика развития системы контроля за государственным аппаратом пошла по пути выделения четвёртой, самостоятельной ветви государственной власти – власти контрольной (наряду с законодательной, исполнительной и судебной властями)» [4].

В. Е. Чиркин отмечает: «Идёт «отпочкование» новой ветви власти, контрольной. Этот процесс ещё не завершён: во многих странах тенденция обособления контрольной власти имеет лишь характер поиска» [11].

Н. В. Мельников полагает возможным выделение прокурорской власти в качестве самостоятельной ветви власти [6].

Однако здесь проблема снова заключается в том, что ни в ст. 10 Конституции Российской Федерации, ни в иных конституционных нормах не упоминаются иные ветви власти, кроме законодательной, исполнительной и судебной (вновь стоит упомянуть, что конструкция ст. 10 и не допускает появления новых ветвей власти).

В итоге в относительной степени возобладали точка зрения о том, что органы прокуратуры не могут быть отнесены ни к законодательной, ни к исполнительной, ни к судебной ветви власти [10].

Такая ситуация иногда получает резко отрицательную оценку: «существование в странах с недостаточно развитой государственностью таких органов, которые не укладываются в разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, свидетельствуют о том, что в этих странах либо вообще нет разделения властей, либо оно принципиально нарушено» [7].

Однако такой резкий вывод о «недостаточно развитой государственности», например, России далеко не во всём справедлив. Определённая дискуссионность и специфичность места прокуратуры в системе разделения властей – особенность не только Российского государства.

Например, в некоторых латиноамериканских странах (Колумбия, Эквадор и др.) своеобразие проявляется в наличии как бы двух прокуратур: одна, как правило, выполняет функции уголовного преследования, а другая занимается общим надзором и защитой прав человека.

В некоторых европейских государствах романо-германской правовой системы прокуратура занимает промежуточное положение между судебной и исполнительной властью. Например, в Италии прокуроры входят в состав судейского корпуса и состоят при судах, однако при этом представляют собой иерархически организованную систему, которая функционирует под эгидой министра юстиции, т. е. подчиняется исполнительной власти. Нормы о прокуратуре содержатся в главе IV Конституции Италии, озаглавленной «Магистратура» [6].

Совершенно точно определить положение прокуратуры в системе разделения властей в России на данном этапе довольно непросто. Наиболее радикальные варианты решения этой проблемы вообще могут потребовать принятия новой Конституции. Таким образом, с учётом важности функций прокуратуры в дальнейшем в ходе конституционной реформы необходимо уточнить положение прокуратуры в системе разделения властей и природу прокурорской власти. Представляется, что это вызовет необходимость определённой корректировки того толкования принципа разделения властей (Локка-Монтескье), которое отражено в действующей Конституции нашей страны.

В результате вступления 6 февраля 2014 г. в силу Закона о поправке к Конституции был несколько уточнён порядок назначения прокуроров в Российской Федерации [1]. Генеральный прокурор Российской Федерации и заместители Генерального прокурора Российской Федерации назначаются на должность и освобождаются от должности Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации.

Прокуроры субъектов Российской Федерации назначаются на должность Президентом Российской Федерации по представлению Генерального прокурора Российской Федерации, согласованному с субъектами Российской Федерации. Прокуроры субъектов Российской Федерации освобождаются от должности Президентом Российской Федерации.

Литература

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» от 05.02.2014 № 2-ФКЗ // Собрание законодательства РФ, 10.02.2014. № 6. Ст. 548.
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 // Российская газета, 25.11.1995. № 229.
3. Воронцов С. А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность. Ростов-н/Д, 1999.
4. Денисов С. А. Формирование контрольной ветви государственной власти и ограничение коррупции // Государство и право, 2002. № 3.
5. Ломовский В. Какой власти принадлежит прокуратура? // Российская юстиция, сентябрь 2001 г. № 9.
6. Мельников Н. В. Прокурорская власть // Государство и право, 2002, № 2.
7. Проблемы общей теории государства и прав / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М., 2001.
8. Смирнов А. Какая власть «оседляет» прокуратуру? // Российская юстиция, январь 2002 г., № 1.
9. Тарасов А. М. Региональный президентский контроль: вопросы совершенствования // Журнал российского права, май 2002 г., № 5.
10. Шахрай С. М., Клишас А. А. Конституционное право Российской Федерации. М., 2010.
11. Чиркин В. Е. Контрольная власть // Государство и право, 1993. № 4. С. 433.
12. Сравнительное конституционное право / отв. ред. Чиркин В. Е. М., 1996.

УДК 342:347.471

Смирнов Дмитрий Анатольевич, Струс Константин Александрович

РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНСТИТУЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье раскрываются основные современные представления о гражданском обществе, определяются его признаки и структура. Рассматривается социальное измерение жизнедеятельности гражданского общества в современной России и зарубежной практике. Обозначается необходимость принятия конституции гражданского общества, предлагается структура раздела посвящённого гражданскому обществу.

Ключевые слова: концепция гражданского общества; правовые основы гражданского общества; конституция гражданского общества; структура конституции гражданского общества; содержание конституции гражданского общества.

Smirnov Dmitry Anatolyevich, Strus Konstantin Aleksandrovich **REALIZATION OF IDEA OF CIVIL SOCIETY IN THE CONSTITUTIONAL MEASUREMENT**

In article the main modern ideas of civil society reveal, its signs structure are defined. Social measurement of activity of civil society in modern Russia and foreign practice is considered. Need of adoption of the constitution of civil society is designated, the structure of the section devoted to civil society is offered.

Key words: concept of civil society; legal bases of civil society; constitution of civil society; structure of the constitution of civil society; contents of the constitution of civil society.

Современные представления о «гражданском обществе» отличаются не только формулировками, но и подходами к пониманию сущности. Отдельные авторы представляют гражданское общество как совокупность отношений в обществе (К. С. Гаджиев); другие рассматривают как некую саморегулирующуюся, не контролируруемую государством социально-правовую реальность (А. А. Галкин, И. И. Кравченко, К. А. Струс; Ю. А. Красин); третьи понимают как совокупность лиц или негосударственных институтов (А. М. Мигранян, В. А. Затонский, И. Шапиро, Г. В. Осипов); четвертые, используя структурный метод, определяют гражданское общество с точки зрения его сложной внутренней самоорганизации (В. В. Лысенко, А. Д. Хлопин); есть предложения рассматривать гражданское общество с позиций деятельностного подхода (А. С. Автономов); ряд учёных предлагают рассматривать гражданское общество как определённый, наиболее качественный уровень раз-

вития социума (С. А. Авакьян, С. Н. Шевердяев, Н. И. Матузов); по мнению других исследователей (В. В. Локосов, А. И. Будов), понятие «гражданское общество» содержит большую идеологическую нагрузку, включается в структуру общественного сознания и призвано осмыслить и санкционировать происходящие в стране перемены.

Наряду с указанными точками зрения существует мнение, ставящее под сомнение необходимость использования категории «гражданское общество». Так, Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин считают: «Если под гражданским обществом разумеется современное общество (а это государственно организованное общество) со всеми его институтами (партиями, объединениями), инициативными группами, различными движениями населения, со всеми его плюсами и минусами, то это и есть общество и термин «гражданское» ему не подходит. Эта прекрасная, демократическая идея не ложится на язык права» [23].

С приведённой точкой зрения трудно согласиться ввиду следующих аргументов, которые были выработаны в прошлом и подтверждаются сегодня.

1. По гегелевской концепции общество и государство соотносятся как рассудок и разум: общество – это «внешнее государство», «государство нужды и рассудка», а подлинное государство – разумно. Поэтому в философско-логическом плане общество расценивается Г. В. Ф. Гегелем как момент государства, как то, что «снимается» в государстве. Данное убеждение позволило Г. В. Ф. Гегелю различать гражданское общество и политическое государство. Под гражданским обществом мыслитель понимает современное буржуазное западноевропейское общество, сферу реализации особенных, частных целей и интересов отдельной личности. Основными моментами гражданского общества, являются система потребностей, отправление правосудия, полиция и корпорация. Гражданское общество в трудах мыслителя – это опосредованная трудом система потребностей, покоящаяся на господстве частной собственности и всеобщем формально-правовом равенстве людей. Таким образом, Г.В.Ф Гегель выделял гражданское общество, как самостоятельную субстанцию в системе социальных отношений, подчёркивая её реальность и выделяя структуру.

2. Правовое государство и гражданское общество выступают как взаимосвязанные, взаимообусловленные явления государственно-правового масштаба. Проблемы их соотношения, анализ процесса их взаимодействия, становления и развития, сущность, особенности функционирования в различной плоскости прямо зависят от правового положения, определяемого для каждого из них.

3. В этимологическом значении гражданское общество указывает на свою юридическую природу присутствием термина «гражданское», производным от понятий «гражданин», «гражданство». По справедливому замечанию Н. И. Матузова, «любое общество состоит из граждан и без них немислимо. Только догосударственное, нецивилизованное (родовое) общество нельзя было назвать гражданским, во-первых, в силу его незрелости, примитивности, неразвитости, а во-вторых, потому, что в то время вообще не было таких понятий, как «гражданин», «гражданство» [9]. При переходе от одной ступени развития общества к другой, более высокой, изменяется содержание социально-правовых явлений, выражаясь в их более высоких типах и более развитых социальных и правовых формах [16], коим и является гражданское общество.

4. Термин «гражданское общество» в современной трактовке выражает определённый тип (состояние, характер) общественных отношений, характерный для общности людей; определённый уровень развития и применения права индивидами в отношениях между собой и государством. «Гражданское общество – это определённая ступень в развитии социальной общности, мера его зрелости, разумности, справедливости, человечности» [9].

5. В последние два десятилетия в России государством были предприняты заметные шаги, способствующие созданию и функционированию именно институтов гражданского общества. Например, был создан Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека [1], сформирована и работает Общественная палата РФ, функционирует институт Уполномоченного по правам человека, создан Институт развития гражданского общества и местного самоуправления. В бюджете Российской Федерации ежегодно предусматриваются немалые средства на финансирование институтов гражданского общества. Государством обеспечивается финансирование затрат победивших на выборах партий, что повышает их роль в политической системе страны. Данное обстоятельство подчёркивает характеризующую термином «гражданское общество» социальную реальность.

6. Участие индивида в различных отношениях (имущественных, трудовых, экологических, процессуальных) выражается в основных правах и обязанностях человека и гражданина, которые

закрепляются в актах высшей юридической силы. Именно в реализации этих прав и обязанностей человеком и проявляет свою активность гражданское общество.

7. За последние 10 лет практически в каждом ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ [4] говорилось о необходимости содействия в организации гражданского общества, что подчёркивает значимость характеризующего термином гражданское общество явления для политико-правовой жизни современной России.

8. В российском профессиональном обществе аргументируется мнение о необходимости конституционного закрепления термина «гражданское общество». Как доказательство, на пресс-конференции в «Интерфаксе» президент Фонда конституционных реформ представил доклад экспертов, в котором предлагается дополнить основной закон страны главами о парламентском контроле, гражданском обществе и избирательной системе [6].

9. Термин «гражданское общество» широко используется в юридической практике. Например, проект Конституции РФ [13], подготовленный Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации, содержал в себе раздел III Гражданское общество; в приказах Управделами Президента РФ термин гражданское общество используется в названиях документов [2].

Представленные аргументы свидетельствуют о том, что идея гражданского общества осознаётся российскими общественно-политическими и официальными структурами, юридической научной общественностью. Для реализации идей гражданского общества, перед Россией стоит глобальная задача, которую нужно решить в ходе правотворческой деятельности в ближайшие годы — формирование практически новой правовой основы, которая бы отражала и направляла происходящие в обществе демократические изменения фундаментальных начал жизнедеятельности, ориентированные на создание достойного для человека уровня материального благосостояния; «к политике, основанной на интересах электората и определяемой в конечном счёте избирателями» [22].

Для России путь к гражданскому обществу не может быть простым и быстрым, по следующим причинам.

Во-первых, институты гражданского общества в нашей стране только начинают формироваться, их структура аморфна, нестабильна и не заслуживает у населения доверия в осуществляемой ими деятельности.

Во-вторых, вопросы в сфере экономических отношений решаются дискретно и непоследовательно; процессы разгосударствления и приватизации не всегда несут целесообразный характер; наблюдается резкая поляризацию доходов социальных групп и слоёв населения; приоритетом в развитии системы рыночных отношений является не собственное производство, а продажа зарубежных товаров и т. д.

В-третьих, налицо кризисное состояние российской политической системы, а именно: деятельность политических партий не оказывает существенного влияния на формирование и реализацию политического курса страны, наблюдается низкий уровень политической культуры населения и власти.

В-четвертых, не определены конституционно-правовые основы в сфере формирования гражданского общества. Принятие законов, определяющих деятельность институтов гражданского общества осуществляется в спешке, без согласования с профессиональным сообществом, с определяющими началами гражданского общества.

Преодоление всех вышеуказанных недостатков требует значительных усилий, как со стороны государства, так и со стороны граждан, проживающих в современной России. Начало этой кропотливой работы может быть положено осмыслением и разработкой теории гражданского общества, с последующим воплощением основополагающих идей в нормах конституционного права.

Ключевым свойством гражданского общества выступает свобода как условие и способ человеческого самоосуществления, отягощённая мерой персональной ответственности. В системе социальных отношений, характеризующихся гражданским обществом свобода человека проявляется в его активной, правомерной, инициативной деятельности, обеспечивающей удовлетворение потребностей различного характера. В этой связи становление институтов гражданского общества и развитие демократии находятся в тесной взаимосвязи: чем более развито гражданское общество, тем демократичнее государство.

В институциональном плане гражданское общество представлено системой негосударственных образований, с помощью которых граждане могут удовлетворять свои интересы, не обращаясь к органам государственной власти. В таком обществе существует широкая сфера публичных отношений, где активно действуют массовые движения, партии, объединяющие граждан по интересам,

убеждениям. Развитое гражданское общество обладает такой степенью независимости и автономии от государства, которая гарантирует самостоятельное существование человека, безопасность личности от злоупотреблений, связанных с недобросовестным использованием государственной власти. Каждый индивид гражданского общества является прежде всего субъектом права, а уж потом – гражданином государства, именно поэтому гражданское общество защищает права человека, в то время как с государством связано обеспечение прав гражданина.

Гражданскому обществу, которое сложилось в развитых демократических странах (ФРГ, Австрии, США, Франции), присуща такая характеристика, как открытость. В открытом обществе его субъекты как бы «не замечают» государство, они обладают социальной мобильностью, имеют развитую систему общих интересов. Такое общество само регулирует деятельность важнейших институтов и делегирует государству столько полномочий, сколько считает необходимым.

Полагаясь на вышеизложенное можно выделить ряд существенных признаков, характерных для гражданского общества:

- наличие социального рыночного хозяйства, в котором обеспечены свобода экономической деятельности, предпринимательства, труда, разнообразие и равноправие всех форм собственности и равная их защита, добросовестная конкуренция;
- обеспечение социальной защищённости граждан, достойной жизни и развития человека;
- приоритет прав человека, подлинных свобод и демократии;
- свобода инициативы граждан и их коллективов на основе принципов самоуправления и саморегулирования;
- производственная и частная жизнь людей, обусловленная обычаями, нравами и традициями;
- защищённость сферы жизни свободных индивидов и их организаций, от необоснованного вмешательства государственной власти.

В качестве основных структурных элементов сферы жизнедеятельности гражданского общества можно выделить: первичные самоуправляющиеся общности (коллективы) людей (различные ассоциации, хозяйственные корпорации и другие общественные объединения); совокупность негосударственных (неполитических) общественных отношений; политические партии; органы местного самоуправления.

Осознавая значимость развития гражданского общества, для прогрессивного развития законодательством развитых европейских государств определяются конституционные основы жизнедеятельности гражданского общества, где отражаются общие принципы деятельности в системе экономических, политических, социальных отношений, организации нравственной жизни населения.

Первичная сфера (фундамент) гражданского общества – институт экономических и социальных отношений, представляет собой важную предпосылку полновластия народа и реальную свободу личности. Базовым элементом экономической системы гражданского общества выступает право собственности и разнообразные формы предпринимательской деятельности. Государственное регулирование экономических отношений сводится в основном к законодательному установлению необходимых стандартов поведения и форм налогообложения (США, Великобритания, Испания и др.). Возникающие в экономической сфере отношения между работодателями и работниками строятся на основе признания социального партнёрства и сотрудничества (Италия, Греция, Финляндия). Межнациональные отношения выстраиваются на основе конституционного закрепления равенства всех граждан независимо от национальности, расы, языка и религии, а также путём признания прав национальных меньшинств (Швеция, Мексика, Италия, Испания).

Нормы конституционного права в минимальном объёме регулируют духовно-культурную жизнь, не вторгаясь во внутренний мир человека. Вместе с тем они устанавливает важнейшие принципы, обеспечивающие доступ гражданина к этой сфере благ: 1) свободу образования и университетскую свободу (США, Италия); 2) свободный доступ к достижениям культуры и науки (Испания); 3) нерушимость свободы совести и её защиту (Греция); 4) свободу вероисповедания, отделение церкви от государства (Швеция, Швейцария).

Определяющее значение для действенного функционирования гражданского общества имеет организация политических отношений. Такие отношения складываются в рамках политической системы и регулируются совокупностью юридических норм, обеспечивающих участие населения в деятельности государственных учреждений и общественных объединений. Конституции зарубежных стран фиксируют не только важнейшие элементы этой системы: государственные органы, политические партии, профсоюзные и другие негосударственные организации, но и закрепляют поря-

док деятельности политической системы, основы взаимоотношений между её элементами. Гражданскому обществу присущи демократический политический режим, широкое самоуправление народа, преодоление конфликтных ситуаций с помощью согласительных процедур и судебных органов, отсутствие возможности решать даже самые сложные конфликтные вопросы силовыми методами. И самое главное для гражданского общества в политической системе – это утверждение механизма участия граждан в управлении делами государства по схеме: граждане, их политические и иные объединения выдвигают кандидатов на выборные государственные должности – население путём голосования формирует эти органы – представители народа отражают его интересы в принимаемых законодательных актах.

Для того чтобы общество могло называться гражданским, система, складывающихся внутри его отношений, должна отвечать целому ряду формально определяемых условий:

- 1) признание народа источником власти и носителем верховной власти;
- 2) наличие системы прав, гарантирующих участие личности в различных сферах жизнедеятельности;
- 3) равные возможности для участия граждан в политической жизни;
- 4) выборность и подконтрольность органов государственной и местной власти;
- 5) предоставлением возможности решать вопросов коллективным голосованием;
- 6) возможностью получения полной информации по существу возникающего вопроса в органах власти и местного самоуправления;
- 7) правом общественного контроля за деятельностью властей со стороны любого гражданина, группы граждан или общественного объединения.

Таковы основные характеристики гражданского общества в зарубежной практике. В них концентрируются общечеловеческие ценности, сформированные в процессе длительного развития государственно-организованного общества, естественный прогресс человеческой жизни. Безусловно, современная жизнь вносит и будет вносить новые элементы в теорию и практику строительства такого общества, но основополагающие элементы конструкции гражданского общества останутся постоянными.

Теперь, когда основные базовые элементы конструкции гражданского общества определены, необходимо придать ей статус теоретически надёжной и осуществимой на практике политической и социальной альтернативы. Словосочетание «гражданское общество» должно приобрести статус не просто политической, а именно концептуальной составляющей правовой системы современной России, выступит основанием для разработки и последующей реализации действенных правовых основ гражданского общества.

Соглашаясь с мнением современных авторов, относительно необходимости принятия конституции гражданского общества [19], считаем, что формирование действенного гражданского общества в современной России получит своё начало только при условии формального закрепления характеризующего этим понятием явления в Основном Законе. Рассматривая гражданское общество как определённое социальное пространство, следуя логике, продуктивно определить в новом проекте Конституции РФ в разделе «Гражданское общество» главы, определяющие начала жизнедеятельности гражданского общества. Первую главу указанного раздела следует назвать «Основы гражданского общества», а первую статью изложить в следующей редакции:

1. В Российской Федерации гарантируются условия для развития институтов гражданского общества.

2. В России гражданское общество представляет собой совокупность частных и межличностных коммуникаций социального, политического, идеологического, культурного, религиозного, семейного и иного характера, направляющих свою деятельность на удовлетворение интересов отдельных индивидов их коллективных образований и всего общества.

2. Основами гражданского общества выступают: собственность, труд, предпринимательство, общественные объединения, образование, наука, культура, семья, средства массовой информации, местное самоуправление, общественная палата.

Понятие и содержание каждой из перечисленных основ должно раскрываться в главах исследуемого раздела.

В главе I «Собственность, труд, предпринимательство» необходимо предусмотреть статьи, устанавливающие равноправие форм собственности, виды собственности, чёткую разработанность условий передачи в собственность земли, недр, воды, животного и растительного мира и других

природных ресурсов. Кроме всего перечисленного, в Основном Законе должна просматриваться и социальная функция частной собственности.

Понятие «социального капитала» в рамках концепции гражданского общества несёт в себе функцию некоего базового социально-психологического потенциала, существующего в обществе и способствующего самоорганизации его граждан и приданию их активности демократической направленности. В условиях «социального капитала» рабочий перестанет быть «пролетарием» и превратится в равноправного участника строительства нового мира. Социальный капитал, существующий в горизонтальных сетях гражданской активности, будет укреплять государство и экономику, а не наоборот: «сильное общество – сильная экономика; сильное общество – сильное государство» [12].

Глава II «Общественные и религиозные объединения» должна определять в общих чертах правовой статус и принципы функционирования различных общественных организаций – политических партий, профсоюзов и религиозных объединений и т. д.; обозначить обязанности государства в обеспечении свободного и эффективного участия молодёжи в политической, социальной и культурной жизни общества.

В главе III «Воспитание, образование, наука и культура» необходимо закрепить государственную поддержку воспитания, образования, культуры; указать меры направленные на развитие научных исследований, на обеспечение и сохранение памятников культуры.

Глава IV «Семья» должна урегулировать вопросы государственной и общественной защиты семьи, материнства, отцовства, детства; определить права родителей и детей.

Главе V «Средства массовой информации» призвана провозгласить свободу массовой информации, запрет цензуры и обязанность органов государственной власти реагировать на социально-значимую информацию в средствах информации.

Глава VI «Органы местного самоуправления» должна определять формы осуществления местного самоуправления, финансово-экономическую основу, гарантии местного самоуправления, перечень нарушений предусматривающих вмешательство органов государственной власти в деятельность данной структуры.

В главе VII «Общественная палата» следует закрепить положения устанавливающие компетенцию общественной палаты. В первую обязанность общественной палаты необходимо включить: экспертизу законов, решений принимаемых органами государственной власти; консультации с органами государственной власти; участие в выработке социально-экономической политики; информирование общественных организации о социально-значимых проектах. В этом случае общественная палата выступит тем звеном, которое позволит использовать прямую энергетику гражданского общества – различные инициативы на благо всех граждан.

Как показывает исторический опыт, даже самая прогрессивная конституция не может гарантировать претворение своих положений в жизнь. Формирование действенного гражданского общества и правовое государство требуют усилия со стороны граждан и целенаправленных политико-правовых действий со стороны власти. Затронутый нами вопрос выступает началом для формирования правовых основ гражданского общества. Надеемся, что вносимые предложения послужат базой для проведения масштабных преобразований социально-правовой жизни.

Литература

1. Указ Президента РФ от 1 февраля 2011 г. № 120 «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» // Собрание законодательства РФ. 2011 г. № 6. 7 февраля. Ст. 852.
2. Приказ Управления делами Президента РФ от 26 апреля 2013 г. № 226 «Об утверждении Правил предоставления в 2013 году из федерального бюджета субсидий некоммерческим неправительственным организациям, реализующим социально значимые проекты и участвующим в развитии институтов гражданского общества» // Российская газета. 2013 г. № 110. 24 мая.
3. Гёте И. В. Фауст. Трагедия: пер. с немецкого Б. Пастернака) // Собр. соч. в 10-ти т. Т. 2. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. М.: Художественная литература, 1976. С. 72.
4. Ельцин Б. Н. Россия на рубеже эпох (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации). М., 1999. 43 с.
5. Ескин Л. Б. Конституционная реформа в России: кризис или очередной этап? // Правоведение. 2001. № 2. С. 27.
6. Конституция РФ: пересматривать не нужно, можно уточнять и дополнять // <http://www.interfax.ru/txt.asp?id=345977> (дата обращения 08.01.2014).

7. Малько А. В. Конституционно-правовая политика современной России: проблемы и пути решения // Право и политика. 2001. № 6. С. 13.
8. Малько А. В., Струсь К. А. Правовые основы формирования гражданского общества в современной России // Государство и право. 2011 г. № 9. С. 112–121.
9. Матузов Н. И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3. С. 84.
10. Миронов О. О. Конституция не может быть неизменной // Государство и право. 1998. № 4.
11. Осейчук В. И. Россия нуждается в Конституции гражданского общества // Учёные записки. Сборник научных трудов Института государства и права. Вып. 2. Тюмень, 2001. С. 205–206.
12. Парадокс гражданского общества // Русский журнал. 1997. 25 декабря.
13. Проект Конституции РФ, подготовленный Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации // <http://constitution.garant.ru/history/active/101201/> (дата обращения 08.01.2014).
14. Попандопуло Н. А. Юридическое содержание категории «правовые основы» // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 29.
15. Смирнов Д. А., Струсь К. А. Правовая основа оценки качества образования в высших учебных заведениях: основные подходы и пути оптимизации // Universum: экономика и юриспруденция. 2014. № 1 (2). С. 5.
16. Струсь К. А. К вопросу о содержании правовых основ социально-экономического развития общества // Юридическая мысль. 2011. № 6. С. 46–50.
17. Струсь К. А. Эволюция представлений о содержании категории «правовые основы» // История государства и права. 2010. № 12. С. 23.
18. Струсь К. А. Категория «правовые основы»: переход от абстрактного к конкретному / Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 3. С. 80–83.
19. Струсь К. А. Правовые основы гражданского общества. / Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение / кол. авт.; под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов: Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина. 2013 г. С. 54–56.
20. Струсь К. А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России. Автореф... дисс. канд. юрид. наук. Саратов. 2002.
21. Струсь К. А. Попандопуло Н. А. Соотношение категории «правовые основы» и «источники права» // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 27. С. 140–144.
22. Матюхин А. А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы, 2000. С. 36.
23. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. С. 189–190.
24. Чиркин В. Е. О некоторых проблемах реформы российской Конституции // Государство и право. 2000. № 6. С. 16.

УДК 341.9

Сумской Дмитрий Александрович**К РАЗРАБОТКЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ**

В статье анализируется дефиниция «социальное право», содержание социальных прав граждан. Автор предлагает выделить социальное право в качестве самостоятельной отрасли российского права
Ключевые слова: социальное право, права человека, отрасль права, предмет правового регулирования.

Sumskoy Dmitry A.**DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF SOCIAL RIGHTS IN RUSSIA**

The article analyzes the definition of «social right», the content of social rights of citizens. Author proposed to social law as a separate branch of Russian law
Key words: social, human rights, branch of law, the subject of legal regulation.

Как известно термин «социальное право» был предложен в 1868 году немецким ученым Отто фон Гирке, который выделял публичное право, частное право и социальное право. При этом под социальным правом он понимал социальное и экономическое развитие, не зависящее от непосредственных действий государственных (муниципальных) органов или свободной игры сил в рамках действий частных самостоятельных правовых субъектов. Такое развитие управляется благодаря прямому сотрудничеству социальных групп или добровольному выравниванию интересов, координируемому государственным органом [1].

Термин «социальное право» используется в законодательстве Франции, ФРГ, Швеции и других стран Европы. В ФРГ существует Социальный кодекс, состоящий из специальных социальных законов. В Швеции действует Закон о всеобщем страховании и т. д. [2].

В современном мире социальные права являются самостоятельной группой прав человека. Подобное восприятие «прав человека» как системы прав, общей для всех людей, сложилось лишь во второй половине XX века, но особую актуальность оно приобрело сегодня, когда так важно сохранить и упрочить принципы Устава Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека 1948 года и иных основополагающих документов в области прав человека [3].

Принятие в 1993 году новой Конституции Российской Федерации, статья 7 которой закрепляет социальный характер российского государства, вызвало необходимость изменения социальной политики государства и кодификации законодательства, направленного на реализацию социальных прав граждан, закрепленных во второй главе Конституции. В связи с этим актуальным становится анализ социальных прав граждан, закрепленных в Конституции Российской Федерации.

В юридической литературе существуют различные подходы к определению понятия социальных прав. Н. В. Путило определяет социальные права человека как основные, неотъемлемые возможности каждого человека, посредством которых гарантируется поддержка со стороны общества и государства в случаях объективной невозможности самостоятельно обеспечить достойные условия существования для себя и своей семьи; осуществлять содействие в получении доступа к элементарным благам цивилизованного общества, прежде всего к образованию, культуре и здравоохранению [4].

Н. Д. Терещенко полагает, что социальные права человека и гражданина – это закрепленные в Конституции Российской Федерации основные права, предоставляющие каждому человеку возможность претендовать на получение от государства определенных материальных благ и обеспечивающие ему достойный уровень жизни и социальную защищенность [5].

По мнению В. А. Иваненко и В. С. Иваненко, социальные права человека представляют собой признаваемый обществом и государством и закрепленный в нормативно-правовых актах комплекс прав и свобод, которыми должен обладать каждый человек с целью обеспечения и защиты своих определенных свойств, интересов и возможностей, необходимых ему для нормального физиологического, материального и духовного существования и развития, для социально достойной жизни и общественно значимой деятельности. К ним, в частности, относятся право на достаточный жизненный минимум (пищу, одежду, жилище и т.п.), на труд и его благоприятные условия, на образование, на здоровье, на социальное обеспечение и помощь и т. д. Эти права признаны мировым сообществом, закреплены во многих международных актах и стали своеобразными международными социальными нормами-стандартами [6].

Вместе с тем на сегодняшний день не существует общепризнанного или согласованного перечня социальных прав. Как в научной литературе, так и на практике наблюдается большой разброс мнений относительно системы основных социальных прав человека и входящих в нее конкретных прав.

Поэтому представляется необходимым взять за основу международные нормативно-правовые акты, регламентирующие социальные права человека.

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года в статьях 6–13 закреплен следующий перечень основных социальных прав человека: 1) право на труд; 2) право на справедливые и благоприятные условия труда; 3) право на создание профсоюзов; 4) право на социальное обеспечение; 5) право семьи, матерей и детей на охрану и помощь; 6) право на достаточный уровень жизни; 7) право на здоровье; 8) право на образование.

7 декабря 2000 года в Ницце была принята Хартия Европейского Союза об основных правах, которая отнесла к социальным правам следующие:

- право не привлекаться к принудительному или обязательному труду;
- на учреждение профессиональных союзов;
- на образование, включая профессиональное обучение;
- на труд и профессиональную деятельность;
- право детей на защиту и заботу для обеспечения их благосостояния;
- право пожилых людей на достойную и независимую жизнь;
- право трудящихся на информацию и консультации;
- на коллективные переговоры и коллективные действия;
- на обращение к службам занятости;
- на защиту от любого неосновательного увольнения;
- на здоровые, безопасные и достойные условия труда;
- право молодых людей на минимальный трудовой возраст;

- право трудящихся молодых людей на особую защиту;
- право семьи на правовую, экономическую и социальную защиту;
- на доступ к системе социального обеспечения и услуг;
- на социальную помощь при отсутствии достаточных средств;
- на медицинские профилактические меры и помощь.

В Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека закреплены такие социальные права, как: 1) право на труд и защиту от безработицы; 2) право на свободный выбор труда; 3) право на развитие и защиту семьи; 4) равное право мужчины и женщины в браке; 5) право на защиту материнства и детства; 6) право на охрану здоровья; 7) право на социальное обеспечение; 8) право на образование и профессиональное обучение.

Согласно Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1966 года в странах Европейского союза принята Европейская социальная хартия¹, задуманная в свое время как аналог Европейской Конвенции о правах человека в социальной и экономической сферах² [7].

Несмотря на то, что не все государства ратифицировали Европейскую социальную хартию (так как ее реализация требует значительных государственных расходов), во многих странах наблюдается прогресс в законодательном закреплении социальных прав.

Европейская социальная хартия отнесла к социальным правам: 1) право на справедливые условия труда; 2) право на безопасные и здоровые условия труда; 3) право на справедливое вознаграждение; 4) право на организацию; 5) право на коллективные переговоры; 6) право детей и молодежи на защиту; 7) право работающих женщин на охрану материнства; 8) право на профессиональную ориентацию; 9) право на профессиональное обучение; 10) право на охрану здоровья; 11) право на социальное обеспечение; 12) право на социальную и медицинскую помощь; 13) право на социальное обслуживание; 14) право нетрудоспособных лиц на независимость, социальную интеграцию и участие в общественной жизни; 15) право на социальную, юридическую и экономическую защиту; 16) право заниматься приносящей доход деятельностью на территории других государств-участников хартии; 17) право работников-мигрантов и их семей на защиту и помощь; 18) право на равные возможности и равное обращение в сфере занятости без дискриминации по признакам пола; 19) право на информацию и консультации; 20) право участвовать в определении и улучшении условий труда и производственной среды; 21) право пожилых людей на социальную защиту; 22) право на защиту при увольнениях; 23) право работников на защиту их требований в случае банкротства предпринимателя; 24) право работников на защиту своего достоинства во время работы; 25) право работников с семейными обязанностями на равные возможности и на равное обращение; 26) право представителей работников на защиту и льготы на предприятиях; 27) право работников на информацию и консультации при коллективных увольнениях; 28) право на защиту от бедности и социального ostrакизма; 29) право на жилье.

Приведенный анализ международных норм показывает, что на сегодняшний день не существует единой позиции в отношении того, что собой представляют социальные права. К сожалению, ее не существует и в научной литературе, посвященной исследованию прав человека. Так, например, Н. А. Михалева к группе социальных прав относит право:

- на труд;
- благоприятные условия труда;
- оплачиваемый отпуск;
- индивидуальные и коллективные трудовые споры, а также право на забастовку;
- социальную защиту; право на жилище;
- на охрану здоровья;
- образование;
- благоприятную окружающую среду [8].

Н. В. Путило делит все социальные права человека на три группы. В первую группу она включает права, связанные с обеспечением средств существования и установлением контроля госу-

¹ В июне 1996 года была открыта к подписанию пересмотренная Европейская социальная хартия.

² На сегодняшний день хартию ратифицировали Австрия, Азербайджан, Албания, Андорра, Армения, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, Великобритания, Венгрия, Греция, Грузия, Дания, Исландия, Испания, Ирландия, Италия, Кипр, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Российская Федерация, Румыния, Сербия, Словакия, Турция, Украина, Финляндия, Франция, ФРГ, Черногория, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония.

дарства за отношениями работника и работодателя в процессе труда. К ним она относит права, связанные с защитой от безработицы; права, гарантирующие соответствие доходов необходимым расходам; а также права в области охраны труда и другие.

Вторую группу составляют права, гарантирующие достойный жизненный уровень. Среди них право на достижение наивысшего уровня состояния здоровья; право на бесплатное начальное и среднее образование; право на участие в социальном страховании; право на достойный жизненный уровень (пища, одежда, жилье и т. д.); право на обслуживание (в том числе и социальное).

К третьей группе прав, по ее мнению, должны быть отнесены права в области социального обеспечения, направленные на особую защиту отдельных групп населения [9].

По мнению Н. Д. Терещенко, основную группу социальных прав составляют такие конституционные права, как:

- а) право на охрану семьи, материнства и детства;
- б) право на социальное обеспечение и социальную защиту (в том числе и право на защиту от безработицы);
- в) право на жилище;
- г) право на охрану здоровья и медицинскую помощь [10].

В. А. Иваненко и В. С. Иваненко к социальным правам относят: 1) право на достойную жизнь; право на труд; 2) право на здоровье; 3) право на жилище; 4) право на развитие; 5) право на образование; 6) право на защиту от безработицы; 7) право на свободный выбор труда; 8) право на безопасные условия труда; 9) право на равную оплату за равный труд; 10) право на равную возможность продвижения в работе; 11) право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение; 12) право на создание профессиональных союзов и их объединений; 13) право на свободное вхождение в профессиональные союзы; 14) право на информацию и участие в решении «судьбоносных» для каждого вопросов; 15) право на трудовые споры и забастовки; 16) право на разумное ограничение рабочего времени; 17) право на отдых и досуг; 18) право на оплачиваемый периодический отпуск; 19) право на благоприятную окружающую среду; 20) право на поддержку и защиту семьи; 21) право матерей на социальную защиту; 22) право детей и подростков на социальную защиту; 23) право пожилых людей на социальную защиту и помощь; 24) право на социальное обеспечение при утрате средств существования; 25) право на постоянное улучшение условий жизни и труда [11].

На наш взгляд, целесообразно при определении перечня социальных прав использовать набор социальных прав, закрепленный в Европейской социальной хартии.

Определение перечня социальных прав имеет также важное теоретическое значение, поскольку некоторыми учеными (в частности, Н. В. Витруком, А. В. Мицкевичем, Н. В. Путило, С. Д. Соловьевой, Ю. А. Тихомировым) [12] высказана интересная точка зрения о необходимости формирования новой комплексной отрасли – социального права. При этом указанная отрасль права в перспективе должна охватывать более широкий круг отношений, чем трудовое право и право на социальное обеспечение. В нее целесообразно включить нормы, регламентирующие социальное обеспечение, страхование и другие формы социальной защиты населения; развивающееся сейчас специальное законодательство в области образования и здравоохранения, все более выходящее за рамки административного права, тем более что в праве Европейского Союза социальное право выступает самостоятельной отраслью, объединяющей нормы и институты трудового права, социального обеспечения и социальную помощь [13].

Следует заметить, что данная точка зрения разделяется далеко не всеми учеными-юристами. В юридической науке существует и противоположная позиция, согласно которой преждевременно выделять социальное право как отрасль права в силу того, что социальные проблемы регулируются различными отраслями права [14].

На наш взгляд, социальное право имеет свой предмет правового регулирования, который позволяет выделить эту отрасль из иных отраслей российского права. При этом в качестве определения социального права может быть предложено следующее: социальное право – это совокупность правовых норм, регламентирующих социальные права граждан.

Литература

1. Аннерс Э. История европейского права (перевод со шведского) / Институт Европы. М., 1994. С. 356.
2. Мицкевич А. В. Система права и система законодательства: развитие научных представлений и законотворчества // Проблемы современного гражданского права: сборник статей. М., 2000. С. 44.

3. Путило Н. В. Основы правового регулирования социальных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 10.
4. Путило Н.В. Основы правового регулирования социальных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 8.
5. Терещенко Н. Д. Конституционные социальные права личности: История развития и современное состояние в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 7–8.
6. Иваненко В. А., Иваненко В. С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты. СПб., 2003. С. 33–34; 10–11.
7. Глотов С. А., Мазаев В. Д. Современная концепция прав человека в принципах и нормах Совета Европы. Путеводитель по специальному лекционному курсу для студентов. М., 2001. С. 388.
8. Михалева Н. А. Конституционное право зарубежных стран СНГ. М., 2001. С. 172–176.
9. Путило Н. В. Основы правового регулирования социальных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 18–19.
10. Терещенко Н. Д. Конституционные социальные права личности: История развития и современное состояние в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 8.
11. Иваненко В. А., Иваненко В. С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты. СПб., 2003. С. 107.
12. Витрук Н. В. Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1982. № 7. С. 102; Мицкевич А. В. Система права и система законодательства: развитие научных представлений и законотворчества // Проблемы современного гражданского права: сборник статей. М., 2000. С. 44–45; Путило Н. В. Основы правового регулирования социальных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 3–4; Соловьева С. Д. Правовое регулирование социальной защиты населения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 11–13; Тихомиров Ю. А. Общая концепция развития российского законодательства. Издание третье. М., 1998. С. 11.
13. Junker A. Arbeits-und Sozialrecht in den Europäischen Union // JuristenZeitung. 1994. № 6. С. 277–286.
14. Скуратов Ю. И. Социальная роль права: история и перспективы. Материалы международной конференции. М., 2003. С. 15–16.

УДК 347.8

Тарасов Михаил Владимирович

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ (НАЧАЛО)

В статье автором исследуется вопрос идентификации юридического лица как субъекта гражданско-правовых отношений в информационно-коммуникационной сети Интернет и предлагаются пути ее решения.

Ключевые слова: субъекты гражданского права, юридические лица, Интернет, идентификация, правоспособность.

Tarasov Michael V.

LEGAL PERSON AS THE SUBJECT OF CIVIL AND LEGAL RELATIONS ON THE INTERNET (THE BEGINNING).

In the article the author explores the problem of identifying the legal entity as the subject of civil and legal relations in information and communication on the Internet and the ways of solving it.

Keywords: subjects of civil law, legal entities, Internet, identification, standing.

Сегодня информационно-коммуникационные технологии приобрели небывалую массовость и популярность. Обеспечивая доступ к любой информации круглые сутки, они используются в самых разных целях людьми всех возрастов, социальных и этнических групп во всех уголках нашей планеты [1]. Без них больше невозможно представить развитие культуры, экономики, науки, техники, здравоохранения, сферы отдыха и развлечений, а также многих других областей человеческой деятельности.

Интернет является привлекательной средой не только для обычных людей, но и для деловых кругов. Например, согласно опросу Oxford Economics, большинство респондентов (57 %) из различных отраслей экономики утверждают, что данные технологии окажут самое положительное влияние на их бизнес, поэтому в течение следующих пяти лет они будут инвестировать в них зна-

чительные средства [2]. Однако, несмотря на столь бурное развитие информационно-коммуникационных технологий, с точки зрения права Интернет до сих пор является некой *terra incognita*, бросающей вызов современной правовой системе, ответ на который правовой науке и практике только предстоит найти.

Одним из принципиальных вопросов, требующих правового анализа и решения, является вопрос идентификации субъектов общественных отношений в виртуальном пространстве. В данной статье мы проведем исследование статуса юридического лица в информационно-коммуникационном пространстве сети Интернет, а также определить его влияние на некоторые аспекты участия в гражданско-правовых отношениях указанного субъекта.

Для начала дадим определение понятию юридического лица. Как писал Г. Ф. Шершеневич, «субъектом права может быть лицо, способное вступать в юридические отношения, т. е. иметь право собственности, приобретать право требования, обязываться к известным действиям» [3]. Согласно ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество (обособленное имущество – в Проекте изменений ГК) и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Согласно определению юридического лица оно от своего имени приобретает и осуществляет имущественные и личные неимущественные права, т. е. во всех случаях обязано раскрывать свою личность перед контрагентом.

Именно вопрос об определении личности в виртуальном пространстве является ключевым в случае установления правоспособности и дееспособности любого участника гражданских отношений, который, в свою очередь, определяет, например, недействительность сделки.

Закон не содержит перечень данных, необходимых для определения юридического лица как участника гражданских отношений. Но Приказ Росфинмониторинга «Об утверждении Положения о требованиях к идентификации клиентов и выгодоприобретателей, в том числе с учетом степени (уровня) риска совершения клиентом операций в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма» к таким сведениям относит: наименование (полное и сокращенное), организационно-правовую форму, идентификационный номер налогоплательщика (код иностранной организации), сведения о государственной регистрации, место нахождения, указанное в учредительных документах; адрес (место нахождения) представительства, отделения, иного обособленного подразделения нерезидента на территории Российской Федерации, номера контактных телефонов и факсов [4]. К этому стоит прибавить некоторые характерные для информационно-коммуникационных сетей способы идентификации: доменный адрес электронного ресурса и адрес электронной почты. Причем эти данные должны быть доступны сторонам (например, находиться на том же электронном ресурсе, где лица вступают в отношения либо предоставляются контрагенту при помощи сообщения, заверенного электронной подписью).

Помимо фирменного наименования идентификации юридических лиц служат такие объекты интеллектуальных прав, как доменное имя, товарные знаки, знаки обслуживания и наименования мест происхождения товара, которые могут быть отражены на страницах электронного ресурса юридического лица.

Регулируя вопрос об идентификации юридического лица в информационно-коммуникационном пространстве, п. 4. ст. 15 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» указывает, что может быть предусмотрена обязательная идентификация личности, организаций, использующих информационно-телекоммуникационную сеть при осуществлении предпринимательской деятельности. При этом получатель электронного сообщения, находящийся на территории Российской Федерации, вправе провести проверку, позволяющую установить отправителя электронного сообщения, а в установленных федеральными законами или соглашением сторон случаях обязан провести такую проверку [5]. Поэтому, мы предлагаем дополнить ГК РФ ст. 54.1, содержащей правило идентификации юридических лиц, следующего содержания:

«Права и обязанности у юридического лица по сделкам в информационно-коммуникационных сетях возникают лишь в случае наличия у контрагента актуальных и достоверных сведений, соответствующих единому государственному реестру юридических лиц и дающих возможность для его идентификации в качестве участника имущественного оборота: об организационно-правовой форме, наименовании и т. д.

Такие сведения должны быть доступны на электронном ресурсе юридического лица либо передаваться контрагенту способами, подтверждающими их актуальность, достоверность».

Данная норма разовьет положения об идентификации юридического лица как стороны сделки и внесет ясность в процесс его участия в гражданско-правовых отношениях виртуального пространства.

Любопытным, на наш взгляд, является и вопрос о необходимости уточнения правоспособности юридического лица ввиду возрастающей роли информационно-коммуникационного пространства в жизни общества путем внесения в учредительные документы информации об осуществлении им деятельности через информационно-коммуникационные сети.

Начнем с того, что в дореволюционной и советской юридической науке и практике России (Мейер, Кавелин, Победоносцев и др.), а также ряда зарубежных стран, в частности Германии (Гирке, Ригельсбергер и др.), господствовал взгляд на правоспособность юридических лиц как на целевую. Лишь с изданием Указа Президента РФ «Об упорядочении государственной регистрации предпринимателей на территории Российской Федерации» целевая правоспособность большинства коммерческих юридических лиц сменилась на общую [6]. Но во многом этот взгляд преобладает и сегодня. Интересным в этой связи является высказывание И. В. Елисеева: «Универсальная же правоспособность носит характер исключения из общего правила и действует лишь в отношении коммерческих негосударственных юридических лиц» [7, с. 152]. Абз. 2 п. 1 ст. 49 ГК РФ содержит правило, по которому коммерческие организации могут осуществлять любые, не запрещенные законом виды деятельности. Как подчеркивают ВС РФ и ВАС РФ, коммерческие организации, за исключением унитарных предприятий и иных организаций, предусмотренных законом, наделены общей правоспособностью (статья 49), если в учредительных документах таких коммерческих организаций не содержится исчерпывающий (законченный) перечень видов деятельности, которыми соответствующая организация вправе заниматься [8]. Из позиции высших судебных инстанций становится ясно, что при общей правоспособности юридические лица вправе заниматься любой направленной на систематическое извлечение прибыли и не запрещенной законом деятельностью, в т. ч. в информационно-коммуникационных сетях и любым не запрещенным законом способом. Опираясь на зарубежный опыт, М. Я. Пергамент так описал суть общей правоспособности: «...во Франции... целый ряд писателей и даже немалое число судебных мест держатся начала общей правоспособности юридического лица, ограничиваемой лишь тогда, когда имеется специальная норма, устранившая или умаляющая то или другое право, тот или иной комплекс правомочий юридического лица» [9, с. 174]. В то же время некоммерческие юридические лица, имея специальную правоспособность, вряд ли могут обойтись без указания на «сферу» осуществления своей деятельности, в противном случае у них неизбежно возникнут затруднения в определении соответствия заявленной деятельности, деятельности фактической. Например, осуществление функций фонда по распространению программного обеспечения в Интернете может быть расценена как коммерческая деятельность по проведению рекламных акций и т. п.

Осуществление ряда лицензируемых видов деятельности организациями со специальной правоспособностью строится на использовании информационно-коммуникационных сетей: оказания услуг в области шифрования информации, разработки и производства средств защиты конфиденциальной информации и т. д. [10]

Как мы видим, правовые характеристики юридических лиц в силу присущих им черт (например, идеальность) и ряда норм позитивного права в большинстве своем остаются там неизменными (по сравнению с лицами физическими в отношении юридического лица не надо устанавливать его дееспособность), поэтому на данный момент внесение подобной информации для коммерческих юридических лиц с общей правоспособностью является добровольным. Наряду с этим указание на деятельность в информационно-коммуникационных сетях юридическими лицами со специальной правоспособностью должно носить обязательный характер.

Следует добавить, что при постоянном повышении роли информационно-коммуникационных сетей в жизни общества внесение данной информации в учредительные документы станет повсеместным явлением как в случае если деятельность преимущественно осуществляется через Интернет (например, интернет-торговля «с использованием информационно-коммуникационных сетей», «с использованием сети Интернет» и т. п.), так и в случае если такая деятельность лица в информационно-коммуникационных сетях носит факультативный характер (например, теле- и радиовещание, «в т. ч. с использованием сети Интернет» и т. п.).

Подобные указания могут содержаться в положении о предмете деятельности юридического лица: «ООО вправе осуществлять на территории Российской Федерации и за ее пределами иные виды деятельности, в т. ч. с использованием сети Интернет, не предусмотренные настоящим Уставом и не противоречащие действующему законодательству». С их помощью контрагент будет иметь более четкое представление о правоспособности юридического лица как в реальном, так и в виртуальном пространстве.

Литература

1. Экипаж МКС получил прямой доступ к интернету [Электронный ресурс] // URL: <http://lenta.ru/news/2010/01/22/connect/> (дата обращения: 10.05.13).
2. The New Digital Economy [Электронный ресурс] // URL: <http://www.myclouddoor.com/web/documents/The%20New%20Digital%20Economy.pdf> (дата обращения: 15.09.2013).
3. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1911 г.) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 09.10.2013).
4. Об утверждении Положения о требованиях к идентификации клиентов и выгодоприобретателей, в том числе с учетом степени (уровня) риска совершения клиентом операций в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма: Приказ Росфинмониторинга от 17.02.2011 № 59 (ред. от 03.09.2012) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.09.2013).
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 05.04.2013) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2013).
6. Об упорядочении государственной регистрации предпринимателей на территории Российской Федерации: Указ Президента РФ от 08.07.1994 № 1482 (вместе с «Положением о порядке государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности») // СЗ РФ. 11.07.1994. № 11. Ст. 1194.
7. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. / Н. Д. Егоров, И. В. Елисеев и др.; отв. ред А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2004. С. 152. (Автор параграфа – И. В. Елисеев).
8. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 // Российская газета. 1996. № 152.
9. Пергамент М. Я. К вопросу о правоспособности юридического лица (Печатается по изд.: Пергамент М. Я. К вопросу о правоспособности юридического лица. СПб., 1909 г.) // Закон. 2011. № 4.
10. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

ЭКОНОМИКА

УДК 657

Бахолдина Ирина Викторовна**БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ ДОБАВОЧНОГО КАПИТАЛА
В КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**

Добавочный капитал организации представляет собой часть собственного капитала, который является общей собственностью всех участников организации. Поэтому важно грамотно и правильно организовать бухгалтерский учет его формирования и использования.

Ключевые слова: добавочный капитал, собственный капитал, переоценка внеоборотных активов, эмиссионный доход, целевое финансирование.

Bakholdina Irina V.**ACCOUNTING ADDITIONAL CAPITAL IN COMMERCIAL ORGANIZATIONS**

Additional capital is part of the organization's equity, which is the common property of all members of the organization. Therefore, it is important to correctly and properly organize the accounting of its formation and use.

Keywords: additional capital, equity capital, revaluation of fixed assets, share premium, targeted funding.

Самостоятельным объектом бухгалтерского учета и показателем отчетности является добавочный капитал коммерческой организации. К сожалению, на данный момент системой нормативного регулирования бухгалтерского учета и финансовой отчетности в РФ не предусмотрено всестороннее регулирование формирования и использования добавочного капитала в коммерческих организациях. Система нормативного регулирования определяет добавочный капитал – это «сумма дооценки внеоборотных активов, проводимой в установленном порядке, сумма, полученная сверх номинальной стоимости размещенных акций (эмиссионный доход акционерного общества), и другие аналогичные суммы» [2].

Сведения о добавочном капитале отражаются организацией в бухгалтерском балансе в разделе III «Капитал и резервы» двумя статьями: «Переоценка внеоборотных активов» и «Добавочный капитал (без переоценки)». Это вызывает необходимость отдельного учета добавочного капитала в виде прироста стоимости основных средств и нематериальных активов по переоценке, а также прочего добавочного капитала. (Приказом Минфина России «О формах бухгалтерской отчетности организаций» от 02.07.2010 № 66н) [3].

Коммерческие организации при переоценке объектов внеоборотных активов образовавшуюся положительную разницу между текущей (восстановительной) стоимостью объектов и их первоначальной стоимостью, определенной по результатам переоценки (переоценка проведена впервые или переоценка по объектам которые до этого только дооценивались), и положительную разницу между суммой дооценки и суммой предыдущей уценки объекта (переоценка объекта, который ранее был уценен) включают в добавочный капитал организации.

Компания «А» приобрела основное средство стоимостью 1 000 000 руб. в январе текущего года. Рыночная стоимость объекта на конец текущего года составляет 1 100 000 руб. В бухгалтерском учете – срок полезного использования объекта составляет 10 лет, амортизация начисляется линейным способом (методом). По данному объекту принято решение о переоценке по состоянию на 1 января следующего года.

Ежемесячная сумма амортизации по данному объекту равна 8 333 руб. ($1\,000\,000 / 10 \text{ лет} / 12 \text{ мес.}$). Амортизация, начисленная за период с февраля по декабрь текущего года, составляет 91 663 руб. ($8\,333 \text{ руб./мес.} \times 11 \text{ мес.}$).

Коэффициент пересчета при проведении переоценки на конец года равен 1,1 ($1\,100\,000 \text{ руб.} / 1\,000\,000 \text{ руб.}$). Следовательно, пересчитанная сумма амортизации составляет 100 829 руб. ($91\,663 \text{ руб.} \times 1,1$).

С 01 января следующего года ежемесячная сумма амортизации по данному объекту равна 9 167 руб. ($1\,100\,000 \text{ руб.} / 10 \text{ лет} / 12 \text{ мес.}$).

На счетах бухгалтерского учета компании «А» сделаны следующие записи:

Таблица 1

Записи на счетах бухгалтерского учета компании «А»

№ п/п	Содержание операции	Корреспонденция счетов		Сумма, руб.
		Дебет	Кредит	
1	2	3	4	5
1	Объект введен в эксплуатацию в январе текущего года	01	08	1 000 000
2	Начислена амортизация по объекту (ежемесячно с февраля по декабрь текущего года)	20	02	8 333
3	Отражена сумма дооценки первоначальной стоимости объекта (1 100 000–1 000 000)	01	83	100 000
4	Отражена сумма дооценки амортизации (100 829–91 663)	83	02	9 166
5	Начислена амортизация по объекту в январе следующего года	20	02	9 167

Также в добавочный капитал коммерческие организации включают образовавшуюся разницу между стоимостью активов, поступившего в счет оплаты акций (включая денежные средства), и их номинальной стоимостью, то есть эмиссионный доход, который может формироваться только у акционерных обществ. При этом необходимо помнить, что для организаций иных форм собственности (обществ с ограниченной ответственностью, товариществ, кооперативов и др.) появление эмиссионного дохода нормативными документами не предусматривается.

Компания «А» (форма собственности – открытое акционерное общество) зарегистрировала эмиссию акций. Номинальная стоимость объявленных акций составляет 100 000 руб. В результате проведенной открытой подписки акции были проданы по цене выше номинальной стоимости на сумму 10 000 руб., в результате чего образовался эмиссионный доход. На счетах бухгалтерского учета компании «А» сделаны следующие записи.

Таблица 2

Записи на счетах бухгалтерского учета компании «А»

№ п/п	Содержание операции	Корреспонденция счетов		Сумма, руб.
		Дебет	Кредит	
1	Зарегистрирован уставный капитал компании А	75	80	100 000
2	Поступили денежные средства в оплату акций	51	75	110 000
3	Отражена сумма эмиссионного дохода	75	83	000

У обществ с ограниченной ответственностью в составе добавочного капитала отражается превышение оплаты учредителем доли в уставном капитале над ее номинальной стоимостью. Это превышение близко к эмиссионному доходу, но в ООО формирование уставного капитала не является эмиссией, поэтому учитывается в составе добавочного капитала.

Участник компании «А», форма собственности – общество с ограниченной ответственностью, вносит в кассу денежные средства в сумме 10 000 руб. в качестве вклада в уставный капитал. Номинальная стоимость доли в уставном капитале вновь принимаемого участника составляет 8 000 руб. На счетах бухгалтерского учета компании «А» сделаны следующие записи:

Таблица 3

Записи на счетах бухгалтерского учета компании «А»

№ п/п	Содержание операции	Корреспонденция счетов		Сумма, руб.
		Дебет	Кредит	
1	Увеличен уставный капитал компании А	75	80	8 000
2	Поступили наличные денежные средства в оплату приобретаемой доли	50	75	10 000
3	Отражена сумма разницы между суммой, фактически внесенной в оплату доли в уставном капитале, и ее номинальной стоимостью	75	83	2 000

Участники общества с ограниченной ответственностью в соответствии с п. 1 ст. 27 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ [1] могут вносить вклады в имущество ООО.

В соответствии с разъяснениями, данными в Письме Минфина России от 13.04.2005 № 07-05-06/107, вклад в имущество общества с ограниченной ответственностью подлежит отражению в бухгалтерском учете этим обществом по дебету счетов учета имущества и кредиту счета добавочного капитала.

Дочерней организацией «А» от материнской компании «В» (доля которой в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью составляет 100 %) на расчетный счет получены денежные средства в размере 50 000 рублей. На счетах бухгалтерского учета компании «А» сделаны следующие записи.

Таблица 4

Записи на счетах бухгалтерского учета компании «А»

№ п/п	Содержание операции	Корреспонденция счетов		Сумма, руб.
		Дебет	Кредит	
1	Увеличен уставный капитал компании А	51	83	50 000

Также составляющей добавочного капитала в коммерческих организациях может быть восстановленная учредителями сумма НДС, которая передается организации с имуществом, нематериальными активами и имущественными правами в случае внесения их в уставный капитал. Учредительными документами при этом предусмотрен вариант отражения восстановленного учредителями сумм НДС в составе добавочного капитала.

Используется добавочный капитал на погашение сумм снижения стоимости внеоборотных активов при проведении последующей переоценки. При этом, если внеоборотные активы выбывают из организации, средства добавочного капитала, которые образовались в результате переоценок внеоборотных активов, относятся в нераспределенную прибыль организации.

Организация «А» списывает объект основных средств вследствие морального износа. По объекту произведена переоценка на сумму 20 000 рублей. Текущая (восстановительная) стоимость объекта на дату списания составляла 85 000 руб., сумма накопленной амортизации 50 000 руб. На счетах бухгалтерского учета организации «А» сделаны следующие записи:

Таблица 5

Записи на счетах бухгалтерского учета компании «А»

№ п/п	Содержание операции	Корреспонденция счетов		Сумма, руб.
		Дебет	Кредит	
1	Списана текущая (восстановительная) стоимость объекта	01/Выбытие основных средств	01	85 000
2	Списана амортизация объекта	02	01/Выбытие основных средств	50 000
3	Списана остаточная стоимость объекта	91/2	01/Выбытие основных средств	35 000
4	Списана сумма дооценки станка	83	84	20 000

Средства добавочного капитала организация может использовать на увеличение уставного (складочного) капитала путем увеличения номинальной стоимости акций или размещения дополнительных акций. Источником такого увеличения является имущество общества, то есть прежде всего средства добавочного капитала.

Организация «А» увеличивает уставный капитал путем увеличения номинальной стоимости акций за счет средств добавочного капитала на сумму 100 000 руб. Уплачена госпошлина за государственную регистрацию выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг 10 000 руб. На счетах бухгалтерского учета организации «А» сделаны следующие записи:

Таблица 6

Записи на счетах бухгалтерского учета компании «А»

№ п/п	Содержание операции	Корреспонденция счетов		Сумма, руб.
		Дебет	Кредит	
1	Отражено увеличение уставного капитала за счет средств добавочного капитала	83	80	100 000

Средства добавочного капитала используются на списание отрицательных курсовых разниц, которые возникли в результате формирования уставного капитала.

Проанализировав направление движения денежных потоков, можно сделать вывод о том, что формирование средств добавочного капитала коммерческой организации происходит за счет тех же источников, на которые он и расходуется. Добавочный капитал является внутренним источником финансирования коммерческой организации, но используется он только на определенные цели.

Литература

1. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ.
2. Положение по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации: Приказ Минфина РФ от 29.07.1998 г. № 34н.
3. О формах бухгалтерской отчетности: Приказ Минфина России от 02.07.2010 г. № 66н.

УДК 334: 65.0

**Борис Ольга Александровна, Горбенко Лариса Ивановна,
Боброва Елена Фанильевна**

ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Согласно предложенной системе оценки типа социально ориентированного инновационного предприятия выполнен расчет отдельных критериев оценки и сделан вывод об эффективности существующих на исследованных предприятиях моделей холистического управления.

Ключевые слова: социальная ориентированность, инновационное предприятие, модель холистического управления, матрицы оценки.

Boris Olga A., Gorbenko Larisa I., Bobrova Elena F.

IDENTIFICATION OF THE MODEL OF SOCIALLY-ORIENTED INNOVATIVE ENTERPRISE: THEORY AND PRACTICE

Under the proposed evaluation system type of socio-oriented innovative company calculated the individual evaluation criteria and concluded that the effectiveness of existing enterprises studied holistic management models.

Key words: social orientation, innovative enterprise, the model of holistic management, assessment matrix.

Важный этап холистического управления – это установление модели социально ориентированного инновационного предприятия. Путем интервьюирования сотрудников и руководства исследуемых организаций заполняем матрицы, описанные на рисунках 1 и 2, в которых приведены усредненные данные ответов респондентов.

Перед началом анализа необходимо отметить, что организационные структуры Компаний X и Y достаточно разветвлены и отличаются от шаблонов инновационной и социальной матрицы рисунков 1 и 2. Однако для приведения обоих анализируемых предприятий к одной форме сравнения, используется стандартная матрица, разработанная автором, а ситуации в компаниях описываются исходя из значимости каждой цели без учета подразделений.

На рисунке 1 изображена инновационная матрица Компании X.

Особенность данного промышленного производства состоит в том, что основными потребителями инновационной продукции являются иностранные компании. На территории Российской Федерации организация работает на основе государственного заказа. Поэтому особое значение приобретают коммуникации с зарубежными партнерами и своевременная доставка. «Освоение потребителями инновационного продукта» – основная задача отделов продаж, маркетинга и логистики Компании X (по 2 балла соответственно). Отдел ИТ обеспечивает бесперебойную работу компьютерного оборудования и интернета (1 балл).

	Отдел кадров	Отдел продаж	Отдел ИТ	Отдел маркетинга	Отдел логистики	Производство	Бухгалтерия	Директор
Создание инновационной продукции / услуги	0	0	1	0	0	2	1	2
Использование инновационных подходов в своей хозяйственной деятельности	1	1	2	1	1	2	1	2
Освоение потребителями инновационного продукта / услуги	0	2	1	2	2	0	0	1
Коммерциализация инновационного продукта	0	2	0	1	1	0	0	0
Вложение средств во внешние инновационные продукты / услуги	0	0	0	1	0	0	1	2

Рис. 1. Инновационная матрица Компании X

Коммерциализацией (или реализацией) инновационного продукта занимается отдел продаж Компании X (2 балла), отдел маркетинга занимается рекламой (рассылка информационных писем, продвижение в Интернете и пр.), отдел информационных технологий обеспечивает работу их программного обеспечения и оборудования (по 1 баллу соответственно). Вложение средств во внешние инновационные продукты / услуги в Компании X происходит не систематически. Так, в 2009 году предприятие вкладывало средства в предприятие, производящее синтетические черные алмазы, а в 2010 – в организацию, специализирующуюся на солнечной энергетике (фотовольтаике). В последнее время предприятие испытывает некоторые финансовые затруднения, поэтому вложение во внешние продукты временно приостановлено.

На рис. 2 изображена социальная матрица для Компании X.

	Отдел кадров	Отдел продаж	Отдел ИТ	Отдел маркетинга	Отдел логистики	Производство	Бухгалтерия	Директор
Удовлетворенность персонала своей работой	2	2	0	1	2	2	1	1
Безопасность труда / социальный пакет (гарантии)	2	1	1	1	1	2	1	2
Экологически чистое производство / экономное ресурсопотребление	1	1	2	1	1	2	1	1
Развитие местного сообщества	0	0	0	1	0	0	1	2
Социальные программы внутри организации	0	0	0	0	0	0	1	2

Рис. 2. Социальная матрица Компании X

Анализ данных рисунка 2 позволяет сделать вывод о том, что в Компании X основным структурным подразделением, занимающимся социальными аспектами предприятия является производство. По мнению респондентов, это связано с тем, что «уровень удовлетворенности персонала своим трудом» зависит от того, насколько результативно работает предприятие. Поэтому опрошенные представители Компании X поставили данной социальной цели по 2 балла практически всем отделам, связанным с производством и реализацией продукции.

В связи с тем, что Компания X – высокотехнологичное промышленное производство, особое место в ее функционировании занимает безопасность труда. В организационной структуре анализируемой организации присутствует отдельная штатная единица, специализирующаяся на данном аспекте деятельности. Так как в шаблоне социальной матрицы отдельное подразделение по безопасности труда не выделяется, то было целесообразно присвоить высший балл директору и произ-

водству. Остальные блоки, по мнению представителей Компании X, принимавших участие в опросе, занимаются данным направлением опосредованно (1 балл).

Необходимо отметить достаточно высокий уровень социальных гарантий в Компании X, которая обеспечивает полный социальный пакет, а также дополнительные денежные выплаты при различных жизненных ситуациях сотрудников (свадьба, рождение ребенка, болезнь работника, смерть близких людей и т. д.). В основном данным направлением занимается отдел кадров, поэтому в матрице рис. 2, ему присвоено 2 балла.

Генеральный директор Компании X уделяет внимание благотворительности и развитию местного сообщества (2 балла). Раз в год предприятие выделяет денежные средства на развитие детского дома в городе Ставрополе. Косвенно в этом процессе задействованы отделы бухгалтерии и маркетинга (по 1 баллу соответственно).

Как таковые «программы» по поддержке сотрудников в Компании X отсутствуют. Однако, как описано выше, уделяется огромное внимание помощи им и их развитию. Поэтому в социальной матрице рис. 2 директору поставлено 2 балла и бухгалтерии – 1.

Таким образом, можно говорить о высоком инновационном и социальном уровне Компании X.

Далее аналогичным образом проанализируем следующую организацию – Компанию Y – группу компаний с сетью филиалов на территории России. Приоритетные направления развития Компании Y – интеллектуальные и программно-аппаратные разработки для реализации национальных проектов, направленных на усиление безопасности, повышения энергоэффективности и информатизации.

Партнеры Компании Y – мировые лидеры в области ИТ, безопасности и инженерного обеспечения: HP, BOSCH, NEC, Cisco, Microsoft, Oracle и др. Среди заказчиков компании – крупнейшие российские организации: МЧС России, ОАО «ВымпелКом», Пенсионный фонд РФ, Enel, ЕврОхим, НК Лукойл, Северо-Кавказский банк Сбербанка России и др. [101].

На рисунке 3 представлена инновационная матрица Компании Y.

	Отдел кадров	Отдел продаж	Отдел ИТ	Отдел маркетинга	Отдел логистики	Производство	Бухгалтерия	Директор
Создание инновационной продукции / услуги	0	1	2	1	0	2	1	1
Использование инновационных подходов в своей хозяйственной деятельности	2	2	2	2	2	2	2	2
Освоение потребителями инновационного продукта / услуги	0	2	0	1	0	2	0	0
Коммерциализация инновационного продукта	0	2	1	2	2	0	0	0
Вложение средств во внешние инновационные продукты / услуги	0	0	0	0	0	0	0	0

Рис. 3. Инновационная матрица Компании Y

Анализируя инновационную матрицу, стоит отметить, что Компания Y – это инновационный холдинг, в связи с этим нововведения играют определяющую роль в его деятельности. Все сотрудники компании используют в своей деятельности инновационные подходы, поэтому по данной цели у всех подразделений Компании Y 2 балла.

«Созданием инновационной продукции / услуги» занимаются многие подразделения организации. Так, например, основная разработка новшеств происходит на производстве, а программисты отдела информационных технологий пишут новые программы для каждого конкретного заказа, поэтому на рис. 3 им присвоено по 2 балла.

Остальные отделы связаны с этим направлением косвенно: отдел продаж и маркетинга – через изучение потребностей рынка; через бухгалтерию проходят средства, выделяемые на производство; директор определяет генеральные направления разработки инноваций (по 1 баллу соответственно).

Освоение потребителями инновационного продукта / услуги – важное направление хозяйственной деятельности Компании У.

В структуре предприятия имеется специальная служба технической поддержки, основной задачей которой является обучение потребителей пользоваться инновационным продуктом и его последующее сервисное обслуживание.

В связи с тем что в стандартной инновационной матрице отсутствуют специализированный отдел, занимающийся данным видом работ, считаем целесообразным поставить 2 балла «производству» Компании У как наиболее близкому по смыслу подразделению.

Отдел продаж также имеет целью «освоение потребителями инновационного продукта / услуги», т. к. именно продавцам товара приходят отзывы покупателей (2 балла). С этим же направлением, но косвенно, через опросы потребителей, связан отдел маркетинга – 1 балл.

Коммерциализация инновационного продукта в Компании У проходит стандартно – в отделе продаж, через маркетинговые акции и своевременную доставку (2 балла соответственно). Обеспечивает эффективную работу их программного обеспечения отдел информационных технологий (1 балл).

Вложения во внешние инновационные продукты не требуется (0 баллов).

Переходим к анализу социальной матрицы Компании У, которая представлена на рисунке 4.

	Отдел кадров	Отдел продаж	Отдел ИТ	Отдел маркетинга	Отдел логистики	Производство	Бухгалтерия	Директор
Удовлетворенность персонала своей работой	2	1	1	1	1	1	1	2
Безопасность труда / социальный пакет (гарантии)	2	1	1	1	1	2	1	1
Экологически чистое производство / экономное ресурсопотребление	1	1	1	1	1	1	1	2
Развитие местного сообщества	0	0	0	1	0	0	1	2
Социальные программы внутри организации	1	1	1	1	1	1	2	2

Рис. 4. Социальная матрица Компании У

Анализируя рисунок 4, можно отметить следующее: цель «удовлетворенность персонала своей работой» реализуется директором и отделом кадров (2 балла). Остальные подразделения связаны опосредованно, т. к. везде работают люди, на удовлетворенность трудом которых направлена деятельность указанных подразделений.

С этой целью тесно связаны различные социальные программы внутри организации, реализуемые в Компании У. На данном предприятии несколько раз в год проводятся корпоративные праздники, на которых руководство Компании У разыгрывает различные призы: от подарочных сертификатов до туристических путевок за границу. Также обычной практикой в анализируемой организации являются выплаты при различных жизненных ситуациях сотрудников: свадьба, рождение ребенка, серьезное заболевание, смерть близких и пр. Сотрудники Компании У ощущают на себе заботу руководства, поэтому уровень удовлетворенности персонала своей работой достаточно высок.

Для наиболее экономного ресурсопотребления в Компании У создана лаборатория электроизмерения и электроаудита. Так как в стандартной социальной матрице подобное подразделение отсутствует, респондентами было присвоено 2 балла руководству Компании У как инициатору данного подразделения и остальным по 1 баллу – за экономное потребление основного ресурса Компании У – электричества.

Оценивая деятельность Компании У по отношению к развитию местного сообщества, стоит отметить наличие «подшефного» детского дома в городе Ставрополе, куда исследуемое предприя-

тие регулярно вкладывает средства, покупая необходимое оборудование, продукты питания, подарки к праздникам, одежду и пр. (директор – 2 балла, бухгалтерия – 1 балл).

Далее определим, к какой модели социально ориентированного инновационного предприятия относятся исследуемые организации.

Очевидно, что полного соответствия моделей, указанных на рисунках 1-4, предложенной ранее теории [1, 2], наблюдаться не будет. С учетом особенности функционирования и данных суммирования общих баллов инновационных и социальных матриц получились следующие результаты:

- Компания X – 74 балла;
- Компания Y – 79 баллов;
- встроенный тип СОИП – 77 баллов;
- интегрированный тип СОИП № 1 – 53 балла;
- интегрированный тип СОИП № 2 – 81 балл;
- внешний тип СОИП № 1 – 56 баллов;
- внешний тип СОИП № 2 – 59 баллов;
- внешний тип СОИП № 3 – 39 баллов.

Можно сделать вывод, что Компания X в большей степени относится к встроенной модели социально ориентированного инновационного предприятия, а Компания Y – к интегрированной модели № 1.

В целом, в ходе практической апробации холистического механизма были выявлены следующие его недостатки:

- недостаточность подразделений в шаблонах инновационных и социальных матриц для эффективной оценки деятельности предприятий;
- относительность количества суммарных баллов для составления объективной базы сравнения СОИП;
- излишняя обобщенность предложенных сценариев действий и пр.

Стоит отметить, что предлагаемый нами в данном диссертационном исследовании механизм холистического управления социально ориентированным инновационным предприятием не является «панацеей», а лишь ориентирует руководство СОИП, что в определенных направлениях деятельности организации необходимо предпринять корректирующие действия, а также предлагает ориентиры этих воздействий.

Литература

1. Борис О. А. Социально ориентированное инновационное предприятие: теория и практика холистического развития. Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула», 2013.
2. Борис О. А., Парахина В. Н. Интраменеджмент организаций и экологическая диагностика их деятельности // Современные проблемы человечества в контексте социальных отношений и международного развития: материалы XXIX Международной научно-практической конференции и второго этапа чемпионата по научной аналитике в военных, политических и социологических науках. Лондон, 2012.

УДК 338.43:631.1(470.63)

Горлов Сергей Михайлович, Джавадова Овсання Мэлистовна

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ АПК В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)

В статье рассмотрены перспективы совершенствования агропромышленного комплекса Ставропольского края, обозначены проблемы развития обрабатывающей отрасли АПК России и Ставропольского края, значительно обострившиеся в связи со вступлением России в ВТО. Предложены направления модернизации обрабатывающей отрасли Ставропольского края.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, обрабатывающее производство, ВТО, модернизация экономики, агропромышленный потенциал Ставропольского края, развитие обрабатывающих производств.

Gorlov Sergey M., Dgavadova Ovsanna. M.

ISSUES AND PERSPECTIVES OF THE AGROINDUSTRIAL COMPLEX MANUFACTURE DEVELOPMENT IN THE CURRENT CONTEXT OF THE COUNTRY'S ECONOMY MODERNIZATION (EVIDENCE FROM STAVROPOL REGION)

In article improvement of agroindustrial complex of Stavropol region, problems of development of processing branch of agrarian and industrial complex of Russia and Stavropol region, considerably become aggravated in connection with Russia's accession to the World Trade Organization are designated. The directions of modernization of processing branch of Stavropol region are offered.

Keywords: agro-industrial complex, the agriculture processing production, the WTO, economy modernization, agro-industrial capacity of Stavropol region, development of processing productions.

Российская Федерация располагает большим аграрным потенциалом благодаря разнообразию природно-климатических условий. Развитие агропромышленного комплекса (АПК) является приоритетной задачей государства по обеспечению продовольственной безопасности как на уровне отдельных взятых регионов, так и страны в целом. Кроме того, функционирование агропромышленного комплекса страны способствует росту производства сельскохозяйственной продукции, интенсификации производства сельскохозяйственной продукции, реализации ресурсного потенциала страны и регионов, повышению эффективности сельскохозяйственного производства и увеличению доли продукции сельского хозяйства в экспорте.

Современная экономическая политика государства направлена на модернизацию во всех отраслях экономики, в том числе и АПК. В этой связи в сферу модернизации в России в 2012 году уже выделено около 1 триллиона рублей [1]. Данные меры были предприняты на фоне осознанности отсталости российской экономики, ярко проявившейся во время мирового кризиса. Зависимость отечественной экономики от экспорта сырья, слабость финансового рынка и низкая конкурентоспособность обрабатывающего сектора привели к тому, что Россия оказалась в числе наиболее пострадавших стран. Несмотря на чрезвычайно актуальные, знаковые инициативы президента по модернизации экономики, кардинального изменения положения не происходит. Экономический рост концентрируется в сырьевом секторе. Сегодня стране нужна полномасштабная, системная модернизация, которая полностью изменила бы за следующие 15–20 лет структуру промышленности, инфраструктуры, экспорта, внутреннего рынка [2]. Положение дел осложнилось в связи с вступлением России в ВТО, затронувшее в первую очередь агропромышленный комплекс.

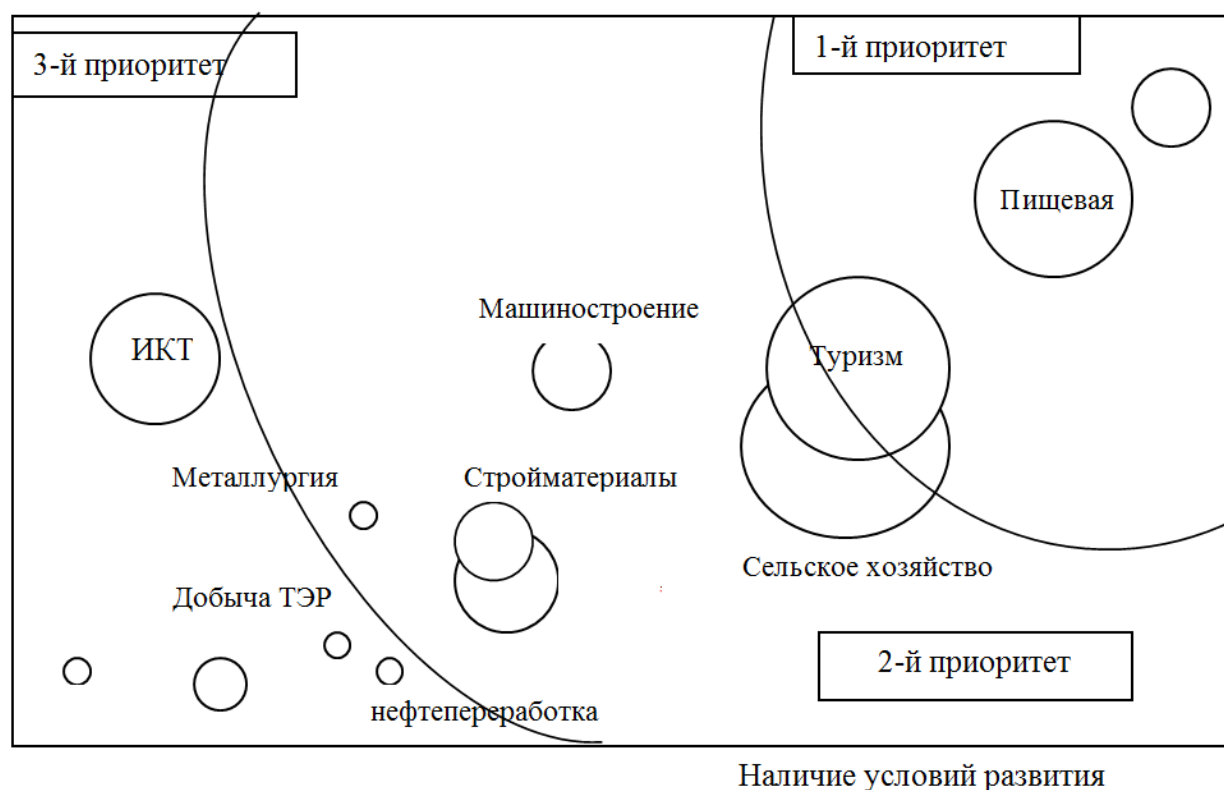
Агропромышленный комплекс России имеет сложную многофункциональную структуру, обуславливающую взаимосвязь с другими отраслями экономики, что актуализирует проблему обеспечения эффективности функционирования каждой составной отрасли в отдельности. На сегодняшний день стало очевидным, что на федеральном уровне учесть все возможности для развития АПК не представляется возможным, поскольку каждый конкретный регион имеет свои географические, климатические, экономические и иные особенности, играющие далеко не последнюю роль в определении направлений развития той или иной отрасли в структуре регионального АПК.

Распределение потенциала для развития отрасли АПК в региональном разрезе имеет свою специфику. Например, если северные районы занимаются в основном животноводством, то для южных регионов страны (Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область) характерно заметное разнообразие в сфере производства сельскохозяйственной продукции. Однако потенциал регионов в настоящее время используется не полностью, и в некоторых сферах АПК можно констатировать снижение показателей производства зерна, масличных культур и т. д. В число регионов Юга России, обладающих значительным потенциалом для развития АПК, но при этом значительно отстающих по количеству обрабатывающих производств, входит и Ставропольский край.

В качестве основных слагаемых эффективного развития АПК в Ставропольском крае можно назвать: благоприятные природно-климатические условия, человеческий и научно-технический потенциал, многочисленные сельскохозяйственные угодья, здания и сооружения, оставшиеся от колхозов и совхозов [3].

Согласно Концепции устойчивого развития до 2020 года, сельское хозяйство в Ставропольском крае относится к приоритетной зоне развития. Как показали исследования А. М. Родченко, опиравшегося на положения упомянутой выше Концепции, перспективность, привлекательность сельского хозяйства может быть отнесена к приоритетной задаче развития Ставропольского края. С учетом результатов проведенного SWOT-анализа А. М. Родченко выделяет зоны развития различных отраслей экономики для Ставропольского края (рис. 1) [4].

Привлекательность

Наличие условий развития

Рис. 1. Стратегические зоны развития (отраслевые предпочтения Ставропольского края в рамках Концепции устойчивого развития до 2020 года)

Таким образом, относясь к первой зоне приоритета, сельское хозяйство имеет большой потенциал для развития в крае и может рассчитывать на государственную поддержку. Однако все выше указанные потенциальные возможности, способствующие развитию АПК в Ставропольском крае, на сегодняшний день остаются недостаточно востребованными из-за неразвитости современных обрабатывающих производств, которые должны обеспечивать хранение и реализацию на внутренних рынках страны и региона произведенной сельскохозяйственными предприятиями продукции, а также экспортировать некоторые разновидности сельскохозяйственной продукции. По-прежнему невысок уровень инвестиционной активности субъектов АПК Ставропольского края, что

связано с незащищенностью прав собственности (особенно в приграничных зонах), неурегулированным земельным рынком и т. д.

Следует отметить, что проблема развития обрабатывающей отрасли в АПК страны и региона значительно обострилась в связи со вступлением России в ВТО. Приведем только некоторые статистические данные, характеризующие положение дел в АПК России и Ставропольском крае. Так, по данным Минсельхоза России, на 24 мая 2013 года засеяно яровыми культурами 37 804,9 тыс. га (74,3 % от плана), что на 4 088,8 тыс. га меньше, чем на аналогичную дату 2012 года, в т. ч. пшеницей засеяно 8 469,1 тыс. га (65,7 % от плана) и ячменем – 7 009,7 тыс. га (87,1 %). Сев яровых культур осуществляется во всех Федеральных округах: в ПФО (93,2 % от плана), СКФО (92,1 %), ЮФО (88,9 %), ЦФО (88,8 %), СЗФО (54,7 %), УФО (60,1 %), СФО (45,3 %) и ДФО (28,0 %). Погодные условия для проведения посевных работ, роста и развития сельскохозяйственных культур на большей части европейской территории России оцениваются как хорошие и удовлетворительные [5].

По данным Росстата, с начала 2013 года объемы поставок молока по импорту в РФ (без учёта данных о торговле с Республиками Беларусь и Казахстан) составили 23,0 тыс. т (+15,5 % к 22.05.2012), сыра и творога – 117,2 тыс. т (+8,7 % к 22.05.2012), масла сливочного – 29,7 тыс. т (+86,2 % к 22.05.2012). По состоянию на 1 мая, по данным Росстата, с начала года объём производства молока крупного рогатого скота в сельхозорганизациях РФ составил 4,6 млн тонн (– 5,6 %, или 60,1 тыс. тонн к аналогичному периоду 2012 года), в апреле – 320,7 тыс. тонн (– 5,7 % к апрелю 2012 года).

По данным Федеральной таможенной службы России, с начала года объемы поставок по импорту говядины (без учёта данных о торговле с Республиками Беларусь и Казахстан) на 22.05.2013 г. составили 183,3 тыс. т (– 10,2 % к 22.05.2012), объёмы поставок свинины составили 202,2 тыс. т (– 12,8 % к 22.05.2012), а мяса птицы – 146,0 тыс. т (+0,4 % к 22.05.2012) [7].

Положительная для российских предприятий АПК динамика экспортно-импортных операций наблюдается сейчас на рынке сахара. Физические объемы импорта сахара в РФ с начала 2013 г. по состоянию на 22.05.2013 составили около 20,5 тыс. т, что ниже импортируемых объемов за аналогичный период 2012 г. на 4,9 %, майские объемы импорта на 22.05.2013 выше прошлогодних на 32,6 %. Экспортные объемы сахара в мае 2013 г. составили около 81,04 т, что в 7 раз выше объемов экспорта аналогичного периода 2012 г. (объемы импорта и экспорта даны без учета данных о взаимной торговле с Республиками Беларусь и Казахстан) [5].

В Ставропольском крае продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий произведено за четыре месяца 2013 г. в сопоставимой оценке на 13,8 млрд руб., или на 11,0 % больше, чем в январе – апреле 2012 года. Сельскохозяйственными организациями произведено продукции на 5,2 млрд руб., или на 30,0 % больше. Рост производства происходил за счет увеличения производства скота и птицы на убой. Данные по производству сельскохозяйственной продукции приведены в таблице 1 [8].

Приведенные данные отличаются от общероссийских показателей положительной динамикой производства. Прирост отмечается практически по всем месяцам и категориям хозяйств с преобладанием темпов роста, обеспеченных сельскохозяйственными организациями. Для наиболее полной оценки влияния изменений в экономике страны сопоставим эти данные с объемами экспортно-импортных операций по сельскохозяйственным группам товаров.

Таблица 1

**Динамика объемов и темпов производства продукции сельского хозяйства
Ставропольского края в 2013 году**

	Все категории хозяйств		в т. ч. сельхозорганизации	
	млн руб.	в % к соответствующему периоду 2012 года	млн руб.	в % к соответствующему периоду 2012 года
Январь	3 268.9	112.5	1 188.8	121.9
Январь-февраль	6 456.6	111.0	2 327.8	119.7
Январь-март	10 083.5	110.4	3 729.2	122.8
Январь-апрель	13 821.3	111.0	5 163.0	130.0

Статистические данные по экспортно-импортным операциям в Ставропольском крае аналогичным образом отражают динамику по всей России. Объемы экспорта продовольственных товаров и сельхозсырья в Ставропольском крае в 1-м квартале 2013 года оказались ниже объемов 1-го квартала 2012 года на 68,51 %, составив 14,73 млн долл. США (7,88 % в стоимостных объемах экспорта). Главной статьей экспорта данной укрупненной группы товаров являлись злаки, экспорт которых сократился на 72,7 %, составив 5,77 млн долл. США. Из остальной экспортируемой продукции текущего года следует выделить овощи (2,89 млн долл. США), алкогольную и безалкогольную продукцию (1,86 млн долл. США), отходы пищевой промышленности, корма для животных (1,32 млн долл. США), готовые продукты из зерна, муки (1,07 млн долл. США) и т. д. [9]

Продовольственных товаров участниками ВЭД края ввезено на сумму 38,08 млн долл. США, что в структуре импорта соответствует 25,76 %. Объемы ввезенной сельскохозяйственной продукции увеличились по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 21,11 %. Основные объемы ввезенной продукции обеспечили такие страны, как Армения, Нидерланды, Эквадор, США, Аргентина, Испания, Франция, Уругвай, Украина и Азербайджан. Основными статьями импорта были алкогольные и безалкогольные напитки (14,93 млн долл. США); живые деревья и растения, срезанные цветы (6,83 млн долл. США); злаки (4,3 млн долл. США); масличные культуры (4,28 млн долл. США); молочная продукция, яйца птиц (1,74 млн долл. США); отходы пищевой промышленности и готовые корма (1,58 млн долл. США); живые животные (1,26 млн долл. США); овощи (0,58 млн долл. США) и т. д. Наиболее существенным относительно соответствующего периода прошлого года был рост стоимостных объемов ввоза готовых продуктов из зерна, рыбы и ракообразных, алкогольной и безалкогольной продукции; снижение – овощей и злаков [9].

Таким образом, показатели производства сельскохозяйственной продукции в Ставропольском крае увеличиваются, показатели экспорта аналогичной продукции уменьшаются, при этом ввоз сельскохозяйственной продукции в край увеличился на 21,11 %. Сопоставление показателей позволяет говорить о том, что производимая местными предприятиями АПК продукция не будет реализована по причине ужесточения конкуренции на рынке посредством ввоза более дешевой продукции из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Присоединение к ВТО несет в себе риски и угрозы конкурентоспособности и продовольственной безопасности нашей страны [10]. Современный аграрный рынок стал более открытым для импортной сельскохозяйственной продукции из стран ВТО, где сельское хозяйство более развито, чем в нашей стране. Однако вступление в ВТО имеет и свои положительные стороны для аграрной сферы. Так, в Национальном союзе экспортеров продовольствия отмечают, что присоединение России к ВТО открывает новые возможности продвижения отечественного продовольствия на внешний рынок. Однако, чтобы воспользоваться этими возможностями, необходимо разработать и реализовать систему мер по развитию конкурентоспособности отечественных продовольственных товаров и всего потенциала АПК в соответствии с мировым опытом [11].

По нашему мнению, отечественные товары, производимые в АПК, не могут конкурировать с аналогичными товарами импортного производства, что в первую очередь связано с низким уровнем развития обрабатывающей отрасли АПК, остающейся один на один с целым рядом нерешенных проблем, среди которых: неспособность охватить большие объемы производства; невозможность самостоятельно наладить производство; устаревшее оборудование; низкая инвестиционная привлекательность; реализация высококачественной отечественной сельскохозяйственной продукции в виде сырья; отсутствие целенаправленной государственной поддержки именно обрабатывающей сферы АПК; недочеты в нормативно-правовом регулировании деятельности АПК России и края; неэффективность инструментов продвижения региональной продукции АПК на местный и мировой рынок.

На сегодняшний день меры, предпринимаемые в Ставропольском крае по поддержке АПК, носят программно-целевой характер. Для реализации мероприятий, предусмотренных Государственной программой по поддержке почвенного плодородия, разработана и утверждена ведомственная целевая программа «Сохранение и воспроизводство плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения Ставропольского края на 2012–2014 годы». В Ставропольском крае разработана и утверждена ведомственная целевая программа «Развитие овощеводства в Ставропольском крае на 2011–2013 годы». В целях обеспечения софинансирования из федерального бюджета программу планируется направить на федеральный конкурс по отбору региональных программ социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. В целях создания экономических и технологических условий устойчивого развития молочного и мясного скотоводства в крае и ста-

билизации поголовья крупного рогатого скота молочных и мясных пород министерством сельского хозяйства Ставропольского края были разработаны и утверждены ведомственные целевые программы «Развитие молочного скотоводства и увеличение производства молока в Ставропольском крае на 2011–2013 годы» и «Развитие мясного скотоводства в Ставропольском крае на 2011–2013 годы». На территории Ставропольского края реализуется 5 инвестиционных проектов в молочном животноводстве общей производственной мощностью 98 тыс. т молока в год, 1 проект в мясном скотоводстве с плановой производственной мощностью 400 тонн высококачественной говядины в год, 3 проекта в свиноводстве производственной мощностью 37,5 тыс. тонн мяса свиней в год и 5 проектов в птицеводстве, общая плановая проектная мощность по которым составляет 115,8 тыс. тонн мяса птицы и более 85,0 млн штук яиц в год [3].

В Ставропольском крае ведется кредитная поддержка сельхозпроизводителей посредством предоставления субсидий, а также обеспечения доступности кредитов. Для вывода обрабатывающей отрасли АПК на траекторию стабильного роста необходимы меры, стимулирующие приток капитала в модернизацию производства уже существующих обрабатывающих предприятий, способствующие росту загруженности имеющихся производственных мощностей. Решение проблемы обрабатывающей отрасли АПК в регионе необходимо решать в условиях изменившихся условий функционирования всей экономики страны и регионов, связанных со вступлением в ВТО. Для выработки эффективных мер, способствующих развитию отрасли, необходимо использовать возможности получения прямой и косвенной поддержки отечественных товаропроизводителей, наглядно представленные на схеме (рис. 2).

Таким образом, предложенные нами мероприятия включают восемь основных направлений: привлечение инвестиций и привлекательности отрасли, государственная финансовая и информационная поддержка, PR-мероприятия, совершенствование законодательства и социально-политической обстановки в регионе, обновление основных производственных фондов.

Рис. 2. Направления устранения барьеров для развития обрабатывающей отрасли АПК в Ставропольском крае

Все предложенные мероприятия будут способствовать в итоге увеличению прибыли и рентабельности всех отраслей АПК региона, повышению конкурентоспособности и престижа производимой сельскохозяйственной продукции, повышению уровня жизни в сельской местности, снижению социальной напряженности в регионе и привлечению иностранных инвестиций в край.

Литература

1. Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства [Электронный ресурс] / URL: http://www.nisse.ru/work/projects/monitorings/raiting/raiting_3.html
2. Ставропольский край: портал органов государственной власти [Электронный ресурс] / URL: <http://www.stavregion.ru/stat/economics/agriculture/>
3. Родченко А. М. Оценка конкурентоспособности региона и формирование стратегии его развития: автореф. ... канд. экон. наук. Ставрополь, 2010.
4. Министерство сельского хозяйства России: официальный сайт [Электронный ресурс] / URL: http://specagro.ru/Report_APK_Week/
5. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс] [Текст] / URL: <http://www.gks.ru>
6. Федеральная таможенная служба России: официальный сайт [Электронный ресурс] / URL: <http://www.customs.ru/>
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю: официальный сайт [Электронный ресурс] / URL: <http://www.stavstat.gks.ru>
8. Портал о животноводстве и мясопереработке в России [Электронный ресурс] / URL: <http://www.myaso-portal.ru>
9. Россия в ВТО: воздействие на АПК [Электронный ресурс] / URL: <http://www.samoupravlenie.ru/50-07.php>

УДК 338.24+ 658

Загайный Вадим Владимирович

ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ В АСПЕКТЕ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Рассмотрена концепция управления инновациями в целях устойчивого развития на основе прогнозирования риска потери прибыли в координации с уровнем загрузки производственной мощности. Предложен метод и инструментарий оценки инновационного потенциала.

Ключевые слова: устойчивое развитие, природоохранная деятельность, критический объем производства, уровень загрузки мощности, риск потери прибыли, инновационный потенциал в целях устойчивого развития.

Zagaynyy Vadim V.

EVALUATION OF INNOVATIVE BUILDING COMPANIES IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The concept of management by innovations with a view of a sustainable development on the basis of forecasting of risk of loss is considered have arrived in coordination with level of loading of capacity. The method and toolkit of an estimation of innovative potential is offered.

Keywords: a sustainable development, nature protection activity, critical volume of manufacture, level of loading of capacity, risk of loss of profit, innovative potential with a view of a sustainable development.

Экономический рост призван обеспечить повышение уровня благосостояния и качества жизни населения. Однако возрастающий многокомпонентный негативный техногенный прессинг (выбросы, сбросы, отходы, нерациональное ресурсопользование, физическое воздействие) не только ухудшает медико-демографическую ситуацию, но и создает угрозы профильной хозяйственной деятельности на всех уровнях экономики. Объективно поддержание естественного состояния окружающей среды является основополагающим в создании благоприятных условий жизнедеятельности, что закрепляет безальтернативность концепции устойчивого развития (УР) общества (таблица 1).

Таблица 1

Динамика «природоёмкости» национальной экономики [1]

Показатели	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
ВВП, трлн. руб.	26,9	32,2	41,3	38,8	46,3	55,8
Выбросы, млн т.	20,6	20,6	20,1	19,0	19,2	19,2
Сбросы, млн т.	8,5	9,3	8,6	5,2	8,0	7,8
Отходы, млн т.	3519,4	3899,3	3876,9	3505,0	3734,7	4303,3
Итого эмиссия отходов, млн т. (п. 2 + п. 3 + п. 4)	3548,5	3929,3	3905,6	3529,2	3761,9	4330,7
Показатель природоёмкости, руб./т	131,8	118,2	94,62	90,9	81,2	77,6
Природоохранные инвестиции, млрд руб.	0,068	0,077	0,102	0,082	0,090	0,096

Суть модели УР заключается в гармонизации экономических, социальных и экологических целей экономического роста в интересах современных и будущих поколений. Авторская гипотеза состоит в совокупности теоретических положений, согласно которым капиталоемкие и высоко рискованные инновации в УР существенно влияют на перераспределение прибыли и конкурентные позиции субъекта хозяйствования, что ориентирует менеджмент на достижение максимальной сбалансированности финансовых и нефинансовых факторов деятельности на основе процессного подхода в управлении.

Для формирования концептуальных основ управления инновациями в целях УР необходимо измерять уровень соответствующего потенциала субъекта хозяйствования. Цель автора – обсудить возможность применения в качестве инструмента стратегического анализа оригинальную матрицу оценки инновационного потенциала организации с позиций возможности УР.

Управление УР предприятия при объективной неодолимости некоммерческих инвестиций должно ориентироваться на поддержание сбалансированности объемов текущей потери прибыли и будущего роста рыночной стоимости активов за счёт синергии получаемых эффектов. При этом очень важно определить зону допустимого риска потерь прибыли.

Сущность понятия инновационного потенциала в целях УР раскрывается при сравнении категорий «устойчивое развитие» и «природоохранная деятельность» (таблица 2). Разнообразие рассмотренных определений свидетельствует, во-первых, о емкости данного понятия, во-вторых, о недостаточной научной разработке и отсутствии общепринятого метода рассмотрения вопроса на уровне субъекта хозяйствования. Не получила своего решения задача обоснования выбора инноваций, когда наряду с требованием поддержания рентабельности производства учитываются цели УР.

При разнообразии подходов чётко проявляется органическое единство процессов: инновации в сфере охраны окружающей среды выступают технологическим базисом УР, так как способствуют ресурсосбережению, снижению загрязнения среды и заболеваемости населения, повышению инвестиционной привлекательности субъекта хозяйствования. Нам представляется справедливой идея о том, что «общество, не имея возможности изменить естественные условия жизнедеятельности, должно реализовать глобальную экологическую программу через технологический прорыв и переход к экологизированному постиндустриальному технологическому способу производства» [11].

Определяющим фактором устойчивого (в узком и широком смысле) развития бизнеса становятся инвестиции в инновационную модернизацию производства. Субъекту хозяйствования необходимо комплексно подходить к процессу управления экономическими, экологическими и социальными элементами, формирующими технико-организационный уровень производства (ТОУП), как к основе инновационного потенциала. В свою очередь эта стратегия требует расширения инструментария информационно-аналитического обеспечения производственного менеджмента. Вопросы оценки инновационной активности, инновационного потенциала и требования к ним исследуются многими учёными (например, В. П. Баранчевым, В. М. Мишиным, О. А. Тимофеевой и др.).

При разнообразии подходов чётко проявляется органическое единство процессов: инновации в сфере охраны окружающей среды выступают технологическим базисом УР, так как способствуют ресурсосбережению, снижению загрязнения среды и заболеваемости населения, повышению инвестиционной привлекательности субъекта хозяйствования. Нам представляется справедливой идея о том, что «общество, не имея возможности изменить естественные условия жизнедеятельности, должно реализовать глобальную экологическую программу через технологический прорыв и переход к экологизированному постиндустриальному технологическому способу производства» [11].

Определяющим фактором устойчивого (в узком и широком смысле) развития бизнеса становятся инвестиции в инновационную модернизацию производства. Субъекту хозяйствования необходимо комплексно подходить к процессу управления экономическими, экологическими и социальными элементами, формирующими технико-организационный уровень производства (ТОУП), как к основе инновационного потенциала. В свою очередь эта стратегия требует расширения инструментария информационно-аналитического обеспечения производственного менеджмента. Вопросы оценки инновационной активности, инновационного потенциала и требования к ним исследуются многими учёными (например, В. П. Баранчевым, В. М. Мишиным, О. А. Тимофеевой и др.).

Таблица 2

Координация категорий «устойчивое развитие» и «природоохранная деятельность»

Устойчивое развитие	Природоохранная деятельность
Сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворении потребностей нынешнего и будущих поколений [2]	Деятельность, связанная с важными экологическими аспектами производства и согласующаяся с экологической политикой фирмы, включая техническое обслуживание поддерживающих систем в нормальном и аварийном режимах с целью предотвращения и смягчения воздействий на окружающую среду [6]
Снижение вредного воздействия на окружающую среду на всех этапах жизненного цикла (сырье, материалы, производство, обслуживание, использование, утилизация, рециклинг [3]	Круг вопросов, связанный с защитой окружающей среды, который играет важную роль при стратегическом планировании, управленческом анализе, формировании отчётности компании [7]
Развитие, предусматривающее равное внимание к экономической, социальной и экологической составляющим и признание невозможности развития общества при деградации природной среды; гармоничное развитие производства, социальной среды, населения и окружающей среды [4]	Деятельность по снижению и ликвидации отрицательного антропогенного воздействия, рациональному природопользованию, внедрению малоотходных и энергосберегающих технологий, эксплуатации очистных и обезвреживающих сооружений, контролю за состоянием природной среды и т. д. [8]
Хозяйственная деятельность, при которой состояние окружающей среды в конце отчетного периода остается как минимум таким же, как и в его начале [5]	Природоохранные технологии не имеют самостоятельного коммерческого микроэкономического значения, хотя улучшают привлекательность основной технологии [9]
Экономическая система может развиваться в жестких границах основных социальных и экологических нормативов, динамика ее развития ограничивается возможностями самовосстановления и самовоспроизводства биосферы, ее ассимиляционным потенциалом... цель самосохранения экономической системы вторична по отношению к цели самосохранения биосферы [15]	Система мер, направленных на обеспечение благоприятных и безопасных условий среды обитания и жизнедеятельности человека; ...сохранение и восстановление природных ресурсов с целью предупреждения прямого и косвенного отрицательного воздействия результатов деятельности человека на природу и здоровье людей [10]

Но полномасштабный подход к оценке инновационного потенциала предприятия с учётом критериев и факторов УР ещё не сформирован, что приводит к игнорированию положительного и отрицательного синергетического эффекта при оценке интегрального показателя.

Предлагаемая нами методология оценки потенциала предприятия сформирована как двухуровневая и синергетическая. На первом уровне применяется интегральный показатель ТОУП, который включает ряд частных показателей, позволяющих рассматривать техногенную базу с позиций системного подхода с элементами социально-экологических ограничений. Методика разработана при участии автора [12]. На втором уровне в денежном выражении оценивается совокупность эффектов, достигаемых в долгосрочной перспективе в результате поступательного роста материальных и нематериальных активов. В рамках перехода на международные стандарты финансовой отчетности возможно применять показатель экономической добавленной стоимости EVA (Economic Value Added), предусматривающий учет интересов всех участников рыночных отношений и обязательный расчет приращения гудвилла. Показатель EVA хорошо коррелирует с маржинальным методом калькулирования себестоимости, в котором принципиальным моментом является распре-

деление производственных расходов на условно-переменные (зависящие от объема производства) и условно-постоянные (не зависящие от объема производства).

Нам представляется, что маржинально-стоимостный подход наиболее эффективен в оценке устойчивости экономической системы, так как позволяет планировать и контролировать результат на основе точки безубыточности производства. Известно, что чем меньше доля объема безубыточности в общем выпуске, тем выше запас финансовой устойчивости предприятия, а максимальный (проектный) уровень загрузки мощности обеспечивает положительное воздействие операционного рычага. В этом случае определенные фиксированные расходы остаются в группе условно-постоянных, что приводит к снижению удельных постоянных затрат.

Переход к УР характеризуется масштабным освоением новых капиталоемких технологий, требующих значительных текущих затрат. По причине особой экономической природы природоохранного капитала и его функций в обслуживании операционного цикла имеет место неблагоприятная динамика базовых показателей экономической эффективности (фондоотдачи, маржинального дохода, прибыли, оборачиваемости оборотных средств, рентабельности).

Потери текущей прибыли объективно неизбежны, поэтому этим процессом следует управлять и не допускать выхода предприятия в кризисное состояние. Координировать и контролировать динамику потерь прибыли позволяет детализация себестоимости. Увеличение себестоимости можно описать выражением:

$$C_{ур} = C + Q * K_{пер} * C_{пер\ ур} + K_{пост} * C_{пост\ ур} \quad (1),$$

где $C_{ур}$ – полная себестоимость в режиме УР, руб.; C – исходное значение себестоимости, руб./ед.; Q – объем выпуска продукции (в натуральном выражении), ед.; $C_{пер\ ур}$ – дополнительные переменные расходы в режиме УР, руб.; $C_{пост\ ур}$ – дополнительные постоянные расходы в режиме УР, руб.; $K_{пер}$, $K_{пост}$ – планируемые коэффициенты роста соответственного условно-переменных и условно-постоянных затрат.

При сохранении рыночной цены продукции потери прибыли будут складываться из двух составляющих:

$$\Delta P_{ур} = \Delta P_{МД} + \Delta P_{МП}, \quad (2)$$

$\Delta P_{МД}$, $\Delta P_{МП}$ – негативное изменение маржинального дохода и маржинального покрытия при переходе на УР.

Прибыль как конечный финансовый результат рассчитывается следующим образом (D – доход):

$$P = D - Z_{пер} - Z_{пост}. \quad (3)$$

Если записать это выражение по-другому, то получим выражение, связывающее маржинальный доход (МД) и маржинальное покрытие (МП):

$$P + Z_{пост} = D - Z_{пер} \quad (4)$$

или

$$МД = МП. \quad (5)$$

Выражение (5) означает, что в условиях деятельности без обременения бизнеса природоохранным капиталом организация получает целевую операционную прибыль. Но в условиях ценовой конкуренции, реализуя стратегию УР, она неизбежно теряет часть целевой прибыли и заинтересована в эффективном управлении этими потерями. Стабильное функционирование и развитие возможны при получении прибыли, достаточной для покрытия текущих обязательств и инновационного reinvestирования минимальной ее части – P_{min} . Следовательно, потери прибыли не должны превышать этой величины:

$$P_0 - P_{ур} < P_{min}, \quad (6)$$

где P_0 ; $P_{ур}$ – прибыль без УР и в условиях УР, руб.

Тогда величину, отражающую превышение объема прибыли в условиях УР над минимальным объемом прибыли, необходимым для reinvestирования, назовем коэффициентом запаса K_3 :

$$K_3 = \frac{P_{ур}}{P_{min}}. \quad (7)$$

Величину, отражающую превышение объема целевой прибыли над минимальным ее объемом, назовем коэффициентом потерь прибыли:

$$\frac{P_0}{P_{min}} = K_{п}. \quad (8)$$

Отсюда формируется базовое условие финансовой достаточности инноваций в целях УР:

$$\frac{\Pi_0}{\Pi_{\min}} - \frac{\Pi_{\text{ур}}}{\Pi_{\min}} < \frac{\Pi_{\min}}{\Pi_{\min}} \quad (9)$$

или

$$(K_{\text{п}} - K_{\text{з}}) < 1 \quad (10)$$

или

$$K_{\text{п}} < (1 - K_{\text{з}}). \quad (11)$$

Выражения 10 и 11 ориентирует менеджмент на формирование профессионального суждения в сфере инноваций по правилу «Устойчивое развитие предприятия не должно быть убыточным». Объективное сокращение объема целевой прибыли должно находиться в допустимых и контролируемых границах. По нашему мнению, эффективное управление инновациями в целях УР должно основываться на процессном подходе [14]. Рассматривая природоохранную деятельность (ядро УР) как самостоятельный бизнес-процесс и на той основе, планируя структуру маржинального покрытия и себестоимость продукта, предприятие имеет возможность координировать денежные потоки и управлять риском посредством контроля уровня загрузки мощности.

Конечной целью инновационного процесса является повышение устойчивости функционирования предприятия. Однако более вероятна ситуация, когда некоммерческий, но востребованный обществом проект, достигая запланированных параметров улучшения качества окружающей среды, в краткосрочном периоде приводит к частичной потере экономической устойчивости (снижению запаса финансовой прочности). В этой связи для некоммерческих инноваций необходимо инициативно устанавливать некоторый допустимый уровень потери прибыли и предел снижения финансовой устойчивости. Очевидно, что выход за установленные границы рентабельности производства ведёт к формированию предкризисной и даже кризисной ситуации. Требуется поддерживать компромисс между экономической эффективностью, социально-экологической результативностью и финансовой стабильностью (таблица 3). Подобную гипотезу в отношении динамики указанных параметров по фазам жизненного цикла проекта высказывают Е. Д. Вайсман и Ю. М. Сулейманова [13].

Для оценки уровня экономической устойчивости предприятий, реализующих рискованные коммерческие проекты, используют индекс экономической устойчивости предприятия. Он рассчитывается по формуле средневзвешенной величины совокупности значений ряда характеристик, оценивающих состояние внешней и внутренней среды предприятий, которые оказывают наиболее заметное влияние на устойчивость.

Таблица 3

Группы взаимосвязанных показателей оценки устойчивого развития (УР) предприятия

Экономическое развитие	Социальное развитие	Экологическое состояние
1. Уровень загрузки мощности и темп роста выпуска продукции	1. Обеспеченность трудовыми ресурсами требуемой квалификации	1. Уровень атмосферных выбросов и сбросов сточных вод
2. Рентабельность	2. Уровень текучести кадров	2. Количество и класс опасности отходов
3. Уровень прогрессивности применяемых технологий	3. Доля аттестованных рабочих мест	3. Наличие водооборотной системы (рециклинг) воды
4. Ресурсоемкость (материало-, фондо-, трудо-, энергоёмкость) продукции	4. Уровень профессиональной заболеваемости работников	4. Темпы изменения биоразнообразия в зоне ответственности предприятия
5. Фондоёмкость продукции	5. Доля прибыли, reinvestируемая в социальные проекты	5. Доля инвестиций в инновации в целях поступательного экологического улучшения
6. Коэффициент отходности производства	6. Доля работников, охваченных социальными программами	6. Состояние и уровень озеленения санитарно-защитной зоны
7. Инвестиции собственных средств в инновации на УР	7. Производительность труда	7. Организация системы управления охраной окружающей среды

Нам представляется, что в случае некоммерческих проектов в целях УР интересы инвестора выходят за рамки прибыли, хотя бы в краткосрочном периоде, поэтому речь должна идти о минимизации потерь дохода (прибыли). В оценке уровня УР предприятия множество показателей целе-

сообразно заменить одной характеристикой, которая рассчитывается для всего проекта, а не для отдельной фазы его цикла. Это коэффициент УР, рассчитываемый по формуле

$$K_{УПС} = \frac{Q_{крПр}}{Q_{кр}} \rightarrow 1 \quad (12)$$

где $K_{УПС}$ – коэффициент устойчивости производственной системы (безразмерный); $Q_{крПр}$, $Q_{кр}$ – соответственно критический объем выпуска после и до реализации инноваций в УР.

Вышеизложенное позволяет еще раз обратить внимание на ключевую роль уровня загрузки производственной мощности в формировании риска.

В практике организации операционной деятельности возможно достижение следующих уровней производственной мощности и соответствующего объема выпуска продукции (Q):

$Q_{пр}$ – проектная мощность, 100 %-ная загрузка;

$Q_{пл}$ – планируемый уровень загрузки ($Q_{пл} < Q_{пр}$);

$Q_{ф}$ – фактический достигнутый уровень загрузки ($Q_{ф} < Q_{пр}$);

$Q_{фУР}$ – фактический уровень загрузки мощности при реализации инноваций в УР ($Q_{фУР} < Q_{пр}$) и ($Q_{фУР} < Q_{ф}$);

$Q_{кр}$ – критический объем производства при фактическом уровне загрузки мощности;

$Q_{крУР}$ – критический объем производства при фактическом уровне загрузки мощности при реализации инноваций в УР ($Q_{крУР} > Q_{кр}$);

$Q_{зп}$ – уровень загрузки мощности, соответствующей точке закрытия предприятия.

Степень финансового риска инноваций в целях УР коррелирует с силой воздействия операционного рычага и напрямую зависит от уровня загрузки мощности. Это позволяет нам ранжировать возможные области риска в координации с величинами объема безубыточности, постоянных затрат и маржинального дохода следующим образом (таблица 3).

В интервале загрузки производственной мощности от минимального ($Q_{зп}$) до максимального ($Q_{пр}$) уровня могут формироваться 8 типов риска: катастрофический, критический, безусловной убыточности, высокий, повышенный, допустимый, безусловной прибыльности, упущенной прибыли.

Производственная программа и уровень загрузки мощности формируются под влиянием внешних (рыночный спрос) и внутренних (ТОУП) факторов и выступают следствием экономического потенциала предприятия. Инновационный потенциал УР дополняет последний, являясь составной частью. Для его оценки в соответствии с предложенной концепцией обосновываем матричный подход (рис.).

Интегральный показатель технико-организационного уровня производства с учётом аспектов УР

Рис. Матрица оценки инновационного потенциала предприятия в целях устойчивого развития (УР)

Матрица строится в координатах «финансовый результат – качество ТООП». Финансовый результат как конечный результат УР оценивается с помощью показателя EVA, а уровень прогрессивности материально-технической базы – с помощью интегрального показателя ТООП. Матрица состоит из пяти квадрантов, каждый из которых характеризуется разной динамикой основных (переменных), отражающих готовность ТООП к восприятию инноваций в УР и их отдачу в виде положительного роста активов и рыночной стоимости предприятия (EVA).

В квадранте 1 инновационный потенциал характеризуется как «высокий», потому что уровень прогрессивности внедренных технологий превышает среднеотраслевой или даже средний по экономике. Предприятие применяет в операционном цикле так называемые «лучшие технологии».

Благодаря природоохранной деятельности в рамках миссии корпоративной социальной ответственности наблюдается сбалансированность и гармонизация интересов государства, бизнеса и общества. В странах ЕС такое состояние называется соответствием уровню техники и означает неперевышение установленных норм загрязнения среды. Этот уровень развития инновационного потенциала позволяет достаточно успешно получать прибыль и наращивать стоимость активов. При этом $K_{УПС}$ значительно ниже единицы, т. е. производственная система весьма адаптивна.

В квадранте 2 ситуация менее благополучная: при высоком уровне прогрессивности применяемых технологий финансовые результаты деятельности весьма скромные, потому что реализуемые инновации в конкретный момент не создают экономической прибыли. Причины этого могут быть связаны с неблагоприятной конъюнктурой рынка или с осознанным поведением менеджмента, определяемым как предпринимательский альтруизм. Показатель $K_{УПС}$ немногим ниже единицы.

Таблица 4

Ранжирование риска операционной деятельности в условиях реализации инноваций в целях УР

Таблица оценки риска операционной деятельности в условиях реализации инноваций в целях											
№	Уровень загрузки производственной мощности	Покрытие операционных затрат*								маржинальный доход МД	Тип риска
		переменные				постоянные					
		косвенные		прямые		прямые		косвенные			
		ОДУР	ОД	ОДУР	ОД	ОД	ОДУР	ОД	ОДУР		
1	$0 < Q_{\phi} < Q_{3П}$					+				$МД \leq 3_{\text{пост}}$	катастрофический
2						+		+			
3						+	+	+			
4						+	+	+	+		
5	$0 < Q_{\phi} < Q_{кр}$				+	+	+	+	+	$МД \leq 3_{\text{пост}}$	критический
6					+	+	+	+	+		
7	$Q_{3П} < Q_{\phi} < Q_{кр}$		+		+	+				$МД < 3_{\text{пост}}$	безусловной убыточности
8	$Q_{\phi} = Q_{кр}$		+	+	+	+	+	+		$МД = 3_{\text{пост}}$	высокий
	$Q_{\phi} = Q_{кр \text{ ур}}$	+	+	+	+	+	+	+		$МД = 3_{\text{пост ур}}$	повышенный допустимый
		+	+	+	+	+	+	+	+		
	$Q_{кр \text{ ур}} < Q_{\phi} < Q_{ПР}$	+	+	+	+	+	+	+	+	$МД \gg 3_{\text{пост}}$	безусловная прибыльность
	$Q_{\phi} = Q_{ПР}$	+	+	+	+	+	+	+	+	$МД = МД_{\text{МАХ}}$	упущенная прибыль

В квадранте 3 позиционируется неблагоприятная ситуация, когда предприятие имеет нулевой инновационный потенциал, находясь, как правило, в состоянии борьбы за экономическое выживание или даже банкротства. Коэффициент $K_{УПС}$ значительно превышает единицу.

В квадранте 4 потенциал оценивается как «низкий», а состояние как несбалансированное. Несмотря на высокие значения финансовых результатов, предприятие игнорирует социально востребованные проекты. Формируется состояние несбалансированности целей УР в широком понимании. Коэффициент $K_{УПС}$ немного выше единицы.

В центре матрицы позиционируется квадрант 5, соответствующий «среднему» уровню развития инновационного потенциала. $K_{УПС} = 1$.

Представленная матрица может служить практическим инструментом выработки решений при управлении инновационной деятельностью как результатом социально ответственного поведения.

Литература

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики www.gks.ru.
2. О концепции перехода РФ к устойчивому развитию: Указ президента РФ от 01.04.1996 г. № 440.
3. Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор «О Европейском союзе» и «Договор об учреждении Европейского сообщества», 13 декабря 2007.
4. Экологическая доктрина РФ: Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 г. № 1225-р.
5. Косякова И. В. Производственная деятельность промышленного предприятия с позиций устойчивости локальной системы // Экология и промышленность России. 2007. Июнь. С. 30–32.
6. Пахомова Н. В., Эндрес А., Рихтер К. Экономический менеджмент. СПб.: Питер, 2003. 544 с.: ил.
7. Шеремет А. Д. Комплексный анализ хозяйственной деятельности. М.: Инфра-М, 2006. 415 с.
8. Шимова О. С., Соколовский Н. К. Экономика природопользования: уч. пособие. М.: Инфра-М, 2005. 377 с.
9. Сарабский И. А. Экономическая сущность природоохранной техники // Фундаментальные исследования. 2007. № 10. С. 81–82.
10. Гигиена окружающей среды: монография / под ред. Г. И. Сидоренко; АМН СССР. М.: Медицина, 1985. 403 с.
11. Яковец Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: Экономика, 2001. С. 112.
12. Крупина Н. Н., Загайный В. В. Анализ технико-организационного уровня производства с учетом экологических аспектов // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 41. С. 23–35.
13. Вайсман Е. Д., Сулейманова Е. М. Модель выбора инновационных проектов по критерию сохранения экономической устойчивости предприятия // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 35. С. 39–43.
14. Крупина Н. Н., Загайный В. В. Управление природоохранной деятельностью (ПОД) предприятия с позиций процессного подхода // Менеджмент в России и за рубежом. 2011. № 3. С. 32–41.
15. Акимова Т. А. О методических подходах к организации управления устойчивым развитием региона // Региональная экономика: теория и практика. 2012. 26 (257). С. 2–9.

УДК 631.1 (470.63)

Колесниченко Алена Евгеньевна

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В статье проведен анализ состояния и тенденций формирования экономической эффективности сельскохозяйственного производства Ставропольского края, определена степень влияния геоинформационных технологий на результаты производственно-хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: экономическая эффективность, сельскохозяйственное производство, геоинформационные технологии, устойчивость, поддержка.

Kolesnichenko Alena E.

ASSESSMENT OF ECONOMIC EFFICIENCY OF AGRICULTURAL PRODUCTION OF THE STAVROPOL REGION

In the article the analysis of the status and trends shaping the economic efficiency of agricultural production of the Stavropol region, determined by the degree of influence of geographic information technologies on results industrial and economic activities.

Key words: economic efficiency, agricultural production, geoinformation technologies, stability, support.

В настоящее время повышение устойчивости и экономической эффективности сельскохозяйственного производства Ставропольского края должно явиться одним из приоритетных направлений проводимых реформ. В 2012 г. на долю региональной отрасли приходилось 3,0 % объема валовой продукции сельского хозяйства Российской Федерации, в том числе на растениеводство 2,0 %, в том числе на растениеводство 2,0 %, в том числе на растениеводство 2,0 %.

или 65,7 млрд руб., на животноводство – 1,1 %, или 35,5 млрд руб. в фактически действовавших ценах. Полагаем, что именно решение этой проблемы позволит создать реальную основу повышения уровня жизни населения.

Анализируя состояние аграрной отрасли региона за последние 15 лет (1998–2012 гг.), можно сделать вывод о неустойчивости ее крупных и средних предприятий. Так, прибыль от реализации продукции, произведенной ими, значительно возросла, и если в 1998 г. убыток составил 433,3 млн руб., то в 2012 г. было получено 7 822,5 млн руб. прибыли. Вместе с тем уровень рентабельности в последние годы (2007–2012 гг.) уменьшился с 41,1 до 19,4 %, или в 2,1 раза (табл. 1).

Таблица 1

Динамика основных экономических показателей деятельности крупных и средних сельхозпредприятий Ставропольского края

Год	Число предприятий			Удельный вес в общем числе предприятий, %		Прибыль (убыток) от реализации сельскохозяйственной продукции, млн руб.	Уровень рентабельности (убыточности), %	Прибыль (убыток) на 1 руб. основных фондов
	Всего	прибыльных	убыточных	прибыльных	убыточных			
1998	399	110	289	27,6	72,4	-433,3	-13,6	-0,02
2005	362	265	97	73,2	26,8	2219,9	12,3	0,12
2007	337	302	35	89,6	10,4	10314,1	41,1	0,42
2008	294	266	28	90,5	9,5	6838,3	23,5	0,22
2009	239	199	40	83,3	16,7	3512,9	11,4	0,11
2010	233	216	17	92,7	7,3	5785,8	17,9	0,16
2011	214	195	19	91,1	8,9	7591,6	20,7	0,17
2012	219	187	32	85,4	14,6	7822,5	19,4	0,15
2012 в % к 1998	54,9	В 1,7 раза	11,1	-	-	-	-	-

*Данные Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю

Проведенный анализ показал, что основу экономики аграрного сектора края составляет растениеводство, которое формирует до 70 % общей выручки.

Прибыль растениеводства с 1998 по 2012 гг. изменялась разнопланово. С 2010 года она превысила 7-тысячный рубеж, основную ее часть в 2012 году, как и в предыдущие годы, сельхозпредприятия получили от реализации зерна. Рентабельность зернового производства составляет около 30 %, однако его уровень остается ниже показателя 2000 года.

При этом наиболее рентабельными культурами в сельхозорганизациях края за последние годы (2008–2012 гг.) были зерно (28,4 %), картофель (18,4 %), подсолнечник (61,3 %), по сравнению с предыдущей пятилеткой доходность зерновых уменьшилась на 14,2 %, подсолнечника – на 1,9 %.

Финансовые результаты производства продукции животноводства имеют тенденцию к улучшению. Здесь с 1998 по 2012 гг. отмечается преодоление спада производства (уровень убыточности в 1998 году – 45,7 %) и его наращивание (в 2012 году уровень рентабельности составил 12,6 %) (табл. 2).

Положительные результаты достигнуты за счет ведения селекционно-племенной работы в сельхозпредприятиях, улучшения кормления и содержания молочного скота, технического перевооружения молочно-товарных ферм.

Так, только в 2010 году на территории Ставропольского края в области животноводства реализовывался 21 инвестиционный проект по строительству, реконструкции и модернизации животноводческих комплексов (ферм), объектов животноводства и кормопроизводства, мясохладобоев, пунктов по приёму и первичной переработке животноводческой продукции, в том числе в молочном животноводстве насчитывалось 7 проектов со сметной стоимостью 7,5 млрд рублей.

Однако рост цен реализации и полученные дотации и компенсации, выделенные на поддержание производства животноводческой продукции, не устранили убыточности производства мяса крупного рогатого скота (в 2008–2012 гг. – -32,3) [1].

Таблица 2

**Показатели экономической эффективности растениеводства и животноводства
в сельскохозяйственных предприятиях**

Год	Прибыль (убыток) от реализации сельскохозяйственной продукции, млн руб.	Уровень рентабельности (убыточности), %	Прибыль в расчете на 1 га посевной площади, руб.	Прибыль (убыток) на 1 руб. основных фондов
растениеводство				
1998	206,5	11,9	71,5	0,003
2003	2374,3	35,8	855,5	0,13
2007	11470,1	64,1	4887,1	0,46
2008	8134,5	41,6	3437,1	0,26
2009	3901,3	16,4	1639,1	0,12
2010	7284,3	28,3	3138,8	0,20
2011	10424,8	33,9	4497,9	0,23
2012	8977,8	28,7	3114,5	0,17
2012 г. в % к 1998 г.	в 43,5 раза	-	в 43,6 раза	в 56,7 раза
животноводство				
1998	-639,8	-45,7	-	-0,01
2003	-761,2	-20,9	-	-0,04
2007	-12,0	-0,2	-	0,0
2008	-70,2	-0,9	-	0,0
2009	430,4	4,9	-	0,01
2010	266,8	2,5	-	0,01
2011	385,5	3,2	-	0,01
2012	1730,0	12,6	-	0,03
2012 г. в % к 1998 г.	-	-	-	-

*Данные Министерства сельского хозяйства Ставропольского края, Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю

Нерентабельно производство шерсти, в среднем за 2008–2012 гг. процент убыточности составил 71,3 %, по сравнению с предыдущей пятилеткой ситуация только усложнилась, так как затраты на ее выработку в два раза превышают доходы. Цивилизованные рынки продажи шерсти в стране и крае отсутствуют, при этом потребность остается большой, поэтому необходимо предпринимать меры для повышения цены на данную продукцию.

В итоге следует отметить, что в динамике сельского хозяйства Ставропольского края наблюдается выраженная неустойчивость – годы высокого роста перемежаются отдельными годами абсолютного спада.

Анализируя устойчивость производства валовой продукции, можно выявить значительную роль растениеводства в обеспечении этого процесса. Именно развитие растениеводческих отраслей, сглаживая негативное воздействие неблагоприятных факторов на функционирование сельскохозяйственного производства в целом и, особенно животноводства, обеспечивает относительную его устойчивость.

Между тем общее повышение экономической эффективности сельскохозяйственного производства Ставропольского края в течение последних лет стало возможно в основном благодаря увеличению финансовых средств, поступающих в сельское хозяйство, а также объему инвестиций, вы-

плат субсидий и дотационной поддержки организаций агропромышленного комплекса из федерального и краевого бюджетов.

Ежегодно государственные средства направлялись: на субсидирование затрат по внесению в почву минеральных удобрений, страхование урожая, поддержку, в том числе племенного, животноводства [3].

Для решения проблемы модернизации аграрного хозяйства осуществлялись мероприятия по развитию сельскохозяйственного производства в рамках приоритетного проекта Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы, целевых программ по развитию животноводческих отраслей, благодаря которым происходили различные преобразования.

В итоге в 2012 году господдержка всех уровней бюджета составила 5,3 млрд руб., что в 2,2 раза превышает показатель 2007 года (рис.)

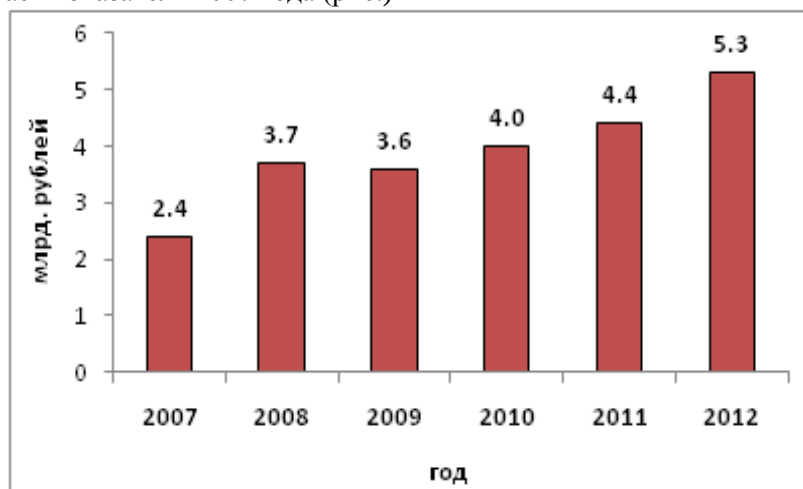

Рис. Государственная поддержка сельского хозяйства Ставропольского края (данные Министерства сельского хозяйства Ставропольского края)

Проводимые меры положительно сказались на развитии аграрного производства, однако здесь продолжают оставаться определенные трудности, такие как ценовой диспаритет на сельскохозяйственную продукцию и необходимые для ее производства материально-технические ресурсы, значительный износ сельскохозяйственной техники (около 60,7 % в крае физически и морально устарело), снижение численности работников, занятых непосредственно в сельскохозяйственном производстве (за 1998–2012 гг. – более чем в 2 раза), неустойчивое финансовое положение многих предприятий агробизнеса [4].

При этом страна приступила к осуществлению второй Государственной программы, рассчитанной на 2013–2020 годы, которое будет происходить в более сложных, принципиально новых экономических условиях, обеспеченных в основном вступлением России во Всемирную торговую организацию [5]. В ней в значительной степени сохранены экономические инструменты, которые использовались в предыдущей программе. Это субсидирование части затрат на кредитование в коммерческих банках, страхование (новый механизм, который начал действовать в 2012 г.), приобретение элитных семян и племенного скота, механизм закупочных и товарных интервенций на рынке зерна, финансовое оздоровление, таможенно-тарифное регулирование и ряд других.

Вместе с тем в экономический механизм введены следующие новации. Первая – это несвязанная поддержка доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей в области растениеводства, так называемый уровень интенсивности использования посевных площадей, стимулирующий их увеличение с одновременным повышением продуктивности. Выплачивается она в расчете на 1 гектар [5].

Еще один вид – это стимулирование производства молока высшего и первого сорта в расчете на 1 кг.

Третья новация – это субсидирование предприятий сельскохозяйственного машиностроения. Однако это сумма составляет незначительную долю от средств, расходуемых товаропроизводителями на новую технику. В год она лишь на 2 % снизит затраты хозяйств.

Также изменены условия таможенно-тарифного регулирования. В целом по тарифу средневзвешенная ставка будет снижена на треть от ее текущего уровня (с 15,6 % до 11,3 % на конец переходного периода).

Основной угрозой для Ставропольского края, в частности, в сложившихся условиях является снижение ввозной пошлины на живых свиней с 40 % до 5 %. Это приведет к уменьшению закупочных цен и последующему сокращению производства свинины и соответственно спроса на фуражное зерно, объемов его продаж, которое подешевеет примерно на 10 %.

Также серьезно может понести убыток и региональное сельскохозяйственное машиностроение ввиду того, что страны Евросоюза и их производители техники имеют значительную государственную поддержку как по производству, так и по продвижению ее на внешние рынки. При этом меньше всего пострадают самые развитые направления сельского хозяйства – производство зерна, муки, хлеба и хлебобулочных изделий, ведь они практически не испытывают давления от продукции других стран. Условия со стороны ВТО только улучшат здесь возможности для экспорта, на 4 % снизится цена закупаемого за рубежом элитного посевного зерна [6].

С изменением таможенных пошлин по молоку и сгущенным сливкам с 25 до 15 % увеличатся импортные поставки этих продуктов и соответственно снизятся цены на молочную продукцию в крае. В этой связи, по прогнозным оценкам аграрных экспертов, инвестиционная привлекательность данной отрасли может понизиться на 3–4 %.

Наряду с этим остаются и определенные преимущества для аграрного сектора:

- улучшение доступа товаров и капитала на мировой рынок;
- устранение дискриминационных мер по отношению к экспортируемым отечественным товарам;
- снижение оптовых цен на внутреннем рынке;
- приток иностранного капитала на краевой рынок.

Стоит отметить, что все вышеперечисленные преимущества относятся к долгосрочной перспективе [2].

В сложившихся условиях, наряду с вышеизложенными мерами, для подъема современного уровня аграрного производства необходимы новые подходы, решения и оценки их результатов.

Решением данной проблемы может стать создание разрабатываемой нами Геоинформационной системы поддержки процесса принятия решений, которая позволит повысить общую эффективность сельскохозяйственного производства Ставропольского края за счет предоставления актуальной аналитической информации по всему комплексу необходимых параметров.

При этом данная система включает в себя методику расчета *индексной оценки обеспеченности и эффективности использования ресурсного потенциала региона*, на основе которой можно судить об уровне запасов ресурсов и их целесообразном применении на отдельных территориях края, а также давать рекомендации производителям о грамотном ведении сельского хозяйства и инвестиционной деятельности за определенный период времени.

Литература

1. Гладилин А. В., Громов Е. И., Герасимов А. Н. и др. Совершенствование экономического механизма аграрного производства: монография. Ставрополь: АГРУС, 2010. 440 с.
2. О некоторых проблемах функционирования АПК в условиях присоединения России к ВТО (материал, подготовленный Российской академией сельскохозяйственных наук) // Аналитический вестник по вопросу «О мерах государственной поддержки сельского хозяйства в условиях членства в ВТО». 2012. № 14 (457).
3. Удовыденко В. И., Колесниченко А. Е. Основные направления повышения экономической эффективности сельскохозяйственного производства в Ставропольском крае // Известия ОГАУ. 2012. № 6(38).
4. Ходос Д. В., Шапорова З. В. Экономический механизм инновационного развития сельского хозяйства региона // Управление экономическими системами. 2013. № 3.
5. Ушачев И. Г. Научное обеспечение государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. // Офиц. сайта ВНИИ экономики сельского хозяйства Россельхозакадемии, 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vniiesh.ru/news/9671.html/> (дата обращения 10.11.2013).
6. Чем обернется для Ставрополя вступление страны в ВТО? // интервью А. В. Мартычева [Электронный ресурс] URL: <http://www.stavropolye.tv/economy/view/43122/> (дата обращения 10.11.2013).

УДК 338.48:656

**Лазарева Наталья Вячеславовна, Фурсов Виктор Александрович,
Лавринец Ирина Николаевна**

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО РЫНКА СЖИЖЕННОГО ПРИРОДНОГО ГАЗА

В статье проведен анализ рынков сжиженного природного газа, обозначены основные тенденции развития отрасли СПГ и дается оценка тому, какое место в этой нише газового сектора мирового рынка может занять Российская Федерация.

Ключевые слова: рынок сжиженного природного газа, спрос, предложение, конкуренция.

**Lazareva Natalia V., Fursov Victor A., Lavrinets Irina N.
CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE WORLD MARKET
OF THE LIQUEFIED NATURAL GAS**

In article the analysis of the markets of the liquefied natural gas where the main tendencies of development of branch of LNG and where the assessment is given are designated is carried out what place in this niche of gas sector of the world market can occupy the Russian Federation.

Key words: the market of the liquefied natural gas, the demand, the offer, the competition

XXI век характеризуется возрастающим значением природного газа в мировой энергетике, доля которого составляет треть в общем объеме энергетических ресурсов. В последние годы рынки природного газа претерпевают радикальные изменения, при этом частью глобального мирового энергетического рынка становится сжиженный природный газ (СПГ).

Область применения СПГ идентична использованию сетевого природного газа и включает: производство электроэнергии, тепловой энергии и промышленного холода, газификацию населенных пунктов и промышленных объектов, создание резерва топлива для компенсации пиковых нагрузок, использование в качестве моторного топлива на транспорте и др.

Широкое использование и рост продаж СПГ на мировых рынках обусловлены сокращением затрат и недавним ростом цен, также сопоставимостью цен с жидкими углеводородными видами топлива и более высоким уровнем экологичности. Экономически целесообразные поставки СПГ могут осуществляться сейчас практически во все страны мира, обеспечивая доступ к СПГ для удовлетворения дополнительного спроса на газ или диверсификации поставок. При анализе ценообразования на СПГ следует отметить, что основная доля издержек приходится на сжижение, которое формирует до 40 % себестоимости [4].

Кроме того, в тех случаях, когда природный газ необходимо транспортировать на большие расстояния (от 2500–3000 км), СПГ имеет преимущества по сравнению с трубопроводным транспортом. Они дают возможность независимой транспортировки природного газа в виде СПГ, позволяющей избежать переговорные риски по транспортным маршрутам «трубопроводных проектов». Для сжиженного газа, правда, одним из ключевых факторов является наличие условий для танкерного судосудов (для газозовозов). Поэтому мировое промышленное производство СПГ в значительной степени стимулировано более рентабельной формой транспортировки природного газа морским транспортом из газодобывающих стран в регионы, не имеющие своих энергетических ресурсов.

Эти преимущества СПГ позволяют ему открыть новые рынки, и как следствие способствует увеличению доли природного газа в мировом энергетическом балансе (табл.).

Таблица

Развитие мирового рынка СПГ [2]

Показатель	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2012 г.
Количество технологических линий	44	56	68	89
Мощность заводов СПГ, млн т	89	122	171	282
Количество терминалов по регазификации СПГ	31	40	51	93
Мощность терминалов по регазификации СПГ, млн т	280	334	380	668
Количество танкеров	66	104	167	378
Объем торговли СПГ, млн т	74	92	130	236
Доля СПГ в международной торговле газом, %	20,5	26,0	26,2	30

Первый контракт на поставку сжиженного природного газа (СПГ) был заключен около полувека назад. Но настоящее развитие этот рынок получает в последнее десятилетие, когда наблюдались быстрые темпы роста объемов производства и потребления СПГ в мире. Сегодня доля СПГ в мировой торговле на глобальном рынке составляет до 30 %. И его объемы со временем будут только увеличиваться [1].

С 2001 года мировые установленные мощности производства СПГ и спрос на этот продукт выросли на 70 %. И, несмотря на некоторое снижение в прошлом году, в 2013 году рост возобновился и продолжится в среднесрочной и долгосрочной перспективе. За 7 предыдущих лет число стран-экспортеров СПГ увеличилось до 40 %, а импортеров – на 70 % (рис. 1).

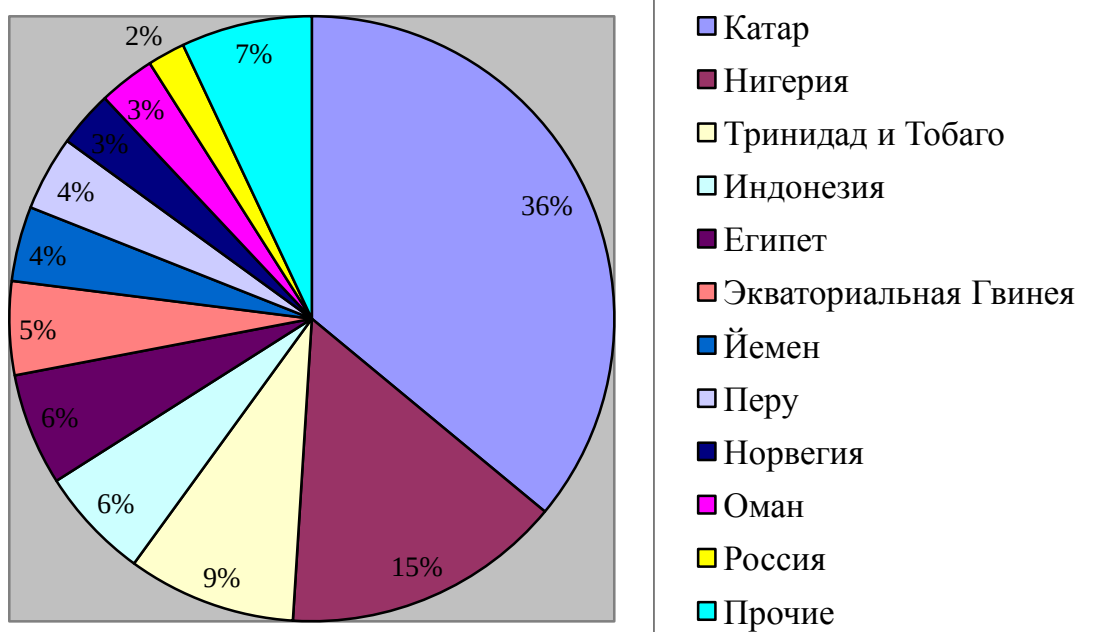

Рис. 1. Структура рынка СПГ (экспортеры) [7]

В секторе СПГ мировое потребление растет на 10 % в год, тогда как обычного (газопроводного), только на 2,4 % [3]. Быстрое развитие технологий производства и перевозки сжиженного природного газа в последние два года привело к снижению их стоимости, которое совпало с очередным глобальным повышением цен на энергоносители [5].

К регионам с наибольшим прогнозируемым ростом спроса на СПГ относятся США и страны Юго-Восточной Азии (Китай и Южная Корея). Доля в США СПГ в общем газопотреблении составляет более 25 %. В Азиатско-Тихоокеанском регионе наиболее крупным потребителем СПГ является Япония, которая импортирует до 85 % (45 млрд куб. м) природного газа в сжиженном состоянии. Однако на ближайшую перспективу наибольший рост потребления СПГ прогнозируется в Индии и Китае.

В Европе импорт СПГ к 2030 году увеличится в 6 раз, а общий объем потребления газа в Европе вырастет на 80 %. В общем объеме добытого в Европе газа доля СПГ вырастет с нынешних 8,6 % до 27 %.

Прогноз изменения потребления СПГ в различных регионах мира представлен на рис. 2.

По мнению ведущих российских ученых (О. Э. Касаева, Н. Е. Погузова, М.Ю. Рогачева) глобальная газовая модель будет ориентирована на поставки именно СПГ, а развитие трубопроводного газа сократится, так как в средней и долгосрочной перспективе возможно появление негативных трендов на региональных газовых рынках, связанных с высокой стоимостью сырья.

Растет и количество стран, поставляющих СПГ на мировой рынок. Сейчас экспортом СПГ занимается 18 стран, мощности по регазификации имеются в 26. На современном этапе в стадии разработки находятся проекты по увеличению экспорта СПГ из Омана, Канады, Австралии, Индонезии, Малайзии и ряда африканских стран.

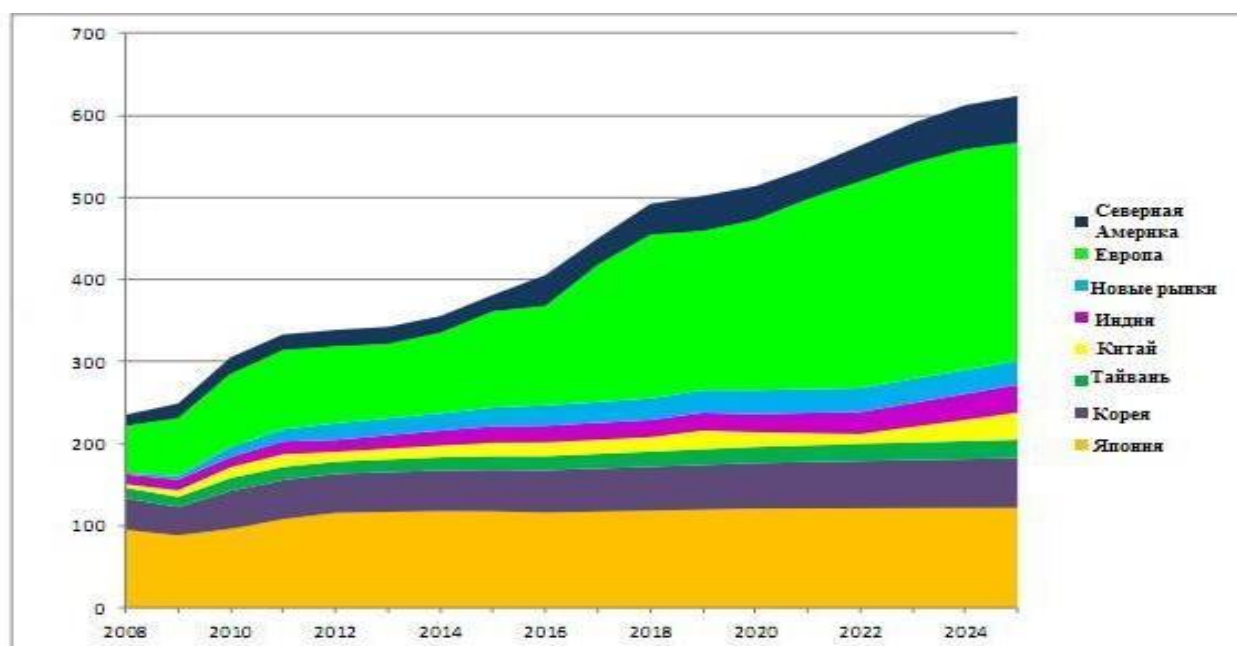

Рис. 2. Прогноз изменения потребления СПГ в мире

Общий объем запасов газа на восточноафриканском шельфе составляет 5 трлн. куб. м, и это вызывает заинтересованность азиатских компаний-потребителей в связи с удобным географическим положением. Также перспективным производителем СПГ является Австралия с мощностью строящихся заводов в 80 млн т.

Рис. 3. Мировой прогноз спроса и предложения СПГ [8]

В то же время экспертами прогнозируется снижение потребления сетевого газа основными странами-импортерами. Кроме экономических преимуществ, эта стратегия имеет политическую основу: так как снижается зависимость импортера от экспортера и появляется возможность выбора поставщика и более выгодных условий. Этим объясняются крупные инвестиции на государственном уровне США в инфраструктуру рынка СПГ.

Согласно докладу аудиторской компании Pricewaterhouse Coopers [4], посвященному перспективам мирового рынка природного газа, к 2020 г. доля газа, поступающего потребителям в виде СПГ, составит более 65 % всего торгового оборота. Данный прогноз обусловлен повышением эффективности сжижения природного газа и постоянным снижением себестоимости технологии сжижения, а также сокращением затрат на транспортировку и высокой гибкостью каналов поставки СПГ, позволяющих варьировать обслуживание множества рынков. Современные технологии получения сжиженного газа и повышения эффективности морских перевозок делают данный энергоноситель почти таким же мобильным, как нефть.

Согласно большинству прогнозов (например, World Energy Outlook МЭА), к 2030 году объем торговли СПГ сравняется с объемом торговли природным газом, поставляемым по трубопроводам, или превысит его. Ввиду географических причин основной объем импортных поставок газа по трубопроводам придется на ЕС, и в этом регионе они будут по-прежнему играть более важную роль, чем торговля СПГ. В Азиатско-Тихоокеанском регионе и Северной Америке значение поставок газа по трубопроводам останется незначительным в силу их географического положения.

В дополнение к классической конкуренции с субститутами сжиженный природный газ приносит в торговлю газом элемент мировой конкуренции, что оказывает влияние на торговые договоренности и ценообразование. СПГ может во все большей мере служить альтернативой природному газу, поставляемому по трубопроводам, тем самым уменьшая его относительное значение. Это усилит конкурентное давление на транзитные страны.

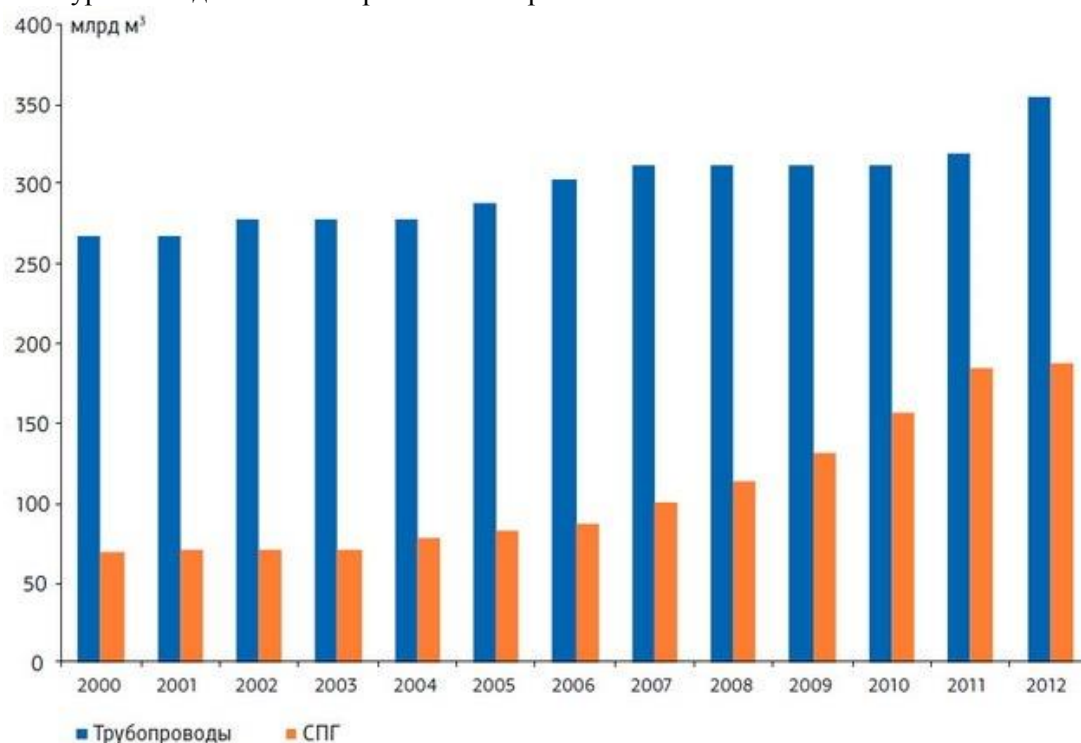

Рис. 4. Динамика импортных мощностей трубопроводного газа и сжиженного природного газа [7]

Рынок СПГ в России пока слабо развит: в стране действует только один завод по сжижению газа в рамках проекта «Сахалин-2», контролируемого «Газпромом». Завод был запущен 18 февраля 2009 года. По результатам работы в 2010 году завод по производству СПГ вышел на проектную производственную мощность – 9,6 млн т СПГ (что эквивалентно 13 млрд м³ газообразного природного газа). В концерне намерены построить дополнительные СПГ-заводы во Владивостоке (мощность завода составит не менее 10 млн тонн СПГ в год), а также «Балтийский СПГ» в Ленинградской области. Оба эти предприятия планируется завершить к 2018 году [6].

Кроме того, газовыми компаниями ведутся работы по реализации перспективных СПГ-проектов. Самые масштабные из них – проект предприятия по сжижению газа со Штокмановского месторождения в Мурманской области, основным участником которого выступает «Газпром», а также «Ямал-СПГ», реализуемый ОАО «НОВАТЭК» и французской фирмы Total.

В 2012 году «Газпром» реализовал 22 партии СПГ объемом 1,44 миллиона тонн в 10 стран мира. Основными мировыми потребителями сжиженного природного газа являются государства Азиатско-Тихоокеанского региона. Россия является экспортером этого топлива. Производство СПГ в стране пока ведется только в рамках проекта «Сахалин-2». По данным ЦДУ ТЭК, экспорт СПГ из России в страны АТР по итогам 2012 г. составил 14,65 млрд куб. м, увеличившись за год на 234,7 млн куб. м.

Также основной российский производитель компания «Газпром» увеличивает продажу сжиженного природного газа в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. В настоящее время доля российского СПГ в Тихоокеанском регионе составляет всего 5 %. Поставки осуществляются в Японию и Южную Корею. Кроме того, планируются поставки российского СПГ в течение 20 лет в Индию, выход на рынки СПГ Китая, Сингапура, Турции, Восточной и Южной Европы. В качестве ресурсной базы рассматриваются месторождения в Охотском море и Восточной Сибири и запуск третьей очереди завода в проекте «Сахалин-2» и завода СПГ проекта «Владивосток-СПГ». Суммарно экспорт должен составить 25 млн т в год.

Что касается европейского рынка, то Россия сможет поставлять туда порядка 2,8 млн т СПГ в год в 2017 году, до 12 млн т в 2020 году. Это позволит добиться географической диверсификации поставок, сокращения транзитных рисков и увеличения объемов экспорта за счет выхода на новые, не доступные для трубопроводных поставок рынки.

Россия, которая могла бы стать одним из ведущих игроков на глобальном рынке газа, на сегодняшний день не имеет четкой стратегии работы на мировом рынке газа. В тоже время усиливаются факторы риска для поставок газа из России как в Европе, так и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Если не будет сформирована разумная политика развития газовой отрасли, то при благоприятном стечении обстоятельств, подразумевающим реализацию большинства рассматриваемых на сегодня проектов российских заводов СПГ до 2020 года, доля России на мировом рынке СПГ в 2020 году может составить всего около 6 %.

Таким образом, России как крупнейшему экспортеру сетевого газа для диверсификации своих газовых маршрутов, участия в формировании глобального газового рынка и выхода на новые, ранее недоступные для нее по географическим причинам территории (Атлантическое побережье Америки и страны Азиатско-Тихоокеанского региона) необходимо безотлагательное освоение мирового рынка СПГ с использованием имеющихся конкурентных преимуществ. Решение данной проблемы осложняется в связи с высокой стоимостью инфраструктуры, производственных мощностей и удаленностью от заводов ресурсной базы. Тем не менее, по экспертным оценкам, к 2020–2023 гг. доля России на общемировом рынке СПГ при условии проведения активной политики на мировом рынке газа, либерализации экспорта газа, должна превысить 10 %, а в Азиатско-Тихоокеанском регионе достигнуть как минимум 15 %.

Литература

1. Громов А. А., Белогорьев А. Е., Горевалов С. Н. Перипетии развития мирового газового рынка до 2050 года // Нефтегазовая вертикаль. – 2013. – №3 (218).
2. Развитие мирового рынка СПГ: вызовы и возможности для России: доклад Энергетического центра СКОЛКОВО. URL: <http://energy.skolkovo.ru/products/243/>
3. Касаев О. Э. Анализ и перспективы развития газовой отрасли экономики Катары // Нефть и газ. 2011. № 5 (819).
4. Погузов Н. Е. Мировой рынок СПГ // Вокруг газа. 2010. № 18 (336).
5. Рогачев М. Ю. Непрофильный газ // Эксперт Северо-Запад. 2011. №16 (324).
6. Сырьевое прошлое. Россия впервые становится крупным игроком на рынке сжиженного природного газа // Российская газета. Экономика. «Нефть и газ». 2011. № 5571 (195).
7. GIIGNL 2013, Cedigaz, Энергетический центр бизнес-школы СКОЛКОВО. URL: http://energy.skolkovo.ru/upload/medialibrary/07c/SEneC_Global_LNG.pdf
8. GLOBAL LNG REPORT – Uncertain supply and demand outlook for LNG (Vol. 230 No. 2, feb. 2009). URL: <http://208.88.130.69/Article.aspx?id=60970>

УДК 339.9.012.23

Овчинников Георгий Александрович, Акинин Пётр Викторович

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ СЧЕТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЯПОНИИ

Авторы работы приводят статистику национальных счетов России и Японии. В статье проведён анализ основных показателей, которые являются индикаторами состояния экономик государств. Произведено сопоставление России и Японии в отношении устойчивости экономик рассматриваемых государств к различным потрясениям, в первую очередь к мировому финансовому кризису.

Ключевые слова: индекс промышленного производства, импорт, экспорт, инвестиции, мировой финансовый кризис.

**Ovchinnikov George A., Akinin Peter V.
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NATIONAL ACCOUNTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND JAPAN**

The authors lead the national accounts of Russia and Japan. The article analyzes the main indicators, which are indicators of the state of the economies of. Produced comparison of Russia and Japan on the sustainability of the economies of the countries in the various shocks, primarily to the global financial crisis.

Keywords: index of industrial production, imports, exports, investment, the global financial crisis.

Сегодня о состоянии экономики России и финансах страны говорится очень много. Учёные и политики пытаются разобраться в возникающих проблемах и решить их, однако экономическая ситуация в России неоднозначна, и, чтобы добиться положительных результатов в формировании мощной экономики в России, необходимо рассмотреть состояние национальных счетов России и сравнить их с национальными счетами, к примеру, Японии – страны, у которой есть чему поучиться.

Для более глубокого изучения экономик России и Японии обратимся к таблицам 1–2. Таблица 1 была составлена по данным отчётов о Социально-экономическом положении России за 2008–2011 года (на 31 декабря), взятым с сайта Федеральной службы государственной статистики (Росстат).

Таблица 2 составлена по материалам Экономического обзора экономики Японии за 2008–2011 годы (на 31 декабря), предоставляемого Кабинетом Министров Японии на своём официальном сайте <http://www.cao.go.jp> (см. в приложениях). Информация на сайте представлена на английском и японском языках, а данные в таблице 2 переведены на русский язык с английской версии отчёта и сопоставлены с российскими данными автором работы. К тому же все экономические данные представлены в трлн. японских йен. Для удобства сравнения и сопоставления информации трлн. йен переведены в млрд российских рублей по среднему курсу 35 рублей за 100 йен (курс примерный и составлен по данным ЦБРФ).

Таблица 1

Основные экономические и социальные показатели Российской Федерации

Показатели	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	Темп прироста, %
1. Валовой внутренний продукт, млрд рублей	41540,4	39016,1	44491,4	54369,1	30,9
2. Инвестиции в основной капитал – всего, млрд рублей	8606,7	7539,9	9105,1	10560,5	22,7
3. Расходы на конечное потребление домашних хозяйств, млрд рублей	20155,7	20979,5	23130,2	27221,1	35,1
4. Численность экономически активного населения, млн человек	75,8	75,7	75,4	75,8	0
5. Общая занятость, млн человек	71,0	69,4	69,8	70,7	-0,4
6. Уровень безработицы, %	6,3	8,4	7,5	6,6	4,8
7. Индекс промышленного производства, %	0,6	-9,3	8,2	4,7	683,3
8. Индекс потребительских цен, %	14,1	11,7	6,9	8,4	-40,4
9. Индекс цен производителей промышленных товаров, %	21,7	-4,3	14,9	17,3	-20,3
10. Экспорт, млрд рублей	14148	9102	12012	15660	10,7
11. Импорт, млрд рублей	8757	5754	7461	9714	10,9
12. Сальдо торгового баланса, млрд рублей	5391	3348	4551	5946	10,3

Таблица 2

Основные экономические и социальные показатели Японии

Показатели	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	Темп прироста, %
1. Валовой внутренний продукт, млрд рублей	172970	165900	167720	164535	-4,9
2. Инвестиции в основной капитал – всего, млрд рублей	39445	33740	33775	33740	-14,5
3. Расходы на конечное потребление домашних хозяйств, млрд рублей	100835	98245	99470	98945	-1,9
4. Численность экономически активного населения, млн человек	66,5	66,1	65,9	65,4	-1,7
5. Общая занятость, млн человек	63,7	62,7	62,6	62,4	-2,0
6. Уровень безработицы, %	4,1	5,2	5,0	4,5	9,8
7. Индекс промышленного производства, %	-12,7	-8,9	8,9	-1,9	85,0
8. Индекс потребительских цен, %	1,1	-1,7	-0,4	-0,2	-118,2
9. Индекс цен производителей промышленных товаров, %	3,2	-5,2	0,7	1,9	-40,6
10. Экспорт, млрд рублей	23695	19460	22575	22470	-5,2
11. Импорт, млрд рублей	23310	17150	20300	23030	-1,2
12. Сальдо торгового баланса, млрд рублей	385	2310	2275	-560	-245,5

Начнём анализ национальных счетов стран методом сравнения с рассмотрения номинального размера ВВП. Для лучшего изучения этого показателя обратимся к рис. 1. На оси X отображены года, а на оси Y – значения ВВП стран в млрд рублей.

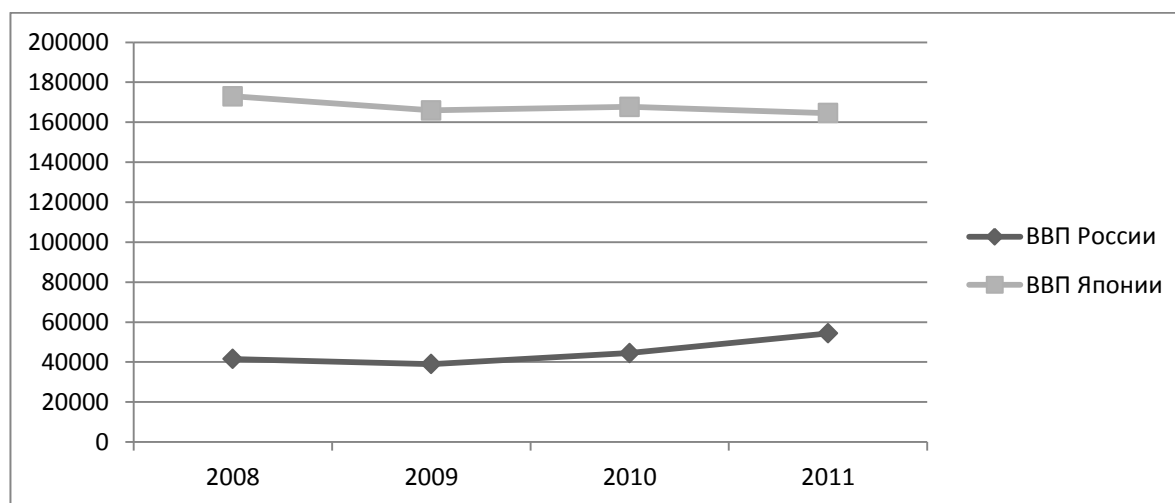

Рис. 1. Динамика абсолютных показателей номинального ВВП России и Японии

Здесь мы видим, что в разгар мирового финансового кризиса, который пришёлся на конец 2008 года и на 2009 год, спад в обеих экономиках наблюдался довольно серьёзный. Среди стран G20 Россия и Япония пострадали больше всех, так как снижение ВВП составило по данным Росстата в 2009 году 7,8 % и 5,5 % соответственно. В 2010 году наблюдалось пусть и не очень сильное, но всё же увеличение значения ВВП у обеих стран, которое составило около 4,4 %. В 2011 году такая же тенденция сохранилась в России, а вот в Японии произошёл спад относительно 2010 года, да и восстановить показатель до уровня 2008 года Стране восходящего солнца так и не удалось в силу Великого восточного землетрясения, которое принесло экономический ущерб в размере по меньшей мере 309 млрд USD [1]. России повезло больше и, как видно из графика, она смогла добиться неплохого прироста за 4 года. Впрочем, сильно радоваться тоже не приходится. Ведь если учесть, что в России реальная инфляция несколько отличается от официальной, а в Японии наблюдается пусть и не сильная, но всё же дефляция, то выходит, что различия в темпах прироста ВВП минимизируются.

Показатели инвестиций в основной капитал в рассматриваемых странах имеют практически «одинаковые значения», только с разными знаками. Объясняется это просто. Японские компании последние 20 лет предпочитают переносить вредные и трудоёмкие производства на территории развивающихся стран, таких как Таиланд, Малайзия, Филиппины и Китай. А ещё 10–15 лет назад японские корпорации перенесли немало производств на территории Южной Кореи и Китайской Республики (Тайваня). К тому же мировой финансовый кризис вынудил японцев меньше тратить, в том числе и на инвестирование, а отток иностранных инвестиций был очень велик (в России дела шли не лучше). Всё это заставило правительства рассматриваемых стран прибегнуть к увеличению государственных инвестиций, чтобы компенсировать отток капитала. Но всё же, несмотря на огромную разницу в показателях, дела в Японии не так уж плохи, если учесть, что инвестируемые государством деньги японских налогоплательщиков направляются на развитие в основном обрабатывающей высокотехнологичной промышленности и сельского хозяйства. Этого не скажешь о России. В результате получается, что технологическое отставание России от развитых стран, даже таких как Южная Корея и Тайвань, только усиливается, не говоря уже об отставании от Японии.

Расходы на конечное потребление домашних хозяйств в Японии незначительно уменьшились вследствие дефляции и вызванной ею так называемой дефляционной спирали, которая определяется как ситуация, когда в стране падение цен и слабый внутренний спрос провоцируют друг друга, следствием чего является замедление роста или даже снижение ВВП. В России же ситуация обратная, а воспринимать данный показатель как очень хороший не следует, потому что его абсолютное повышение не всегда означает повышение уровня жизни граждан, а скорее говорит о высокой так называемой инфляции для бедных, которая вызывает вынужденные траты и благодаря которой у страны такие высокие показатели.

Показатели численности экономически активного населения государств показывают нам нулевой прирост в России и отрицательные значения в Японии. Эта проблема на данный момент весьма актуальна для обеих стран, и решают её по-разному. Принимаемые решения правительств вызывают споры и определённые проблемы в обществе (Россия) или в экономике (Японии), но всё же, на взгляд авторов работы, японцы поступают в этом вопросе намного разумнее для своей страны и своего народа, чем россияне. Что же касается показателей, то они говорят о том, что японская нация стареет, а прирост населения страны имеет отрицательные значения ($-0,077\%$ на январь – март 2012 года) [2]. Следствием этого в Стране восходящего солнца серьёзной проблемой является нагрузка на бюджет из-за необходимости выплаты пенсий.

Общая занятость населения за 4 года уменьшилась и в России, и в Японии вследствие увеличения безработицы в исследуемых странах. В России уровень общей безработицы превышает японский показатель не очень сильно, однако по уровню безработицы среди молодёжи в возрасте 15–24 года наше государство более в чем 2 раза опережает оппонента со значениями $18,3\%$ против $9,1\%$ [2]. Да и реальная безработица (не все регистрируются на бирже труда) отличается в России от официальных данных.

Для лучшего рассмотрения столь важного показателя, как индекс промышленного производства, обратимся к рисунку 2.

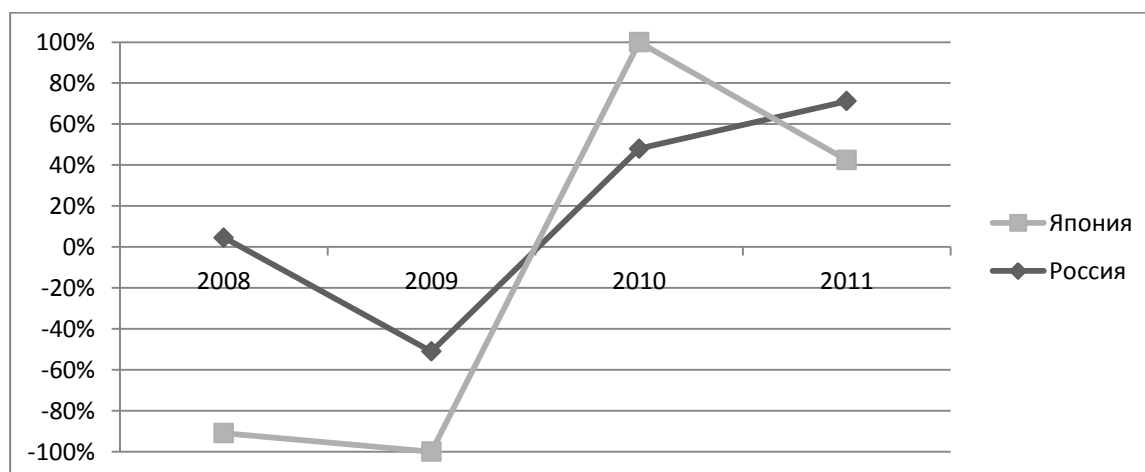

Рис. 2. Динамика изменения индекса промышленного производства

Как видно из графика, начало и самый пик кризиса, который наблюдался с августа 2008 года, Япония пережила довольно тяжело. Одной из главных причин выступало резкое падение спроса со стороны США – одного из главных торговых партнёров Японии и страны, куда по данным на 2010 год, направляется 15,7 % японского экспорта [2]. Стоит отметить, что резкое снижение спроса со стороны США наблюдалось за несколько месяцев до начала кризиса. Естественно, что экспортно ориентированная экономика Страны восходящего солнца сильно пострадала от потрясений. Россия же представила за 2008 год куда лучшие показатели, что объясняется положением нашей страны на мировом рынке во многом как сырьевой державы (собственно сырьевые ресурсы в стоимостном выражении составляют почти 90 % российского экспорта) [3], а экспорт продукции обрабатывающей и прочих отраслей промышленности совсем невелик. Продолжающийся спад показал результаты за 2009 год, согласно которым экономика Японии даже лучше российской справляется с поставленными задачами и проблемами. Таким был и результат 2010 года, только тут были положительные цифры, вызванные медленным восстановлением мировой экономики, благодаря бурному росту Китая и Индии. По всем прогнозам 2011 год должен был быть для Японии намного успешнее, чем для России. Но произошло то, чего никто не ожидал: Великое восточное землетрясение на острове Хонсю, вызвавшее серьёзные разрушения и нарушение цепочки технологических поставок в связи с цунами и радиоактивным загрязнением северо-восточной территории страны. Несмотря на весь ужас ситуации, промышленность Японии выдержала это испытание, хотя и понесла серьёзные потери. В России, к счастью, столь серьёзных стихийных бедствий в 2011 году не наблюдалось, и страна смогла показать неплохой прирост промышленного производства, однако многие эксперты отмечают, что результаты были ниже ожидаемых.

Что же касается инфляции, то здесь можно отметить положительные изменения в России, где за 4 года индексы потребительских цен и цен производителей промышленных товаров уменьшились на порядок, и это, несомненно, плюс. В Японии инфляция, будучи совсем незначительной в 2008 году, за 4 года уменьшилась до состояния дефляции, что привело уже к негативным последствиям для экономики.

Теперь рассмотрим экспорт и импорт анализируемых стран. Как видно из таблиц 1 и 2, в 2009 году вследствие мирового финансового кризиса произошло серьёзное падение главных показателей международной торговли стран. Затем происходило постепенное восстановление показателей. В России за 2011 год был достигнут уровень трёхлетней давности и даже произошло его увеличение, что является хорошим показателем. В Японии снижение экспорта и импорта, в силу падения спроса на товары, было сильнее, чем в России. В 2010 году шло восстановление показателей международной торговли, однако в 2011 году, вследствие землетрясения 11 марта в Тохоку и вызванных им природных и техногенных катастроф, экспорт за 2011 год оказался значительно ниже, чем ожидалось ранее. А вот импорт пришлось увеличить вследствие остановки большинства японских АЭС из-за аварии и утечки радиации на АЭС «Фукусима-1». Естественно, что для восстановления энергобаланса (Япония – это полностью островное государство, и ей приходится генерировать энергию собственными силами без возможности помощи других стран) стране пришлось увеличить количество поставок энергоносителей, и в первую очередь с территории России (Сахалинская область, корпорация Sakhalin Energy Investment Company Ltd., «Сахалин Энерджи»), как следствие, – резкое увеличение импорта. По результатам 2011 года, Япония впервые за 31 год столкнулась с дефицитом торгового баланса. Следует отметить, что у России хоть темпы роста международной торговли и высоки, все же импорт растёт сильнее экспорта. Это происходит, даже несмотря на увеличение экспорта энергоносителей и объясняется отставанием в развитии нашей экономики не только от развитых стран, но и от таких государств, как Китай и Индия.

Для рассмотрения сальдо торгового баланса обратимся к рисунку 1.3. На оси X отображены года, а на оси Y – млрд рублей.

Как видно из графика, о знаменитом торговом профиците Японии, вероятно, можно забыть. Дело в том, что по вышеописанным причинам, Страна восходящего солнца производит всё меньше промышленной продукции, перенося свои производства на сопредельные государства. В этом явлении есть и плюсы и минусы, но всё же согласно современным экономическим данным, по крайней мере, в среднесрочной перспективе это очень выгодно. А вот хороший показатель торгового балан-

са России вовсе не говорит о столь чудесном состоянии российской промышленности, как хотелось бы, ведь прирост сальдо осуществляется в основном за счёт увеличения экспорта сырья, что в российском случае абсолютно не приводит к улучшению состояния экономики, а скорее просто под-держивает её на плаву.

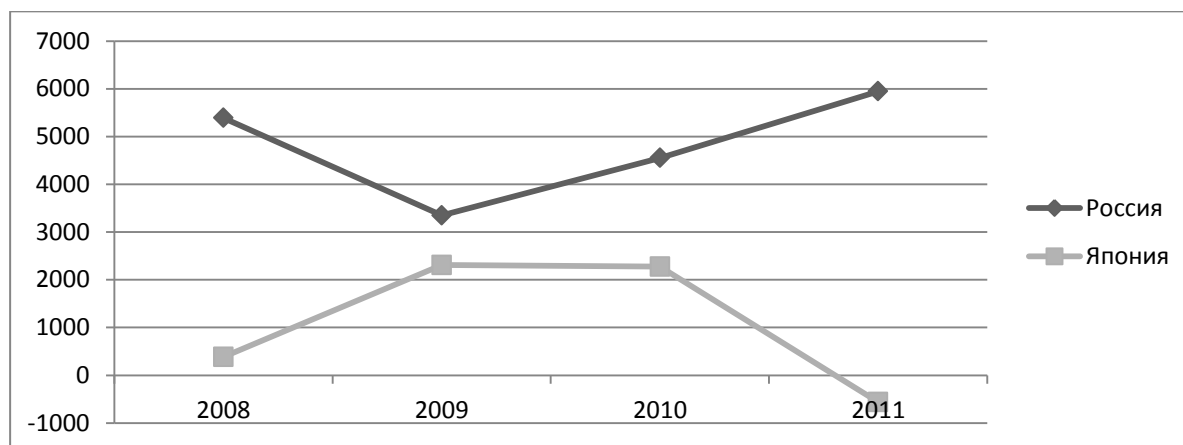

Рис. 3. Динамика изменения торгового баланса России и Японии

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что при поверхностном взгляде на национальные счета анализируемых стран, создается впечатление, что в России всё прекрасно, а в Японии всё безнадежно. Но при более подробном рассмотрении счетов становится ясно, что всё далеко не так однозначно, и необходимо учитывать внешние факторы, влияющие на экономику, а также определять причину получения именно тех цифр, которые отображены в отчётах. Ведь далеко не всегда дела в стране обстоят именно так, как показывает официальная статистика. Главный же вывод заключается в том, что в России экономика далеко не так здорова и не так устойчива, как хотелось бы, и имеется очень много системных проблем, требующих безотлагательного решения. И в то же время экономика Японии функционирует намного лучше российской. А до устойчивости экономики Страны восходящего солнца к природным, техногенным и общественным катаклизмам России ещё долго стремиться, хотя, несомненно, серьёзных проблем в экономической системе хватает и у Японии.

Литература

1. Ущерб от землетрясения в Японии оценили в 309 миллиардов долларов [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru>
2. ЦРУ [Электронный ресурс]. URL : <https://www.cia.gov/>
3. URL: <http://top.rbc.ru/>

УДК 338.242: 658.5.012.7

Соцкая Анастасия Александровна, Белоусов Анатолий Иванович

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ОПЕРАТИВНОГО КОНТРОЛЛИНГА В РАЗВИТЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАНАХ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

В статье рассмотрено понятие и история возникновения контроллинга, его функции и задачи, а также определено понятие «оперативный контроллинг». Особенность статьи заключается в анализе подходов экономистов разных стран к сущности оперативного контроллинга, набору подконтрольных показателей и предлагаемых инструментов и методов оперативного контроллинга. На основе рассмотренной теории и практики текущего контроллинга на Украине, в России и Германии автор делает вывод об эффективности сочетания системы самоконтроллинга с отделом централизованного стратегического контроллинга фирмы.

Ключевые слова: оперативный контроллинг, стратегический контроллинг, самоконтроллинг, подконтрольные показатели, управленческий учет.

Sotskaya Anastasia A., Belousov Anatolii I.

FEATURES OF THE OPERATIVE CONTROLLING MECHANISM IN DEVELOPED COUNTRIES AND OPPORTUNITIES OF ITS APPLICATION IN RUSSIA

The concept and history of the controlling and its functions and tasks are examined in the article, as well as definition of “operational controlling” is given. The peculiarity of the article is in the approach analysis of economists from different countries to the operational controlling essence, indicators under control set and proposed tools and techniques. Having based on the review of the theory and practice of operative controlling, the author makes a conclusion about the effectiveness of the combination of self-controlling system with the centralized strategic controlling department of a firm.

Keywords: operational controlling, strategic controlling, self-controlling, verifiable indicators, management accounting.

В современных условиях экономической жизни общества вопрос обеспечения эффективного ресурсосберегающего производства становится все более значимым. Мировой финансовый кризис вынуждает руководящий состав фирм пересматривать производственную программу предприятия с целью минимизации издержек и ликвидации потерь ресурсов. Возникает необходимость формирования новых технологий и механизмов управления предприятием. В связи с этим все большую роль в управлении предприятием приобретает оперативный контроллинг как постоянно изменяющаяся система управления, организации, планирования, учета и контроля деятельности организации.

Актуальность проблемы внедрения системы оперативного контроллинга на отечественных предприятиях является очевидной: в настоящее время от каждой производственно-хозяйственной единицы требуется проведение постоянных своевременных и гибких изменений с целью сохранения своей жизнеспособности. Следовательно, перед нами стоит цель рассмотреть механизм оперативного контроллинга производства путем определения сущности и методологической основы оперативного контроллинга, его целей и задач, а также выделить особенности функционирования системы оперативного контроллинга в Украине, России, Германии. При изучении механизма оперативного контроллинга предполагается использование таких общенаучных методов познания, как анализ, синтез, дедукция, индукция.

Материалами для анализа особенностей механизма оперативного контроллинга послужили исследования украинских ученых П. В. Егорова и Л. Д. Смирновой в области гибкого контроллинга в управлении производственно-хозяйственными системами, учебно-методические разработки российских ученых-экономистов А. М. Карминского, С. Г. Фалько, Т. Ю. Тепляковой, Т. Г. Шешуковой, Е. Л. Гуляевой, а также материалы исследования немецкой консультационной фирмы «Horvath&Partners».

Контроллинг представляет собой ориентированную на перспективу систему информационно-аналитической, методической и инструментальной поддержки руководства при реализации цикла управления по всем функциональным сферам деятельности предприятия и процессам [3, с. 15]. Причиной возникновения контроллинга стала необходимость интеграции различных аспектов управления бизнес-процессами и подразделениями предприятия в единое целое.

Несмотря на то что многие авторы выделяют контроллинг в качестве новейшего инструмента управления, концепция контроллинга зародилась еще в XV веке в Великобритании путем введения должности «countrollour», а в 1892 году «General Electric Company» впервые в истории вводит должность контроллера, задачами которого становится проведение ревизий и консультирование руководства в области финансов. Дальнейшее развитие контроллинг получил после экономического кризиса 30-х годов прошлого столетия, так как возникла необходимость изменения системы управления производством в сложных экономических условиях [2, с. 21].

В настоящий момент система контроллинга производственной деятельности присутствует на многих предприятиях. Задачей службы контроллинга в организации является измерение, анализ и контроль затрат и результатов производственных процессов предприятия, а также предоставление управленческой информации руководству предприятия в целях планирования и прогнозирования дальнейшего развития фирмы. В соответствии с задачами контроллинга выделяются его функции:

- поддержка процесса планирования;
- учет для целей управления;
- контроль над реализацией планов;
- выявление и анализ отклонений;
- оценка протекающих процессов и представление отчетности руководству;
- выработка рекомендаций [2, с. 58].

Таким образом, контроллинг является важнейшей частью системы управления предприятием, поскольку его цель – обеспечить успешное функционирование предприятия в долгосрочной перспективе путем координации и интеграции систем учета, контроля и планирования в организации. При этом в зависимости от целей, возлагаемых на систему контроллинга, выделяют стратегический и оперативный контроллинг.

Оперативный контроллинг представляет собой гибкую систему краткосрочного планирования, контроля, учета и отчетности на предприятии [4, с. 100]. Его основная задача – обеспечение методической, информационной и инструментальной поддержки руководства предприятия для анализа и оценки текущего состояния предприятия. Оперативный контроллинг концентрируется во внутренней среде компании, объектами его исследования являются показатели текущей прибыли, рентабельности, затрат, доходов и объемов производства предприятия [5, с. 70].

Украинские экономисты П. В. Егоров и П. Д. Смирнова определяют механизм оперативного контроллинга как систему управления достижением текущих целей производственно-хозяйственной системы, а также принятие своевременных решений по оптимизации соотношения «затраты – прибыль». В рамках построения системы подконтрольных показателей для целей оперативного контроллинга ученые предлагают выделять такие показатели, как рентабельность капитала, производительность и степень ликвидности. При этом экономические процессы рассматриваются в рамках одного года, а регулирование производственного процесса осуществляется путем непрерывного сопоставления плановых данных с фактическими [1, с. 44].

В практике украинских предприятий при построении системы оперативного контроля используются такие инструменты управленческого учета и финансового анализа, как директ-костинг, стандарт-кост, анализ безубыточности, факторный анализ, функционально-стоимостной анализ.

Организационные вопросы внедрения службы оперативного контроля украинские экономисты предлагают решать путем определения задач, функций, полномочий и ответственности каждого звена управления предприятием, исследования и обозначения всех связей в системе управления в целях выделения впоследствии в каждом звене организационной структуры предприятия зон контроллинга, которые подотчетны непосредственно руководству предприятия. В малых организациях функции оперативного контроллинга может выполнять сам руководитель предприятия или его заместители.

При этом П. В. Егоров и П. Д. Смирнова предлагают и альтернативный вариант работы механизма оперативного контроллинга в фирме путем выделения отдельной службы контроллинга. При этом для эффективного ее функционирования необходим полный доступ контроллеров к информации предприятия, а также автономность службы контроллинга.

На наш взгляд, предлагаемое украинскими учеными создание независимой службы оперативного контроллинга на предприятии чревато расширением штата сотрудников, увеличением затрат, а главное, ухудшением качества и скорости подачи оперативной информации.

Российские ученые предлагают несколько иную схему создания системы оперативного контроллинга на предприятии. По мнению А. М. Карминского и С. Г. Фалько, для реализаций функций

оперативного контроллинга на предприятии необходимо внедрение системы управленческого учета. При этом основным объектом оперативного контроллинга на предприятии должна быть производственная программа. Для проведения ее анализа в рамках оперативного контроллинга могут использоваться такие методы, как маржинальный анализ, директ-костинг, анализ дисконтированной стоимости, анализ отклонений, а также моделирование текущей ситуации в целях оценки воздействия внешней среды и контроля степени достижения целей предприятия [4, с. 121].

В российской практике данные оперативного контроллинга являются источником информации для контроллинга стратегического. Таким образом, система построения механизма контроллинга в российских предприятиях включает в себя центральный отдел контроллинга, который занимается анализом затрат, рентабельности и ликвидности по предприятию в целом, а также вырабатывает стратегию функционирования организации. Центральному отделу контроллинга подчиняется отдел оперативного контроллинга, представленный контроллерами центров ответственности и «узких мест». В их задачи входит анализ отклонений фактических затрат от плановых, установление предельно допустимых отклонений издержек и объемов производства, выявление и ликвидация «узких» мест, факторный анализ прибыли центров ответственности. При закупке производственного оборудования контроллеры центров ответственности могут использовать различные методы сравнительных инвестиционных расчетов [2, с. 68].

Российская модель построения системы оперативного контроллинга является иерархичной, таким образом, она может быть использована как в целом на предприятии, так и в отдельных подразделениях типа дивизионов. Недостатком данной модели является слабая взаимосвязь систем оперативного контроллинга разных центров ответственности, что может повлиять на качество и достоверность оперативной информации. Следовательно, необходимо создание системы связи контроллеров оперативного уровня между собой.

Немецкие ученые и экономисты считают контроллинг центральной задачей менеджмента. При этом контроллер несет ответственность за правильность собранной и подготовленной им информации, а также организует и сопровождает процесс целеполагания, планирования и управления, содействуя оперативности и правильности принимаемых решений.

Отличительной особенностью формирования механизма контроллинга в Германии является акцентирование на координирующей функции контроллера: в круг сферы обслуживания контроллера не входят финансовые задачи предприятия [6, с. 73].

Немецкие экономисты рассматривают оперативный контроллинг как систему «управления помехами», то есть текущие выявление, анализ и устранение помех в работе предприятия. Центральным элементом немецкой системы оперативного контроллинга, по мнению Б. Гайзера, является расчет затрат и объемов производства по видам затрат, видам продуктов и центрам финансовой ответственности. Также оперативный контроллинг включает планирование оптимального использования ресурсов, встречную сверку полученных планов разных подразделений организации, выработку планов производства и сбыта, процедуру составления ежедневных финансовых расчетов и формирование на их основе гибкого краткосрочного бюджета.

Доктор П. Хорват, всемирно известный немецкий консультант-практик в области контроллинга, выделяет следующие варианты создания системы контроллинга на предприятии:

- децентрализованный контроллинг: передача функций контроллинга по центрам ответственности и подразделениям, либо ответственному за информационное обеспечение на предприятии. При этом система оперативного контроллинга не выделяется, так как происходит слияние функций текущего и перспективного контроллинга на предприятии;

- централизованный контроллинг: формирование самостоятельного подразделения контроллинга и интеграция его элементов в подразделения фирмы. При этом стратегический контроллинг осуществляется руководителями подразделений предприятия и высшим менеджментом, а система оперативного контроллинга формируется на местах (цехах, отделах, центрах ответственности, затрат и т. д.) и предоставляет данные для системы стратегического контроллинга, которая осуществляет консолидированное планирование и анализ деятельности предприятия;

- самоконтроллинг: отдельные менеджеры или сотрудники исполнительных уровней берут на себя выполнение задач самоконтроллинга. Для успешного внедрения системы самоконтроллинга на предприятии должно быть проведено обучение руководящих сотрудников, а также обеспечены условия, при которых менеджеры бы располагали необходимой свободой действий и принятия решений. Преимущество данной системы состоит в оперативном реагировании руководства предпри-

ятия на возникающие отклонения, поскольку задачи по планированию и контролю выполняются непосредственно носителями управленческих решений [6, с. 240].

На наш взгляд, предложенная П. Хорватом система самоконтроллинга является наименее затратной и весьма эффективной, так как функции контроллинга берут на себя именно те люди, которые лучше всего знают вверенный им участок работы. Однако самоконтроллинг является в большей степени оперативным контроллингом, поскольку для разработки стратегий дальнейшего развития подразделения или фирмы в целом необходимо сотрудничество менеджеров различных участков друг с другом. По нашему мнению, адаптация системы самоконтроллинга в экономических условиях России выглядит следующим образом: функцию самоконтроллинга необходимо дополнить специальным отделом стратегического контроллинга, состоящего из менеджеров высшего звена предприятия, в целях выработки на основе совокупной информации самоконтроллинга стратегических решений.

Контроллинг является не только важнейшей функцией управления предприятием, но и действительно эффективным инструментом построения системы достоверного и прозрачного учета и анализа, точного прогнозирования и гибкого бюджетирования, а также, в конечном счете, роста прибыльности компании. При этом система оперативного контроллинга играет важнейшую роль в системе контроллинга в целом на предприятии. Для эффективной деятельности текущего контроллинга немаловажное значение имеет не только организационная структура его построения, но взаимосвязь отделов оперативного контроллинга с другими процессами на предприятии. Использование опыта ведущих ученых и менеджеров в области контроллинга позволяет не только значительно снизить издержки внедрения системы контроллинга в организации, но и оптимизировать уже существующие механизмы оперативного и стратегического контроллинга.

Литература

1. Егоров П. В., Смирнова Л. Д. Механизм гибкого контроллинга в управлении производственно-хозяйственными системами: монография. Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2007. 166 с.
2. Контроллинг: учебник / А. М. Карминский, С. Г. Фалько, А. А. Жевага, Н. Ю. Иванова; под ред. А. М. Карминского, С. Г. Фалько. М.: Финансы и статистика, 2010. 356 с.
3. Контроллинг: учебное пособие / Т. Ю. Теплякова. Ульяновск: УлГТУ, 2010. 143 с.
4. Фалько С. Г. Контроллинг для руководителей и специалистов. М.: Финансы и статистика, 2008. 272 с.
5. Теория и практика контроллинга: учеб. пособие / Т. Г. Шешукова, Е. Л. Гуляева. М.: Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2008. 176 с.
6. Концепция контроллинга: Управленческий учет. Система отчетности. Бюджетирование / Horvath&Partners; пер. с нем. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. 269 с.

УДК 332.1:631.164(470.63)

Чемоданова Елена Васильевна

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБОРОТНЫХ СРЕДСТВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В данной статье раскрыта экономическая сущность оборотных средств, представлен анализ состояния и использования их в сельском хозяйстве Ставропольского края.

Ключевые слова: оборотные средства, сельское хозяйство, эффективность использования оборотных средств, Ставропольский край.

Chemodanova Elena V.

ECONOMIC ASSESSMENT OF THE STATUS AND USE OF AGRICULTURE OF STAVROPOL REGION

This article reveals the economic essence of working capital, is an analysis of the status and use of them in the Agriculture of the Stavropol region.

Key words: agriculture, working capital, working capital efficiency, Stavropol region.

Обязательным и весьма важным элементом сельскохозяйственного производства являются оборотные средства. Они обеспечивают осуществление непрерывного процесса производства и реализации продукции.

Проблеме оптимального формирования и рационального использования оборотных средств в аграрном секторе экономики посвящено множество работ, однако и определению самой сущности данной категории следует уделить особое внимание.

В первую очередь отметим, что наряду с понятием «оборотные средства» в литературе часто используются термины «оборотные фонды», «оборотные активы». В экономической оценке состояния и использования материально-технической базы АПК, а также при разработке направлений эффективного управления производственными ресурсами в сельском хозяйстве очень важно четко разграничивать эти категории.

Согласно большинству отечественных словарей, включая и БСЭ, оборотные фонды – это те средства производства, которые целиком потребляются в каждом новом производственном цикле, полностью переносят свою стоимость на готовый продукт и в процессе производства не сохраняют своей натуральной формы [3, 5].

Под оборотными средствами понимается совокупность денежных средств, авансируемых для создания оборотных производственных фондов и фондов обращения, обеспечивающих непрерывность хозяйственной деятельности фирмы [2, 3]. Или, другими словами, оборотные средства – это совокупность оборотных фондов и фондов обращения в денежной форме.

В мировой практике в соответствии с действующим международным стандартом СНС93 при исчислении показателей оборотных средств рекомендуется пользоваться категориями «запасы» и «ценности» [2]. В отечественной статистике до сих пор используется понятие «материальные оборотные средства и запасы», которые в совокупности и представляют собой оборотные фонды. В понятие «оборотные средства» включаются материальные оборотные средства и запасы (оборотные фонды) вместе с финансовыми.

Таким образом, оборотные фонды являются неотъемлемой материальной частью оборотных средств АПК и в целом важной составляющей национального богатства страны, его наиболее мобильным и постоянно возобновляемым элементом. Однако подметим, что при комплектовании оборотных фондов в аграрной сфере всегда следует учитывать особенности сельскохозяйственного производства.

В целях оптимального управления оборотными средствами в сельском хозяйстве на федеральном и региональном уровнях необходимо регулярно проводить комплексную оценку их состояния и использования.

Таблица 1

**Наличие основных видов техники в сельхозпредприятиях
Ставропольского края, тыс. штук [4]**

Наименование техники	Годы				Темп роста, 2012 в % к 2009
	2009	2010	2011	2012	
Трактора физические	13,9	13,3	12,9	12,5	89,9
Комбайны:					
зерноуборочные	4,2	4,1	4,1	4,0	95,2
кукурузоуборочные, шт.	124	109	93	79	63,7
картофелеуборочные, шт.	22	20	21	20	90,9
кормоуборочные	0,6	0,5	0,45	0,4	66,7
Свеклоуборочные машины, шт.	123	121	114	109	88,6
Плуги	5,2	5,0	4,7	4,6	88,5
Бороны	40,0	37,7	35,3	33,5	83,7
Культиваторы	9,5	9,0	9,0	8,7	91,6
Машины для посева	9,1	8,8	8,5	8,5	93,4

Ставропольский край – аграрный регион, для которого полная и своевременная обеспеченность основными и оборотными фондами является залогом эффективного функционирования его АПК и важнейшим фактором социально-экономического развития в целом, особенно в настоящее время, в условиях ВТО. Однако, как показывают многочисленные исследования, проблемы формирования и использования материально-технической базы АПК Ставропольского края носят весьма острый характер, а их решение усугубляется нарастающими негативными тенденциями, которые

проявляются в ухудшении показателей оснащенности и использования основных и оборотных средств сельскохозяйственных предприятий региона.

Как видим из таблицы 1, численность основных видов техники в составе машинно-тракторного парка сельскохозяйственных производителей края за четыре года (2009–2012 гг.) сократилась в среднем на 10–20 %. Недостаточная обеспеченность сельхозтоваропроизводителей необходимой техникой и высокий уровень ее износа может отрицательно повлиять на развитие растениеводства и животноводства Ставропольского края в условиях ВТО.

Негативная черта наблюдается и в результатах оценки обеспеченности и использования оборотных средств в АПК региона.

Апеллируя к исследованиям других экономистов, выясняем, что размер оборотных средств сельскохозяйственных организаций Ставропольского края в 2004–2010 гг. в целом увеличивался в среднем на 14,1 % в год, что в 1,2 раза выше среднегодовых темпов роста выручки от реализации продукции и в 1,3 раза превышало темпы инфляции [1]. Однако наиболее существенно возрос размер денежных средств (почти в 5 раз), дебиторской задолженности (в 3,5 раза), готовой продукции (в 2,8 раза). И, как следствие, наблюдалась тенденция уменьшения доли оборотных средств в производственной сфере (с 57 до 49 %) и увеличения ее в сфере обращения, что связано с наличием трудностей по реализации продукции и своевременному получению оплаты за нее [1].

Анализ динамики показателей использования оборотных средств сельскохозяйственных предприятий Ставропольского края за период 2004–2010 гг., представленный Л. И. Черниковой в своей статье «Влияние инфляции на воспроизводственный процесс в сельском хозяйстве», свидетельствует о замедлении оборачиваемости оборотных средств. Так, в 2010 г. по сравнению с 2004 г. длительность одного оборота средств увеличилась на 51 день и составила 369 дней, что означает замедление оборачиваемости оборотных средств, а следовательно, и их недостаточно эффективное использование. Подтверждением этого также является уменьшение коэффициента оборачиваемости на 0,17 пункта или почти на 15 % [1].

Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами сельскохозяйственных предприятий за исследуемый период до 2009 г. находился в пределах нормы, но к концу 2010 г. его значение снизилось на 0,16 пункта, т. е. в 4 раза. Что свидетельствует о недостаточности у хозяйств края собственных оборотных средств и возникновении необходимости прибегать к кредитам для обеспечения текущей деятельности.

Отмеченные негативные тенденции, по исследованиям автора, в свою очередь привели к снижению эффективности использования оборотных средств сельхозорганизаций, потребность в них с каждым годом в среднем росла и составила в 2010 году 88 руб. в расчете на 100 руб. валовой продукции, при этом размер полученной выручки оборотных средств уменьшился со 115 до 99 руб. или на 14,3 %. В результате уровень рентабельности оборотных средств упал в 2 раза, что прежде всего обусловлено ухудшением оборачиваемости оборотных средств.

Подавляющей частью оборотных средств сельского хозяйства являются материально– производственные ресурсы (материальные оборотные средства), состав и структура которых зависит от множества различных факторов: характера и сложности производства, длительности производственного цикла, стоимости сырья, условий его поставки и т. д.

Активной частью материальных оборотных средств в сельском хозяйстве являются минеральные и органические удобрения, которые были и остаются важнейшим фактором повышения эффективности производства. Их применение позволяет не только повысить урожайность культур, но и обеспечить воспроизводство плодородия земли.

Мировая и отечественная практика показывает, что для создания бездефицитного баланса гумуса сельскохозяйственных земель края необходимо вносить в почву ежегодно до 13–14 млн тонн органических удобрений и не менее 350–355 тыс. тонн минеральных удобрений [2], что примерно в 2–2,5 раза больше, чем их фактически вносится в настоящее время (таблица 2).

Положительным моментом, согласно данным таблицы, является рост объемов вносимых удобрений под посевы за последние шесть лет: минеральных удобрений в 2012 году по сравнению с 2007 годом было внесено на 47,9 % больше, органических – на 51,1 %, что привело к увеличению за исследуемый период процента удобренной площади почти на 25 пунктов.

Таблица 2

Применение минеральных и органических удобрений в сельском хозяйстве Ставропольского края (под урожай соответствующих лет)

Показатели	Годы						Темпы роста 2012 г. к 2007 г., %
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	
Внесено минеральных удобрений под все культуры в действующем веществе, тыс. т	113,2	140,9	144,2	150,8	167,0	167,4	147,9
Процент удобренной площади	57	70	64	67	70	71	124,6
Внесено минеральных удобрений на 1 га удобренной площади в действующем веществе, ц	0,9	1,0	1,0	1,0	1,1	1,1	122,2
Внесено органических удобрений, всего, тыс. т	4,5	5,2	6,9	6,5	6,3	6,8	151,1
В расчете на 1 га посева, т	1,8	2,5	3,0	2,9	2,9	3,1	172,2

Безусловно, этого недостаточно для оптимального питания растений, но в тех районах, где за последние три года на 1 га удобренной площади было внесено более одного центнера минеральных удобрений, урожайность сельскохозяйственных культур, согласно данным государственной статистики по краю, достигала наиболее высокого уровня.

Таблица 3

Заготовка и расход кормов в сельскохозяйственных предприятиях Ставропольского края [4]

Показатели	Годы						Темп роста, % 2012 год к двум годам	
	2000	2003	2009	2010	2011	2012	2000	2009
Всего заготовлено кормов в кормовых единицах (без концентрированных)	540,5	530,2	465,1	445,3	472,3	336,3	62,2	72,3
Заготовлено кормов в расчете на 1 условную голову скота, ц к. ед.	20,4	14,2	11,8	11,5	11,9	8,0	39,2	67,8
Расход кормов на 1 условную голову крупного скота, ц к. ед.	29,2	28,9	28,6	24,5	23,8	23,8	81,5	83,2

Негативная тенденция наблюдается в системе заготовки и расходования кормов в сельскохозяйственных предприятиях Ставропольского края. За годы реформ и по настоящее время эта тенденция не изменилась: объемы заготовленных и расходowanych кормов продолжают снижаться (таблица 3).

Как видно из таблицы, обеспеченность скота необходимыми кормами в пересчете на кормовые единицы низкая и более того, уменьшается из года в год, что отрицательно сказывается на развитии животноводства края.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что состояние материально-технической базы сельского хозяйства Ставропольского края продолжает ухудшаться, размер оборотных средств аграрных производителей региона недостаточен для обеспечения рациональных параметров производства в сельском хозяйстве, в результате чего улучшения условий воспроизводственного процесса в отрасли за последние годы не произошло, а это, в свою очередь, может весьма серьезно отразиться на процессе адаптации и развитии АПК Ставропольского края в условиях ВТО.

Литература

1. Черникова Л. И. Влияние инфляции на воспроизводственный процесс в сельском хозяйстве // Политический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета [Электронный ресурс]. 2012. № 3 (77). URL: <http://ej.kubagro.ru>
2. Экономика сельского хозяйства / В. В. Кузнецов, В. П. Быкадоров, М. А. Градинарова [и др.]; под ред. проф. В. В. Кузнецова. Ростов-н/Д: Феникс, 2003. 352 с.
3. dic.academic.ru – Академик (электронные словари и энциклопедии).
4. <http://stavstat.gks.ru/> – сайт Федеральной службы государственной статистики по Ставропольскому краю.
5. www.grandars.ru – Энциклопедия экономиста (электронный справочник).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / DATA ON AUTHORS

Абдрашитов Элик Евгеньевич, докторант кафедры археологии и всеобщей истории СКФУ.

Адамчук Анна Станиславовна, кандидат физико-математических наук, профессор кафедры прикладной математики и компьютерных технологий Института информационных технологий и телекоммуникаций СКФУ.

Акинин Пётр Викторович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов Института экономики и управления СКФУ. E-mail: akinin_pv@mail.ru

Акопов Арсен Сергеевич, ассистент кафедры строительства нефтяных и газовых скважин Института нефти и газа СКФУ. E-mail: ms.SNGS@mail.ru

Акопов Сергей Аршавинович, старший преподаватель кафедры строительства нефтяных и газовых скважин Института нефти и газа СКФУ. E-mail: bngs@ncstu.ru

Акопян Виктор Завенович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права России и зарубежных стран ПГЛУ. Докторант. E-mail: zaven2005@yandex.ru.

Амироков Станислав Рауфович, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной математики и компьютерных технологий Института информационных технологий и телекоммуникаций СКФУ.

Артамошина Юлия Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и коррекционной педагогики филиала НОУ ВПО «Московский психолого-социальный университет» в г. Брянске. E-mail: artamoshina_yuli@mail.ru

Арутюнян Вадим Владимирович, старший преподаватель кафедры философии Гуманитарного института СКФУ. E-mail: prados77@yandex.ru

Атрошенко Екатерина Олеговна, аспирант Гуманитарного института СКФУ. E-mail: katt8891@mail.ru

Афонин Леонид Алексеевич, доктор технических наук, профессор кафедры землеустройства и кадастра Института математики и естественных наук СКФУ. E-mail: afoninla@mail.ru

Батурин Владимир Александрович, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой клинической фармакологии, аллергологии и иммунологии с курсом ПДО Ставропольского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения РФ.

Бахолдина Ирина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерский учет в коммерческих организациях Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва. E-mail: buialo@mail.ru

Белая Елена Викторовна, инженер-лаборант кафедры разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Института нефти и газа СКФУ. E-mail: RANGM26@yandex.ru

Белая Ольга Петровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории журналистики Гуманитарного института СКФУ. E-mail: Belaya_st@mail.ru

Беленькая Юлия Петровна, заведующая учебной телерадиостудией, старший преподаватель кафедры средств массовой информации Гуманитарного института СКФУ. E-mail: govorukha_julia@mail.ru

Белова Любовь Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры Института образования и социальных наук СКФУ.

Белоусов Анатолий Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерский учет Института экономики и управления СКФУ. E-mail: buhuchet-skfu@yandex.ru

Белых Татьяна Викторовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и социальной психологии Саратовского государственного университета, г. Саратов. E-mail: tvbelih@mail.ru

Белявский Дмитрий Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института СКФУ. E-mail: dr.belyavsky@mail.ru

Беляев Николай Георгиевич, доктор биологических наук, профессор кафедры анатомии и физиологии Института живых систем СКФУ. E-mail: belyaev_nikolay@mail.ru

Берберова Елена Георгиевна, старший преподаватель кафедры финансы и налогообложение филиала СКФУ в г. Пятигорске. E-mail: blenok@mail.ru

Боброва Елена Фанильевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры теории менеджмента, государственного и муниципального управления Института экономики и управления СКФУ.

Бокачев Иван Афанасьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института СКФУ.

Бондаренко Александр Георгиевич, кандидат медицинских наук, доцент кафедры факультетской хирургии с курсом урологии СтГМУ. E-mail:

Бондарь Татьяна Петровна, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой медицинской биохимии, клинической лабораторной диагностики и фармации Института живых систем СКФУ. E-mail: Tatiana_bond_st@mail.ru

Борис Ольга Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры теории менеджмента, государственного и муниципального управления Института экономики и управления СКФУ.

Бредихин Сергей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института СКФУ. E-mail: bredichinsergey@yandex.ru

Бурняшева Людмила Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры туризма и гостиничного сервиса ПГЛУ. Докторант кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института СКФУ. E-mail: luda-3331@yandex.ru

Васильев Владимир Андреевич, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Института нефти и газа СКФУ. E-mail: RANGM26@yandex.ru

Ворожбитова Александра Леонидовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: sannmail.ru@rambler.ru

Газгиреева Лариса Хасанбиевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры испанистики и межкультурной коммуникации ПГЛУ. Докторант кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института СКФУ. E-mail: ezperanza@inbox.ru

Галай Борис Федорович, доктор геолого-минералогических наук, профессор, профессор кафедры «Строительство» Института строительства, транспорта и машиностроения, СКФУ. E-mail: galaybf@mail.ru

Голованов Михаил Петрович, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии нефти и газа Института нефти и газа СКФУ. E-mail: gng@ncstu.ru

Головко Вячеслав Михайлович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Гуманитарного института СКФУ. E-mail: vmgolovko@mail.ru

Горбенко Лариса Ивановна, кандидат экономических наук, доцент кафедры теории менеджмента, государственного и муниципального управления Института экономики и управления СКФУ.

Горбунов Павел Андреевич, магистр истории, соискатель кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института СКФУ. E-mail: pauels@mail.ru

Горлов Сергей Михайлович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и мировой экономики Института экономики и управления СКФУ.

Гридин Владимир Алексеевич, доктор геолого-минералогических наук, профессор, и.о. директора Института нефти и газа СКФУ.

Гриценко Никита Владимирович, аспирант 3 года обучения специальности «Всеобщая история» Гуманитарного института СКФУ. E-mail: Strateg2014@yandex.ru

Губарева Любовь Ивановна, доктор биологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования, профессор кафедры анатомии и физиологии, заведующий научно-образовательной лабораторией «Экологическая психофизиология» Института живых систем, СКФУ. E-mail: l-gubareva@mail.ru

Гуныкина Татьяна Александровна, старший преподаватель кафедры разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Института нефти и газа СКФУ. E-mail: tatiana.stavr@yandex.ru

Дементеев Максим Владимирович, заместитель главного геолога ООО «Газпром добыча Краснодар» г. Краснодар. E-mail: Makc198@mail.ru

Демьянова Валерия Николаевна, ассистент кафедры факультетской хирургии с курсом урологии СтГМУ. E-mail: demyanova80@rambler.ru

Джавадова Овсання Мэлистовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и мировой экономики Института экономики и управления СКФУ.

Джандарова Тамара Исмаиловна, доктор биологических наук, профессор кафедры анатомии и физиологии, заместитель директора по учебной работе Института живых систем СКФУ. E-mail: djandarova@yandex.ru

Евдокимов Иван Алексеевич, доктор технических наук, профессор, проректор по научной работе СКФУ.

Ермина Наталья Владимировна, кандидат геолого-минералогических наук, доцент, доцент кафедры геологии нефти и газа Института нефти и газа СКФУ.

Ермолова Любовь Степановна, доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники, зоологии и общей биологии Института живых систем СКФУ. E-mail: likovskaya@rambler.ru

Ерохин Алексей Михайлович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института СКФУ. Директор Гуманитарного института СКФУ. Почетный работник Высшего профессионального образования. E-mail: kontr@stavs.ru

Загайный Вадим Владимирович, аспирант Института экономики и управления СКФУ. E-mail: vzagaynyy@mail.ru

Зверева Людмила Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института СКФУ.

Золотарева Татьяна Алексеевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института СКФУ. E-mail: tatjazolotareva@yandex.ru

Ильях Михаил Павлович, доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры ботаники, зоологии и общей биологии Института живых систем СКФУ. E-mail: ilyukh@mail.ru

Каледина Марина Васильевна, кандидат технических наук, доцент кафедры технологии сырья и продуктов животного происхождения, сотрудник ФГБОУ ВПО Белгородская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Я. Горина.

Каменский Михаил Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации Гуманитарного института СКФУ. E-mail: stavdev@mail.ru

Каширина Ольга Валерьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Гуманитарного института СКФУ. E-mail: okashirina@mail.ru

Керимов Абдул-Гапур Гусейнович, доктор технических наук, доцент, заведующий кафедрой геофизических методов поисков и разведки месторождений полезных ископаемых Института нефти и газа СКФУ. E-mail: gmp@ncstu.ru

Колесниченко Алёна Евгеньевна, аспирант Государственного научного учреждения «Ставропольский научно-исследовательский институт сельского хозяйства» Российской академии сельскохозяйственных наук, г. Михайловск. E-mail: alena1714@yandex.ru

Копченков Вячеслав Григорьевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой механики и основ конструирования Института строительства, транспорта и машиностроения СКФУ. E-mail: Kopchenkov2@rambler.ru

Копытов Владимир Вячеславович, доктор технических наук, профессор кафедры организации и технологии защиты информации Института информационных технологий и телекоммуникаций СКФУ. E-mail: kopytov@insystem.ru

Костанова Любовь Юрьевна, ассистент кафедры психологии Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: l-kostanova@mail.ru

- Краснова Ирина Александровна**, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии и всеобщей истории факультета истории, философии и искусств Гуманитарного института СКФУ. E-mail: gorward_@mail.ru
- Кубанов Сергей Исмаилович**, кандидат медицинских наук, доцент кафедры медицинской биохимии, клинической лабораторной диагностики и фармации института живых систем СКФУ. E-mail: sik007@yandex.ru
- Кудря Александр Дмитриевич**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики безопасности жизнедеятельности Института образования и социальных наук СКФУ.
- Кузнецова Александра Анатольевна**, магистр. Аспирант кафедры геологии нефти и газа Института нефти и газа СКФУ. E-mail: al.an.kuznetsova@mail.ru
- Кузнецова Юлия Сергеевна**, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВПО «Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова», г. Новороссийск. E-mail: jx@inbox.ru
- Лавринцев Ирина Николаевна**, магистрант Института экономики и управления СКФУ. E-mail: krasivaya91@mail.ru
- Лазарева Наталья Вячеславовна**, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики Института экономики и управления СКФУ. E-mail: darkabyss@mail.ru
- Лепилкина Ольга Валентиновна**, доктор технических наук, заведующий отделом физической химии ВНИИ маслоседеления и сыроделия Российской академии сельскохозяйственных наук, г. Углич.
- Лиховид Андрей Александрович**, доктор географических наук, профессор, директор Института математики и естественных наук СКФУ. E-mail: nauka@stavsu.ru
- Лукьянцев Евгений Владимирович**, соискатель Института образования и социальных наук СКФУ.
- Лупанина Наталья Дмитриевна**, кандидат технических наук, доцент кафедры технологии мяса и консервирования института живых систем СКФУ.
- Лысов Николай Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, филиал СКФУ в г. Пятигорске.
- Маремшаов Асланбек Борисович**, соискатель кафедры прикладной биотехнологии Института живых систем СКФУ.
- Маслова Елена Юрьевна**, ассистент кафедры технологии сырья и продуктов животного происхождения, сотрудник ФГБОУ ВПО Белгородская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Я. Горина, г. Белгород.
- Милостивая Александра Ивановна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института СКФУ. E-mail: xyscha@mail.ru
- Мишвелов Евгений Георгиевич**, доктор биологических наук, профессор кафедры экологии и природопользования Института математики и естественных наук СКФУ. E-mail: mishvelov@mail.ru
- Мочалов Валерий Петрович**, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой инфокоммуникаций Института информационных технологий и телекоммуникаций СКФУ.
- Навасардова Элеонора Сергеевна**, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института, СКФУ. E-mail: navasardova@yandex.ru
- Науменко Владимир Викторович**, ассистент кафедры организации и технологии защиты информации Института информационных технологий и телекоммуникаций СКФУ. E-mail: ssu-2008@mail.ru
- Незнамова Ирина Ивановна**, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой общегуманитарных, социально-экономических и естественнонаучных дисциплин Ставропольского филиала Московского гуманитарно-экономического института. E-mail: Irinanez@yandex.ru
- Некрасов Евгений Ефимович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института СКФУ.
- Николайченко Александр Сергеевич**, ассистент кафедры разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Института нефти и газа СКФУ. E-mail: Randey-91@mail.ru
- Никольский Всеволод Сергеевич**, доктор медицинских наук, профессор кафедры нормальной физиологии СтГМУ. E-mail: physiology@stgmu.ru
- Никульникова Наталья Николаевна**, кандидат технических наук, доцент кафедры технологии мяса и консервирования Института живых систем СКФУ. E-mail: nek.78@yandex.ru
- Ничеговская Мария Александровна**, аспирант 3 года обучения кафедры общей социологии и политологии Института образования и социальных наук СКФУ. E-mail: just_maria87@mail.ru
- Новикова Ольга Викторовна**, инженер-лаборант кафедры математического анализа Института математики и естественных наук СКФУ. E-mail: oly-novikova@yandex.ru
- Овчаров Сергей Николаевич**, доктор технических наук, профессор, профессор кафедры технологии переработки нефти и промышленной экологии Института нефти и газа СКФУ. E-mail: oos@stv.runnet.ru
- Овчинников Георгий Александрович**, аспирант Института экономики и управления СКФУ. E-mail: ov4innickov.georg@yandex.ru
- Пикалов Дмитрий Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры культурологии и искусств факультета истории, философии и искусств Гуманитарного института СКФУ. E-mail: SWAROMIR@mail.ru
- Погребная Яна Всеволодовна**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Гуманитарного института СКФУ. E-mail: maknab@bk.ru
- Полосин Николай Николаевич**, соискатель ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет культуры и искусств», г. Москва. E-mail: vsewolod.romanov@yandex.ru
- Притула Татьяна Константиновна**, аспирант кафедры прикладной математики и компьютерных технологий Института информационных технологий и телекоммуникаций СКФУ.
- Протасова Наталья Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной и мировой литературы Гуманитарного института СКФУ. E-mail: Natashapro@bk.ru
- Пыхтин Юрий Юрьевич**, кандидат медицинских наук, ассистент кафедры факультетской хирургии с курсом урологии СтГМУ. E-mail: stavendo@mail.ru

Салаткова Надежда Павловна, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой технологии сырья и продуктов животного происхождения, сотрудник ФГБОУ ВПО Белгородская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Я. Горина, г. Белгород.

Самотоев Александр Сергеевич, аспирант кафедры экологии и природопользования Института математики и естественных наук СКФУ. E-mail: 402211@mail.ru

Смирнов Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института СКФУ. E-mail: dmi197526@yandex.ru

Соцкая Анастасия Александровна, аспирант кафедры бухгалтерский учет Института экономики и управления СКФУ. E-mail: logvinova1291@yandex.ru

Стерленко Зинаида Васильевна, кандидат геолого-минералогических наук, доцент, доцент кафедры геологии нефти и газа Института нефти и газа СКФУ. E-mail: Sterlenko34@mail.ru

Струсь Константин Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, филиал СКФУ в г. Пятигорске. E-mail: KonstantinStrus@gmail.com

Суздальцев Игорь Владимирович, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой факультетской хирургии с курсом урологии СтГМУ. E-mail: suzdalsev@yandex.ru

Сумской Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, профессор, первый проректор СКФУ.

Тарасов Михаил Владимирович, аспирант кафедры гражданского права и процесса Юридического института СКФУ. E-mail: Tetttersols@yandex.ru

Текеева Лейла Дагировна, ассистент кафедры государственного и муниципального управления и политологии Карачаево-Черкесского государственного университета имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск. E-mail: lejla-tekeeva@yandex.ru

Тельменко Елена Павловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и всеобщей истории факультета истории, философии и искусств Гуманитарного института СКФУ. E-mail: teilman@mail.ru

Тенишева Вера Фёдоровна, доктор педагогических наук, профессор, начальник кафедры иностранных языков ФГБОУ ВПО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова», г. Новороссийск. E-mail: vic-ver@mail.ru

Титаренко Юлия Вячеславна, аспирант кафедры анатомии и физиологии Института живых систем СКФУ.

Туманова Елена Юрьевна, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии нефти и газа Института нефти и газа СКФУ. E-mail: gng@ncstu.ru

Турская Ольга Юрьевна, заведующий учебно-лабораторным комплексом кафедры разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Института нефти и газа СКФУ. E-mail: rangm26@yandex.ru

Фурсов Виктор Александрович, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и технологии управления Института экономики и управления СКФУ. E-mail: fursov.va@mail.ru

Цатурян Людмила Дмитриевна, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой нормальной физиологии СтГМУ. E-mail: L_tsaturian@mail.ru

Цыганко Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВПО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова», г. Новороссийск. E-mail: lena_tsyganko@mail.ru

Чемоданова Елена Васильевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и мировой экономики Института экономики и управления СКФУ. E-mail: elen.chem@yandex.ru

Шевчук Светлана Степановна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института СКФУ. E-mail: mp.melnikova2012@yandex.ru

Шевякова Анна Анатольевна, соискатель кафедры нормальной физиологии СтГМУ. E-mail: physiology@stgmu.ru

Шестерикова Раиса Егоровна, доктор технических наук, доцент, профессор кафедры технологии переработки нефти и промышленной экологии Института нефти и газа СКФУ. E-mail: Shesterikova_26@mail.ru

Шрамко Мария Ивановна, кандидат биологических наук, заведующая международной научно-исследовательской лабораторией электро- и баромембранных технологий СКФУ.

Ямбулатов Эдуард Искандарович, аспирант кафедры инфокоммуникаций Института информационных технологий и телекоммуникаций СКФУ. E-mail: kafasoiu@stv.runnet.ru

DATA ON AUTHORS

Abdrashitov Elic Evgenievich, Doctoral of the Chair of Archeology and World History of NCFU

Adamchuk Anna Stanislavovna, candidate of physical and mathematical sciences, professor at the chair of applied mathematics and computer technologies at the Institute of information technologies and telecommunications, NCFU.

Akinin Petr Viktorovich, doctor of economic sciences, professor, head of finance department of the Institute of economics and management of NCFU. E-mail: akinin_pv@mail.ru

Akopov Arsen Sergeevich, assistant of the chair of construction of oil and gas wells, oil and gas Institute, NCFU. E-mail: ms.SNGS@mail.ru

Akopov Sergey Arshavirovich, senior teacher of the chair of construction of oil and gas wells, oil and gas Institute, NCFU. E-mail: bngs@ncstu.ru

Akopyan Victor Zavenovich, candidate of historical Sciences, the senior lecturer of faculty of history of state and law of Russia and foreign countries of the PCIU. E-mail: zaven2005@yandex.ru.

Amirokov Stanislav Raufovich, candidate of physical and mathematical sciences, assistant professor at the chair of applied mathematics and computer technologies at the Institute of information technologies and telecommunications, NCFU.

Artamoshina Yuliya Viktorovna, candidate of psychological sciences, assistant professor of chair of social psychology and correctional pedagogy of the branch of NEI HPE «Moscow psychology-social University» Bryansk. E-mail: artamoshina_yuli@mail.ru

Arutyunyan Vadim Vladimirovich, senior lecturer of the Department of philosophy of Humanitarian Institute of NCFU. E-mail: prados77@yandex.ru

Atroshhenko Ekaterina Olegovna, graduate at the Institute of Humanities, NCFU. E-mail: katt8891@mail.ru

Afonin Leonid Alekseevich, doctor of engineering, professor of chair of land planning and land registry, Institute of Mathematics and Natural Sciences, NCFU. E-mail: afoninla@mail.ru

Baturin Vladimir Aleksandrovich, doctor of medical Sciences, Professor, head of Department of clinical pharmacology, Allergology and immunology with the course of the SAR Stavropol state medical University of the Ministry of health of the Russian Federation.

Bakhholdina Irina Viktorovna, candidate of economic sciences, associate professor, associate professor of the department «Accounting in business organizations» at the Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow. E-mail: buialo@mail.ru

Belaya Elena Victorovna, assistant engineer of the Chair of development and exploitation of oil and gas fields at the Institute of oil and gas NCFU. E-mail: RANGM26@yandex.ru

Belaya Olga Petrovna, candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor department of history and theory of journalism of the Institute of Humanities of NCFU. E-mail: Belaya_st@mail.ru

Belenkaya Uliya Petrovna, head of the training TV studio, lecturer of mass media department at the Institute of Humanities, NCFU. E-mail: govorukha_julia@mail.ru

Belova Lyubov Vladimirovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the department of theory and methods of physical education at the Institute of education and social sciences, NCFU.

Belousov Anatoly Ivanovich, doctor of economic sciences, professor, head of the department «Accounting» of the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: buhuchet-skfu@yandex.ru

Belyh Tatiana Viktorovna, doctor of psychology, assistant professor, professor of the department of general and social psychology of the Saratov state university, Saratov. E-mail: tvbelih@mail.ru

Belyavsky Dmitry Sergeevich, candidate of juridical sciences, associate professor, associate professor of the chair of constitutional and international law of the Institute of NCFU. E-mail: dr.belyavsky@mail.ru

Belyaev Nikolay Georgievich, doctor of biological sciences, professor of the chair of anatomy and physiology of the Institute of living systems SCFU. E-mail: belyaev_nikolay@mail.ru

Berberova Elena Georgievna, Senior lecturer in «Finance & Taxation» of the branch of the NCFU in Pyatigorsk. E-mail: blenok@mail.ru

Bobrova Elena Fanilyevna, candidate of economic sciences, associate professor at the department of theory of Management, State and Municipal Management at the Institute of economics and management of NCFU.

Bokachev Ivan Afanasievich, doctor of philosophical sciences, professor, professor of chair of social philosophy and ethnology of the Institute of Humanities of NCFU.

Bondarenko Alexander Georgievich, candidate of medical sciences, associate professor of the faculty surgery department with urology course StSMU. E-mail:

Bondar Tatiana Petrovna, doctor of medical Sciences, Professor, head of the Department of Medical biochemistry, clinical laboratory diagnostics and pharmacy Institute of living systems, NCFU. E-mail: Tatiana_bond_st@mail.ru

Boris Olga Aleksandrovna, candidate of economic sciences, associate professor at the department of theory of Management, State and Municipal Management at the Institute of economics and management of NCFU.

Bredikhin Sergey Nikolaevich, candidate of philosophical sciences, associate professor, associate professor at the chair of theory and practice of translation at the Humanitarian Institute of NCFU. E-mail: bredichinsergey@yandex.ru

Burnasheva Lyudmila Aleksandrovna, candidate of philosophical sciences, docent of the chair of tourism and hotel service of Pyatigorsk state linguistic University. Doctoral of the Department of social philosophy and Ethnology of the Institute of Humanities of NCFU. E-mail: luda-3331@yandex.ru

Vasiliev Vladimir Andreevich, candidate of technical sciences, associate professor, head of chair of oil and gas fields development and operation, Institute of oil and gas, NCFU. E-mail: rangm26@yandex.ru

Vorozhbitova Aleksandra Leonidovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the department of theory and methods of physical education at the Institute of education and social sciences, NCFU. E-mail: sannmail.ru@rambler.ru

Gazgireeva Larisa Khasanbievna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Spanish studies and cross-cultural communication of Pyatigorsk state linguistic University. Doctoral of the department of social philosophy and Ethnology of the Institute of Humanities of NCFU. E-mail: ezperanza@inbox.ru

Galay Boris Fedorovich, doctor of geological – mineralogical sciences, professor, professor of department «Construction» of the Institute of construction, transport and machine engineering, NCFU. E-mail: galaybf@mail.ru

Golovanov Mikhail Petrovich, candidate of geological-mineralogical sciences, assistant professor of department «Oil and gas geology» of Institute of oil and gas, NCFU. E-mail: gng@ncstu.ru

Golovko Vyacheslav Mikhailovich, doctor of philological sciences, professor, professor at the chair of Russian and world literature at the Humanitarian Institute, NCFU. E-mail: vmgolovko@mail.ru

Gorbenko Larisa Ivanovna, candidate of economic sciences, associate professor at the department of theory of Management, State and Municipal Management at the Institute of economics and management of NCFU.

Gorbunov Pavel Andreevich, MA in History. Applicant student of the Archaeology and World history Chair of NCFU. E-mail: pauels@mail.ru

Gorlov Sergey Mikhailovich, doctor of economic sciences, professor, head of chair of economic theory and world economics of the Institute of economics and management of NCFU.

Gridin Vladimir Alekseevich, doctor of geological-mineralogical sciences, professor, acting director of the Institute of oil and gas NCFU.

Gritsenko Nikita Vladimirovich, graduate student of 3 years of training of specialty «General history» Humanitarian Institute of NCFU. E-mail: Strateg2014@yandex.ru

Gubareva Lyubov Ivanovna, doctor of biological Sciences, Professor, Honorary worker of higher professional education, Professor of the chair of anatomy and physiology Institute of living systems head of the research laboratory «Environmental psychophysiology» NCFU. E-mail: l-gubareva@mail.ru

Gunkina Tatyana Aleksandrovna, senior lecturer of chair of oil and gas fields development and operation, Institute of oil and gas, NCFU. E-mail: tatiana.stavr@yandex.ru

Dementeev Maxim Vladimirovich, deputy chief geologist «Gazprom dobycha Krasnodar», Krasnodar, E-mail: Makk198@mail.ru

Demjanova Valeriya Nikolaevna, assistant to the faculty surgery department with urology course StSMU. E-mail: demyanova80@rambler.ru

Javadova Ovsanna Melistovna, candidate of economic sciences, associate professor, associate professor of the chair of economic theory and world economics of the Institute of economics and management of NCFU.

Jandarova Tamara Ismailovna, doctor of biological Sciences, Professor of the chair of anatomy and physiology, Deputy Director for academic work of the Institute of living systems, NCFU. E-mail: djandarova@yandex.ru

Evdokimov Ivan Alekseevich, doctor of technical sciences, professor, provost for scientific work of NCFU.

Eremina Natalia Vladimirovna, candidate in geological and mineralogical sciences, associate professor, associate professor of the department of geology of oil and gas Institute of oil and gas NCFU.

Ermolova Lubov Stepanovna, doctor of biological Sciences, Professor of the Department of botany, Zoology, General biology of the Institute of living systems, NCFU. E-mail: likovskaya@rambler.ru

Erokhin Aleksey Mikhaylovich, doctor of sociological sciences, professor, head of philosophy chair of Humanities Institute of NCFU. Director of Humanities Institute of NCFU. Honorary Worker of higher professional education. E-mail: kontr@stavs.ru

Zagayny Vadim Vladimirovich, post-graduate of the Institute of economics and management of NCFU. E-mail: vzagayny@mail.ru

Zvereva Lyudmila Alexeevna, candidate of historical Sciences, associate Professor of Russian history Institute of the Humanities of NCFU.

Zolotareva Tatiana Alexeevna, candidate of Philosophy science, docent, docent of the department of social philosophy and ethnology of the Institute of Humanities of NCFU. E-mail: tatjazolotareva@yandex.ru

Ilyukh Mikhail Pavlovich, doctor of biological science, docent, professor of department of botany, zoology and general biology of Institute of living systems of NCFU. E-mail: ilyukh@mail.ru

Kaledina Marina Vasilievna, candidate of technical sciences, associate professor of technology of raw materials and products of animal origin, employee FSEI HPE Belgorod state agricultural Academy named Gorin, Belgorod.

Kamensky Michael Vasilyevich, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor of the department of Romance and Germanic linguistics and intercultural communication at the Humanitarian Institute, NCFU. E-mail: stavdev@mail.ru

Kashirina Olga Valerievna, doctor of philosophic sciences, associate professor, philosophy chair professor of Humanities Institute of NCFU. E-mail: okashirina@mail.ru

Kerimov Abdul-Gapur Guseynovich, doctor of technical sciences, associate professor, head of the chair geophysical methods, search and exploration of mineral deposits at the Institute of oil and gas, NCFU. E-mail: gmp@ncstu.ru

Kolesnichenko Alena Evgenyevna, postgraduate student of the State scientific institution «Stavropol research Institute of agriculture» of Russian Academy of agricultural Sciences, Mikhailovsk. E-mail: alena1714@yandex.ru

Kopchenkov Vyacheslav Grigorievich, doctor of technical sciences, professor, head of the Chair Mechanics and principles of design Institute of construction, transport and engineering, NCFU. E-mail: Kopchenkov2@rambler.ru

Kopytov Vladimir Vyacheslavovich, doctor of technical Sciences, Professor of the department of organization and technology of information protection Institute of information technologies and telecommunications of NCFU. E-mail: kopytov@insystem.ru

Kostanova Lyubov Yuryevna, assistant of the department of psychology at the Institute of education and social sciences, NCFU. E-mail: l-kostanova@mail.ru

Krasnova Irina Aleksandrovna, doctor of science in History, professor, professor of archaeology and world history at the faculty of history, philosophy and arts of the Institute of Humanities of NCFU. E-mail: gorward_@mail.ru

Kubanov Sergey Ismailovich, candidate of medical sciences, associate professor of the medical biochemistry, clinical laboratory diagnostic and pharmacy of Institute of living systems of NCFU. E-mail: sik007@yandex.ru

Kudrya Alexander Dmitrievich, candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor of the chair of theory and methods of safety of vital activity of the Institute of education and social Sciences of NCFU.

Kuznetsova Alexandra Anatolievna, master, postgraduate student of the department of geology of oil and gas Institute of oil and gas NCFU. E-mail: al.an.kuznetsova@mail.ru

Kuznetsova Yuliya Sergeevna, candidate of pedagogic sciences, assistant professor, assistant professor of the foreign languages department of Admiral F. F. Ushakov State Maritime University, Novorossiysk. E-mail: jx@inbox.ru

Lavrinet Irina Nikolaevna, undergraduate of the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: krasivaya91@mail.ru

Lazareva Natalia Viatceslavovna, doctor of economic sciences, associate professor, professor of the chair of economic theory and world economics at the Institute of economics and management of NCFU. E-mail: darkabyss@mail.ru

Lepilkina Olga Valentinovna, doctor of technical sciences, Head Department of Physical Chemistry State Scientific Institution All-Russian Research Institute for Butter and Cheese, Russian Academy of Agricultural Sciences, Uglich.

Likhovid Andrey Aleksandrovich, doctor of geographical sciences, professor, director of Mathematics' and Natural's Institute, NCFU. E-mail: nauka@stavsu.ru

Lukyantsev Evgeniy Vladimirovich, competitor of the Institute of education and social sciences of NCFU.

Lupandina Nataliya Dmitrievna, candidate of technical sciences, associate professor of technology of meat and preservation of the institute of living systems, NCFU.

Lysov Nikolay Nikolaevich, doctor of juridical sciences, professor, professor of criminal law and process, the branch NCFU in Pyatigorsk.

Maremshev Aslanbek Borisovich, competitor of the department of applied biotechnology Institute of living systems of NCFU.

Maslova Elena Yuryevna, assistant of the department of technology of raw materials and products of animal origin, employee FSEI HPE Belgorod state agricultural Academy named Gorin, Belgorod.

Milostivaya Alexandra Ivanovna, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor of chair theory and practice of translation at the Humanities Institute, NCFU. E-mail: xyscha@mail.ru

Mishvelov Evgeny Georgievich, doctor of biological sciences, professor of the department of ecology and nature management at the Institute of mathematics and natural sciences of NCFU. E-mail: mishvelov@mail.ru

Mochalov Valery Petrovich, doctor of technical sciences, professor, head of chair infocommunications of Institute of information technologies and telecommunications of NCFU.

Navasardova Eleonora Sergeevna, doctor juridical sciences, professor, head of the department of environmental, land and labour law of the juridical institute, NCFU. E-mail: navasardova@yandex.ru

Naumenko Vladimir Victorovich, assistant of the department of organization and technology of information protection Institute of information technologies and telecommunications of NCFU. E-mail: ssu-2008@mail.ru

Neznamova Irina Ivanovna, candidate of philosophical sciences, associate professor, head of department of general humanitarian, socio-economic and natural sciences of the Stavropol branch of Moscow humanitarian-economic Institute. E-mail: Irinanez@yandex.ru

Nekrasov Evgeny Efimovich, doctor of juridical sciences, professor, professor of the department of theory and history of state and law of the juridical institute of NCFU.

Nikolaychenko Aleksander Sergeevich, assistant of chair of oil and gas fields development and operation at the Institute of oil and gas, NCFU. E-mail: Randey-91@mail.ru

Nikolsky Vsevolod Sergeevich, doctor of medical sciences, professor of the chair of normal physiology StSMU. E-mail: physiology@stgmu.ru

Nikulnikova Natalia Nikolaevna, candidate of technical sciences, associate professor of the chair technology of meat and preservation of the Institute of living systems, NCFU. E-mail: nek.78@yandex.ru

Nichegovskaya Maria Aleksandrovna, postgraduate student of the 3 year of study of the Department of General sociology and politology Institute of education and social sciences, NCFU. E-mail: just_maria87@mail.ru

Novikova Olga Viktorovna, lab technician in the department of mathematical analysis at the Institute of mathematics and natural sciences, NCFU. E-mail: oly-novikova@yandex.ru

Ovcharov Sergey Nikolaevich, doctor of technical sciences, professor professor of chair of technology of processing of oil and industrial ecology of the Institute of oil and gas, NCFU. E-mail: oos@stv.runnet.ru

Ovchinnikov Georgy Aleksandrovich, post-graduate student of the Institute of economics and management of NCFU. E-mail: ov4innickov.georg@yandex.ru

Pikalov Dmitry Vladimirovich, candidate of science in History, assistant professor, assistant professor of the department of culture studies and arts at the faculty of history, philosophy and arts of the Institute of Humanities of NCFU. E-mail: SWAROMIR@mail.ru

Pogrebnyaya Jan Vsevolodovna, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of Russian and world literature Institute of Humanities, NCFU. E-mail: maknab@bk.ru

Polosin Nikolay Nikolaevich, competitor of Moscow State University of Culture and Art, Moscow. E-mail: vsevolod.romanov@yandex.ru

Pritula Tatyana Konstantinovna, graduate student at the chair of applied mathematics and computer technologies at the Institute of information technologies and telecommunications of NCFU.

Protasova Natalia Vladimirovna, candidate of philological sciences, associate professor of chair of Russian and world literature Institute of Humanities, NCFU. E-mail: Natashapro@bk.ru

Pykhtin Yury Yuryevich, candidate of medical sciences, assistant to the faculty surgery department with urology course StSMU. E-mail: stavendo@mail.ru

Calatkova Nadezhda Pavlovna, candidate of technical sciences, professor, head of chair of technology of raw materials and products of animal origin, employee FSEI HPE Belgorod state agricultural Academy named named Gorin, Belgorod.

Samotoev Alexander Sergeevich, postgraduate student of the department of ecology and nature management at the Institute of mathematics and natural Sciences of NCFU. E-mail: 402211@mail.ru

Smirnov Dmitry Anatolyevich, doctor of juridical sciences, professor, director of Juridical institute, NCFU. Email: dmi197526@yandex.ru

Sotskaya Anastasia Alexandrovna, post-graduate student of the department «Accounting» of the Institute of Economics and management of NCFU. E-mail: logvinova1291@yandex.ru

Sterlenko Zinaida Vasilievna, candidate in geological and mineralogical sciences, associate professor, associate professor of the department of geology of oil and gas Institute of oil and gas NCFU. E-mail: Sterlenko34@mail.ru

Strus Konstantin Aleksandrovich, candidate of juridical sciences, assistant professor, assistant professor of the department of theory and history of state and law, branch NCFU in Pyatigorsk. Email: KonstantinStrus@gmail.com

Suzdaltsev Igor Vladimirovich, doctor of medical sciences, professor, head of the faculty surgery department with urology course StSMU. E-mail: suzdalsev@yandex.ru

Sumskoy Dmitry Alexandrovich, doctor of juridical sciences, professor, first provost NCFU.

Tarasov Michael Vladimirovich, graduate student of department of civil law and procedure of law Institute, NCFU. E-mail: Tetersols@yandex

Tekeeva Leila Dagirovna, assistant of chair of state and municipal management and political science of Karachaevo-Cherkessky state university after U.D. Aliev, Karachaevsk, Email: lejla-tekeeva@yandex.ru

Telmenko Elena Pavlovna, candidate of science in History, assistant professor, assistant professor of archaeology and world history at the faculty of history, philosophy and arts of the Institute of Humanities of NCFU. E-mail: teilman@mail.ru

Tenischeva Vera Fyodorovna, doctor of pedagogical sciences, professor, professor, head of the foreign languages department of Admiral F.F. Ushakov State Maritime University, Novorossiysk. E-mail: vic-ver@mail.ru

Titarenko Julia Vyacheslava, post-graduate student of the chair of anatomy and physiology of the Institute of living systems of NCFU.

Tumanova Elena Yurievna, candidate of geological-mineralogical sciences, assistant professor of department «Oil and gas geology» of Institute of oil and gas, NCFU. E-mail: gng@ncstu.ru

Turskaya Olga Yurievna, head of training equipment laboratory of chair of oil and gas fields development and operation, Institute of oil and gas, NCFU. E-mail: rangm26@yandex.ru

Fursov Victor Alexandrovich, doctor of economic sciences, associate professor, professor of the chair of economics and technology management at the Institute of economics and management of NCFU. E-mail: fursov.va@mail.ru

Tsaturyan Lyudmila Dmitrievna, doctor of medical Sciences, Professor, head of the Department of normal physiology StSMU. E-mail: L_tsaturian@mail.ru

Tsyganko Elena Nikolaevna, candidate of pedagogic sciences, assistant professor, assistant professor of the foreign languages department of Admiral F.F. Ushakov State Maritime University, Novorossiysk. E-mail: lena_tsyganko@mail.ru

Chemodanova Elena Vasilievna, candidate of economic sciences, associate professor of the economic theory and world economics of the Institute of economics and management of NCFU. E-mail: elen.chem@yandex.ru

Shevchuk Svetlana Stepanovna, doctor of juridical sciences, professor, professor of chair of civil law and process of the juridical institute, NCFU. E-mail: mp.melnikova2012@yandex.ru

Shevyakova Anna Anatolievna, the applicant of the Department of normal physiology StSMU. E-mail: physiology@stgmu.ru

Shesterikova Raisa Egorovna, doctor of technical sciences, associate professor, professor at the chair of technology of oil processing and industrial ecology of the Institute of oil and gas NCFU. E-mail: Shesterikova_26@mail.ru

Shramko Maria Ivanovna, candidate of technical sciences, head of international research laboratory electro- and pressure technology of NCFU.

Yambulatov Eduard Iskandarovich, graduate of chair infocommunications of Institute of information technologies and telecommunications of NCFU. E-mail: kafasoiu@stv.runnet.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ / INFORMATION FOR AUTHORS

ПОЛОЖЕНИЕ О ПОРЯДКЕ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ АВТОРСКИХ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Авторские оригиналы статей принимаются к рассмотрению только при условии соответствия требованиям к оформлению и сдаче рукописей в редакцию журнала «Вестник Северо-Кавказского федерального университета», размещенным на сайте университета в разделе «Научные издания» и в текущих номерах журнала. Авторские статьи, оформленные с нарушением требований, не рассматриваются и не возвращаются.

Статья регистрируется редакцией в журнале регистрации статей с указанием даты поступления, названия, ФИО автора/авторов, места работы автора/авторов. Статье присваивается индивидуальный регистрационный номер.

Все научные статьи, поступившие в редакцию, подлежат обязательному рецензированию.

Главный редактор (заместитель) определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование. Авторские статьи не по профилю не возвращаются автору, автор уведомляется о несоответствии статьи профилю журнала.

В качестве рецензентов выступают члены редколлегии и внешние рецензенты – ученые и специалисты в данной области (доктора, кандидаты наук). Представленная авторская статья передается на рецензирование членам редколлегии журнала, курирующим соответствующую отрасль науки. При отсутствии члена редколлегии или поступлении статьи от члена редакционной коллегии главный редактор направляет статью для рецензирования внешним рецензентам.

Рецензент должен в течение 30 календарных дней с момента получения рассмотреть и направить в редакцию авторскую статью или мотивированный отказ от рецензирования.

Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей, носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Рецензия с указанием автора рецензии может быть представлена по запросу экспертных советов в ВАК Минобрнауки России.

Рецензия должна содержать:

- общий анализ научного уровня, терминологии, структуры рукописи, актуальности темы;
- оценку подготовленности рукописи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия содержания статьи её названию, требованиям к оформлению;
- анализ научности изложения материала, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики.

Рецензент может рекомендовать статью сразу к опубликованию; после доработки с учетом замечаний; не рекомендовать статью к опубликованию. Если рецензент рекомендует статью к опубликованию после доработки с учетом замечаний или не рекомендует статью к опубликованию, то в рецензии должны быть указаны причины такого решения.

Рецензент вправе указать на необходимость внесения дополнений и уточнений в рукопись, которая затем направляется (через редакцию журнала) автору на доработку. В этом случае датой поступления рукописи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Переработанная автором статья направляется на рецензирование повторно.

После поступления рецензии в редакцию на очередном заседании редакционной коллегии рассматривается вопрос о поступивших рецензиях и принимается окончательное решение об опубликовании или отказе в опубликовании статей (оформляется протоколом). На основе принятого решения автору/авторам направляется письмо от имени главного редактора, в котором сообщается о допуске статьи к публикации с указанием сроков публикации. Авторам, которым отказано в публикации рукописей, направляется мотивированный отказ.

В случае несогласия автора с мнением рецензента рукопись по согласованию с редколлегией может быть направлена на повторное (дополнительное) рецензирование.

Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов и перечня рубрик в каждом конкретном выпуске.

Оригиналы рецензий подлежат хранению в редакции журнала в течение 3 лет.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ И СДАЧЕ РУКОПИСЕЙ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА

Редакция журнала сотрудничает с авторами – преподавателями вузов, научными работниками, аспирантами, докторантами и соискателями ученых степеней. Журнал публикует материалы в разделах:

Физика и математика, Информационные технологии и телекоммуникации, Науки о Земле, Строительство, промышленность, транспорт, Биология, биотехнологии и медицина, Электроэнергетика, электроника, нанотехнологии, История и философия, Социология и политология, Филология, культурология и журналистика, Педагогика и психология, Право, Экономика, Химия и фармация.

Материалы в редакцию журнала принимаются в соответствии с требованиями к оформлению и сдаче рукописей постоянно и публикуются после обязательного внутреннего рецензирования и решения редакционной коллегии в порядке очередности поступления с учётом рубрикации номера.

Для оптимизации редакционно-издательской подготовки редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации:

В печатном варианте:

– **Отпечатанный экземпляр рукописи.**

Объем статьи: 6–10 страниц. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ 1, 25 см. Необходимо различать в тексте **дефис** (-) (например, черно-белый, бизнес-план) и **тире** (–) (Alt + 0150). Не допускаются ручные переносы и двойные пробелы.

– **Сведения об авторе (на русском и английском языках).**

Сведения должны включать следующую информацию: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место и адрес работы, адрес электронной почты и телефоны для связи.

На электронном носителе в отдельных файлах (CD-DVD диск или флеш-карта):

– **Электронный вариант рукописи** создается с расширением *.doc или *.rtf в текстовом редакторе Word программы **Microsoft Office 2003** (название файла: «Фамилия_И.О._статья»);

– **Сведения об авторе** (название файла: «ФИО_сведения об авторе»).

Отзыв научного руководителя (для аспирантов, адъюнктов и соискателей). Подписывается научным руководителем собственноручно.

Рецензия специалиста в данной научной сфере, имеющего ученую степень. Подпись рецензента должна быть заверена соответствующей кадровой структурой.

Экспертное заключение (для технических наук). Во всех институтах созданы экспортные комиссии, которые подписывают экспертные заключения о возможности опубликования статьи в открытой печати.

Статья должна содержать следующие элементы оформления:

а) индекс УДК;

б) фамилию, имя, отчество автора (авторов) (имя и отчество полностью);

в) название;

г) место работы автора (авторов) (в скобках в именительном падеже);

д) краткую аннотацию содержания статьи (3–4 строчки, не должны повторять название);

е) список ключевых слов или словосочетаний (5–7 слов);

Пункты б), в), г), д), е) **обязательно** должны быть переведены **на английский язык**.

Оформление рисунков, формул и таблиц:

Рисунки и таблицы вставляются в тексте в нужное место. Ссылки в тексте на таблицы и рисунки обязательны. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

Оформление рисунков (схем, графиков, диаграмм):

а) все надписи на рисунках должны читаться;

б) рисунки должны быть оформлены с учетом особенности черно-белой печати (рекомендуется использовать в качестве заливки различные виды штриховки и узоров, в графиках различные виды линий – пунктирные, сплошные и т. д., разное оформление точек, по которым строится график – кружочки, квадраты, ромбы, треугольники); цветные и полутоновые рисунки исключаются;

в) для повышения качества рисунка следует их сохранять отдельным графическим файлом (GIF, JPEG, TIFF) с разрешением не менее 300 dpi. Схемы, рисунки и другие графические элементы, выполненные с помощью графических возможностей MS Word, должны быть сгруппированы, их ширина не должна превосходить 16 см.

д) **рисунки** нумеруются снизу (Рисунок 1. Название) названия выполняются в графическом редакторе 10 кеглем;

Оформление формул: формулы выполняются в редакторе формул **Microsoft Equation 3.0**; 12 кегль, выравниваются по правому краю; большие формулы желательно разбивать на отдельные фрагменты, которые по возможности должны быть независимыми.

Оформление таблиц: таблицы должны иметь название. **Таблицы** нумеруются в верхнем правом углу (Таблица 1), на следующей строке по центру выставляется название; выполняются **14** кеглем. Создавать таблицы желательно на странице вертикально, чтобы они не выходили за поля.

Оформление ссылок. Ссылки оформляются в квадратных скобках с указанием в них номера из списка литературы и номера страницы. Например: [1], [2–4], [5, с. 12–15].

Каждая ссылка должна соответствовать одному источнику литературы, это объясняется требованиями РИНЦ (eLIBRARY).

Не допускается использование ссылок типа (Указ. соч.), (Там же), (Ibid.). Вместо них должны быть указаны конкретные ссылки. Например: [8, с. 10–17].

Библиографический список. Размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008).

Авторское визирование:

а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы;

б) автор на последней странице пишет: «Объем статьи составляет ... (указать количество страниц)», ставит дату и подпись.

Статьи аспирантов публикуются бесплатно при предъявлении официальной справки.

Научное издание

ВЕСТНИК
Северо-Кавказского федерального университета
2014. № 1(40)

Вестник СКФУ: научный журнал / гл. ред. В. Н. Парахина. – 2014. – № 1(40). – 310 с.

Редакторы, технические редакторы Л. Г. Ерицян, Н. Б. Копнина
Компьютерная верстка Т. А. Перевозчикова
Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Формат 60x84 1/8	Подписано к печати 26.02.2014	Уч.-изд. л. 35,11
Бумага офсетная	Усл. п. л. 36,04	Тираж 1050 экз.
	Заказ 25	

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.